ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА
№ хр.
Отд.
Инв. отд.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 8.

АВГУСТЪ, 1914.

ПЕТЕРБУРГЪ.

С. 14.

КНИГА 8-я.—АВГУСТЪ, 1914.

СТРАН.

I.—ВЪ РАЗГОВОРАХЪ.—(Изъ лѣтнихъ встрѣчъ).—**П. Боборыкина** 5
II.—МОЕМУ ОТЦУ.—Стихотвореніе.—**Екатерины Герцогъ** 76
III.—ЗАРЯ ЖИЗНИ.—Повѣсть.—**А. Федорова** 77
IV.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Бориса Садовского** 132
V.—ФРАНЦІЯ ВЪ ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНІЯ.—Внутренній бытъ Франціи въ эпоху Возрожденія.—**Максима Ковалевскаго** 133
VI.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Валерія Язвицкаго** 178
VII.—СИСТЕМА ВЫЖИМАНІЯ ПОТА И БОРЬБА СЪ НЕЮ.—**П. Покровскаго** . . . 179
VIII.—НА ПАНИХИДѢ.—Стихотвореніе.—**З. Вершининой** 208
IX.—УКРАИНСКАЯ И ОБЩЕРУССКАЯ ЭМИГРАЦІЯ.—**Льва Дейча** 209
X.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Бориса Садовского** 234
XI.—БѢЛЫЯ НОЧИ.—Романъ Іогана Бойера.—Окончаніе.—Съ норв. пер. **З. Журавской.** 235
XII.—ХРОНИКА.—ГРАНИЦЫ ПРИЛИВА. (Письмо изъ Лондона).—**Діонео** 273
XIII.—ПРАЗДНИКЪ НАЦІОНАЛЬНАГО САМОПОЗНАНІЯ. (Письмо изъ Берна).—**А. Дивильковскаго** 288
XIV.—ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ РУССКОЙ БУРЖУАЗІИ.—**Берлина** 313
XV.—„ПАРСИФАЛЬ" ВНѢ БАЙРЕЙТА.—**Виктора Вальтера** 326
XVI.—КЪ ВОПРОСУ О РЕФОРМѢ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНІЯ.—**Максима Ковалевскаго** 332
XVII.—ФАТАЛЬНЫЙ СОЮЗЪ.—**Л. Слонимскаго** 340
XVIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новыя книги о Пушкинѣ: 1) Пушкинистъ. Историко-литературный сборникъ подъ редакціей проф. С. А. Венгерова. 2) Пушкинъ въ печати 1814—1837. Составили Н. Синявскій и М. Цявловскій.—**Н. Кашина**. — André Mazon. Un metre du roman russe. Ivan Gontcharov. 1812—1891. Paris, 1914.—**Ч. Вѣтринскаго**.—Е. В. Аничковъ. Язычество и Древняя Русь. — **Ѳ. Б.** — Л. П. Карсавинъ. „Очерки религіозной жизни въ Италіи XII и XIII в.в.".—**О. Добіашъ-Рождественской**.—П. И. Люблинскій. „Памяти трехъ русскихъ криминалистовъ И. Я. Фойницкаго, Д. А. Дриля, Н. Д. Сергѣевскаго".—**Бориса Шацкаго**.—И. Г. Прыжовъ. Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа.—**А. Т.**—А. И. Яроцкій. Альтруистическая мораль и ея индивидуалистическое обоснованіе.—Жюль Мелинъ. Назадъ къ землѣ. Авторизованный переводъ съ французскаго М. Таль. Подъ редакціей и съ предисловіемъ В. О. Тотоміанца.—**В. В.** 343
XIX.—ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Отзывъ агронома о хуторянахъ Новгородскаго уѣзда.—Отношеніе къ хуторской реформѣ администраціи и печати.—Нужда хуторянъ въ школѣ и церкви.—Смягченіе административнаго пристрастія.—Право двухъ формъ быта на жизнь.—**И. Жилкина** 374
XX.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Война по иниціативѣ Германіи. — Дипломатическія ноты и грозные ультиматумы.—Ложныя утвержденія въ манифестѣ имп. Франца-Іосифа.—Оффиціальное сообщеніе о ходѣ событій.—Австрійскія „справедливыя требованія".—Объявленіе Вильгельмомъ II войны на два фронта.—Міровой характеръ войны и ея возможныя послѣдствія.—Пуанкаре въ Россіи.—Жоресъ. 387
XXI.—ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.—Главнѣйшіе правительственные акты.—Первые дни войны.—Отклики въ Госуд. Думѣ, въ Госуд. Совѣтѣ и въ органахъ городского и земскаго самоуправленія. — Задачи общественной самодѣятельности.—†. Кн. В. Н. Мещерскій и Ѳ. Ѳ. Ольденбургъ.—**В. Кузьмина-Караваева** 407
XXII.—ИСТОРИЧЕСКІЯ ПАРАЛЛЕЛИ.—**К. Арсеньева** 424
XXIII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 429
XXIV.—НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 431
XXV.—ОБЪЯВЛЕНІЯ 433

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

АВГУСТЪ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1914.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ на 1914 г.

(Сорокъ-девятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА, Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО** и **А. С. ПОСНИКОВА**,

при ближайшемъ участіи:

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА, А. А. МАНУИЛОВА, М. А. СЛАВИНСКАГО, Л. З. СЛОНИМСКАГО и **К. А. ТИМИРЯЗЕВА.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ и Москвѣ, съ доставкою	16 » — »	8 » — »	4 » — »
Въ друг. городахъ, съ перес.	17 » — »	8 » 50 »	4 » 25 »
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 » — »	9 » 50 »	4 » 75 »

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Моховая, 37, въ книжныхъ магазинахъ: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28; К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Тверской бульв., 15, въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. «Образованіе», Ришельевская, 12; въ книжн. магаз. «Одесскихъ Новостей», Дерибасовская, 20; въ книжн. магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ «С.-Петербургскій Книжный Складъ» Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе.—1) Почтовый адресъ долженъ быть написанъ четко и заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію и точное названіе мѣста жительства и губерніи. Если въ мѣстѣ жительства подписчика *нѣтъ почтоваго учрежденія, гдѣ допускается выдача журналовъ, необходимо указать ближайшее почтовое учрежденіе, гдѣ таковая выдача производится.*—2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Главной конторѣ журнала *не позже 26-го числа каждаго мѣсяца, съ указаніемъ прежняго адреса*; перемѣна адреса, поступившая въ Контору послѣ 26-го, дѣлается лишь со слѣдующаго очередного номера. За перемѣну адреса городского на иногородній уплачивается одинъ рубль; въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный, иногороднаго на городской) за перемѣну адреса никакой платы не взимается.—3) Жалобы на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала и, согласно циркуляру Почтоваго Департамента, *не позже полученія слѣдующей книжки журнала.* Жалобы, поступившія позже этого срока, равно какъ и жалобы на неполученіе книжки, *вслѣдствіе несвоевременнаго заявленія о перемѣнѣ адреса*, оставляются Конторою безъ вниманія.—4) При доплатной подпискѣ необходимо указывать свой точный адресъ и фамилію, а также и *прежній адресъ*, если предшествовавшая взносу книжка получалась подписчикомъ по иному адресу.—5) Подписныя квитанціи высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. (можно и почтовыми марками).

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ".

Моховая, 37.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Тверской бульв., 15.

Типографія т-ва „Общественная Польза", Спб., Б. Подъяческая, 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ВОСЬМАЯ—АВГУСТЪ.

СТРАН.

I. ВЪ РАЗГОВОРАХЪ.—(Изъ лѣтнихъ встрѣчъ).—**П. Боборыкина** . . . 5
II. МОЕМУ ОТЦУ.—Стихотвореніе.—**Екатерины Герцогъ** 76
III. ЗАРЯ ЖИЗНИ.—Повѣсть.—**А. Ѳедорова** 77
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Бориса Садовского** 132
V. ФРАНЦІЯ ВЪ ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНІЯ.—Глава II. Внутренній бытъ Франціи въ эпоху Возрожденія.—**Максима Ковалевскаго** 133
VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Валерія Язвицкаго** 178
VII. СИСТЕМА ВЫЖИМАНІЯ ПОТА И БОРЬБА СЪ НЕЮ.—**П. Покровскаго** 179
VIII. НА ПАНИХИДѢ.—Стихотвореніе.—**З. Вершининой** 208
IX. УКРАИНСКАЯ И ОБЩЕРУССКАЯ ЭМИГРАЦІЯ.—**Льва Дейча** 209
X. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Бориса Садовского** 234
XI. БѢЛЫЯ НОЧИ. — Романъ Іоганна Бойера. — Окончаніе — Перев. **З. Журавской** 235
XII. ХРОНИКА.—ГРАНИЦЫ ПРИЛИВА.—(Письмо изъ Лондона).—**Діонео** . 273
XIII. ПРАЗДНИКЪ НАЦІОНАЛЬНАГО САМОПОЗНАНІЯ. — (Письмо 2-е изъ Берна).—**А. Дивильковскаго** 288
XIV. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ РУССКОЙ БУРЖУАЗІИ.—**Берлина** . . . 313
XV. „ПАРСИФАЛЬ“ ВНѢ БАЙРЕЙТА.—**Виктора Вальтера** 326
XVI. КЪ ВОПРОСУ О РЕФОРМѢ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНІЯ.—**Максима Ковалевскаго** 332
XVII. ФАТАЛЬНЫЙ СОЮЗЪ.—**Л. Слонимскаго** 340
XVIII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новыя книги о Пушкинѣ. 1) Пушкинистъ. Историко-литературный сборникъ подъ редакціей проф. С. А. Венгерова. 2) Пушкинъ въ печати 1814—1837. Составили Н. Синявскій и М. Цявловскій. — **Н. Кашина.** — André Mazon. Un maitre du roman russe. Ivan Gontcharov. 1812—1891. Paris, 1914.—**Ч. Вѣтринскаго.**— Е. В. Аничковъ. Язычество и Древняя Русь.—**Ѳ. Б.**—Л. П. Карсавинъ. „Очерки религіозной жизни въ Италіи XII и XIII в.в.“.—**О. Добіашъ-Рождественской.**—П. И. Люблинскій. „Памяти трехъ русскихъ криминалистовъ И. Я. Фойницкаго, Д. А. Дриля, Н. Д. Сергѣевскаго“.— **Бориса Шацкаго.** — И. Г. Прыжовъ. Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа.—**А. Т.** — А. И. Яроцкій. Альтруистическая мораль и ея индивидуалистическое обоснованіе. — Жюль Мелинъ. Назадъ къ землѣ. Авторизованный переводъ съ французскаго М. Таль. Подъ редакціей и съ предисловіемъ В. О. Тотоміанца.—**В. В.** 348
XIX. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Отзывъ агронома о хуторянахъ Новгородскаго уѣзда.—Отношеніе къ хуторской реформѣ администраціи и печати —Нужда хуторянъ въ школѣ и церкви —Смягченіе административнаго пристрастія.—Право двухъ формъ быта на жизнь.—**И. Жилкина.** 374

СТРАН.

XX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Война по иниціативѣ Германіи.—Дипломатическія ноты и грозные ультиматумы.—Ложныя утвержденія въ манифестѣ имп. Франца-Іосифа.—Оффиціальное сообщеніе о ходѣ событій.—Австрійскія „справедливыя требованія".—Объявленіе Вильгельмомъ II войны на два фронта.—Міровой характеръ войны и ея возможныя послѣдствія.—Пуанкаре въ Россіи.—Жоресъ 387

XXI. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. — Главнѣйшіе правительственные акты.—Первые дни войны.—Отклики въ Госуд. Думѣ, Госуд. Совѣтѣ и въ органахъ городского и земскаго самоуправленія. — Задачи общественной самодѣятельности.—Кн. В. Н. Мещерскій и Ѳ. Ѳ. Ольденбургъ.—**В. Кузьмина-Караваева** 407

XXII. ИСТОРИЧЕСКІЯ ПАРАЛЛЕЛИ.—**К. Арсеньева** 424

XXIII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 429

XXIV. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 431

XXV. ОБЪЯВЛЕНІЯ 433

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: А. С. Посникова — по субботамъ отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ ч.
Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).
Съ К. К. Арсеньевымъ—сношенія письменно по адресу: Царское Село, Церковная улица, д. Сутугиной.

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

ВЪ РАЗГОВОРАХЪ.

(Изъ лѣтнихъ встрѣчъ).

Weltverwirrung zu betrachten,
„Herzensirrung zu beachten".
Göthe.

I.

Густой лѣсъ, по дорогѣ на вышку, съ каждымъ днемъ дѣлался все милѣе обитателю одного изъ пансіоновъ, стоящаго на шоссейномъ пути къ загородному отелю.

Онъ ходитъ сюда пѣшкомъ и рано утромъ, и, какъ теперь, передъ закатомъ солнца, зайдетъ въ мѣстное кафе, выпьетъ чашку кофе и пойдетъ выше, присаживаясь на диваны, разставленные и по дорогамъ, и по тропинкамъ.

Послѣ русскаго столичнаго сезона онъ, со средины мая, всегда тутъ, въ этомъ нѣмецкомъ гнѣздѣ, у входа въ «Чернолѣсье»—въ тотъ Шварцвальдъ, гдѣ раньше—когда онъ былъ помоложе—онъ хаживалъ, какъ туристъ, и живалъ въ его урочищахъ, гостилъ не разъ и у тамошнихъ сектантовъ, извѣстныхъ подъ прозвищемъ *Герренгутеровъ*, хотя сами они зовутъ себя «пробужденные».

Но онъ еще не считалъ себя ни старикомъ, ни даже пожилымъ мужчиной. Ему только-что перевалило за сорокъ. Онъ все такой же «закоренѣлый» холостякъ, какъ и самъ давно прозвалъ себя.

Свобода была всегда его богиней—свобода личности, передвиженія, выбора людей, привязанностей, всего.

И когда увлеченіе женщиной грозило добровольнымъ рабствомъ—онъ «подтягивалъ» себя и отходилъ. И брака сталъ бояться, съ каждымъ годомъ, все больше и больше.

Страхъ остаться совсѣмъ одному еще не находилъ на него. Не испытываетъ онъ его и теперь—и послѣ наступленія своей сороковой годины.

Взгляни на него любая женщина и даже молодая дѣвушка—вотъ какъ онъ поднимается по своей любимой тропинкѣ, въ тѣни вѣковыхъ буковъ, въ лѣтнемъ костюмѣ и въ бѣлой шляпѣ съ полями, изъ-подъ которыхъ выбиваются темные волосы, совсѣмъ еще не тронутые сѣдиной, съ его стройной фигурой и виднымъ ростомъ—она никакъ не подумаетъ, что этотъ еще молодой мужчина не только не женатъ, но и ни съ кѣмъ не связанъ, хотя-бы вовсе не тяжелыми цѣпями.

Да, свободѣ своего «духа» онъ готовъ былъ всѣмъ жертвовать, и вся его внутренняя жизнь ушла въ работу головы—не сухую, не чисто отвлеченную, но всепоглощающую—такую, которая не давала ему передышки, толкала его все дальше, во всѣ «откровенья бытія» «ohne Rast, ohne Hast»—какъ любилъ онъ повторять слова веймарскаго олимпійца.

Высшимъ идеаломъ мыслящаго и творящаго человѣческаго существа для него, еще со студенческихъ годовъ, былъ творецъ «Фауста».

Вотъ и теперь, отправляясь на прогулку, онъ всегда кладетъ въ карманъ томикъ разговоровъ Гёте съ его вѣрнымъ собесѣдникомъ Эккерманомъ.

Такъ прожить свой вѣкъ, какъ удалось этому истинному «сверхъ-человѣку», онъ не мечталъ; но не переставалъ никогда думать, что такъ все-таки *можно* жить, хотя и съ неизмѣримо меньшими задатками въ себѣ самомъ, въ своихъ дарованіяхъ и силахъ.

Его никогда не тревожилъ вопросъ: есть ли въ немъ настоящій, а еще менѣе—крупный талантъ? Онъ сталъ писать, когда онъ научился думать и сознательно воспринимать все, что̀ входило въ кругъ его переживаній.

До сихъ поръ онъ еще ничего не подписывалъ иначе, какъ псевдонимомъ, даже и послѣ того, какъ его литературное имя стало «не безызвѣстнымъ».

Все-таки, его уже знаютъ, но не настолько, чтобы это ставило его въ положеніе извѣстности, на которую постоянно обращено вниманіе.

Какъ рѣдкій изъ его собратьевъ, онъ могъ годами уходить въ работу своего мыслящаго «я» и незамѣтно, безъ тяжкихъ разочарованій и болѣзненныхъ порывовъ, пришелъ къ такому пониманію всего, что̀ доступно разуму и чувству смертнаго, какого онъ ни у кого еще, въ такой законченной формѣ, не встрѣчалъ.

Кто къ нему ближе присматривался—изъ людей съ фило-

софскимъ образованіемъ—называетъ его «монистомъ». «Но эта формула не обнимаетъ всего, что̀ представляетъ собою его міроразумѣніе». Онъ не любитъ такихъ громкихъ словъ; но все его «я» проникнуто непоколебимымъ чувствомъ *единенія* со всѣмъ сущимъ, безъ всякихъ мистическихъ грезъ и порываній въ «потустороннюю» область.

Вотъ и теперь, въ этомъ вѣковомъ лѣсу, глядя на прогалину, откуда видна изумрудная зелень полянки, лежащей ниже, вдоль крутого пригорка, онъ смотрѣлъ на стволы деревьевъ, думалъ:—какая великая, но не навѣки замкнутая тайна всемірной энергіи проникаетъ все это безмолвное растительное царство, у котораго нѣтъ еще нервной чувствительности, но все-таки уже—настоящая жизнь. А подъ корнями этихъ могучихъ стволовъ—міръ неорганической матеріи.

Но развѣ она *мертва?* Развѣ въ ней все та же безстрашная и всепроникающая наука не открываетъ уже своего рода созидательной, какъ-бы органической энергіи?

И все тотъ же образъ веймарскаго «олимпійца» всплываетъ передъ нимъ, когда онъ вотъ такъ впитываетъ въ себя всепроникающее единеніе съ *космосомъ*.

Тотъ великій нѣмецъ, создавая поэтическіе синтезы—до послѣдняго момента сознанія—преисполненъ былъ культа научной правды и стремленія къ *единому* источнику міровой жизни.

«И чувствовалъ травъ прозябанье».

Этотъ стихъ русскаго поэта, друга Пушкина—приходитъ ему всегда на память. Или еще другой:

«И съ нимъ говорила морская волна».

Что его давно уже огорчаетъ, такъ это то, что среди его соотечественниковъ, въ разныхъ слояхъ и наслоеніяхъ «интеллигенціи», онъ не видитъ никакого объединяющаго credo.

Не сегодня только пришла ему мысль, что въ такомъ же нѣмецкомъ курортѣ, повитомъ памятью о великомъ русскомъ писателѣ (гдѣ, до сихъ поръ, стоитъ еще та вилла, которую онъ построилъ себѣ, съ тѣмъ, вѣроятно, чтобы на ней и скоротать свой вѣкъ),—когда-то, болѣе сорока лѣтъ назадъ, азартная игра собрала цѣлый наборъ русскихъ изъ двухъ міровъ—барско-свѣтскаго и революціонно-нигилистическаго—и дала ему матеріалъ къ безпощадному сатирическому изображенію.

И теперь здѣсь водятся русскіе изъ интеллигенціи, и въ ихъ числѣ цѣлая группа, точно нарочно подобранная для него, если бъ онъ хотѣлъ наставлять на нихъ свой писательскій аппаратъ.

Но какая рѣзкая разница: тогда, въ томъ міркѣ, гдѣ туповатый Губаревъ игралъ роль мудреца и прорицателя, царилъ какой-то одинъ лозунгъ, и всѣ повторяли однѣ и тѣ же формулы и словечки, всѣ вѣрили, что они обладаютъ послѣднимъ словомъ всякой правды, знали, чего надо держаться, на что итти приступомъ, что хвалить, что «ругать».

А теперь все какъ-то расползается по проселочнымъ дорогамъ безконечныхъ исканій. Всякая усобица—идейная и эмоціональная—все плодится и множится.

II.

Онъ посмотрѣлъ на часы. Обыкновенно, въ это время, приходили сюда же двое изъ тѣхъ русскихъ, которые жили съ нимъ въ одномъ пансіонѣ.

Почему-то тамъ образовался «русскій уголъ»—какъ кто-то прозвалъ. Все изъ интеллигенціи, изъ обѣихъ столицъ.

Надѣвъ pince-nez, онъ воззрился вправо, откуда былъ подъемъ съ площадки. И дальше, на дорогѣ, сдавленный двумя склонами, распозналъ онъ двѣ фигуры: одну—худую и высокую, съ колеблющейся походкой; другую—плотную, небольшого роста. Худой былъ въ свѣтлосѣрой парѣ, а плотный—въ темномъ.

«Интуитистъ» и «мистикъ» — такъ про себя называлъ онъ ихъ.

Выходило часто, что они, вотъ здѣсь именно, вели бесѣды, доходившія иногда до болѣе нервныхъ изліяній и преній.

Оба для него были продуктами той волны, которая не могла еще захватить его, когда онъ начиналъ вырабатывать свое міропониманіе.

Въ «мистикѣ» онъ нашелъ настоящаго выученика якобы *русской* философіи, во вкусѣ древнихъ гностиковъ, смѣсь церковныхъ догматовъ съ почти еретическимъ «манихействомъ», даже съ дѣтской вѣрой въ «нечистаго духа», который, кажется, являлся ему еще не такъ давно.

А по натурѣ — это добрѣйшая душа, весельчакъ и даже любитель скоромныхъ анекдотовъ, вопреки своей репутаціи чуть не дѣвственника, хотя ему уже навѣрно больше тридцати лѣтъ.

Пріятель его — «интуитистъ» — немного моложе годами. Это, какъ онъ его, про себя, прозвалъ: «слетокъ» новѣйшей французской школы, восторженный слушатель парижской звѣзды, того профессора «Collège de France», который сталъ кумиромъ

и французскихъ барынь съ праваго берега Сены, и русскихъ курсистокъ, и нашихъ искателей потусторонняго міра.

Тотъ—только писатель на отвлеченныя и этическія темы, а этотъ, уже годъ тому назадъ, пріобрѣлъ высшую степень и состоитъ доцентомъ.

Для нихъ обоихъ онъ—человѣкъ *съ другого берега*. Они-то и приклеиваютъ къ нему ярлыкъ «мониста» вперемежку съ терминами «позитивистъ» и «эмпирикъ», хотя ни одну изъ этихъ кличекъ онъ не принимаетъ, какъ нѣчто, вполнѣ обнимающее его credo.

Оба зашиблены (какъ онъ иногда и въ глаза говоритъ имъ) выписной изъ Америки доктриной, которой «всякое лыко въ строку», все—истина, если оно дѣло, *прагма*, на что онъ всегда возражаетъ мистику:

— А хлысты, когда они кричатъ, что «накатываетъ» на нихъ «духъ»,—тоже владѣютъ истиной?

Мистикъ отвѣчаетъ на это раскатами дѣтскаго смѣха, но ничего «по существу» не возражаетъ.

Вотъ они увидали его и поднимаются на тотъ тѣнистый пригорокъ, гдѣ онъ сидитъ на диванѣ, съ маленькой книжкой разговоровъ веймарскаго олимпійца, со своимъ вѣрнымъ собесѣдникомъ.

Еще издали онъ помахалъ имъ своей бѣлой шляпой. Они увидали и отвѣтили тѣмъ же жестомъ.

Сегодня ему не хотѣлось бы съ ними ни о чемъ «препираться», а просто кое-о-чемъ поболтать—въ томъ числѣ и о русскихъ, которыхъ въ этотъ годъ набралось здѣсь какъ-то особенно много.

Кромѣ пансіона, прозваннаго «русскій уголъ», они ютятся въ двухъ небольшихъ отельчикахъ; а одна «грудная», въ сильномъ «градусѣ», живетъ со своей пріятельницей въ санаторіи.

Они подошли къ нему оба, безъ шляпъ, вступивъ въ тѣнь дорожки.

Плотный блондинъ раскраснѣлся отъ ходьбы, и его влажный лобъ лоснился, сѣрые глазки улыбались игриво, и полныя губы открывали два ряда ярко-бѣлыхъ зубовъ. Никто бы не подумалъ, что онъ «спеціалистъ по *любомудрію*», какъ его пріятель-мистикъ въ шутку называетъ его.

Пріятель его, подходя, разсказывалъ что-то веселое и два раза самъ прыскалъ, какъ всегда, совсѣмъ по-дѣтски.

Съ нимъ не надо было спорить въ строгомъ тонѣ. Онъ отличался большой мягкостью и даже свои гностическія откро-

венія высказывалъ съ шуточкой, съ такимъ видомъ, что, молъ, «съ меня нечего взыскивать, я своего рода во Христѣ юродивый».

— Предаетесь созерцанію природы?—кинулъ ему доцентъ, когда оба подошли къ дивану.

Руки ни тотъ, ни другой не подавалъ: они обѣдали вмѣстѣ за табль-д'отомъ.

Мистикъ протянулъ длинные пальцы правой руки къ тому розовому томику изданія «Реклама», который лежалъ, въ эту минуту, на диванѣ.

Пріятель его присѣлъ въ уголъ и отиралъ лобъ платкомъ.

— Все вашего олимпійца смакуете?—сказалъ мистикъ, взявъ книжку и поднеся ее къ своимъ красивымъ, очень близорукимъ глазамъ.

— Навѣрно!—подтвердилъ доцентъ.

— Разговоры съ Эккерманомъ,—назвалъ его пріятель и, присѣвъ въ другой уголъ дивана, спросилъ добродушно: — вы вѣдь, небось, помните — какой вѣрой вашъ Гёте кончалъ свое земное существованіе, когда ему перевалило уже сильно за семьдесятъ?

— Сейчасъ и даты выпалитъ!—весело подмигнулъ доцентъ, съ жестомъ своей пухлой, короткой руки.—Память просто неприличная... и меня лично подавляющая.

— Какую вѣру вы разумѣете? Это черезъ-чуръ обще,—возразилъ писатель.

— Насчетъ... загробнаго личнаго бытія!—посерьезнѣе переспросилъ мистикъ.

— Такой вѣрой кончилъ онъ, которая всего прямѣе вытекала изъ его общаго міропониманія.

— А это развѣ не обще? Ха, ха! Я вамъ скажу...

— И процитируетъ! Вы увидите... И сейчасъ годъ! — вскричалъ доцентъ.

— Просвѣтите,—шутливо выговорилъ писатель.

— Вотъ этому самому Эккерману онъ сказалъ...

— Какого числа и года?—перебилъ «интуитистъ».

— Ну, если хотите... и число скажу. Это было 4 февраля 1829 года, стало-быть, почти ровно за три года до смерти.

— Процитируетъ!—крикнулъ пріятель.

— Слово въ слово не берусь, но за точный смыслъ ручаюсь...

— И онъ сводится?...—остановилъ писатель.

— Къ тому, что Гёте былъ глубоко убѣжденъ въ про-

долженіи собственнаго бытія. И говорилъ, что такъ какъ онъ, до конца своего, будетъ неустанно дѣйствовать духомъ, то природа обязана доставить ему новую силу, коли теперешняя уже не въ состояніи выдержать работы его духа... А есть и другой, болѣе объективный документъ — ужо не запись этого усерднаго нѣмчика, а письмо къ пріятелю—къ нѣкоему Цельтеру, отъ 1827 года, гдѣ онъ, приблизительно, вотъ что говоритъ: «станемъ дѣйствовать и дальше, пока мы, одинъ за другимъ, не будемъ призваны міровымъ духомъ».

— Какъ по-нѣмецки?—крикнулъ пріятель.

— Weltgeist! Да призваны будемъ въ эѳиръ «и да не откажетъ намъ Вѣчно-живой,—кончаетъ онъ,—въ новыхъ дѣйствіяхъ, сходныхъ съ тѣми, въ какихъ онъ насъ уже пробовалъ!!! Кажется, вѣрно?!...

III.

Настроеніе у нихъ было такое благодушное, что упорной «при» не вышло, какъ они сами, по-московски, называли свои диспуты.

— Что-жъ!—откликнулся поклонникъ веймарскаго олимпійца.—Его мечта останется мечтой великаго поэта. Мнѣ вотъ сейчасъ припомнились слова другого большого нѣмца.

— Кого?—спросилъ мистикъ.

— Лессинга.

— А-а! Какія же именно?

— Вотъ такія: «развѣ вся вѣчность—не моя»?

— Это хорошо сказано.

И всѣ трое помолчали.

Тотъ, кого они оба иронически называли за глаза «монистомъ», былъ бы радъ, въ этотъ благодатный вечеръ, воздержаться отъ такихъ чисто-русскихъ, слишкомъ принципіальныхъ разговоровъ.

Хорошо еще, что они не повели, до сихъ поръ, къ окисленію, которое для соотечественниковъ, живущихъ въ одномъ пансіонѣ, было бы совсѣмъ не желательно.

— А какъ здоровье больной?—спросилъ онъ у доцента.

Это была очень симпатичная молодая женщина—«грудная», въ сильномъ «градусѣ», жившая въ санаторіи, по ту сторону лощины на опушкѣ лѣса.

Она раньше показывалась въ ранніе послѣобѣденные часы,

на музыкѣ, въ паркѣ, но вотъ уже болѣе двухъ дней, какъ онъ ея не видалъ.

— Ее не выпускаютъ. Простудилась. Пошла опять сильная ночная испарина.

— Бѣдная!—вздохнулъ мистикъ. И что хуже всего—въ ней нѣтъ обычнаго самообмана туберкулезныхъ. Она слишкомъ обвѣяна крыломъ смерти.

— Да вѣдь около нея всегда та миссіонерка... теософическаго толка,—замѣтилъ писатель. Если ей удастся обратить ее въ свою вѣру, въ признаніе *астральнаго* тѣла и въ цѣлый рядъ метаморфозъ, то что же страшнаго въ концѣ этого временнаго существованія, такого короткаго и полнаго всякихъ немощей, уже не астральнаго, а біологическаго тѣла?

Никто изъ обоихъ пріятелей на это ничего не отвѣтилъ.

Но разговоръ о женщинахъ не прекратился.

Въ здѣшней временной колоніи здоровыхъ и больныхъ они всѣ трое были знакомы еще съ двумя молодыми женщинами: одной—дамой, другой—дѣвушкой.

Первая, въ ихъ разговорахъ, называлась «натуралистка»; а вторая—«художница».

Одна изъ нихъ—натуралистка—жила въ ихъ пансіонѣ, а художница въ меблированной комнатѣ у старой нѣмки; но приходила къ нимъ часто обѣдать.

Доцентъ любилъ немножко «покумить» насчетъ женскаго пола. Самъ онъ могъ считать себя вообще очень пріятнымъ мужчиной, умѣлъ разговориться съ дамами, разсказать анекдотъ и втянуть въ идейный разговоръ, при чемъ никогда не позволялъ себѣ выказывать свое интеллигентное превосходство.

— И художница что-то не показывается къ намъ?

На этотъ вопросъ онъ усмѣхнулся и повелъ многозначительно своимъ свѣжимъ, пышнымъ ртомъ.

— Есть на это нѣкоторые затаенные мотивы—выговорилъ онъ съ юморомъ.

— Интимнаго свойства?

— Вы развѣ не замѣчали, что наша натуралистка находится въ особо-нервномъ настроеніи и послѣ разныхъ нѣжностей съ художницей вдругъ взяла съ ней холодный тонъ?

— Кое-что я замѣтилъ.

— И тутъ надо поставить одно слово вмѣсто другого и сказать не «cherchez la femme» а «cherchez l'homme».

Мистикъ весело подмигнулъ.

— А этотъ homme—все тотъ же химикъ?

— Очевидно.

— Да развѣ они въ такихъ близкихъ отношеніяхъ?

Всѣ трое переглянулись.

Каждому изъ нихъ, въ отдѣльности, было бы за себя немножко совѣстно, что они такъ «кумятъ»—за глаза про своихъ знакомыхъ; но «вкупѣ» это идетъ всегда какъ бы само собою.

Въ пансіонѣ, гдѣ они всѣ перезнакомились, считали натуралистку и химика какъ бы женихомъ и невѣстой.

Художница сразу стала ту затмевать.

— Дѣло понятное,—продолжалъ доцентъ,—эстетка... самаго послѣдняго парижскаго привоза. И покрасивѣе будетъ, и пофасонистѣе. Она ничего, кажется, не признаетъ, кромѣ своего самодержавнаго и самодовлѣющаго «я». Въ своемъ родѣ проповѣдница солипсизма.

— Въ штирнеровскомъ вкусѣ,—дополнилъ его пріятель.

— Вы говорите объ авторѣ «Единственнаго?»—спросилъ ихъ собесѣдникъ.

— Да, да!—подтвердилъ доцентъ.—Кажется, и футуризмомъ уже тронута. Но это все—мозговой гарниръ.

— Она вѣдь *дѣвушка*?

— Кажется. Но это еще опаснѣе.

— Почему?

— Потому что только съ дѣвушкой и можетъ быть настоящая любовь.

— А развѣ химикъ—такой Сердечкинъ?

— Какъ видите... Мужчина во цвѣтѣ лѣтъ, глаза съ поволокой, плѣнительная усмѣшка и особенный тонъ, на который ловятся женщины.

Все это доцентъ выговорилъ не торопясь, съ игрой въ искристыхъ глазкахъ. Къ мужскому благообразію онъ почему-то не могъ относиться спокойно.

За табльдотомъ пансіона тотъ благообразный химикъ, о которомъ они заговорили—предметъ новаго соперничества двухъ дамъ—слишкомъ, должно быть, выдѣлялся своимъ обаяніемъ на женскій полъ.

— Господа! Не пора ли намъ и въ обратный путь?—первый пригласилъ ихъ тотъ, кого они оба вышибли изъ того «созерцанія», какое неизмѣнно нападало на него въ этомъ лѣсу.

— Да! Если не опоздать къ звонку!—откликнулся доцентъ.

Они снялись съ мѣста.

Можетъ быть, тѣмъ двоимъ и хотѣлось бы начать какую-нибудь новую идейную бесѣду, но—какъ это всегда бываетъ,

когда уровень опустится до пересудовъ—тѣ мозговыя ячейки, гдѣ сидятъ идеи и высшіе запросы души, сократятся.

А продолжать «кумить» никому изъ нихъ уже не хотѣлось, и они долго шли молча, спускаясь по лѣсному откосу.

IV.

Та «художница», о которой трое русскихъ говорили вчера, шла утромъ по одной изъ верхнихъ аллей парка, раскинутаго по круглому холму, съ руинами замка на самой вышкѣ.

Она шла не одна. Ее провожалъ молодой, очень благообразный мужчина, въ лѣтней свѣтлой парѣ—тотъ химикъ, о которомъ такъ «покумили» наканунѣ трое русскихъ. Онъ, идя съ ней въ ногу, въ бокъ взглядывалъ на свою спутницу, и съ губъ его не сходила тихая улыбка, отражавшаяся и въ выраженіи большихъ глазъ «съ поволокой»—какъ называлъ иногда одинъ изъ собесѣдниковъ въ лѣсу.

Были ли это взгляды влюбленнаго мужчины—опредѣлить было бы трудно. Въ этой спокойной усмѣшкѣ сидѣло немного и чувство своего «я», а то такъ и легкая игра съ интересной особой, съ которой можетъ завязаться флиртъ.

Красавицей ее никто бы не назвалъ. Худощавая, довольно рослая, стройная, съ гибкими членами, легкой походкой, умнымъ и немного нервнымъ лицомъ, болѣе интереснымъ, чѣмъ красивымъ, она всѣмъ своимъ видомъ, движеніями, туалетомъ производила впечатлѣніе чего-то особаго, только ей принадлежащаго.

Узкая бѣлая юбка ея лѣтняго костюма облегала плотно ея ноги въ открытыхъ лайковыхъ башмакахъ съ металлическими пряжками.

Она шла безъ зонтика, въ соломенной шляпѣ съ однимъ цвѣтнымъ перомъ, которое торчало сзади, въ видѣ высокаго и узкаго султана. Изъ-подъ бортовъ шляпы глядѣли ея темно-сѣрые глаза съ тонкими, изогнутыми бровями.

Оскалъ ея рта былъ очень красивъ, съ довольно большими, твердыми, плотно сидящими зубами, и ротъ, при разговорѣ, живописно раскрывался.

Отъ нея шелъ запахъ сильныхъ духовъ—болѣе сильныхъ и модныхъ, чѣмъ бы желательно было ея спутнику, который, про себя, уже называлъ ее: «парижская pchutteuse».

Разговоръ ихъ шелъ въ какомъ-то особенномъ тонѣ, какъ

это бываетъ тогда, когда хочется договориться, но этому мѣшаетъ что-то въ одномъ изъ собесѣдниковъ или въ обоихъ.

— Полноте—заговорила она, послѣ маленькой паузы и кинула на него немного насмѣшливый взглядъ—вамъ ужасно хочется показывать, что вы вольны, какъ воздухъ, а этого нѣтъ! Зачѣмъ быть такимъ кокетомъ?

— *Кокетомъ*?—переспросилъ онъ. Это—словечко вашего производства?

— Нѣтъ, не моего. Такъ давно говорятъ.

— Кокетъ? Въ первый разъ слышу обвиненіе въ желаніи... рисоваться или выдавать себя за то, чего во мнѣ нѣтъ.

Голосъ у него былъ низковатый, съ пріятной, хотя и горловой вибраціей. Онъ очень отчетливо и кругло выговаривалъ каждое слово и, казалось, точно онъ говоритъ не одному лицу, а цѣлой аудиторіи.

— Но вы не свободны—сказала она съ явнымъ подчеркиваньемъ и опять немного вызывающе поглядѣла на него.

— Въ какомъ же смыслѣ? возразилъ онъ уже серьезно и даже немного сдвинулъ брови.

— Вы состоите *при*...

— То есть какъ-же это *при*?

— Ахъ, Боже мой! Оставьте эти увертки... Разумѣется, состоите при ней. *Она*—слово это также было явственно подчеркнуто—начинаетъ чувствовать себя тревожно, не желая выпускать васъ изъ того заколдованнаго круга, гдѣ вы пребываете.

Онъ покачалъ головой.

— Все это—плоды вашего воображенія.

— Вовсе нѣтъ! Всѣ уже замѣчаютъ у васъ въ пансіонѣ, какъ измѣнился ея тонъ со мною, всѣ, кромѣ васъ.

Его брови опять слегка сдвинулись.

И онъ даже щелкнулъ языкомъ.

— Просто нервы... Стоитъ ли обращать на это вниманіе?

— Весьма стоитъ! Я люблю во всемъ, всегда и со всѣми—сильнѣе выговорила она—быть то, что французы называютъ «une libertaire».

— *Свободница*? Если перевести по-русски?

— Да, свободница! J'aime des situations franches.

Они проходили мимо дивана.

Не приглашая его присѣсть, она сама опустилась на диванъ. Онъ сталъ передъ нею, стараясь сохранить все тотъ же улыбающійся обликъ.

— Нельзя быть такой прямолинейной.

— Позвольте... профессоръ — шутливо произнесла она. Чего же вы желаете: чтобы у насъ съ вами завязался флиртъ, какой бываетъ у женатыхъ людей съ тѣми, кто свободенъ?

— Почему же женатыхъ?

Краска выступила на его щекахъ породистаго блондина.

— Во всякомъ случаѣ—вы не свободны. Этакъ еще хуже. А я въ принципѣ не допускаю ничего, отзывающагося адюльтеромъ, хотя бы и платоническимъ!

Она разсмѣялась, и смѣхъ ея, дробный и раскатистый—прошелся по его слуху непріятной гаммой.

— Я васъ... не понимаю.

— Ну, и прекрасно! Вы желаете продолжать вашу игру.

— Опять игра!

— Ну да, игру! И это было бы ничего. Вы умны и зубасты... Я такихъ люблю; но и не выношу никакихъ... *маланландіо*—выговорила она дурашливо. Одно изъ двухъ: или вы настоите на томъ, чтобы дама вашего сердца пришла въ норму; а если вы боитесь всякихъ объясненій, то могу сдѣлать это я!

— Ахъ! Ради Бога нѣтъ!

— Ха, ха, ха! Вотъ видите, какой вы свободный гражданинъ въ царствѣ свободной любви! Но, такъ или иначе, надо возстановить норму. Я буду захаживать въ вашъ пансіонъ. Тамъ интересные люди,.. въ томъ числѣ и вы. Но я не могу же быть съ вами умышленно суха, чтобы угодить вашему коллегѣ женскаго пола?

— Все это образуется! Увѣряю васъ! Не нужно никакихъ объясненій. Она и сама почувствуетъ...

— Не знаю... Но я ставлю такой ultimatum: простой тонъ и ничего умышленно демонстративнаго. Не могу же я, для ея успокоенія, начать флиртировать à tout rompre съ однимъ изъ вашихъ мужчинъ?

— А кто вамъ больше изъ нихъ нравится?—спросилъ онъ, прищуривъ глаза.

— Вамъ это должно быть безразлично.

Обернувшись влѣво, она спросила:

— Вы вѣдь шли... брать ванну?

— Да.

— Такъ вамъ надо сюда... налѣво.

— Вы меня гоните?

— Нѣтъ... но зачѣмъ же вамъ терять свой часъ?

Онъ приподнялъ бортъ шляпы и, протягивая руку, произнесъ въ полголоса:

— Миръ... или только перемиріе?

— Ни войны, ни мира... а карты на столъ—вотъ мой девизъ. И какъ вамъ ни обидно это услышать во второй разъ—вы носите цѣпь... тайную или полу-явную. А это хуже супружества. Во много разъ! Но вашей дамѣ, во всякомъ случаѣ, скажите, что я не на амплуа разлучницы и никого у нея отнимать не желаю!

V.

Онъ ушелъ; а она еще осталась на томъ же диванѣ верхней дорожки парка.

Тутъ было тѣнисто и прохладно. Передъ ней, на лужайкѣ, развѣсило свои вѣтви какое-то ей неизвѣстное дерево. По листвѣ оно было похоже на нашу рябину. Она встала и, по дерну, подошла къ стволу, на которомъ прибита была дощечка и латинское и нѣмецкое названіе. Это была какая-то американская лѣсная порода.

Вернувшись, она достала изъ своего мѣшечка длинную книжечку и стала зарисовывать это дерево.

Но мысль ея была не тутъ. И блескъ глазъ, и приливъ крови къ щекамъ показывали, что она еще взволнована той тирадой, какой она простилась съ химикомъ.

На нее онъ отвѣтилъ все той же, почти ненавистной ей усмѣшкой—какой-то корректной банальностью.

Самой себѣ она не привыкла лгать.

Флиртировала ли она съ этимъ «естествоиспытателемъ?»—произнесла она мысленно, съ ироніей. Да, онъ ей сначала какъ-бы нравился. Что жъ! У него есть несомнѣнное благообразіе.—Но гораздо больше «подзуживало» ее то, что онъ такой уравновѣшенный и влюбленный въ себя

И ей хотѣлось: подвести и его «къ одному знаменателю», какъ подводятся всѣ почти мужчины, если умѣть подѣйствовать на ихъ тщеславіе и сентиментальность.

И онъ начнетъ охорашиваться, распуститъ хвостъ, какъ павлинъ. А остальное додѣлаетъ пошлая, мѣщанская ревность той... «натуралистки»—она мысленно произнесла это слово, такъ же съ ироніей.

«Ну, а ты сама, на ея мѣстѣ—не такъ же бы реагировала на такой флиртъ?»

Можетъ, и приревновала бы, но, во всякомъ случаѣ, не такъ банально бы повела себя.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

По крайней мѣрѣ, теперь данъ той «репримандъ», да и пропала у нея самой охота играть съ нимъ во взаимное интересничанье.

Вообще, такія русскія «гражданскія» четы—она ихъ встрѣчала и въ Парижѣ—ей сильно не по вкусу. Она не требуетъ, чтобы они выдавали себя за мужа и жену—такъ еще хуже—но они, сами по себѣ, какъ типы новѣйшихъ русскихъ интеллигентовъ—еще менѣе въ ея вкусѣ.

Особенно вотъ такая женщина—спеціалистка «изъ области точнаго знанія»—выговорила она вслухъ, опять все съ той же ироніей.

Воображаетъ, что она сама себя создала; а она только «тренировала» себя по фасону, который получила готовымъ отъ своего развивателя.

Вотъ это больше всего и смущаетъ ее, съ нѣкоторыхъ поръ, во всѣхъ *якобы* эмансипированныхъ женщинахъ, вплоть до англійскихъ суффражистокъ.

Ничего *своего*! Все собезьянено съ мужчинъ. Они засѣдаютъ въ палатѣ, и намъ подавай избирательныя права. А вотъ она—хоть и не дура, и училась, и ѣздила, и наблюдала, а ничего бы не дала за право не только избирать мужчинъ въ депутаты, но даже и самой быть избираемой.

«Ломанаго гроша не дамъ»!—мысленно воскликнула она.

И безъ того уже женщина стѣснена—не закономъ только, а всего больше нравами, а тутъ еще надѣвай на себя новый хомутъ, дѣлайся депутаткой, поступай въ партію и подыгрывай, и подпѣвай вожакамъ—*мужчинамъ*.

Она тоже увлекалась одно время политикой; но приходитъ теперь къ выводу, что это вездѣ ведетъ къ закрѣпощенію личности.

Только у парижскихъ «libertaires» особенно между художниками—она находила людей, которые ставятъ выше всего свободу своего «я», которые и въ искусствѣ ничего не признаютъ, кромѣ своихъ внутреннихъ запросовъ.

Она не записываетъ себя ни въ какой цехъ, не называетъ себя ни «футуристкой», ни «кубисткой», ни «лучисткой», ни какой другой кличкой. Но она никого но отрицаетъ, не смотритъ на нихъ только, какъ на «шутовъ гороховыхъ» и старается понять, *почему* они пришли къ тому или иному взгляду на искусство.

Если-бъ къ ней приклеить какой-нибудь ярлычекъ, то она именно «une libertaire—вольница», которая ищетъ то, въ чемъ

свое «я» выразить себя въ самомъ не только новомъ, но и смѣломъ, и яркомъ «выявленіи».

А такія вотъ пары, какъ химикъ со своей натуралисткой—они «попы науки», у нихъ второе слово,—«законъ природы», и что «не научно», то для нихъ не имѣетъ никакого смысла. Это тотъ же катехизисъ—только безъ Бога.

Сколько здѣсь есть русскихъ—въ разныхъ вкусахъ. Ни въ комъ она не находитъ ничего свободнаго отъ избитыхъ шаблоновъ. И всѣ точно евреи «на рѣкахъ вавилонскихъ». Суесловятъ, хандрятъ, киснутъ, ноютъ и на что-то надѣются, во что-то вѣрятъ. Въ каждомъ—непочатый уголъ особой «россійской» мистики, хотя бы онъ считалъ себя позитивистомъ и жрецомъ точной науки.

Она пріѣхала сюда по совѣту одного молодого врача, съ которымъ встрѣчалась въ Мюнхенѣ, гдѣ работала. Онъ нашелъ, что ея легкія нуждаются вотъ въ такомъ климатѣ, какой именно здѣсь.

Но и здѣсь уже порядочное количество не то что просто «грудныхъ», а и прямо туберкулезныхъ.

Къ одной такой она захаживаетъ въ санаторій; но ей это становится тяжко, и сегодня она врядъ ли пойдетъ туда.

И разговоры тамъ все «потусторонніе», съ участіемъ ея пріятельницы-теософки.

Какъ бы она обрадовалась вдругъ столкнуться съ какимъ-нибудь парижскимъ знакомымъ—изъ того «толка», къ какому она себя причисляетъ, т. е. не признающимъ никакого ярлыка, съ такой же «вольницей», какъ она.

Рука ея продолжала зарисовывать на продолговатый листокъ книжечки, и она, опустивъ голову, додѣлывала рисунокъ быстрыми и сильными штрихами.

И вдругъ ей послышалось справа:

— Здравствуйте!

Она подняла голову и, по своей привычкѣ, прищурилась.

Подошелъ къ ней очень молодой мужчина, одѣтый точно онъ съ тенниса—въ фланелевой рубашкѣ, кожаномъ кушакѣ, бѣлыхъ панталонахъ и соломенной шляпѣ, съ очень широкими полями, загнутыми сзади кпереди. Она оставляла его лицо въ тѣни.

— Вы? Какими судьбами?

Точно какая фея услыхала ея желаніе встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь ея «толка» и послала ей этого русскаго парижанина.

Въ первую секунду она не вспомнила еще его фамиліи, но это былъ несомнѣнно онъ.

VI.

Сразу все ей припомнилось — гдѣ они встрѣтились въ Парижѣ, когда, какіе вели разговоры. Онъ—эмигрантъ и, кажется, съ очень серьезнымъ «кондуитнымъ спискомъ», считается адептомъ самой *разрывной* платформы, выступалъ и на митингахъ увріеровъ, хорошо говоритъ по-французски, что между такими до сихъ поръ рѣдкость.

— Вотъ это прекрасно!

Она пододвинулась и пригласила его — жестомъ руки — сѣсть около нея.

— Я васъ издали узналъ, но не мгновенно.

Голосъ у него необыкновенно пріятный, съ какой-то едва замѣтной вибраціей.

Кажется,—и это ей вспомнилось—онъ чуть ли не учился пѣть и собирался на оперную сцену.

— Спасибо! Спасибо!

Ее сейчасъ же особенно подвинтило это неожиданное появленіе, да еще такого *подходящаго* русскаго. Въ самомъ дѣлѣ, какая-то фея послала ей этого соотечественника. Онъ точно съ неба упалъ... И какъ разъ въ минуту такого раздумья.

— Какъ вы сюда попали?—спросила она послѣ крѣпкаго рукопожатія.—Лѣчиться?

— Нѣтъ. Завернулъ по дорогѣ. Я въ первый разъ ѣздилъ по Шварцвальду... Мнѣ очень понравилось... такъ gemüthlich, какъ нѣмцы говорятъ. Нѣтъ снѣговыхъ вершинъ, но есть что-то милое. Вы, навѣрно, побывали уже... вы вѣдь художница — вотъ и теперь что-то такое зарисовываете.

Его большіе темные глаза смотрѣли на нее изъ-подъ борта его шляпы ласково и остро.

Во всей наружности этого эмигранта было что-то дѣйствительно «вольное». Онъ—настоящій «libertaire», и она удивилась, почему они еще въ Парижѣ ближе не сошлись.

— Къ кому-нибудь заѣхали сюда?

— Именно. Одинъ тутъ россіянинъ застрялъ, бѣдняга.

— Изъ эмиграціи?—остановила она безъ всякой особой интонаціи.

— Да. Онъ больше въ Италіи перебивался... на Ривьерѣ. Здоровье совсѣмъ плохое. Кажется, даже и очень что-то неладное есть въ легкихъ, но видомъ—крѣпышъ; да онъ, какъ и всѣ грудные предается, иллюзіи. Мнѣ здѣсь нравится.

— И вы поживете?

— Да вѣдь все равно шататься. И вотъ такая удачная встрѣча.

Взглядомъ онъ ее опять обласкалъ.

За нимъ не было въ Парижѣ репутаціи Донъ-Жуана, но съ его внѣшностью, и тономъ, и рѣчистостью—онъ могъ разсчитывать на успѣхъ и у француженокъ Латинскаго квартала, и среди русскихъ.

— Знаете, что я вамъ скажу,—заговорила она, повернувшись къ нему всѣмъ лицомъ.—Вотъ сейчасъ я тутъ задумалась.

— Продолжая рисовать?

— Одно другому не мѣшаетъ.

— И что же?

— На чисто-россійскую тему. Какъ у насъ всѣ, въ самой патентованной интеллигенціи—въ шорахъ, въ футлярѣ. Не имѣютъ и понятія о томъ, что такое свобода своего «я». И въ эту минуту вы меня окликнули. А сами вы вѣдь какъ разъ наоборотъ.

— Кто же я?—улыбнувшись, спросилъ онъ.

— Я не хочу давать вамъ казенной клички—вы знаете, какой вы—то, что́ выражается прекраснымъ словомъ—libertaire.

— Кажется, да, — произнесъ онъ тише звукомъ и очень искренно.—Но отъ этого не легче. Не только въ нашихъ кружкахъ, но и у французовъ чувствуешь свою отчужденность, даже и у тѣхъ, кто величаетъ себя анархистами. Не мало я водился со всякимъ народомъ. Ужъ о правовѣрныхъ, какъ здѣсь нѣмцы называютъ, «зоцахъ»—я и не говорю. Но возьмите вы и синдикалисты. На нихъ теперь пошла мода. Но почему я долженъ восхищаться ихъ пропагандой? Они такіе же государственники, какъ и тѣ правовѣрные «зоцы», только съ болѣе политическо-революціонной подкладкой. Но начните вы съ ними вмѣстѣ революціонное движеніе... Если имъ удастся захватить власть — они будутъ такіе же подавители личности, создадутъ правительство и будутъ насъ съ вами гнуть въ бараній рогъ.

И, перебивая себя умственно, онъ сказалъ уже другимъ тономъ:

— Простите! Совсѣмъ не объ этомъ я хотѣмъ бы поговорить съ вами. Отвратительная привычка! Забудемъ, что мы—россіяне! Будемъ ловить моментъ! Кругомъ, вы видите, радостная природа, небо сверху улыбается намъ. Вы—художница! У васъ столько есть струнъ на вашей лирѣ. Вы умѣете лучше

нашего брата чувствовать единеніе человѣческаго «я» со всѣмъ видимымъ бытіемъ... Не правда ли?

Глаза его загорѣлись. Она невольно залюбовалась имъ.

— И вы художникъ не меньше меня. Да, кажется... развѣ вы не учились пѣть?

— Баловался.

— И что же?

— Шаляпина изъ меня не выйдетъ; а такъ, увеличивать собою армію каботиновъ—не желаю.

— Почему же каботиновъ?

— А то какъ же... Пѣвецъ или актеръ все равно лицедѣй, т. е. cabotin.

— Была бы цѣль... интересъ.

— Про цѣли мы говорить не будемъ. Философія у меня простая, мужицкая, хоть я и не зашибаюсь народничествомъ: «день да ночь—сутки прочь». Стоитъ ли держаться за что-либо во всемъ хваленомъ культурномъ мірѣ...

— А искусство?

— Такъ это для избранныхъ, а не для мелкой сошки, да еще родившейся въ такой странѣ, какъ россійская держава.

Она задумалась и немного помолчала.

— А развѣ вы не попали подъ амнистію?—спросила она, пододвинувшись къ нему.

— Я-то? По какому же это параграфу? Нѣтъ... такимъ, какъ я, съ моими антецедентами обратнаго ходу нѣтъ.

— И скажите... совсѣмъ откровенно... васъ это не щемитъ... вы не боитесь этого затяжного изгнанничества?

— Ничего не боюсь!.. милая соотечественница... ничего! И ко всякой житейской канители приспособляюсь. Утѣшаю себя тѣмъ, что наша родина,—какова бы она ни была,—все-таки лучше архивышколенной Европы, гдѣ насъ терпятъ, пока мы не позволяемъ себѣ никакого оказательства.

Чего-то онъ какъ бы не досказалъ; но снялъ шляпу и обмахнулся ею.

Лобъ у него былъ высокій, съ чертой загара, и волнистые каштановые волосы лежали вокругъ него, спускаясь къ вискамъ очень живописной рамой.

Она опять почти-что заглядѣлась на него.

— А теперь я попрощаюсь съ вами.

Онъ всталъ.

Они помѣнялись адресами и условились сегодня же вечеромъ быть на музыкѣ.

VII.

На обрывѣ, около въѣзда въ лѣсъ, идущій въ горы, высится красивое зданіе съ широкими окнами и террасами—санаторій. Около него, ближе къ опушкѣ лѣса—также на обрывѣ—домикъ, весь сквозной, съ кушетками, на которыхъ лежатъ больные, во всякое время.

Стоитъ жаркое нѣмецкое послѣ-обѣда. Кругомъ все замерло—и по дорогѣ, и въ лѣсу, и въ красивомъ зданіи санаторія. Ни одинъ листъ на вѣковыхъ буковыхъ деревьяхъ не дрогнетъ. Есть что-то разслабляющее въ воздухѣ, и всякая больная грудь должна это вдвое чувствовать.

Въ прозрачномъ домикѣ, гдѣ всегда тѣнь отъ деревьевъ, у самаго обрыва, на кушеткѣ, лежитъ больная—въ бѣломъ капотѣ, но съ накинутымъ на ноги пледомъ. Голова ея покоится на подушкѣ, высоко взбитой—по-русски.

Рядомъ, въ соломенномъ креслѣ, сидитъ другая женщина и читаетъ газету. Она—моложе больной, рѣзкая брюнетка, смуглая, небрежно одѣтая, съ глазами навыкатъ и сухой, широкой грудью.

Больная—съ остатками красоты совсѣмъ прозрачнаго лица—пепельная блондинка. Она какъ будто дремлетъ, глаза полузакрыты. На щекахъ подозрительный румянецъ, въ видѣ розовыхъ кружковъ.

Руки лежатъ вдоль бедеръ.

Онѣ—пріятельницы. Та—больная—провела зиму въ Давосѣ, а на лѣто переѣхала сюда, въ менѣе чахоточное мѣсто, которое, съ нѣкоторыхъ поръ, почему-то полюбилось русскимъ.

Брюнетка пріѣхала къ ней недавно, изъ Россіи. Ей не отъ чего лѣчиться. Она, поживши здѣсь, собирается куда-то глубже, въ Шварцвальдъ.

Она знаетъ, что ея пріятельница врядъ ли дотянетъ до будущей весны; но ей отрадно видѣть въ ней рѣдкую чахоточную, которая бы такъ спокойно и мужественно смотрѣла на «неизбѣжность конца». У ней нѣтъ дѣтскихъ самообольщеній. Ей прекрасно извѣстно, въ какой стадіи находится ея безпощадный недугъ. Она не желаетъ «постыдно цѣпляться за жизнь».

Тѣмъ дороже для нея то «просвѣтлѣніе», какое она можетъ получить отъ своей подруги.

Ихъ бесѣды—не пустая болтовня, съ малодушными страхами и тревогами, хронически больной, а раскрытіе тѣхъ со-

кровенныхъ истинъ, которыя освобождаютъ человѣка и въ этой жизни отъ всякихъ путъ его бреннаго тѣла и вводятъ въ міръ духовнаго бытія.

Въ ней еще есть нѣкоторое колебаніе. Но ей нѣтъ надобности быть «ренегаткой», бросать ту вѣру, въ которой она родилась и воспиталась.

Всѣ могутъ пить изъ живительнаго источника.

Больная, въ послѣднія двѣ недѣли—подъ обаяніемъ тѣхъ внушеній, которыя ея пріятельница производила на ея душевное «я»—переживала какое-то для нея самой удивительное настроеніе.

Ну да, она умретъ, не нынче-завтра, можетъ, черезъ годъ, а можетъ, и въ концѣ этого лѣта.

Что же изъ этого? Вѣдь кто же знаетъ, изъ самыхъ здоровыхъ, сколько онъ проживетъ? Вся разница въ томъ, что она предвидитъ конецъ вѣрнѣе многихъ.

Тѣмъ лучше!

Когда она тамъ, въ санаторіи, на снѣговыхъ высотахъ, прочла разсказъ про какого-то туберкулезнаго, котораго терапевты приговорили къ смерти въ такой-то день, она поняла весь подавляющій ужасъ такого душевнаго состоянія.

Черезъ такой же ужасъ проходили и сотни, если не тысячи осужденныхъ на висѣлицу, у насъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней. Разница была только въ томъ, что имъ не объявляли: васъ повезутъ на казнь въ такой-то день и часъ. Но каждый изъ нихъ зналъ, что это будетъ на той же недѣлѣ.

А теперь она бы прочла такой разсказъ спокойно или съ той тихой грустью, съ какою она смотритъ на всѣхъ, кого видитъ въ живыхъ.

Вѣдь всѣ они—«кандидаты въ покойники». Но сколько такихъ, которые презрѣнно цѣпляются за жизнь. Она насмотрѣлась на нихъ вездѣ—и въ Россіи, и за границей, во всѣхъ тѣхъ убѣжищахъ смерти, гдѣ она перебывала за три года.

Знаютъ, что имъ нѣтъ исхода, кромѣ смерти, и все еще дрожатъ надъ тѣмъ, какого цвѣта у нихъ мокрота—*зеленая* или *желтая*—и завидуютъ, и ненавидятъ сосѣдей по лежанію на морозѣ, если у тѣхъ зарубцовываются язвы въ легкихъ, и предаются самому языческому суевѣрію, дѣтскимъ примѣтамъ, превращаютъ молитву въ какія-то чуть не волхвованія.

Но и она, все-таки, вотъ до переѣзда сюда не могла еще съ полнымъ безстрашіемъ посмотрѣть на «неизбѣжность конца», боялась, если не прямо смерти, то страданій, и часто повторяла предсмертный возгласъ русскаго поэта:

«Хорошо *умереть*—тяжело *умирать*!»

А теперь она не боится и того, какъ безпощадный микробъ будетъ, подъ конецъ, разрушать въ ея легкихъ всякую живую ячейку.

Каждую секунду можетъ она уйти изъ жизни; но *ей* теперь нечего готовиться къ этому.

Всѣ ея счеты кончены, и всѣ итоги подведены.

Если бы и чудо совершилось надъ ней, и она очутилась бы опять молодой, цвѣтущей женщиной—она не хочетъ продѣлывать жизнь заново.

Она любила много и бурно, перешла черезъ все, что̀ безумная страсть къ мужчинѣ можетъ принести съ собою—упоенія и ѣдкаго горя, обиды, грязи, униженія. И все это уже кануло въ прошлое.

Дѣтей у ней не было. Нѣтъ никого, кому ея жизнь была бы подпорой или утѣшеніемъ. Оплакивать ее могла бы вотъ эта ея подруга—Ольга. Но она не будетъ ее оплакивать, потому что вѣритъ въ тотъ свѣтлый міръ, куда ея освобожденный отъ тѣлесной оболочки духъ проникнетъ, чтобы пройти черезъ цѣлый рядъ неописуемыхъ состояній, для которыхъ нѣтъ, на человѣческомъ языкѣ, ни словъ, ни опредѣленій.

Тихія рѣчи Ольги, проникнутыя такой силой, стали развертывать передъ нею сладостные кругозоры.

Вѣритъ ли она во все это, какъ настоящая христіанка должна вѣрить въ Никейскій символъ вѣры—она не знаетъ и не хочетъ догадываться.

Но это такъ сладко убаюкиваетъ всякую тревогу, малѣйшій возвратъ страха или унынія—точно какая сладкая мелодія или прозрачная, чарующая греза.

VIII.

Больная широко раскрыла глаза. Полоса солнца забралась подъ навѣсъ и начала ее безпокоить.

Это сейчасъ же замѣтила ея подруга.

— Хочешь... Лена... я переставлю тебя?

— Зачѣмъ безпокоиться?

Ольга подошла и, сильными руками взявшись за спинку кушетки, отодвинула ее подальше въ уголъ, куда свѣтъ не заходилъ.

— Душно тебѣ, Лена? Нынче особенно тяжелый день.

Ольга присѣла на скамейку около кушетки, а газету положила на столикъ.

— Не хочешь ли, я почитаю тебѣ, есть интересный фельетонъ?

— Нѣтъ. У меня сегодня голова совсѣмъ глупая.

Больная улыбалась, говоря это, своей особенной улыбкой, въ которой сквозило ея теперешнее настроеніе.

— Ольга!—окликнула она другимъ тономъ,—что я тебѣ хотѣла сказать...

— Говори, милая.

— Зачѣмъ тебѣ здѣсь заживаться? Для меня... Такъ это не стоитъ. Право... Къ чему такое ненужное умаленіе своей личности? Грѣхъ съ моей стороны превращать тебя въ сидѣлку. Да мнѣ ея и не нужно!

Она говорила съ замѣтнымъ придыханіемъ, слабо, глухо; но слова выговаривала отчетливо и безъ усилія.

— Не гони меня! Это нехорошо!

— Вѣдь тебѣ надо туда, гдѣ *онъ* будетъ на-дняхъ.

Этотъ «онъ» былъ тотъ «учитель», отъ имени котораго Ольга третій годъ производитъ такъ успѣшно свою пропаганду.

На половину она живетъ за границей и всегда тамъ, гдѣ *онъ* собираетъ свою паству, читаетъ публичныя лекціи всякимъ классамъ общества—въ томъ числѣ и рабочимъ.

— Я еще успѣю, Лена, милая... Да и здѣсь теперь не мало русскихъ... и все характерные образчики нашей интеллигенціи.

— А художница—ты какъ на нее смотришь?

Лена немного прищурила глаза, глядя въ бокъ на Ольгу.

— Она вся—въ своемъ бунтарскомъ «я». Для нея теперь нѣтъ ничего выше его.

Но это меня не смущаетъ. Для такихъ душъ возможно внезапное озареніе. Онѣ ищутъ и томятся, и падаютъ, и ждутъ... ждутъ луча, ждутъ просвѣта въ иной міръ—полнаго освобожденія отъ всякихъ путъ.

— Однако... она не хочетъ тебя понять, избѣгаетъ бесѣды, какую ты желала бы съ ней имѣть.

— Это только до момента, который надо уловить. Я такъ счастлива, что мнѣ удавалось, какимъ-то наитіемъ, распознавать это—и тогда я смѣло подходила.

— Да... это у тебя даръ свыше!—точно про себя вымолвила Лена.

Ей показалось въ окно, что кто-то завернулъ за уголъ и, кажется, не знаетъ, какъ пройти.

Замѣтила и Ольга и тотчасъ же поднялась.

— Это къ намъ,—тихо сказала она.

— Кто?

— А тотъ... изъ пансіона... знакомый профессора, съ которымъ мы тогда вступили въ такой горячій споръ. Онъ обѣщалъ зайти.

И, не договоривъ, она вышла окликнуть:

— Вы можете пройти здѣсь.

Это былъ дѣйствительно онъ, пріятель приватъ-доцента, участникъ бесѣды въ лѣсу, гдѣ сидѣлъ тотъ, кого они оба называютъ «монистомъ».

Онъ вошелъ подъ навѣсъ, снимая шляпу, во всемъ свѣтломъ, и его голова, съ длинными волосами, и весь обликъ какъ-то особенно шли къ тому мѣсту, куда онъ попадалъ.

— Простите! можетъ, я не во-время?

Онъ пожалъ руки сначала Ольгѣ, потомъ осторожно приблизился къ больной.

Она первая протянула ему руку.

— Спасибо... Душевно рада.

Ольга усадила его въ соломенное кресло, а сама присѣла на лишній край кушетки, гдѣ лежала Лена.

— Я вотъ сейчасъ вспоминала Ленѣ про наше недавнее... какъ-бы это сказать...

— Преніе?—подсказалъ онъ.

— Если хотите—да. Съ вами намъ можно было бы очень скоро столковаться.

Онъ усмѣхнулся.

— Вашими бы устами да медъ пить.

— Вы все думаете, что для того, чтобы войти въ познаніе высшихъ откровеній, необходима ломка своихъ вѣрованій... ренегатство... Ничего этого не нужно!

Ея голосъ зазвучалъ уже по-другому. Она, какъ боевой конь, какъ только заслышалъ трубный звукъ, сейчасъ же готова была броситься въ огонь.

— Не знаю,—тихо, но твердо возражалъ ей гость.—Мнѣ кажется, если ваше ученіе находится въ прямой связи съ тѣмъ, что проповѣдывалъ когда-то индійскій царевичъ, превратившійся въ праведника, то истинный адептъ его не можетъ исповѣдывать ученіе Спасителя.

— Почему же?

Ольга встала и продолжала говорить стоя.

— Разумѣется, намъ не нужно никакихъ загробныхъ ужасовъ, никакого безпощаднаго суда и вѣчной кары. Но и въ ученіи Галилеянина это надо понимать иносказательно... символически. Безконечная любовь его къ человѣку несовмѣстима съ такими возмездіями. Это все пахнетъ ветхозавѣтнымъ, карающимъ, мстительнымъ божествомъ.

— Положимъ... Но безъ воздѣйствія за добро и зло нѣтъ никакой санкціи. Нѣтъ признанія свободы совѣсти, все расплывается въ Нирвану, во всеобщее безличіе и безстрастіе. А въ мірѣ царитъ не одно добро. Въ немъ такое же исконное начало зла.

— Это манихейство!—воскликнула Ольга, и взглядъ ея загорѣлся.—Это и съ христіанской точки зрѣнія—оскорбленіе всемогущества Высшаго Существа, которое не могло бы терпѣть около себя другую враждебную силу.

— Но она *есть*,—съ мягкимъ упорствомъ выговорилъ онъ. И вотъ тутъ-то и выступаетъ непримиримость вашего міроразумѣнія съ основами христіанскаго credo. Кто признаетъ душу и стремится снискать себѣ оправданіе и на землѣ, и на небѣ, кто взыскуетъ Царство Божіе еще на землѣ, тотъ не можетъ мириться съ превращеніемъ во всемірное ничто, которое и есть Нирвана, или это слово ровно ничего не значитъ.

IX.

Пренія могли затянуться; но больная видимо ослабѣла, и Ольга свела ее въ домъ Санаторія, попросивъ гостя подождать ее.

Она тотчасъ же вернулась и предложила ему пройтись немного по лѣсу.

Жаръ спалъ, порхалъ вѣтерокъ, вечеръ дѣлался тутъ, въ тѣни сосенъ и дубовъ, особенно бодрящимъ.

Воинственный темпераментъ пропагандистки не могъ сразу сократиться, и ей все еще хотѣлось найти въ этой цѣнной для нея душѣ мистически-настроеннаго вѣрующаго лазейку, черезъ которую ея лучезарная истина проникнетъ туда и полегоньку водворится тамъ.

Но онъ не хотѣлъ продолжать бесѣды на ту же тему. Его натура не была настолько воинствующей, какъ у нея. Онъ уважалъ всякое искреннее вѣрованіе, но не поддавался на тѣ

доводы, которыми она—полчаса передъ тѣмъ—такъ порывисто осыпала его.

— Бѣдная страдалица,—проговорилъ онъ, сдѣлавъ жестъ головой въ сторону дома.—И какая трогательная покорность судьбѣ, какая свѣтлая резиньяція.

Ольга быстро оглянулась на него и тихо усмѣхнулась.

— А что это сдѣлало?—спросила она съ блескомъ въ глазахъ.

— Ея вѣра.

— Но *какая?* Та ли, которая кажетъ въ небѣ вѣчныя мученія, или другая—свѣтозарная и примиряющая?

— Пусть и такъ! Знаете по пословицѣ: «всѣ дороги ведутъ въ Римъ». И всѣ разновидности религіознаго чувства, если оно глубоко... приводятъ къ тому, что человѣкъ становится выше всякихъ испытаній и смотритъ на смерть, какъ на избавительницу.

Онъ остановился и посмотрѣлъ на часы.

— Вы торопитесь?—спросила она.

— Да, мнѣ надо... къ шести часамъ.

— Я еще немножко провожу васъ.

Они покинули лѣсъ, миновали фасадъ санаторія и свернули въ аллею, ведущую къ курорту, откуда открывается видъ на лощину—всю сплошь зеленую. А на горизонтѣ подымался холмъ съ развалинами рыцарскаго замка.

На поворотѣ вправо, откуда дорога идетъ уже прямая, съ ними встрѣтился тотъ русскій, съ которымъ у его спутника и его пріятеля былъ, въ другомъ лѣсу, разговоръ съ цитатами изъ Гёте.

Первая признала его Ольга и назвала по фамиліи.

— Вы съ нимъ знакомы?—спросилъ ея спутникъ.

— Да... Мы встрѣтились на-дняхъ у той молодой особы.

— У художницы?

— Да, да!

— И какъ онъ вамъ понравился?

— Очень.

— Имѣли съ нимъ, такъ сказать, принципіальный разговоръ?

— Нѣтъ... Но я бы хотѣла этого.

— Онъ взглядами—вашъ человѣкъ.

— Кто же онъ... по своему символу вѣры?

— Мы его тамъ, въ нашемъ русскомъ углу, называемъ «монистъ».

— То-есть признающій единство всего сущаго?

— Да, если хотите. Но только въ болѣе узкомъ смыслѣ. Самъ онъ величаетъ себя новымъ словомъ «научникъ».

— Это все равно!

Она хотѣла еще что-то сказать; но не докончила, боясь, что до того, кто шелъ къ нимъ навстрѣчу, долетятъ ея слова.

Встрѣча произошла, какъ разъ, около дивана, подъ деревомъ.

Ольга первая протянула ему руку. Съ ея спутникомъ тотъ поздоровался кивкомъ головы. Они видѣлись за обѣдомъ.

И всѣ трое присѣли на диванъ.

— Какъ у васъ хорошо тамъ, въ томъ лѣсу, за санаторіемъ.

— Мы только-что оттуда.

— А ваша больная?

— Какъ всегда... тихая и кроткая.

Спутникъ Ольги сталъ прощаться.

— Придете ужинать?—спросилъ онъ «мониста».

— Приду! Вы знаете,—завтра, а можетъ и сегодня съ послѣднимъ поѣздомъ—къ намъ пожалуетъ... старецъ изъ Петербурга.

И онъ назвалъ фамилію извѣстнаго писателя.

— А - а! Нѣкоторымъ образомъ Несторъ русской литературы?

Они остались вдвоемъ.

— Вы позволите васъ довести?

— Я съ вами могу пройти и въ нашъ лѣсъ. Тамъ теперь чудно - хорошо! И я такъ рада, что мы съ вами встрѣтились на дорогѣ.

— И я радъ... Сказать вамъ правду? Я даже сбирался нанести вамъ визитъ... да боялся... вы постоянно съ вашей больной подругой. Не правда-ли, ея положеніе очень серьезно?

— Да; но она такъ готова къ переходу въ другой міръ, что я только радуюсь, переживая съ нею то, что, для другой, было бы сопряжено съ такими малодушными страхами.

Онъ выслушалъ это, сидя съ опущенной головой.

Онъ зналъ, что иначе она не могла говорить; но тонъ ея былъ задушевный и твердый, безъ всякой слащавости.

Эта миссіонерка модной теперь религіи была, для него, сравнительно новымъ явленіемъ среди тѣхъ развитыхъ русскихъ женщинъ, съ какими, въ послѣдніе годы, сводила его жизнь, и дома, и за границей.

— Вотъ сейчасъ мы объ этомъ говорили съ нашимъ общимъ знакомымъ—продолжала она.

— Съ моимъ сожителемъ по пансіону? Вы должны имѣть съ нимъ много общаго по настроенію,—осторожно замѣтилъ ея собесѣдникъ.

— Потому, что его считаютъ мистикомъ?

— А хотя бы и поэтому?

— Но онъ признаетъ *зло*, какъ исконное начало жизни, оставаясь вѣрнымъ догматамъ господствующей церкви. А по-моему, это несовмѣстимо съ духомъ и словомъ проповѣди Іисуса изъ Назарета.

Эту формулу «Іисусъ изъ Назарета» онъ въ первый разъ слышалъ отъ интеллигентной русской женщины.

— Въ этомъ вы безусловно правы. Но его *манихейство*... вотъ эта вѣра въ зло—не мѣшаетъ ему имѣть въ своемъ существѣ что-то дѣтски безобидное. Это какой-то подсознательный мистицизмъ. Мы съ нимъ не мало препираемся. Но безъ всякаго результата.

И онъ добродушно засмѣялся.

Они разомъ снялись и пошли назадъ по аллеѣ.

X.

Они сидѣли уже на диванѣ, въ лѣсу, довольно далеко отъ санаторія.

Имъ обоимъ легко говорилось, и врядъ ли кто, со стороны, повѣрилъ бы, что такъ мирно бесѣдуютъ «научникъ» и «теософка».

Ольга подумала-было, что это ловкій пріемъ принципіальнаго «врача», и онъ хочетъ, сначала, позондировать такую «пропагандистку» ученія, которое на его оцѣнку состоитъ изъ цѣлаго сплетенія грезъ и дѣтскихъ умствованій.

Но тонъ его продолжалъ быть все такимъ же простымъ и вдумчивымъ. Онъ ее ни о чемъ не выспрашивалъ, но, видимо, клонилъ разговоръ къ тому, чтобы имъ обоимъ высказаться и сойтись на какой-то общей, возможной для нихъ обоихъ почвѣ.

Это ее наполнило внезапной радостью.

Она вѣдь еще шире, чѣмъ кто-либо изъ ея одновѣрцевъ, допускаетъ пріемъ въ свою среду людей какихъ бы то ни было вѣрованій, только бы они были искренни. Христіанинъ, магометанинъ, браманистъ или буддистъ стараго закона—приходи и сочетай свое credo съ тѣмъ, что онъ найдетъ въ ихъ пониманіи Бытія и судьбы человѣка—на землѣ и внѣ ея.

Она вспомнила одинъ горячій разговоръ въ ихъ кружкѣ.

Кто-то спросилъ вдругъ у одной изъ ихъ самыхъ вліятельныхъ «сестеръ»:

— Развѣ мы могли бы принять матеріалиста?

И та очень твердо отвѣтила:

— А почему же нѣтъ?

И стала приводить рядъ доводовъ.

Если онъ ищетъ какого-то новаго пути, почему же не указать ему его? Вѣдь и правовѣрный церковникъ тоже не долженъ признавать ихъ коренныхъ вѣрованій; однако, среди нихъ сколько есть христіанъ и христіанокъ!

Когда они сѣли тутъ, она поглядѣла на него своимъ пытливымъ взглядомъ, но вполнѣ задушевнымъ тономъ выговорила:

— Знаете, что я вамъ скажу... Я пріятно удивлена тѣмъ, *какъ* вы относитесь къ тому, что я вамъ сказала про мою подругу, про то глубокое успокоеніе, какое сошло на ея душу, съ того времени, какъ она признала многое, что людямъ науки—тутъ она усмѣхнулась—кажется чуть не бредомъ.

— Я давно знакомъ съ вашимъ... ученіемъ... и до сихъ поръ отношусь къ нему съ интересомъ. Васъ, быть можетъ, это удивляетъ потому, что вы считаете меня сторонникомъ позитивныхъ взглядовъ, по-просту матеріалистомъ?

Она ничего не отвѣтила, но глазами какъ бы подтвердила это.

— Оставимъ мы эти клички! Да и какъ можно быть теперь правовѣрнымъ матеріалистомъ, когда самое понятіе о *матеріи* совершенно измѣнилось. Что такое матерія? Къ чему она сводится? На повѣрку выходить, едва-ли не къ одной тяжести... вѣсу. А какого она происхожденія? Что ее создало? Какая-то *энергія*... Нѣчто невѣсомое и все-таки вездѣсущее.

— Да, вездѣсущее!—воскликнула она.—И эта энергія все собою наполняетъ. А человѣка ведетъ отъ одного состоянія къ другому, все высшему!

— Стало-быть, кличекъ не надо. Я стою на почвѣ знанія и мышленія, которое ими руководится; у васъ также свое знаніе. Но мы оба признаемъ единство всего сущаго. Вѣдь да?

— О! Всеконечно!

— Вотъ меня мои сожители... тамъ, въ пансіонѣ, называютъ, всё *монистомъ*. Если это что-нибудь значитъ, то это то, что для меня въ жизни, въ ея явленіяхъ нѣтъ и не можетъ быть никакой двойственности. Вѣдь и вы признаете переходъ одной формы—тѣлесной—въ духовную, съ сохраненіемъ единства Бытія?..

Онъ перебилъ себя и, глядя на нее съ тихой улыбкой, воскликнулъ съ еще большей искренностью:

— Знаете, я всѣмъ вамъ завидую!

— Въ чемъ?

— А вотъ въ томъ, что васъ объединяетъ *одно* вѣрованіе, въ которомъ есть и цѣлое міропоминаніе, и нравственный кодексъ, и бодрящая увѣренность въ томъ, что сознательная жизнь—безпредѣльна.

— Да! да!

— А вотъ въ нашей, самой избранной интеллигенціи—этого нѣтъ. Полный разбродъ. Общаго пониманія міра—никакого. Все кружковщина, партійность, педантская или фанатическая нетерпимость... А отчего?

Онъ поднялъ голову, какъ бы вглядываясь въ полосу совсѣмъ голубого неба, шедшую надъ лѣсной дорогой.

— Оттого, что нѣтъ чувства глубокой связи вотъ со всѣмъ этимъ!

И онъ широкимъ жестомъ обѣихъ рукъ обвелъ кругомъ себя.

— Какъ это вѣрно!—вполголоса обронила она.

— Нѣтъ горизонта, нѣтъ критерія! Все сводится къ своему ничтожному «я», когда все-то человѣчество—только инцидентъ въ жизни вселенной! Оттуда и такая безумная гордыня своего «я», и тревога, и страхи, и постыдное цѣплянье за жизнь!

— Какъ это вы вѣрно сказали: цѣплянье за жизнь!

— Вотъ видите,—онъ протянулъ ей руку, и она пожала ее,—у насъ съ вами есть нѣчто связующее... И въ вашемъ міропониманіи—насколько я его изучилъ—есть приближеніе къ тому, что я давно называю *космическимъ credo*. Оно не противорѣчитъ ни наукѣ, ни вѣрѣ въ возможность другой формы бытія.

— Но только безъ жестокаго возмездія, безъ загробныхъ каръ! Этого быть не можетъ и не должно!

— И вотъ одно это дѣлаетъ уже весь вашъ душевный укладъ выше всякаго дрожанія за свое личное благополучіе... и тамъ, на небѣ, гдѣ надо заполучить теплое мѣстечко за свое примѣрное поведеніе!

Она чуть не крикнула ему: «Кто же вамъ мѣшаетъ быть нашимъ»?

И точно въ отвѣтъ на это, онъ сказалъ съ явственной нотой грусти:

— Съ вами мы можемъ спѣться... а съ тѣми, кто, повидимому

принадлежитъ какъ будто и къ тому же лагерю, сейчасъ пойдутъ раздоры. И каждый прикрывается своимъ ярлыкомъ. А о связи съ тѣмъ, что еще греки называли «Панъ»—«Все»—никто не думаетъ. Все это кажется опаснымъ сдвигомъ въ метафизику... и даже въ мистику.

Прощаясь у крыльца санаторія, Ольга, съ крѣпкимъ пожатіемъ руки, сказала ему:

— Когда у васъ будетъ такъ полно на душѣ, какъ сегодня—зайдите. Я еще поживу здѣсь.

— Вашъ гость!—кинулъ онъ ей всей грудью, и, отойдя нѣсколько шаговъ, обернулся и поклонился ей на ходу.

Она еще стояла на площадкѣ крыльца.

XI.

Заморосилъ съ утра мелкій дождь. Сѣро, темно, надо сидѣть дома.

Въ первомъ этажѣ пансіона, прозваннаго «русскій уголъ», очень просторную комнату, съ балкономъ, занимаетъ та молодая женщина «натуралистка», о которой, два дня передъ тѣмъ, былъ разговоръ у художницы съ ея другомъ-химикомъ.

Она сидитъ у окна что-то себѣ прилаживаетъ къ сегодняшнему туалету, и низко наклонила голову, прищуривъ свои большіе близорукіе глаза, надъ кружевной отдѣлкой лифа.

Никто бы не назвалъ ее красивой, но она всегда нравилась мужчинамъ. Въ ея чертахъ есть что-то игривое и ласкающее, а главное, въ обращеніи съ мужчинами и въ умѣніи одѣваться смѣло, оригинально и всегда къ лицу. Вотъ и теперь она въ изящномъ пеньюарѣ, который она называетъ «хитонъ». Сквозь его бѣлую, серебристую ткань видны всѣ округлости и линіи ея гибкаго тѣла.

Врядъ ли свѣжій человѣкъ, при первой встрѣчѣ съ нею—принялъ бы ее за спеціалистку по естествознанію. А она уже печатала мемуары, которые вызвали сенсацію и въ нѣмецкихъ научныхъ журналахъ, и собирается занять каѳедру на женскихъ курсахъ.

Что сейчасъ же звучитъ въ ея бесѣдѣ съ какимъ угодно мужчиной—это ея подчеркнутая самостоятельность. Она не хочетъ носить никакой клички, не любитъ даже, чтобы ее называли «феминисткой». Но всякому мужчинѣ—какъ бы онъ ни былъ уменъ, ученъ и даровитъ—она сейчасъ же желаетъ пока-

зать, что онъ ей «ни мало не импонируетъ», что мужчина «узурпаторъ» и только по «женскому попущенію» играетъ таку ю роль.

И какъ она радовалась каждый разъ, когда въ царствѣ какихъ-нибудь низшихъ животныхъ, живущихъ однако благоустроеннымъ государствомъ, она находила, что мужчины у нихъ «дураки» и «тунеядцы», которыхъ держатъ только «для приплода».

Мужчинамъ всѣмъ бы, и въ людскомъ обществѣ, слѣдовало носить нарицательное «трутень».

Какъ бы она возмутилась, если бъ она могла слышать то, что та парижская модернистка-художница, говорила ея другу— что всѣ ея спеціальныя знанія—все это не что иное, какъ мужское *внушеніе* и *обезьянство*, съ единственной цѣлью «прилестить» себѣ мужчину какимъ-нибудь гарниромъ къ чисто женскому «естеству», къ молодому тѣлу, пикантной «мордочкѣ» и шикарнымъ туалетамъ, вплоть вотъ до такихъ домашнихъ «хитоновъ».

Всю эту недѣлю она сама не своя. Она не хочетъ никакихъ счетовъ, никакихъ непріятныхъ схватокъ; она стыдится всякаго «дамскаго шаблона» соперничества, ревности, малѣйшихъ проявленій страха лишиться своей «цацы».

Постыдно за кого-либо держаться, а еще постыднѣе это высказывать, точно первой попавшейся мужелюбивой полковницѣ или влюбленной до безумія дѣвченкѣ, которую бросаетъ студентъ или юнкеръ!

Но что-то закралось между нею и ея «другомъ» и какъ тамъ ни брыкайся!—руководителемъ.

Что же это? Чувственное охлажденіе мужчины? Очень возможно. Но не одно это. Погоня за новенькимъ... за умственнымъ франтовствомъ свободной бабенки, выдающей себя за дѣвицу, за чѣмъ-то, что представляетъ собою нѣчто глубокочуждое и даже враждебное тому складу убѣжденій, взглядовъ, принциповъ, какой ихъ связываетъ съ тѣхъ поръ, какъ она стала вровень съ его научнымъ пониманіемъ всего—и природы, и человѣческаго общества, и своей такъ называемой «души», и нравственности, и достижимаго на землѣ счастья.

И вотъ въ эти самыя минуты, когда тонкіе пальцы одной руки перебирали кружево, а другой она держала иголку съ ниткой—въ головѣ ея запрыгало это педантское слово «міропониманіе».

Его такъ часто употребляетъ *онъ*. И такъ гордится тѣмъ,

что его не собьетъ съ твердой, какъ сталь, базы, никакое безпочвенное «исканіе». Онъ—не узкій спеціалистъ, а мыслитель, у котораго есть въ запасѣ отвѣтъ на каждый вопросъ, какіе, безъ смыслу и толку, перетираютъ всѣ явные и тайные врачи науки—единой, великой и всеразрушающей.

Но отчего же, съ нѣкоторыхъ поръ, она—еще до появленія той «интеллигентной франтихи»—начала чувствовать какую-то суховатость во всемъ, что̀ составляетъ ихъ интимный міръ?

Точно у нея нѣтъ ничего, болѣе сокровеннаго, дорогого, самоцѣннаго въ глубинѣ ея духовнаго «я».

И ей сдается, что и у него можетъ оказаться такая же «пустушка», только онъ этого еще не зачуялъ, какъ она, потому что мужчина во всемъ менѣе чутокъ, чѣмъ женщина, лишенъ *интуиціи*, того великаго инстинкта, который сдѣлалъ женщину носительницей самыхъ зиждительныхъ силъ творчества въ природѣ и въ человѣческомъ обществѣ.

Вотъ она сейчасъ мысленно употребила слово «духовный».

Вѣдь имъ обоимъ не полагается признавать «духъ», какъ нѣчто самобытное. Можно еще позволить себѣ соглашаться съ приверженцами «энергизма» и допускать особаго рода психику энергіи. Но опять-таки какъ что-то безличное, стихійное, разновидность электричества или радіоактивности.

А тутъ, внутри своего сознательнаго «я» что-то копошится, чего-то ищетъ, чего-то требуетъ болѣе цѣльнаго и законченнаго.

Что же это такое?

Модный парижскій метафизикъ, на лекціи котораго бѣгаетъ и та франтиха-художница, сочинилъ какой-то «élan vital»—*жизненный порывъ*.

Это красивая фраза. Но развѣ подъ ней не кроется чего-то смахивающаго на какую-то правду? Безъ такого «порыва» развѣ крошечныя животныя—пчелы и муравьи—доработались бы до того, что у нихъ личное «я» принесено на алтарь общины, государства? И какимъ путемъ? Путемъ величайшаго геройства, идеальной дисциплины, такого самопожертвованія, до котораго человѣчество врядъ-ли когда-нибудь доразовьется.

Она сильно задумалась и опустила иголку, которой только-что хотѣла сдѣлать стежокъ.

Да, внутри что-то неладно, потому что каждый вотъ такой запросъ упирается въ слишкомъ сухой отвѣтъ, а не находитъ ничего, въ самой себѣ, что̀ давало бы просвѣтъ во что-нибудь другое, менѣе «мужчинское», выговорила она мысленно и даже покраснѣла отъ этого слова.

А чисто-женское чувство продолжало копошиться, и она боялась, какъ бы чего не вышло... вотъ на этихъ дняхъ, сегодня, завтра, и она можетъ наскочить на холодящій отпоръ.

XII.

Въ дверь осторожно постучали.—Herein!—крикнула она сильно и съ невольнымъ раздраженіемъ.

Ей не хотѣлось, въ эту минуту, никакихъ «обывательскихъ» разговоровъ—ни нѣмецкихъ, ни русскихъ.

Тихо вошелъ *онъ* и, затворивъ дверь, пріостановился и спросилъ:

— Заняты туалетомъ?

Они—и съ глазу на глазъ—привыкли говорить другъ другу «вы», чтобы никто ихъ не изловилъ. И только иногда—да и то въ поздніе часы—переходили на «ты».

Она быстро обернулась къ нему и тотчасъ же отложила работу.

Въ его глазахъ все та же улыбка благосклонной снисходительности, въ этихъ глазахъ, которыми онъ умѣлъ такъ привлечь ее. Тогда въ нихъ загоралось и нѣчто другое; но теперь тотъ огонекъ что-то не показывается.

Онъ подошелъ къ ней, наклонился, взялъ руку и поцѣловалъ: все это неспѣша, съ обычной плавностью въ жестахъ.

— Я вамъ не хочу мѣшать, мой другъ.

Но она мгновенно догадалась, что этотъ визитъ—не спроста. Подъ нимъ сидитъ какое-нибудь «сообщеніе». Подъ этой дипломатической формой онъ всегда дѣлаетъ ей внушеніе или даетъ совѣты, съ которыми, такъ или иначе, надо сообразоваться.

Когда онъ присѣлъ, тутъ же, около нея, она встала и прошлась по комнатѣ, точно желая встряхнуться отъ долгаго сидѣнья, нагнувшись.

Но и онъ до тонкости изучилъ ея жестикуляцію и мимику.

И въ глазахъ ея заиграли змѣйки. Вотъ сейчасъ же она что-нибудь скажетъ такое, что поведетъ къ объясненію, и вѣроятно о томъ, съ чѣмъ и онъ пришелъ сюда.

— Ваша парижская футуристка перестала приходить сюда къ обѣду. Уѣхала... или это какой-нибудь ходъ съ ея стороны?

Глаза насмѣшливо прищурились. — Развѣ я долженъ это знать?—откликнулся онъ, все съ той же ласково снисходительной усмѣшкой.

— Я думала такъ!

Онъ жестомъ руки съ своего мѣста пригласилъ ее сѣсть около него.

Когда она сѣла, онъ протянулъ ей обѣ руки—жестъ, сдѣлавшійся у него символическимъ. Онъ сейчасъ же будетъ что-нибудь «предлагать» или «внушать».

Рукъ своихъ она ему не дала; но вся ея посадка показывала, что она ждетъ.

— Мой другъ — началъ онъ... то, что я долженъ вамъ сообщить—крайне непріятно... тѣмъ болѣе, что и я не могу не находить...

— Не продолжайте дальше! Вы будете мнѣ выговаривать... за то, какъ я держу себя съ *ней*.

Она не сказала—съ кѣмъ именно.

— Но я обязанъ передать вамъ то, что̀ мнѣ было сказано.

— Все ею же?

— Да... Еще два дня тому назадъ.

— Отчего же вы медлите?

— Отчего? Надѣялся, что все это обойдется. Вы знаете, какъ я не люблю объясненій. Но тутъ я—только посредствующее лицо. Какъ бы вы ни относились къ этой особѣ, она была права, поставивъ такой ультиматумъ: или вы будете съ ней, какъ съ другими, или она освободитъ васъ отъ своего присутствія. Какъ она выразилась: «карты на столъ».

Краска выступила на ея щекахъ, и глаза усиленно замигали.

— Никакихъ ультиматумовъ... я принимать не буду.

— Но какая же надобность выставлять себя въ такомъ невыгодномъ свѣтѣ?... Если бы вы видѣли, что я, положимъ, увлекаюсь ею, то надо было бы начать съ меня.

— Какъ будто это не бросается въ глаза всему пансіону?

— Полноте...

Тутъ онъ взялъ ея руку и придержалъ въ своей.

— Вы сами любите игру съ интересными мужчинами. Это къ вамъ идетъ. И я первый любуюсь вами. Наша взаимность—не мелкая чувственная интрига. Насъ связываетъ съ вами общность всего нашего душевнаго склада...

— Ахъ, Боже мой!

Она махнула рукой и откинулась на спинку кресла, въ которомъ сидѣла.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что у насъ съ вами точно ничего нѣтъ такого, что̀ бы согрѣвало насъ...

— Какъ ничего? Я васъ не понимаю!

— Да и не можете понять... Въ вашемъ умѣ все установлено, все—дважды два четыре. Никакихъ сомнѣній, загадокъ, порываній къ чему-то, стоящему выше факта... и закона природы.

Такою вы дѣлали и меня. Что жъ! Я должна признать, что я ваша выученица, какъ мнѣ это ни обидно. Но выученица въ чемъ? Въ томъ, что даетъ книжка, микроскопъ, химическая реакція. И у меня есть свое «я», и оно слишкомъ часто чувствуетъ себя въ какой-то торичелліевой пустотѣ. И когда вы, на моихъ глазахъ, начинаете игру съ первой попавшейся француженкой... въ родѣ этой футуристки или какъ она тамъ себя величаетъ—я спрашиваю себя: если онъ тебя отличилъ, то не оттого ли, что въ тебѣ было что-то пикантное, что я могла выдѣляться не одними туалетами, а и тѣмъ, что я могу тягаться съ мужчинами и по научной части? Такъ вѣдь и это только внѣшняя приманка! Льститъ самолюбію мужчины, который руководилъ первыми шагами такой способной барыньки! Ха, ха!

Она встала и начала ходить по комнатѣ.

— Вы кончили?—умышленно тихо спросилъ онъ.

— Довольно и этого! Я вижу, что вамъ мои слова кажутся чуть не блажью. Приревновала, какъ влюбленная дѣвчонка, и сейчасъ припутала къ этому какіе-то запросы души! Вамъ вѣдь, какъ поборнику точнаго знанія, и не пристало отвѣчать на такіе запросы. Это отзываетъ старомоднымъ идеализмомъ или новѣйшимъ прорывомъ въ потустороннюю область, къ которымъ мы съ вами должны относиться съ чувствомъ жалости.

И, вернувшись на свое мѣсто, она закончила свою тираду словами:

— Извиняться я передъ ней не буду, но постараюсь вести себя такъ, что и она, и вы будете мною довольны.

— Этого совершенно достаточно.

Онъ поднялся. Было бы излишне продолжать разговоръ въ такомъ же тонѣ. Но у нея было еще одно очень важное сообщеніе. И только въ эту минуту она вспомнила о немъ.

Въ письмѣ, полученномъ ею сегодня же, стояли подробности о ея бракоразводномъ процессѣ.

Всѣ ее считаютъ здѣсь вдовой, одинъ только онъ зналъ, что она еще не свободна.

Но говорить ему о томъ, что дѣло подходитъ къ развязкѣ,—значило бы выдавать ему желаніе пріобрѣсти его себѣ въ законные супруги.

До сихъ поръ она усиленно избѣгала разговоровъ на эту тему. А въ настоящую минуту она была еще дальше отъ всякихъ «матримоніальныхъ» комбинацій.

— Я васъ оставляю,—сказалъ онъ у двери.—Ваши нервы—не въ порядкѣ. До свиданія.

На это она ничего не отвѣтила.

XIII.

Въ садикѣ того же пансіона, въ дообѣденный часъ теплаго, радостнаго дня, въ открытой бесѣдкѣ, обвитой дикимъ виноградомъ, сидѣли двое—одинъ, уже знакомый намъ русскій, имѣвшій разговоръ съ теософкой въ лѣсу, около санаторія, и другой—новый жилецъ пансіона, только вчера вечеромъ пріѣхавшій сюда.

Это былъ почти уже древній старикъ, съ обликомъ патріарха: длинная, серебристая борода, обнаженный лобъ, сухой станъ. Но онъ держался еще прямо, въ своемъ бѣломъ фланелевомъ костюмѣ. Сидя, онъ обѣими кистями рукъ опирался о набалдашникъ трости.

Во всей его фигурѣ, въ абрисѣ головы, въ манерѣ сидѣть, въ выраженіи непотухшихъ еще добрыхъ глазъ подъ густыми бровями пробивалось прирожденное изящество всего душевнаго склада, прошедшаго долгую школу самовоспитанія.

Его давно уже зовутъ Несторомъ писательскаго міра и въ шутку предсказываютъ ему маѳусаиловъ вѣкъ.

Онъ и самъ, при случаѣ, повторяетъ то, что̀ Гёте говорилъ, когда прожилъ уже три четверти вѣка: «года, которые онъ теперь доживаетъ,—подарокъ судьбы». Иногда онъ называетъ себя, цитируя стихъ изъ «Евгенія Онѣгина»—про отца Татьяны:

«Въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалый».

Гёте и Пушкинъ и остались его лучезарными образцами гармоническаго сочетанія геніальнаго дарованія со всѣмъ складомъ жизнерадостной натуры писателя и человѣка.

И если онъ что-нибудь цитировалъ, то всегда изъ нихъ. «Фауста» онъ зналъ почти наизусть, такъ же, какъ и «Онѣгина».

Его болѣе молодому сверстнику, который поддерживалъ съ нимъ переписку, былъ особенно пріятенъ его пріѣздъ. Больше для свиданія съ нимъ старецъ и заѣхалъ сюда; онъ же ему и приготовилъ комнату.

Всѣ его знали и привыкли смотрѣть на него, какъ на подлиннаго «старѣйшину».

Себя онъ въ шутку называлъ «Дойѐнъ-д'Агѐ»—прозвище, которое досталось Краевскому за его забавную ошибку въ статьѣ «Энциклопедическаго Словаря» Плюшара. Онъ принялъ французское выраженіе «doyen-d'âge» за собственное имя и поставилъ «Дойѐнъ-д'Агѐ».

Они вмѣстѣ пили сегодня утромъ кофе и прошлись уже по лѣсу.

Старецъ видѣлъ вчера только одного изъ пріятелей—доцента; а сегодня—во время прогулки—разспросилъ своего спутника о русскихъ обитателяхъ пансіона и всего курорта.

Онъ сохранилъ на рѣдкость благодушную общительность своего времени, и у него одного можно еще было найти гостепріимный кровъ для всѣхъ мыслящихъ и любящихъ «прекрасное слово».

И когда его младшій собратъ сталъ поджидать его сюда, онъ искренно пожалѣлъ о томъ, что старецъ будетъ здѣсь только проѣздомъ. Подъ его «патронатомъ» могъ бы происходить тотъ обмѣнъ самыхъ сокровенныхъ идей и запросовъ, изъ котораго бы получилось хоть подобіе духовной гармоніи вмѣсто разброда и враждебнаго отчужденія.

Обыкновенно спокойный и до крайности терпѣливый, старецъ пріѣхалъ однако въ очень минорномъ настроеніи,

Онъ заговорилъ прямо въ тонѣ душевнаго сокрушенія о томъ, *что* онъ теперь видитъ и въ молодежи, и вообще въ интеллигенціи.

Его подавляетъ, во-первыхъ, эпидемія самоубійствъ—вездѣ, во всѣхъ классахъ и во всѣхъ возрастахъ, вплоть до подростковъ и дѣтей.

— И не могу я, — говорилъ онъ, тихо волнуясь, — не потребовать къ суду писательской чести тѣхъ, кого зовутъ у насъ «любовниками смерти»—стихотворцевъ и беллетристовъ, которые проповѣдуютъ мертвечину. Этому нѣтъ никакого оправданія! Я весь свой вѣкъ стоялъ за безусловную свободу мысли и слова. Но къ этому я терпимо относиться не могу! И безъ того уже въ послѣдніе годы—въ нашей ужасной русской дѣйствительности—и жизнь, и смерть опозорены, загрязнены, оплеваны гадкой отрыжкой нашей смуты. А тутъ еще апоѳеозъ мертвечины, какъ отвѣтъ на запросы о цѣли и смыслѣ жизни!

— Вотъ вы,—откликнулся его собесѣдникъ на эту горячую тираду,—небось не спрашивали себя: зачѣмъ жить, а просто жили всѣми фибрами своей души... Находили во всемъ—вплоть до незаслуженныхъ испытаній—свой высшій смыслъ.

— Именно. Какъ веймарскій олимпіецъ говоритъ въ своемъ «Фаустѣ»: «Freude muss Leid, Leid muss Freude haben».

— И за нѣсколько дней до смерти и мыслью, и чувствомъ художника онъ былъ преисполненъ связью съ бытіемъ вселенной.

— Э-хе!

Старецъ отнялъ одну кисть руки и сдѣлалъ ею широкій взмахъ.

— Мнѣ также немного до того срока, который судьба отмѣрила автору «Фауста», но я надѣялся унести въ могилу все то же исповѣданіе писателя, что нѣтъ выше нашего дѣла, особенно въ такой странѣ, какъ Россія. И что же? Я почти стыжусь, что принадлежу къ той братіи, съ которой водился всю свою жизнь! Какое измельчаніе всего! Что за нравы! Какіе факты всплываютъ ежедневно? Никому я не завидовалъ и теперь не завидую. Ни у кого не отрицаю таланта. Но таланта мало!—воскликнулъ онъ.—Надо вотъ тутъ,—онъ прикоснулся рукой ко лбу, и тутъ рука прихватила грудь,—имѣть нѣчто, что̀ питаетъ и согрѣваетъ талантъ. Будь у меня какое угодно дарованіе, но если я способенъ грязнить его всякой пошлостью—я не писатель, а презрѣнный наемникъ, набивающій себѣ тысячный гонораръ.

И, точно устыдившись такихъ сильныхъ словъ, онъ улыбнулся и ласково взглянулъ на своего собесѣдника.

— Простите! Не будемъ задѣвать такихъ темъ. Отъ нихъ бѣжишь на лоно природы. Но, видно, никуда не убѣжишь отъ любезнаго отечества и его пріятностей.

— Никуда не убѣжишь,—повторилъ его младшій собратъ.

— Я думаю, и здѣсь вы—чуть не каждый день—перебираете между собою всякіе проклятые вопросы? Это бы не бѣда... А печально то, что теперь, больше, чѣмъ въ мою молодость, всѣ—кто въ лѣсъ, кто по дрова.

Старецъ попадалъ прямо въ его ноту.

Но ему не захотѣлось тутъ же высказывать все то, что—не со вчерашняго дня—наполняетъ его самого.

Изъ оконъ пансіона раздался продолжительный звонокъ—призывъ къ обѣду.

— La suite au prochain numéro!—сказалъ старецъ, поднимаясь.—Пойдемте, cher confrère... и повторимъ афоризмъ щедринскаго *батюшкина братца*: «Пища во благовременіи не вредительна бываетъ».

Оба разсмѣялись, двигаясь къ крыльцу.

XIV.

Послѣ табльдота русская компанія размѣстилась на террасѣ—пить кофе.

Посрединѣ сидѣлъ старецъ—такой ясный, благодушный и улыбающійся доброй улыбкой.

Его еще не потухшіе глаза какъ бы говорили:

«Милые мои... ловите моментъ! Видите, какъ хорошо: солнце, тепло, благоуханіе изъ цвѣтника, надъ нами безоблачное небо... Забудемъ весь тотъ «дрязгъ»—онъ любилъ гоголевскіе словечки—которымъ вы портили себѣ жизнь на родинѣ русскихъ интеллигентовъ, и дышите полной грудью и ни о чемъ не думайте, и ни о чемъ не препирайтесь».

Тутъ были на лицо всѣ обитатели «русскаго угла» — химикъ и натуралистка, два пріятеля—интуитистъ и мистикъ.

Художница не жила въ этомъ пансіонѣ, но ходила часто за табльдотъ; но вотъ уже третій день, какъ она перестала здѣсь обѣдать.

«Коллега» старца,—какъ тотъ называлъ своего младшаго собрата,—былъ радъ тому—какъ гость изъ Петербурга, сразу всѣмъ понравился, и за обѣдомъ всѣ оживились, сидя за особымъ *русскимъ* столомъ, гдѣ онъ имѣлъ видъ почетнаго предсѣдателя.

На террасѣ они размѣстились также вокругъ стола. Справа сидѣли натуралистка съ химикомъ, слѣва два философа и сбоку—лицомъ къ старцу—его собратъ.

— Много здѣсь русскихъ?—спросилъ старецъ, обращаясь къ нему.

— Много. Почему-то этотъ, въ сущности, совсѣмъ индифферентный курортъ дѣлается у насъ очень популярнымъ. Вотъ вы сами услышите вездѣ — въ лѣсу, въ паркѣ, особенно на музыкѣ—русскій говоръ и перекликанье именъ: «Сережа! Володя! Маруся!» Точно вы гдѣ-нибудь въ Озеркахъ или въ Сокольникахъ!

— А все-таки—поди—чураются другъ дружки? Прежде... лѣтъ тридцать назадъ и больше — всегда такъ пріятно было встрѣтиться съ компатріотомъ. А теперь—каждый смѣется.

— Ничего въ этомъ нѣтъ удивительнаго! — замѣтилъ химикъ, не мѣняя спокойнаго выраженія своего внушительнаго лица. *Тогда* и *теперь*! Тогда никто ничего не боялся. Да и помимо всякихъ полицейскихъ соображеній—не было...

— Что?—остановилъ старецъ.—Такой розни? Прямо—разрухи?

— Я называю это иначе—болѣе объективно.

— Какъ же именно?

— Это—неизбѣжная *дифференціація*. Такъ должно было произойти—рано или поздно.

— Да-а—протянулъ приватъ-доцентъ, размѣшивая сахаръ

въ своей чашкѣ кофе. Если хотите дифференціація, но когда она приведетъ къ синтезу? И что этому мѣшаетъ?

Тому, кого говорившій это называлъ иронически «монистомъ», хотѣлось отвѣтить на этотъ вопросъ, и не въ видѣ общаго мѣста, а по существу; но онъ боялся, что благодушная бесѣда перейдетъ сейчасъ въ «россійскій» споръ.

И, точно почуявъ это, старецъ покачалъ головой и замедленнымъ тономъ, оглядывая всѣхъ все тѣмъ же ласковымъ взглядомъ, сталъ говорить, ни къ кому въ отдѣльности не обращаясь, точно предсѣдатель, дѣлающій свое *resumé* послѣ дебатовъ.

— Друзья мои! Время, которое мы теперь переживаемъ— въ любезномъ отечествѣ—принято называть не иначе, какъ *подлымъ*. Я его защищать не стану! Человѣку, такъ заживщемуся, какъ я—приходится, на послѣдяхъ, подводить, во многомъ, довольно-таки горькіе итоги. Но почему же не говорить правды? Каковъ бы ни былъ, въ разныхъ смыслахъ, настоящій моментъ — произнесъ онъ съ юморомъ—нашей дѣйствительности — вы всѣ, здѣсь присутствующіе русскіе интеллигенты, должны признать, что прежде, еще какихъ-нибудь десять, восемь лѣтъ назадъ, намъ нельзя было бы такъ высказываться—если не публичнымъ словомъ, то въ печати — по всему тому, что̀ намъ дорого, что̀ мы считаемъ нашимъ идеаломъ. Даже и сравнивать нечего!

— А отчего же такая неразбериха?—остановилъ доцентъ и переглянулся съ своимъ пріятелемъ.

Обоихъ старецъ зналъ давно, слыхалъ ихъ доклады, предсѣдательствовалъ на тѣхъ преніяхъ, гдѣ они выступали и въ качествѣ лекторовъ, и въ качествѣ оппонентовъ.

Но онъ былъ вообще равнодушенъ къ «выспренностямъ» метафизики, и въ особенности мистики, и затруднился бы изложить суть исповѣданія вѣры каждаго изъ нихъ.

Онъ былъ глубоко терпимъ и любилъ повторять: «думай и воображай себѣ, что̀ тебѣ угодно: будь только добрымъ и честнымъ человѣкомъ».

— Да, откуда же эта неразбериха?—повторилъ за доцентомъ его пріятель.—Не оттого ли, что нѣтъ вѣры въ конечное торжество человѣческаго духа, нѣтъ желанія разумѣть шире съ высоты идеала, для котораго все—преходящее... все—только поводъ и символъ—«ein Gleichniss», какъ говорилъ онъ, повернулся къ писателю—вашъ Гёте.

Тотъ опять хотѣлъ возражать, и опять его удержала та же боязнь спора—безплоднаго русскаго спора, которымъ они сейчасъ угостили бы милѣйшаго старца

— Вы говорите о вашей... *потусторонней* высотѣ?

Это восклицаніе натуралистки могло бы послужить сигнальной ракетой къ тому, что старецъ, въ шутку, называлъ всегда «пря».

Но онъ протянулъ руку въ сторону единственной дамы за ихъ столомъ и продолжалъ все въ томъ же тонѣ и ритмѣ рѣчи, съ прибавкою благодушнаго юмора:

— Дорогая соотечественница! Забудьте, что вы — жрица науки. Вамъ и книги въ руки! Вы и вашъ коллега—онъ указалъ рукой на ея кавалера — стоите за законы природы. Но посмотрите... Эта мать-природа сама глядитъ на васъ съ такой любовью! Она прячетъ свои суровые законы и кажетъ намъ только свой ласкающій обликъ, говоритъ намъ также на своемъ вѣщемъ языкѣ: «придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и я успокою васъ!» Я не ученый, особенно по части естествознанія, но я всегда только любилъ эту мать. И единственное, что меня огорчало въ моемъ любимомъ писателѣ-художникѣ—Тургеневѣ это то, что онъ, такъ изображая картины природы, боялся ея, выставлялъ ее не только равнодушной, но и безпощадной. И слишкомъ хорошо, слишкомъ жутко живописалъ смерть. А смерти природа не знаетъ. Не такъ ли, господа натуралисты?—обратился онъ къ четѣ справа.

— Браво!

Дама захлопала въ ладоши; ея кавалеръ снисходительно улыбнулся.

И всѣмъ стало вдругъ какъ будто теплѣе и радостнѣе. И младшій собратъ старца, протягивая ему руку, сказалъ съ блескомъ въ глазахъ:

— Вотъ настоящія слова мудреца! И какъ нашъ дорогой гость—оглянулся онъ на всѣхъ—молодъ душой. Моложе всѣхъ насъ, господа!

— И легкомысленнѣе—выговорилъ съ тѣмъ же юморомъ старецъ. Его проповѣдь сводится къ приглашенію: «Лови моментъ!» Ха, ха!

XV.

Имъ обоимъ было такъ хорошо въ густой тѣни боковой тропинки, въ сторонѣ отъ дороги, которая ведетъ къ загородному отелю, туда дальше, по подъему на невысокую гору.

Сейчасъ они дѣйствовали на лаунъ-теннисѣ. Она была во всемъ бѣломъ, вплоть до бѣлыхъ башмаковъ; онъ въ фланеле-

вой рубашкѣ, съ кушакомъ, и въ мягкомъ картузѣ. Ракеты лежали рядомъ съ лѣснымъ диваномъ, на старомъ, низкомъ пнѣ.

— Вашему другу, кажется, приглянулась та нѣмочка? Онъ, пожалуй, и застрянетъ здѣсь!

— Въ сущности, онъ—Сердечкинъ. И не мудрено—въ немъ что-то есть притягательное для женскаго пола. А какъ видите—совсѣмъ не Адонисъ.

Художница оглянула своего собесѣдника. Въ его тонѣ она и вчера еще стала подмѣчать что-то новое, когда онъ говорилъ о своемъ пріятелѣ, у котораго гоститъ здѣсь. Навѣрно, у нихъ вышло какое-нибудь принципіальное «пря».

Но ей не хотѣлось разспрашивать объ этомъ. Было бы лучше, чтобы около нихъ не было вовсе русскихъ. Этотъ «товарищъ»—она такъ уже звала его въ шутку—гораздо новѣе и привлекательнѣе всѣхъ, кого она встрѣчала въ послѣднюю зиму и въ Парижѣ. И съ нимъ не нужно никакихъ «разводовъ». Если ихъ станетъ не на шутку тянуть одну къ другой—никакой банальной игры между ними не завяжется.

По ея любимой поговоркѣ, «карты на столъ».

И она такъ рада, что «диверсія» случилась именно теперь—тотчасъ послѣ объясненія въ паркѣ съ тайнымъ возлюбленнымъ той натуралистки.

Онъ сдѣлалъ той внушеніе. Это видно было по тому, какъ она вчера вела себя за табльдотомъ и послѣ него, при томъ пріѣзжемъ старцѣ, который всѣмъ пришелся очень по душѣ.

— Скажите — спросилъ ея *товарищъ*, подсаживаясь къ ней—что это за индивидъ, вотъ тотъ писатель, который живетъ въ «русскомъ углу»?.

— «Монистъ».

— Это его кличка?

— Да.

— Вы съ нимъ вели уже бесѣды?

— Да. Онъ очень искренній; только все у него отзывается какой-то превыспренностью.

— Потѣха, что мы—россіяне ведемъ безконечные діалоги! Какъ датскій принцъ говоритъ: «слова, слова, слова!» Вы находите этого любомудра искреннимъ? Это все-таки лучше, чѣмъ профессорская, благосклонная привѣтливость... того... химика.

Онъ поглядѣлъ на нее вбокъ и усмѣхнулся.

— У васъ съ нимъ былъ—сказываютъ—флиртъ?

Она повела плечами и немного покраснѣла.

— Кто вамъ наболталъ?

— Значитъ—вздоръ?

— Въ большихъ разговорахъ мы съ нимъ бывали—точно. Его подруга... натуралистка... глупо приревновала его... и я все это скрутила живой рукой.

— Что-жъ! Онъ въ родѣ волоокаго Зевса. Человѣкъ точнаго знанія... а для меня такіе господа... не ученые, а *попы науки*, какъ ихъ назвалъ когда-то Михаилъ Александровичъ.

Она догадалась, о какомъ «Михаилѣ Александровичѣ» онъ говоритъ.

— Все это—труха,—болѣе возбужденно продолжала она.— Знаете что... намъ-бы надо было очутиться однимъ... безъ этой курортной обстановки.

— Зачѣмъ же дѣло стало? Махнемъ въ Швейцарію!

— А вашъ пріятель?

Онъ немного поморщился.

— Я вѣдь не собирался заживаться здѣсь... Да и, по правдѣ вамъ сказать,—я побаиваюсь, какъ-бы мы съ нимъ не разплевались.

— Что вы!

— Еще не такъ давно онъ—хоть и зашибался своей доктриной, но все-таки не былъ такимъ заскорузлымъ начетчикомъ. А теперь—мочи нѣтъ! И на все, такъ-таки на все,— своя сектантская мѣра. Вы попробуйте заговорить съ нимъ объ искусствѣ. Живопись ли, музыка, художественная литература— ко всему прикладывается одинъ и тотъ же оселокъ!

— Экономическій? Классовое чувство?

— Вотъ-вотъ! Но это еще куда ни шло... Но всѣ они заядлые *государственники*, только подъ облыжной личиной, но и у нихъ все будетъ по ранжиру, съ подавленіемъ всякой индивидуальности.

Онъ остановился, взглянувъ налѣво, въ сторону лужайки, гдѣ пріютился лаунъ-теннисъ.

Оттуда легокъ на поминѣ приближался коренастый блондинъ, въ пальто, накинутомъ на плечи, въ парусинныхъ панталонахъ и въ соломенной шляпѣ на затылкѣ, съ воланомъ въ рукѣ.

— А гдѣ же его нѣмочка? Даже и проводить не могъ,— замѣтила художница.

— Онъ никого не балуетъ!

Пріятель его подошелъ къ нимъ развалистой походкой, загорѣлый, со вздернутымъ чисто-русскимъ носомъ, съ курчавой бородкой клинушкомъ, плечистый, прищуривая свои свѣтло-сѣрые большіе глаза. Никто бы его не принялъ за «грузнаго».

— Гдѣ же твоя партнерка?—спросилъ его пріятель.

— Увязалась съ другимъ дѣвьемъ!

— Какъ вы элегантно выражаетесь—дѣвьемъ!

Художница покачала головой.

— Да надоѣли! Все хохочутъ и взвизгиваютъ. Точно у Гоголя, мичманъ Дырка: ему палецъ покажи, такъ и закатится.

Онъ взявъ съ пня ракеты и сѣлъ на него, снялъ шляпу и сталъ отирать лобъ платкомъ.

Въ немъ было что-то прочное и простое, и упорное, при самомъ благодушномъ выраженіи лица.

Художница схватывала всю принципіальную рознь такихъ двухъ натуръ, какъ эти два пріятеля; но ей былъ больше по душѣ культъ безусловной свободы въ томъ, кого она считала уже своимъ «братомъ по духу».

Такимъ, какъ они оба, принадлежитъ будущее, а не тѣмъ «начетчикамъ», какъ сейчасъ выразился ея собесѣдникъ.

— Этакія эти нѣмки первобытныя!

Восклицаніе его сейчасъ же подхватилъ пріятель.

— Это твоя нація... и цѣлуйся съ ней.

— Почему же *моя*?

— Гдѣ же такое количество *зоцовъ*? Три милліона избирателей и цѣлая сотня депутатовъ... Чего же тебѣ еще?

— Тутъ особь статья! Я говорю про женскій полъ.

— Такъ вѣдь по пословицѣ: «Tel maître, tel valet»... Каковы мужчины, таковы и женщины. Онъ—зоцъ; но на жену онъ все-таки смотритъ, какъ на свою собственность—«mein Ross, mein Hund, mein Weib»! Имъ потому и вашъ катехизисъ такъ пришелся по вкусу, что они преисполнены стаднаго чувства. Все въ ранжиръ! «In Reih und Glied».

— Ну, затвердила сорока Якова, одно про всякаго!

Этотъ внезапный взрывъ ракетъ могъ перейти въ цѣлую схватку; но пока еще они держались полу-шутливаго тона.

XVI.

Къ нимъ подходилъ кто-то снизу.

Первая замѣтила его художница.

— Кто это? спросилъ ея «товарищъ».

— Это тотъ писатель...—Я вамъ о немъ говорила... котораго въ пансіонѣ прозвали «монистомъ».

— Вы его выносите?

— Да... онъ любитъ поучать... больше въ философскомъ духѣ; но не важничаетъ.

Она издали поклонилась приближавшемуся знакомому, какъ-бы приглашая повернуть къ нимъ.

Онъ подошелъ съ общимъ поклономъ. Она представила ему обоихъ молодыхъ людей.

Одного изъ нихъ, ея «товарища», онъ уже видѣлъ съ ней, издали, въ паркѣ, на музыкѣ, и замѣтилъ, что они, уединившись, вели очень живую бесѣду.

Другого видѣлъ онъ въ первый разъ.

Но общаго разговора у нихъ не вышло почему-то. Молодые люди вскорѣ удалились.

Художница, которой они предлагали проводить ее, осталась, чему писатель былъ радъ. Она его интересовала и помимо тѣхъ толковъ, какіе пошли въ пансіонѣ о соперничествѣ съ натуралисткой изъ-за химика.

— Я, кажется, прервалъ общую бесѣду?—спросилъ писатель.

— И хорошо сдѣлали.—Начиналась схватка... двухъ пріятелей. Одинъ тотъ крѣпышъ, похожій на борца,—эсъ-декъ... самой чистой воды.

— А другой?

— Если взять ходячую кличку, онъ—анархистъ. Или, какъ французы называютъ, «un libertaire». Этотъ терминъ и я употребляю,—добавила она и многозначительно поглядѣла на него.

— *Свободникъ*!—перевелъ ея собесѣдникъ.

— Именно! Потому что и я считаю себя—вѣрно или нѣтъ—такой же, какъ вы переводите, «свободницей».

И она тихо разсмѣялась.

— Значитъ, изъ этихъ двоихъ молодыхъ людей—съ нимъ вы всего болѣе солидарны въ своемъ общемъ credo...

Онъ не договорилъ и, обернувшись къ ней всѣмъ лицомъ, добавилъ:

— Простите... Я не хочу васъ исповѣдывать. И безъ того уже на меня смотрятъ здѣсь, какъ на какого-то, какъ бы это сказать...

— Ваше прозвище вамъ вѣдь извѣстно?

— Монистъ?

— Да. Но я должна повиниться передъ вами.

— Въ чемъ же? Скажите!

— Да вотъ сейчасъ, когда вы подходили сюда и тѣ господа спросили меня, кто вы, я сказала имъ, что вы любите...

поучать. Это, можетъ быть, совсѣмъ не такъ. Но въ васъ я, дѣйствительно, почуяла что-то особенное... вамъ хотѣлось бы, кажется... найти между всѣми нами... вотъ хоть-бы здѣсь, въ русской компаніи, что-нибудь объединяющее... не такъ ли?

Глаза его блеснули. Онъ весь какъ-то встрепенулся и ближе подсѣлъ къ ней, даже незамѣтно протянулъ къ ней руку, какъ-бы ища ея рукопожатія.

— Вотъ что значитъ быть художницей!.. Въ васъ сильна интуиція.

— Чутье?—весело подсказала она.

— Творческая отгадка. А вѣдь мы съ вами не имѣли въ сущности ни одного...

— Принципіальнаго разговора?—подсказала она.—Я ихъ побаиваюсь. Отчего русскіе интеллигенты въ такомъ разбродѣ?

Отъ этихъ самыхъ принципіальныхъ разговоровъ. Вотъ два пріятеля... тѣ, что сейчасъ ушли. Въ нихъ я—со стороны—нахожу очень много родственнаго въ ихъ натурахъ... въ самой сути ихъ «я». И они могли бы ладить и дополнять другъ друга. И что же? Одинъ... тотъ... «libertaire» заѣхалъ сюда погостить у пріятеля, и ихъ дружба уже на волоскѣ оттого, что одинъ сталъ сильнѣе возмущаться тѣмъ, какъ другой смотритъ на будущее соціальное устройство передового человѣчества! Но вѣдь до этого еще не дойдетъ дѣло, когда они оба сойдутъ въ могилу и косточки ихъ сгніютъ! И все клички, формулы, ярлыки! Вотъ что печально!

Онъ слушалъ ее съ наклоненной головой, и на губахъ его блуждала сочувственная улыбка.

— Какъ вы правы!—выговорилъ онъ, точно про себя. Вы сейчасъ повинились мнѣ, будто бы я желаю всѣхъ поучать?

— Я беру слова назадъ!

— Зачѣмъ поучать? И что-либо навязывать?! Но нельзя не огорчаться тѣмъ, что въ русской интеллигенціи разбродъ и взаимное непониманіе идутъ все въ гору! Сектантство — вотъ общій лозунгъ! И какъ же бойцамъ свободной мысли, научнаго свѣта не бороться съ искателями мистическаго свѣта?

— Въ родѣ нашей общей знакомой—теософки? Я вѣдь у нихъ бываю.

— Да и какого бы то ни было религіознаго толка и согласія. У тѣхъ есть нѣчто, что́ объединяетъ все ихъ разумѣніе жизни.

— А небось вы бы не пошли въ ихъ толкъ? И я не

пойду! Какая же это свобода мысли и чувства? Это—добровольное рабство!

— Можетъ быть... И я—первый не стану никому проповѣдывать такой путь къ уразумѣнію высшей правды всего бытія. Но развѣ лучше эта повсюдная усобица, эта скудость душевныхъ настроеній, та сухость и пустота, которыя съѣдаютъ тѣхъ, кто могъ бы и при полной свободѣ своего credo находить что-нибудь окрыляющее и согрѣвающее всѣхъ и каждаго?

— Должно-быть, нельзя этого заполучить, а если можно, то только однимъ способомъ.

— Какимъ?

— Сливаясь... со всѣмъ этимъ.

И она обвела рукой.

— Съ космосомъ?—подсказалъ онъ тихо.

— Да, если хотите—берите и это ученое слово. Въ себѣ находить откликъ всѣхъ голосовъ природы. Выше красоты ничего нѣтъ... и ея отраженія въ нашемъ душевномъ «я».

— Какъ это отрадно—чуть слышно вымолвилъ онъ.

— Что именно?

— А то, что̀ вы сейчасъ сказали... Вѣдь я ни о чемъ другомъ и не мечтаю, какъ вотъ объ этомъ чувствѣ сліянія со всѣмъ, что̀ заполняетъ міръ и влечетъ его все дальше и дальше.

— Тоже вѣдь почти развиваетъ и вашъ сожитель въ русскомъ углѣ... тотъ приватъ-доцентъ; а вы развѣ съ нимъ одного толка?

— Увы! Нѣтъ. Потому что онъ *интуитистъ* и *прагматикъ*, а я нѣтъ.

— Вотъ видите... И опять ярлычки?!.

Гдѣ-то зазвонили къ ужину.

— Слышите... вечерній звонъ зоветъ насъ вкушать пищу. Идемте.

XVII.

Оба писателя и «старецъ», и его меньшой коллега, среднихъ лѣтъ мужчина въ тотъ же вечеръ побрели на музыку очень неважную, какъ и тѣ вечера, которые раза два въ недѣлю—даютъ въ плохенькомъ курзалѣ тутъ же, при входѣ въ прекрасный паркъ.

Не дальше, какъ наканунѣ, они видѣли тутъ пьеску Чехова въ нѣмецкомъ переводѣ «Медвѣдь», и сильно огорчились грубой игрой актеровъ. Старецъ даже не досидѣлъ.

Онъ искалъ за границей хорошаго отдыха и уединенія; но его общительную натуру тянуло къ молодежи и мужской, и женской.

Изъ женщинъ, съ которыми онъ здѣсь познакомился, и художница и натуралистка его одинаково интересовали. Художницу онъ въ шутку уже называлъ, заглазно, «футуристкой», а насчетъ натуралистки многозначительно подмигивалъ и не особенно довѣрялъ ея «ученому призванію», чуя подъ нимъ нѣкоторую романическую подкладку.

Вотъ и теперь разговоръ шелъ у нихъ объ этой «морганатической четѣ». Химикъ и ему казался уже черезъ-чуръ торжественъ въ своемъ благообразіи и преисполненъ слишкомъ ранняго доктринерства.

— Подо всѣмъ этимъ—говорилъ онъ, улыбаясь глазами—сидитъ большой пожиратель женскихъ сердецъ; а его подруга отдала бы всю свою ученость за то, чтобы навѣки-вѣчные пришить его къ своей особѣ.

Онъ что-то еще хотѣлъ сказать и остановился, поглядѣвъ въ бокъ, вдоль широкаго прохода, гдѣ стояли ряды креселъ и дивановъ, около навѣса съ оркестромъ.

Какъ разъ эта «чета» и приближалась къ нимъ.

Послѣ недавняго крупнаго объясненія у нихъ все вошло въ обычную колею. Она успокоилась, подглядѣвъ, что футуристка флиртируетъ съ заѣзжимъ эмигрантомъ. Не дальше, какъ сегодня утромъ пришла еще депеша насчетъ ея развода. Но она не будетъ высказывать большой радости, чтобы не дать ему поводъ думать, что она «жаждетъ» сдѣлаться его законной супругой.

Старецъ галантно хотѣлъ уступить ей свое кресло, но она сѣла около него, въ уголъ дивана.

Ея кавалеръ, какъ всегда, корректно и немного церемонно раскланялся съ ними обоими, хотя они и видѣлись уже за обѣдомъ.

— Много работаете здѣсь?—спросилъ ее старецъ. Ловите тутъ всякихъ козявокъ?

— Нѣтъ! Это не по моей спеціальности.

Кавалеръ ея пояснилъ тотчасъ же, что она по низшимъ морскимъ породамъ и собирается отсюда на Средиземное море.

— Вы мнѣ говорили,—обратился къ ней спутникъ старца—что готовите здѣсь рядъ этюдовъ къ зимѣ?

— На какую тему?—полюбопытствовалъ старецъ.

Она тонко усмѣхнулась.

— О любовномъ инстинктѣ въ животномъ царствѣ.

— Вотъ что! Тема богатая. Но не лучше ли было бы сказать: о половомъ инстинктѣ?

— А вы забываете материнское чувство?—возбужденно возразила она.

Тутъ въ разговоръ опять вступилъ и спутникъ старца.

— Вы правы—сказалъ онъ—если обособить этотъ инстиктъ и закрыть глаза на то, какое во всемъ животномъ царствѣ безпощадное и жестокое взаимоистребленіе... Вамъ, какъ спеціалисткѣ, эта картина извѣстна во всѣхъ деталяхъ!

— Да! Если хотите, взаимоистребленіе. Но, для меня, все-таки, есть въ мірѣ живыхъ существъ и самыхъ низшихъ—что-то говорящее о томъ, до чего человѣческая душа дойдетъ черезъ десятки и сотни тысячъ лѣтъ. И это было заложено въ чувствѣ самки къ своимъ дѣтенышамъ.

Химикъ благосклонно слушалъ, старецъ продолжалъ многозначительно улыбаться; его спутникъ сдѣлалъ жестъ правой рукой, желая что-то сказать.

— Что же противъ этого возразить?—спросила она, обернувшись въ его сторону.

— Ничего. Я только изумляюсь тому, какъ вы... молодая женщина съ впечатлительными нервами, можете такъ погружаться въ этотъ міръ жесточайшей борьбы за существованіе... Вѣдь позволительно и перевернуть положеніе, какое вы сейчасъ высказали, и видѣть во всеобщемъ хищничествѣ и взаимномъ истребленіи породъ и самыхъ низшихъ, и высшихъ—прообразъ того, что человѣчество, и въ началѣ XX-го вѣка, живетъ еще тѣми же животными инстинктами.

— И весьма—вполголоса выговорилъ старецъ.

— Какъ же иначе быть?—сказалъ химикъ.—Законъ все тотъ же. Слабые погибаютъ, потому что иначе не можетъ и не должно быть.

— Ого!—воскликнулъ старецъ.—Не слишкомъ ли жестока такая доктрина. И неужели наука подсказываетъ всегда такіе именно безпощадные вердикты?

И, обращаясь болѣе къ своему спутнику, онъ продолжалъ въ томъ же мягко-протестующемъ тонѣ:

— На одной публичной лекціи профессоръ кажется психіатріи доказывалъ, что нынѣшними повальными самоубійствами огорчаться не слѣдуетъ.

— Почему?—остановила натуралистка.

— А потому, видите-ли, что это все психопаты, неврастеники, отбросы общества, не способные ни на какую здоровую борьбу.

— Развѣ это хоть на половину не правда?—спросилъ химикъ и поглядѣлъ на свою даму.

— Пожалуй—согласилась она.

— Въ животномъ царствѣ—сказалъ ей спутникъ старца, вы, конечно, находите сотни примѣровъ истребленія всѣхъ, кто не можетъ постоять за себя, или принесенія себя въ жертву жизни рода.

— Еще бы!

Глаза ея загорѣлись.

— И вамъ, кажется, особенно пріятно то, что и особы мужского пола превращены въ жизни нѣкоторыхъ породъ насѣкомыхъ—въ рабовъ и батраковъ женскаго пола?

Она разсмѣялась и громко воскликнула:

— Да, въ жалкихъ дураковъ!

Старецъ взглянулъ на нее все съ тою же тонкой усмѣшкой и сказалъ:

— Что-жъ... И это, по-вашему, предзнаменованіе того, что въ культурномъ человѣчествѣ мужчины будутъ обращены прекраснымъ поломъ въ батраковъ и полуидіотовъ? Я думаю, суфражистки очень бы желали этого!

— А матріархатъ? Вѣдь было-же у всѣхъ первобытныхъ народовъ такое первенство жены и матери?

Она вызывающе оглянула всѣхъ мужчинъ, въ томъ числѣ и своего кавалера.

Тотъ повелъ головой и выговорилъ тономъ снисходительнаго учителя:

— На пережиткахъ нельзя основывать эволюцію. Что было, то въ такой же формѣ, уже не повторится.

Старецъ оглянулся вправо и влѣво и сказалъ вполголоса:

— Не правда ли, только у насъ, русскихъ, можетъ, на музыкѣ, заходить вотъ такой разговоръ? Прислушайтесь къ нѣмецкому говору. Какая, на нашу оцѣнку, обывательская меледа! Но оттого-то всѣмъ имъ и легче живется. И вотъ такіе мальчуганы и дѣвчурки—онъ указалъ на группу дѣтей—не объявляютъ въ предсмертныхъ запискахъ, что жизнь утратила для нихъ всякій смыслъ, и они уходятъ изъ нея съ особеннымъ удовольствіемъ.

Всѣ примолкли. Плохенькій оркестръ игралъ попурри изъ оффенбаховскихъ оперетокъ.

XVIII.

Старецъ проснулся точно отъ какого-то удара, полученнаго во снѣ. Кто-то за нимъ гнался и вонзилъ ему что-то блестящее въ самую грудь.

Должно-быть, онъ громко вскрикнулъ.

И когда раскрылъ глаза и сталъ оглядываться въ темнотѣ—лобъ его и шея были влажны.

Сначала тупая боль доложила о себѣ что-то свербящее, больше въ лѣвой части груди.

Онъ зналъ, что это такое старческій недугъ, *склерозъ*, который не сегодня-завтра можетъ перейдти въ грудную жабу.

Надо бы ѣхать на спеціальныя воды; но ему это прискучило. Передъ заграничной поѣздкой онъ чувствовалъ себя хорошо и хотѣлъ, на этотъ разъ, только «дышать» среди красивой природы.

Можетъ быть, вчера онъ позволилъ себѣ болѣе утомительную прогулку съ постоянными подъемами лѣсной дорожки. Или съѣлъ что-нибудь лишнее.

Не все-ли равно? Отъ своей «планиды»—какъ онъ любилъ выражаться, никуда не уйдешь.

Боль, минуты черезъ двѣ, такъ обострилась, что онъ не могъ сдержать громкихъ стоновъ.

Комната его была рядомъ съ его «молодымъ собратомъ», какъ онъ называлъ своего сожителя, приготовившаго ему помѣщеніе въ «русскомъ углу».

Стѣна не капитальная, и туда долетѣли его стоны.

Не прошло и минуты, какъ въ дверь тихо постучались.

«Зачѣмъ это я»?—далъ онъ на себя окрикъ и весь встрепенулся. Вдругъ отлегло, и онъ быстрымъ движеніемъ спустилъ ноги, отыскалъ спички на ночномъ столикѣ и зажегъ свѣчу.

Полураздѣтый, въ туфляхъ, подошелъ онъ къ двери и отперъ ее.

— Что съ вами?—испуганно спросилъ сосѣдъ шепотомъ.

— Ничего; простите, что разбудилъ васъ.

— Позвольте мнѣ войти.—Ложитесь, ложитесь! Не нужно ли позвать прислугу... послать за докторомъ?

— Ничего, до свадьбы заживетъ.

Старецъ уже лежалъ подъ одѣяломъ. Лицо было блѣдно, но не растерянно. Дышалъ онъ свободно, и губы его поводила усмѣшка.

— Ступайте... спать—говорилъ онъ, поводя правой рукой.

— Но вы застонали...

— Схватило. Это бываетъ со мною. Маленькое предостереженіе.

— Позвольте мнѣ хоть немножко побыть здѣсь?

— Зачѣмъ? Можетъ, еще схватить. А то такъ и ничего не будетъ... И можно будетъ задремать.

— Говорить вамъ не слѣдуетъ. Не обращайте никакого вниманія на мое присутствіе.

Сосѣдъ былъ въ одномъ бѣльѣ.

— Вы зазябнете... вонъ тамъ лежитъ пледъ... Прикройте хоть ноги.

Доброта старца сказалась и тутъ.

Нѣсколько минутъ протянулось въ молчаніи. Сосѣдъ боялся уходить. Ему показалось, что старецъ началъ засыпать.

Но онъ не спалъ, а только лежалъ съ опущенными вѣками.

Боли не возвращались. Вѣроятно, ночь пройдетъ благополучно.

Онъ повернулся на бокъ, лицомъ къ сосѣду, и совсѣмъ раскрылъ глаза.

— Припадка не будетъ. Но сонъ врядъ ли опять вернется... Коли вы упорствуете и не хотите итти къ себѣ—покалякаемъ.

— Зачѣмъ?

— Прекрасный претекстъ пофилософствовать... о томъ, что я называю «неизбѣжность конца». Вамъ объ этомъ еще рано думать, а во мнѣ все ужъ перегорѣло. Помните, Тургеневъ гдѣ-то говоритъ: «Стара штука смерть; а всякому вновѣ».

— Помню. Это его слова.

— Вотъ—вотъ. И это очень мѣтко. Такъ выражаться умѣлъ только такая умница, какимъ былъ милѣйшій Иванъ Сергѣевичъ! «Каждому вновѣ». И да, и нѣтъ. Новизна будетъ въ томъ—какъ вы себя поведете въ моментъ ухода изъ жизни. Со мною онъ можетъ случиться сразу. Наживешь настоящую грудную жабу—и тогда готовься. Мой пріятель долго съ ней маялся, переселился на югъ, въ Италію. Перенесъ не одну дюжину схватокъ, и все ничего. А пошелъ къ какой-то русской барынѣ съ визитомъ—это было въ Римѣ—посидѣлъ, былъ веселъ, разсказывалъ анекдоты—сталъ прощаться, подошелъ къ ней ручку поцѣловать, нагнулся—схватился за грудь, и тутъ же и духъ вонъ.

— Завидная смерть!

— Да! Я о такой не мечтаю. И повторяю, для меня эта

штука будетъ «вновѣ» только по тому, какъ я ее продѣлаю. Остальному уже подведены итоги.

— Неужели вы никогда не проходили черезъ боязнь смерти?

— Это для меня было бы невѣрнымъ выраженіемъ. Боязни никогда не зналъ, даже и въ опасныхъ болѣзняхъ; а ихъ продѣлалъ нѣсколько. Но когда мнѣ стукнуло шестьдесятъ лѣтъ — я вотъ такъ, разъ въ постели, проснувшись рано, совсѣмъ здоровый, впервые испыталъ острое чувство «неизбѣжности конца», какого до того не имѣлъ. Я называю это, знаете, какъ? *Ариѳметическій подсчетъ*. Одному это придетъ въ шестьдесятъ лѣтъ, другому раньше, третьему совсѣмъ уже подъ конецъ, какъ могло бы придти и мнѣ. Теперь уже это дѣло не десяти лѣтъ, а годовъ, если не мѣсяцевъ! И чувство это возвращалось ко мнѣ нерѣдко, но уже не пугало, не тревожило. Я зналъ, да и теперь еще знаю, что оно не отъ мертвечины, не отъ того, что якобы прельщаетъ нашихъ пѣвцовъ смерти, а напротивъ — отъ великаго инстинкта...

— Какого же именно?

— Великаго инстинкта—*жизни*. Безъ него мы бы не выжили и дня. И намъ нечего безпокоиться. Онъ насъ не выдастъ до самой послѣдней минуты, когда вотъ старческій склерозъ или микробъ заразной болѣзни не побѣдитъ окончательно.

Сосѣдъ слушалъ въ небываломъ для него настроеніи эту спокойную исповѣдь человѣка, сознательно стоящаго на краю ямы, которая ему совсѣмъ не страшна.

— Еще въ прошломъ году,—продолжалъ онъ, сдѣлавъ передышку,—мучили меня безсонницы отъ простудныхъ невралгій головы, и я, лежа одинъ въ пустой квартирѣ, доходилъ до чего-то въ родѣ галлюцинацій —видѣлъ себя покойникомъ, въ гробу, въ углу кабинета, и четыре свѣчи, и вѣнчикъ... все, какъ слѣдуетъ. И все-таки не испытывалъ страха, даже не думалъ о неизбѣжномъ концѣ. Великій инстинктъ все превозмогалъ. И я, вотъ и теперь, повторяю изъ «Онѣгина»:

«Нѣтъ нужды—правъ судьбы законъ!
«Паду ли я стрѣлой пронзенный
«Иль мимо пролетитъ она,
«Все благо...»

Только мимо меня стрѣла уже не пролетитъ! Шабашъ!

Старецъ тихо засмѣялся и смолкъ. Сосѣдъ сидѣлъ съ поникшей головой, все въ томъ же, совсѣмъ новомъ для него и почему-то отрадномъ, настроеніи.

Такъ желалъ бы и онъ смотрѣть въ глаза неизбѣжной посѣтительницы, когда пробьетъ его часъ.

Онъ подошелъ къ кровати и, нагнувшись, сказалъ старцу:

— Спасибо вамъ!

— За что?

— За все, что̀ вы сейчасъ сказали. Но только я удалюсь. Вамъ не надо больше говорить.

— И вы простите меня. Плоть немощна! Застоналъ — и васъ разбудилъ.

XIX.

Ночь у постели старца настроила его младшаго собрата совсѣмъ не такъ, какъ бы ему самому хотѣлось.

А день выдался особенно радостный. Свѣтъ—мягкій, ласкающій—игралъ на зелени лощины, гдѣ косили сѣно, на склонахъ пригорковъ, покрытыхъ чернымъ лѣсомъ.

Въ тѣни аллеи онъ шелъ, послѣ обѣда, къ санаторію. Кто-то ему сообщилъ въ пансіонѣ, что больная подруга теософки очень плоха, и боятся, какъ бы она здѣсь же не скончалась. Ему хотѣлось узнать объ этомъ что-нибудь вѣрное.

Мысль о «неизбѣжности конца» всплыла передъ нимъ сегодня утромъ, навѣянная и ночной бесѣдой со старцемъ.

Тотъ сегодня на ногахъ, еще разъ просилъ извиненія за вчерашнее безпокойство. Шутитъ и очень бодрится.

Ему можно повѣрить: смерти онъ не боится, и въ немъ «великій инстинктъ» будетъ держаться до послѣдней минуты,

И, можетъ быть, вотъ въ эти самыя минуты, пока онъ дойдетъ до санаторія, тамъ наступитъ уже агонія умирающей.

Не изъ дилеттантскаго любопытства хотѣлъ бы онъ видѣть, какъ уходитъ изъ жизни неофитка такого ученія, по которому душѣ человѣка предназначено пройти цѣлый рядъ все высшихъ и высшихъ возрожденій, пока она не достигнетъ лучезарнаго царства безусловнаго безмятежья.

Въ самомъ зданіи санаторія онъ былъ всего одинъ разъ. Съ той бесѣды на лѣсной дорогѣ онъ не видался съ теософкой.

Онъ поднялся на высокое крыльцо и въ просторныхъ сѣняхъ остановилъ служительницу, одѣтую сидѣлкой, и вручилъ ей карточку, прося передать русской дамѣ такой-то.

Его попросили подождать. Онъ присѣлъ на соломенный стулъ, охваченный тишиной, которая стояла въ этомъ убѣжищѣ людскихъ недуговъ.

Ничего такого, что бы говорило о чемъ-нибудь чрезвычайномъ въ больничной жизни, нельзя было замѣтить.

Служительница тотчасъ же вернулась и доложила ему, что «Frau» такая-то проситъ его подождать ее подъ навѣсомъ, куда она сейчасъ придетъ.

Онъ воздержался спросить ее о больной.

Подъ навѣсомъ сидѣлъ онъ всего нѣсколько минутъ.

Въ выраженіи ея лица, когда она пожимала его руку, онъ не могъ распознать никакого подавленнаго настроенія.

— Простите! Я не приняла васъ тамъ... Пойдемте въ лѣсъ... гдѣ мы недавно такъ хорошо съ вами бесѣдовали. Здѣсь немножко душно, и сейчасъ зайдетъ сюда солнце.

— Что ваша больная?—придержалъ онъ ее, еще подъ навѣсомъ.

— Вы слышали что-нибудь очень тревожное?

— Да.

— Нѣтъ... Это еще не конецъ... Пойдемте.

И она ускорила шагъ. Они сѣли на тотъ же диванъ.

Глаза его собесѣдницы какъ-то особенно свѣтились. И на вѣкахъ ни малѣйшей красноты или слѣда слезъ.

— Но что же было?—тихо спросилъ онъ.

— Третьяго дня... ночью, она проснулась... поздно, передъ разсвѣтомъ, и позвала меня—наши комнаты рядомъ, и дверь всегда открыта. И говоритъ такъ просто и полнымъ голосомъ: «Ольга... кажется, это конецъ». Я не испугалась. Но и не стала ее разувѣрять и подбадривать. Я была сама охвачена неземной радостью при видѣ того, какъ она способна разставаться съ земной жизнью.

— Охвачены радостью?—повторилъ онъ, не глядя на нее.

— Это не фраза и не рисовка—вы можете мнѣ вѣрить. Что же выше этого? И развѣ я сама для себя не желаю такого же ухода?

— Но конецъ—не пришелъ?

— Нѣтъ. Но весь слѣдующій день она лежала въ забытьи. Докторъ хотѣлъ заставить ее дышать кислородомъ. Она тихо отказалась. А сегодня утромъ ей вдругъ стало совсѣмъ легко. Она одѣлась, кушала съ аппетитомъ... И вотъ теперь, часъ тому назадъ, заснула.

— Но что говоритъ докторъ?

— Онъ изумленъ этимъ возвратомъ силъ... но ждетъ конца если не на этихъ дняхъ, то въ концѣ лѣта. И вотъ что она

мнѣ заявила—и такъ спокойно и рѣшительно—что она хочетъ теперь же ѣхать.

— Туда, на швейцарскія высоты?

— Нѣтъ, въ Россію... туда, откуда — какъ она выразилась—достигъ до нея свѣтъ... «черезъ тебя, Ольга»—прибавила она. Пускай тѣ, кто еще смущается мыслью о тѣлесномъ уничтоженіи... увидятъ, какъ можно прощаться съ этой временной формой существованія.

Онъ слушалъ это, все еще не поднимая головы, точно боялся, что ему не понравится то выраженіе лица говорившей, которое должно было сопровождать трепетный тонъ ея голоса.

Но голосъ звучалъ проникновенно.

— И вы повезете ее?

— Какъ же иначе?

— А если она не доѣдетъ?

— Что-же!! Развѣ не все равно? Дорого лишь то, какъ она поборола въ себѣ всякое подобіе тревоги и малодушія! Наше ученіе такъ свободно отъ всякихъ образовъ мрака, возмездія, казни... хотя никто изъ насъ и не считаетъ себя праведницами. Каждому существу, въ его аватарѣ, положенъ предѣлъ, дальше котораго онъ не можетъ итти въ своемъ духовномъ совершенствѣ. Иначе зачѣмъ бы существовали высшія ступени, ведущія къ вѣчному успокоенію?

— Директоръ санаторія, конечно, запротестовалъ?

— Насильно онъ не можетъ ее удерживать. Да они здѣсь всегда рады, когда кто-нибудь отправляется умирать въ другое мѣсто.

— Я не смѣю безпокоить вашу подругу затѣмъ только, чтобы проститься съ нею. Не скажу вамъ ничего, что могло бы звучать чѣмъ-нибудь охлаждающимъ ваше радостное чувство.

И, помолчавъ, онъ досказалъ, поднимая голову:

— Завидна такая вѣра! А кто правъ, кто нѣтъ—въ своихъ ожиданіяхъ потусторонней области—про то никто оттуда отклика не дастъ!

— Почему же нѣтъ?—сказала она, безстрастно улыбаясь.

XX.

Точно для яркаго контраста встрѣтился онъ, на другой день, также на лѣсной дорогѣ, съ художницей и ея «товарищемъ».

На этотъ разъ онъ могъ поближе присмотрѣться къ нему

и тотчасъ же распозналъ, что у нихъ идетъ между собою «сильная игра». Отъ нихъ обоихъ вѣяло общимъ воздухомъ—молодого бунтарства—все равно, въ какой области идей, протестовъ и запросовъ.

Но она была рѣчиста и съ большимъ діалектическимъ темпераментомъ.

Черезъ нее было очень удобно направлять бесѣду. Какъ женщина, она была самая «интересная» на мужскую оцѣнку. Начавшійся у нея флиртъ съ химикомъ былъ уже позади, и къ ней гораздо больше шло сближеніе вотъ съ такимъ парижскимъ эмигрантомъ.

— Простите,—обратился онъ къ художницѣ...—Сколько я вижу и понимаю—вы оба выше всего ставите полную свободу отъ какого бы то ни было регламента... въ политикѣ, въ соціальномъ быту, въ морали и въ искусствѣ.

Оба кивнули головой въ знакъ согласія.

— Возьмемъ искусство... Вы, вѣдь, знаете, что васъ здѣсь, за глаза, зовутъ футуристкой?

— Знаю!—весело откликнулась она.

— Такъ ли это? И какъ вы сами опредѣляете этотъ терминъ или эту кличку?

— Къ тѣмъ, кто такъ величаетъ себя, я не принадлежу, какъ членъ ихъ сообщества или банды. Но они—какъ и всѣ мы—*ищутъ* и говорятъ, что имъ принадлежитъ будущее. Вотъ какъ и они!—указала она на своего кавалера.—Вѣдь и вы въ своемъ родѣ футуристъ! Развѣ не правда?

— Не отрицаю,—шутливо откликнулся онъ.

— Ну, а кубистамъ тоже принадлежитъ будущее?

— Быть-можетъ. Я и не кубистка. Для нихъ я, пожалуй, vieux jeu... какъ парижане до сихъ поръ говорятъ: «изъ той лодки»—«de l'autre bateau». Но съ ними спорить я не считаю нужнымъ, потому что съ ихъ основнымъ принципомъ согласна,—мы всѣ стоимъ за безусловное право личности, за безконечное развитіе своего «я». А если оно такъ, то какъ же имъ запретить искать и понимать красоту по-своему?

— Запретить никто не имѣетъ права. Но чтобы ихъ мы понимали, надо, чтобы у насъ явились совсѣмъ новые органы воспріятія. А пока этого нѣтъ,—продукты ихъ творчества—это своего рода гіероглифы.

— Ха, ха! Да, въ родѣ того!

— Но разница въ томъ, что египтяне учили разбирать гіероглифы. Это было связано со всѣмъ духовнымъ и культур-

нымъ складомъ ихъ жизни. Другое дѣло,—указалъ онъ на ихъ собесѣдника,—область человѣческаго общежитія. Тѣ, кто отрицаетъ теперешній строй его, кто желаетъ сдѣлать изъ всего tabula rasa—тѣ, въ сущности, ничего не предлагаютъ, ничего не навязываютъ.

— Это вѣрно!—вырвалось у того.

— Хотя бы у нихъ и былъ свой идеалъ и вѣра въ то, что вожделѣнное царство безусловной свободы наградитъ человѣчество высшей ступенью благополучія. Но устраиваться, послѣ крушенія теперешняго строя, надо будетъ все-таки на такихъ основахъ, къ которымъ стремились теперешніе упразднители.

— Это ваше слово—упразднитель?

— Не знаю. Я его всегда употребляю. И я думаю, что упразднителямъ политико-соціальнымъ врядъ ли столковаться съ футуристами эстетической области.

— Они,—возразилъ спутникъ художницы,—проповѣдуютъ не въ одной только этой области. Многіе ихъ протесты и запросы можно признать. Кромѣ, разумѣется, ихъ призывовъ...

— Къ кулачному праву? И ко многому другому! Но всѣ эти господа представляютъ собою ужасный разбродъ, не объединенный никакой синтетической идеей и требующій отъ насъ... совершеннаго преобразованія нашей психики въ области красоты и ея воспроизведенія. Не знаю—какъ всѣ вы споетесь?

— Можетъ, этого и не нужно совсѣмъ,—сказала художница.—Все утасуется. А мертвечина, пропись, закорузлая традиція—отпадутъ, какъ гнилые листья.

— И воскреснетъ райскій вертоградъ!

Они всѣ трое разсмѣялись.

Спорить что-то не хотѣлось. Но и она, и ея «товарищъ» чувствовали себя, въ эту минуту, ближе къ этому интеллигенту, чѣмъ они могли бы ожидать.

— Съ вами намъ легче было бы столковаться,—обратилась она къ нему съ лаской въ глазахъ,—чѣмъ съ тѣми тремя обитателями вашего пансіона... и съ обоими профессорами, и съ тѣмъ... мистическимъ *любомудромъ*.

— Откуда у васъ это слово?

— Вѣдь, кажется, такъ называли себя когда-то молодые идеалисты... въ Москвѣ. Я что-то объ этомъ читала.

— Совершенно вѣрно. Это были поклонники философа Шеллинга. Но вотъ что, господа.. Тогда было больше единства въ духовныхъ стремленіяхъ и молодежи, и руководителей. И то,

что̀ было въ этомъ идеализмѣ самаго жизненнаго, держалось въ представителяхъ ихъ поколѣнія и дало имъ путеводную нить.

— И васъ это—я вижу—искренно огорчаетъ?

Она посмотрѣла ему въ глаза.

— Вы угадали. Тяжело сознавать, что внѣ узкой партійности того или иного толка—полная духовная отчужденность...

— А знаете что,—заговорила она возбужденнѣе,—какая мнѣ сейчасъ пришла мысль?.. Чтобы вамъ собрать насъ всѣхъ... гдѣ-нибудь въ лѣсу... вонъ тамъ, повыше, есть такой вѣковой дубъ...

— Мое любимое мѣсто.

— И большая скамья... вокругъ его ствола. Пригласили бы всѣхъ насъ... Кстати здѣсь вѣдь и тотъ... маститый старецъ. Я его видѣла въ паркѣ и сейчасъ узнала. Была еще гимназисткой на его чтеніи. И открыли бы бесѣду. А онъ пускай предсѣдателемъ, какъ древній патріархъ.

— Идея прекрасная! Но я боюсь, что, кромѣ россійской сшибки, ничего не выйдетъ.

— Какъ было-бы занятно, а, можетъ, и поучительно — услыхать защиту всего того, что̀ вы—котораго не даромъ называютъ *монистомъ*—считаете способнымъ объединить всѣхъ, ищущихъ свѣта, правды и свободы.

— Учительствовать не хочу. Если чего ищу, то не сліянія между тѣмъ, что̀ дѣйствительно непримиримо, а признанія того, чего никто отрицать не можетъ.

Эмигрантъ скептически улыбался; художница задумалась, а потомъ, вставая, проговорила съ юморомъ:

— «Поспорятъ, покричатъ и разойдутся».

XXI.

И эта бесѣда состоялась, въ томъ мѣстѣ, которое предложила художница, въ лѣсу, вокругъ вѣкового дуба.

Но устроилось это безъ предварительнаго уговора; только старцу было сообщено, что предполагается такая бесѣда, чѣмъ онъ совсѣмъ не смутился, а, напротивъ, нашелъ, что ему самому хотѣлось бы многое себѣ уяснить «по философской части»,— какъ онъ выразился съ юморомъ.

Вся русская компанія, живущая въ пансіонѣ, собралась— по его же предложенію—пойти въ лѣсъ, по дорогѣ къ отелю, стоящему на его опушкѣ, гдѣ пили кофе и молоко.

Тутъ были—кромѣ старца и его младшаго собрата — оба пріятеля «прагматикъ» и «мистикъ», и чета: химикъ и натуралистка.

Какъ-бы невзначай явилась—когда они пили кофе въ садикѣ отеля—художница со своими двумя «товарищами». Встрѣча двухъ дамъ обошлась очень просто. Отъ ихъ размолвки не осталось и слѣда — въ пансіонѣ сейчасъ же замѣчали, что у художницы теперь новый кавалеръ, и даже не одинъ, а цѣлыхъ два.

Когда стало менѣе жарко, все общество спустилось внизъ, по лѣсной дорогѣ, и попало, какъ-бы невзначай, къ дубу. Его всѣ уже знали; но тутъ онъ пришелся очень кстати.

Всѣ разсѣлись; одни на одной половинѣ широкой скамьи, которая обнимаетъ мшистый, покрытый наростами стволъ этого патріарха; другіе—на диванахъ, стоящихъ вокругъ небольшой площадки.

Все это мѣсто дѣйствительно приглашало къ бесѣдѣ не на курортныя обывательскія темы, а о чемъ-нибудь, болѣе подходящемъ къ его маститости.

Художница, сѣвшая со своимъ кавалеромъ противъ старца—онъ помѣстился подъ дубомъ, по самой срединѣ полукруга,—указала жестомъ руки на могучую шапку необычайно красиваго дерева и сказала, обращаясь ко всѣмъ:

— Вотъ у насъ два маститыхъ—этотъ дубъ... и нашъ гость!

— Тоже Маѳусаилъ въ нѣкоторомъ родѣ,—шутливо откликнулся тотъ и снялъ шляпу.

Весь обликъ его былъ, въ эту минуту, особенно живописенъ и необыкновенно шелъ ко всей обстановкѣ.

— Мнѣ представляется,—продолжала художница,—что это гдѣ-нибудь въ древней Галліи... Когда дубы собирали около себя для жертвоприношеній, и сѣдовласые друиды поучали свою паству. А потомъ, подъ сѣнью тѣхъ же священныхъ деревьевъ, шли бесѣды о таинствахъ природы и человѣческаго духа.

Она остановилась и взглянула на того, кому она подала мысль объ этомъ сборищѣ.

— Вы лучше меня разовьете мою мысль. Здѣсь, какъ разъ, точно по уговору, сошлись представители русской интеллигенціи, и Несторъ—на-лицо. И чтобы бесѣда шла стройно—мы будемъ его просить взять на себя званіе предсѣдателя. Оно съ нимъ срослось. Не правда ли?

— Но что же вы собственно предлагаете? — спросилъ приватъ-доцентъ, переглянувшись со своимъ пріятелемъ.

— Поддержите меня!—кинула она своему сообщнику.—Развѣ

вы не высказывали уже ту мысль, что бѣда нашей интеллигенціи... простите, что я за нее говорю въ присутствіи ученыхъ и писателей—именно, что у насъ такой разбродъ и разъединенность между людьми, которые могли бы найти и какія-нибудь точки соприкосновенія?.. Ну, простите... чувствую, что діалектика у меня не блистательная... И обращаюсь къ нашему предсѣдателю—пускай онъ самъ предложитъ тему... въ такомъ духѣ.

Старецъ усмѣхнулся и посмотрѣлъ въ сторону своего младшаго собрата, который сидѣлъ тутъ же, на круглой скамьѣ.

— Мой коллега поможетъ мнѣ. И я скажу вамъ откровенно... Въ послѣдніе годы я и самъ брожу, какъ въ темномъ лѣсу, среди нашей неразберихи... и не одной общественной, но и чисто умственной. Философіей я спеціально никогда не занимался... а былъ только словесникомъ. И мнѣ было бы, на старости лѣтъ, и пріятно, и полезно быть на турнирѣ между поборниками нѣсколькихъ теченій.

И онъ обвелъ взглядомъ все общество.— Вотъ, господа,—обратился онъ къ двумъ пріятелямъ, сидѣвшимъ наискось отъ него...—Меня теперь преслѣдуютъ три «жупела»... Какой-то новѣйшій *интуитизмъ*... такъ, кажется?—спросилъ онъ съ усмѣшкой въ глазахъ.

— Такъ,—подтвердилъ приватъ-доцентъ, тоже съ улыбкой въ своихъ прищуренныхъ глазкахъ.

— Потомъ... не менѣе мудреный терминъ—*прагматизмъ*...

— Между ними есть нѣкоторая связь,—пояснилъ ему его младшій собратъ.

Два пріятеля опять переглянулись.

— И наконецъ... *мистическій анархизмъ*, и вообще исканія въ потусторонней области. Спрашивается: можетъ ли быть между этими тремя...

— Жупелами!..—весело подсказала художница.

— Какое-нибудь соглашеніе? Я хоть и былъ весь свой долгій—слишкомъ долгій! — вѣкъ только словесникомъ, но для меня мѣриломъ всего и путеводной звѣздой было всегда—умъ, наука, правда живой жизни, доступная моему пониманію. Чувство я ставилъ и ставлю, до сихъ поръ, очень высоко во всемъ, что человѣческое творчество... фантазія, лиризмъ, чутье, помогающее входить въ душевную жизнь людей.

— Это и есть интуиція! — тихо воскликнулъ приватъ-доцентъ.

— Да. Но это слово мнѣ ничего не говоритъ; а знаніе вручаетъ мнѣ тотъ посохъ, котораго просилъ и нашелъ великій

Пушкинъ, когда полушутливо обращается къ музѣ въ концѣ одной изъ пѣсенъ «Евгенія Онѣгина», чтобы ему не блуждать «и вкось, и вкривь».

Онъ полузакрылъ глаза, что-то вспоминая.

— Сейчасъ вотъ пришли мнѣ на память стихи Гёте.

И, обернувшись къ своему младшему собрату, онъ сказалъ, какъ-бы въ сторону:

— Вы вѣдь великій поклонникъ веймарскаго олимпійца и поправите меня, если я что перепутаю.

— Что это за стихи? Скажите!—вскричала художница.

— Кажется, вотъ такъ:

«Weite Welt und breites Leben...

Въ серединѣ какая-то клавиша выпала—простите!—а конецъ могу:

Heitern Sinn und reine Zwecke
«Nun! Man kommt wohl eine Strecke»

— И онъ дожилъ до предѣла, до котораго я врядь-ли дотяну! А что было въ немъ выше всего: разумъ, трезвая мысль, глубокое сліяніе таланта и великаго стремленія къ знанію!

XXII.

Оба спутника художницы слушали старца съ блескомъ въ глазахъ. Кажется, онъ это замѣтилъ.

— Обращаюсь къ молодежи. Вотъ два ея представителя... Развѣ то, что̀ служило путеводной звѣздой великому творцу «Фауста», т. е. сочетаніе поэтическаго творчества съ культомъ трезваго знанія, не дало самыхъ цѣнныхъ плодовъ? И сколько я могу разобраться въ теперешнихъ исканіяхъ молодежи... за исключеніемъ всякаго мистическаго тумана—у марксистовъ, что-ли, и даже у анархистовъ—все держится за извѣстные выводы соціальнаго анализа.

— Разумѣется!—первый откликнулся одинъ изъ товарищей художницы.

Его пріятель утвердительно кивнулъ головой.

— Мой коллега,—старецъ указалъ головой на писателя,—лучше меня выразитъ то желаніе единства взглядовъ и стремленій, котораго недостаетъ нашей интеллигенціи.

И всѣ ожидали, что онъ, привычный къ роли предсѣдателя, скажетъ:

— «Слово принадлежитъ такому-то».

Собратъ его всталъ и оглядѣлъ весь полукругъ.

— Господа,—началъ онъ, немного взволнованный. — Было бы наивно думать, что мы, вотъ здѣсь, у подножія этого друидическаго дуба, могли бы исчерпать то, что̀, не со вчерашняго дня, зовутъ нашей великой неразберихой. Спорить было-бы безполезно. Но выяснить два-три пункта, къ которымъ сводится то, что̀ отнимаетъ надежду на какое-либо соглашеніе,—это возможно и настоятельно.

— Всякій вѣрный сторонникъ мышленія, руководимаго точнымъ знаніемъ, не можетъ не видѣть, что въ разныхъ новѣйшихъ толкахъ сидитъ все одна и та же закваска—бунтъ противъ науки, противъ ума, его завоеваній, т. е. противъ интеллигенціи—и въ широкомъ, и въ тѣсномъ смыслѣ.

Обращаясь къ приватъ-доценту, онъ спросилъ:

— Согласитесь сами, что теперешняя проповѣдь моднаго парижскаго кумира ставитъ ребромъ вопросъ о томъ, что нашему разуму недоступно пониманіе сути жизненнаго процесса и что безъ особаго инстинкта, безъ *интуиціи*—нельзя имѣть абсолютнаго чувства времени и разныхъ другихъ абсолютовъ, вплоть до абсолюта свободной воли. Это вѣдь такъ?

— Не совсѣмъ, но въ общемъ—такъ.

— Что-же это иное, какъ не бунтъ противъ интеллигенціи, т. е. противъ точнаго знанія, которое на инстинктѣ не оснуешь?

— Позвольте,—отозвался пріятель доцента,—признавать великую роль интуиціи, т. е. вѣры—не значитъ еще бунтовать противъ науки. Можно быть ученымъ психологомъ—и признавать не одну только разсудочную науку, а ставить выше всего волю, фактъ, дѣло, прагму.

— Я васъ ждалъ именно съ этими доводами. На прагматизмъ я и хотѣлъ указать. Это родные братья—покойный Генри Джемсъ и здравствующій Monsieur Bergson—краса парижскаго Collège de France. Вамъ, какъ поборнику мистическихъ откровеній, весьма на руку такое ученіе. Но даже и для всякаго вѣрующаго, особенно для вѣрнаго сына господствующей у насъ церкви, соблазнительно объявить, что разъ намъ что-нибудь кажется... напр.—будь мы хлысты—что на насъ находитъ духъ,—то оно такъ и есть. Вѣдь и это также прагма, также фактъ, который можетъ давать цѣнные результаты, въ смыслѣ религіознаго экстаза. Вотъ почему мы устраняемъ область мистики.

— Но позвольте,—остановилъ его химикъ,—васъ огорчаетъ—сколько я знаю и по прежнимъ нашимъ бесѣдамъ—то, что у насъ, въ мыслящей интеллигенціи, нѣтъ никакого ядра, ни одного принципа, который былъ бы обязателенъ для всѣхъ, ищущихъ правды-истины и правды-справедливости.

— Но нужно ли это?—спрошу я.—Развѣ въ природѣ мы не видимъ всеобщей борьбы и какъ-бы непримиримаго антагонизма, начиная съ минеральнаго царства и вплоть до высшихъ формъ животной организаціи? И что же? Изъ этой—какъ нынѣ говорятъ—великой разрухи выйдетъ единство и гармонія. Да, я согласенъ съ вами: подъ науку, подъ точное знаніе, подъ разумъ теперь подкапываются съ разныхъ сторонъ—и явные враги, и носящіе личину якобы союзниковъ. Этимъ смущаться нечего!

— И вотъ еще что,—заговорила натуралистка, остановивъ его взглядомъ.—Противъ теоріи инстинкта, которая пригодилась защитникамъ интуиціи, нельзя такъ выступать. Въ животномъ царствѣ она проявляетъ все то, что̀ парижскій профессоръ назвалъ «жизненнымъ порывомъ»—«l'élan vital».— Но въ немъ же и высокій умъ, и изумительное творчество. Я не прагматистка и никакого мистицизма въ себѣ не замѣчаю, но мнѣ кажется, что сліяніе ума съ инстинктомъ и есть послѣднее слово всего на нашей планетѣ и во вселенной.

Предсѣдатель никого не останавливалъ. Онъ не хотѣлъ, чтобы такая импровизированная бесѣда получила казенный характеръ—реферата съ преніями.

Встала и художница и шутливо «попросила слова».

— Постановкѣ вопроса я глубоко сочувствую,—начала она,—но и я должна сказать, что въ мірѣ искусства, въ исканіи красоты и ея формъ—за интуиціей, если не за инстинктомъ надо признать нѣчто очень цѣнное и существенное. Что такое вдохновеніе, употребляя старомодный терминъ? Это не разсудочная работа. Это то, что̀ наши отцы называли «наитіемъ». Оно зажигаетъ первую искру, оно сразу даетъ творческую идею, въ видѣ цѣльнаго и живого образа.

Взгляды двухъ недавнихъ соперницъ встрѣтились. Натуралистка кивнула головой, и у нея вырвался возгласъ:

— Это такъ!

Старецъ оглянулъ аудиторію и, ласково улыбаясь, обратился къ двумъ молодымъ людямъ.

— Слово за вами... господа, вы—самые...

— Юные!—подсказала художница.

Первый откликнулся марксистъ.

— Мы съ нимъ,—и онъ указалъ жестомъ головы на своего пріятеля—не одного толка. И столковаться намъ мудрено. Но я позволю себѣ сказать, и за себя, и за него, что въ неразберихѣ нашей интеллигенціи мы стоимъ безусловно за право разума, науки, безпощаднаго анализа. Мы—сторонники діалектическаго матеріялизма—такъ же, какъ и анархисты, никакихъ метафизическихъ хитросплетеній не жалуемъ. Интуиція—такъ что ли? мистическое житіе—все это пережитки такого строя, съ которымъ мы одинаково боремся—одни, чтобы построить что-нибудь прочное, а другіе—только, чтобы разрушить все старое. Никакого бунтарства противъ научнаго мышленія—у насъ нѣтъ!

— Я только могу присоединиться къ мнѣнію моего противника,—полушутливо высказался его пріятель.

Старецъ посмотрѣлъ на часы. Оставалось всего минутъ двадцать до ужина.

— Господа! Простите старику то, что чемоданъ его памяти набитъ всякимъ добромъ. Когда-то, въ Петербургѣ, два историка публично устроили «при» о томъ, кто были варяги. И предсѣдатель объявилъ съ сокрушеніемъ, что мы еще «не доросли» до публичныхъ дебатовъ. А теперь я говорю обратное. Даже вотъ такой экспромптъ, какъ эта бесѣда подъ дубомъ, показываетъ, что мы—*доросли*. Но, увы!, до соглашенія еще далеко. Быть-можетъ, оно возможно. Что сказалъ все тотъ же великій веймарскій олимпіецъ:

«Denn wenn ein Wunder in der Wel geschiet,
Geschiet's durch liebevolletreue Herzen».

— А затѣмъ позвольте закрыть засѣданіе.

XXIII.

«Русскій уголъ» началъ пустѣть. Вчера уѣхали въ Швейцарію два пріятеля. Больше съ ними не было уже никакой, ни отвлеченной, ни житейской бесѣды. Они простились со всѣми за ужиномъ и отправились рано утромъ, такъ что никто ихъ не видалъ.

Старецъ собирается сегодня съ вечернимъ поѣздомъ также на Швейцарію. Тамъ, на одномъ изъ озеръ, у него есть облюбованное мѣсто—недорогой отельчикъ и рядомъ водолѣчебница. Тамъ онъ и останется до возвращенія домой.

Его «коллега» (такъ онъ продолжаетъ звать своего млад-

шаго собрата) поѣдетъ на станцію мѣстной «паровой *конки*» проводить его. Самъ онъ также здѣсь не станетъ заживаться. Ему пора на море. Онъ не боится купаній, даже и въ Нѣмецкомъ морѣ.

Сейчасъ онъ заходилъ въ санаторій—справиться о больной и ея подругѣ. Ихъ уже не нашлось тамъ. Сидѣлка, которую онъ разспрашивалъ, разсказала ему, что «Herr Director» не хотѣлъ ее пускать, боясь, что она умретъ дорогой, но «Freulein» настояла и увезла ее.

— So sanft! So heiter!—выговорила нѣмка, почти съ умиленіемъ.

И онъ, идя по аллеѣ обратно, думалъ о томъ: кто правы—тѣ ли, которые, какъ онъ, стоятъ на стражѣ мышленія, руководимаго точнымъ знаніемъ, или тѣ, кто, создавъ себѣ воображаемый міръ потусторонних цѣнностей, даже и на смерть смотрятъ, какъ на моментъ къ переходу въ высшее состояніе духа? Какъ-бы «интуитистъ», если бъ онъ слышалъ разсказъ служительницы, торжествовалъ, говоря:

— Вы видите! Развѣ не правы прагматики? Въ той чахоточной и ея подругѣ ихъ вѣра рождаетъ душевное состояніе великой цѣнности.

Онъ такъ раздумался, что не смотрѣлъ совсѣмъ впередъ и не замѣтилъ фигуры дамы, сидѣвшей на диванѣ, подъ липой, въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается подъемъ въ гору.

Звонкій женскій голосъ скликнулъ его.

Это была художница.

— Какъ вы углубились въ свои думы! Простите, что я васъ остановила.

— Напротивъ! Душевно радъ! Позвольте присѣсть.

Она была опять во всемъ бѣломъ; а на головѣ модная «повязка» изъ зеленаго шелка, въ родѣ не то тюрбана, не то тѣхъ «головокъ», какія когда-то носили у насъ купчихи. Актрисы надѣваютъ ихъ, до сихъ поръ, играя Катерину въ «Грозѣ».

— Что это такое?—указалъ онъ глазами на ея головной уборъ.

— Ха, ха! Это послѣдній крикъ! А развѣ плохо?

— Къ вамъ очень идетъ. И вы нынче какъ-то особенно свѣтлы. Точно послѣ внезапно нахлынувшей артистической эмоціи.

— Нѣтъ. А просто такъ.

— Живете *во всю?*

— Если хотите—да!

— Нашли свою тарелку?.. А, можетъ, быть нашли и другое что..

И онъ поглядѣлъ на нее пристально.

— Скажите... та чета въ вашемъ пансіонѣ, два спеціалиста—одинъ мужского, другой женскаго пола... я слышала, что они уже женихъ и невѣста?

— Это еще не объявлено. Они ѣдутъ вмѣстѣ, куда-то на морской берегъ, въ Италію.

— Вотъ видите... Я ей благодарна, этой спеціалисткѣ по низшимъ породамъ... Вы понимаете мой намекъ?..

— Понимаю.

— Здѣсь, какъ разъ въ разгаръ того дамскаго инцидента, я возобновила знакомство...

— Съ вашимъ *товарищемъ?*—подчеркнулъ онъ шутливо.

— Именно.

— И нашли то, что вамъ нужно?

— Онъ считается анархистомъ, но этой клички не любитъ. Какъ парижане называютъ онъ «un libertaire».

— Свободникъ?

— Да. И я вѣдь такая.

— Вмѣстѣ возвращаетесь въ Парижъ?

— Проѣдемъ только. У меня есть одно мѣстечко на морѣ... Тамъ будемъ купаться. Не хотите ли съ нами?

— Спасибо за приглашеніе. Но я еще не рѣшилъ, гдѣ буду купаться.

Они вмѣстѣ дошли до воротъ парка.

— Поздравляю васъ,—сказалъ онъ ей на прощанье, пожавъ ея руку. Вы оба скорѣе найдете то духовное единеніе, о которомъ мы вели бесѣду подъ дубомъ. Вы вѣдь хотѣли такой «при». А вышло у насъ что-то въ родѣ болтуна?..

— Ничего. Я была довольна. Разныхъ юродивыхъ и духовидцевъ мы оставимъ въ покоѣ. А придетъ такой моментъ, когда и наука и философія, и искусство сольются въ одно лучезарное цѣлое.

— Вашими бы устами да медъ пить.

И у нихъ вышло еще одно рукопожатіе.

— Вашему свободнику—привѣтъ!—крикнулъ онъ ей, обернувшись, и пошелъ къ своему пансіону.

На крыльцѣ онъ столкнулся съ натуралисткой.

— Васъ можно поздравить?—въ полголоса спросилъ онъ, придержавъ ее за руку.

— Съ чѣмъ?

— Съ предстоящими узами Гименея. Вы, говорятъ, невѣста?

— Не знаю! Я не стремлюсь къ этимъ новымъ цѣпямъ.

— Когда ѣдете?

— Завтра.

— Осиротѣетъ весь нашъ русскій уголъ.

Она была въ такомъ же возбужденно-свѣтломъ настроеніи, какъ и ея недавняя соперница.

«Что и требовалось доказать»,—выговорилъ онъ про себя, поднимаясь въ свой этажъ.

А вечеромъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло, они сидѣли во дворикѣ станціи, дожидаясь отхода поѣзда, съ которымъ старецъ отправлялся одинъ въ Швейцарію.

— Мы съ вами бобыли—говорилъ онъ съ неизмѣнной лаской своихъ еще живыхъ, темныхъ глазъ, которые смотрѣли на собесѣдника изъ-подъ густыхъ бровей.—Но передъ вами еще полжизни, а передо мною уже маленькій хвостикъ. Вотъ вы знаете Гёте не хуже меня. Помните, онъ, и въ письмахъ, и въ разговорахъ, когда ему стукнуло семьдесятъ пять лѣтъ, любилъ повторять, что на остальные годы, какіе судьба отсчитаетъ ему, онъ смотритъ какъ на чистый *подарокъ*. А я, уже перешагнувъ черезъ третью четверть столѣтія, называлъ это другимъ, русскимъ словомъ—«приварокъ»! И безъ всякой рисовки могу сказать, что мнѣ пристало на все смотрѣть sub specie aetetnitatis.

— Желалъ бы этого и я...

— Васъ еще волнуетъ та неразбериха, которой страдаетъ вся наша русская жизнь. Вамъ такъ искренно хотѣлось бы найти какой-нибудь твердый грунтъ... для соглашенія.

— А помните, какой стихъ изъ «Горе отъ ума» процитировала художница...

— Что за бѣда! Вышло маленькое словопреніе! И за то спасибо. Для меня нѣчто выяснилось. И вы стоите на самомъ устойчивомъ базисѣ. Но вамъ хочется... симфоніи. Вѣдь и въ ней каждый инструментъ пилитъ и будитъ свое, а выходитъ общій ладъ. Когда это будетъ и въ нашей злосчастной интеллигенціи—я не задаюсь этимъ вопросомъ. Самое возмутительное это—проповѣдь мертвечины и самое печальное—потеря вкуса и смысла жизни, въ молодежи, даже въ юношахъ и подросткахъ обоего пола. Но это—повѣтріе. Все держится великимъ инстинктомъ, какъ я вамъ исповѣдался, когда меня схватило ночью и я васъ разбудилъ. *Онъ* могучѣе всего.

Раздался первый звонокъ.

— А теперь—прощайте! «До свиданія»—въ мои годы уже рисковано говорить.

Они поцѣловались.

XXIV.

Все купалось въ тихомъ лунномъ свѣтѣ. Изъ парка уже не доносилась вечерняя музыка.

Писатель стоялъ на верхней аллеѣ, у крутого обрыва, и глядѣлъ на низины, идущія туда, на западъ, гдѣ течетъ большая нѣмецкая рѣка.

Прощанье со старцемъ, часъ тому назадъ, навело его на цѣлый рой думъ... Но некому было излиться, да и не нужно. То, что̀ поднималось изъ самыхъ глубинъ души, перешло бы въ «разговоръ», въ «словопреніе», какъ сейчасъ выразился его маститый собратъ.

Довольно! Не надо никого убѣждать и съ кѣмъ-либо препираться.

Когда онъ мечталъ о великомъ синтезѣ, о томъ живительномъ, единомъ началѣ, которое разлито во всемъ Бытіи, ему вспомнились слова: «въ вышнихъ» изъ гимна ангеловъ, занесенныя въ «Благую вѣсть». И онъ былъ бы такъ счастливъ испытать хоть разъ въ жизни такой моментъ, когда люди разныхъ толковъ охвачены однимъ пареніемъ къ чему-то зиждительному и чувствуютъ себя выше всего, что̀ разъединяетъ ихъ.

Но такого момента «въ вышнихъ» ни разу здѣсь не было; зато много, слишкомъ много «разговоровъ».

Тамъ, въ той книгѣ, гдѣ стоятъ слова «въ вышнихъ»,—возглашена и «слава». Кому? Началу всѣхъ началъ, какимъ бы словомъ оно ни называлось. Но тамъ же стоятъ и случайныя слова: «На землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе».

Какой злой ироніей звучатъ они! *Миръ! Благоволеніе...* Когда же человѣкъ былъ болѣе *волкомъ* другому человѣку, какъ не теперь? Вотъ эта самая нѣмецкая земля—мирная, полная тихаго сельскаго труда—она можетъ въ мигъ заблестѣть «стальной щетиной» штыковъ. Она ждетъ кровавой схватки съ сосѣдомъ, все еще мечтающимъ о «реваншѣ»... Ей мало милліонныхъ полчищъ. Новый законъ дастъ ей еще двѣсти тысячъ штыковъ—въ *мирное* время.

А у себя, въ его отечествѣ?

— Гдѣ «миръ», гдѣ «благоволеніе»?

Когда онъ начинаетъ душевно болѣть родиной—онъ, до сихъ поръ, не можетъ уйти отъ одной и той же картины. Она ему видится часто и во снѣ.

Голая степь, со свинцовымъ свѣтомъ. Въ глубинѣ—цѣлый рядъ столбовъ, и на нихъ качаются мертвыя тѣла повѣшенныхъ.

А внизу, въ оврагѣ, копошатся живыя существа, въ бѣшеной братоубійственной схваткѣ.

Вотъ и теперь въ немъ всплыло горькое чувство, которое, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было еще ядовитѣе, съ безпощаднымъ выводомъ, что дома, на родинѣ, загрязнена не только жизнь, но и смерть.

Родина!

Не дальше, какъ два дня назадъ, онъ ѣздилъ въ сосѣдній городокъ и въ садикѣ пивной слышалъ квартетъ тирольцевъ.

Они запѣли одну изъ своихъ любимыхъ пѣсенъ. Тиролька съ низкимъ контральто протянула припѣвъ:

«O! Mien Vaterland!»

Остальные голоса слились въ тихій заключительный аккордъ.

И онъ вдругъ почувствовалъ, что рѣсницы его влажны.

Эти горцы могутъ проникновенно воспѣвать свою родину—«das teure Land Tirol!»

«А мы?»—воскликнулъ онъ про себя. И вотъ эта нота отдалась въ немъ и теперь. Никогда, можетъ быть, не сознавалъ онъ всю горечь и безпомощность положенія русскаго—изъ той кучки людей «высшаго развитія», къ которой и онъ долженъ причислять себя.

Вдругъ они бы, какъ тѣ тирольскіе горцы запѣли:

«O! Mein Vaterland!»

И имъ стало бы смѣшно. Все равно, если бы они надѣли на себя тирольскіе костюмы съ голыми икрами!

Настоящимъ — никто не живетъ и не можетъ жить, а только тѣмъ, что старецъ называетъ, на своемъ юмористическомъ жаргонѣ, «буки-умъ-бу!» Вѣрой въ какой-нибудь фетишъ, въ какое-нибудь Эльдорадо.

Ему живо представился ихъ диспутъ подъ древнимъ дубомъ.

Судьба точно недаромъ свела всѣхъ ихъ: и этого Нестора литературы, и интуитиста, и мистика, и двухъ женщинъ, и цехового ученаго, и тѣхъ молодыхъ людей—одного эсъ-дека, другого—анархиста.

Никогда они не сольются ни въ одномъ общемъ credo. Та «симфонія», о которой говорилъ старецъ—мыслима ли она на фонѣ той жестокой, полудикой усобицы, которая гуляетъ теперь по лицу родной земли?

Будутъ зато нескончаемые «разговоры». И неразбериха идей

и запросовъ растворится во враждѣ, въ насиліи, въ крови, въ висѣлицахъ.

Ему стало жутко. Надо стряхнуть съ себя эту безплодную думу—думу чисто-русскую, думу скорбящей интеллигенціи.

Но во что же спастись? Въ какую лучезарную область? Личное счастье? Любовь? И она теперь вырождается во что-то совсѣмъ другое.

Образы русскихъ женщинъ, созданные творцомъ «Дворянскаго гнѣзда»—ушли въ царство тѣней. Та жизнь канула въ вѣчность. Цѣлая четверть вѣка проползла—полная воспроизведеній какихъ людей, какихъ героевъ? Нытики, неврастеники, безпробудные пессимисты, разбитыя женскія существованія, цѣлая вереница исковерканныхъ душъ и анемичныхъ тѣлъ.

Самъ онъ—какъ писатель—все еще ищетъ просвѣта въ другую жизнь. Но только какъ писатель. О личномъ счастьѣ онъ не хочетъ и мечтать.

Вотъ тѣ двѣ новыхъ русскихъ женщины—натуралистика и художница. Развѣ онѣ *любятъ любовь*? Нѣтъ! Каждую гложетъ червякъ ненасытнаго «я». Одна ищетъ «отвода» въ узкой спеціальности, другая—въ искусствѣ. Безъ мужчины—скучно. Онъ же пригодится и какъ совѣтчикъ, руководитель или товарищъ.

Ночная свѣжесть заставила его слегка вздрогнуть. Но его что-то притягивало къ этому мѣсту. Онъ прошелъ еще нѣсколько шаговъ и опять остановился у обрыва, взявшись рукой за стволъ дерева.

И это была береза—русская кудрявая и стройная береза.

Голова его откинулась назадъ. Онъ долго смотрѣлъ въ небо, гдѣ синева уже темнѣла, и сводъ казался безконечно-глубокимъ.

«Разговоры»!—всплыло опять расхолаживающее слово.

Нужды нѣтъ! Гдѣ-то, «въ вышнихъ» раздается окрикивающій возгласъ...

Что говоритъ великій кенигсбергскій мудрецъ? Нѣтъ ничего выше звѣзднаго неба—символа безконечности мірозданія—и голоса правды въ душѣ человѣка.

П. Боборыкинъ.

Май—іюнь 1913.

МОЕМУ ОТЦУ.

Дай мнѣ быстрый твой умъ, дай мнѣ умъ твой глубокій,
Чтобъ онъ могъ охватить кругъ познаній широкій,
Чтобы имъ я могла свои дни освятить!

Дай мнѣ силу твою, дай твою силу духа,
Чтобъ отчаянья вопль не стоналъ въ сердцѣ глухо,
Чтобъ могла я съ надеждой на лучшее жить.

Дай мнѣ вѣры твоей, дай твоей слѣпой вѣры,
Чтобы слезы, невзгоды, страданья безъ мѣры
Я могла безъ упрека—съ улыбкой сносить!

Екатерина Герцогъ.

ЗАРЯ ЖИЗНИ.

Повѣсть.

1.

— Какъ тебя зовутъ?

— Павелъ.

— А фамилія?

— Горьковъ.

Я отвѣчаю, какъ на урокѣ въ классѣ.

Дама въ бѣломъ, высокая и стройная, въ легкой кружевной наколкѣ на сѣдѣющихъ волосахъ, стоитъ у стола и внимательно смотритъ на меня, задавая вопросы ровнымъ, спокойнымъ голосомъ. Подъ ея пристальнымъ взглядомъ я невольно выпрямляюсь, опускаю руки отъ ремня, въ который я въ смущеніи засунулъ мои пальцы, и стараюсь незамѣтно сомкнуть ноги такъ, чтобы она не увидѣла моихъ потрепанныхъ внизу штанишекъ.

Надъ столомъ въ золоченой рамѣ портретъ дамы въ бѣломъ, съ бѣлой кружевной наколкой на черныхъ волосахъ. Въ своемъ гладкомъ платьѣ съ кринолиномъ она похожа на бѣлаго лебедя; та, что предо мною, тотъ же самый лебедь, но черный, и ея небольшая голова на высокой гибкой шеѣ, нѣсколько склоненная на бокъ, полна изящества и простоты.

Спокойный ровный свѣтъ зимняго дня падаетъ сквозь удивительно чистыя стекла большого окна. На окнѣ стоитъ красивая темно-синяя ваза, тронутая золотомъ. Кромѣ этой вазы и портрета, въ комнатѣ, гдѣ такъ мало мебели, нѣтъ почти никакихъ украшеній, но во всемъ убранствѣ—невиданная мною красота, въ которой я чувствую себя растеряннымъ.

Послѣ тѣхъ трущобъ, гдѣ я жилъ до этого дня, меня должно было поразить и привести въ восторгъ то, что я вижу.

Но въ дѣтствѣ, какъ во снѣ: все, что должно было бы вызывать восхищеніе и завистъ, прежде всего возбуждаетъ лишь любопытство.

Ничего не разсматривая, я все замѣчаю. Мнѣ почти жутко глядѣть въ глаза и въ бѣлое, точно фарфоровое лицо дамы. Слышу, какъ сердце колотится въ груди.

Я бы совсѣмъ потерялся отъ смущенія, если бы тутъ не было моего сверстника и соученика по гимназіи Михаила Кропотова.

Онъ очень похожъ на эту даму: у него такая же бѣлая, вялая кожа и длинные тонкіе пальцы. Тамъ, въ классѣ, онъ сидитъ со мной на одной скамейкѣ, но здѣсь, въ этомъ богатомъ домѣ, представляется мнѣ нѣсколько инымъ. Тутъ же его старшій братъ, тоже ученикъ нашей гимназіи. У него бѣлокурые усики и большіе зубы; онъ щеритъ ихъ, куря папиросу и перекатывая ее изъ одного угла губъ въ другой: руки его заложены въ карманы, узкія плечи выдвинуты впередъ. Онъ непріязненно щуритъ на меня глаза, и я чувствую ясно, что мое присутствіе здѣсь ему не по душѣ.

Дама опускается въ кресло краснаго дерева, которое какъ-то особенно дружелюбно принимаетъ ее, точно оно, какъ и все въ этой комнатѣ, сжилось съ ней.

Она беретъ двумя пальцами изъ маленькой круглой коробочки бѣлую тонкую лепешечку и, еле раскрывъ начинающія блекнуть губы, кладетъ ее въ ротъ.

— Который тебѣ годъ?

Я вижу на ея языкѣ бѣлую оттаявшую лепешечку и различаю еле уловимый запахъ мяты. Проглотивъ при этомъ невольную слюну, я поспѣшно отвѣчаю:

— Двѣнадцать, тринадцатый.

— У тебя нѣтъ ни отца, ни матери?

— Да, они умерли,—отвѣчаю я.—Прежде умерла мать, а потомъ отецъ.

Слезы замутили глаза, но я не стараюсь остановить ихъ, дѣтскимъ лукавымъ инстинктомъ постигая, что онѣ тутъ кстати.

Младшій сынъ наклонился къ матери и что-то шепнулъ ей на ухо: она съ нѣжностью обвила рукой его талію и болѣе мягкимъ голосомъ продолжала:

— Миша говоритъ, что у тебя не осталось никого изъ родныхъ.

Я понималъ, какъ мнѣ выгодно было подтвердить эти слова, но не утаилъ правды:

— Нѣтъ, у меня еще есть дѣдушка.

— Дѣдушка. Гдѣ же онъ?

— Въ сумасшедшемъ домѣ.

— Въ сумасшедшемъ домѣ? Значитъ, онъ больной?

— Нѣтъ, онъ не больной, только умомъ тронулся.

Старшій фыркнулъ. Мать строго взглянула на него.

Онъ вынулъ изо рта измятую папиросу и съ презрительной гримасой сталъ искать пепельницу. Подъ рукой не оказалось, и онъ бросилъ окурокъ въ красивую синюю вазу.

Мать укоризненно покачала головой и взглядомъ указала на пепельницу.

— Когда же это съ твоимъ дѣдушкой случилось?—спросила она меня.

— А вотъ, какъ мать умерла и отецъ на мачехѣ женился, дѣдушка и тронулся. А какъ отецъ умеръ, онъ и совсѣмъ съ ума сошелъ.

— Ну, а мачеха?

— Она хожалкой въ сумасшедшій домъ поступила, гдѣ дѣдушка.

Миша опять наклонился къ матери и поспѣшно сообщилъ, что отецъ ничего имъ не оставилъ. Но мать движеніемъ руки остановила его:

— Я хочу, чтобы онъ разсказалъ самъ. Разсказывай, мальчикъ.

Это предложеніе поставило меня въ тупикъ. Я еще кое-какъ могъ отвѣчать. Но какъ и что разсказывать?

Старшій, развалившись въ креслѣ и вытянувъ ноги, глядѣлъ на меня прищурившись и насмѣшливо улыбался. Я чувствовалъ, что краснѣю, опустилъ глаза, но и тутъ меня безпокоилъ острый носокъ его щегольскаго штиблета, которымъ онъ поигрывалъ, какъ будто поддразнивая меня.

Я умоляюще обратилъ глаза на своего товарища, чтобы онъ подсказалъ мнѣ, какъ, случалось, я подсказывалъ ему въ классѣ. Онъ же, видя мое смущеніе, только ободряюще торопилъ меня, кивая головой.

— Однако, онъ не особенно краснорѣчивъ,—презрительно сказалъ мой врагъ.

Но тутъ я въ отчаяніи раскрылъ ротъ и выпалилъ первое, что́ мнѣ пришло на умъ.

— Это отецъ ее довелъ.

— Мачеху?

— Нѣтъ, мать,—продолжалъ я, не смѣя поднять глазъ.

— До чего довелъ?

— До смерти довелъ.

— Какъ такъ?

— Билъ ее пьяный.

Дама съ тревогой взглянула на своихъ дѣтей. И опять мой врагъ неодобрительно замѣтилъ:

— Нечего сказать, хорошая наслѣдственность: дѣдъ сумасшедшій, отецъ пьяница.

Она покачала головой на это злое замѣчаніе и опять обратилась ко мнѣ съ разспросами.

— Вѣдь твой отецъ, кажется, былъ лавочникъ?

Мнѣ уже стало стыдно и за сумасшедшаго дѣда, и за пьянство отца, и за мое низкое происхожденіе. Въ первый разъ въ жизни, благодаря этому, за что-то не взлюбившему меня перезрѣлому гимназисту, я понялъ, что всего этого надо стыдиться. Но вмѣсто того, чтобы уклониться отъ бесѣды по поводу унизительныхъ для меня обстоятельствъ и смириться, я почувствовалъ, какъ во мнѣ шевельнулось острое и упрямое желаніе итти дальше по этому пути:

— Да, когда отецъ переѣхалъ въ городъ, онъ сталъ лавочникомъ.

Я поднялъ голову и, продолжая смотрѣть прямо въ эти язвительно прищуренные глаза, какъ-то странно твердѣющимъ голосомъ, отчетливѣе, чѣмъ раньше, сообщилъ:

— А когда отецъ въ деревнѣ жилъ, тогда онъ былъ пастухомъ.

— А ты изъ какой деревни?—живо спросилъ Миша.

— Изъ Елшанки,—отвѣтилъ я.

— Изъ Елшанки!—воскликнулъ онъ.—Да вѣдь это наше имѣніе!

Но мать остановила его столько же голосомъ, сколько и взглядомъ, въ которомъ засвѣтилось пристальное вниманіе.

— Не одна же Елшанка на свѣтѣ. Какого уѣзда твоя Елшанка, мальчикъ?

Миша наклонился и застѣнчиво шепнулъ ей:

— Его, мамочка, зовутъ Павелъ, Паша.

— Камышенскаго,—отвѣтилъ я.

— И наша Камышенскаго,—обрадовался Миша.—Я такъ и зналъ, что изъ нашей!

— То есть изъ бывшихъ нашихъ крѣпостныхъ мужиковъ,—опять пояснилъ старшій.

Я видѣлъ, что не только мое присутствіе, но и каждое мое

слово раздражаетъ его, такъ же, какъ меня раздражалъ не только весь онъ, но и этотъ, не перестававшій дразнить меня качающійся кончикъ сапога.

— Да, отецъ мой былъ крѣпостной,—подтвердилъ я.—Онъ самъ разсказывалъ мнѣ, что пасъ господскую скотину.

— Такъ, такъ. Недурно,—зазвучалъ пренебрежительный голосъ. И вѣрно я услышалъ бы еще что-нибудь обидное, если бы мать не прервала его.

— Вотъ совпаденіе. Вотъ, дѣйствительно, странное совпаденіе! Но какъ же ты попалъ въ гимназію?

— Я мать упросилъ и отца упросилъ. Мнѣ очень хотѣлось. У насъ во дворѣ жилъ гимназистъ одинъ, Сережа Сокольскій, вотъ онъ мнѣ и сказалъ, что въ гимназіи учатъ сочиненія писать, а у насъ въ приходскомъ училищѣ этому не учатъ.

— Ну, и что же?

— А я хотѣлъ умѣть сочинять. Вотъ, какъ въ Хрестоматіи,—стихи и разсказы сочинять.

— Скажите, пожалуйста, какой сочинитель!..

— Константинъ!—строго остановила его мать и ласково улыбнулась мнѣ.

— Вотъ какъ... Продолжай, мальчикъ... продолжай, Паша,—поправилась она.

Эта улыбка еще болѣе поддержала меня, и я совсѣмъ разговорился.

— Мать стала просить за меня отца. А тутъ къ намъ еще одинъ покупатель заходилъ. Онъ всегда со мной разговаривалъ и тоже сталъ говорить отцу, чтобы онъ меня въ гимназію отдалъ. И учитель Григорій Васильевичъ тоже говорилъ отцу. А у Григорія Васильевича отецъ тоже крѣпостной былъ, а потомъ водовозъ. Отецъ ихъ и послушался.

— Вотъ видишь, значитъ, не надо зломъ вспоминать отца,—замѣтила дама.

Я по-своему понялъ ея отвѣтъ и поспѣшилъ объяснить.

— Да отецъ это не со зла. Онъ въ ногахъ у нея валялся и просилъ прощенія, когда тверезый былъ.

— Ха, ха, ха, тверезый!

— Надо говорить не тверезый, а трезвый,—мягко поправила дама.—А тебѣ, Константинъ, стыдно смѣяться надъ его ошибкой,—упрекнула она старшаго сына.—Тебя съ колыбели учатъ говорить по-французски, и все-таки ты дѣлаешь ужасныя ошибки. А его некому было учить.

Младшій тоже вступился за товарища:

— И въ каждомъ классѣ по два года сидишь.

— А вотъ я тебѣ за эти слова уши нарву,—пригрозилъ старшій братъ.

— Какъ вамъ не стыдно вѣчно ссориться. Продолжай, Паша.

Я продолжалъ, подбодренный почему-то этой ссорой, происшедшей изъ-за меня, считая своего противника посрамленнымъ:

— Когда отецъ трезвый былъ. Онъ въ ногахъ у матери валялся и просилъ прощенія,—по-ученически повторилъ я фразу съ поправленнымъ словомъ.—И всегда на икону зарокъ давалъ не пить.

— Хорошо, хорошо,—остановила она это подробное сообщеніе и сразу перемѣнила мягкій тонъ на дѣловой.—Такъ вотъ слушай меня, мальчикъ. Директоръ гимназіи сказалъ мнѣ, что ты хорошо учишься.

— Онъ у насъ почти первый ученикъ.

— И что ты хотѣлъ бы продолжать учиться. Такъ вотъ, я ничего не имѣю противъ этого, тѣмъ болѣе, что и Миша,—она обратила глаза на младшаго,—проситъ меня объ этомъ.

— Да, да, мамочка, пусть онъ живетъ у насъ.

— Ну, это мы посмотримъ, какъ удобнѣе будетъ устроить,—уклончиво отвѣтила мать.—Во всякомъ случаѣ, мальчикъ, ты не долженъ забывать, что главнымъ образомъ ему будешь обязанъ этимъ благодѣяніемъ,—проговорила она съ любовной гордостью, касаясь худенькаго плеча моего товарища, который вдругъ покраснѣлъ и забормоталъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, ты будешь помогать мнѣ за это въ задачахъ и диктовкѣ.

— Это недурно: онъ коренникомъ, а ты у него на пристяжкѣ.

Мать возмутилась:

— Я бы попросила тебя не вмѣшиваться такимъ образомъ въ нашу бесѣду. И вообще, ты бы хорошо сдѣлалъ, если бы оставилъ насъ втроемъ.

Онъ покраснѣлъ и отвѣтилъ съ непріятной гримасой:

— Вотъ какъ! я не думалъ, что могу быть лишнимъ, когда рѣшаются вопросы о новомъ членѣ нашей семьи.

Онъ не смотрѣлъ на мать, но въ тонѣ его голоса и особенно въ этихъ слегка ощеренныхъ, уже пожелтѣлыхъ отъ табака крупныхъ зубахъ, чувствовался вызовъ, обращенный къ матери.

Она медленно повернула въ его сторону свою красивую голову, и блескъ ея сѣрыхъ глазъ, прямо и упорно устремленныхъ на сына, сталъ какъ будто сохнуть, холодѣть.

Я замѣтилъ, что онъ, не глядя, чувствовалъ этотъ взглядъ, и вотъ, сначала исчезла вызывающая гримаса, затѣмъ пересталъ шевелиться острый щегольской носокъ и, наконецъ, онъ всталъ и, пожавъ плечами, пробормоталъ:

— Странно.

И, заложивъ руки въ карманы, вышелъ изъ комнаты, съ военнымъ шикомъ переставляя длинныя тонкія ноги.

Мать проводила его глазами, и я замѣтилъ, какъ взглядъ ея изъ холоднаго и строгаго становился печальнымъ, почти страдальческимъ.

Когда онъ ушелъ, она вздохнула; рука ея машинально потянулась къ кругленькой коробочкѣ, и на языкѣ опять блеснула бѣленькая, пахнущая мятой лепешечка.

— Идите, дѣти,—устало проговорила она.—Ты, Миша, покажи ему нашъ домъ, садъ. А когда пріѣдетъ папа, мы рѣшимъ, какъ быть.

— Мамочка,—обратился было къ ней умоляющимъ тономъ сынъ.

Но она съ болѣзненной гримасой, неожиданно напомнившей мнѣ ушедшаго, приложила два пальца къ лѣвому виску, и лицо ея сразу какъ-то поблекло и постарѣло.

Миша не посмѣлъ безпокоить далѣе мать и потянулъ меня за рукавъ.

2.

Я попятился назадъ и поклонился.

Она отвѣтила медленнымъ наклоненіемъ головы, не отнимая пальцевъ отъ виска. Глаза ея полузакрылись, и мнѣ такъ и казалось, что вотъ-вотъ она еще ниже склонитъ голову, спрячетъ ее, какъ лебедь подъ крыло.

— У мамы начинается мигрень,—шепнулъ мнѣ Миша уже у самой двери.—Но ты не бойся,—старался онъ ободрить меня.—Все будетъ хорошо, а ты, навѣрное, останешься жить у насъ.

Для меня это было до такой степени неожиданно, невѣроятно, что, какъ я ни хотѣлъ повѣрить этому, вѣрить было трудно, почти невозможно.

Не выпуская изъ своихъ рукъ рукава моей курточки, Миша продолжалъ уже въ коридорѣ:

— Папа, навѣрное, согласится. Онъ всегда дѣлаетъ такъ, какъ желаетъ мама.

— А за что меня твой братъ не любитъ?

— Онъ всѣхъ не любитъ. Онъ и папу не любитъ, и меня не любитъ. Всѣхъ не любитъ.

— За что такъ?

— А вотъ спроси его. Только лошадей да собакъ и любитъ. Онъ и Олечку даже не любитъ.

— А это кто Олечка?

— Сестра моя,—сказалъ онъ, удивившись, что я не знаю Олечки.—Она въ институтѣ учится. Ихъ тоже сегодня распускаютъ на Рождество. Вотъ она удивится, когда увидитъ, что ты у насъ живешь!

— А можетъ, и она не захочетъ, чтобы я у васъ жилъ.

— Олечка-то! Нѣтъ. Она такая добрая. Добрѣе всѣхъ у насъ въ домѣ. Вотъ только любитъ подсмѣиваться, какъ папа.

Весь этотъ нашъ разговоръ происходилъ за дверью, въ узкомъ коридорчикѣ, раздѣлявшемъ домъ пополамъ.

Миша дружелюбно обвилъ меня рукой за талію и сказалъ:

— Пойдемъ, я тебѣ покажу мою комнату.

Мы пошли съ нимъ по коридору, но все никакъ не могли попасть въ ногу. Взглянули другъ на друга и засмѣялись этому. Миша вдругъ хлопнулъ въ ладоши и воскликнулъ:

— Вотъ намъ съ тобой какъ будетъ весело!

Отворивъ дверь въ большую комнату, онъ сказалъ:

— Вотъ тутъ мы съ тобой и будемъ жить. Это моя кровать, а тебѣ поставятъ напротивъ, у той стѣны.

И онъ указалъ мнѣ на стѣну, гдѣ висѣла большая географическая карта съ изображеніемъ полушарій. У окна стоялъ письменный столъ и сбоку небольшое креслице; въ углу этажерочка съ книгами: ничего лишняго и случайнаго. Но тутъ было такъ свѣтло, чисто и просторно, что когда я подумалъ, что останусь здѣсь жить, меня всего залило радостью.

— А гдѣ же живетъ тотъ, твой братъ?

— Онъ съ папой на другой половинѣ. А тутъ я, мама,— Олечка, когда пріѣзжаетъ, и мадемуазель Тестъ: это наша гувернантка-француженка. Ее такъ только называютъ мадемуазель, потому что у нея нѣтъ мужа, а она старая. Она и тебя будетъ учить по-французски говорить.

— И этотъ домъ весь вашъ?

— Нашъ. И садъ нашъ. Пойдемъ въ садъ.

— Пойдемъ.

— У насъ тамъ катокъ есть.

— Ну! Свой собственный катокъ?

— Да.

— Значитъ, вы очень богатые?

— Нѣтъ, теперь не очень богатые. Но у насъ бабушка и дѣдушка богатые. Когда они умрутъ, мы опять будемъ богатые. А лѣтомъ мы къ нимъ въ деревню поѣдемъ.

— Въ Елшанку?

— Нѣтъ. Вэрстъ двадцать отъ Елшанки. Рудня. Елшанка,— онъ присвистнулъ—фюить! Елшанку мы прожили. Но въ Руднѣ еще лучше: тамъ озеро есть большое, большое.

— И меня возьмете?

— Навѣрное, и тебя возьмемъ.

У меня все время трепетали въ душѣ и радость и опасеніе, что все это можетъ не сбыться. И вѣрилъ и не вѣрилъ въ возможность. И хотѣлось, чтобы все разрѣшилось какъ-нибудь, но только скорѣе.

— Только тамъ скучно, когда дождикъ идетъ,—продолжалъ Миша.—Надо въ домѣ сидѣть, а бабушка и дѣдушка не любятъ, когда шумятъ.

— Ну, вотъ, въ дождикъ-то и весело!—воскликнулъ я.— Подъ дождикомъ растешь. А когда ручьи бѣгутъ, закатаешь штаны, да и шлепаешь по нимъ. Я прошлымъ лѣтомъ вотъ такъ бѣгалъ по ручью и нашелъ не то медаль, не то монету старую. Отнесъ лавочнику, а онъ мнѣ за нее двѣ конфеты далъ.

— А, можетъ быть, это была золотая?

— А кто ее знаетъ, можетъ и золотая. Тамъ въ эти ручьи все попасть можетъ—и золотое и брилліантовое.

— А почему ты знаешь?

— А ручьи-то откуда текутъ?—ошеломилъ я его внезапнымъ вопросомъ.—Небось съ горъ. А въ горахъ разбойники живутъ, клады всякіе зарываютъ. Я одинъ разъ собиралъ на Соколовой горѣ чертовы пальцы...

— Какіе чертовы пальцы?—опѣшилъ Миша.

— А это въ родѣ, какъ камешки. Настоящіе чертовы пальцы.

— Ну?—взволнованно торопилъ меня Миша.

— И увидѣлъ разбойника, настоящаго разбойника.

По расширившимся глазамъ Миши я убѣдился, что произвелъ сильное впечатлѣніе, и былъ очень гордъ, что не ударилъ лицомъ въ грязь передъ этимъ барчукомъ въ такой богатой обстановкѣ. Я было хотѣлъ тутъ же ему разсказать еще нѣсколько

болѣе удивительныхъ исторій, но онъ возбужденно схватилъ меня за руки, закрутилъ меня по комнатѣ, приговаривая:

— Вотъ намъ будетъ весело! Вотъ намъ будетъ весело!

Онъ вдругъ сразу остановился и, тяжело дыша, глядя на меня блестящими, но печальными, какъ у матери, глазами, заторопилъ:

— Ну, пойдемъ, пойдемъ на катокъ.

Онъ схватилъ меня за руку, и мы побѣжали по коридору, но сдерживая шума, и я топалъ ногами, не думая, въ какой я обстановкѣ.

Въ концѣ коридора мы едва не сшибли съ ногъ толстенькаго, кругленькаго лакея Петра, которому Миша тутъ же сообщилъ: кто я такой, и почему я въ домѣ.

Но Петръ, повидимому, все уже зналъ и на мой вопросительно боязливый взглядъ внушительно, но мягко сказалъ:

— А вы все-таки не забывайте, въ какомъ домѣ, и соблюдайте приличіе.

Я понялъ, что онъ врагомъ мнѣ не будетъ.

Миша приказалъ ему принести коньки, а когда лакей ушелъ, я растроганный сказалъ:

— А онъ, должно быть, добрый.

— Петръ отличный и преданный слуга,—тономъ взрослаго барина сказалъ Миша навстрѣчу Петру, который несъ ему блестящіе стальные коньки.

— У-у! Американскіе,—съ завистью вырвалось у меня.

Стали торопливо одѣваться.

Петръ подалъ барчуку коротенькую мѣховую тужурку, а я надѣлъ свою выцвѣтшую, непомѣрно длинную шинель, при видѣ которой Миша разсмѣялся.

— Какой портной сшилъ тебѣ такую смѣшную шинель?

— Это мнѣ на толчкѣ купили.

— Что такое на толчкѣ?

Я захохоталъ.

— О, толчка не знаетъ!

Аккуратно застегивая пуговицы Мишиной тужурки, Петръ строго оборвалъ мой смѣхъ:

— Голова! Откуда барчуку знать, что такое толчекъ. Это,—почтительно пояснилъ онъ Мишѣ,—базаръ, куда одинъ голякъ свой хламъ сбываетъ, а другой за гроши его покупаетъ.

Слово «голякъ» ущемило мнѣ сердце, и когда Миша, все еще съ веселымъ недоумѣніемъ разглядывая мою фигуру, спросилъ:

— Зачѣмъ же купили такую длинную? Она тебѣ не идетъ.

Я упавшимъ голосомъ, стыдясь этого безобразія, пробормоталъ

— На ростъ.

— Какъ на ростъ?

— А это значитъ, что, когда я буду большой,—объяснилъ я, стараясь оправдать это уродство,—тогда она мнѣ будетъ впору.

Мы вышли на крыльцо. Мягкій зимній воздухъ обвѣялъ насъ, и мое огорченіе разсѣялось. Блестящіе коньки притягивали мой взглядъ, и я мысленно примѣрялъ ихъ къ своимъ ногамъ и до того ясно представилъ себя на нихъ скользящимъ по льду, что блеснула гордая увѣренность: я, навѣрно, катаюсь лучше его.

— А у тебя есть дома коньки?—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ,—грустно отвѣтилъ я.

И мнѣ вспомнился одинъ изъ самыхъ печальнѣйшихъ дней моей жизни.

3.

Жили мы на окраинѣ города, почти у самой Волги, и мѣсто это было извѣстно подъ забавнымъ и непонятнымъ именемъ «Бабушкинъ взвозъ». Тамъ я и родился въ маленькой хибаркѣ.

Тамъ у насъ была и наша лавочка. Съ улицы она обозначалась вывѣской, на которой были грубо намалеваны чуть ли не всѣ предметы, которые въ ней продавались. Другая половина выходила во дворъ, спускавшійся прямо къ Волгѣ. Въ этомъ дворѣ стояло десятка полтора хибарокъ, въ родѣ нашей, гдѣ все ютилась бѣднота: сапожники, портные и другіе ремесленники; былъ даже лодочникъ, котораго за большую бороду и длинные волосы называли апостоломъ. Онъ дѣлалъ отличныя большія лодки, хотя былъ горькій пьяница. Но такимъ его особенно любила вся дѣтвора: онъ мастерилъ намъ маленькіе кораблики и лодченки лѣтомъ, а зимой выстругивалъ изъ чурбачковъ деревянные коньки тѣмъ, которые не могли купить настоящихъ.

И у меня были такія, сработанныя имъ деревяшки, въ которыхъ были проверчены дырочки, и привязывались онѣ къ ногамъ ремешками и веревочками.

Каткомъ нашимъ зимой служила вся Волга: если вѣтеръ не сдувалъ съ нея снѣгъ, мы сами очищали ледъ и катались съ утра до вечера.

Мало у кого изъ насъ были настоящіе коньки, и однимъ изъ такихъ счастливцевъ былъ Сережа Сокольскій, сынъ какого-то

чиновника, толстенькій хвастливый мальчуганъ, задира и лгунишка, который презиралъ всѣхъ насъ, катавшихся на деревянныхъ конькахъ.

Мы бы сумѣли выжить его съ нашего катка, если бы онъ отъ времени до времени не подкупалъ каждаго изъ насъ, позволяя покататься на своихъ блестящихъ американскихъ конькахъ.

Послѣ перваго же опыта на настоящихъ конькахъ сердце мое отравилось острой завистью къ нему и желаніемъ имѣть такіе коньки. Но нечего было и думать, что отецъ или мать могутъ когда-нибудь мнѣ купить ихъ: и бѣдность была большая, а если что и заводилось въ домѣ, отецъ пропивалъ.

И вдругъ мнѣ открылась неожиданная возможность добыть деньги на коньки: наканунѣ Рождества сынъ сапожника съ нашего двора Ванька Ланцовъ предложилъ мнѣ, такъ какъ у меня былъ хорошій голосъ, отправиться съ нимъ славить. Въ прошломъ году ему удалось наславить съ товарищемъ рубля по два.

Намѣреніе это я долженъ былъ сохранять въ тайнѣ, чтобы другіе не перебили.

Съ матерью я не могъ не подѣлиться своей мечтой.

И потому, когда на разсвѣтѣ товарищи мои постучали въ окно, она меня ласково разбудила:

— Пришли, Павликъ.

Осторожно, чтобы не разбудить отца, я одѣлся во все чистое и праздничное, и она напутствовала меня на дорогу:

— Иди, сынокъ мой. Дай Богъ удачи.

Удача оказалась полная. Мы съ успѣхомъ славили не только у богатыхъ купцовъ и мѣщанъ, куда допускали насъ, и у кондитера Шмекенъ, котораго Ваня называлъ Шемякой, но и у самого околодочнаго надзирателя.

Задолго до полдня у насъ уже было около трехъ рублей денегъ и разныя вкусныя вещи, надъ которыми, конечно, царилъ посыпанный сахаромъ и миндалемъ кондитерскій крендель.

На мою долю досталось рубль шестьдесятъ копеекъ. Эта сумма даже на десять копеекъ превышала стоимость коньковъ.

Позванивая серебромъ и мѣдяками въ карманѣ, я уже слышалъ въ этомъ звонѣ заманчивое позвякиваніе коньковъ.

Если бы магазины не были закрыты, я сейчасъ же побѣжалъ бы и купилъ коньки, но приходилось ожидать трое сутокъ: у меня щемило сердце отъ тоски по конькамъ, но въ этомъ чувствѣ была такая сладость ожиданія, что я несомнѣнно былъ въ это время счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

Мать была растрогана и со слезами, гладя меня по головѣ, говорила:

— Ну, славу Богу, Павликъ. Я такъ рада, что у тебя будутъ конечки.

И закашлялась. И всегда—и когда радовалась, и когда огорчалась—она кашляла и сплевывала въ баночку, какъ ее научилъ докторъ.

Мы посовѣтовались, сообщать ли объ этой радости отцу. Настроеніе было такое довѣрчивое, что рѣшили не только сообщить, но и попросить пойти со мною въ магазинъ, чтобы меня не обманули.

Къ обѣду отецъ пришелъ трезвый и принялъ наше предложеніе съ такой же радостью, какъ мы его сообщали.

И еще со вчерашняго вечера, когда онъ, вернувшись изъ бани, такой смирный и кроткій, читалъ по складамъ евангеліе, въ немъ свѣтилось это умиленное праздничное настроеніе, которое дѣлало счастливымъ весь домъ и скрашивало нашу бѣдность.

Вечеромъ мы должны были пойти въ гости, но отецъ, какъ ушелъ послѣ обѣда, такъ и не возвращался, и бѣдныя стѣны наши наполнились обычной тревогой. Вся эта тревога какъ будто собиралась въ большихъ темныхъ глазахъ матери.

Сжимая худыя посинѣвшія руки, она почти безостановочно ходила по нашей тѣсной, но по-праздничному прибранной комнатѣ, кутаясь въ старую шерстяную шаль, покачивая головой и что-то шепча сама съ собою.

Она всѣхъ троихъ насъ положила на широкую семейную постель. Мои младшіе, сестренка и братъ, скоро заснули, но я спать не могъ: тревога ея передавалась и мнѣ. И я съ волненіемъ слѣдилъ за ея худой, съ опустившимися плечами фигурой, которая то закрывала, то открывала свѣтъ лампы, и когда тѣнь отъ матери падала на меня, я чувствовалъ, какъ тѣснило мнѣ грудь, точно не тѣнь, а печаль ея покрывала всего меня съ головы до ногъ.

Она замѣтила, что я не сплю, и подошла, и наклонилась ко мнѣ.

— Что ты не спишь, Павликъ?

Я схватилъ ее за пальцы, такіе тонкіе и холодные.

— Мама, онъ опять пьяный придетъ?

— Нѣтъ, дѣточка, нѣтъ. Онъ обѣщалъ не пить ради такого дня. Спи. Спокойненько спи.

— А ты?

— И я прилягу съ вами.

Она потушила лампу, и остался только одинъ глазокъ лампадки въ переднемъ углу, который свѣтилъ такъ успокоительно, кротко, что я повѣрилъ ея словамъ и сталъ засыпать, какъ только она прилегла рядышкомъ съ краю.

Поднималась мятель: вѣтеръ повременамъ стучалъ въ ставни и шумѣлъ за окнами, бросая въ нихъ сухой сыпучій снѣгъ.

И вдругъ я проснулся. Сначала мнѣ показалось, что это все еще шумитъ, стучитъ и стонетъ вѣтеръ. Но, открывши глаза, я вскрикнулъ отъ страха и муки: отецъ билъ мать, и, чтобы не разбудить насъ, она сдерживала вопли и стоны. Но когда упала отъ его удара, и голова ея стукнулась объ полъ, не помня себя, я съ крикомъ прыгнулъ съ кровати, вцѣпился отцу въ бороду обѣими руками и повисъ, трясясь и судорожно извиваясь и визжа отъ злобы.

Ошеломленный и растерянный, отецъ неподвижно застылъ, разставивъ ноги, и потомъ сталъ осторожно освобождать изъ моихъ оцѣпенѣвшихъ пальцевъ свою бороду, не говоря ни слова и тяжело сопя.

Я ничего не помню дальше. Знаю только, что мечта моя о конькахъ не осуществилась: отецъ отнялъ у матери и пропилъ заработанныя мною деньги.

Какъ мы плакали съ матерью, которая одна въ цѣломъ свѣтѣ понимала мое безконечное дѣтское горе и отчаяніе!

Многое я могъ забыть и оправдать, но этой ночи и этой страшной для меня утраты я ни забыть, ни оправдать долго не могъ.

4.

Всю эту исторію я разсказалъ Мишѣ, и онъ былъ, видимо, взволнованъ и даже подавленъ ею.

Его сѣрые, нѣсколько удивленные глаза заблестѣли отъ слезъ. Онъ схватилъ меня за руку и спросилъ:

— Когда ты именинникъ?

Я сказалъ.

— Ну, вотъ, тогда ты получишь въ подарокъ коньки. Или нѣтъ, это будетъ лѣтомъ; а лучше на Рождество. Вотъ такіе, какъ эти,—тряхнулъ онъ передо мной коньками, которые такъ весело звякнули, что у меня сердце вздрогнуло отъ радости.

— А то знаешь! — возбужденно воскликнулъ онъ.—Мнѣ мама купитъ новые. Я хочу непремѣнно «Норвежскій спортъ», а я тебѣ подарю эти. У насъ вѣдь ноги одинаковыя.

— Да, они мнѣ прійдутся, — поспѣшилъ я отвѣтить наугадъ.

Въ то время, какъ мы, миновавъ дворъ, проходили мимо конюшни, откуда вкусно пахло въ открытую дверь тепломъ и навозомъ, изъ конюшни выскочилъ конюхъ и за нимъ на длинномъ поводу статная лошадь съ черной атласистой кожей.

Весело покручивая красивой головой на гибкой шеѣ, раздувая ноздри навстрѣчу пахнувшему снѣгомъ воздуху, лошадь выбѣжала на широкій дворъ и сильнымъ чернымъ пятномъ выдѣлилась на серебристомъ фонѣ снѣга.

Въ дверяхъ конюшни картинно остановился Константинъ, въ фуражкѣ и тужуркѣ, скорѣе военнаго, чѣмъ гимназическаго покроя.

Сейчасъ онъ мнѣ показался очень статнымъ и красивымъ, и стало еще досаднѣе, что онъ меня за что-то не взлюбилъ.

По-военному разставивъ ноги и подбоченясь, онъ любовался легкими гордыми движеніями лошади, дружелюбно приказывая кучеру:

— Отпусти поводъ. Отпусти побольше поводъ.

Замѣтивъ насъ, онъ вдругъ нахмурился и прикрикнулъ, обращаясь почему-то ко мнѣ:

— Эй, господинъ, будущій членъ нашего семейства, посторонитесь!..

Я хотѣлъ отбѣжать въ сторону, но Миша, покраснѣвъ, схватилъ меня за руку: кружа и на отпущенномъ поводу, лошадь, все равно, должна была миновать насъ.

Мнѣ стало стыдно за свою зависимость и робкую покорность, и я, подражая своему спутнику, сдѣлалъ также видъ, какъ будто не разслышалъ этого окрика, и пошелъ рядомъ.

Весь запорошенный снѣгомъ, пушистый отъ инея, садъ стоялъ точно въ бѣломъ весеннемъ цвѣту, а большія сосны въ своихъ горностаевыхъ мантіяхъ сіяли королевскимъ величіемъ.

Катокъ въ саду былъ устроенъ на особо отдѣленной площадкѣ, гдѣ лѣтомъ, какъ объяснилъ мнѣ Миша, играли въ крокетъ.

Солнце было на закатѣ, свѣтло-розовые, золотистые, блѣдно-фіолетовые тона переливались по снѣгу, а гладкій ледъ казался перламутровымъ.

Мишѣ, очевидно, хотѣлось показать предо мною свое искусство: тутъ же на скамеечкѣ онъ быстро надѣлъ коньки и ловко и весело заскользилъ по льду.

Я съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда онъ дастъ мнѣ покататься, и спѣшилъ похвалить его за все, что онъ продѣлывалъ.

Онъ не могъ не видѣть моего состоянія, но сѣлъ на скамейку не раньше, чѣмъ показалъ мнѣ всѣ свои штуки.

— Теперь покатайся ты, — раскраснѣвшись, привѣтливо обратился онъ ко мнѣ.—Кстати посмотримъ, въ пору ли тебѣ коньки.

Я сбросилъ свою шинель и дрожавшими отъ нетерпѣнія руками сталъ прилаживать къ своимъ неуклюжимъ сапогамъ великолѣпные американскіе коньки. Никкелированная сталь подернулась матомъ отъ мороза, и они казались мнѣ серебряными. Никогда въ жизни я не катался на подобныхъ конькахъ и не смѣлъ о такихъ мечтать, такъ какъ ужъ, конечно, они стоили гораздо больше даже рубля шестидесяти копеекъ.

Неужели эти коньки, дѣйствительно, могутъ быть моими?

Больше всего я боялся, что коньки окажутся мнѣ не въ пору.

По счастью длина ихъ была какъ разъ по моей обуви, но грубые носки моихъ сапогъ оказывались нѣсколько широки. Я ужъ хотѣлъ скрыть это обстоятельство отъ Миши, чтобы не испортить дѣло, и пытался втиснуть въ нихъ свои ноги, но онъ внимательнымъ взглядомъ своимъ замѣтилъ это.

— Стой, стой. Мы сейчасъ все устроимъ. Можно раздвинуть. У меня есть ключъ.

Но едва онъ вытащилъ изъ кармана спасительный ключъ, какъ явился Петръ и доложилъ, что пріѣхалъ баринъ и требуютъ мальчика къ себѣ.

Во мнѣ испуганно шевельнулось почти суевѣрное чувство, что мнѣ не суждено кататься на такихъ чудесныхъ конькахъ.

Что-бы ему было прійти хоть на нѣсколько минутъ позже!

Но медлить было нельзя. Сейчасъ должна была рѣшиться моя судьба.

5.

Я испытывалъ волненіе, подобное тому, которое внутренно заставляло меня дрожать, когда я шелъ на экзаменъ въ гимназію.

Во дворѣ конюхъ и мой врагъ прогуливали лошадь. Они теперь стояли рядомъ среди двора; въ рукахъ у барина былъ длинный бичъ, которымъ онъ ловко щелкалъ въ воздухѣ съ такой важностью и увлеченіемъ, что на этотъ разъ даже какъ будто не замѣтилъ насъ.

Уже не на поводу, а на длинной веревкѣ, лошадь опи-

сывала круги машистой легкой рысью; пробѣгая мимо насъ, она раздула ноздри и скосила свои чуткіе влажные глаза, въ которыхъ золотистымъ блескомъ блеснулъ свѣтъ заходящаго солнца.

Ея покой былъ нарушенъ, и она сдѣлала сбой. Въ воздухѣ опять щелкнулъ бичъ, и я испугался, что Константинъ замѣтитъ насъ и, можетъ быть, оставитъ лошадь и пойдетъ вмѣстѣ съ нами. Я невольно ухватилъ Мишу за руку.

Робко оглянулся назадъ, но тотъ стоялъ на мѣстѣ. У меня нѣсколько отлегло отъ сердца.

— А ты пойдешь со мной?—спросилъ я Мишу.

— Да, если позволятъ.

Ему разрѣшили.

Прежде, чѣмъ отворить передъ нами дверь, Петръ проворно вынулъ изъ жилетнаго кармана гребеночку и нѣсколько разъ провелъ по моимъ довольно коротко остриженнымъ волосамъ.

— Старайся подражать, — шепнулъ онъ мнѣ не совсѣмъ понятное наставленіе и, привычно вытянувшись, отворилъ передъ нами дверь.

Мы вошли въ большую комнату, всю освѣщенную золотистымъ сіяніемъ солнца, со множествомъ оружія, развѣшеннаго по стѣнамъ на коврахъ.

— А, Мишукъ!—услышалъ я пріятный привѣтливый голосъ и увидѣлъ на широкомъ ковровомъ диванѣ господина съ пышными бѣлокурыми бакенбардами на моложавомъ лицѣ, но съ большой лысиной, поперекъ которой шли мягкія пряди волосъ. Я гдѣ-то видѣлъ его. Стараюсь припомнить, но припомнить не могу.

Онъ потянулъ подошедшаго къ нему сына за руку такъ, что тотъ упалъ на диванъ, и отецъ обнялъ его и привлекъ къ себѣ:

— Вотъ тотъ самый мальчикъ, сирота, о которомъ я тебѣ говорила, обратилась къ нему жена.

Онъ привѣтливо кивнулъ мнѣ и весело разсмѣялся.

— Сирота. Сирота. Вотъ тебѣ кстати, Миша, новая армянская загадка. И, коверкая языкъ на армянскій ладъ, спросилъ:— Что общаго, дюша мой, между пустымъ портсигаромъ и сиротой?

Миша улыбался и вопросительно смотрѣлъ то на меня, то на отца.

— Ни за что не догадаетесь, — обращаясь не только къ своимъ, но и ко мнѣ, весело заявилъ онъ:—А ужасно, ужасно смѣшно.—И, съ торжествомъ оглядывая насъ, на томъ же ко-

верканномъ языкѣ сказалъ:—Та разница, дюша мой, что и тотъ и другой безъ папы росъ.

— Ужасно глупо,—снисходительно засмѣялась жена.

Миша залился смѣхомъ.

Прыснулъ и я.

Отецъ вмѣстѣ съ Мишей откинулся на спинку, дивана и они, смѣясь, глядѣли другъ-другу въ глаза.

Она прервала этотъ смѣхъ какой-то французской фразой.

Онъ одобрительно кивнулъ головой:

— Да, да, это правда. У него совсѣмъ не мужицкое лицо. Славный морданъ.

Она опять продолжала по-французски, но на этотъ разъ закончила по-русски:

— Неправда ли, странное совпаденіе?

— Совпаденіе! Совъ паденіе! И на это есть армянская загадка.

— Ахъ, оставь покуда армянскія загадки, — нетерпѣливо перебила его жена.—Для меня здѣсь есть загадка болѣе интересная. Скажи мнѣ,—переводя глаза съ меня на мужа, задала она вопросъ:

— Тебѣ, можетъ быть, знакомы его отецъ и... мать?—значительно выдѣлила она послѣднее слово.—По крайней мѣрѣ, Петръ говоритъ, что знаетъ ихъ, и ты долженъ помнить. Отца его звали Никифоръ,—медленно говорила она.—Онъ былъ пастухъ. А мать гусятница, и звали ее Дарья.

— А-а!—радостно протянулъ онъ.—Какъ же, какъ же, помню! Былъ такой пастухъ Никишка. Помню, потому что онъ дѣлалъ отличныя дудочки и игралъ на нихъ чудесно. И была гусятница Дарочка, которую звали цыганочкой. Ну, конечно. Такая смуглая, тоненькая, съ большими глазами. Отецъ ея, дѣйствительно, былъ чуть ли не цыганъ. Конокрадъ. Его колонисты въ Сарептѣ поймали и ногу подрѣзали. Послѣ этого онъ кучеромъ у насъ былъ. Лихой кучеръ.

Онъ съ любопытствомъ глядѣлъ на меня и задумчиво кивалъ головой:

— Да, да, какъ же, какъ же. Дѣйствительно странное совпаденіе. Мальчика непремѣнно надо взять.

— Ты находишь? Ну, а скажи, Хрисантъ,—съ подозрительной серьезностью продолжала она вопросъ.—Ты потомъ эту Дарочку въ городѣ не встрѣчалъ?

Онъ медленно повернулъ къ ней отъ меня голову и, съ недоумѣніемъ поднявъ брови, молча взглянулъ на нее.

И вдругъ, лицо его освѣтилось веселой улыбкой.

— А, вотъ ты о чемъ! Дѣйствительно, это было бы странное совпаденіе,—закончилъ онъ, посмѣиваясь и укоризненно покачивая головой.

Она смутилась, покраснѣла и поспѣшила заговорить:

— Не въ томъ дѣло. Согласись самъ, что все это, дѣйствительно, не совсѣмъ обыкновенно, и я хотѣла все выяснить прежде, чѣмъ рѣшиться. Хотѣла посовѣтоваться съ тобой серьезно.

— Да что-жъ тутъ,—отвѣтилъ онъ.—Конечно, дѣла наши не такъ блестящи, чтобы брать воспитанниковъ...

Она перебила его. И въ то время, какъ Миша наклонился къ отцу и что-то горячо зашепталъ ему на ухо,—заговорила:

— Да, но если мы его не возьмемъ, то возьметъ Ахлестина, или Кропотова. Это теперь прямо какая-то либеральная мода у насъ въ городѣ: брать на воспитаніе дѣтей бывшихъ крѣпостныхъ.

— Что же, это отлично.—одобрилъ онъ.—Тутъ есть какой-то долгъ. По крайней мѣрѣ и у насъ въ земствѣ всѣ очень воодушевлены вопросомъ о народномъ благѣ. Надо сознаться, что хотя крестьянамъ и дали волю, но относительно земли и всего прочаго...

Я замѣтилъ, что, договаривая послѣднія слова, онъ нѣсколько безпокойно глядѣлъ по направленію къ двери, и украдкой обернувшись, я увидѣлъ въ дверяхъ старшаго сына. Меня сразу точно что-то придавило.

— Я, какъ предсѣдатель Земской Управы,—уже повышеннымъ тономъ продолжалъ отецъ,—считаю себя обязаннымъ поддерживать такую идею.

— Ахъ, папа,—донесся рѣзкій голосъ Константина.—И вовсе эта идея не твоя, а твоего секретаря. Этого семинара, которому пріятно униженіе и раззореніе дворянства. Посмотримъ еще, что изъ этого выйдетъ... Изъ этой воли. Еще крестьяне взвоютъ. И дворяне глупо дѣлаютъ со всѣмъ этимъ земствомъ. И ничего изъ этого не выйдетъ.

— Ну, это мы посмотримъ.

— И нечего смотрѣть. Прежде, когда крестьяне были мои, я долженъ былъ о нихъ заботиться. Даже не изъ-за сентиментовъ какихъ-нибудь, а просто хотя бы изъ самолюбія, что мои крестьяне не должны жить хуже, чѣмъ у моего сосѣда. А теперь мнѣ наплевать. Пусть у него на моихъ глазахъ проваливается крыша, пусть онъ пухнетъ съ голоду. Мнѣ безразлично.

— Ахъ, все вы не о томъ,—остановила этотъ споръ между

отцомъ и сыномъ мать. И, точно оправдываясь передъ старшимъ, она сказала:—Я должна взять этого мальчика просто, чтобы не остаться въ глупомъ положенія. Когда директоръ извѣстилъ насъ о немъ, и мы его увидѣли, онъ всѣмъ понравился.

Она опять сказала какую-то французскую фразу.

— Чтобы никому не было обидно, мы рѣшили разыграть его въ лоттерею, и выигрышъ достался мнѣ.

Весь этотъ разговоръ съ самаго начала, тяжело, хотя и не совсѣмъ ясно осознанный мыслью, ложился на мою душу. Я и раньше слышалъ и у себя въ домѣ отъ отца и матери, и особенно отъ дѣда, съ отвращеніемъ и страхомъ вспоминавшаго всегда прежнія времена: что помѣщики торговали крестьянами, вымѣнивали ихъ на скотъ и на вещи. Такъ было съ моимъ дѣдомъ по отцу, вымѣненнымъ этими господами у сосѣда на борзыхъ собакъ за то, что у него былъ хорошій голосъ. И когда онъ пѣлъ на празднествахъ господскихъ народныя пѣсни, со всей округи съѣзжались помѣщики слушать его. Съ радостью говорилъ дѣдъ, что это время навсегда прошло. Прошло. А вотъ я сейчасъ узнаю, что меня такъ же, какъ вещь, разыграли въ лоттерею. И ни одной изъ этихъ дамъ не пришло въ голову спросить меня, къ кому изъ нихъ я желаю пойти.

— Тогда надо взять,—снова подтвердилъ онъ.

— Ахъ, какъ ты можешь такъ легко говорить объ этомъ! Взять ребенка въ домъ. Но у насъ дѣти.

— Да вѣдь и онъ дитя.

— Да. Но...

И опять французская фраза, смыслъ которой, вѣроятно, былъ очень для меня нелестный, потому что Миша взволновался и какъ-то виновато поглядѣлъ на меня.

— Это правда,—поморщившись, согласился ея мужъ.—И наслѣдственность и улица. Тогда, можетъ быть, отдать его къ кому-нибудь, а мы будемъ платить.

Сердце сжалось. Я ждалъ, что Миша заступится за меня, но онъ только вопросительно переводилъ глаза съ отца на мать. Я почувствовалъ себя здѣсь страшно чужимъ и одинокимъ. Мнѣ было бы теперь очень горько уйти изъ этого дома. И среди этихъ тяжелыхъ мыслей, точно прощаясь со мной, насмѣшливо и холодно въ памяти мелькули коньки.

Я опустилъ голову и почувствовалъ, какъ у меня накипаютъ слезы.

Въ эту минуту до меня донеслись молящія слова Миши:

— Папочка, мамуся, оставьте его у насъ. Мнѣ будетъ легче вмѣстѣ учиться. Папочка!—прижался онъ къ отцу.

Отецъ сразу размякъ.

— Ну, что жъ, можетъ быть, дѣйствительно, взять?

Мать пожала плечами и, нерѣшительно взглянувъ на старшаго сына, который, отвернувшись, нервно барабанилъ въ окно, произнесла:

— Что жъ, возьмемъ, а тамъ увидимъ.

Я прямо услышалъ, какъ у меня забилось сердце.

Миша взвизгнулъ отъ радости и бросился матери на шею.

У нея блеснули слезы на глазахъ. Она нѣжно погладила сына по головѣ и съ гордостью взглянула на отца.

— Добрый, добрый мальчикъ,—повторилъ тотъ, растроганный, глядя въ то же время на старшаго сына, не то осуждая его за холодность, не то призывая къ примиренію.

Но тотъ стоялъ, не оборачиваясь, и только пальцы его забѣгали по стеклу.

Миша подбѣжалъ отъ матери прямо ко мнѣ:

— Ну, вотъ, я тебѣ говорилъ. Я тебѣ говорилъ! Теперь только нужно поскорѣй перевезти твои вещи.

Отецъ разсмѣялся, взглянувъ на мой потрепанный костюмъ:

— Ну, какія тамъ могутъ быть у него вещи!

— Нѣтъ, нѣтъ, именно никакихъ вещей не надо!—брезгливо воскликнула мать.—Воображаю, гдѣ эти вещи и что съ ними онъ можетъ сюда занести. Пусть остается такъ, какъ есть. А мы пошлемъ Петра извѣстить.

Мнѣ не очень жалко было моихъ вещей: кромѣ маленькой подушки, потрепаннаго байковаго одѣяла и старыхъ учебниковъ, у меня ничего почти не было, но оставался тамъ образокъ Николая Чудотворца, которымъ меня благословила мать, когда я шелъ на экзаменъ въ гимназію. Но мнѣ стыдно было объ этомъ помянуть здѣсь, и я рѣшилъ, что потомъ во что бы то ни стало добуду его.

Константинъ внезапно повернулся.

— Я бы совѣтовалъ прежде, чѣмъ вводить его въ нашъ домъ, отправить сперва въ баню.

— Зачѣмъ же въ баню? Въ нашу ванну,—заявилъ Миша.

— Ну ужъ нѣтъ. Я вовсе не желаю купаться въ одной ваннѣ съ этимъ...—онъ запнулся.

Миша подбѣжалъ къ нему и съ обидой въ голосѣ закричалъ:

— Это нехорошо! Это нехорошо, что ты говоришь. Очень нехорошо!

6.

Петръ, явно взявшій меня подъ свое покровительство, научилъ меня, какъ надо пользоваться ванной и всѣми тѣми принадлежностями, которыя при этомъ полагаются.

Сидя въ ласковой теплой водѣ, я не вѣрилъ своему счастью. И у меня даже шевелилось не совсѣмъ достойное чувство гордости при мысли о томъ, какъ были бы поражены и завидовали бы мнѣ мои прежніе товарищи.

Не скажу, однако, чтобы я особенно хорошо себя чувствовалъ въ ваннѣ въ первый разъ въ моей жизни. Съ удовольствіемъ предпочелъ бы я этой маленькой, блестѣвшей чистотой комнаткѣ, и этой полной воды раковинѣ, въ которой я лежалъ, вытянувшись изъ конца въ конецъ, шумную, парную общую баню, куда лѣтъ до восьми ходилъ съ моей матерью, а затѣмъ съ отцомъ, который мылъ мою голову ужасно горячей водой. Но зато тамъ было весело и забавно, и можно было лить на себя изъ деревянной шайки сколько угодно свѣжей воды.

Вошелъ Петръ и принесъ мнѣ бѣлое тонкое бѣлье и, вмѣсто моего платья, нѣсколько поношенныя курточку, и панталоны Миши.

Штаны оказались длинны, но я подтянулъ ихъ насколько возможно, подвязалъ ремнемъ, и они отлично держались. Курточка пришлась по мнѣ. И въ этомъ новомъ костюмѣ я показался себѣ совсѣмъ другимъ.

Все это походило на чудо, и потому у меня было жуткое чувство недовѣрія. Вѣдь чудо не могло длиться долго.

Миша нѣсколько разъ подходилъ къ двери и нетерпѣливо спрашивалъ, скоро ли я буду готовъ.

Я уже совсѣмъ былъ одѣтъ, но мнѣ хотѣлось расчесать волосы такъ же, какъ у него, косымъ проборомъ.

Но волосы мои упорно поднимались вверхъ, и я былъ огорченъ, что не могу, не смотря на все усердіе, пригладить ихъ.

И вотъ, когда ужъ я рѣшилъ махнуть рукой на это предпріятіе, опять подбѣжалъ Миша и радостно объявилъ:

— Олечка пріѣхала! Она у мамы, и мама велѣла тебя позвать къ себѣ.

Это сообщеніе взволновало меня. Оказывалось еще новое лицо, близкое къ этому, дому и я не зналъ, будетъ ли это лицо мнѣ другомъ или врагомъ.

Миша, увидѣвъ меня чистенькимъ и одѣтымъ въ его костюмъ, пришелъ въ восторгъ и, похлопавъ меня по плечу, ласково сказалъ:

— У, да какой ты сталъ славненькій!

Я вѣрно очень глупо улыбался, потому что Петръ, присутствовавшій здѣсь, покровительственно сказалъ, гладя меня по головѣ, отчего я пришелъ въ ужасъ, боясь, что онъ мнѣ испортитъ прическу:

— Попала пава въ славу, распускай хвостъ.

Миша взялъ меня за руку и почти бѣгомъ потащилъ за собою къ матери.

— Смотри, мама, теперь на него, какой онъ, совсѣмъ другой сталъ.

Я увидѣлъ по ея лицу, что впечатлѣніе отъ моего преображенія получилось хорошее.

Но все мое вниманіе сразу захватила дѣвочка, въ голубенькомъ платьицѣ и въ бѣломъ передникѣ, которая прильнула къ матери, обнявъ ее за шею.

У нея было блѣдненькое личико, большой ротъ и большіе глаза, которыми она внимательно и серьезно смотрѣла на меня.

«Совсѣмъ галченокъ»—подумалъ я. И мнѣ стало какъ-то не по себѣ отъ этого внимательнаго взгляда большихъ глазъ.

Вѣроятно, она меня ожидала увидѣть не такимъ, какъ я оказался на самомъ дѣлѣ, потому что разочарованно протянула нѣжнымъ и мягкимъ голосомъ:

— Но, мама, онъ совсѣмъ не похожъ на бѣднаго мальчика-сироту.

И голосъ этотъ поразилъ меня. У тѣхъ дѣвченокъ, съ которыми я вмѣстѣ росъ, голоса были чаще всего пискливые и рѣзкіе: въ этомъ же голосѣ, несмотря на то, что было сказано такъ мало, я уловилъ и высокія и низкія пріятныя ноты.

— Ого,—вступился за меня Миша,—онъ былъ такой бѣдный, что не могъ купить себѣ даже коньковъ!

— Постойте, дѣти, я должна сказать ему нѣсколько словъ.

И, глядя какъ-то поверхъ меня, она заговорила торжественнымъ тономъ, наставительно подчеркивая слова, казавшіяся ей особенно внушительными:

— Ну, вотъ, мальчикъ...

— Его зовутъ Паша, мамочка,—опять поспѣшилъ поправить Миша.

— Не перебивай. Вотъ ты переѣхалъ къ намъ, въ барскую семью, гдѣ ты будешь жить вмѣстѣ съ моими дѣтьми. По просьбѣ Миши я даже устраиваю тебя въ одной комнатѣ съ

нимъ. Однако,—она строго подняла палецъ,—ты не долженъ забывать разницы между тобой и ими.

— Но, мама,—запротестовалъ Миша.

Мать движеніемъ руки остановила его и многозначительно произнесла:

— Понимаешь?

Я почувствовалъ холодъ въ рукахъ и ногахъ и краску стыда въ лицѣ.

— Понимаю,—пробормоталъ я, хотя на самомъ дѣлѣ плохо понималъ, что мнѣ надо дѣлать въ моемъ новомъ положеніи, чтобы не забывать этой разницы.

Она продолжала:

— Ты изъ сына бывшаго пастуха, нашего крѣпостного, можешь стать человѣкомъ, живя у насъ. Но для этого долженъ понимать свое положеніе и стараться... стараться...

Она не находила словъ, чтобы достойно завершить эту рѣчь, и въ затрудненіи запустила руку въ свою коробочку.

Но едва достала оттуда маленькую бѣленькую лепешечку, какъ лепешечка выскользнула изъ ея рукъ и покатилась по полу, подобно маленькой пуговкѣ, прямо ко мнѣ.

Я быстро наклонился, поднялъ лепешечку и подалъ ее ей.

Я думалъ, что она сейчасъ же положитъ эту лепешечку въ ротъ, но она съ улыбкой переглянулась со своими дѣтьми и бросила лепешечку въ пепельницу.

Этого маленькаго случая достаточно было для меня, чтобы понять, что здѣсь все по-иному и что надо присматриваться къ тому, какъ дѣлаютъ они, чтобы не попадать въ просакъ.

За обѣдомъ я зорко слѣдилъ, какъ ѣстъ Миша и особенно Олечка, и не приступалъ ни къ чему раньше, чѣмъ дѣлали они.

Я былъ очень голоденъ, но этотъ первый обѣдъ, за красиво прибраннымъ столомъ, съ салфетками и обиліемъ кушаній, былъ настоящимъ мученіемъ для меня. Я все боялся, какъ бы не пролить супъ, не поперхнуться, не уронить чего-нибудь.

Я бы охотно удовольствовался однимъ хлѣбомъ, чтобы только чувствовать себя свободнымъ. Тѣмъ болѣе, что видѣлъ, что и за мной слѣдятъ всѣ, особенно Миша, готовый каждую минуту выручить меня изъ затруднительнаго положенія.

Я замѣтилъ, какъ онъ былъ гордъ, видя, что я веду себя вполнѣ прилично. Если бы онъ зналъ, чего мнѣ это стоило!

Вѣроятно, обѣдъ былъ очень вкусенъ, но я не разбиралъ качества блюдъ. Только одинъ разъ я не могъ въ это не вникнуть.

Мнѣ предложили кусочекъ сыру; я уже давно косился на эту непріятно пахнущую закуску. Но такъ какъ Миша взялъ и съ аппетитомъ сталъ ѣсть, я подумалъ, что будетъ неприлично отказаться, и протянулъ руку.

Едва тонкій кусочекъ сыра очутился въ моихъ пальцахъ, какъ я почувствовалъ себя мученикомъ: въ самомъ прикосновеніи къ нему было уже что-то очень непріятное для меня. Я бы съ большимъ удовольствіемъ съѣлъ кусокъ того душистаго мыла, которымъ мылился въ ваннѣ, чѣмъ этотъ сыръ. И особенно меня изумляло, что его ѣстъ Олечка, откусывая маленькіе кусочки, удивительно ровными, бѣлыми зубами.

Я сдѣлалъ усиліе надъ собой и, закрывъ глаза, поднесъ сыръ ко рту; жаль, что не могъ закрыть я и носа. Хотѣлъ проглотить сыръ сразу, но боялся, что подавлюсь, и сталъ медленно жевать.

Но тутъ получился неожиданный эффектъ: сыръ понравился мнѣ, и запахъ его пересталъ казаться непріятнымъ.

Когда мнѣ Миша протянулъ еще тоненькій кусочекъ, я съ удовольствіемъ его съѣлъ и подумалъ: значитъ, и вправду хорошо подражать имъ.

Отъ времени до времени за столомъ говорили по-французски. Вѣроятно, это дѣлалось отчасти по необходимости, потому что за столомъ сидѣла гувернантка-француженка мадемуазель Тестъ.

Но каждый разъ, какъ говорили по-французски, мнѣ казалось, что говорили обо мнѣ. Меня мучило, что я ничего не понимаю, и тутъ же мысленно побожился, что выучусь французскому языку.

Я не могъ не замѣтить, что Миша избѣгалъ говорить по-французски и, конечно, дѣлалъ это ради меня.

Олечка, изрѣдка, какъ бы украдкой и съ любопытствомъ взглядывавшая на меня, спросила:

— Неужели вы ничего не знаете по-французски?

Я смущенно отвѣтилъ:

— Я знаю только одно слово *Solo* и умѣю писать его.

Пальцемъ по воздуху начерталъ я единственно знакомыя мнѣ французскія буквы.

Судя по тому, какъ оскорбительно разсмѣялся Константинъ, я понялъ, что сдѣлалъ глупость, и когда всѣ снисходительной улыбкой переглянулись, я почувствовалъ, что мучительно краснѣю.

Миша поспѣшилъ сгладить это:

— Ничего. Мадемуазель Тестъ скоро выучитъ и тебя говорить по-французски.

Француженка поняла сказанное и, кивнувъ головой съ пышно взбитыми сѣдыми буклями, произнесла по-русски:

— Каряшо.

И величественно улыбнулась мнѣ.

Эта особа казалась мнѣ существомъ совсѣмъ иного міра: она держалась съ преувеличеннымъ достоинствомъ и, когда говорила, все ея полуотцвѣтшее, осыпаное пудрой, лицо, съ живыми, странно блестящими глазами, какъ будто повторяло ея слова.

Всѣ ея движенія были необыкновенно плавны и закруглены, и даже, когда она отправляла въ ротъ ложку, казалось, какъ будто, она дѣлаетъ это подъ музыку. И при всемъ этомъ мнѣ упорно вспоминалась видѣнная мной въ циркѣ лошадь, продѣлывавшая свои штуки подъ музыку.

Я усталъ отъ всѣхъ переживаній и отъ этого тягостнаго продолжительнаго обѣда. И радъ былъ, когда стали вставать изъ-за стола.

Видя, что Миша цѣлуетъ руку матери, я нерѣшительно остановился, но Петръ шепнулъ мнѣ, что̀ надо дѣлать. И когда я подошелъ поблагодарить ее и поцѣловалъ протянутую мнѣ руку, отъ которой пахло пріятными и нѣжными духами, она погладила меня по головѣ.

— Ну, что жъ, Паша, тебѣ нравится у насъ?

— Да, очень пріятно, — отвѣтилъ я, стараясь быть какъ можно деликатнѣй.

И опять всѣ засмѣялись.

— Ты добра, какъ ангелъ,—сказалъ ей подошедшій мужъ.— И, взглянувъ на часы, поцѣловалъ женѣ руку и по-французски сказалъ что-то.

— Какъ, ты опять уѣзжаешь?

— Да, дѣла, дѣла, — искоса глядя на Константина, сказалъ онъ.

Тотъ уже стоялъ въ дверяхъ, нетерпѣливо торопя взглядомъ отца.

— И опять Константинъ съ тобою?

— Да, мамочка, намъ необходимо,—отозвался тотъ.

Она вздохнула, закрывая глаза, и проговорила значительно и тихо:

— Ахъ, вѣрно добрыя дѣла мнѣ остаются единственнымъ утѣшеніемъ.

7.

За обѣдомъ я замѣтилъ, что Олечка съ любопытствомъ взглядывала на меня.

Но едва встрѣчались наши глаза, она съ легкой гримасой спѣшила отвернуться и дѣлала видъ, что я значу для нея не больше, чѣмъ хрустальная подставочка подъ вилку и ножъ, которую она машинально начинала катать тонкими пальцами по скатерти.

Разъ, застигнутая мною врасплохъ, она такъ смутилась, что ни съ того, ни съ сего позвонила въ висѣвшій надъ столомъ звонокъ.

— Оля!—удивленно остановила ее мать.

— Но, мамочка, я такъ люблю звонить.

Послѣ обѣда она нѣсколько разъ прошла такъ близко около меня, что я едва успѣвалъ посторониться, но, однако, и краешкомъ платья своего она меня не задѣла.

Это невниманіе ко мнѣ стало мнѣ казаться обиднымъ: не тѣнь же я, чтобы такъ прямо вотъ итти на меня и даже не замѣчать, что я ей уступаю. И я уже рѣшилъ сдѣлать видъ, что также ее не замѣчаю, когда она подошла къ Мишѣ, стоявшему рядомъ со мной, и сказала, не глядя на меня:

— Онъ, навѣрное, не умѣетъ даже танцовать.

Миша удивленно поднялъ брови. Я покраснѣлъ. Что правда, то правда, я не умѣлъ танцовать и съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на свои ноги, бывшія къ тому же въ чужихъ ботинкахъ и брюкахъ.

Но Миша и тутъ не далъ меня унизить.

— Ну что жъ, что не умѣетъ. Научится. Экая трудность.

— Я кадрель почти умѣю. Я видѣлъ, какъ ее танцуютъ.

— Кадрель! — съ презрительной гримасой передразнила она.—Надо, во-первыхъ, говорить кадриль, а не кадрель.

Я опять покраснѣлъ. Ничьи замѣчанія почему-то не кололи меня такъ больно, какъ ея.

— Во-вторыхъ, — продолжала она, по-прежнему не глядя на меня,—видѣть танецъ это еще не значитъ умѣть танцовать. Да и воображаю, гдѣ вы видѣли танцы.

— На смотринахъ у мачехи,—пробормоталъ я, еще болѣе теряясь.

— У какой мачехи?

— На которой отецъ мой женился.

Этотъ отвѣтъ очевидно поразилъ ее. И только теперь я осмѣлился поднять голову. И тутъ я случайно открылъ, что, и не глядя на меня, она отлично меня видѣла въ зеркало, которое позволяло ей въ одно и то же время видѣть и себя и меня и такимъ образомъ особенно чувствовать свое превосходство надо мною. Тѣмъ сильнѣе было мое изумленіе, когда она вдругъ проявила себя не только маленькимъ ребенкомъ, но и на мой взглядъ просто дурочкой.

— А, такъ вотъ вы почему такой бѣдный,—отозвалась она на мое упоминаніе о мачехѣ.—У васъ, значитъ, не было родной матери, а вы отъ мачехи.

Я разинулъ ротъ и вытаращилъ на нее глаза: ужъ не смѣется ли она опять надо мной.

Но лицо ея на этотъ разъ выражало даже нѣкоторое участіе и жалость.

Я перевелъ взглядъ на Мишу. Тотъ понялъ меня и, хлопнувъ себя ладонями по ногамъ, залился смѣхомъ.

— Вотъ глупая! Вотъ глупая!—воскликнулъ онъ.—Отъ мачехи!

Я тоже разсмѣялся, радуясь, что гордая дѣвочка попала впросакъ. Она же смутилась и, ничего не понимая, обратилась въ сторону взрослыхъ.

— Что ты такъ смѣешься, Мишукъ?—спросилъ отецъ ужъ на пути къ старшему, съ улыбкой обнимая по дорогѣ сына.

Олечка поспѣшила передать отцу на судъ слова съ своей и съ моей стороны и была еще болѣе обезкуражена, когда отецъ сталъ хохотать громче, чѣмъ мы.

— Ты только послушай, Дашенька,—вернулся онъ на минуту къ огорченной его отъѣздомъ женѣ.—Право же, отличный анекдотъ.

Послѣдняя надежда Олечки на мать рухнула. Какъ ни далека была та въ эту минуту отъ анекдотовъ своего легкомысленнаго мужа, но не могла не улыбнуться забавной наивности дочери.

Эта маленькая сценка, если не разсѣяла вполнѣ, такъ ужъ во всякомъ случаѣ смягчила вскипѣвшее недовольство.

Она уже вздохнула гораздо легче, чѣмъ въ первый разъ, и сказала что-то по-французски своимъ дѣтямъ.

— Хорошо, мамочка, мы пойдемъ къ себѣ,—сказалъ Миша, цѣлуя протянутую руку матери.

Олечка, сразу потерявшая свой форсъ, также поцѣловала мать, и мы вышли изъ комнаты, оставивъ въ послѣднихъ мер-

цаніяхъ уходящаго дня слабо откинувшуюся въ креслѣ бѣлую красивую фигуру.

Въ комнатѣ Миши, отнынѣ и моей комнатѣ, конецъ дня сказывался больше, чѣмъ въ залѣ. Сумерки уже разсѣяли здѣсь свой неосязаемый пепелъ, но я замѣтилъ сразу, что тутъ прибавилась еще одна кровать у противоположной стѣны.

— Ого!—воскликнулъ Миша.—Вотъ и хорошо, ты будешь здѣсь спать.

Онъ одобрительно похлопалъ мою постель, даже отвернулъ не такое, какъ на своей, но все же отличное байковое одѣяло, и я разглядѣлъ цѣлыхъ двѣ простыни, положенныя одна на другую.

Хотѣлъ спросить, зачѣмъ двѣ, но, чтобы опять не сдѣлать промаха, рѣшилъ принять эту роскошь, какъ нѣчто естественное.

Олечка, какъ пришла, тотчасъ же сѣла въ кресло у письменнаго стола, а мы рядомъ на моей кровати.

— Ну,—безъ всякихъ вступленій обратился ко мнѣ Миша,—разсказывай. Вотъ ты увидишь, какъ онъ чудесно разсказываетъ,—добавилъ Миша сестрѣ.

Это было скорѣе требованіе, чѣмъ просьба, и я никакъ этого не ожидалъ. Разсказывать, что Богъ на душу положитъ по своему желанію—это одно, а когда требуютъ, да еще при такой слушательницѣ—это трудно.

Но отказаться я не могъ, не смѣлъ. Миша слишкомъ много для меня сдѣлалъ, чтобы я рѣшился отвѣтить отказомъ. Наконецъ, это было пока мое единственное средство, чтобы хоть отчасти оправдать свое здѣсь пребываніе и, можетъ быть, вызвать расположеніе.

Я сталъ напряженно искать въ своемъ прошломъ чего-нибудь достойнаго вниманія моихъ покровителей. Но чѣмъ больше я напрягалъ свою фантазію, стараясь припомнить что-нибудь интересное, тѣмъ труднѣе было это сдѣлать. Чутье подсказывало мнѣ, что разсказать необходимо что-нибудь трогательное, а въ голову лѣзли разныя смѣшныя и недостойныя мелочи, въ родѣ того, напримѣръ, какъ таскалъ я со сковороды горячую жареную картофель, когда мать отворачивалась на минуту отъ шестка; или, какъ любилъ кататься на калиткѣ, отталкиваясь ногой или рукой, въ восторгѣ закрывая глаза подъ пѣвучій скрипъ желѣзныхъ петель и воображая себя на баркѣ, которая вотъ такъ, скрипя парусами, идетъ внизъ по Волгѣ, къ далекому морю и дальше, къ теплымъ берегамъ, куда осенью отлетаютъ ласточки.

Не разсказать ли о томъ, какъ я любилъ вспоминать о моихъ

каникулахъ въ деревнѣ. Но и тутъ представлялось неинтересное для нихъ: какъ я лежу въ степи и слѣжу за облаками.

Облака легкія и прозрачныя, такія легкія и прозрачныя, что сквозь нихъ свѣтится густая весенняя синева. Я слѣжу за ними и люблю искать въ ихъ мѣняющихся очертаніяхъ знакомые сказочные образы.

Вотъ корабль съ парусами, а вотъ онъ ужъ крылатый ангелъ. Черезъ минуту, глядь,—чудовище. Видѣнія и намеки возникаютъ и исчезаютъ такъ быстро, такъ неуловимо, что не успѣваешь ихъ запомнить.

Иногда облака соединяются и образуютъ какую-то живую группу, хороводъ, а затѣмъ снова разрываются и пропадаютъ, какъ сны при пробужденіи.

Но вся эта игра облаковъ какъ будто для меня одного. Голова кружится слѣдить за ними и, наконецъ, кажется, что вмѣстѣ съ землей, на которой я лежу навзничь, лечу къ нимъ, что самъ я облако и сейчасъ сольюсь съ ними и, можетъ быть, какъ они, безслѣдно растаю.

И вотъ теперь, воспоминанія, приходившія мнѣ въ голову, казались мнѣ такими же облаками, похожими на дѣйствительность. Какъ разсказать все это имъ!

Я терялся въ попыткахъ и ничего, ровно таки ничего не могъ придумать.

— Ну что жъ ты не разсказываешь?—капризно обратился ко мнѣ Миша.

Я пустился на хитрость. Рѣшилъ притвориться обиженнымъ и тѣмъ вывернуться изъ затруднительнаго положенія.

— Я невиноватъ, что не умѣю танцовать.—проговорилъ я, пожимая плечами.—Зато я умѣю хорошо плавать. Это на много лучше. Правда, вѣдь?—обратился я къ Мишѣ за поддержкой.

— Конечно, правда. Если будетъ кораблекрушеніе, ты можешь спастись, какъ Робинзонъ.

— А если не умѣешь плавать, танцуй-не-танцуй, все равно потонешь,—торжествуя подхватилъ я.

— А если бы я тонула, вы бы меня спасли?—обратилась неожиданно ко мнѣ Олечка.

Она сидѣла спиной къ окну, сѣро и смутно выдѣлявшемуся въ стѣнѣ. Лицо ея было залито сумерками, только бѣлѣло платьице, и голосъ ея прозвучалъ какъ-то особенно таинственно и значительно.

— Конечно, спасъ бы,—рѣшилъ я отвѣтить.—Даже раздѣ-

ваться не сталъ бы, а бросился бы вотъ какъ есть въ воду и спасъ бы.

— А какъ ты выучился такъ хорошо плавать?—спросилъ меня Миша.—Съ поясомъ?

— Съ какимъ еще поясомъ?

— Съ плавательнымъ.

— Ну вотъ.

— Значитъ, съ пузырями, какъ наши деревенскіе мальчики?

— Нѣтъ, я не люблю пузырей. Они склизкіе.

— А какъ же, если такъ?

— А такъ, что отецъ меня въ Волгу бросилъ.

— Что? Отецъ хотѣлъ тебя утопить?

— Я разсмѣялся.

— Ну вотъ еще. Онъ меня въ Волгу бросилъ просто, чтобы я плавать научился.

— Значитъ, онъ тебя, гдѣ мелко, бросилъ.

— Какъ бы не такъ. Онъ меня бросилъ съ плотовъ, гдѣ великану съ головкой будетъ.

— Нѣ-ѣ-тъ,—недовѣрчиво протянулъ Миша.—Какъ же это такъ?

Тогда я разсказалъ имъ, какъ это было.

Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помнилъ, а мнѣ кажется, что я помнилъ себя лѣтъ съ двухъ, отецъ бралъ меня съ собой купаться.

И вотъ было мнѣ не больше лѣтъ шести, когда я сталъ просить его научить меня плавать.

— Хорошо,—согласился онъ.—И то, малый, пора.

Какъ разъ пришли въ это время плоты и тянулись отъ самаго берега далеко въ глубь рѣки. Мнѣ очень нравилось ходить по этимъ перевязаннымъ лыкомъ, ободраннымъ, гладкимъ, огромнымъ стволамъ, отъ которыхъ такъ вкусно пахло лѣсомъ, рыбой и рѣкой. На плотахъ стояли домики, сколоченные изъ бревенъ, съ веселыми оконцами, и въ нихъ жили большіе косматые люди, страшные только по виду, а на самомъ дѣлѣ очень добрые, такъ какъ нерѣдко они угощали насъ ухой и раками.

Съ этихъ плотовъ постоянно рыболовы удили рыбу, и, перекрестясь, бросались въ воду пловцы, далеко ныряя, перегоняясь и продѣлывая разныя штуки. Въ то время, какъ съ ними соперничалъ мой отецъ, я полоскался обыкновенно у берега. Мнѣ пріятно было смотрѣть, какъ, осѣнивъ себя крестомъ, онъ съ разбѣга бросался въ воду, вытянувъ руки и иногда перекувыркиваясь въ воздухѣ, надолго погружался въ глубь, такъ, что у меня

сердце замирало, и съ торжествомъ выныривалъ вдали съ блестѣвшими на солнцѣ плечами, которыя высоко поднимались и опускались надъ водой.

Но тутъ онъ позвалъ меня къ себѣ уже раздѣвшагося, сгребъ въ охапку и бросилъ на глубину съ плота, какъ чурбанчикъ.

Я сразу пошелъ ко дну. Однако скоро вынырнулъ и неистово заработалъ руками и ногами. Ужъ не помню, какъ выбрался я на плотъ. Еще испугъ мой не прошелъ, а обида и злость до такой степени охватили меня, что, не помня себя, я съ крикомъ на него бросился и сталъ что есть силы тузить его большое крѣпкое голое тѣло своими маленькими кулаками.

— Ого!—съ радостнымъ удивленіемъ воскликнулъ Миша.— А онъ что же?

— Онъ хохоталъ, и всѣ вокругъ хохотали. Потомъ я опомнился и страсть какъ испугался, что онъ разсердится. Ткнулся головой ему въ колѣнки и сталъ просить прощенія.

— А онъ?

— Онъ все смѣялся.

— А ты?

— А я ревѣлъ.

— А потомъ онъ?

— А потомъ онъ сказалъ: Ничего, вотъ теперь ты и выучился плавать. Меня, гырьть, и самого такъ выучилъ плавать отецъ.

Миша покачалъ головой.

— Но вѣдь ты могъ утонуть.

— Нѣ-ѣ-тъ. Отецъ бы, ежели что, нырнулъ бы и вытащилъ меня. Онъ такъ хорошо умѣлъ плавать, что даже Волгу переплывалъ. Онъ и на буяхъ дрался.

— На какихъ буяхъ? Зачѣмъ дрался?

И о бояхъ разсказалъ я имъ. Какъ на горахъ, у Глѣбучаго оврага, сходились полюбовно драться стѣна-на-стѣну городскіе мѣщане съ горными, которые слыли въ городѣ настоящими разбойниками.

Съ той и съ другой стороны начинали маленькіе. Я самъ участвовалъ въ этомъ не разъ.

И въ доказательство я показалъ имъ шрамъ на моей лѣвой брови, разсѣченной вражеской рукой.

Такъ какъ въ сумеркахъ разглядѣть шрамъ было трудно, я предложилъ пощупать его рукой.

Палецъ Миши заходилъ по моей брови.

— Ого, правда, шрамъ. Пощупай, Олечка.

Олечка встала и подошла ко мнѣ бѣлой нѣжной тѣнью.

Я взялъ ея легкую руку и поднесъ къ разсѣченной брови. Когда ея прохладный палецъ коснулся моего лица, свѣтлая радость прошла по всему моему тѣлу.

— Да, да,—съ испугомъ подтвердила она и, принявъ руку, быстро отошла и сѣла опять въ кресло.

Бесѣда на минуту оборвалась.

— Тихій ангелъ пролетѣлъ,—сказалъ я, дѣйствительно, ощущая впечатлѣніе близкое къ этому; но тутъ же почему-то самъ смутился оттого, что такъ невольно сказалось, и поспѣшилъ прибавить неожиданно для самого себя:

— Это меня такъ сынъ Бараньяго задка угостилъ.

— Что такое? Какого Бараньяго задка?

— Да развѣ ты не знаешь?

Я былъ до-нельзя пораженъ, что Миша не знаетъ такой знаменитости нашего города.

— Это одинъ боецъ есть такой у горныхъ. Мясникъ, по прозвищу Бараній задокъ. Онъ считается у нихъ первымъ. А съ нашей стороны первый—булочникъ Колобковъ. Онъ тоже ему не удастъ. Вотъ сынъ Бараньяго задка меня гривной ударилъ.

— Это что такое гривна? Гривенникъ?

— Нѣтъ, гривенникъ маленькій и серебряный, а это мѣдная гривна, да еще старая. Онѣ во какія тяжелыя бываютъ. Онъ зажалъ въ кулакъ гривну да и двинулъ. Это запрещено на буяхъ, надо честно, чтобы прямо кулакомъ. Вотъ только не нашли потомъ ея у него, а то за такія штуки своимъ судомъ убить могутъ.

— Какъ же это такъ? На бояхъ люди дерутся стѣна-на-стѣну,—повторилъ понравившееся ему выраженіе Миша,—а какъ же полиція—ничего?

— Буташники порядокъ наблюдаютъ, чтобы все было честно.

— Буташники это будочники?—спросилъ меня Миша.

— Да, просто полицейскіе буташники. Такъ вотъ,—продолжалъ я свое повѣствованіе, видя, что они со вниманіемъ слушаютъ меня,—сначала мальчишки зачинаютъ, а потомъ, какъ наша или ихъ беретъ, подступаютъ на помощь постарше. Съ другой стороны тоже. Тогда маленькіе выходятъ за стѣну и дерутся парни, а за парнями большіе, бываютъ и старики.

— И больно дерутся?

— А то нѣтъ? Такъ колошматятъ другъ друга, что ай-ай. Случаются совсѣмъ микитки отбиваютъ.

— Слышишь, Олечка, совсѣмъ микитки отбиваютъ,—съ испугомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ восторгомъ обратился къ сестрѣ Миша.

— А гдѣ эти микитки?—спросилъ Миша.

— Это стыдно говорить,—строго замѣтила Олечка.

Я обидѣлся, и хотя, признаться, самъ не зналъ, гдѣ по анатоміи значится микитки, но увѣренъ былъ, что это совсѣмъ не то, что предполагаетъ Олечка, и показалъ себѣ на бока.

— Вотъ тутъ подъ боками микитки и есть.

— А что же дѣлаютъ эти, съ отбитыми микитками?

— Нѣкоторые умираютъ, а нѣкоторые выздоравливаютъ,— не задумываясь, рѣшилъ я.

Миша взволнованно поднялся.

— Я теперь, когда буду драться, всегда буду подъ микитки. Ты меня научишь.

— Ладно.

— Это очень интересно,—сказала Олечка.

— Я тебѣ говорилъ, я тебѣ говорилъ,—подхватилъ Миша.

Для нихъ этотъ міръ, въ которомъ я выросъ, былъ до такой степени чуждъ и загадоченъ, что они ужасались и удивлялись въ одно и то же время каждому пустяку, который я имъ сообщалъ.

Видя это, я уже безъ всякаго стѣсненія разсказывалъ все, что мнѣ приходило въ голову. Какъ я охотился съ моими уличными товарищами съ камнями на воробьевъ по улицамъ и на крысъ въ хлѣбныхъ амбарахъ на Митрофаньевскомъ базарѣ. Не постѣснялся даже разсказать, какъ я собиралъ тряпки, кости, желѣзки и окурки и все это за гроши продавалъ старьевщикамъ, чтобы полакомиться пронзительно кислыми яблоками или воблой, или осенью арбузомъ на вырученные гроши.

Миша то и дѣло завистливо вздыхалъ и наконецъ не выдержалъ:

— Вотъ я хотѣлъ бы пожить, какъ ты, хоть одинъ годикъ,— вырвалось у него,—а то у насъ все запрещаютъ. Того нельзя. то вредно, то неприлично. Особенно дѣдушка съ бабушкой; они очень добрые, а только у нихъ ужасно скучно, оттого что все нельзя, неприлично. Вотъ посмотришь, и тебѣ будутъ все запрещать.

— Нечего,—поспѣшилъ я успокоить его,—вспомнивъ, что въ моей вольной жизни много было занятнаго, но не мало и жестокихъ огорченій и обидъ.

Съ страннымъ чувствомъ ложился я послѣ этого удивительнаго въ моей жизни дня въ чистую, покрытую тонкимъ бѣльемъ постель, въ уютной Мишиной комнатѣ, гдѣ такъ ласково и мирно свѣтился маленькій ночничекъ.

Этотъ огонекъ напомнилъ мнѣ предпраздничную лампадку въ домѣ, гдѣ прошли мои ранніе дѣтскіе годы.

Я совершенно ясно понялъ, почувствовалъ, что жизнь моя переломилась неожиданно и внезапно. Въ томъ, что̀ было до этого дня, было много невзгодъ, слезъ и даже ужаса, который навсегда омрачалъ мою душу.

Сейчасъ начиналось что-то новое и, повидимому, болѣе отрадное. Отчего же у меня не было радости въ сердцѣ? Отчего я еще не рѣшался благословить судьбу и этихъ добрыхъ людей за то, что они хотѣли для меня сдѣлать?

Одно маленькое впечатлѣніе этого дня осталось въ сердцѣ, какъ легкая заноза.

Внизу дома была людская, и тамъ, кромѣ домашней прислуги: Петра, Оли и пьяницы-повара, доживала свои дни бывшая нянька не только дѣтей, но я самого хозяина, столѣтняя старуха, мать Петра.

Она или спала, или разговаривала съ кѣмъ попало или сама съ собою, раболѣпно вспоминая старое и осуждая все новое, все, что̀ пришло съ волей.

Миша меня повелъ посмотрѣть эту старушку. Это былъ какой-то сморщенный кусочекъ кожи, въ которомъ, какъ въ мѣшкѣ, досыхали старыя кости. Лицо ея было похоже на птичье, съ заострившимся въ видѣ клюва носомъ. Ея безпрерывное бормотанье вызвало во мнѣ какой-то непонятный страхъ, и почему-то особенно стало страшно, когда она, выпросивъ у Миши ручку для поцѣлуя, плаксиво затянула:

— А сладенькаго. Сладенькаго-то и позабыли.

Но Миша не забылъ. Онъ вытащилъ изъ кармана конфекту, самъ снялъ съ нея бумажку и сталъ кормить старуху такъ, какъ кормятъ обезьянъ или попугаевъ, нѣсколько брезгливо просовывая двумя пальцами лакомство въ беззубый, жадно раскрытый ротъ.

При этомъ онъ давалъ конфету не сразу, а дразнилъ старуху и смѣялся, когда она обманывалась, протягивая дрожащую голову съ вытянутыми сморщенными губами.

Я нервно дернулъ его за рукавъ:

— Пройдемъ.

Онъ, продолжая добродушно смѣяться, сунулъ конфету въ

ротъ старухѣ и брезгливо сталъ вытирать бѣлымъ платкомъ свои пальцы.

— Ахъ, она такая смѣшная,—говорилъ онъ, уходя.— Слышишь?

Громкое чмоканье раздавалось позади насъ, но я уже не оборачивался.

Неужели же эта легкая заноза тревожила меня?

Или я втайнѣ не довѣрялъ ни судьбѣ, ни имъ, инстинктивно чувствуя, что, несмотря на всю ихъ доброту, между мною и ими лежитъ неодолимая грань. Недаромъ мнѣ было сказано, чтобы я не забывалъ разницы между ими и мной.

Жизнь моя переломилась, но въ ихъ ли сторону? И не потому ли еще мнѣ было такъ безотчетно тяжело и грустно, что въ той полосѣ жизни остались не только родныя могилы, но и мои младшіе братъ и сестра, и товарищи, и тѣ, среди которыхъ я началъ жизнь.

Странно, что даже Миша, который проявилъ по отношенію ко мнѣ столько ласковаго вниманія и деликатной заботливости, даже онъ казался мнѣ болѣе чужимъ, чѣмъ тѣ сверстники, съ которыми я росъ въ темнотѣ и грязи и даже часто ссорился и дрался изъ-за мелочей, въ которыхъ мы не сходились или которыя мы не могли подѣлить.

Но я таилъ всѣ эти чувства про себя и довольно долго разговаривалъ съ Мишей, лежа въ постели.

Какъ ни нова была моя прошлая жизнь для Миши, онъ больше разсказывалъ все о себѣ и о своихъ близкихъ, о томъ, какъ его любятъ и исполняютъ всѣ его прихоти.

Разсказалъ, что онъ желалъ бы быть предводителемъ дворянства, какъ его отецъ, когда они были богаче, и устраивать такіе же большіе вечера и обѣды; разсказалъ о томъ, что отецъ и мать его очень добры, но часто между собой ссорятся изъ-за женщинъ, за которыми отецъ любитъ ухаживать, и дѣлаетъ дорогіе подарки актрисамъ. Мало того, онъ возитъ къ нимъ съ собой Константина. А Константинъ хочетъ бросить учиться и поступить въ военную службу.

Всѣ эти разговоры велись шопотомъ, потому что рядомъ, за стѣной, помѣщалась вмѣстѣ съ мадемуазель Тестъ Олечка. Мадемуазель Тестъ, по его словамъ, была немножко сумасшедшая.

— Она разсказываетъ, что происходитъ изъ знатнаго рода, что среди предковъ у нея были даже маркизы. Но это, навѣрно, она вретъ. И что въ дѣтствѣ она воспитывалась въ монастырѣ

и долго была монахиней, тоже вретъ, потому что она навѣрное была актрисой, потому что ужасно любитъ декламировать стихи и разыгрывать разныя сцены. Она и Олечку сбиваетъ съ толку. И та тоже воображаетъ, что у нея есть талантъ, и что она будетъ знаменитой артисткой, какъ Сара Бернаръ, которую недавно онѣ видѣли въ здѣшнемъ театрѣ.

Наконецъ, уставши разсказывать все это, онъ попросилъ меня разсказать что-нибудь изъ моей жизни, но, когда я началъ ему разсказывать, онъ уснулъ.

Я услышалъ его ровное посапываніе, и мнѣ стало обидно и грустно. Тягостное состояніе, которое не могла разсѣять его болтовня, охватило меня еще сильнѣе.

Мнѣ стало очень жаль и себя, и моего брата, и сестру. Я почувствовалъ себя такимъ безпомощнымъ, одинокимъ и маленькимъ, что мнѣ хотѣлось, чтобы кто-нибудь подошелъ и приласкалъ меня, хотя бы бабушка Васена, которая послѣ смерти отца своимъ простымъ, трогательнымъ участіемъ какъ будто въ первый разъ по-настоящему разбудила мою скудную дѣтскую душу...

Хоронили отца въ холодный, вѣтреный октябрскій день.

Я съ сестренкой, которая была годомъ моложе меня, и братомъ лѣтъ шести шелъ за гробомъ, который тащился на простыхъ дрогахъ.

Провожали гробъ нѣсколько человѣкъ знакомыхъ, больше бѣдняки съ нашего двора, но и изъ тѣхъ осталось двое-трое, когда дроги очутились за городомъ.

Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ умерла мать, и я помнилъ ясно, какъ провожали ее. Но то было въ майскій сіяющій день, и не было такъ холодно и тяжело итти противъ вѣтра, который дулъ упруго и ѣдко, а кочковатая дорога была тверда, какъ окаменѣлая.

Помню, при похоронахъ матери по небу тянулись бѣлыя пухлыя облака: они тоже какъ будто провожали гробъ вплоть до кладбища, а тамъ собрались въ фіолетовую тучку и покропили кладбище дождемъ.

Было жалко мать, но какъ-то не вѣрилось, что она умерла, что больше она насъ не приласкаетъ, и мы не услышимъ ея всегда однѣхъ и тѣхъ же сказокъ и пѣсенъ, которыя потому и были особенно дороги, что мы знали ихъ наизусть. Должно быть, также ребенку дорога грудь матери и ея молоко. Наши

души какъ будто тоже напитывались этими сказками и пѣснями, такими простыми и трогательными.

Голосъ у нея былъ слабый и печальный, и на душѣ отъ него становилось сладостно и грустно.

«Я вечоръ въ лужкахъ гуляла
Грусть хотѣла разогнать.»
«Незабудочка цвѣточекъ,
Не забудь меня мой другъ.»

Но самая любимая ея была пѣсня:

«Вечоръ поздно изъ лѣсочка
Я коровъ домой гнала,
Подошла я къ ручеечку
Близь зеленаго лужка:
Слышу, вижу, ѣдетъ баринъ съ поля:
Двѣ собачки впереди,
Двѣ собачки впереди,
Два лакея позади.»

Мать любила разсказывать, что это пѣсня про князя Голицына, который женился на своей крѣпостной, и мнѣ было жаль, что этотъ князь встрѣтилъ какую-то крестьянку, а не мою мать, которая казалась мнѣ всѣхъ красивѣе, добрѣе и ласковѣе.

И хотя было любопытно, когда отецъ собрался жениться вторично, но мы съ нѣкоторой обидой и страхомъ ожидали въ домъ мачеху, такъ какъ мать разсказывала намъ нерѣдко сказку. гдѣ злая мачеха губила чужихъ ей дѣтей.

Теперь эта мачеха шла за гробомъ, пробовала громко выть, но никто ее не поддерживалъ, и она какъ-то неожиданно замолкала.

Да и о чемъ было плакать? Ей пришлось прожить въ несчастномъ замужествѣ своемъ всего-на-всего полгода. Что ее заставило выйти замужъ за вдовца съ тремя дѣтьми, завѣдомаго пьяницу,—неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что женщина она была молодая и довольно красивая.

За эти шесть мѣсяцевъ не видѣла она и свѣтлаго дня. Но злой мачехой намъ не была и насъ, дѣтей, не обижала, а напротивъ, заботилась, сколько могла. И съ отцомъ нашимъ, который тоже билъ ее, когда напивался, возилась до тѣхъ поръ, пока его не принесли однажды ночью безъ чувствъ.

Въ себя онъ такъ и не пришелъ до послѣдняго часа.

За время его болѣзни лавочка совсѣмъ пропала, а по смерти вся жалкая бакалея, какъ много разъ я слышалъ, должна была пойти съ публичнаго торга.

Плакать, значитъ, ей было нечего: мы тоже не особенно горевали, да и малы очень были, не понимали, что со смертью отца все же теряемъ послѣднюю опору.

Въ то время, какъ мы, спотыкаясь по кочкамъ, тянулись за гробомъ, дома оставался одинъ хромой, сумасшедшій дѣдъ. Онъ все ходилъ по лачугѣ взадъ и впередъ, взадъ и впередъ день и ночь и бормоталъ что-то, худой, сѣдой и страшный, какъ-то въ нѣсколько дней обросшій длинными волосами и, какъ говорили, обовшивѣвшій отъ горя.

Идя за гробомъ, скорбно и тихо плакала одна старая женщина, такая некрасивая и бѣдная, что ея слезъ и въ зачетъ нельзя было поставить. Но и она больше плакала надъ нами дѣтьми, чѣмъ надъ покойникомъ.

Все же, когда опускали въ яму заколоченный гробъ, она, подталкивая насъ къ могилѣ, приказывала бросить на гробъ по горсточкѣ земли и съ скорбной жалостью внушала:

— Поплачьте, поплачьте, сиротушки, объ родномъ батюшкѣ. Никого-то, никовошеньки у васъ на свѣтѣ не осталось.

Я пытался плакать, но слезы выдавливались туго, и отъ холода остро и цѣпко стыли на лицѣ.

Во мнѣ было какое-то тупое недоумѣніе. И вспоминалось, что и въ тотъ день, когда хоронили мать, путь къ кладбищу и самое кладбище производили совсѣмъ не то впечатлѣніе, что при проводахъ другихъ покойниковъ. Мнѣ ли не былъ знакомъ этотъ скорбный путь и все это обширное селеніе мертвыхъ!

Вотъ уже два года состоялъ я пѣвчимъ въ хорѣ Ильинской церкви, именемъ которой называлось и то приходское училище, гдѣ я учился.

За эти два года я успѣлъ проводить сюда съ десятокъ покойниковъ, одинъ знатнѣе и богаче другого.

Какъ не похожи были тѣ похороны на эти!

Тамъ за погребальными пышными колесницами шли торжественныя траурныя процессіи. Рыдали провожающіе въ черныхъ одеждахъ, въ черныхъ кружевахъ и перьяхъ: надрывались пѣвчіе, а иногда гремѣла музыка и почти съ завистью думалось, что хорошо бы и самому такъ умереть когда-нибудь.

Оттого мой альтъ звенѣлъ съ особенномъ чувствомъ, которое безотчетно томилось и трепетало въ груди, и сердце сладко вздрагивало каждый разъ, какъ у меня вырывались подъ внезапный грохотъ басовъ, полутаинственныя, невыразимо торжественныя скорбныя слова:

«Надгробное рыданіе
Творяще пѣснь: Аллилуія».

А здѣсь все такъ нищенски бѣдно и убого. Даже какъ-то неловко было встрѣчныхъ. И неловко было, что жалѣетъ такая бѣдная, некрасивая старуха, почти нищая, отъ которой пахнетъ саломъ и дымомъ. И особенно было непріятно, когда ея корявая рука уже мокрой отъ слезъ тряпицей размазала по лицу моему слезы.

— Бѣдные вы, горькіе сиротинушки, что-то будетъ съ вами безъ отца, безъ матушки,—нылъ ея голосъ надъ самымъ моимъ ухомъ, и старческая рука переходила съ одной головы на другую.

Но вотъ все кончилось. Закопали гробъ въ землю и подняли надъ нимъ холмикъ.

— Крышка,—мрачно заключилъ кто-то.—Всѣ тамъ будемъ.

Эти слова заставили меня задуматься.

— Гдѣ тамъ?

Я слышалъ, что есть рай и адъ, но никогда мое шаткое сознаніе не подходило такъ близко къ этому вопросу, какъ теперь. Я уперся глазами въ холмъ и старался разгадать тайну, которая должна была твориться подъ землей.

Адъ и рай я воображалъ по лубочнымъ картинамъ и по церковнымъ изображеніямъ и потому представлялъ себѣ, что тѣло должно отправиться прямо изъ земли куда-то.

И тутъ внезапно выросъ для меня мучительный вопросъ: Куда отправится отецъ? въ рай, или въ адъ?

Сначала его будутъ судить,—вспомнилъ я.—Будетъ судить Богъ, Христосъ, Богоматерь, святые угодники и ангелы.

И, представивъ себѣ все это судилище, я задрожалъ за участь отца. Прежде всего онъ вспомнился мнѣ пьянымъ и свирѣпымъ, и особенно было страшно, какъ онъ билъ мать. Вѣдь отъ его побоевъ она и умерла такой молодой. И заболѣла она оттого, что, скрываясь отъ его побоевъ, спряталась въ сырой и холодный погребъ и всю ночь продрожала тамъ, и послѣ этого заболѣла.

Великъ и непростителенъ былъ его грѣхъ передъ матерью.

Вспомнилось и то, какъ онъ пропилъ деньги, которыя я наславилъ на коньки. Но, вспомнивъ это, я тогда же поспѣшилъ простить его. Пусть Богъ не зачитываетъ ему этого грѣха предо мною.

И навѣрное, если бы сейчасъ была жива мать, она бы точно также отпустила бы всѣ грѣхи его передъ ней. Да, можетъ быть, она и отпустила ему ихъ въ то время, какъ уже неподвижная, умирающая лежала въ постели, перенесенной изъ кро-

шечнаго темнаго закоулка—спальни въ примыкающую свѣтлую горницу.

Тутъ лежала она, освѣщенная солнцемъ, съ впалыми посинѣвшими щеками, съ глубоко провалившимися большими глазами, въ которыхъ было столько печали, что даже привыкшій ко всему священникъ, явившійся напутствовать ее, вздохнулъ и сказалъ:

— Вотъ воистину страдалица.

Слабо шевелились ея запекшіяся, почти безжизненныя губы, повторяя молитву.

А когда молитва кончилась, и священникъ ушелъ, завязавъ полинялый шелковый зеленый узелокъ съ дарами и крестомъ, отецъ подвелъ насъ къ ея одру.

Мы были одѣты во все чистое и гладко причесаны. И вмѣстѣ съ отцомъ тутъ же былъ дѣдъ, тоже въ бѣлой, чистой рубахѣ, подстриженный и съ расчесанной большой, сѣдой бородой. Уже тогда, подавленный безнадежной болѣзнью матери и мученіями за насъ, онъ сталъ задумываться, но все еще соблюдалъ себя.

Я видѣлъ, какъ дрожала его голова и руки, когда онъ крестился, и глаза его, такіе же большіе и черные, какъ глаза матери, какъ будто отражали ея безконечную печаль и безнадежность.

Она не могла поднять рукъ, чтобы благословить насъ, и вотъ дѣдъ самъ возлагалъ поочередно на наши головы эти высохшія руки съ длинными пальцами, на которыхъ отрасли ногти съ пугающей синевой подъ ними.

Меня охватилъ непонятный трепетъ, когда я почувствовалъ на своей склоненной головѣ эти пальцы. Я видѣлъ, какъ подъ простыней слабо вздымалась материнская грудь, выкормившая насъ, и ясно слышалъ, какъ что-то докипало и точно шелестѣло въ этой груди, какъ въ погасающемъ самоварѣ.

Мнѣ казалось, что эти руки были на моей головѣ страшно долго и что я какъ будто успѣлъ вырасти за это время.

Когда же поднялъ голову, то увидѣлъ поблѣднѣвшее и за эти часы осунувшееся лицо отца и слезы, которыя текли изъ его глазъ и которыхъ онъ не замѣчалъ.

Снявъ ея руки съ моей головы, онъ держалъ ихъ въ своихъ рукахъ и глядѣлъ на мать, и губы его вздрагивали, какъ будто хотѣли что-то выговорить и не могли.

И вотъ зрачки этихъ неподвижно открытыхъ материнскихъ

глазъ чуть-чуть скосились и остановились на немъ. И свѣтъ блеснулъ въ нихъ. Да, да, послѣдній свѣтъ.

Она его прощала.

Да и какъ было не простить: трезвый, онъ весь принадлежалъ семьѣ, работалъ для семьи изо всѣхъ силъ и болѣлъ за свой порокъ.

Тамъ, на страшномъ судѣ, должны зачесть ему и то, какъ онъ въ субботніе вечера читалъ евангеліе и толковалъ его намъ, какъ понималъ. А понималъ его такъ: что люди должны быть равны, должны любить другъ друга и другъ другу помогать, и что нищимъ и убогимъ, и всѣмъ, кто страдалъ на землѣ, уготовано Царство небесное.

Я вспомнилъ все это и съ облегченной душой рѣшилъ, что отецъ долженъ быть прощенъ, какъ будто тотъ, страшный судъ, былъ мой сыновній, дѣтскій судъ.

Я очнулся отъ этихъ мыслей только тогда, когда рука этой старухи потянула меня за собою.

Оглянувшись, я увидѣлъ, что мачеха уходила, держа за руки моего братишку и сестренку, и я также, какъ-то машинально, пошелъ съ кладбища, которое въ этотъ день было нищенски печально и уныло вмѣстѣ съ своей старой тяжелой церковью.

Закрытая желѣзными дверями, эта церковь казалась теперь тоже большимъ надгробнымъ памятникомъ среди многочисленныхъ могильныхъ крестовъ, камней и мавзолеевъ.

Около самой церкви мы догнали ихъ и остановились передъ самыми церковными воротами. Надъ входомъ такимъ чудомъ казался всѣмъ намъ образъ Пресвятой Троицы: Взглянешь прямо—голубь, взглянешь справа—Христосъ, а слѣва—Господь Саваоѳъ.

Богъ отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святой.

Старушка и тутъ заставила насъ помолиться передъ иконой, которая и ей, конечно, казалась такой же чудесной, какъ и дѣтямъ, хотя достаточно было приглядѣться повнимательнѣе, чтобы замѣтить, что никакого чуда тутъ нѣтъ, просто на стеклахъ, поставленныхъ въ рядъ, написаны три изображенія.

Какъ-то такъ вышло, что послѣ похоронъ я возвратился не домой, гдѣ бродилъ изъ угла въ уголъ хромой, безумный дѣдъ, а очутился у этой бѣдной, жалкой старухи.

Но послѣ холода и вѣтра было такъ уютно въ ея свѣтлой кухнѣ, гдѣ ярко блестѣли на деревянныхъ полкахъ чисто вычищенныя мѣдныя кастрюли и дышало тепломъ отъ выложенной изразцами плиты.

Такъ вотъ почему отъ нея пахло дымомъ и саломъ—она кухарка.

Заботливо и нѣжно она стала снимать съ меня, озябшаго, верхнее платье, приговаривая:

— Вишь ты, какой славненькій, точно барченочекъ. И волосики такіе мягкіе, и личико такое нѣжное, весь въ свою матушку-красавицу.—И, все приговаривая ласковыя слова, она накрыла на столъ скатертку.—Вотъ я тебя попотчую господскими остаточками. Наткось, покушай, сиротка.

И она кормитъ меня, а сама, опершись на руку, сидитъ за столомъ и глядитъ мнѣ прямо въ лицо своими полными слезъ, тусклыми отъ постояннаго труда у огня глазами, и все приговариваетъ о печальной горькой долѣ, ожидающей круглыхъ сиротъ.

День тускнѣетъ, сѣро проникаетъ къ оконнымъ стекламъ осенняя мгла, и кастрюли перестаютъ блестѣть такъ ярко.

Я только теперь начинаю спрашивать себя: кто же эта старуха? Почему она такъ убивается о насъ?

— Вы, бабушка, родная намъ?—прерываю я вопросомъ ея скорбную рѣчь.

— Нѣтъ, миленькій, не родная. А только изъ одной деревни. Маленькимъ я знала твоего отца, еще подпаскомъ. Такой былъ востроглазый парнишка. Мастеръ на жилейкѣ играть, и такой справный пастухъ, что его вся скотина уважала и слушалась. И лѣчить ее онъ былъ гораздъ, и слова на нее зналъ. Самые послѣдніе люди пастухи на деревнѣ, а его почитали.

— Зачѣмъ же онъ въ городъ переѣхалъ?

Она загадочно вздохнула и помолчала. Потомъ наклонилась ко мнѣ и тихо сказала:

— Трудно стало въ деревнѣ: ослобонить-то ослобонили, а земли не дали какъ слѣдовало. Переѣхалъ въ городъ, анъ тутъ еще хуже вышло. И мать погубилъ свою, и себя.

Слезы, которыя не давались на кладбищѣ, задрожали въ моемъ сердцѣ и вырвались наружу, вмѣстѣ съ горькими рыданіями.

Впервые съ необыкновенной ясностью представилось, что отца съ матерью нѣтъ и что я никогда ихъ не увижу. Что я одинъ въ цѣломъ свѣтѣ, такомъ огромномъ и непонятномъ. И, можетъ быть, нынче же я долженъ былъ бы просить милостыню, чтобы не умереть съ голода, если бы меня не пригрѣла эта бѣдная чужая старуха.

— Всѣ мы по Христу родные, всѣ братья и сестры,—говоритъ она,—и слуги и господа—всѣ рабы Господни. Всѣ умремъ. А покуда живъ, не забывай бабушку Васену.

Я почувствовалъ себя виноватымъ передъ ней, ткнулся въ ея колѣни, покрытыя чернымъ съ горошинками фартукомъ, и еще сильнѣе заплакалъ...

Лавочку скоро продали съ торговъ.

Сестру отдали въ ученіе къ модисткѣ, младшаго братишку въ сиротскій пріютъ, а меня готовились опредѣлить къ Бѣлоусову въ мальчики.

Собственно говоря, наполовину это опредѣленіе уже состоялось. Еще я продолжалъ ходить въ гимназію, но жилъ ужъ не у себя и не у бабушки Васены, а въ подвальномъ этажѣ купеческаго дома, гдѣ раньше служилъ кучеромъ мой дѣдъ.

Я все хотѣлъ посѣтить дѣда въ сумасшедшемъ домѣ, но боялся. Домъ этотъ стоялъ почти на самомъ берегу Волги. Когда еще мнѣ было лѣтъ семь и я ходилъ съ матерью къ Ивану Постному на богомолье за пятнадцать верстъ отъ города, мать указала мнѣ на этотъ страшный, выкрашенный въ желтую краску огромный домъ. Изъ-за оконъ его, забитыхъ желѣзными рѣшетками, неслись дикіе вопли и крики, которые наполняли мое сердце ужасомъ, смѣшаннымъ съ любопытствомъ.

Не разъ потомъ бѣгалъ я съ озорниками-товарищами къ забору этого дома, чтобы дразнить сумасшедшихъ сквозь щели, когда они гуляли за высокимъ деревяннымъ заборомъ въ саду.

И вотъ мой дѣдушка, который былъ такъ добръ къ намъ, будучи здоровымъ, и такъ насъ любилъ, теперь заточенъ туда, и озорники-мальчишки наравнѣ съ другими сумасшедшими дразнятъ его.

Я жилъ въ подвалѣ вмѣстѣ съ подростками-мальчуганами, которые служили въ большомъ бѣлоусовскомъ магазинѣ, извѣстномъ всему городу, сначала на посылкахъ, а ужъ потомъ въ приказчикахъ. То же ожидало и меня. И я дохаживалъ послѣдніе дни въ гимназію.

— Пусть до праздника побалуется, а тамъ и за дѣло,— говорилъ Бѣлоусовъ, милостиво взявшій меня подъ свое покровительство изъ памяти къ дѣду.

И я уже началъ примиряться съ этимъ незавиднымъ будущимъ, когда судьба неожиданно обернула все иначе.

Какъ разъ наканунѣ роспуска на рождественскія каникулы кассиръ Бѣлоусова вручилъ мнѣ каллиграфически написанную

бумагу—прошеніе директору гимназіи о выдачѣ моего метрическаго свидѣтельства.

Съ этой бумагой я и пошелъ въ школу, не захвативъ на этотъ разъ даже учебниковъ.

Еще ученіе не началось, и классы училища были пустоваты, когда я увидѣлъ идущаго мнѣ навстрѣчу по пустому коридору старика-директора.

Съ свернутымъ трубочкой прошеніемъ въ рукахъ я пошелъ къ нему, умѣряя стукъ моихъ тяжелыхъ сапогъ, звонко отзывавшійся въ пустотѣ коридора. И чѣмъ ближе я былъ къ нему, тѣмъ тѣснѣе становилось сердцу.

Директоръ былъ худощавый, сѣдой и такой тонкій, что его синій вицмундиръ и панталоны висѣли на немъ совершенно прямыми линіями. Онъ преподавалъ математику, и ученики прозвали его «перпендикуляръ».

Но всѣ его любили и не позволяли по отношенію къ нему тѣхъ злыхъ выходокъ, которыми обыкновенно преслѣдуютъ снисходительныхъ преподавателей—вѣрнѣе всего потому, что отъ этого его ограждало высокое въ глазахъ учениковъ его положеніе директора.

— Гдѣ же твои книги, милый мой дурачекъ?—обратился онъ ко мнѣ, подхватывая бѣлымъ платкомъ прозрачную капельку, дрожавшую на концѣ его тонкаго носа.

— Я ихъ дома оставилъ.

— Какъ дома? Почему дома?

Тогда я скороговоркой отвѣтилъ фразой изъ прошенія, цѣликомъ запавшей мнѣ въ память:

— По невозможности дальше продолжать курсъ ученія, по домашнимъ обстоятельствамъ, прошу возвратить мнѣ нижеслѣдующія бумаги...

— По какимъ такимъ домашнимъ обстоятельствамъ?—все больше удивлялся директоръ, но отвѣтить на его вопросъ въ такомъ же оффиціальномъ тонѣ мнѣ уже не удалось. Я вдругъ оробѣлъ, растерялся и, давясь словами, пробормоталъ:

— У меня мать и отецъ умерли.

Онъ закачалъ своей бѣлой головой:

— Такъ, такъ. И тебя, значитъ, некому поддержать?

— Меня въ мальчики берутъ.

— Что значитъ въ мальчики?

Я ему объяснилъ прерывающимся голосомъ.

— Такъ, такъ.

Онъ положилъ мнѣ на плечо свою легкую старческую руку.

— А ты что же, милый мой дурачекъ, съ охотой идешь въ мальчики?

— Нѣтъ, не съ охотой. Они жаловались: ихъ приказчики колотятъ, за уши рвутъ.

— Такъ, такъ. А хотѣлъ бы ты продолжать учиться? Вѣдь ты хорошо учился, кажется?

Мнѣ еще болѣе стѣснило сердце.

— Хотѣлъ бы. Очень бы хотѣлъ!

Я хотѣлъ ему разсказать, что лавочку продали и денегъ не осталось, но горло перехватило, и слезы закапали изъ глазъ.

Я протянулъ ему прошеніе, опустивъ голову и самъ видя, какъ падаютъ на асфальтовый полъ мои слезы и разливаются темными пятнами.

Директоръ взялъ бумагу изъ моихъ рукъ и, поднявъ мою голову за подбородокъ, сталъ меня успокаивать, приговаривая свою обычную фразу:

— Ну, ну, не плачь, миленькій мой дурачекъ, не плачь. Можетъ быть, намъ и удастся что-нибудь устроить. Нынче ты ужъ не учись, а пойдемъ ко мнѣ. Побудешь у меня, а тамъ мы увидимъ.

И онъ отвелъ меня въ свою квартиру, которая была внизу при гимназіи, и сдалъ меня на попеченіе своей женѣ, которая усердно занималась благотворительностью.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Я забился подъ одѣяло и заплакалъ. И плакалъ долго и тихо.

И послѣ этихъ слезъ мнѣ какъ-то вдругъ полегчало.

Новое положеніе мое стало мнѣ представляться до такой степени завиднымъ, что сама собой являлась боязнь за него. Даже какъ-то боязно было уснуть, точно во снѣ все могло опять измѣниться, и я снова очутился бы въ сыромъ и темноватомъ подвалѣ, рядомъ съ купеческой кухней, откуда вѣчно пахнетъ ѣдкимъ чадомъ и крикливо бранится жирная толстая кухарка Маланья въ просалившемся насквозь повойникѣ.

Она почему-то ненавидитъ однихъ мальчиковъ и, наоборотъ, ласкова особенно къ другимъ, надъ которыми товарищи смѣются и дразнятъ ихъ непонятнымъ и противнымъ прозвищемъ: Маланьинъ соусъ.

То, что за стѣной сейчасъ была Олечка, а не та против-

ная кухарка, свидѣтельствовало о двухъ разныхъ мірахъ. Между тѣмъ и другимъ міромъ зіяла цѣлая пропасть: точно два далекихъ одинъ отъ другого берега, между которыми стремительно несется черный потокъ. Мнѣ удалось сейчасъ очутиться на другомъ берегу. Удержусь ли?

Представлялось такъ, что если не удержусь, то навсегда за стѣною останется Маланья и кухонный чадъ, а не удержусь— все это.

И Олечка съ ея большими глазами и острымъ личикомъ представилась мнѣ такъ живо, что я сдернулъ съ головы одѣяло.

Краснымъ глазкомъ свѣтилъ ночничекъ; спалъ Миша, повернувъ ко мнѣ спокойное лицо, и смутно сѣрѣли чистыя уютныя стѣны.

Я вдругъ почувствовалъ, что все мое тѣло какъ будто улыбнулось отъ радостнаго предчувствія, такъ что я даже весь сжался въ комочекъ.

Зналъ, что много обязанъ Мишѣ, и почувствовалъ къ нему благодарность, но думалъ почему-то объ Олечкѣ: все она была у меня передъ глазами: какъ увидѣлъ ее въ первую минуту и какъ она сидѣла противъ меня за обѣдомъ. Старался вспомнить малѣйшее измѣненіе ея подвижного лица, каждый взглядъ ея, обращенный на меня.

Другъ она мнѣ или врагъ? Я не разобралъ у нея по отношенію къ себѣ ничего, кромѣ любопытства.

Думалъ о томъ, что̀ будетъ завтра, какъ мы завтра встрѣтимся, но все было неясно, и неясно было, какова будетъ моя дальнѣйшая жизнь здѣсь.

Съ этими мыслями я и уснулъ.

А когда проснулся, въ щели ставень пробивалось зимнее солнце, и Миша сидѣлъ на своей кровати, въ длинной бѣлой рубашкѣ, съ разстегнутымъ воротомъ, опустивъ на коврикъ тонкія, худыя, голыя ноги.

Онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на меня и, когда увидѣлъ, что я открылъ глаза, немножко сиплымъ со сна голосомъ сказалъ:

— А ужъ я хотѣлъ тебя разбудить. Я такой сонъ видѣлъ смѣшной: какъ будто ты надѣлъ мои коньки не на ноги, а на руки, и сталъ кататься вверхъ ногами. Вдругъ Костина лошадь сорвалась и побѣжала прямо на тебя. Тутъ ужъ я больше не помню. А ты что видѣлъ во снѣ?

Я чистосердечно отвѣтилъ, что ничего не видѣлъ.

— Ничего,—разочарованно протянулъ онъ.

Я видѣлъ, что ему было непріятно, что мнѣ нечего разсказать взамѣнъ, и сдѣлалъ видъ, что спохватился.

— То бишь нѣтъ, вспомнилъ! мнѣ тоже снилось.

— Ну, разсказывай, разсказывай.

Я сдѣлалъ видъ, что стараюсь хорошенько припомнить и потомъ началъ, самъ не зная, чѣмъ окончу.

— Приснилось мнѣ, какъ будто въ вашемъ домѣ большой пожаръ. И домъ будто бы запертъ и тамъ всѣ вы.

— Ой, какой страшный сонъ,—покачалъ головой Миша.

— Дальше еще страшнѣе.

— Разсказывай, разсказывай.

— Будто бы двери заперты и ставни заперты, а огонь такъ и полыхаетъ.

— А что же пожарные?

— Пожарные пріѣхали, но подступу къ дому нѣтъ. Вдругъ откуда ни возьмись я. Какъ взялъ громадный камень, да какъ бросилъ въ окно, такъ вмѣстѣ съ рамой высадилъ: всѣ и повыскакали.

Миша съ облегченіемъ вздохнулъ:

— Всѣ?

— Всѣ, кромѣ тебя и Олечки. Тутъ я бросился въ окно и вытащилъ тебя.

— Отчего же я самъ не выскочилъ?

— Оттого, что ты отъ дыма чувствъ лишился.

— Такъ меня бы могли папа съ мамой вытащить.

— Ты упалъ подъ столъ, они тебя и не нашли.

— А Олечку?

— Олечку разбойникъ укралъ. Но только...—самъ увлекаясь своей выдумкой, закончилъ я,—разбойника этого я догналъ и убилъ, и Олечку отнялъ.

— Молодецъ!

Мнѣ такъ пріятно было его одобреніе, что я подумалъ: Какъ было бы это хорошо, если бы все это случилось на самомъ дѣлѣ.

Вошелъ Петръ, и едва онъ открылъ дверь, на меня пахнуло пріятнымъ, терпкимъ запахомъ хвои.

— Елку привезли,—сообщилъ Петръ.—Огромадную.

Меня очень взволновало это сообщеніе.

Умываясь и одѣваясь, Миша говорилъ, какъ весело будетъ убирать елку.

— Много мама накупила новаго, но самое пріятное разбирать то, что спрятали отъ прошлыхъ Рождествовъ. И, ко-

нечно, подарки будутъ. И ты получишь мои коньки,—подтвердилъ онъ прежнее обѣщаніе.

Елка была въ залѣ, и Олечка уже, какъ бѣлочка, кружилась около нея. Миша поспѣшилъ ей разсказать мой сонъ и, когда дошелъ до того, какъ ее похитилъ разбойникъ, она прямо обратилась ко мнѣ и спросила:

— А разбойникъ былъ красивый?

— Ужасно некрасивый. Уродъ. Прямо, какъ обезьяна,—отвѣтилъ я съ нѣкоторымъ злорадствомъ на этотъ непріятный мнѣ вопросъ.

Олечка рѣшительно заявила:

— Тогда это неправда.

— Что неправда?—вспыхнулъ я.

— Неправда, что онъ меня похитилъ.

— Да вѣдь это было во снѣ,—пробовалъ вразумить ее Миша.

Но она топнула ногой.

— Все равно, я бы не позволила уроду похитить меня.

— А если онъ силачъ?—протестовалъ я.

— Все равно. Я бы его укусила.

Мнѣ было нѣсколько обидно, что она такъ мало обратила вниманія на мой героическій подвигъ. Какъ будто въ томъ, что я спасъ ее, не было ничего замѣчательнаго.

За утреннимъ столомъ взрослыхъ не было. Петръ и его жена Поля слѣдили, чтобы мы выпили и съѣли все, что̀ полагалось. И, какъ вчера за обѣдомъ, меня сейчасъ поражало, что такъ много они пьютъ и ѣдятъ, а всѣ щуплые и слабые.

Я безъ взрослыхъ чувствовалъ себя гораздо свободнѣе, но одно маленькое обстоятельство заставило меня вспомнить и другое: я уронилъ кусочекъ хлѣба на полъ, но тутъ же его поднялъ, подулъ на него и хотѣлъ съѣсть, но Миша поторопился остановить меня:

— Нельзя ѣсть хлѣбъ, который упалъ на полъ.

— Почему?

— На полу можетъ быть всякая зараза.

Я взглянулъ на паркетъ. Паркетъ былъ чисто вылощенъ, и я вслухъ выразилъ по этому поводу свое недоумѣніе.

Тогда Петръ, наединѣ говорившій мнѣ ты, замѣтилъ:

— А вы слушайте, что вамъ говорятъ, и подражайте.

И тутъ же, чтобы оправдать меня, пояснилъ:

— У простыхъ людей большимъ грѣхомъ считается и крошку хлѣба не подобрать, если упадетъ. Конечно, развѣ они что

понимаютъ въ заразѣ,—поспѣшилъ онъ смягчить эти слова, чтобы они не были приняты за укоръ. Да и мужика такая зараза не возьметъ.

Не знаю, почему, эти слова, сказанныя скорѣе въ мою пользу, заставили меня покраснѣть. И то, что вчера за обѣдомъ я пропустилъ безъ всякаго вниманія, вдругъ вспомнилось мнѣ остро и обидно: послѣ обѣда вчера, когда намъ подали груши, Миша замѣтилъ, что мнѣ его мать выбрала грушу съ пятномъ.

Но та спокойно отвѣтила на это:—Ничего, онъ не такъ пріученъ.

Это было настолько правда, что грушу я съѣлъ не только съ пятномъ, но и со всей сердцевиной, и былъ нѣсколько сконфуженъ лишь, когда увидѣлъ, что всѣ поступили иначе.

Сейчасъ для меня самъ собою возникъ вопросъ: помнить разницу между ними и мною или подражать имъ, какъ указываетъ Петръ, для котораго слово подражать, очевидно, значило еще и—угождать.

— Правда, что вы хотите быть сочинителемъ?—неожиданно спросила меня Олечка съ снисходительностью барышни, въ которой чувствовалась не столько разница положеній, сколько возраста, хотя она была даже меньше, чѣмъ на годъ, старше меня.

Этотъ вопросъ чрезвычайно меня смутилъ. Правда, я не дѣлалъ изъ этого секрета, но тутъ почувствовалъ себя такъ, какъ будто меня кто-то выдалъ.

— Кто тебѣ сказалъ?—живо спросилъ Миша.

Значитъ, не онъ. Это меня успокоило. Но если старшій, то, конечно, передалъ онъ это съ насмѣшкой.

Я съ уклончивой осторожностью отвѣтилъ:

— Да, я желалъ бы научиться сочинять.

Она съ гримаской качнула головой.

— Научиться? Этому нельзя научиться. Для этого нужно имѣть талантъ.

— А что значитъ талантъ?—спросилъ я съ затаенной робостью, чтобы опредѣлить послѣ ея отвѣта, есть ли у меня такой талантъ.

— Вотъ,—отвѣтила она почти высокомѣрно,—хотите сочинять, а даже не знаете, что такое талантъ. Талантъ, это...—начала она храбро свое объясненіе.—это... Ну, вотъ,—она замялась и такъ и осталась съ полуоткрытымъ ртомъ и неподвижно расширенными большими глазами.

— Ну, вотъ, и сама не знаешь,—съ торжествомъ уличилъ ее Миша.

— Она покраснѣла и гнѣвно метнула на него косой взглядъ. Тутъ она, дѣйствительно, показалась мнѣ болѣе взрослой.

— И вовсе неправда, и знаю!—и обратясь ко мнѣ, уже безъ запинки сказала:—Талантъ, если вы вотъ возьмете бумагу и перо и сразу напишете мнѣ пьесу.

Я втайнѣ почувствовалъ себя уничтоженнымъ. На подобный подвигъ я не былъ способенъ, но сознаться въ этомъ мнѣ было тяжело.

Она вопросительно на меня глядѣла и повидимому ждала.

И Миша обернулся ко мнѣ, и я по лицу его видѣлъ, какъ ему хотѣлось, чтобы я способенъ былъ утвердительно отвѣтить на этотъ вызовъ.

При видѣ моего замѣшательства, онъ сказалъ ей:

— Да, можетъ быть, Паша никогда и не былъ въ театрѣ. Вѣдь его родители были очень бѣдные, гдѣ онъ могъ взять денегъ на театръ.

Для меня это былъ бы отличный выходъ изъ затруднительнаго положенія. Но, во-первыхъ, подтвердить его предположеніе—значило бы солгать; а во-вторыхъ, мнѣ жаль было упустить случай возвыситься въ ея глазахъ.

— Нѣтъ, я былъ въ театрѣ,—отвѣтилъ я.—Только за кулисами.

И тутъ внезапно вспомнилъ, что именно за кулисами я и видѣлъ однажды Мишинаго отца. Но послѣ того, что мнѣ сказалъ Миша о своемъ отцѣ и актрисахъ, объ этой встрѣчѣ я рѣшилъ умолчать.

— За кулисами!—недовѣрчиво воскликнула она.—Какъ же васъ туда пустили?

— Одинъ разъ я былъ, какъ пѣвчій, съ хоромъ, а еще много разовъ былъ, потому что носилъ узелъ Грушеньки.

— Какой Грушеньки!—удивились оба.

Видя ихъ недовѣріе, я разсказалъ со всѣми подробностями о Грушенькѣ, которой я носилъ за кулисы узелъ, когда она играла въ спектаклѣ.

Грушенька была дочь огородницы, жившей на нашемъ дворѣ. Былъ ли когда-нибудь у огородницы мужъ, никто этого не зналъ. Но кромѣ Грушеньки у нея былъ кривой сынъ, какъ двѣ капли воды похожій на мать, и младшая дочь, такая же некрасивая, хохотунья и задира. Оба взрослые, лѣтомъ они работали на огородахъ, зимой продавали овощи.

Весь дворъ зналъ, что у огородницы есть дочь актриса, но мать не очень этимъ гордилась, такъ какъ, по мнѣнію всего

двора, несмотря на его разношерстность, званіе актрисы являлось весьма сомнительнымъ.

Можетъ быть, поэтому Грушенька пріѣзжала домой рѣдко, но напоминала она о себѣ самымъ курьезнымъ образомъ: ея сестра Фроська, обыкновенно ходившая, какъ и всѣ работницы, въ одинъ изъ праздничныхъ дней обряжалась въ такое затѣйливое платье, что всѣ диву давались. Платья эти были узки и длинны, но, разумѣется, никогда не перешивались. Фроська буквально задыхалась въ нихъ и боялась пошевелиться, чтобы платье не лопнуло, и, конечно, этимъ объяснялось, что она становилась непохожей на себя.

— Точно изюмъ въ пряникѣ,—острили сосѣди.

Однако, женщины шипѣли и завидовали, а мужчины при этихъ обстоятельствахъ звали Фроську Афросинья Егоровна.

О Грушенькѣ разсказывали цѣлыя легенды: будто бы она получаетъ въ театрѣ большія деньги, пользуется большимъ успѣхомъ у публики, и за ней ухаживаютъ графы и князья, такъ какъ она очень красива.

Понятно, какъ всполошился весь дворъ, когда Грушенька внезапно пріѣхала и остановилась не гдѣ-нибудь въ гостиницѣ или въ роскошной квартирѣ, а въ маленькой хибаркѣ своей матери.

Это было тѣмъ поразительнѣе, что она очень богато одѣвалась.

— Никакой барынѣ въ одежѣ не удасть,—съ гордостью похвалялась мать.

Но Грушенька не уступала никакой барынѣ не только въ одежѣ, но и въ своей красотѣ и въ манерахъ держать себя. Она была стройная блондинка съ такимъ нѣжнымъ, прекраснымъ лицомъ и свѣтлыми голубыми глазами, что когда въ первый разъ явилась въ нашу лавочку, мать моя всплеснула руками.

— Грушенька! Да какая вы красавица стали!—привѣтствовала ее она и даже прослезилась, когда Грушенька радостно ее обняла и поцѣловала.

— Нѣтъ, Дарочка, вы красивѣе меня,—отвѣтила она съ задушевной искренностью,—и глаза и лицо у васъ такіе выразительные, что, будь вы на сценѣ, да одѣвайся, какъ слѣдуетъ, мужчины съ ума бы посходили.

Мать покраснѣла, чуть не испугалась и замахала руками.

— Что вы, что вы, куда ужъ мнѣ!..—И закашлялась.

Съ этого времени они стали настоящими друзьями. Грушенька часто проводила у насъ цѣлые часы и нерѣдко просила

мать пѣть ея любимыя пѣсни, и видимо эти пѣсни ее волновали и трогали.

Пробовала она дарить и матери моей богатыя платья, но мать никогда не надѣвала ихъ, а бережно складывала въ сундукъ съ картинками внутри на крышкѣ: не то стыдилась надѣвать, не то берегла для особо торжественнаго случая.

Держала она себя совсѣмъ просто, и если въ домѣ огородницы что-нибудь измѣнилось, то развѣ лучше стали ѣсть, да въ горницахъ стало чище, и не переводились цвѣты, которые возили ей знакомые, изумлявшіе весь дворъ своими экипажами и высотою общественнаго положенія, занимаемаго ими въ городѣ.

Грушенька не только не стыдилась принимать ихъ въ бѣдной родительской обстановкѣ, но даже какъ будто гордилась тѣмъ, что родилась въ этой хибаркѣ, и съ достоинствомъ знакомила ихъ со своими близкими, которые, по правдѣ говоря, стѣснялись этихъ знакомствъ, особенно мать, которую Грушенька едва отучила вытирать руки о подолъ передъ тѣмъ, какъ протянуть гостю.

Въ первый разъ она жила такъ долго въ своей семьѣ, и то недовѣрчивое насмѣшливое отношеніе, которое было у сосѣдей раньше, постепенно перешло въ настоящее уваженіе къ ней и даже въ гордость. Особенно, когда замѣтили, что она не только не творитъ ничего предосудительнаго, но и аккуратно ходитъ въ церковь по субботамъ и по праздникамъ.

Больше всѣхъ ее любили дѣти, съ которыми она играла и которыхъ одаривала дешевенькими игрушками и лакомствами. Вѣроятно, изъ-за матери мнѣ посчастливилось еще больше, чѣмъ другимъ, и я былъ несказанно обрадованъ, когда она однажды принесла мнѣ и матери билетъ, а я за это долженъ былъ отнести ей въ театръ коробъ съ платьемъ.

Съ этого дня я часто посѣщалъ театръ, вызываясь таскать ей на сцену костюмы.

— Онъ мнѣ носитъ коробки въ театръ, а я за то помогу вамъ торговать въ лавочкѣ,—шутливо говорила она отцу и матери. И часто, сидя у насъ, выбѣгала на дребезжащій звонокъ къ покупателямъ и самымъ серьезнымъ образомъ отвѣшивала хлѣбъ и колбасу.

Отца и мать это очень забавляло и льстило имъ, и они увѣряли Грушеньку, что она приноситъ имъ въ торговлѣ счастье.

Не знаю, насколько это было справедливо въ отношеніи торговли, но пока Грушенька была на сценѣ въ нашемъ городѣ, отецъ мой какъ будто меньше пилъ и не обижалъ мать.

Но Грушенька уѣхала, и во дворѣ сразу все обуднѣло и

обѣднѣло. И въ нашемъ домѣ еще чаще, чѣмъ раньше, гремѣлъ пьяный голосъ отца, и сыпались побои на мать и на насъ.

Олечка слушала мой разсказъ о Грушенькѣ, не сводя съ меня глазъ, какъ будто она провѣряла каждое слово не только по смыслу, но и по звуку моего голоса и по моему лицу.

Миша смотрѣлъ то на нее, то на меня, и я начиналъ понимать, что его увлекаетъ роль моего покровителя.

Когда я кончилъ разсказывать, Олечка задумчиво отошла въ сторону и долго стояла тамъ, отвернувшись. Потомъ обратилась ко мнѣ. Я думалъ, что она спроситъ о чемъ-то важномъ, а она спросила: какъ была фамилія Грушеньки.

— Никанорова,—отвѣтилъ я.

Она поморщилась.

— О такой я не слышала. Она, вѣроятно, была неизвѣстная актриса.

Я обидѣлся за Грушеньку:

— Нѣтъ, она очень хорошо играла. Я самъ видѣлъ, какъ публика кричала и хлопала ей. Но только на театрѣ ея фамилія была другая. Горская. Такъ ее и вызывали: Горскую! Горскую!

Глаза Олечки блеснули.

— Ахъ, Горская, это другое дѣло. Я сама видѣла ее въ «Материнскомъ благословеніи». Но она, навѣрно, была не дочь простой огородницы.

— Какъ не дочь, когда она ее звала мамой.

— Это ничего не значитъ. Она, навѣрно, была подкидышъ.

Я вспомнилъ, что, дѣйствительно, тонкая красивая Грушенька нисколько не была похожа ни на свою грубую толстую мать, ни на неряшливую Фроську, ни на ея кривого брата.

— Можетъ быть, и ты подкидышъ. Всѣ говорятъ, что ты непохожъ на мужика,—сказалъ Миша.

Олечка кивнула головой.

Мнѣ сначала это предположеніе понравилось, но я вспомнилъ свою мать и отвергъ его.

— Нѣтъ, я, навѣрно, не подкидышъ. И Грушенька говорила, что я очень похожъ на мать.

Она чуть-чуть пожала плечами: тѣмъ хуже для тебя, выражало это движеніе.

Тогда я съ отчаянной рѣшимостью сказалъ:

— А все-таки я хочу быть сочинителемъ. И тоже сочиню пьесу,—неосторожно выпалилъ я, чувствуя, что вслѣдъ за этими словами какъ будто лечу въ бездну.

Миша подхватилъ мои слова.

— Вотъ было бы хорошо, если бы ты сочинилъ пьесу, и мы бы на праздники устроили спектакль, и всѣ бы играли.

— Но только я должна играть самую главную роль.

— Хорошо,—отвѣтилъ я, чувствуя, что ставлю на карту свое сердце и честь.

А. Ѳедоровъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

* * *

Ты, нѣжная, какъ вѣтвь оливы,
Таишь въ себѣ смертельный ядъ.
Твои движенія дѣвически-стыдливы,
Но о желаніи недѣтскомъ говорятъ.

Ты рождена для бурь, для страсти темной, жгучей,
Что набѣгаетъ вдругъ, неотразимой тучей,
Неодолимая, въ предвѣстіи тревогъ;

Въ ней грозный Сатана и милосердый Богъ,
Она зоветъ меня—о рокъ противорѣчья—
Касаться нѣжно устъ и замирать у ногъ.

Любовь безсмертная и похоть человѣчья
Равно влекутъ къ тебѣ. Сіянье красоты
Загадкой вѣчною мое томленье множитъ.

Ты видишь, я люблю. Но не узнаешь ты
Ту муку тайную, что жжетъ меня и гложетъ.

Борисъ Садовской.

ФРАНЦІЯ ВЪ ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНІЯ[1].

ГЛАВА II.

Внутренній бытъ Франціи въ эпоху Возрожденія.

§ 1.

Въ отличіе отъ столѣтней войны, войны, которыя Франція вела въ послѣдней четверти XV и въ первой половинѣ XVI вѣковъ, велись за предѣлами государства — въ Италіи и Фландріи. Военныя силы вербовались на половину изъ чужеземцевъ — жителей швейцарскихъ кантоновъ. Болѣе или менѣе продолжительныя пребыванія французовъ въ предѣлахъ Апеннинскаго полуострова или въ городахъ Фландріи, присоединеніе ими въ концѣ войны по миру въ Като-Камбрези такихъ порговъ, какъ Калэ и Булонь, — все это, вмѣстѣ взятое, вызвало иныя послѣдствія для экономическаго положенія Франціи, чѣмъ столѣтняя война, происходившая въ ея предѣлахъ. Первая половина XV в. представляетъ намъ картину раззоренія селъ, убыли городовъ, сокращенія населенія, упадка земледѣлія и промышленности. Во второй половины столѣтія совершенно обратное явленіе: расширеніе площади воздѣлываемыхъ земель, развитіе промышленности, распространеніе обмѣна, возрастаніе числа кредитныхъ операцій, сбытъ продуктовъ французской промышленности: въ Англію, Италію и Германію, увеличивающаяся густота населенія. Въ своей книгѣ: «Объ исходныхъ моментахъ реформаціи» Имбаръ де-ла-Туръ, на основаніи архивныхъ данныхъ, даетъ характеристику экономическаго положенія Франціи со второй половины XV-го до середины XVI в. Общія заключенія, къ какимъ его приводитъ подробное изученіе хозяйственнаго быта страны, можетъ быть передано его же словами въ слѣдующемъ видѣ. Въ 1471-мъ году арпанъ виноградника или луга, сдаваемый въ годъ за 2 су при

[1]) См. іюль, стр. 124.

Карлѣ VI, приноситъ всего 12 динаріевъ, и соотвѣтственно этому падаетъ и самая цѣна на землю. Ко времени кончины Людовика XI Франція, по словамъ современниковъ, «обѣднѣла до отчаянія». Штаты въ Пезенасѣ въ 1482 г. жалуются, что Лангедокъ въ невѣроятной нищетѣ; въ Нормандіи и Бургундіи разрушенъ рядъ селъ; въ Шампани многія земли лежатъ впустѣ, безъ обработки. Юго-западъ Франціи настолько раззоренъ, что кажется скорѣе пустынею, чѣмъ цвѣтущимъ королевствомъ, жилищемъ болѣе животныхъ, чѣмъ людей. Всюду обработка земли сократилась, и чувствуется недостатокъ земледѣльцевъ. Уменьшеніе числа жителей въ городахъ не менѣе поразительно. Сансъ лишился большей части населенія, Ажанъ лежитъ «впустѣ», Пуатье считаетъ небольшое число жителей, въ Нимѣ бо́льшая часть домовъ никѣмъ не занята.

Этой картинѣ Имбаръ де-ла Туръ противоставляетъ другую — картину Франціи XVI в. Корчевать почву, сокращать территорію, занятую пастбищами и лѣсами, возвращать жителей въ покинутыя ими села — такова задача, преслѣдуемая въ первой половинѣ XVI столѣтія. Карлъ VII предоставилъ собственникамъ право взять обратно земли, сданныя ими подъ условіемъ платежа чинша. Онъ же уполномочилъ съемщиковъ отдать эти земли снова въ арендное пользованіе на лучшихъ условіяхъ. На сѣверѣ Франціи — въ Иль-де-Франсъ, въ Нормандіи, въ Менѣ, гдѣ не опасаются дальнѣйшихъ нашествій иноземцевъ и внутреннихъ усобицъ, расчистка почвы происходитъ еще съ конца царствованія Карла VII и становится весьма дѣятельной въ концѣ XV в. Въ Бургундіи корчеваніе идетъ столь же успѣшно, какъ и въ сѣверной Франціи, здѣсь особенно дѣятельно выступаютъ въ дѣлѣ расчистки почвы монастыри, сдающіе свою землю на льготныхъ условіяхъ изъ-подъ выстройки. Въ Провансѣ расчистки начались уже давно, при Рене изъ Анжу. Онѣ становятся всеобщими со времени перехода Прованса подъ власть французскихъ королей. Вся полоса земли, лежащая на берегу Средиземнаго моря, отъ горъ Эстерель до Ниццы, обращена подъ обработку по иниціативѣ монаховъ аббатства Лерэнъ въ послѣдней четверти XV в. Расчистка совершается повсемѣстно: въ Керси, въ Лангедокѣ, въ Дофинэ, въ Лимузенѣ, въ Гіени, въ Бурбонэ. Эти расчистки благопріятствовали росту сельскаго населенія. Обыкновенно сеньоръ обращается къ личному надѣленію, но иногда онъ поселяетъ на своихъ земляхъ цѣлыя земледѣльческія колоніи, дѣля почву между ними. Такъ, на всемъ протяженіи приморской полосы въ Провансѣ феодальный владѣлецъ опредѣляетъ долю каждаго

двора, порядокъ пользованія общими пастбищами, размѣръ требуемыхъ отъ съемщиковъ натуральныхъ и денежныхъ рентъ, юрисдикцію вотчиннаго суда, право поселянъ имѣть выборныхъ синдиковъ. Сказанное о Привансѣ можно повторить о Лангедокѣ, объ Орлеанэ, о Шампани. Земля сдается или въ вѣчное пользованіе, или на долгій срокъ, подъ условіемъ платежа ценза и ренты. Въ Лимузенѣ, въ центральной Франціи, въ Провансѣ требуютъ со съемщика, гдѣ $^1|_6$, гдѣ $^1|_{10}$, а гдѣ и $^1|_{13}$ урожая. Съ возрастающимъ числомъ этихъ арендныхъ договоровъ идетъ рука объ руку сокращеніе размѣра сдаваемыхъ участковъ. Объясняется это тѣмъ, что населеніе становилось болѣе густымъ, а масса никѣмъ не занятыхъ земель—сокращалась. Макіавелли отмѣчаетъ богатство французскихъ поселянъ; Сейссель, въ своей «исторіи Людовика XII» пишетъ: «Многія мѣстности, прежде лежавшія впустѣ или подъ лѣсомъ, теперь поступили въ воздѣлываніе и покрылись домами и деревнями. Можно сказать, что треть королевства перешла подъ обработку за послѣднія 30 лѣтъ и въ особенности за послѣднее царствованіе». Нельзя сказать, чтобы земледѣльческіе порядки значительно измѣнились противъ прежняго. Продолжаетъ держаться та же трехпольная система, но нѣкоторые спеціальные виды культуры вводятся во Франціи впервые. Въ Провансѣ возрастаетъ, благодаря искусственному орошенію, производство овощей, посадка оливки и фиговаго дерева. Въ Лангедокѣ къ оливкѣ присоединяется тутовое дерево; въ Нормандіи разводятся фруктовыя деревья; очень быстро идетъ посадка виноградной лозы. Франція становится одной изъ главныхъ производительницъ вина. Вина изъ Лангедока, Дофинэ, Прованса пріобрѣтаютъ громкую извѣстность и становятся предметомъ оживленной торговли съ Англіей. Посадка виноградной лозы захватываетъ и центральное плато Франціи. Въ Лимузенѣ съ конца XV в. возникаетъ множество небольшихъ виноградниковъ. Въ Бургундіи монастырскія обители и король отводятъ часть своихъ земель подъ посадку виноградной лозы. Въ окрестностяхъ Дижона ихъ разведено столько, что боятся сокращенія района земледѣлія; въ 1486 г. Карлъ VIII приказываетъ вырывать съ корнемъ посаженныя лозы. Тотъ же прогрессъ наблюдается въ Шампани. Сенъ-Жерменское аббатство покрываетъ виноградниками мѣстности около Парижа. На сѣверѣ культура винограда простирается до Пикардіи, доходитъ почти до воротъ Руана.

Главнымъ предметомъ обработки все же остаются злаки. Въ концѣ среднихъ вѣковъ площадь, занятая ими, все возрастаетъ.

Въ этомъ легко убѣдиться по содержанію земельныхъ описей помѣстій (такъ называемыхъ «*terriers*»). И размѣръ урожаевъ значительно увеличивается. Начиная съ конца XV в., является возможность удовлетворить ими не только мѣстный запросъ, но и продавать часть хлѣба на сторону. Одновременно растетъ число мельницъ. Многія ренты начинаютъ уплачиваться пшеницей. Въ Нормандіи пшеница—главный продуктъ земледѣлія. Въ другихъ провинціяхъ ренты, платимыя рожью, не умножаются; наоборотъ, растутъ численно ренты, платимыя пшеницей. Въ урожайные годы Франція вывозитъ уже хлѣбъ въ Англію, Испанію и Нидерланды.

На культуру злаковъ рѣшающее вліяніе оказываетъ свобода ихъ вывоза изъ одной провинціи въ другую, а также и за границу. Такая свобода была новымъ началомъ, почти неизвѣстнымъ среднимъ вѣкамъ и не только во Франціи, но и за ея предѣлами. Считалось, что хлѣбъ долженъ итти на пропитаніе мѣстнаго населенія, и только въ качествѣ особой милости дозволялся вывозъ его городскими общинами или княжествами къ тѣмъ изъ сосѣдей, съ которыми сохранялся миръ союзъ. Да и на мѣстный рынокъ хлѣбъ могъ поступать лишь при равенствѣ условій въ дѣлѣ его закупки. Никто, поэтому, не въ правѣ былъ итти навстрѣчу подвозимыхъ обозовъ; сдѣлки по покупкѣ хлѣба могли происходить только на рынкѣ. Оптовые скупщики, держащіе хлѣбъ въ закромахъ, въ ожиданіи, что цѣна его возрастетъ, строго преслѣдовались. Подобно своимъ предшественникамъ, Францискъ I въ эдиктѣ 1532 г. ведетъ борьбу съ такими «капиталистическими» операціями. «До насъ дошли слухи, что многіе, по скупости и страсти къ наживѣ, не имѣя болѣе передъ глазами ни Бога, ни милосердія, ни заботы о спасеніи своихъ душъ, закупили значительную часть хлѣбовъ; одни до уборки урожая, когда хлѣба зеленѣли еще въ поляхъ, другіе хотя и послѣ уборки, но внѣ рынковъ, въ домахъ продавцовъ. Такія закупки дѣлались съ цѣлью сложить хлѣбъ въ закрома и продавать его только тогда, когда народъ окажется въ нуждѣ. А потому мы приказали, чтобы хлѣба продавались на общественныхъ рынкахъ и только на нихъ. На рынкѣ къ покупкѣ зерна должны быть допущены только люди изъ простонародья, пріобрѣтающіе хлѣбъ со дня на день для собственнаго потребленія. Никому не должно быть оказываемо предпочтеніе предъ ними».

Когда въ Ліонѣ въ 1529 г. явились опасенія голода, правительство озаботилось тѣмъ, чтобы хлѣбъ привозился изъ Дофинэ, гдѣ въ этомъ году его уродилось много. Это было отступленіемъ отъ запрета экспортировать хлѣбъ изъ одной провинціи въ дру-

гую. Доставка хлѣба изъ провинціи въ провинцію могла происходить только съ особаго разрѣшенія. Въ 1535 г. послѣдовали обильные урожаи. Хлѣба оказалось много повсюду. Частью благодаря тому, что прошлогодній урожай не весь былъ распроданъ, частью потому, что можно было предвидѣть большой урожай хлѣба и въ этомъ году, король согласился допустить свободный вывозъ его изъ провинціи въ провинцію. Когда въ 1544 г. обнаружены были многочисленные случаи оптовой закупки, въ виду низкихъ цѣнъ, то правительство снова вернулось къ примѣненію указа 1532 г.; требовалось спеціальное разрѣшеніе для свободнаго вывоза хлѣба даже въ сосѣдніе округа.

Въ послѣдніе годы царствованія Франциска I-го сдѣлалось общимъ правиломъ допускать экспортированіе хлѣба и за границу: въ Англію, Испанію и Нидерланды. Торговля хлѣбомъ стала одной изъ доходныхъ статей, что содѣйствовало обращенію подъ обработку многихъ земель, ранѣе лежавшихъ впустѣ, а также росту земельной ренты и поднятію цѣнъ на землю. Франція еще къ этому времени становится одной изъ житницъ Европы. Земледѣліе ранѣе Генриха IV и его министра Сюлли пріобрѣтаетъ значеніе одного изъ двухъ «сосцовъ», питающихъ страну. Вторымъ «сосцомъ» становится промышленность. Значеніе, какое для ея развитія имѣли конецъ XV и начало XVI столѣтія, справедливо оцѣнено впервые Имбаръ-де-ла-Туромъ. Мы привыкли возводить къ среднимъ вѣкамъ ту регламентацію цехового устройства, съ которой Кольберу пришлось считаться; но въ дѣйствительности эти порядки приведены были въ стройную систему не въ средніе вѣка, когда цеховое устройство еще не приняло характера организаціи промышленниковъ во вредъ свободному рабочему населенію, а въ эпоху Возрожденія. Въ какой мѣрѣ перерожденіе цеховъ въ замкнутые союзы промышленниковъ возникло во Франціи подъ вліяніемъ итальянскихъ образцовъ—это вопросъ, пока никѣмъ не поднятый. Для меня несомнѣнно, что промышленные порядки, установившіеся во Франціи при Францискѣ I и его преемникахъ, приблизили организацію французской промышленности къ той, какая сложилась въ Италіи еще во второй половинѣ XIV и въ XV столѣтіи. Но прежде чѣмъ говорить объ этой трансформаціи цеховъ, скажемъ два слова о ростѣ самой промышленности со времени прекращенія столѣтней войны и до эпохи завершенія Итальянскихъ войнъ.

«Возрожденіе промышленности — пишетъ Имбаръ-де-ла Туръ—вызвано было во второй половинѣ XV и въ началѣ XVI

столѣтія только до нѣкоторой степени политикой французскихъ королей. Они распространили на нее свое покровительство, надѣляли города всякаго рода изъятіями отъ налоговыхъ платежей, ремесла—привилегіями, вводили новые виды промысловъ. Рядомъ съ этимъ возрожденіе промышленности вызвано было корпоративной ея организаціей, которая служила гарантіей качества производства. Но всего болѣе прогрессъ промышленности обусловленъ былъ ростомъ потребностей, развитіемъ благосостоянія и роскоши, частыми сношеніями промышленниковъ разныхъ народовъ между собою и съ заграничными странами. И мастера, и рабочіе много странствуютъ въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія. Они путешествуютъ изъ одной части Франціи въ другую, съ цѣлью обучиться усовершенствованнымъ пріемамъ техники. Они отправляются во Фландрію для изученія сукнодѣлія, въ Германію, чтобы ознакомиться съ обработкой металловъ. Чтобы создать новыя ремесла или возстановить старыя, города отовсюду ищутъ поддержки и поощренія. Такъ, когда въ 1479 г., послѣдовалъ трагическій разгромъ Арраса, городъ Амьенъ пріютилъ у себя эмигрантовъ изъ него, а они принесли ему новый видъ производства—sayetterie. Людовикъ XI стремился къ тому, чтобы французскіе мастера ознакомились съ промышленными пріемами, какихъ держалась Фландрія. Съ этой цѣлью онъ потребовалъ отъ отдѣльныхъ городовъ извѣстнаго числа мастеровъ, которые посланы были для обученія во фландрскіе города. Въ свою очередь промышленные города Нормандіи заражаютъ своимъ примѣромъ и своими методами производства прочія провинціи Франціи. Пуатье заводитъ у себя ткачей и валяльщиковъ; Парижъ призываетъ изъ Руана суконщиковъ и предлагаетъ освободить ихъ отъ прямой подати (taille), буде они согласятся поселиться въ немъ. Цѣлый рядъ промышленныхъ центровъ возникаетъ во Франціи: Туръ, Руанъ, Амьенъ, Парижъ, Реймсъ, Буржъ, Пуатье, Лиможъ, Монпелье и др. Товарищества рабочихъ, члены которыхъ постоянно переходили для занятія ремесломъ изъ одного города въ другой, а также наемъ рабочихъ изъ Германіи, Фландріи и Италіи, немало способствовали этому взаимному воздѣйствію».

По мнѣнію Имбаръ-де-ла Тура такое воздѣйствіе сдѣлалось могущественнымъ рычагомъ промышленнаго прогресса. Мы не имѣемъ возможности прослѣдить здѣсь за развитіемъ отдѣльныхъ видовъ производства, начиная съ сукнодѣлія, которое на половину исчезло во время столѣтней войны и возродилось съ новой жизнеспособностью въ концѣ XV столѣтія. Отмѣтимъ только въ видѣ иллюстрацій нѣкоторые частные факты. Въ Лангедокѣ до

Людовика XI шерсть вывозима была въ Италію. Король понялъ, какую выгоду представитъ для провинціи созданіе въ ней суконнодѣлія. Въ 1477 г. онъ разрѣшаетъ устройство въ Нимѣ особыхъ станковъ для выдѣлки тканей изъ суконъ и шелка. Въ Монпелье такое же производство окончательно организуется въ 1483 г. Въ концѣ XV вѣка текстильная промышленность переживаетъ значительную реформу: взамѣнъ валянія суконъ ногами вводятся механическія сукновальни. Этотъ удешевленный порядокъ производства возникаетъ не въ большихъ городахъ, а въ мѣстечкахъ, напр., вводится въ окрестностяхъ Руана. Такіе же способы обработки суконъ водворяются и въ Лангедокѣ. Отъ ихъ примѣненія количество суконъ удваивается, такъ какъ требуется только половина времени для ихъ производства. Заработная плата падаетъ соотвѣтственно. Правда, качество товара ниже прежняго, но и цѣна его дешевле.

Отмѣтимъ важный для будущихъ судебъ французской промышленности фактъ заимствованія изъ Италіи производства шелковыхъ матерій, а также золотой и серебряной парчи. Попытка привить это производство въ Ліонѣ сперва не удалась. Центромъ ея сдѣлался Туръ, благодаря тому, что значительныя привилегіи были признаны за осѣвшими здѣсь генуэзскими, флорентійскими и венеціанскими рабочими. Чтобы поощрить мѣстное производство, Карлъ VIII въ 1485 г. запретилъ ввозить однохарактерныя матеріи изъ-за границы. Запретительныя мѣры смѣнились покровительственными при Людовикѣ XII, когда наложена была пошлина въ 5% на иноземныя шелковыя ткани. Послѣ 1510 г. возникаетъ вторично въ Ліонѣ производство золотой парчи, а также шелковыхъ тканей. Съ этого времени ростъ его становится безостановочнымъ. Еще ранѣе шелковой промышленности возникаетъ во Франціи горное дѣло. Карлъ VII призываетъ для этой цѣли иностранныхъ рабочихъ съ Рейна и изъ Швабіи, освобождая ихъ отъ платежа налоговъ и военной службы. Концессіи на добываніе той или другой руды выдаются правительствомъ и собственнымъ подданнымъ, и иностранцамъ. Съ начала XVI в. идетъ разработка каменноугольныхъ копей въ Крезо. До начала XVI в. квасцы поступали изъ папскихъ владѣній. Когда явилась возможность добывать ихъ во Франціи, король запретилъ дальнѣйшій ихъ ввозъ. Это сдѣлалось одной изъ причинъ разрыва съ папскимъ дворомъ Юлія II и вступленія его въ лигу государствъ, направленныхъ противъ Франціи. Развитіе горнаго дѣла вызываетъ ростъ различныхъ видовъ промышленности по обработкѣ металловъ.

Франція съ этого времени пріобрѣтаетъ извѣстность въ выдѣлкѣ золотыхъ и серебряныхъ предметовъ, на которые большой спросъ предъявляютъ дворъ и зажиточныя семьи. Къ числу производствъ, получившихъ широкое распространеніе, надо отнести и книгопечатаніе. Оно было установлено въ Парижѣ въ 1470 г., въ Ліонѣ—въ 1473 г. Франція начинаетъ производить не только для собственнаго употребленія, но и для вывоза. Въ 1513 г. Людовикъ XII освобождаетъ торговлю книгами отъ всякихъ поборовъ и тѣмъ обезпечиваетъ ей возможность широкихъ оборотовъ. Прогрессируютъ декоративныя искусства: рѣзьба по дереву, выдѣлка стеколъ, производство тканей. Центромъ декоративныхъ искусствъ становится область, расположенная по теченію Луары—Турень, въ которой въ это время всего чаще пребывалъ дворъ. Здѣсь возникаетъ одна изъ важнѣйшихъ школъ французской живописи—школа Жана Фуке, къ которому присоединяются Бурдишонъ. Петръ Валайсъ и Михаилъ Коломбъ со своими учениками кладутъ основаніе Туренской школѣ архитектуры. Ліонъ становится однимъ изъ центровъ живописи, иконописи, хрустальнаго производства. Лиможъ пріобрѣтаетъ извѣстность своей эмалью. Рѣзьба по дереву сосредоточивается въ Парижѣ, Руанѣ и Амьенѣ. Парижъ, Руанъ, Бове занимаются производствомъ стѣнныхъ тканей, которыя идутъ на украшеніе церквей, замковъ и городскихъ ратушъ. Итальянскіе выходцы кладутъ начало производству медалей и фаянсовыхъ издѣлій. Основанная въ Амбуазѣ итальянцемъ фабрика ихъ подготовляетъ открытія, которыми прославился Бернардъ Палисси. Подражаніе итальянцамъ и древнеклассическому искусству въ области живописи и скульптуры, подъ вліяніемъ школы, образовавшейся въ Фонтенебло, даетъ себя чувствовать съ 1515 г. Франція становится поставщицей вина въ Англію. Вина Лангедока, Гіени, Аженуа пріобрѣтаютъ въ ней громкую извѣстность.

Ростъ французской торговли выступаетъ въ созданіи рынковъ и ярмарокъ. На разстояніи 25 лѣтъ, предшествующихъ началу XVI столѣтія, выдается болѣе 400 правительственныхъ грамотъ по этому предмету. Оживаютъ ярмарки въ Труа, въ Нимѣ и Монцелье, въ Нантѣ и Меленъ, въ Дижонѣ и Сен-Дени. Чтобы облегчить доступъ къ нимъ для иностранцевъ, исправляются сухопутныя дороги, и расширяются русла такихъ рѣкъ, какъ Сена, Луара и Сона, Сомма и Эра. Исправляются старые и строятся новые мосты. Упраздняются или уменьшаются въ размѣрѣ сборы съ дорогъ и водныхъ путей. Въ 1484 г. генеральные штаты въ Турѣ ходатайствуютъ объ этомъ, и къ нимъ

позднѣе присоединяются отдѣльныя провинціи. Внутреннія таможни, препятствовавшія свободному обмѣну Лангедока, Дофинэ, Прованса и Бургундіи, исчезаютъ. Сборы 12 динаріевъ съ ливра съ этого времени продолжаетъ тяготѣть только на иностранныхъ товарахъ или на туземныхъ при выходѣ ихъ изъ границъ государства. Но Бретань, Артуа и Фландрія остаются за предѣлами зоны, свободной отъ мѣстныхъ сборовъ. Плаваніе по Луарѣ, Гароннѣ, Ронѣ и Сонѣ становится свободнымъ по мѣрѣ того, какъ ассоціаціи купцовъ, сбывающихъ свои товары по этимъ воднымъ путямъ, добиваются отмѣны правительствомъ такъ péages. Король озабоченъ изгнаніемъ изъ страны низкопробныхъ иностранныхъ монетъ, за исключеніемъ дукатовъ Венеціи, Венгріи, Вѣны, Генуи, Флоренціи, Милана, Неаполя, Рима, альфонзиновъ и флориновъ Аррагона. Но и для этихъ монетъ установлена законная цѣна. Одновременно правительство заботится объ увеличеніи числа монетныхъ дворовъ. Въ нихъ переливаютъ низкопробныя иноземныя и старыя монетныя единицы въ полновѣсныя. Монетное дѣло подчиняется контролю спеціально назначенныхъ властей; курсъ монетъ регулируется особымъ ордонансомъ. Установленіе полновѣсной монеты немало содѣйствуетъ развитію иностраннаго обмѣна. Заключаются торговые договоры съ Кастиліей, Аррагоніей и Даніей при Карлѣ VII, съ Англіей, Португаліей и Ганзой при Людовикѣ XI, съ Швейцаріей въ 1484 г. Открываются иноземные рынки для сбыта французскихъ товаровъ; становится доступнымъ пріобрѣтеніе французами продуктовъ иноземнаго производства. Странамъ, съ которыми Франція вступила въ торговый договоръ, открываются ея порты, рынки и ярмарки. Иноземные купцы имѣютъ въ странѣ свои конторы и свои склады. Въ видахъ поощренія внѣшней торговли Людовикъ XI отмѣняетъ постепенно въ различныхъ городахъ такъ называемый droit d'aubaine, т.-е. право на имущество иностранца, прибитое къ берегу волною. Карлъ VIII и Людовикъ XII надѣляютъ купцовъ личными изъятіями и письмами о натурализаціи. Отношеніе къ Ганзѣ опредѣляется договоромъ 1487 г. Людовикъ XI еще ранѣе даруетъ ганзейскимъ купцамъ свободу отъ фискальныхъ поборовъ съ ихъ товаровъ, признаетъ за ними право пріобрѣтенія не только движимостей, но и недвижимостей, освобождаетъ ихъ отъ платежа прямыхъ налоговъ и налога на соль, постановляетъ, что за взвѣшиваніе товаровъ они не должны платить больше туземцевъ, объявляетъ, что въ случаѣ войны съ Германіей имъ данъ будетъ годовой срокъ для ликвидаціи дѣлъ во Франціи. Тотъ

же король гарантируетъ имъ возможность свободнаго торга въ случаѣ войны со всякой другой державой, кромѣ Германіи. Все это—подъ условіемъ равныхъ льготъ для французскихъ торговцевъ, которымъ обезпечена возможность наравнѣ съ туземцами судиться въ главномъ судилищѣ Ганзы въ Любекѣ. Съ Англіей торговый договоръ въ Этаплѣ въ 1492 г. устанавливаетъ свободу обѣихъ сторонъ отъ всякаго рода чрезвычайныхъ поборовъ съ товаровъ и создаетъ особую подсудность въ дѣлахъ, связанныхъ съ морскими призами. Одновременно принимаются мѣры противъ пиратовъ. При Генрихѣ VIII англійскомъ отмѣнены всякаго рода поборы съ французскихъ купцовъ, установленные за послѣднія 47 лѣтъ. Въ интересахъ защиты туземнаго сукнодѣлія Франція отозвалась на запреты ввоза, установленные въ Испаніи, однохарактерными мѣропріятіями по отношенію къ сукнамъ, изготовляемымъ въ Руссильонѣ, Аррагонѣ и Каталоніи. Поступая такимъ образомъ, правительство исполняло ходатайство штатовъ Лангедока, боявшихся конкурренціи для его молодой, только-что развивающейся суконной промышленности. Въ 1506 г. договоромъ въ Барселонѣ дано обѣщаніе отмѣнить въ обѣихъ странахъ особыя пошлины съ иностранныхъ товаровъ. Обѣщанія эти, однако, долгое время остаются неисполненными. Война часто прерываетъ обмѣнъ товарами и самое посѣщеніе Франціи иностранными купцами. Карлъ VIII и Людовикъ XII—первый въ 1494, второй въ 1500 г.—изгоняютъ итальянцевъ изъ Франціи. Во время борьбы съ Испаніей французскіе короли разрѣшаютъ каперство. Въ 1510 г. война, охватившая одновременно разныя державы, возстановляетъ на время запретъ всякаго иноземнаго ввоза. И тѣмъ не менѣе конецъ XV и начало XVI столѣтія являются рѣшительнымъ переломомъ въ прежней системѣ экономической замкнутости, связанной съ условіями самодовлѣющаго или натуральнаго хозяйства. Сейссель, въ своей «Исторіи Людовика XII», пишетъ: «Всякаго рода люди занимаются теперь торговлей. Гдѣ при Людовикѣ XI можно было найти одного купца, тамъ ихъ теперь 50. Въ небольшихъ даже городахъ можно насчитать больше торговцевъ, чѣмъ въ прежнее время—въ главныхъ и многонаселенныхъ. Купцы встрѣчаютъ меньше препятствій отправиться со своими товарами въ Римъ, Неаполь, Лондонъ и вообще въ заморскія страны, чѣмъ прежде, когда рѣчь заходила объ отправкѣ товаровъ въ Ліонъ». Имбаръ-де-ла Туръ даетъ слѣдующую характеристику иноземнаго вывоза Франціи: «свои хлѣба она отправляетъ въ Англію, Шотландію и Испанію, а также въ

порты Ганзейскаго союза, свою рыбу и соль—въ Голландію, свои сукна—въ Испанію, Сицилію и Неаполь, свою шерсть—въ Италію, свои вина—въ Германію и Англію. Французскіе купцы появляются на ярмаркахъ Франкфурта, имѣютъ своихъ агентовъ въ Любекѣ, Лондонѣ и Лиссабонѣ. Каботажное плаваніе по Атлантическому океану между Испаніей, Франціей и Англіей, въ концѣ XV в., бывшее еще въ рукахъ испанцевъ, переходитъ въ XVI къ французамъ. Франція стремится избавиться отъ посредничества венеціанцевъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ Востокомъ. Уже при Карлѣ VII создается флотилія для прямого обмѣна товарами съ Египтомъ. Людовикъ XI возобновляетъ сношенія съ алжирскими беями. Карлъ VIII старается вступить въ договоры съ султаномъ Баязетомъ. Разрывъ съ Венеціей при Людовикѣ XII въ 1508 г. позволяетъ французамъ вернуться къ прямому обмѣну съ Египтомъ и заключить торговый договоръ съ Суданомъ. Если въ войнахъ съ Испаніей преслѣдуется какая-нибудь серьезная задача, то ею мужно считать овладѣніе морскими путями на Востокъ. Послѣ того какъ португальцы и испанцы захватили торговлю съ Остъ- и Вестъ-Индіей, французамъ не оставалось ничего другого, какъ искать непосредственнаго обмѣна товарами съ Левантомъ. Послѣдствіемъ оживленія торговли является ростъ большихъ городовъ. Бордо со времени Людовика XI становится центромъ обмѣна товарами съ Англіей; Марсель открытъ для товаровъ Востока; Ліонъ, наравнѣ съ Венеціей, Франкфуртомъ и Базелемъ, становится однимъ изъ центровъ европейской торговли. Большое значеніе въ промышленности и въ обмѣнѣ пріобрѣтаютъ Нантъ, Руанъ, Туръ, Амьенъ, Дижонъ, Монпелье, Ла-Рошель, Байонна, Діеппъ. Въ 1517 г. Францискъ I предписываетъ производство работъ съ цѣлью созданія порта въ Гаврѣ. Иностранцы отмѣчаютъ экономическій подъемъ Франціи, и уже Макіавелли прославляетъ производительность французской почвы, трудолюбіе народа и широкое развитіе торговли. Въ то время, какъ Испанія начинаетъ обогащаться открытыми въ Новомъ Свѣтѣ залежами серебра и золота, матеріальное благосостояніе Франціи растетъ благодаря широкому размаху ея сельско-хозяйственной и обрабатывающей промышленности, внутренней и внѣшней торговли.

§ 2.

Какія перемѣны произошли, подъ вліяніемъ разсмотрѣнныхъ нами экономическихъ явленій, въ самомъ укладѣ французскаго общества? Съ конца XV в. начинается перемѣщеніе орудій

производства, и прежде всего земли, изъ рукъ феодальнаго дворянства въ руки какъ буржуазіи, такъ и крестьянъ. Наряду съ владѣніями, пріобрѣтенными зажиточными семьями средняго сословія у феодальной аристократіи, у крестьянъ возникаетъ нѣчто весьма близкое къ собственности, но не тождественное съ нею. Создается обложенная незначительными и болѣе или менѣе неизмѣнными денежными оброками (чиншемъ) долгосрочная и даже вѣчно-наслѣдственная крестьянская аренда. Фактическое прикрѣпленіе къ землѣ далеко не исчезаетъ на протяженіи всей Франціи. Оно продолжаетъ держаться въ Бургундіи подъ наименованіемъ mainmorte—терминъ, символически указывающій на неспособность крестьянина отчуждать участки, которые въ корнѣ продолжаютъ оставаться собственностью сеньора. Эта неотчуждаемость крестьянскихъ земель имѣетъ свою выгодную сторону въ томъ, что препятствуетъ разрыву почвы съ ея воздѣлывателемъ. Тогда какъ въ Англіи одновременно начинается сперва медленный, а потомъ ускоренный особенно во второй половинѣ XVII в., процессъ удаленія крестьянъ изъ помѣстій,—во Франціи замѣчается не округленіе помѣстій на счетъ крестьянъ, а дробленіе ихъ между крестьянами. Это дробленіе не сопровождается перемѣщеніемъ титуловъ собственности, но создаетъ тѣ отношенія, которыя въ болѣе полномъ видѣ существовали наканунѣ Французской революціи. Сборники обычнаго права, такъ называемые кутюмье, къ редакціи которыхъ по провинціямъ приступлено было въ разсматриваемую нами эпоху, не прочь сближать съ собственностью понятіе этого долгосрочнаго или вѣчно-наслѣдственнаго крестьянскаго чинша и оправдывать такимъ образомъ до нѣкоторой степени ошибку тѣхъ, кто, начиная въ Артура Юнга и оканчивая Токвилемъ и проф. Лучицкимъ, говорятъ о существованіи при старомъ порядкѣ не только мелкаго крестьянскаго пользованія, но и мелкой крестьянской собственности. Весьма интересныя данныя на этотъ счетъ собраны Имбаромъ-де-ла-Туръ. Съ прекращеніемъ столѣтней войны возобновляется раздача земель въ чиншевое владѣніе. Большая часть договоровъ о снятіи земель въ оброкъ у помѣщиковъ (acensements) приближается къ передачѣ собственности. Сдаваемые на вѣчныя времена участки сокращали размѣръ владѣній, остававшихся какъ въ личномъ завѣдываніи феодальныхъ помѣщиковъ, такъ и въ вассальной отъ нихъ зависимости. Но за сеньоромъ оставался начальный титулъ (la directe), право на полученіе чинша (cens), земельной ренты (rente), поборовъ съ продажи уступленнаго участка (lods), иногда право феодальнаго

выкупа (relief, acapte), при переходѣ участка въ руки наслѣдника. Съемщикъ земли «locateur» пріобрѣталъ, въ большинствѣ случаевъ, право располагать землею, отчуждать ее, закладывать, дѣлить, но при этомъ допускались оговорки и исключенія. Въ концѣ среднихъ вѣковъ—т. е. въ самомъ началѣ занимающей насъ эпохи споры, подобнаго рода пріумножаются. Многія земли раздаются на указанныхъ условіяхъ въ Иль-де-Франсѣ, Шампани, Бургундіи, Дофинэ, Лангедокѣ и Провансѣ. Такія же раздачи, подъ именемъ эмфитевзисовъ и акаптовъ, становятся наиболѣе распространенными. Въ Перигорѣ и Лимузенѣ [1]) ихъ можно считать господствующими. Благодаря такимъ порядкамъ крестьянство начинаетъ занимать во Франціи большую часть земель. Его владѣнія являются крайне мелкими. Различныя причины дѣйствуютъ въ этомъ направленіи. На первомъ планѣ надо поставить незначительность уступаемыхъ такимъ образомъ участковъ. Эта незначительность возрастаетъ въ XVI в. по мѣрѣ того, какъ становится больше пустопорожней земли, а ростъ населенія умножаетъ случаи продажи. Въ томъ же направленіи, благопріятномъ дробленію, дѣйствуютъ и законы о наслѣдованіи, предписывающіе равный раздѣлъ крестьянскихъ земель между нисходящими. Имбаръ-де-ла - Туръ показываетъ, на основаніи описи чиншевыхъ владѣній, принадлежавшихъ аббатству Сенъ-Жерменъ де-Пре, что въ окрестностяхъ Парижа преобладаютъ между чиншевиками тѣ, кто владѣетъ усадьбой, или садомъ, или виноградникомъ, или лугомъ, въ размѣрѣ, не превышающемъ 1-го арпана. На одномъ и томъ же участкѣ, иногда живутъ 8 и даже 10 членовъ семьи, владѣющихъ имъ совмѣстно. Иногда они подѣлили между собою землю. Еще чаще каждый дворъ живетъ на своемъ участкѣ. Та же дробность землевладѣнія встрѣчается и въ другихъ провинціяхъ, напримѣръ въ Нормандіи, гдѣ крестьянинъ владѣетъ 1—2 акрами земли. Мы встрѣчаемъ тѣ же мелкіе участки и въ провинціяхъ Менъ, Бурбонэ, Бургундіи. Въ Провансѣ природа почвы и самый характеръ сельскоой промышленности благопріятствовали образованію небольшихъ хозяйствъ. Сдаваемые участки обыкновенно состоятъ изъ садовъ, оливковыхъ рощъ (olivettes), усадебной и пахотной, и могутъ быть воздѣланы трудомъ одного человѣка. Такимъ образомъ съ сѣвера до юга идетъ дробленіе земельнаго пользованія. Крестьянское землевладѣніе стремится къ тому, чтобы приблизиться къ пол-

---

[1]) Не этимъ ли объясняется то широкое дробленіе собственности въ Лимузенѣ, которое проф. Лучицкій принялъ за мелкое крестьянское землевладѣніе, якобы установившееся еще до революціи?

ной собственности. Чиншъ самъ по себѣ незначителенъ, но крестьяне желали бы не платить и его. Съ конца XV в. сказываются два противоположныхъ теченія. Сеньоры стремятся къ тому, чтобы обратить въ чиншевиковъ владѣльцевъ свободныхъ участковъ, вкрапленныхъ въ ихъ имѣнія. При Карлѣ VIII такая тенденція проявляется въ Дофинэ и Лангедокѣ, гдѣ еще удержалась мелкая полная или «алоядіальная» собственность. Провинціальные штаты жалуются на произвольное обращеніе такихъ участковъ въ чиншевыя земли. Противоположное теченіе состоитъ въ томъ, что крестьяне-чиншевики стараются освободить себя отъ всякихъ платежей, объявляя свои земли свободнымъ аллодомъ. Составители сборниковъ обычнаго права благопріятствуютъ тѣмъ, кто уклоняется отъ несенія чинша и другихъ феодальныхъ правъ. Особенно это замѣтно на сѣверѣ Франціи, въ сферѣ примѣненія кутюмье Мена и Парижа. Съ особенной рѣзкостью вопросъ ставится въ Шампани. Среднее сословіе настаиваетъ въ 1509 г. на томъ, чтобы всякая земля, переходящая по наслѣдству, признавалась свободной отъ всякихъ феодальныхъ правъ и поборовъ, пока не будетъ доказано противное. Дворяне и духовные требовали обратнаго. Въ этомъ спорѣ побѣда осталась на сторонѣ крестьянъ.

Параллельно съ этимъ происходитъ завершеніе давно начавшагося процесса крестьянской эмансипаціи. Въ первой половинѣ XV в., когда англійскій канцлеръ Фортескью пишетъ свой трактатъ о различіи абсолютной и закономѣрной монархіи, ему приходится отмѣтить тотъ фактъ, что, въ отличіе отъ Англіи, Франція все еще является страною крестьянской несвободы. Въ серединѣ слѣдующаго столѣтія большинство французскаго крестьянства уже перешло въ категорію людей, освобожденныхъ отъ барщины и земельной крѣпости. Эмансипація крестьянъ начинается въ Бургундіи еще при ея туземныхъ герцогахъ и заканчивается послѣ перехода ея въ руки Франціи. Отъ конца XV и первой четверти XVI вв. дошли до насъ акты отпущенія на волю жителей цѣлыхъ селеній, расположенныхъ какъ на земляхъ церкви, такъ и на земляхъ свѣтскихъ владѣльцевъ. Не мало также имѣется актовъ отпущенія на волю отдѣльныхъ семей въ Бургундіи, Бурбонэ и Берри. Бѣгство крѣпостныхъ въ сосѣднія мѣстности, не знающія болѣе несвободы, не рѣдко побуждаетъ сеньоровъ пойти на выкупъ. Что касается до Нормандіи, Дофинэ, Лангедока, Мена, Анжу, Иль-де-Франса, Прованса, то здѣсь крѣпостное право стало исчезать еще съ конца XI в. и въ возростающей прогрессіи съ XIII столѣтія.

По мѣрѣ отпущенія крестьянъ на свободу увеличивается классъ лицъ, готовыхъ снять землю у помѣщиковъ не только въ вѣчно-наслѣдственное пользованіе или въ пользованіе на три поколѣнія, но также и на болѣе короткіе сроки. Начинаетъ, такимъ образомъ, возникать подобіе свободной аренды, но въ видѣ скорѣе исключенія.

Крестьяне расплачиваются за землю или уступкою части урожаевъ, или деньгами. Первый способъ является наиболѣе распространеннымъ. Такимъ образомъ возникаютъ тѣ шампары, съ которыми приходится встрѣтиться еще наканунѣ революціи 1789 г. Въ концѣ XV в. крестьяне, свободные въ заключеніи браковъ, въ передачѣ наслѣдства по завѣщанію, въ правѣ пріобрѣтенія собственности и въ передвиженіи, составляютъ наиболѣе значительную часть населенія королевства. Они приняты подъ высокую руку монарха и получили отъ него право облагать себя мѣстными сборами и выбирать своихъ синдиковъ для веденія процессовъ съ помѣщиками. Генеральные штаты 1484 г. объявляютъ неподлежащимъ захвату за недоимки рабочій инвентарь—положеніе, которое вѣками ранѣе было провозглашено въ Англіи [1]. Но если Франція середины XVI в. становится страною личной свободы, то въ ней же начинается и процессъ образованія сельскаго пролетаріата. Появляется группа крестьянъ, которая озабочена округленіемъ своихъ имѣній и арендованіемъ большихъ или меньшихъ участковъ у сосѣднихъ помѣщиковъ. Одни занимаются разведеніемъ скота и отягощаютъ своими стадами общія пастбища. Другіе становятся откупщиками всѣхъ поступленій съ земель отдѣльныхъ аббатствъ. Земля пріобрѣтаетъ притягательную силу. Дошедшіе до насъ тексты упоминаютъ о довольно обширныхъ владѣніяхъ, сосредоточившихся въ рукахъ того или другого изъ прежнихъ чиншевиковъ. Но рядомъ съ этимъ многіе крестьяне держатъ такими участки, размѣрами своими едва доходящіе до одного арпана. Ничтожность ихъ владѣнія, въ связи съ отсутствіемъ капитала, мѣшаетъ имъ долго удержать въ своихъ рукахъ землю, не прибѣгая къ займамъ у сосѣднихъ купцовъ или у казны. Многіе поставлены въ необходимость занимать для покупки сѣмянъ и, въ концѣ-концовъ, становятся жертвой кредитора—ростовщика-еврея. Многіе покидаютъ деревню и идутъ въ промышленные и торговые центры, гдѣ и образуютъ классъ чернорабочихъ, неорганизован-

[1]) Таковъ смыслъ парламенскаго статута, гласящаго, что за недоимку правительственные агенты могутъ описать имущество поселянина salvo contenemento.

ныхъ въ корпоративныя сообщества и готовыхъ поступить на любую службу изъ-за куска хлѣба. Этотъ классъ, изъ котораго складывается городская чернь, дѣлаетъ возможнымъ, какъ мы увидимъ, возникновеніе капиталистическаго производства, несмотря на продолжающуюся и даже усиливающуюся регламентацію промышленности или даже въ союзѣ съ нею, такъ какъ она происходитъ въ интересахъ небольшого числа предпринимателей, такъ называемыхъ мастеровъ, которые все чаще и чаще отправляютъ свои занятія наслѣдственно, ставя преграды дальнѣйшему включенію въ ихъ среду новыхъ членовъ.

Переживаемая въ это время реформа цехового устройства сводится, въ концѣ концовъ, къ закрытію возможности простымъ исполнителямъ труда сдѣлаться мастерами и, слѣдовательно, предпринимателями. «Ошибочно было бы думать,—пишетъ Имбаръ-де-ла-Туръ,—что организація промышленности въ болѣе или менѣе замкнутые цехи предпринята была въ интересахъ ремесленниковъ. Офиціально эти корпораціи преслѣдуютъ цѣли общественной пользы. Но за великодушными формулами скрываются утилитарные мотивы. Не простые рабочіе требуютъ регламентаціи ремеслъ, а лица, стоящія во главѣ послѣднихъ. Они одни изготовляютъ проэктъ цехового статута и предлагаютъ его на отвержденіе властей. Они одни получаютъ полномочія приводить его въ исполненіе. Они выбираютъ изъ своей среды цеховое начальство, и только въ видѣ исключенія въ нѣкоторыхъ ремеслахъ утдѣльныхъ городовъ къ выбору допускаются и подмастерья, подъ наименованіемъ varlets. Въ періодъ времени съ 1450 по 1516 г. выходятъ сотни цеховыхъ регламентовъ. Большая часть ихъ дошла до насъ, въ числѣ отъ 200 до 300. Изъ этого числа всего двѣнадцать заключаютъ въ себѣ мѣры, принятыя въ интересахъ рабочихъ. Остальные озабочены только выгодами мастеровъ. Они стремятся къ тому, чтобы обезпечить доброе качество фабрикатовъ, ограничить конкурренцію и создать монополію въ пользу мастеровъ. Всѣ мѣры, принятыя по отношенію къ ученичеству, поставкѣ образцовой работы, производству платежей въ пользу цеха при полученіи мастерства, скрыто преслѣдуютъ одну цѣль: лишить ремесленника возможности добиться мастерства, отнять у него средства сдѣлаться мастеромъ. Требованіе образцовой работы возникаетъ во второй половинѣ XII в. Она связана съ значительной затратой рабочихъ дней и денежныхъ средствъ. Претендующій на званіе мастера долженъ трудиться на свой счетъ и передать изготовленную имъ работу въ пользу того братства (confrérie), въ которое онъ зачисленъ. Оцѣнка

произведенной имъ работы принадлежитъ судьямъ, доступнымъ вліянію денегъ и семейныхъ рекомендацій, обыкновенно враждебнымъ всякимъ новымъ пріемамъ производства. Многочисленные процессы, возникающіе изъ нежеланія присяжныхъ оцѣнщиковъ (jurés) признать высокое качество сдѣланной работы, свидѣтельствуетъ о томъ, что искусъ, которому подвергаемъ былъ ищущій мастерства, нерѣдко не сопровождался ожидаемымъ отъ него результатомъ».

Со второй половины XV в. растутъ поборы съ лицъ, добивающихся пріема въ число мастеровъ. Съ одного или съ двухъ десятковъ су въ началѣ столѣтія они возрастаютъ до 5, 6 и 10 ливровъ къ концу его. Въ нѣкоторыхъ ремеслахъ требуется даже платежъ въ нѣсколько золотыхъ экю. Сверхъ этого ищущій мастерства обязанъ во многихъ цехахъ дѣлать подарки оцѣнщикамъ и мастерамъ цеха, а также устраивать трапезу по случаю его пріема. Имбаръ-де-ла-Туръ высчитываетъ, что затраты ищущаго мастерства доходили до 50, 100 ливровъ. А такъ какъ ежегодный заработокъ ремесленника-рабочаго иногда не превышалъ ста су въ годъ, то насколько выполнимы были для него всѣ эти условія? Да и сдѣлавшись мастеромъ безъ капитала, онъ часто не могъ извлечь ожидаемыхъ выгодъ изъ своего титула. Прибавимъ къ этому, что всѣ указанныя ограниченія не существуютъ для сыновей мастера, а также для его зятя и его вдовы, даже послѣ вступленія ея въ новый бракъ. Они или вовсе не представляютъ образцовой работы и въ замѣнъ подвергаются простому профессіональному испытанію, или освобождаются даже отъ него, когда извѣстно, что сынъ работалъ съ отцомъ или съ любымъ изъ мастеровъ города. Мастерство все болѣе и болѣе становится наслѣдственнымъ достояніемъ отдѣльныхъ семей. Въ нѣкоторыхъ цехахъ мастеромъ можетъ быть только сынъ, зять или второй супругъ оставшейся послѣ мастера вдовы. Чтобы стать мастеромъ, приходится все чаще и чаще ходатайствовать о выдачѣ патента на мастерство королемъ, королевою или кѣмъ-либо изъ «сильныхъ міра сего». Такіе патенты, въ формѣ писемъ, скрѣпленныхъ печатью монарха, никогда не выдаются даромъ и не отмѣняютъ силы общаго правила, по которому отправленіе мастерства становится достояніемъ своего рода промышленной олигархіи. Подмастерья нерѣдко борются съ этими новыми порядками, обращаясь со своими ходатайствами то къ королю, то къ парламенту. Въ нѣкоторыхъ городахъ, напримѣръ въ Ліонѣ, монополизація правъ мастерства признается общественнымъ бѣдствіемъ; городское

управленіе настаиваетъ на отмѣнѣ цеховъ и на установленіи свободы труда для всѣхъ, даже для иностранцевъ, желающихъ поселиться въ городѣ.

Но если организація ремеслъ со второй половины XV в. спеціально направлена къ тому, чтобы вырыть пропасть между предпринимателемъ и простымъ исполнителемъ труда, то она же требуетъ уравненія условій производства для всѣхъ мастеровъ. Отсюда мѣры, регулирующія число учениковъ, одинаковое для всѣхъ мастеровъ одного и того же цеха.

Только-что описанная организація промышленности благопріятствовала зарожденію капитализма, но не съ нея начинается его ростъ. Несравненно болѣе способствовали его развитію тѣ условія, въ какія была поставлена торговля. Не малое значеніе имѣла и возможность обратиться къ кредитнымъ операціямъ, возникающая съ момента обхода каноническихъ запретовъ противъ роста путемъ установленія такъ называемыхъ рентъ съ недвижимой собственности. Единственныя корпоративныя организаціи, возникающія въ средѣ коммерсантовъ—цехи мелочныхъ торговцевъ, продавцовъ суконъ, колоніальнаго или бакалейнаго товара,—не ставятъ своимъ сочленамъ тѣхъ ограниченій, съ какими мы только-что встрѣтились въ промышленныхъ цехахъ. Каждый торговецъ—хозяинъ своего времени и своихъ оборотовъ, Онъ не обязанъ, подобно ремесленнику, ограничить свою дѣятельность продажей на мѣстѣ у себя на дому продуктовъ своего ремесла. Онъ можетъ торговать чѣмъ угодно. Онъ въ правѣ также вступать въ свободныя ассоціаціи съ другими торговцами или принимать въ свое предпріятіе людей зажиточныхъ, не имѣвшихъ возможности, въ виду запрета отдавать деньги въ ростъ, найти иное помѣщеніе своему капиталу. Дворяне, зажиточные буржуа, города и церковныя обители обращаются къ такому способу наживы. Многіе торговцы снабжаются деньгами даже изъ-за границы. Еще въ 1439 г. при Карлѣ VII Жакъ Керъ «вошелъ въ торговую компанію» съ нѣкоторыми купцами изъ чужихъ странъ и церковныхъ діоцезовъ. Въ XV в. большинство крупныхъ торговыхъ домовъ въ Турѣ, Ліонѣ и Парижѣ организуются на томъ же началѣ. Это позволяетъ имъ вкладывать десятки тысячъ ливровъ въ свои предпріятія и получать деньги даже отъ Медичей Флоренціи, Наличность капитала даетъ имъ возможность открывать факторіи, склады, держать корреспондентовъ, снимать корабли, участвовать въ ярмаркахъ на протяженіи всей Франціи, а иногда и за ея границей. Стремленіе создать монополію извѣстнаго торга присуще этимъ представи-

телямъ торговаго капитала. Въ Ліонѣ, напримѣръ, торговый домъ Дю-Пейра въ 1485 г. стремится сосредоточить въ своихъ рукахъ торговлю пряностями. Нѣкто Контъ въ 1489 г. добился отъ неаполитанскаго короля, чтобы всѣ мѣха, идущіе съ Востока, поступали во Франціи къ нему одному. Въ Тулузѣ Рокетъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всю торговлю сукнами Руссильона и Каталоніи. Такимъ же образомъ поставка бумаги университетамъ и книгопродавцамъ Фландріи и Германіи переходитъ въ руки одного предпринимателя. Въ Парижѣ торговля виномъ сосредоточивается въ рукахъ 4 или 5 крупныхъ торговцевъ. Правительство само не прочь создавать торговыя монополіи при эксплоатаціи соляной регаліи. Въ восточной половинѣ Франціи купцы изъ Ліюна образовали особое сообщество «извлеченія соли изъ Франціи и Имперіи» и на всемъ протяженіи Роны и Соны, а также въ Дофинэ, поставляютъ соль для населенія. Торговля хлѣбомъ начинаетъ сосредоточиваться въ немногихъ рукахъ. Купцы Юга и береговъ Луары скупаютъ его нерѣдко на корню до уборки; часто также торговцы снимаютъ у свѣтскихъ и церковныхъ сеньоровъ земли, идущія подъ посѣвъ хлѣбовъ. Эта монополизація, напоминающая одновременныя явленія въ жизни Англіи XVI столѣтія, вызываетъ такіе же точно протесты со стороны заинтересованныхъ въ дешевизнѣ хлѣба, какіе она вызывала въ Англіи противъ всѣхъ «скупщиковъ» и «пожирателей арендъ» (forstallers и leasemangers). Предаваясь подобнаго рода спекуляціямъ, многіе начинаютъ наживать большія состоянія. Такъ въ 1508 г. одинъ изъ крупныхъ торговцевъ Труа, снявшій въ аренду земли во всей округѣ, имѣетъ чистаго барыша 100.000. франковъ въ годъ. За отсутствіемъ еще значительнаго числа зажиточныхъ крестьянъ, торговый капиталъ служитъ и къ съему земли большими партіями. Многія церковныя обители поручаютъ представителямъ этого капитала собирать слѣдующіе съ ихъ оброчныхъ крестьянъ натуральные и денежные сборы; такой же практики придерживаются и нѣкоторые свѣтскіе феодалы. Они являются во Франціи своего рода откупщиками и углубляютъ пропасть, отдѣляющую сельское простонародье отъ помѣстнаго сословія.

Обремененное непосильными затратами на военную и придворную службу, дворянство поставлено въ необходимость прибѣгнуть къ единственной формѣ полученія кредита, не запрещенной церковными канонами. Не прибѣгая прямо къ отчужденію своихъ земель, дворяне-землевладѣльцы часто устанавливаютъ на нихъ такъ называемыя ренты, т. е. право на полученіе съ

нихъ извѣстныхъ денежныхъ суммъ, право, обезпеченное самимъ существованіемъ этихъ имѣній. Лица, пріобрѣвшія такое право, на срокъ или навсегда съ правомъ выкупа ихъ собственникомъ или безъ такого права, въ свою очередь могутъ отчуждать этотъ титулъ на ренту третьимъ лицамъ или оставлять его въ порядкѣ законнаго наслѣдованія и по завѣщанію. Возникнувъ еще въ XIII в., этотъ видъ кредитныхъ сдѣлокъ становится всеобщимъ къ концу XV. Большая часть нашихъ подданныхъ — пишетъ Людовикъ XII въ 1510 г.—прибѣгаетъ къ покупкѣ и продажѣ рентъ.—Эти послѣднія извѣстны подъ разными названіями: рентъ, пріобрѣтаемыхъ за деньги, пенсіоновъ, гипотекъ, рентъ, подлежащихъ выкупу. Сдѣлки такого рода стали столь же общими, какъ и отчужденіе земли. Церковныя корпораціи затрачиваютъ часть своего состоянія на покупку такихъ рентъ. Въ Турнэ большинство домовъ обременено подобными рентами въ пользу канониковъ и госпиталя.

Перечень условій, благопріятныхъ развитію капитализма, мы закончимъ указаніемъ на роль, какую въ томъ же направленіи сыграла практика правительства пополнять казну продажей должностей не только административныхъ, но и судебныхъ.

Большинство крупныхъ торговцевъ озабочено тѣмъ, чтобы вступить въ ряды служилаго сословія, но не военнаго, а финансоваго и судебнаго. Откупъ таможенныхъ сборовъ и косвенныхъ налоговъ, какъ и занятіе высшихъ финансовыхъ должностей, открываютъ цѣлому ряду семей зажиточной буржуазіи возможность устроиться въ рядахъ высшаго чиновничества или, какъ мы бы сказали, бюрократіи, изъ которой въ свою очередь вербуются «облагороженные» (anoblis). Благодаря такой практикѣ мелкій торговецъ Тура, Гильомъ Бриссоне, становится родоначальникомъ династіи, члены которой, занимая должности казначеевъ Франціи, генеральныхъ сборщиковъ и т. п., сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ управленіе французскими финансами. Товарищемъ въ его торговыхъ предпріятіяхъ является родоначальникъ другой буржуазной династіи, Боннъ, къ которой принадлежитъ извѣстный финансистъ Семблансе, завѣдывавшій французскою казною въ царствованіе Франциска I, призванный къ отвѣту по обвиненію въ недобросовѣстности и казненный въ силу судебнаго приговора. Имбаръ-де-ла-Туръ замѣчаетъ, что на мѣстахъ высшихъ финансовыхъ чиновниковъ мы находимъ постоянно лицъ, принадлежащихъ къ небольшому числу однѣхъ и тѣхъ же торговыхъ семей. Къ двумъ

названнымъ родамъ нужно присоединить еще Рюзе, Пюше, Бойе, Роберте, Котеро, Гюро. Связанные нерѣдко брачными союзами, члены этихъ семей образуютъ своего рода финансовую олигархію. Она предъявляетъ притязанія на занятіе мѣстъ епископовъ и настоятелей монастырей, членовъ судебныхъ парламентовъ, высшихъ финансовыхъ агентовъ и добивается даже занятія придворныхъ должностей. Она стремится также къ пріобрѣтенію земли, и, снабжая деньгами членовъ дворянскихъ семей, пользуется ихъ задолженностью для пріобрѣтенія на выгодныхъ условіяхъ ихъ замковъ и помѣстій. Она строитъ дворцы въ своихъ недавно пріобрѣтенныхъ имѣніяхъ и создаетъ такіе архитектурные памятники, какъ замокъ Шенонтовъ въ Турени. Судебныя должности поступаютъ въ продажу съ публичныхъ торговъ. И на нихъ набрасывается финансовая олигархія. Недавній торговецъ пряностями и бакалеей охотно идетъ на денежныя пожертвованія, чтобы дать своему сыну университетское образованіе, обучить его законамъ и открыть ему возможность стать не только адвокатомъ или королевскимъ прокуроромъ, но и членомъ одного изъ судебныхъ парламентовъ Франціи. Королевскіе эдикты идутъ навстрѣчу этому теченію, объявляя, что мѣста судей, сенешаловъ, бальи — доступны только тѣмъ, кто выдержалъ экзаменъ и пріобрѣлъ званіе лиценціата по гражданскому или каноническому праву. Поднимаясь по ступенямъ чиновной іерархіи, члены высшей буржуазіи достигаютъ постепенно мѣстъ совѣтниковъ въ парламентахъ, въ счетныхъ палатахъ, въ палатахъ денежныхъ сборовъ, въ большомъ совѣтѣ или камерѣ прошеній. Разъ пробравшись на такія выси, они начинаютъ пользоваться всѣми привилегіями дворянства, предъявляютъ притязанія на свободу отъ платежа прямыхъ налоговъ и настаиваютъ на распространеніи этого преимущества и на всѣхъ своихъ домочадцевъ. Парламенты одно время противятся съ успѣхомъ установленію системы продажи должностей, но они не могутъ помѣшать передачѣ послѣднихъ отъ отца къ сыну или зятю. Вздумаетъ тотъ или другой парламентъ поднять голосъ противъ такой практики, и король настаиваетъ на необходимости ея соблюденія, говоря, что дочери такого-то легче найти жениха при полученіи должности въ приданое. Какъ мѣста государственныхъ казначеевъ и высшія финансовыя должности становились достояніемъ опредѣленнаго числа семей, такъ и судебные парламенты Франціи пополнялись членами опредѣленныхъ династій. Семьи Тибу, Балье, Бельфе, Ле-Вистъ, Тюрканъ, Люлье, Сегье, Догане, обыкновенно считали въ числѣ своихъ членовъ совѣтниковъ па-

рижскаго парламента, Морлоны—Тулузскаго, Шапоне—Гренобльскаго.

Иностранцы, описывавшіе французскіе порядки, отмѣтили фактъ образованія особаго сословія, извѣстнаго съ этого времени подъ названіемъ noblesse de robe (отъ носимой судьями мантіи). Вслѣдъ за Макіавелли и Клодомъ де-Сейссель, Каносса въ 1516 г. въ своемъ «Трактатѣ о правительствѣ» говоритъ о томъ, что члены судебнаго персонала образуютъ какъ бы четвертое сословіе, ограничивающее вліяніе дворянства въ такой же степени, какъ и «неистовства толпы» (turbulences du peuple). Онъ указываетъ на опасныя стороны системы продажи должностей, давшей возможность буржуазіи подняться до такихъ высотъ. Прежде право владѣть феодальными помѣстіями, какъ у насъ населенными имѣніями, принадлежало одному только дворянству. Королевскими привилегіями въ отдѣльныхъ провинціяхъ право это распространено было и на дворянство судебное и чиновное. Облагораживанія дали возможность и менѣе зажиточнымъ семьямъ буржуазіи перейти въ ряды высшаго сословія. Карлъ VII и Людовикъ XI связали это право съ занятіемъ муниципальныхъ должностей. Пріобрѣтаемое ими дворянство считалось не личнымъ, а наслѣдственнымъ. Наконецъ, и независимо отъ занятія какихъ-либо должностей король имѣлъ право облагороживанія, путемъ выдачи грамотъ на дворянское званіе. На разстояніи 15 лѣтъ болѣе 100 семей въ концѣ XV столѣтія перешли такимъ образомъ въ ряды высшаго сословія. При этомъ казна сумѣла обезпечить себѣ поступленіе нѣсколькихъ десятковъ, а то и сотенъ тысячъ ливровъ. Въ недавнемъ мемуарѣ о различныхъ стадіяхъ въ развитіи капитализма извѣстный бельгійскій историкъ Пиренъ отмѣчаетъ тотъ любопытный фактъ, что, достигнувъ извѣстной обезпеченности, семьи изъ среды буржуазіи озабочены тѣмъ, чтобы придать нѣкоторую устойчивость своимъ пріобрѣтеніямъ, а потому стремятся перейти въ ряды землевладѣльцевъ и раздѣлить тѣ классовыя и сословныя преимущества, которыя повсюду связаны были съ обладаніемъ почвой. Это общее замѣчаніе вполнѣ примѣнимо и къ тѣмъ верхамъ французской буржуазіи, которые образовали такъ называемое судебное и чиновное дворянство. Въ его руки перешло немало земель, ранѣе принадлежавшихъ феодальному или военному дворянству. И оно въ значительной степени уподобилось ему своими сословными привилегіями и податными изъятіями.

По мѣрѣ роста капитализма, все болѣе и болѣе происходитъ разслоеніе въ рядахъ средняго сословія. Выдѣляя изъ своей среды

сверху новое, созданное гражданской службой дворянство, оно въ то же время отдѣляется снизу отъ рабочаго люда, отъ всѣхъ тѣхъ, кому фактически закрытъ доступъ къ полученію правъ мастера, все равно, входитъ ли онъ въ составъ цеховой организаціи на правахъ ученика и подмастерья, или остается за предѣлами корпоративной организаціи ремеслъ, довольствуясь исполненіемъ черной работы и отдавая въ наемъ свой трудъ на срокъ, а то и поденно. Этотъ людъ размножался по мѣрѣ того, какъ въ селахъ развивалось соціальное неравенство и избытокъ деревенскаго населенія отливалъ въ города—центры торговой и промышленной дѣятельности. Недовольство своимъ положеніемъ простонародье городовъ проявляетъ мятежами и заговорами (grosses mutineries et séditions du menu peuple), на которые жалуется одинъ изъ законодательныхъ актовъ, помѣченныхъ 1512 г.

То сокращеніе размѣровъ прямой подати, къ которому стремились правители Франціи, начиная съ Карла VII и Людовика XI, и которое въ значительной степени было достигнуто Людовикомъ XII (отцомъ народа), коснулось одного деревенскаго люда. Такъ какъ оно связано было съ одновременнымъ ростомъ косвеннаго обложенія—доходовъ, получаемыхъ казною отъ соляной монополіи, таможенныхъ пошлинъ и акцизовъ, то не мудрено, что матеріальное положеніе трудящагося люда городовъ съ теченіемъ времени только ухудшалось. На-ряду съ государственными налогами растутъ и городскіе. Они падаютъ, обыкновенно, на предметы народнаго потребленія: на хлѣбъ, на соленое мясо, на вино, на кожи, на дерюгу (serges).

Настойчивость, съ какой неимущіе классы требуютъ установленія максимума цѣнъ на мясо, оливковое масло, дрова, сукна, сельди и т. п., свидѣтельствуетъ о томъ, что благодаря королевскимъ и муниципальнымъ сборамъ жизнь дорожаетъ безостановочно. Одно только вознагражденіе за трудъ рабочаго остается болѣе или менѣе неизмѣннымъ. Имбаръ-де-ла-Туръ сдѣлалъ попытку вычислить этотъ размѣръ на основаніи счетовъ аббатства Сенъ-Жерменъ-де-Пре и однохарактерныхъ данныхъ изъ Парижа, Орлеана, Руана и городовъ Бургундіи. Онъ пришелъ къ заключенію, что надо различать вознагражденіе, получаемое годовыми рабочими, отъ вознагражденія поденщиковъ. Жалованье различно, смотря по профессіи: отъ 55 су до 8 и 9 ливровъ. Поденщикъ получаетъ обыкновенно два су, 6 динаріевъ въ день и 3 и болѣе су, если онъ является плотникомъ, каменщикомъ; заработная плата женщинъ еще ниже. Годовые рабочіе сверхъ жалованья, получали еще и со-

держаніе, котораго не имѣли поденщики. Въ городахъ, во многихъ ремеслахъ мы встрѣчаемъ годовыхъ рабочихъ. Въ нѣкоторыхъ промышленныхъ корпораціяхъ существовала поштучная плата (слесаря). При годовой работѣ заработокъ среднимъ числомъ равнялся 60—100 су, съ квартирой и пропитаніемъ. Поденщикъ въ городѣ получалъ то же, что и въ деревнѣ, въ среднемъ 2 су. Въ Парижѣ въ 1493 г. ткачъ зимою зарабатываетъ отъ 2 до 3 су, лѣтомъ—отъ 3 до 4. Въ Орлеанѣ въ 1514 г. плотнику и каменщику платили въ день 3 су 9 динаріевъ и даже 4 су, обыкновенному поденщику—2 су 6 динаріевъ. Въ Руанѣ для поденщика мы находимъ то же вознагражденіе его въ теченіе ряда лѣтъ, какъ въ послѣдней четверти XV в., такъ и въ годы, предшествовавшіе 1520-му, съ котораго начинаетъ сказываться переживаемая всею Европою революція цѣнъ.

Общій выводъ Имбаръ-де-ла-Тура тотъ, что цѣны на трудъ оставались болѣе или менѣе неизмѣнными со смерти Людовика XI до 1520 г., и для поденщика колебались между 2 и 3 су. Но, изъ-за значительнаго числа праздниковъ, четверть года не работали; поэтому, въ среднемъ, заработная плата за годъ не превышала 18 — 20 динаріевъ въ день. Рабочіе лишены были возможности добиться увеличенія своего заработка съ помощью стачекъ. Имъ запрещалась всякая «коалиція». Эдиктъ, изданный въ Вильеръ-Котерэ, сдѣлалъ изъ такого запрета общее правило. Одновременно цеховые статуты принимали мѣры противъ того, чтобы въ свободное время трудящійся не обезпечивалъ себѣ добавочнаго дохода, работая на дому. Всякая прямая продажа рабочимъ изготовленнаго имъ товара потребителю была запрещена. Особенно невыгодно было положеніе пришлаго рабочаго населенія, въ значительной степени вербовавшагося изъ деревенскихъ выходцевъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, напримѣръ въ Канѣ (въ Нормандіи), имъ запрещено работать въ городѣ болѣе 8 дней. Въ другихъ они не могутъ оставаться больше недѣли, не подвергаясь обложенію. Пришлымъ рабочимъ нѣтъ возможности устроиться иначе, какъ въ большихъ городахъ—Парижѣ, Ліонѣ, Руанѣ.

Не мудрено, если при разслоеніи, происходящемъ какъ въ деревенскомъ, такъ и въ городскомъ населеніи, многіе безземельные не находятъ заработка, бродятъ по большимъ дорогамъ, образуютъ шайки, нападаютъ на мирныхъ жителей, грабятъ и разбойничаютъ. Противъ нихъ направлены жестокіе указы королей, начиная съ Людовика XI и оканчивая Францискомъ I.

Разбойниковъ ждетъ четвертованіе. Какъ и въ Англіи въ эпоху Генриха VIII, французскія дороги не безопасны. По нимъ бродятъ всякаго рода «лихіе» люди—на-ряду съ безработными—члены распущенныхъ военныхъ дружинъ, контрабандисты, добывающіе себѣ соль не изъ казенныхъ складовъ, цыгане, извѣстные подъ именемъ богемцевъ и египтянъ, и всякаго рода авантюристы, не имѣющіе постояннаго жительства и опредѣленнаго занятія. Провинціальные штаты и городскія власти постоянно настаиваютъ на изгнаніи изъ предѣловъ государства и жестокомъ преслѣдованіи всѣхъ этихъ бродягъ. Правительство отвѣчаетъ на этотъ запросъ созданіемъ еще въ концѣ XV в. мѣстной жандармеріи. Ежегодно бальи вербуютъ въ подвѣдомственныхъ имъ участкахъ 10 дворянъ съ конями и 12 пѣхотинцевъ, обязанность которыхъ—задерживать всѣхъ опасныхъ людей и поставлять ихъ въ суды. Города и парламенты должны изгонять бродягъ изъ своихъ окрестностей, а въ селахъ приказано ихъ задерживать и посылать на галеры. Ворамъ грозитъ тѣлесное наказаніе, разбойникамъ квалифицированная смертная казнь.

§ 3.

Такова картина экономическаго быта Франціи и ея общественнаго уклада. Этому послѣднему отвѣчаетъ и постепенно складывающійся новый политическій порядокъ. Въ селахъ еще уцѣлѣли нѣкоторые слѣды общиннаго самоуправленія, но въ городахъ вѣчевые сходы прекратили свое существованіе и уступили мѣсто тѣснымъ совѣтамъ изъ членовъ ремесленныхъ цеховъ и торговцевъ; этимъ совѣтамъ дозволено во многихъ мѣстахъ пополнять свой составъ путемъ кооптаціи. Имбаръ-де-ла-Туръ указываетъ, какъ, начиная съ Людовика XI, короли образуютъ въ отдѣльныхъ городахъ совѣты изъ нѣсколькихъ десятковъ членовъ. «Со второй половины XV в.,—говоритъ онъ,—избирательное право подвергается все большимъ ограниченіямъ. Во многихъ городахъ одна буржуазія призвана къ осуществленію функцій управленія». Мы не имѣемъ возможности входить во всѣ подробности только-что указаннаго процесса, однохарактернаго съ тѣмъ, какой переживали въ XVI в. англійскіе города. Мы отмѣтимъ лишь его результаты. Управленіе городомъ сосредоточивается въ рукахъ олигархіи. Большинство избранныхъ состоитъ изъ адвокатовъ, нотаріусовъ, медиковъ, купцовъ и мастеровъ, стоящихъ во главѣ отдѣльныхъ ремеслъ. Народъ неохотно шелъ на эти новые порядки и въ нѣкото-

рыхъ городахъ, напримѣръ, въ Монтобанѣ, Нимѣ и Валансѣ, удержано было за мелкимъ людомъ и даже за землевладѣльцами право замѣщать 2—3 мѣста въ корпораціи консуловъ. Но всюду простые рабочіе или крестьяне остаются въ ничтожномъ количествѣ. Центральному правительству легче имѣть дѣло съ этимъ ограниченнымъ числомъ управителей, связанныхъ съ начальствомъ своими экономическими интересами и заботою объ обезпеченіи себѣ тѣхъ или другихъ привилегій и изъятій. Въ селахъ давно начавшаяся борьба съ феодальной обособленностью и вотчиннымъ самосудомъ ведетъ къ усиленію власти королевскихъ чиновниковъ, бальи и сенешаловъ, а также королевскихъ судовъ, въ ущербъ патримоніальнымъ. Административная централизація даетъ себя чувствовать все болѣе и болѣе съ каждымъ поколѣніемъ. Во главѣ всей іерархіи должностей стоитъ монархъ, власть котораго становится все болѣе и болѣе абсолютной. Легисты въ большей степени, чѣмъ церковники, содѣйствуютъ проведенію въ жизнь римскаго начала, передаваемаго на французскій языкъ съ XIII в. извѣстнымъ афоризмомъ: чего хочетъ король, того желаетъ и законъ («Si veut le roi, si veut la loy»). Такъ какъ отдѣльныя провинціи и въ нихъ каждое изъ сословій настаиваютъ на сохраненіи наслѣдственныхъ привилегій, то правительству трудно прибѣгать къ содѣйствію генеральныхъ штатовъ всего королевства. Въ 1484 г. сдѣлана послѣдняя попытка собрать представительство не отдѣльныхъ сословій, а всего французскаго народа. Генеральные штаты въ Турѣ обсуждаютъ поставленные имъ вопросы не по сословіямъ, но по секціямъ, при чемъ каждую образуетъ совокупность нѣсколькихъ провинцій. Если бы, — говоритъ Имбаръ-де-ла-Туръ, — представительный образъ правленія упрочился во Франціи съ этого времени, она несомнѣнно представила бы собою федерацію отдѣльныхъ областей. Генеральные штаты ходатайствовали, чтобы король далъ подтвержденіе всѣхъ свободъ и привилегій церкви, дворянства, городовъ и земель королевства. Если бы это пожеланіе было исполнено, Франція получила бы уже съ того времени конституцію. Но король оставилъ это пожеланіе неудовлетвореннымъ, и ген. штаты не были созываемы въ теченіе трехъ четвертей вѣка. Это не значитъ, что король отказывается отъ обращенія къ провинціямъ за совѣтомъ и съ просьбой о доставкѣ ему средствъ для покрытія государственныхъ издержекъ. Напротивъ того, никогда такія обращенія не были болѣе частыми; но штаты той или другой провинціи довольствуются ходатайствами о сохраненіи провинціальныхъ вольностей и не претен-

дуютъ на рѣшающій голосъ въ дѣлахъ государства. Нельзя сказать, чтобы римское право, истолковываемое легистами, создало абсолютизмъ во Франціи, оно только надѣлило его готовыми формулами. Такъ, римскаго происхожденія надо считать формулу, что «король—императоръ въ своихъ владѣніяхъ», т. е. что ему принадлежитъ здѣсь верховенство и суверенитетъ. Суверенитетъ одинъ и нераздѣленъ; въ монархѣ сосредоточивается вся верховная власть; отсюда то послѣдствіе, что государственная территорія не можетъ быть отчуждена кому бы то ни было даже въ малѣйшей своей части. Король можетъ создавать удѣлы (apanages) въ пользу своихъ родственниковъ, но эти удѣлы имѣютъ лишь временное значеніе и возвращаются въ прямое подчиненіе монарху, разъ у удѣльнаго владѣльца не окажется мужскихъ наслѣдниковъ. Удѣлъ—не болѣе, какъ видъ пользованія. Всякая власть исходитъ отъ короля и возвращается къ нему; какъ бы старинно ни было происхожденіе тѣхъ или другихъ сеньоріальныхъ правъ, всѣмъ имъ приписывается одинъ источникъ—воля монарха. Сеньоръ не пользуется никакими правами, помимо дѣйствительнаго или мнимаго надѣленія королемъ. Право судить, облагать поборами и создавать должности признается за феодаломъ, но только какъ право, делегированное ему монархомъ. Надъ суверенитетомъ монарха легисты допускаютъ только Божье верховенство. Король—говорятъ они, въ противность тому, что считалось еще ходячимъ ученіемъ при первыхъ Капетингахъ,—не можетъ быть созданъ путемъ избранія; онъ держитъ свою власть отъ Бога, и притомъ непосредственнно. Подобныя заявленія не разъ дѣлаются Парижскимъ парламентомъ, и тѣмъ не менѣе этотъ парламентъ, признаваемый наслѣдникомъ римскаго Сената, вершителемъ правосудія и хранителемъ законовъ, является единственнымъ орудіемъ, фактически ограничивающимъ власть монарха, такъ какъ отъ него зависитъ вносить или не вносить въ свои реестры новые ордонансы и эдикты короля; если онъ признаетъ ихъ противными основнымъ законамъ и несогласными съ искони установившимися принципами управленія, онъ можетъ обратиться къ королю съ своими представленіями (remontrances). Правда, королю принадлежитъ послѣднее слово, и если въ торжественномъ засѣданіи, обыкновенно подъ его предсѣдательствомъ, данъ парламенту приказъ внести въ свои книги тотъ или другой законъ—всякое противодѣйствіе съ его стороны должно прекратиться. Кто пожелалъ бы дать себѣ отчетъ въ тѣхъ перемѣнахъ, какія во Франціи произошли между кончиной Людовика XI

и первыми годами правленія Франциска I-го, тому достаточно будетъ сопоставить то, что говоритъ о французскихъ порядкахъ современникъ Людовика XI, Филиппъ де-Коминъ, съ тѣмъ, что пишетъ о нихъ Клодъ де-Сейссель въ своей «Великой Монархіи Франціи». Коминъ отрицаетъ за королемъ право считать своихъ подданныхъ своего рода собственностью. Король не можетъ взимать налоги иначе, какъ съ ихъ согласія. Король Франціи не въ правѣ сказать: «я пользуюсь правомъ брать съ моихъ подданныхъ, что мнѣ вздумается»; ни онъ, ни кто другой такого права не имѣетъ. Отсюда обязанность короля созывать генеральные штаты Франціи, если не періодично, то, по крайней мѣрѣ, каждый разъ, когда имѣется въ виду война. Однимъ этимъ можно избѣжать слишкомъ поспѣшнаго и произвольнаго ея объявленія. Такіе же порядки существуютъ въ Англіи, продолжаетъ Коминъ, прибавляя: «изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ въ мірѣ государствъ нѣтъ ни одного, въ которомъ лучше было бы устроено правительство, гдѣ бы было меньше произвола по отношенію къ народу. Не можетъ здѣсь король объявить войны, не собравъ своего парламента, а это дѣло весьма справедливое и святое».

Сейссель, въ своей «Великой Монархіи», написанной по волѣ короля Франциска I-го и появившейся вскорѣ послѣ его воцаренія, не считаетъ французскую монархію абсолютной; онъ признаетъ ее смѣшанной формой правленія, подобной въ этомъ отношеніи древнему Риму и Венеціанской республикѣ. О генеральныхъ штатахъ онъ не говоритъ ни слова, но выдвигаетъ роль парламентовъ (въ частности—парижскаго), настаивая на ихъ призваніи быть хранителями законовъ и на ихъ правѣ отказывать въ примѣненіи новыхъ общеобязательныхъ нормъ, разъ онѣ стоятъ въ противорѣчіи со всѣмъ прежнимъ законодательствомъ Франціи. Парламенты въ правѣ представлять въ такихъ случаяхъ протесты—«remontrances». Чтобы сломать ихъ оппозицію, устраивается такъ называемый lit de justice: король, въ сопровожденіи многочисленной свиты, обыкновенно самъ является на засѣданіе и выражаетъ свою волю устами одного изъ ближайшихъ своихъ совѣтниковъ, всего чаще—устами главы судебнаго персонала.— Этотъ ростъ монархическаго начала совершился въ царствованіе Карла VIII, Людовика XII и Франциска I. Тенденція въ этомъ смыслѣ обнаружилась на незначительномъ разстояніи отъ созыва генеральныхъ штатовъ 1484 г., которые всего опредѣленнѣе выставили требованіе устройства Франціи на началѣ представительства. Въ отличіе отъ предшествующихъ и слѣдующихъ за

ними по времени депутаты этихъ штатовъ были избраны не сословными куріями, а всенародными, собранными по отдѣльнымъ «бальяжамъ» и «сенешоссэ». Въ собраніи штатовъ депутаты разбились на секціи, объединившія собою нѣсколько провинцій. И въ тѣхъ ходатайствахъ, которыя представлены были штатами королю, наглядно выступаетъ готовность всѣхъ сословій сойтись въ отстаиваніи публичныхъ правъ и политическихъ вольностей народа. Они ходатайствуютъ о томъ, чтобы впредь нельзя было взимать денегъ съ народа, не созвавъ предварительно штаты. И самыя требованія могутъ быть предъявлены только по ихъ волѣ и съ ихъ согласія. Собирать штаты слѣдуетъ черезъ каждые два года для голосованія по вопросу о прямомъ обложеніи. Распредѣленіе суммы прямого налога—taille—производится генеральными комиссарами по финансамъ между провинціями, послѣ предварительнаго соглашенія съ делегатами штатовъ. Ежегодно въ каждой провинціи провинціальные штаты распредѣляютъ падающую на провинцію сумму и контролируютъ самое взиманіе. Штаты желаютъ также, чтобы въ составъ королевскаго совѣта включены были 12 членовъ, взятыхъ изъ ихъ состава.

Всѣ судебныя должности должны быть избирательными. Король долженъ распустить наемныя войска, завести постоянную армію и народную милицію.

Съ 1484 г. созывъ штатовъ прекращается, новые налоги устанавливаются и распредѣляются королевскимъ совѣтомъ. Въ послѣдній разъ о штатахъ въ XV вѣкѣ упоминается въ 1492 г. по случаю заключенія мирнаго договора въ Этаплѣ. Подписавшіе его выразили желаніе, чтобы договоръ подвергнутъ былъ разсмотрѣнію и утвержденію генеральныхъ штатовъ; король ограничился ратификаціей его отдѣльными бальяжами и городами. Ни съ чьей стороны не послѣдовало протеста. Финансовыя полномочія генеральныхъ штатовъ, такимъ образомъ, прекращаются. Королевскій совѣтъ опредѣляетъ сумму прямого налога, увеличиваетъ ее, а въ случаѣ надобности и производитъ ея распредѣленіе. Но можетъ быть провинціальные штаты заступили мѣсто, прежде принадлежавшее генеральнымъ? На протяженіи всей Франціи они обнаруживаютъ притязанія обсуждать вопросы, связанные съ налоговымъ обложеніемъ, и контролировать распоряженіе вотированными суммами. Но уже Карлъ VII отнялъ у штатовъ сѣверной Франціи всякое серьезное значеніе, а на югѣ то же достигнуто было Карломъ VIII и Людовикомъ XII. Созывъ штатовъ составляетъ привилегію короля. Штаты обыкновенно голосуютъ предлагаемую имъ сумму

налоговъ молча, безъ предварительныхъ преній. Представлять свои скромныя ходатайства, въ согласіи съ данными депутатамъ тайными инструкціями, штаты могутъ не раньше, какъ послѣ голосованія субсидій. Откажутъ они въ дарованіи требуемой суммы—и король, какъ это сдѣлано было въ 1492 г. въ Нормандіи, обратится непосредственно къ бальяжамъ, пославшимъ депутатовъ, и добьется ихъ согласія. Венеціанскій посолъ Джустиніано въ 1535 г. въ своемъ отчетѣ венеціанскому сенату говоритъ, что французы платятъ королю все, что ему вздумается потребовать отъ нихъ.

Взамѣнъ избираемыхъ судей и чиновниковъ, на чемъ настаивали генер. штаты 1484 г., а за ними и штаты провинціальные, короли Франціи вводятъ систему назначенія на всѣ должности. Въ періодъ времени съ 1493 по 1510 годъ совершается эта перемѣна сперва въ судебномъ, а потомъ и въ финансовомъ управленіи. Самыя эти должности теряютъ характеръ временныхъ и становятся постоянными (offices). Назначенія чиновниковъ и ихъ отставка зависятъ отъ короля. Но монархъ самъ признаетъ необходимость провести по отношенію къ лицамъ своего административнаго персонала правило, что должность теряется смертью, отказомъ лица, ее занимающаго, и совершеннымъ имъ преступленіемъ (forfaitture). Такое заявленіе сдѣлано королемъ въ 1492 г., въ отвѣтъ на ходатайство, предъявленное провинціальными штатами Прованса. Всѣ чиновники считаются отставленными въ моментъ воцаренія новаго государя; онъ можетъ по своему усмотрѣнію оставить за ними ихъ должности. Несмѣняемость лицъ, занимающихъ должности, достигается прежде всего по отношенію къ судебному персоналу, чиновники финансовой администраціи продолжаютъ быть смѣняемыми. Высшая администрація сосредоточивается въ рукахъ совѣтовъ: королевскій совѣтъ, большой совѣтъ, восемь рекетмейстеровъ, образующихъ самостоятельное собраніе для разсмотрѣнія преній—таковы высшіе коллегіальные органы управленія. Рядомъ съ ними стоятъ семь судебныхъ парламентовъ, четыре счетныхъ палатъ и три палаты сборовъ. Вся эта организація завершается во второй половинѣ XV-го вѣка, когда возникаютъ новые парламенты въ Греноблѣ, Бордо, Дижонѣ, Руанѣ и Эксѣ. Изъ всѣхъ этихъ парламентовъ наибольшее значеніе принадлежитъ парламенту парижскому. Его юрисдикція распространяется на половину страны. Съ 1474 г. онъ добился того, чтобы его рѣшенія приводимы были въ исполненіе на протяженіи всего государства. За другими пар-

ламентами парижскій признавалъ только ограниченную власть, а потому и допускалъ переносъ дѣлъ, начатыхъ въ одномъ изъ нихъ, на собственное разбирательство. Дѣла пэровъ королевства, монастырей и епископій, какъ и дѣла, связанныя съ королевскими регаліями и удѣлами (apanages) принцевъ крови, парижскій парламентъ признавалъ подлежащими ему одному. Король относится съ опаскою къ этимъ притязаніямъ и въ противовѣсъ парламенту создаетъ сперва судебную секцію своего совѣта, а съ 1498 г. обращаетъ ее въ самостоятельный совѣтъ, подъ названіемъ «большого»; за нимъ уже въ 1505 г. признается роль перваго и основного верховнаго суда королевства. Онъ разсматриваетъ споры о компетенціи, принимаетъ всѣ жалобы на злоупотребленія властью и въ правѣ перенесть на свое разбирательство всѣ дѣла, какія королю угодно будетъ ему предоставить, хотя бы они и поступили ранѣе въ одинъ изъ парламентовъ. Можно сказать о немъ, что онъ одновременно судъ административный, судъ, разбирающій случаи конфликтовъ о подсудности, и судъ кассаціонный. Парламенты постоянно противились расширенію его функцій, и королямъ не легко было сломить ихъ противодѣйствіе.

Въ финансовомъ управленіи централизація достигнута въ большей степени, чѣмъ въ судебномъ. Оно распадается на двѣ половины: администрацію государственныхъ доменовъ, во главѣ которой поставлено четыре казначея, и налоговую администрацію, для которой Франція разбита на генералитеты, числомъ четыре, съ особымъ генеральнымъ завѣдывателемъ финансовъ въ каждой. Съ 1511-го года оба вѣдомства подчинены контролю счетныхъ палатъ и, въ частности, счетной палаты Парижской. Всѣ вѣтви управленія: административнаго, судебнаго, финансоваго подчинены, какъ верховному органу, Совѣту короля. Въ его среду король призываетъ по своему выбору вельможъ, епископовъ, бюрократовъ, членовъ верховныхъ судовъ. Въ большомъ совѣтѣ разсматриваются всѣ проекты правительства, опредѣляется сумма предстоящихъ расходовъ, устанавливается контингентъ арміи, редактируются тексты ордонансовъ или законовъ и эдиктовъ или указовъ, рѣшаются всѣ вопросы, связанные съ иностранной политикой и заключеніемъ договоровъ, производится назначеніе на всѣ должности и надѣленіе церковными бенефиціями, совершаются акты отчужденія доменовъ, изготовляются акты помилованія, надѣленія привилегіями, правомъ взимать сборы съ товаровъ и рынковъ, редактируются акты натурализаціи иностранцевъ, легитимаціи рожденій, грамоты на дворянство. Такимъ образомъ, вся политическая и граж-

данская жизнь Франціи имѣетъ своимъ центромъ королевскій совѣтъ. Зданіе абсолютизма завершено. Франція становится административно централизованнымъ и бюрократическимъ государствомъ.

Въ короткомъ обзорѣ, каковъ настоящій, я не имѣю возможности останавливаться на разсмотрѣніи тѣхъ путей, какими былъ достигнутъ этотъ результатъ. Для меня достаточно было указать на экономическія и общественныя перемѣны, какія пережиты были Франціей въ послѣдней четверти XV-го и въ первой половинѣ XVI-го вѣка. Всѣ онѣ сводились къ упадку феодализма, къ росту зажиточной и чиновной буржуазіи, къ исчезновенію прежняго участія простонародья, какъ въ цеховомъ строѣ, такъ и въ городскомъ самоуправленіи. Въ 1510 г. Клодъ де-Сейссель уже открыто высказывается противъ всякихъ демократическихъ порядковъ, говоря, что народное правленіе всегда отличалось мятежностью и враждебностью къ добропорядочнымъ людямъ (gens de bien). А между тѣмъ не далѣе, какъ на штатахъ въ Турѣ, подымаемъ былъ еще вопросъ о томъ, что всѣ власти, кромѣ королевской, имѣютъ своимъ источникомъ народъ. Но это были одни теоретическія разсужденія, не находившія отклика и желанія облечь ихъ въ форму положительныхъ законовъ.

Такимъ образомъ, въ эпоху Возрожденія Франція является такою же неограниченной монархіей, какъ и большинство княжествъ Имперіи и Италіи, объединенныя королевства Кастиліи и Аррагона, Англія эпохи Тюдоровъ. Правда, въ большинствѣ германскихъ княжествъ продолжаютъ еще держаться, сословные сеймы или ландтаги, въ Испаніи собираются кортесы, въ Англіи—парламенты. Но значеніе всѣхъ этихъ законодательныхъ палатъ пало. Англійскій парламентъ въ царствованіе Генриха VIII не прочь признать силу закона за королевскими указами. Испанскіе кортесы, послѣ пораженія городскихъ ополченій въ битвѣ подъ Вилльяларомъ, утратили свою прежнюю самостоятельность, а начавшаяся въ Германіи реформація содѣйствовала росту княжеской власти, освободивъ ее отъ контроля папской куріи. То же достигнуто было и въ Англіи установленіемъ въ ней системы цезарепапизма. Изъ всѣхъ названныхъ нами странъ, абсолютизмъ и административная централизація нигдѣ, однако, не проведены такъ рѣшительно, какъ во Франціи. Новѣйшія работы французскихъ историковъ позволяютъ отнести начало торжества монархическаго единства надъ феодальной автономіей и завершеніе судебной и административной централизаціи Франціи къ эпохѣ гораздо болѣе ранней, чѣмъ время до «короля солнца» и даже Ришелье: къ эпохѣ Возрожденія.

ГЛАВА III.

Французское Возрожденіе.

Въ общемъ очеркѣ историческихъ судебъ французскаго народа нѣтъ мѣста для подробной картины возрожденія наукъ и искусствъ, пережитаго Франціей лѣтъ 30 спустя послѣ Италіи. Имѣется только возможность отмѣтить его отличія, спеціально характеризующія его черты. Въ противоположность Италіи, французское Возрожденіе сказалось не столько въ области пластическихъ искусствъ—архитектуры, живописи и ваянія, сколько въ области науки, философіи, словесности. Съ словомъ «наука» я соединяю здѣсь то представленіе, какое связываютъ съ нимъ одинаково въ Англіи, Германіи и Россіи; на французскомъ языкѣ точнѣе было бы обозначить переворотъ, пережитый Франціей въ 30 и 40-хъ годахъ XVI столѣтія, словомъ не «наука», а «эрудиція». Возрожденіе коснулось главнымъ образомъ изученія древнихъ языковъ, не только латинскаго, но также греческаго и еврейскаго, критики старинныхъ текстовъ, не исключая въ этомъ отношеніи ни Библіи, ни Евангелія, изданія долгое время забытыхъ твореній не только Платона, но и нео-платониковъ, не только Гомера и Пиндара, но и Эсхила. Сюда надо присоединить близкое знакомство если не съ Данте, то съ Петраркой. Въ области философіи Италія вліяетъ на Францію въ лицѣ Марсилія Фичино и, въ меньшей степени, въ лицѣ Пико де-Мирандоля. Марсилій Фичино—переводчикъ и истолкователь Платоновой философіи; поэтому близкое знакомство съ нимъ только усиливаетъ тенденцію, сказавшуюся въ непосредственномъ изученіи сочиненій Платона, въ переводѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ на французскій языкъ, въ передачѣ мыслей Платона стихами и прозою въ сочиненіяхъ французскихъ писателей XVI вѣка.

Особенностью пережитаго Франціей умственнаго переворота было совпаденіе его во времени съ распространеніемъ въ ней ученій Лютера и Кальвина. Это совпаденіе обусловливается сравнительно позднимъ появленіемъ во Франціи общаго съ другими народами Западной Европы Возрожденія. Такъ какъ реформація въ своей критикѣ вселенской церкви отправлялась прежде всего отъ изученія текстовъ Св. Писанія, то немудрено, что католицизмъ отнесся во Франціи съ недовѣріемъ и предубѣжденіемъ къ интересу, съ которымъ молодое поколѣніе при-

нялось за изученіе не только греческаго, но и еврейскаго языка, т. е. тѣхъ двухъ языковъ, на которыхъ написаны книги Священнаго Писанія. Отсюда гоненія, которымъ подверглись даже такіе далекіе отъ всякаго разномыслія въ дѣлахъ вѣры писатели, какъ поэтъ Маро, съ его стихотворнымъ переводомъ псалмовъ, и даже Раблэ, монахъ, всю жизнь остававшійся въ тѣсномъ общеніи съ церковными іерархами, но у котораго все же просвѣчиваетъ мысль о легендарномъ характерѣ отдѣльныхъ событій, упоминаемыхъ Библіей. Возрожденіе философской мысли древности необходимо должно было имѣть послѣдствіемъ не только усиленіе христіанскаго теченія, съ самаго начала питавшагося платонизмомъ, но и распространеніе несогласныхъ съ идеализмомъ теченій, циническаго и въ особенности эпикурейскаго. Немудрено, поэтому, если въ средѣ французскихъ писателей эпохи Возрожденія можно встрѣтить и Этьена Долэ, одинаково ненавистнаго и Кальвину, и главамъ католической іерархіи, проповѣдывавшаго жизнь, согласную съ природою, свободу чувствъ, необходимость руководствоваться въ своемъ поведеніи не столько заботою о спасеніи души, сколько интересами человѣчества, допускавшаго существованіе лишь того безсмертія, которое даютъ оставленіе потомства и добрая память, создаваемая столько же личнымъ поведеніемъ, сколько и научнымъ, литературнымъ или художественнымъ творчествомъ [1]). Не даромъ Этьенъ Долэ прослылъ у католиковъ за атеиста и подвергнутъ былъ сожженію на кострѣ на той самой площади Мобэръ, на которой нынѣ воздвигается его памятникъ.

Въ сравненіи съ такими начинателями, какъ филологъ Бюдэ, лирикъ Маро, обновитель французскаго эпоса Ронсаръ, творецъ французской сатиры Раблэ, основатель французской моральной и до нѣкоторой степени научной философіи, Монтэнь, весьма блѣдными фигурами являются прославленные въ свое время архитекторы: Пьеръ Лескотъ, Жанъ Гужонъ, Де-л'Ормъ, Бюланъ, Жерменъ Пюлонъ. И въ области живописи и ваянія Франція за эту эпоху, не выставила никого равнаго Ботичелли, Леонардо да-Винчи, Микель-Анжело или Рафаэлю. Даже самые крупные и наиболѣе популярные въ свое время дѣятели пластическихъ искусствъ, какъ Жанъ Кузэнъ или Франсуа Клюэ, занимаютъ сравнительно скромное мѣсто въ исторіи художественнаго творчества въ XVI вѣкѣ. Къ ихъ чести надо ска-

---

[1]) См. Мемуаръ Имбара-де-ла-Туръ, озаглавленный: „Религія гуманистовъ, въ «Протоколахъ Академіи нравств. и политич. наукъ» (воспроизвед. въ «Revue de deux mondes», 15 марта 1914 г.).

зать, что они не были простыми учениками итальянцевъ, хотя Франциском I положено было основаніе цѣлой школѣ живописцевъ и скульпторовъ, извѣстной подъ именемъ школы Фонтенбло, во главѣ которой стоялъ итальянецъ Рассо, а позднѣе его также итальянецъ Приматисъ. «Отъ слишкомъ рабскаго подражанія,—пишетъ Лемонье, говоря о французской архитектурѣ эпохи Возрожденія,—французовъ спасло то, что они въ большей степени подражали монументамъ древности, чѣмъ итальянскимъ». Но эти монументы были представлены однѣми развалинами, да и построены они были для совершенно другихъ потребностей, чѣмъ тѣ, какія проявились въ XVI в. Необходимо было, поэтому, замѣнить заимствованіе приспособленіемъ и тѣмъ самымъ обнаружить творчество. Къ тому же условія климата требовали употребленія крышъ и печей, неизбѣжныхъ въ сѣверныхъ странахъ. Архитектура второй половины XVI столѣтія, поэтому, оригинальна, хотя элементы, изъ которыхъ она сложилась, въ значительной степени заимствованы. Церковныхъ зданій за это время воздвигнуто было мало: удовольствовались продолженіемъ нѣкоторыхъ ранѣе начатыхъ построекъ и въ введеніемъ въ нерквахъ пиластровъ, колоннъ, декорацій въ античномъ стилѣ, классическаго порядка. На-ряду съ этими немногими церковными постройками продолжается въ теченіе по меньшей мѣрѣ 25-ти лѣтъ со времени воцаренія Генриха II сооруженіе замковъ, городскихъ ратушъ и частныхъ жилищъ, т. е. продолжается то самое направленіе, которое получило такой расцвѣтъ въ царствованіе Франциска I.

Въ скульптурѣ вліяніе классицизма сказывается еще съ большей силой, чѣмъ въ области архитектуры. Античныя статуи послужили предметами изученія и подражанія. Снимки, сдѣланные съ нихъ въ Римѣ Приматисомъ, облегчили знакомство французовъ съ классическими образцами. Въ отличіе отъ архитекторовъ, французскіе скульпторы, по словамъ Лемонье, старались приблизиться болѣе къ итальянцамъ, нежели къ древнимъ. Микель Анджело, Челлини, Приматисъ нашли послѣдователей. Произведенія французскихъ ваятелей носили въ это время чисто свѣтскій характеръ. Сюжеты ихъ были миѳологическаго или аллегорическаго характера. Они искали не христіанской, а языческой красоты и пластики. Многія статуи заказаны были имъ королями и сановниками для надгробныхъ памятниковъ; но и въ этихъ памятникахъ не было ничего христіанскаго, и въ нихъ встрѣчались классическіе символы и божества древнихъ сказаній. Рисунки, живопись, гравюра слѣдовали тѣмъ же классическимъ

образцамъ; только въ области портретной живописи и въ жанрѣ можно найти черты реализма, которыя грозилъ унесть итало-античный классицизмъ. Въ изготовленіи эмали, мебели, стѣнныхъ тканей тоже замѣтно увлеченіе миѳологическими сюжетами и декораціями въ антично-итальянскомъ вкусѣ». Но всему этому итальянскому господству положенъ былъ конецъ еще раньше кончины Генриха II. Въ постройкѣ Новаго Лувра или, вѣрнѣе, въ полной трансформаціи того, который былъ созданъ при Карлѣ V, уже сказывается вліяніе самостоятельнаго французскаго творчества, въ лицѣ Пьера Лескотъ. Ронсаръ сказалъ о немъ: «ты—Лескотъ, имя котораго высится до звѣздъ». Къ нему присоединяется Жанъ Гужонъ. Хотя въ его декоративномъ стилѣ и замѣтно большое знакомство съ древностью, хотя его сюжетами и являются обыкновенно нимфы, тритоны, амуры и т. д., но его оригинальность сказывается въ весьма личномъ пониманіи женской граціи, въ аристократической элегантности фигуръ и въ то же время въ своего рода натурализмѣ, въ необыкновенной жизненности нѣкоторыхъ изображенныхъ имъ женскихъ тѣлъ. Лемонье полагаетъ, то скульптура Гужоно вполнѣ отвѣчаетъ тому направленію словесности, которое представлено Ронсаромъ и всѣми членами «Плеяды». Подобно тому, какъ имя обоихъ названныхъ нами художниковъ связано съ судьбами Лувра, имя Филиберта дел'Ормъ вызываетъ въ памяти построенный имъ замокъ Анэ, предназначенный Генрихомъ II для Діаны де-Пуатье. Ему же принадлежитъ могильный памятникъ Франциска I-го, представляющій собою подобіе римской тріумфальной арки. Де-л'Ормъ—не только архитекторъ и скульпторъ, но и своего рода теоретикъ архитектуры: отъ него дошелъ до насъ трактатъ, ей посвященный. Онъ не пренебрегалъ услугами, оказываемыми архитектурѣ математикой и, въ частности, геометріей и, повидимому, воспользовался тѣми лекціями, какія Пьеръ де Рамэ (Рамусъ) читалъ въ Collège de France объ Эвклидѣ. Горячій поклонникъ древности, онъ въ то же время обнаруживаетъ нѣкоторую самостоятельность, высоко цѣня готическій стиль, его своды оконъ и дверей (ogives). Для него готическій стиль слыветъ подъ названіемъ стиля французскаго («cette façon appelée entre les ouvriers la mode française»). При постройкѣ Тюльери де-л' Ормъ нашелъ помощника въ лицѣ Пьера Бонтана, какъ и при сооруженіи памятника Франциску I. Этотъ памятникъ представляетъ собою комбинацію классицизма съ реализмомъ. Послѣдній выступаетъ въ изображеніи двухъ знаменитыхъ битвъ, при Мариньяно и Серизолѣ, гдѣ являются и закованные въ желѣзо всад-

ники, и подымающіеся на дыбы кони, и пушки, и телѣги, и мулы нагруженные тягостями. Эта скульптурная часть памятника исполнена главнымъ образомъ Пьеромъ Бонтаномъ, котораго въ отношеніи совершенства работы можно поставить рядомъ съ Гужономъ. Въ постройкѣ Тюльери только начальная работа принадлежатъ Филиберу де-л'Ормъ. Его дѣло продолжено было, но въ теченіе всего двухъ лѣтъ, Бюланомъ, и дворецъ остался незаконченнымъ. Женою Генриха II, Катериной Медичи, предпринята была также постройка особой надгробной капеллы Валуа по образцу той, которая посвящена была во Флоренціи Медичи. Въ ней памятникъ Генриха II принадлежитъ Жермену Пилону. Насколько онъ является послѣдователемъ классиковъ въ изображеніи аллегорическихъ фигуръ Вѣры, Надежды и т. д., настолько же онъ реалистъ въ изображеніи Генриха II и Катерины Медичи.

Въ области живописи такъ называемая школа Фонтенбло была, въ сущности, школой итальянцевъ, перекочевавшихъ во Францію и устроившихся въ ней между 1530 и 1570 г.г. Лемонье настаиваетъ на томъ, что индивидуальнаго художники, принадлежащіе къ этой школѣ, представляютъ весьма мало. И Россо, и Приматисъ—наиболѣе выдающіеся вожди и руководители этого направленія—сами были не болѣе, какъ учениками. У нихъ нельзя открыть ничего болѣе или менѣе крупнаго ни въ отношеніи къ возвышенности идей, ни въ отношеніи къ совершенству формы, ни въ пониманіи красокъ, ни въ наблюденіи надъ природой. Все у нихъ поверхностно и монотонно. Чувствуется спѣшность работы. Но если художественное воображеніе у нихъ нерѣдко банально, то оно всегда живо. Рисунокъ скорѣе простъ, чѣмъ правиленъ. Въ живописи чувствуется инстинктъ формы и положенія. Прельщаетъ элегантность, удивительная ловкость въ покрытіи красками большихъ полотенъ и въ изображеніи множества фигуръ, умѣнье использовать всѣ средства орнаментаціи. Какъ въ гравюрѣ самаго небольшого формата, такъ и въ громадныхъ картинахъ галлереи Улисса ихъ искусство носитъ по преимуществу декоративный характеръ. Отсюда его неимовѣрный успѣхъ въ средѣ аристократіи, любившей блескъ, думавшей мало и неглубоко. Стиль школы Фонтенбло господствуетъ во многихъ замкахъ, стѣны которыхъ покрылись изображеніями всякаго рода миѳологическихъ и греко-римскихъ изображеній, при чемъ мужчины и женщины одинаково представлены въ болѣе или менѣе обнаженномъ видѣ. Каждый дворянинъ пожелалъ имѣть собственную галлерею; стиль

развѣтвился, и мы встрѣчаемъ его и въ эмаляхъ, и въ золотыхъ дѣлъ мастерствѣ, и въ мебели. Ему мы обязаны этими типами обнаженныхъ фигуръ, всегда болѣе или менѣе условныхъ и напыщенныхъ. Въ послѣдніе годы царствованія Франциска I и во всей второй половинѣ столѣтія эта орнаментація, съ ея преувеличеніями, съ ея гротескомъ, становится весьма распространенной. Но во второй половинѣ столѣтія можно отмѣтить появленіе и нѣкоторыхъ, болѣе оргинальныхъ талантовъ. Такъ какъ бо̀льшая часть того, что поставило искусство во второй половинѣ XVI вѣка, погибло по нерадѣнію людей, то о весьма популярномъ одно время Жанѣ Кузэнѣ скульпторѣ, живописцѣ, рисовальщикѣ и граверѣ мы почти ничего не знаемъ опредѣленнаго. Онъ авторъ двухъ книгъ, одной—о перспективѣ, другой—о живописи, которыя продолжали перепечатываться въ теченіе трехъ ближайшихъ столѣтій. Можно ли приписать ему, какъ утверждали современники, статую адмирала Шабо въ капеллѣ целестинцевъ? На этотъ счетъ существуютъ сомнѣнія. При рѣшеніи вопроса въ утвердительномъ смыслѣ Кузэна слѣдовало бы причислить къ числу выдающихся французскихъ ваятелей. Кузэну несомнѣнно принадлежитъ картина Страшнаго Суда, долго считавшаяся шедевромъ. На самомъ дѣлѣ это полотно добросовѣстно выполнено, но лишено оригинальности въ композиціи, въ рисункѣ и въ колоритѣ. Оно отражаетъ на себѣ вліяніе итальянцевъ и, въ особенности, Микель-Анджело. Живописцы Жанъ Клюэ и Корнель славились въ свое время: первый—портретами королей изъ династіи Валуа, второй—портретомъ Катерины Медичи. Простота, опредѣленность, отсутствіе излишнихъ декорацій—таковы качества этихъ портретовъ. Они почти ничего не представляютъ общаго съ тѣми, какіе выполнены были итальянцами. Отъ Леонарда Лимузэна, величайшаго изъ мастеровъ въ работахъ по эмали дошло до насъ 130 портретовъ выдающихся современниковъ. Его стиль однохарактеренъ со стилемъ Клюэ и Корнеля.

Въ наукѣ французскаго Возрожденія господствуетъ интересъ къ древнимъ языкамъ и къ древней словесности, начиная съ Гомера и Пиндара, оканчивая Эсхиломъ и Платономъ. Съ эпохи возрожденія въ Франціи надо вести и начало классицизма.

Отмѣчая, что въ средневѣковомъ художественномъ творчествѣ существовала тѣсная связь между культурой и жизнью, Имбаръ-де-ла-Туръ говоритъ, что Возрожденіе разорвало эту связь. Творчество замѣняется подражаніемъ. Гдѣ искать образцовъ для подражанія, какъ не въ классической древности? Вкусъ

къ ней носитъ характеръ не только страсти, но и культа. Вожаки движенія не прочь возродить и привычки и самыя имена древности, ея формулы и образы, ея героевъ и боговъ. Но имъ удается схватить только внѣшнія стороны античнаго духа; они восхищаются только тѣмъ, что доступно ихъ пониманію—совершенствомъ формы. Отсюда культъ прекраснаго, отсюда представленіе, что вся культура—не болѣе, какъ его выраженіе. Аристотелю—учителю всѣхъ наукъ — предпочитается Платонъ — «пѣвецъ всѣхъ идей». Діалектика разсматривается какъ пріятная затрата времени. Всего лучше игривыя разсужденія на всякаго рода темы и изящной рѣчью. Эллинизмъ и латинизмъ—единственныя формы мысли. Всемірной религіи прекраснаго должны соотвѣтствовать и совершеннѣйшая словесность: эллинская или латинская рѣчь. Что въ томъ, если пишущіе ею не будутъ поняты толпою! У гуманистовъ-ревнителей классической древности нѣтъ родины внѣ литературнаго царства. Презирая толпу, они пишутъ только для избранныхъ.

При такомъ настроеніи особую цѣну въ глазахъ современниковъ пріобрѣтаетъ созданіе средствъ къ пріобрѣтенію эллинно-латинской культуры. Такими средствами являются созданіе каѳедры и библіотеки. Францискъ I-й удовлетворяетъ обоимъ желаніямъ. Съ 1530-го года созданы особыя должности королевскихъ лекторовъ, т. е. профессоровъ латинскаго, греческаго и еврейскаго языковъ. Сорбонна—этотъ средневѣковый университетъ — забросила занятіе ими; особенно еврейскій и греческій языкъ попали въ подозрѣніе, съ тѣхъ поръ, какъ родоначальники реформаціоннаго движенія стали, въ своей полемикѣ съ католиками, доказывать невѣрность Вульгаты, т. е. латинскаго перевода Св. писанія. Поэтому не къ Сорбоннѣ обращается Францискъ I при установленіи новыхъ каѳедръ. Осуществляя только частично мысль, внушенную ему Бюдэ,—мысль создать рядомъ съ вѣрною схоластикѣ Сорбонной свободную высшую школу для преподаванія прежде всего древнихъ языковъ, а затѣмъ и слагающихся къ этому времени наукъ, начиная съ высшей математики, — Францискъ I-й открытіемъ выше упомянутыхъ каѳедръ кладетъ основаніе знаменитому и въ наши дни Collège de France. Его исторія написана Абелемъ Лефранкомъ Мы отсылаемъ къ ней всѣхъ интересующихся судьбами свѣтской школы высшаго типа. Для насъ достаточно отмѣтить, что съ самаго начала французскій король желалъ передать создаваемый имъ храмъ свободной науки въ завѣдываніе гуманистовъ. Онъ, дѣйствительно, по совѣту и ука-

заніямъ Бюдэ, одного изъ первыхъ знатоковъ греческаго языка въ XVI в., намѣревался передать руководительство затѣваемой имъ школой никому другому, какъ Эразму Роттердамскому—главѣ гуманистовъ, автору знаменитыхъ «Писемъ темныхъ людей» и «Похвалы глупости», т. е. сатирику, безпощадно бичевавшему средневѣковую богословскую и схоластическую ограниченность, не разрывая въ то же время связи съ католической церковью. За несогласіемъ Эразма, который не пожелалъ сдѣлать непріятное своему государю, императору Карлу V, личному врагу Франциска I, пришлось поручить руководительство вновь созданной свободной школой другимъ лицамъ. Во второй половинѣ столѣтія во главѣ теперешняго Collège de France стоитъ знаменитый Петръ Рамусъ. Collège de France, извѣстный на первыхъ порахъ подъ названіемъ «Королевской коллегіи», съ самаго своего возникновенія, открылъ свободное преподаваніе древнихъ языковъ, математики и философіи—свободное, между прочимъ, въ смыслѣ даровoго. Этого начала онъ держится и по настоящій день. Всякія попытки отдѣльныхъ лекторовъ установить въ свою пользу тѣ или иные взносы всегда встрѣчали противодѣйствіе со стороны завѣдующихъ школой. Рознь между проф. Шарпантье и Петромъ Рамусомъ возникла именно на этой почвѣ. Рамусъ настоялъ на исключеніи профессора, а тотъ, мстя ему, сдѣлался подстрекателемъ къ его убійству въ Варѳоломеевскую ночь. Въ числѣ первыхъ учениковъ коллегіи были и Раблэ, и Кальвинъ, и столь отличный отъ обоихъ Игнатій Лойола, родоначальникъ ордена іезуитовъ. При ближайшихъ преемникахъ Франциска принята система замѣщать каѳедры по конкурсу и на основаніи предварительнаго испытанія лекторовъ. Къ конкурсу призываемы были на первыхъ порахъ не одни французы, но ученые всего міра. Доказательствомъ тому служатъ нѣкоторые акты, 10 лѣтъ тому назадъ пріобрѣтенные Collège de France съ публичныхъ торговъ. Комментируя эти акты, Абель Лефранкъ въ своемъ недавнемъ сочиненіи о «Великихъ писателяхъ эпохи Возрожденія» указываетъ, что еще въ 1565 г. Рамусъ открылъ передъ парижскимъ парламентомъ искъ о томъ, чтобы призванный къ замѣщенію математической каѳедры безъ экзаменовъ Dampestre Coselle былъ лишенъ этого званія, какъ неспособный выражаться ни на французскомъ, ни на латинскомъ языкѣ. Парламентъ нашелъ, что безъ публичнаго экзамена передъ всѣмъ совѣтомъ профессоровъ никто впредь не долженъ быть допускаемъ къ занятію каѳедры. Одновременно Рамусъ добился изданія королемъ Карломъ IX, внукомъ Франциска I-го, королевскихъ гра-

мотъ за большой печатью, которыми подтверждается то же правило. Содержаніе этихъ грамотъ бросаетъ свѣтъ на ранніе годы существованія Collège de France. «Король Францискъ—значится въ нихъ—такъ любилъ литературу и писателей, что пожелалъ въ предѣлахъ парижскаго университета имѣть на своемъ жалованьи профессоровъ по разнымъ языкамъ и наукамъ. Его намѣреніе такъ счастливо осуществилось, что самые лучшіе люди изъ всей Европы были призваны къ выполненію ученой профессіи. А отъ этого получились такіе счастливые плоды, что изъ школы вышли въ большомъ числѣ люди просвѣщенные, которые всему свѣту засвидѣтельствовали величіе нашего предка. Дѣло его было продолжено нашимъ родителемъ, и мы имѣемъ равное желаніе и равную рѣшимость съ обоими нашими предшественниками. Когда открылась вакансія по каѳедрѣ математики, мы не прочь были предоставить ее человѣку, котораго намъ рекомендовали какъ удовлетворяющаго требованіямъ знанія и таланта. Но нашъ нѣжно любимый учитель, Пьеръ-де-ла-Рамэ, деканъ нашихъ профессоровъ, убѣдившись, что тотъ, кѣмъ замѣщена эта каѳедра, былъ неизвѣстенъ, что эрудиція его была сомнительна, и что въ немногихъ прочитанныхъ имъ лекціяхъ онъ показалъ себя смѣшнымъ, представилъ ходатайство парламенту. Признавая вреднымъ для государства внезапно обнаружившуюся неспособность лектора, онъ просилъ о томъ, чтобы его подвергли испытанію; это и было принято палатою, а мы это признали дѣломъ добрымъ и разумнымъ. И вотъ почему, съ тою цѣлью, чтобы въ будущемъ званіе префессора было даваемо только наиболѣе ученымъ и способнымъ, мы, съ согласія нашего Совѣта, въ полномъ знаніи дѣла, и пользуясь нашею королевской властью и мощью, постановили слѣдующее: какъ только откроется вакансія, по той или иной наукѣ или по тому или другому языку, объ этомъ надо извѣстить всѣ знаменитые университеты и другія мѣста, чтобы всѣ и каждый, кто пожелаетъ подчиниться требованію диспута и чтенія по освободившейся каѳедрѣ, согласно тому, какъ это будетъ предложено деканомъ и другими профессорами, могъ быть допущенъ (къ конкурсу). Послѣ этого наиболѣе удовлетворяющіе требованіямъ и наиболѣе способные изъ тѣхъ, которые прочли лекціи и участвовали въ диспутѣ, получатъ отъ насъ соотвѣтствующій окладъ». Это постановленіе состоялось въ Мулэнѣ 8 марта 1566 года. Что установленный порядокъ не остался только на бумагѣ, доказательство тому мы находимъ въ документѣ, пріобрѣтенномъ Collège de France. Онъ за-

ключаетъ въ себѣ длинный рядъ аттестацій, выданныхъ вновь назначаемому на каѳедру профессору отъ другихъ профессоровъ (медицины, математики и философіи, греческой литературы, латинской литературы). Въ числѣ подписавшихъ эти аттестаціи мы находимъ и извѣстнаго Ронсара, автора «Франсіады» и главы той группы ученыхъ и поэтовъ, которая наложила свою печать на все литературное движеніе XVI в. во Франціи и извѣстна подъ именемъ «Плеяды». Къ Плеядѣ принадлежатъ и три другихъ профессора, подписи которыхъ мы встрѣчаемъ въ этомъ документѣ: деканъ Дора, медицины, Реми Бело и Жанъ-Антуанъ де Бэфъ.

Цитированный нами документъ, помимо того свѣта, который онъ бросаетъ на внутреннюю жизнь Collège de France, любопытенъ еще тѣмъ, что не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ тѣсной связи «Плеяды» и, въ частности, Ронсара съ возрожденіемъ латинской и эллинской мудрости, однимъ изъ очаговъ которой сдѣлался Collège de France. Авторъ «Франсіады» проникнутъ восторгомъ не къ одной Энеидѣ, но и къ великой эпопеѣ Гомера, онъ постоянно имѣетъ передъ собою творенія древнихъ классиковъ и что то же увлеченіе ими обнаруживаютъ и менѣе крупные писатели эпохи французскаго Возрожденія. Гильомъ де Лорисъ и Жанъ де Мэнгъ подражаютъ Овидію и прямо переводятъ его, а рядомъ съ нимъ и сочиненія Сенеки, Тита Ливія и Боэція. Маро переводитъ Виргилія, Марціала, Овидія и др. «Ронсаръ,—пишетъ Фагэ,—въ молодости изучаетъ Аристофана, Эсхила и Пиндара. Въ первомъ сборникѣ своихъ стиховъ онъ хочетъ быть французскимъ Пиндаромъ... Онъ состарился надъ изученіемъ древности, нелегко переводимыхъ текстовъ,—текстовъ, еще плохо установленныхъ и потому темныхъ. Онъ самъ говоритъ, что въ тридцать лѣтъ онъ посѣдѣлъ отъ нихъ». Изъ поэтовъ новаго времени одинъ Петрарка раздѣляетъ, въ глазахъ Ронсара и другого писателя того же времени Мориса Сэвъ, популярность, какой пользуются авторы древности. Ронсаръ и его ученики обожаютъ Петрарку, какъ великаго и весьма начитаннаго гуманиста, какъ писателя, дорожившаго строгой и изысканной формой, какъ теоретика и пѣвца любви, дѣвственной и возвышенной. Петрарка дополняетъ для нихъ древность. Древность знала любовь страстную, кипучую, но не знала любви въ смыслѣ нѣжнаго чувства, какъ забавы воображенія, связанной съ проявленіемъ сердечной нѣжности. Когда одинъ изъ авторовъ «Плеяды», Беллэ, издаетъ съ 1549 г. «Защиту французскаго языка» онъ, въ числѣ другихъ средствъ къ его обогащенію,

предлагаетъ и подражаніе древнимъ. У грековъ и римлянъ можно заимствовать новую рѣчь: къ такому заимствованію въ прошломъ обратились латиняне по отношенію къ грекамъ и итальянцы по отношенію къ латинянамъ. Древнимъ надо подражать во всемъ, столько же въ формѣ, сколько и въ содержаніи. Надо переписывать ихъ, чтобы пріучиться къ обороту ихъ рѣчи. Въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи Іоакимъ Беллэ не идетъ такъ далеко въ своемъ увлеченіи классиками. Во-первыхъ, онъ не хочетъ и слышать о подражаніи итальянцамъ, не исключая Петрарки. Онъ можетъ, благодаря продолжительному чтенію греческихъ и римскихъ писателей, проникнуться ихъ мыслями и чувствами въ такой степени, чтобы затѣмъ, безъ прямого подражанія кому-либо въ частности, тѣ же мысли и чувства свободно излагались его перомъ, но уже какъ нѣчто болѣе индивидуальное. Противъ прямыхъ подражателей онъ возстаетъ открыто. «Чего хотятъ эти маляры, выбѣляя старыя стѣны? Вѣдь они денно и нощно переписываютъ Виргилія и Цицерона». Онъ желаетъ возрожденія древности еще въ томъ смыслѣ, чтобы французы, излагая свои мысли на французскомъ языкѣ, отдавали предпочтеніе тѣмъ видамъ литературы, которые особенно культивировались въ древности: эпопеѣ, одѣ, посланію, сатирѣ во вкусѣ Горація, другими словами—видамъ возвышеннымъ. Съ этого времени начинаетъ опредѣляться во французской литературѣ то направленіе, теоретикомъ котораго явится во время Людовика XIV Буало, съ его «Art poétique»; Ронсаръ пишетъ «Франсіаду» александрійскимъ стихомъ и въ своемъ «Искусствѣ поэзіи» проводитъ мысль, что александрійскій стихъ отвѣчаетъ тому, какимъ древніе писали свои героическія поэмы. Александрійскій стихъ долженъ быть «широковѣщательный».

Увлеченіе греческой и латинской словесностью опредѣлило не только жанръ и форму литературныхъ произведеній, но и содержащее ихъ, по крайней мѣрѣ въ той степени, въ какой на это содержаніе могла вліять философія. Въ университетскихъ кругахъ продолжала господствовать средневѣковая схоластика. Аристотель считался высшимъ учителемъ. Когда въ 1534 г. задумана была реформа факультета искусствъ при Сорбоннѣ, Аристотелева философія въ программѣ этой реформы была признана нормальнымъ и почти единственнымъ предметомъ преподаванія. Но два года спустя, Петръ Рамусъ уже считалъ возможнымъ защищать диссертацію на тему: «Все сказанное Аристотелемъ неправда». Такая точка зрѣнія была еще настолько нова, что возбудила противъ себя рѣшительное гоненіе. Въ позднѣйшихъ

произведеніяхъ, вышедшихъ въ 1543 г.,—въ «Замѣткѣ объ Аристотелѣ» и въ «Построеніи діалектики» — Рамусъ доказывалъ, что нѣкоторыя сочиненія невѣрно приписываются Аристотелю. Самого Аристотеля онъ упрекалъ въ софистикѣ и въ недостаткѣ логики. Эта смѣлость нападокъ вызвала рѣзкую отповѣдь со стороны медика Іоахима де-Періонъ и юриста Антоніо де-Гувеа. Король 10 марта 1544 г. осудилъ оба сочиненія и запретилъ ихъ автору преподаваніе діалектики и всякихъ другихъ частей философіи. Рамусу запрещается «распространять злостныя свѣдѣнія (médisans) и дѣлать нападенія (invectives) на Аристотеля и другихъ древнихъ авторовъ, признанныхъ и одобряемыхъ, а равно и противъ нашей дочери—Университета». На смѣну Аристотелевой философіи шла философія Платона. Первымъ очагомъ и долгое время главнымъ источникомъ ея распространенія явился дворъ королевы Наваррской Маргариты, сестры Франциска I. Въ своемъ сочиненіи: «Великіе писатели Франціи эпохи возрожденія» Абель Лефранкъ отводитъ немало мѣста и распространенію доктринъ Платона во Франціи въ періодъ времени съ 1500-го по 1550-й годъ, и той роли, какую сыграли въ этомъ отношеніи сама Маргарита Наваррская и писатели и поэты, собиравшіеся при ея дворѣ. Карлъ де-Сенъ-Мартъ, напр., въ своемъ надгробномъ словѣ по случаю кончины королевы Маргариты, произнесенномъ въ Волансонѣ въ 1550 г., подобно Маргаритѣ выражаетъ надежду примирить съ Платоновой философіей ученіе Евангелія. Центральное значеніе придавалось ученію Платона о любви, отрѣшенной отъ удовлетворенія всякаго животнаго инстинкта. Такое пониманіе любви нашло выраженіе и въ сочиненіяхъ самой Маргариты, и въ той французской передачѣ «Комментарія» Марсилія Фичино на «Банкетъ любви» Платона, который появился въ Пуатье въ 1546 г.

Интересъ къ Платону зародился во Франціи въ послѣднія 10 или 15 лѣтъ XV столѣтія. Французскій гуманистъ Жерменъ де-Ганэ былъ первый, высказавшій открыто свои симпатіи къ доктринамъ Платона, уже пользовавшимся въ это время широкимъ признаніемъ въ Италіи. Ліонскій врачъ, Симфоріенъ Шампье, пишетъ въ 1500 г. о руководящихъ началахъ ученія Платона, а семь или восемь лѣтъ спустя издаетъ шесть книгъ о Платоновой философіи. Доктрины Платона онъ считаетъ заимствованными изъ Египта. Въ болѣе позднихъ сочиненіяхъ онъ останавливается на возможности установить союзъ между доктринами Платона и христіанствомъ. «Платонъ, въ противоположность другимъ философамъ и въ полномъ соотвѣтствіи съ

учителями нашей церкви, впервые заговорилъ о Провидѣніи. Онъ предусматривалъ догматъ Троицы, доктрину созданія міра, дѣйствительную природу души». Лефевръ д'Етапль сводитъ къ 700 положеніямъ или законамъ совѣты, преподанные Сократомъ Платону и изложенные послѣднимъ въ «Законахъ» и «Республикѣ». Нѣкоторыя сочиненія Платона, въ томъ числѣ «Законы», переводятся въ 1534 г. съ греческаго на болѣе доступный латинскій языкъ. Двумя годами ранѣе, въ предисловіи къ переводу «Федона», сдѣланному Марсиліемъ Фичино и появляющемуся новымъ изданіемъ въ Парижѣ, мы читаемъ уже знаменитую фразу, что «Платона всѣ признаютъ богомъ философовъ». Но рѣшительный поворотъ въ его пользу сказывается особенно въ 1541-мъ и слѣдующихъ годахъ, когда Бонавентура де Перрье, камердинеръ (valet de chambre) Маргариты Наваррской, закончилъ переводъ одного изъ произведеній Платона на французскій языкъ. Этому переводу предшествовали продолжительныя бесѣды при дворѣ королевы на разныя темы Платонова ученія, въ томъ числѣ на ученіе его о любви. Де Перрье перевелъ изъ сочиненій Платона трактатъ «Лизисъ», посвященный именно выясненію природы любви. Онъ намѣревался перевести и прочіе труды Платона. Другіе, близкіе къ королевѣ Маргаритѣ, писатели, какъ Геростьенъ и Долэ, въ свою очередь немало содѣйствовали распространенію доктринъ Платона. Долэ, а за нимъ Рамусъ, и еще позднѣе Луи Леуца заинтересовались всего болѣе метафизикой Платона. Геро и Сенъ-Мартъ заимствовали у Платона образъ мыслей и образъ поведенія. Въ этомъ широкомъ смыслѣ Платонъ повліялъ и на всю литературу, начиная съ того кружка писателей, главой котораго былъ Ронсаръ.

Въ нашу задачу не можетъ входить сообщеніе какихъ-либо данныхъ историко-литературнаго характера. Мы могли только указать главныя черты научно-литературнаго и художественнаго движенія, которое Франція пережила, начиная съ 30-хъ годовъ XVI столѣтія, и которому имя—Возрожденіе.

Максимъ Ковалевскій.

* * *

Въ тѣ дни, когда въ моемъ саду
Печально розы умирали,
Придти ко мнѣ вы обѣщали...

Съ тѣхъ поръ я васъ напрасно жду
И дни ушедшіе жалѣю...

Блеститъ ужъ иней, воздухъ чистъ,
Вчера послѣдній желтый листъ
Упалъ на тихую аллею...

Ужъ я не вѣрю, но въ саду
Печально васъ, какъ прежде, жду...

Валерій Язвицкій.

СИСТЕМА ВЫЖИМАНІЯ ПОТА И БОРЬБА СЪ НЕЮ [1]).

„Боже! Можетъ ли заработокъ быть
такъ дорогъ,
А тѣло и кровь
Такъ дешевы?“..
(Томасъ Гудъ. „Пѣснь о рубашкѣ“)

I.

Подъ именемъ «системы выжиманія пота» (по-англійски «Sweating-System» въ современной политико-экономической наукѣ понимаютъ такую систему веденія хозяйственныхъ предпріятій, которая основана на чрезмѣрной эксплоатаціи рабочей силы. «Исключительно низкая и недостаточная заработная плата, чрезмѣрная продолжительность рабочаго дня и нездоровыя помѣщенія для работы»—вотъ опредѣленіе «Sweating-System» [2]).

Разумѣется, Sweating-System можетъ имѣть мѣсто во всякомъ производствѣ, но наблюденія показали, что система связывается именно съ работой на дому. Результаты статистическихъ анкетъ и свѣдѣнія, добытыя иными путями, убѣдили, что

---

[1]) Вопросъ о системѣ выжиманія пота былъ выдвинутъ впервые спеціальной комиссіей палаты лордовъ, изучавшей вопросъ по порученію верхней палаты англійскаго парламента въ 1888—89 годахъ. Въ основаніе нашей статьи положены работы, наиболѣе полно и всесторонне освѣщающія данный вопросъ: книга аббата *Mény* („Le travail à domicile, ses misères, les remédes“. Paris, 1910, стр. 463) и болѣе новый, большой трудъ Бойяваля (Boyaval, „La Lutte contre le Sweating-System.“ Paris. 1912, стр. 718). Большую пользу принесли составителю также труды *Швидланда, Кронбахъ, Брода,* указанные въ текстѣ. Работы другихъ авторовъ—напр., д'Оссонвиля, Алликса, Вильбрандта („Arbeiterinnenschutz und Heimarbeit“ Jena, 1906), Маруссема „Les Grands Magasins tels qu'ils sont“ въ „Revue d'Economie politique, 1893, стр. 922—962), Деландра и др., имѣли лишь вспомогательное значеніе, хотя нѣкоторыя изъ этихъ работъ очень интересны.

[2]) Такое опредѣленіе „Sweating-System“ дала впервые указанная выше комиссія палаты лордовъ. Теперь это опредѣленіе общепризнанно.

«система выжиманія пота» свирѣпствуетъ прежде всего и больше всего среди работающихъ (большею частью, работницъ) на дому. Однако терминъ «работающіе на дому» — недостаточно опредѣленный, чтобы имъ можно было пользоваться безъ всякихъ поясненій. Работающій на дому можетъ работать «для семьи», для внутренняго потребленія. Мать обшиваетъ дѣтей и мужа; сестры вяжутъ отцу и братьямъ фуфайки и чулки и т. п. Такіе работники, работающіе для удовлетворенія нуждъ собственной семьи, должны быть исключены изъ понятія «работающихъ на дому», поскольку дѣло идетъ о Sweating-System. Точно такъ же должны быть исключены самостоятельные мелкіе предприниматели (сапожники, портные и пр.), которые находятся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ потребителями и берутъ работу прямо отъ потребителей, лично договариваясь съ ними. Если исключить двѣ указанныя категоріи — останутся работающіе на дому *для предпринимателя за опредѣленную плату*. Швея, напримѣръ, беретъ изъ магазина полотно и шьетъ у себя на дому изъ этого полотна рубашки, которыя магазинъ пускаетъ въ продажу. За каждую рубашку швея получаетъ опредѣленную плату, скажемъ, двадцать копеекъ. Передъ нами обычная наемная работница. Все отличіе ея отъ фабричной или заводской работницы состоитъ въ томъ, что послѣдняя работаетъ въ помѣщеніи хозяина, а эта—у себя дома. Вотъ, среди этихъ-то наемныхъ работницъ и работниковъ, работающихъ у себя дома, и свила гнѣздо Sweating-System.

Система «работы на дому» является съ точки зрѣнія предпринимателей болѣе выгодной, нежели система работы въ хозяйскихъ помѣщеніяхъ. Примѣняя ее, предприниматель производитъ сбереженія на цѣломъ рядѣ расходныхъ статей: прежде всего, ему не надо содержать мастерскую (нанимать помѣщеніе, отапливать и освѣщать его, и пр.); затѣмъ ему не надо организовать надзоръ за рабочими. Работающій на дому въ силу того самаго, что онъ работаетъ на дому, можетъ работать лишь поштучно, а не по часамъ; поэтому предпринимателю совершенно безразлично, съ какой энергіей работаетъ такой рабочій; работаетъ онъ плохо—сработаетъ меньше и получитъ меньше, а качество работы можно провѣрить въ моментъ принятія отъ рабочаго продуктовъ его труда; персоналъ надсмотрщиковъ дѣлается, такимъ образомъ, совершенно излишнимъ. Дальше, предприниматель получаетъ выгоду отъ того, что избѣгаетъ, при системѣ работы на дому, всякихъ повинностей и ограниченій, вытекающихъ изъ рабочаго законодательства. На-

конецъ, самый составъ работающихъ на дому для предпринимателя куда болѣе симпатиченъ, чѣмъ составъ рабочихъ, занятыхъ въ хозяйственныхъ помѣщеніяхъ: послѣднихъ организуетъ, пріучая къ товарищеской дисциплинѣ и воспитывая классовое самосознаніе, сама совмѣстная работа въ одномъ помѣщеніи; у работающихъ на дому нѣтъ никакихъ организующихъ факторовъ. Вслѣдствіе ихъ разрозненности, для нихъ почти невозможно организовать массовое сопротивленіе предпринимателю; предприниматель же съ своей стороны можетъ меньше церемониться съ ними въ случаѣ временнаго сокращенія въ производствѣ. Не надо, разсчитывая, уплачивать увольняемымъ лишнія деньги, нѣтъ никакихъ непріятностей изъ-за увольненій. Пришла какая-нибудь швея,—одинокая и забитая,—можно просто сказать ей, что нѣтъ работы, и она уйдетъ, не имѣя ни повода, ни возможности протестовать или жаловаться.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія предпринимателей, система работы на дому сулитъ большія сокращенія расходовъ [1]). Не удивительно, поэтому, что во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ можно примѣнить систему выжиганія пота, послѣдняя получаетъ широкое распространеніе. Въ производствахъ, основанныхъ на примѣненіи сложныхъ и дорого стоющихъ техническихъ приспособленій (напр. типографское, машиностроительное, сукнодѣлательное), напр., о примѣненіи ея не можетъ быть и рѣчи. Но возьмите производство бѣлья или производство готоваго платья, фабрикацію коробокъ, производство дамскихъ шляпъ, производство мелкой кузнечной работы, — всѣ эти отрасли промышленности легко уживаются съ системой работы на дому, и во всѣхъ нихъ эта система является господствующей. Упроченію ея способствуетъ еще то, что значительная часть рабочихъ по неволѣ сочувствуетъ ей. Замужняя женщина, которой дѣти и хозяйство не позволяютъ поступить на фабрику, но которая все-таки нуждается въ добавочномъ къ жалованью мужа заработкѣ, молоденькія дѣвушки и женщины изъ мелко-буржуазной среды, которымъ классовая гордость запрещаетъ итти на фабрику, но которая весьма не прочь заработать у себя дома себѣ «на булавки», комбинируя головные уборы, плетя кружева или клея разноцвѣтныя коробочки; малолѣтнія дѣти, которымъ фабричные законы запрещаютъ работать на фабрикахъ, но трудъ которыхъ родители не прочь утилизировать ради

---

[1]) Ср. *Schwiedland* „Ziele und Wege einer Heimarbeitsgesetzgebung“. Вѣна, 1899, стр. 36—40; Бойяваль, стр. 39—41.

увеличенія заработка семьи [1]), наконецъ, увѣчные и больные— вотъ достаточно многочисленныя категоріи лицъ, для которыхъ работа на дому является единственно возможной, и которыя, поэтому, принадлежатъ къ ея сторонникамъ.

Мы полагаемъ, что читатель уже изъ сказаннаго можетъ усмотрѣть причины господства «Sweating-System» въ предпріятіяхъ, примѣняющихъ работу на дому. Разобщенность рабочихъ даетъ себя знать. Кромѣ того, всѣ тѣ категоріи лицъ, для которыхъ «работа на дому» является «добавочнымъ» доходомъ, разумѣется, не станутъ настаивать на болѣе или менѣе справедливой оплатѣ ихъ труда. Имъ важно хоть что-нибудь заработать, лишь бы заработать. И легко понять, какъ вліяетъ наличность такихъ «дешевыхъ» рабочихъ рукъ (очень многочисленныхъ, какъ мы видѣли) на условія труда вообще всѣхъ работающихъ на дому. Поставленные между конкуррирующими предпринимателями, стремящимися къ возможно большему удешевленію производства, неорганизованные, разрозненные—эти рабочіе не могутъ бороться за себя, за лучшія условія работы и дѣлаются жертвой самой безсовѣстной эксплоатаціи [2]).

II.

Книги и статьи, трактующія вопросъ о работѣ на дому, полны поразительными данными касательно этой эксплоатаціи. Всѣ эти данныя говорятъ одно и то же: работающіе на дому въ массѣ своей обречены на нищету, изъ которой собственными силами имъ невозможно выбраться.

Прежде всего о заработной платѣ. Сводя воедино дан-

---

[1]) Данныя спеціальной оффиціальной французской анкеты (результаты которой публикуются, начиная съ 1907 г.) приводятъ къ выводу, что для 40% (немного болѣе) работающихъ на дому эта работа не является единственнымъ источникомъ жизни. Однако и 40% достаточно, чтобы понизить, на сколько возможно, заработную плату остальныхъ 60%. См. *Бойявалъ*, стр. 63.

[2]) Понижающимъ образомъ на заработную плату работающихъ на дому вліяетъ, между прочимъ, и „дешевая“ арестантская работа, а также работа лицъ, содержащихся въ исправительныхъ заведеніяхъ, и трудъ эмигрантовъ, не успѣвшихъ оріентироваться въ странѣ и готовыхъ работать на какихъ угодно условіяхъ. Въ періодъ, свободный отъ полевыхъ работъ, крестьянскія семьи тоже выступаютъ со своей конкурренціей. См. *Бойявалъ*, стр. 34—58; *Mény* ук. соч. стр. 11 слѣд., 119 и слѣд. *Allix*, „L'industrie à domicile salariée“ (Revue des sciences politiques, 1904, іюль, стр. 469 слѣд.). Срвн. также *вступительныя замѣчанія* къ интересной статьѣ *Ельзы Кронбахъ*: „Die neuere Gesetzgebung über die Heimarbeit, unter besonderer Berücksichtigung des österreichischen Regierungsentwurfes (помѣщено въ австрійской „Zeitschrift für Volkswirtschaft, Socialpolitik und Verwaltung“, 1912, II и III, стр. 157—180 и 370—402).

ныя многочисленныхъ анкетъ и оффиціальныхъ, и предпринимавшихся частными лицами и учрежденіями, *Mény* приходитъ къ выводу, что средняя часовая плата для работающихъ на дому равняется 4—5 коп. Такая плата является средней *міровой* платой: какую страну ни взять, вездѣ получаются приблизительно одинаковыя данныя. Бойяваль приходитъ къ еще болѣе пессимистическимъ выводамъ, считая среднюю часовую плату немного меньшей, чѣмъ 4 коп. (10 сантимовъ) [1]).

Не оспаривая и не защищая столь общихъ выводовъ почтенныхъ авторовъ, позволимъ себѣ просто привести рядъ болѣе конкретныхъ и менѣе оспоримыхъ цифръ, доказывающихъ, что Мени и Бойяваль не такъ ужъ далеки отъ истины. Уже указанная оффиціальная французская анкета, предпринятая съ цѣлью выяснить условія труда работающихъ на дому, показала (результаты ея опубликованы въ 1907 г.), что 60% парижскихъ работающихъ на дому бѣлошвеекъ получаютъ менѣе 6 коп. за часъ; заработокъ остальныхъ 40% не достигаетъ 10 коп. [2]). Данныя, касающіяся бѣлошвейнаго труда, являются типическими для другихъ занятій парижскихъ рабочихъ на дому. Такъ обстоитъ дѣло въ Парижѣ. Въ провинціи оно обстоитъ еще хуже. Въ Нанси бѣлошвейки зарабатываютъ въ среднемъ 3—4 коп. въ часъ [3]); во Фландріи плетельщицы кружевъ зарабатываютъ $2^1/_2$ коп. за часъ работы [4]). Пурше, спеціальный изслѣдователь вопроса о положеніи провинціальныхъ бѣлошвеекъ, работающихъ на дому, пишетъ: «въ департаментѣ Cher изъ 147 (опрошенныхъ) работницъ 59% не зарабатываютъ больше, чѣмъ 4 коп. въ часъ; 39%—отъ 4 до 8 коп. и только 1% свыше 8 коп.; въ департаментѣ Allier часовая заработная плата у 35% не превышаетъ 2 коп.; и нѣтъ вообще заработной платы выше, чѣмъ 5 коп. за часъ, только 19% работницъ зарабатываютъ въ часъ болѣе, чѣмъ 4 коп. Въ одномъ изъ городовъ того же департамента нѣтъ заработной платы выше, чѣмъ 4 коп. за часъ; въ 60% случаяхъ она или ниже, или равна 2 коп.» [5]).

---

[1]) *Mény*, стр. 43 слѣд. *Boyaval*, стр. 62. Ср. выводы d'Haussonville „Celles qui travaillent à domicile", Revue des deux mondes 1909 г., стр. 572—574.

[2]) О данныхъ этой анкеты см. *Бойяваль* стр. 59. *Broda*, „La Fixation légale des salaires". Парижъ, 1912, стр. 17—18; *Mény*, ук. соч. стр. 44 слѣд.; *d'Haussonville* ук. ст. стр. 572—573.

[3]) *Brocard*, Le travail à domicile dans la région de Nancy (Questions pratiques de Législation ouvrière et l'Economie sociale, дек. 1908). Въ нашихъ примѣрахъ мы переводимъ французскія монеты на русскія, считая франкъ въ 37—40 коп.

[4]) *Boyaval*, стр. 60.

[5]) *Paul Pourschet*, „Le travail à domicile dans l'industrie de la lingerie en province" (Mouvement social, сент. 1909, стр. 978—979).

Аналогичныя данныя имѣются и касательно другихъ странъ. Для Бельгіи средняя заработная плата работницы на дому равняется 3—3,6 коп. въ часъ, какъ это свидѣтельствуютъ данныя отчетовъ перваго интернаціональнаго конгресса по вопросамъ о работѣ на дому (засѣдавшаго съ 15 по 17 сентября 1910 г. въ Брюсселѣ). Для Италіи (по отчетамъ перваго конгресса соціальныхъ лигъ потребителей) среднія цифры равняются 3—4 коп. Въ Англіи [1]) (до 1909 года), согласно данныхъ оффиціальныхъ анкетъ, и въ Германіи и Австріи (согласно данныхъ выставки домашняго труда, бывшей въ 1906-мъ году въ Берлинѣ, а также по работамъ Тимма, Мюллера, Смита, Сетти и многихъ другихъ) среднія цифры очень близки къ французскимъ [2]). Наиболѣе низкую заработную плату, по единогласному свидѣтельству всѣхъ изслѣдователей вопроса, даютъ Испанія и Россія.

Чтобы имѣть надлежащее представленіе о заработной платѣ работающихъ на дому, надо добавить еще слѣдующее: ни въ одной фабричной или заводской профессіи не бываютъ такъ длинны періоды безработицы, какъ у работающихъ на дому. «Мертвый сезонъ» является по истинѣ страшнымъ кошмаромъ всякаго такого рабочаго. Одинъ примѣръ. Лица, излагавшія результаты оффиціальной французской анкеты, на которую мы уже не разъ ссылались, дѣлятъ всѣхъ работающихъ на дому съ данной точки зрѣнія на три категоріи: первая—это рабочіе (или работницы), никогда не бывающіе безъ работы; они имѣютъ заработокъ въ теченіе *280—300 дней* въ году; вторая категорія—«старые рабочіе и работницы, имѣющіе работу въ теченіе 220—300 дней; самой многочисленной является третья категорія—работающихъ лишь въ теченіе 160—180 дней, т.-е. не имѣющихъ работы одинъ день изъ двухъ. Какъ уменьшаетъ такая безработица «реальную» плату рабочаго—объяснять не приходится.

Изъ ничтожной заработной платы вытекаютъ всѣ остальныя послѣдствія «Sweating-System». Ничтожная заработная плата, прежде всего, заставляетъ рабочихъ трудиться возможно долгое время. Анкета среди парижскихъ работницъ (указанная выше) дала слѣдующіе результаты. Менѣе 10 часовъ работаютъ, можно сказать, лишь тѣ, для кого работа не является главнымъ источникомъ жизни. Какъ было указано выше, такихъ работницъ немного болѣе 40%, анкета же указала, что менѣе 10 часовъ работаетъ 43% работницъ. Цифры совпадаютъ, какъ

[1]) *Бойявалъ*, стр. 60—61.
[2]) *Broda*, стр. 19—23. *Бойявалъ*, стр. 61.

мы видимъ, поразительно. Такимъ образомъ, тѣ 60% работающихъ на дому, для которыхъ ихъ работа—единственный источникъ существованія, работаютъ десять часовъ и болѣе. Около четвертой ихъ части (13% всѣхъ опрошенныхъ) работаютъ, въ среднемъ, болѣе 12 часовъ, но оказались такія работницы, которыя работаютъ обычно 16—17 и даже 19 часовъ. Въ среднемъ, по мнѣнію лицъ, излагавшихъ результаты анкеты, если исключить съ одной стороны время мертваго сезона, съ другой стороны время особенной интенсивной работы, парижская работница на дому работаетъ 11—12 часовъ. Въ періодъ интенсивной работы работницамъ нерѣдко приходится работать по 20—22 часа въ теченіе цѣлыхъ недѣль [1]). Въ другихъ странахъ совершенно такая же картина. «Рабочій день въ 14, 15 и болѣе часовъ,—дѣлаетъ сводку данныхъ Бойяваль—въ Бельгіи вполнѣ обычное явленіе; для Голландіи среднимъ является 11-часовой рабочій день, для Испаніи и Германіи—12-часовой, для Нью-Іорка—15-часовой; цѣлыя семейства работаютъ отъ 12 до 15 часовъ въ Россіи... Этотъ перечень можно было бы продолжать еще долгое время» [2]).

Послѣ сказаннаго не надо долго объяснять, въ какой нездоровой обстановкѣ приходится трудиться работающимъ на дому. Большинство ихъ живетъ въ большихъ промышленныхъ городахъ, а тамъ трудно, при грошовомъ заработкѣ, имѣть жилище и вообще жизненную обстановку сколько-нибудь сносную. Всѣ анкеты, всѣ изслѣдователи вопроса сходятся на томъ, что громадное большинство работающихъ на дому трудится въ убійственной обстановкѣ и атмосферѣ. Эту сторону вопроса конечно труднѣе всего освѣтить цифрами, но вотъ очень убѣдительная иллюстрація изъ «парижской жизни». Гигіенисты требуютъ, чтобы на человѣка приходилось въ жилищѣ minimum 20 кубическихъ метровъ воздуха—а цѣлая треть комнатныхъ квартиръ (единственныхъ доступныхъ по цѣнѣ рабочимъ на дому) не имѣетъ емкости болѣе, чѣмъ 14 метровъ. Въ такихъ комнатахъ-квартирахъ обычно живетъ, спитъ, ѣстъ, работаетъ, готовитъ пищу и болѣетъ семья изъ 3—4—5 человѣкъ... [3]) Сырыя, душныя, часто прямо зловонныя, лишенныя свѣта и свѣжаго воздуха комнаты—вотъ жилища рабочихъ на дому [4]).

---

[1]) См. *d' Haussonville* ук. ст., стр. 569—571. *Боявалъ*, стр. 67—67. *Miny* стр. 79—85

[2]) *Боявалъ*, стр. 67.

[3]) Ibid стр. 70; срвн. Mény ст. 98 сл.

[4]) См. примѣры у *Broda*, стр. 21 сл.

Мы сказали выше, что въ своихъ помѣщеніяхъ работающіе на дому «готовятъ пищу». Впрочемъ, тѣмъ 60% работающимъ на дому, которые существуютъ исключительно на свой заработокъ, въ большинствѣ случаевъ не приходится готовить пищу. Пища покупается уже въ готовомъ видѣ и только разогрѣвается передъ употребленіемъ на спиртовой лампочкѣ. И какая пища! Составители французской оффиціальной анкеты набросали, на основаніи полученныхъ ими свѣдѣній, примѣрную картину того, чѣмъ питается одинокая французская работница на дому, когда она имѣетъ работу. «Она покупаетъ свою ѣду уже приготовленной и разогрѣваетъ ее надъ спиртовой лампочкой: на 6 коп. бульона, на 6 коп. овощей, на 8 коп. говядины, на 6 коп. хлѣба, на 16 коп. литръ вина (это количество берется на два дня) [1]), для утра немного масла и чая» [2]). Вотъ пища цѣлаго дня, дающая энергію для интенсивной работы въ теченіе полусутокъ. Пища съѣдается быстро, чтобы не терять времени для работы; когда прожевывается послѣдній кусокъ, руки уже дѣлаютъ привычное дѣло... Порціи, отпускаемыя особыми продавцами, недостаточны для утоленія голода. Качество пищи — ужасно. Желудокъ и кишечникъ быстро портятся отъ «говядины» и «бульона»... Но самой готовить нельзя,—нѣтъ времени, и притомъ приготовленіе отняло бы нѣсколько су (на топливо и пр.) Такъ питается въ среднемъ *одинокая* работница, *когда она имѣетъ работу*. Ради этой пищи она работаетъ всю жизнь. А когда она не имѣетъ работы? Тогда она просто голодаетъ, какъ показываютъ данныя той же анкеты [3]). Если работницѣ надо кого-нибудь содержать, пища ея соотвѣтственно ухудшается.

Теперь, послѣ того, какъ читатель ознакомился съ общей картиной условій труда и жизни работающихъ на дому, ему не покажутся преувеличеніями отдѣльные штрихи изъ этой жизни, съ которыми мы познакомимъ его сейчасъ.

Вотъ показанія отдѣльныхъ работницъ, собранныя парижской оффиціальной анкетой.

«Госпожа Ф. работаетъ 17 часовъ въ день за 70 коп., т. е. (приблизительно) за 4 коп. въ часъ. Она встаетъ въ че-

---

1) Чтобы понять, почему французская работница тратитъ ежедневно 8 коп. на вино, надо знать обычай французскаго народа, замѣняющаго виномъ и вечерній чай и воду за обѣдомъ и прочее.

2) *Mény* стр. 94.

3) *Mény* стр. 93—94. Какъ ни скверна пища французской работницы, думается, русскій кустарь позавидовалъ бы ей.

тыре часа утра, ложится въ одиннадцать часовъ вечера, потому что, кромѣ ея работы, ей нужно вести хозяйство, она работаетъ всѣ воскресные дни.

— Сколько часовъ вы работаете?—спросили одну работницу.—Пока меня не оставляютъ силы—отвѣчала она. Другая разсказывала, что она начинаетъ шить въ три часа утра, оставаясь въ кровати, чтобы не зябнуть [1]).

Дѣвушка-мать работаетъ 15 часовъ въ день, чтобы имѣть возможность жить и питать своего ребенка. Вдова зарабатываетъ 50 коп. и не ѣстъ *ничего*, кромѣ супа съ хлѣбомъ. Другая вдова, имѣющая одиннадцатилѣтняго ребенка, работаетъ 17 часовъ за 70 коп.; пища для нея и ребенка стоитъ ей 40 коп. въ день [2]). Одна работница и дочь были вынуждены въ теченіе цѣлаго полугода питаться лишь чечевицей, размоченной въ водѣ» [3]).

III.

Итакъ, нищета «работающихъ на дому» очень значительна. Знакомство съ нею, какъ намъ кажется, можетъ взволновать даже равнодушнаго къ соціальнымъ проблемамъ человѣка. Но какъ велико число рабочихъ, захваченныхъ этой нуждой? Дать точный отвѣтъ на этотъ вопросъ въ настоящее время невозможно: на этомъ сходятся всѣ изслѣдователи вопроса. Съ утвержденія невозможности дать точный отвѣтъ начинаетъ свою книгу аббатъ *Mény*; то же самое подтверждаетъ и Бойяваль [4]). Швидландъ, не обсуждая подробно вопроса, можно ли имѣть точную статистику работающихъ на дому, указываетъ просто, что *пока* подобной статистики, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ австралійскихъ мѣстностей, нигдѣ нѣтъ [5]). Въ книгѣ *Mény* очень отчетливо и подробно изложены всѣ трудности, которыя связаны съ регистраціей работающихъ на дому и въ силу которыхъ эта регистрація, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, не можетъ быть точной [6]). Однако, несмотря на это, статистическія изслѣдованія

---

[1]) Цитирую по *Бойявалю*, стр. 67.

[2]) Взято у *Broda*, стр. 18.

[3]) Стр. 70. Интересную коллекцію иллюстрацій положенія нѣмецкихъ жертвъ „Sweating system“ предлагаетъ выпускъ 63/64 извѣстной коллекціи „Sozialier Fortschritt“, подъ заглавіемъ „Bilder aus der deutschen Heimarbeit“.

[4]) Стр. 27—28.

[5]) Ук. трудъ, стр. 47.

[6]) Стр. 5—16. Мы не можемъ, слѣдовать за *Mény*, въ изложеніи этихъ трудностей. Укажемъ кратко, что здѣсь играютъ роль: а) возможность легкаго смѣшенія „рабочаго на дому“ съ самостоятельнымъ

о числѣ работающихъ на дому болѣе, чѣмъ достаточны, чтобы опровергнуть мнѣніе, распространенное въ широкой публикѣ, будто количество работающихъ на дому сравнительно весьма невелико и лишь немногіе неудачники (или неудачницы) являются жертвами «Sweating-System». Цифры, собранныя путемъ цѣлаго ряда анкетъ, какъ оффиціальнаго характера, такъ и предпринятыхъ по частной иниціативѣ, опровергаютъ это мнѣніе. Обходя всѣ трудности, какія возникаютъ передъ изслѣдователемъ цифровыхъ данныхъ анкетъ, мы позволимъ себѣ прямо перейти къ выводамъ изъ этихъ данныхъ. Въ трудѣ Бойяваля [1]) сдѣлана сводка выводовъ всѣхъ болѣе раннихъ изслѣдователей вопроса въ различныхъ странахъ—и вотъ что говоритъ эта послѣдняя по времени (изъ знакомыхъ намъ) сводка.

Во Франціи, гдѣ работа на дому имѣетъ наибольшее распространеніе, Бойяваль насчитываетъ свыше полутора милліона такихъ рабочихъ [2]), т.-е. 4% всего населенія Франціи. Въ Англіи ихъ 700 тысячъ [3]). Въ Бельгіи, согласно вычисленіямъ Вандервельде и Гюисманса, имѣется 132 тысячи работающихъ на дому, при 825 тысячахъ всѣхъ вообще рабочихъ, даетъ «хорошій» процентъ (—17%) въ отношеніи ко всему работающему классу Бельгіи; здѣсь особенно много работницъ-кружевницъ. Въ Германіи, по послѣднимъ даннымъ оффиціальнаго характера, приблизительно—450 тысячъ работающихъ на дому. Относительно Швейцаріи показанія расходятся; оффиціальная статистика показываетъ, что такихъ рабочихъ тамъ 92 слишкомъ тысячи, частные же изслѣдователи вопроса (Braun, Schuler и пр.) насчитываютъ свыше 120 тысячъ работающихъ на дому (т. е. 17—19% всего рабочаго класса Швейцаріи). Относительно Италіи не имѣется точныхъ статистическихъ данныхъ, но Зомбартъ считаетъ, что работающихъ на дому тамъ не менѣе 250 тысячъ. Точно такъ же нѣтъ точныхъ статистическихъ данныхъ относительно С.-Америк. Соед. штатовъ и Канады. Однако,

---

мелкимъ ремесленникомъ; б) то обстоятельство, что многіе рабочіе для которыхъ ихъ работа—добавочный, не главный источникъ существованія, не считаютъ себя рабочими и даже скрываютъ свою работу; в) огромное вліяніе оказываетъ также то, что отдѣльные рабочіе имѣютъ дѣло, большею частью, не съ самими предпринимателями, а съ посредниками. Въ силу этого предприниматели часто, при всемъ желаніи назвать число работающихъ на нихъ, не могутъ сдѣлать этого; г) измѣнчивость состава „работающихъ на дому“ также играетъ большую роль въ данномъ случаѣ.

[1]) *Бойяваль*, стр. 27—34. Всѣ цифры взяты оттуда, если не показанъ иной источникъ.

[2]) *Бойяваль*, стр. 39, *Mény*, стр. 36, послѣ цѣлаго ряда весьма обстоятельныхъ и интересныхъ выкладокъ, приходитъ къ нѣсколько меньшей цифрѣ; 1,450 тысячъ жертвъ „Sweating-System“ для Франціи.

[3]) *Бойяваль*, стр. 380.

отдѣльныя свѣдѣнія показываютъ, что число работающихъ на дому въ этихъ странахъ весьма велико. Особенно приходится сказать это о С.-Американскихъ Соедин. штатахъ. Такъ напримѣръ, въ одномъ Нью-Іоркѣ насчитывается до 40 тысячъ работающихъ на дому исключительно надъ производствомъ готоваго платья.

Но особенно велики цифры жертвъ «Sweating-System» въ Австріи и Россіи. Въ Австріи, согласно существующимъ свѣдѣніямъ, имѣется около 700 тысячъ работающихъ на дому, что составляетъ свыше *30*% всѣхъ промышленныхъ рабочихъ Австріи. Россію изслѣдователи вопроса считаютъ «классической» страной работы на дому. Здѣсь, согласно вычисленіямъ *Рейнке*, приведеннымъ въ его докладѣ первому интернаціональному конгрессу по вопросу о работѣ на дому [1]), не менѣе 12 милліоновъ такихъ работниковъ, при чемъ, вопреки общераспространенному мнѣнію, весьма немногіе изъ нихъ являются самостоятельными мелкими ремесленниками, огромное же большинство— работающіе на дому въ томъ смыслѣ слова, въ какомъ употребляемъ его мы, т. е. работающіе за опредѣленную плату, платимую имъ предпринимателями или посредниками (напр. скупщиками). Относительно большинства другихъ странъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній, но по имѣющимся даннымъ надо признать, что въ этихъ странахъ работа на дому имѣетъ не меньшее примѣненіе.

Такимъ образомъ, нищета работающихъ на дому является весьма распространеннымъ явленіемъ. Вполнѣ естественно, поэтому, что вопросъ о работѣ на дому сдѣлался одной изъ «боевыхъ» соціальныхъ проблеммъ современности. О немъ говорили и писалиу же въ XIX вѣкѣ, но лишь въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія отнеслись къ нему съ тѣмъ вниманіемъ, какого онъ заслуживаетъ. Мы не будемъ здѣсь излагать подробно тѣ пути и средства, какими противники «Sweating-System» стремились и стремятся направить вниманіе и энергію общества на эту борьбу. Длинный рядъ различнаго рода изданій, знакомящихъ публику, парламенты и рабочихъ со „Sweating System», газетныя кампаніи, митинги и процессіи, организуемыя съ той же цѣлью, организація особыхъ обществъ, имѣющихъ цѣлью бороться съ чрезмѣрной эксплоатаціей рабочихъ, обращеніе къ профессіональнымъ рабочимъ организаціямъ и соотвѣтствующая иниціатива этихъ послѣднихъ, спеціальные конгрессы, попытки организовать рабочихъ на дому и т. д.—все это пускается въ ходъ. За послѣднее время использованы, можно

---

[1]) *Reincke*, „Rapport sur l'industrie à domicile en Russie", стр. 5.

сказать, всѣ возможные пути. Между прочимъ, большую помощь противникамъ «Sweating-System» оказали «выставки домашняго труда», наглядно знакомящія широкіе слои общества съ ужасами системы «выжиманія пота». Первая выставка такого рода была организована въ Берлинѣ въ мартѣ 1904-го года и повторена въ полномъ объемѣ въ Лондонѣ въ маѣ того же года. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ выставокъ, изъ которыхъ особенно извѣстны Берлинская выставка 1906-го года (январь—февраль), Лондонская, организованная либеральной газетой «Daily-News» въ томъ же году (май), и Брюссельская выставка 1910-го года, составлявшая особый отдѣлъ всемірной выставки. На выставкѣ каждый предметъ, приготовленный работницей (или рабочимъ) на дому, снабжается особымъ curriculum vitae, гдѣ излагается исторія его изготовленія: сколько часовъ въ день трудилась работница, изготовляя его, и сколько она получила за свой трудъ. Монотонный, но трагичный языкъ цифръ производитъ ужасное впечатлѣніе на свѣжаго человѣка. Еще большее, пожалуй, впечатлѣніе производитъ наглядное знакомство съ той обстановкой, въ какой живутъ и работаютъ жертвы системы. На Брюссельской выставкѣ 1910-го года былъ устроенъ цѣлый рядъ квартиръ «работающихъ на дому», скопированный съ настоящихъ квартиръ брюссельской рабочей нищеты. Передъ глазами посѣтителей выставки, заглянувшихъ въ павильоны, посвященные «Sweating-System» — работницы и ихъ семьи жили и работали въ своей обычной обстановкѣ. Многіе изъ посѣтившихъ павильонъ покидали его въ слезахъ. Между прочимъ такъ оставила его бельгійская королева Елизавета, подавленная впечатлѣніями «музея экономическихъ ужасовъ». Ушла въ слезахъ съ Берлинской выставки 1906-го года и германская императрица...

Въ результатѣ вышеуказанной агитаціи противъ «Sweating-System» во многихъ странахъ принимается рядъ мѣръ для уничтоженія ужасовъ потогонной системы. Но надо оговориться. Не одна только жалость къ несчастнымъ жертвамъ «светеровъ» играетъ роль въ данномъ случаѣ. Жалость тутъ, конечно, имѣетъ свое значеніе. Условія жизни работающихъ на дому такъ ужасны, что и предприниматели «льютъ слезы» надъ участью своихъ рабочихъ. Книги и брошюры изслѣдователей вопроса заключаютъ въ себѣ достаточное количество предпринимательскихъ показаній, свидѣтельствующихъ о невозможномъ, по мнѣнію предпринимателей, положеніи работающихъ (особенно работницъ) на дому. Но въ отвѣтъ на предложеніе улучшить положеніе—предприниматели разводятъ руками. «Не можемъ...

Конкурренція... Если я повышу плату за трудъ, то я долженъ буду продавать дороже свои продукты; другіе будутъ продавать дешевле, и я разорюсь...» Впрочемъ, предприниматели принимаютъ мѣры съ цѣлью охранить себя отъ бѣдствующихъ работницъ. Широко распространенъ обычай (особенно въ Парижѣ) не брать одинокихъ, честныхъ работницъ. Такимъ работницамъ предприниматели предлагаютъ или найти себѣ «друга», который бы помогалъ имъ матеріально, или убираться прочь: заработокъ, который получитъ одинокая работница, недостаточенъ для того, чтобы существовать. Зачѣмъ же предпринимателю брать работницу, которая будетъ голодать? Лучше взять такую, которая не будетъ голодать, добывая часть своего заработка инымъ, болѣе легкимъ путемъ. И совершенно правъ Жоржъ Поль, говоря что «работа на дому» —передняя къ проституціи» [1]).

Итакъ, даже предприниматели-эксплоататоры, и тѣ *по-своему* жалѣютъ жертвъ эксплоатаціи, и не разъ лучшіе изъ нихъ выражали полную готовность увеличить заработную плату работницъ... въ томъ случаѣ, если конкурренты будутъ также согласны увеличить ее. Чувства жалости и справедливости, повторяемъ, играютъ роль въ стремленіи общества покончить съ ужасами «Sweating-System». Но, какъ мы сказали, здѣсь дѣйствуетъ не одна только жалость; пожалуй, еще большее значеніе имѣетъ чувство самосохраненія, такъ какъ «Sweating-System» наноситъ вредъ не только работающимъ на дому, но и всему обществу въ цѣломъ. Является общепризнаннымъ, что, въ силу условій своей жизни, работающіе на дому болѣютъ всякаго рода заразными болѣзнями въ огромной пропорціи по сравненію съ остальнымъ рабочимъ классомъ, не говоря уже о зажиточныхъ классахъ населенія. Въ этомъ отношеніи очень интересны выводы доктора Бертильона, который изслѣдовалъ заболѣваемость и смертность отъ инфекціонныхъ болѣзней въ разныхъ парижскихъ округахъ. Онъ бралъ, между прочимъ, съ одной стороны зажиточный 8-ой парижскій округъ и сравнивалъ его съ округомъ 13-мъ, гдѣ значительнѣйшую часть населенія

---

[1]) *Georges Paul*, „Le travail à bon marché“ („Les cahiers de l'Université populaire“, сентябрь 1907; цитирую по книгѣ *Mény*, стр. 96). Изъ книги въ книгу переходитъ стеоретипный вопросъ, задаваемый всегда завѣдующимъ однимъ изъ самыхъ большихъ магазиновъ Парижа каждой дѣвушкѣ, приходящей за работой:—„Имѣете вы покровителя? «Если дѣвушка, краснѣя и конфузясь, отвѣчаетъ: нѣтъ — онъ поворачиваетъ ей спину, говоря: „Въ такомъ случаѣ, mademoiselle, васъ невозможно взять. Вашъ заработокъ будетъ слишкомъ малъ, чтобы вамъ можно было жить на него, а мы не хотимъ имѣть печальныхъ, умирающихъ съ голоду работницъ. Найдите покровителя и приходите снова. См. напр. *Байяваль*, стр. 81.

составляютъ работающіе на дому, и получилъ въ итогѣ за цѣлый рядъ лѣтъ слѣдующую картину смертности (разумѣется, въ основаніе вычисленій было взято одинакое количество жителей, какъ 8-го, такъ и изъ 13-го округа).

	Смертность.	(Цифры minimum'а и maximum'а за цѣлый рядъ лѣтъ). *8 округъ.*	*13 округъ.*
Болѣзни дыхательныхъ путей.	Отъ воспаленія легкихъ.	108—169	424—484
	» легочной чахотки .	160—276	509—624
	» остраго бронхита .	20— 45	85—120
	» хроническаго . . .	48— 73	124—148
Дѣтская заболѣваемость.	» кори	11— 33	100—121
	» коклюша.	4— 10	26— 30
	» менингита	39— 80	141—170
	» поноса	47—180	401—510[1])

Надо признать, что общество въ цѣломъ, борясь противъ ужасовъ «Sweating - System» борется ради самосохраненія: «система выжиманія пота» ухудшаетъ человѣчество. Худосочныя дѣти, надорванныя непосильной работой буквально отъ колыбели, голодные и больные отцы и матери! Какъ можетъ прогрессировать или даже поддерживать свою силу человѣчество, если въ его нѣдрахъ будутъ существовать и процвѣтать такіе огромные очаги разложенія, деморализаціи и смерти?

IV.

Какъ же бороться съ соціальными ужасами, вытекающими изъ системы работы на дому? Въ литературѣ вопроса, сдѣлавшейся за послѣднія десять - пятнадцать лѣтъ по истинѣ необозримой, можно найти огромное количество методовъ борьбы. Каждый методъ имѣетъ своихъ защитниковъ, употребляющихъ всѣ усилія, чтобы доказать его преимущества.

Прежде всего надо отмѣтить частную благотворительность и стремленія частныхъ лицъ и обществъ дать работницамъ «светера»

1) *Bertillon*, „Atlas de statistique graphique et annuaire". Цитирую по *Бойлевалю*, стр. 71—72.

дешевыя жилища, дешевую ѣду, спасти ихъ отъ безработицы пріисканіемъ работы, помочь имъ во время болѣзни, помочь имъ въ случаѣ желанія найти мѣсто на фабрикѣ или въ мастерской и т. д. и т. д. На Западѣ частная благотворительность въ послѣднее время избрала работающихъ на дому однимъ изъ главныхъ объектовъ своей дѣятельности. Въ отдѣльныхъ случаяхъ она несомнѣнно оказываетъ пользу, но... можно ли ложкой вычерпать рѣку? Какъ показываетъ жизненный опытъ, дѣйствительную, не каррикатурную помощь и облегченіе участи отъ частной благотворительности могутъ получить сотни, тысячи человѣкъ. При этомъ получаютъ не самые нуждающіеся, а тѣ, кто умѣетъ заявить о своей нуждѣ. Вообще—повторяемъ—ложкой рѣки не вычерпать [1]).

Большія надежды возлагались одно время на примѣненіе машинъ (вязальной, швейной и пр.) и двигательной силы во время работы на дому. Однако опытъ показалъ, что хотя всѣ эти техническія приспособленія повышаютъ во много разъ производительность труда, но на положеніи рабочихъ они не отзываются благопріятнымъ образомъ. Результатомъ является пониженіе заработной платы на столько же, на сколько повышается продуктивность труда. Возьмемъ конкретный примѣръ. Предположимъ, что до введенія швейныхъ машинъ предприниматель считалъ, что работница можетъ заработать 40 коп. въ день, если онъ ей будетъ платить 15 коп. за каждую сшитую рубашку. Онъ и платилъ ей 15 коп. Послѣ введенія швейной машины онъ убѣдился, что работница заработаетъ тѣ же 40 к., если онъ заплатитъ ей по пятачку, и онъ сталъ платить по пятачку за рубашку. Несогласныя работать за эту плату увольняются; на ихъ мѣсто можно найти сколько угодно кандидатокъ. Можно сказать, что введеніе техническихъ приспособленій даже ухудшаетъ положеніе работающихъ на дому, вызывая ихъ задолженность. Чтобы работать, напримѣръ, на швейной машинѣ, надо ее купить. Къ услугамъ—продажа въ кредитъ, въ разсрочку со стороны разныхъ предпріимчивыхъ фирмъ, берущихъ съ бѣдныхъ работницъ втридорога за свой «кредитъ» и свою «разсрочку». Въ итогѣ работница работаетъ не только на предпринимателя, но и на компанію швейныхъ, вязальныхъ и прочихъ машинъ. Съ одного вола дерутъ двѣ шкуры [2]).

---

[1]) Срвн. *Бойявалъ*, стр. 112—119, 126—129. *Mény*, стр. 149—165. Тамъ же литература и факты.

[2]) См. *Бойявалъ* стр. 119—126. *Mény* стр. 127—147. Тамъ же факты и литература. На интересныя аналогичныя размышленія наводитъ популяр-

Недостаточнымъ средствомъ надо признать и пропагандируемую многими борьбу противъ «Sweating-System» путемъ обращенія къ «сердцу и разуму», съ одной стороны, предпринимателей, съ другой стороны—покупателей. Объ обращеніи къ «сердцу и разуму» первыхъ не стоитъ и говорить. Нѣкоторыя добрыя предпринимательскія души проектировали путемъ всеобщаго соглашенія предпринимателей установить обязательныя минимальныя условія оплаты труда, которыя дали бы возможность работающимъ на дому существовать сколько-нибудь по-человѣчески. Но «недобрыхъ душъ» среди предпринимателей оказывалось болѣе чѣмъ достаточно, чтобы превратить такія филантропическія затѣи въ донкихотскую авантюру [1]).

Болѣе значенія и интереса представляетъ обращеніе къ покупателямъ. Въ конечномъ итогѣ покупатель - потребитель является регуляторомъ производства. Если бы потребитель отказался покупать продукты «Sweating-System», — этой системѣ былъ бы положенъ конецъ. И, вотъ, организуются цѣлыя общества—«лиги потребителей»,—имѣющія цѣлью, съ одной стороны, пропагандировать идею борьбы противъ «Sweating-System» (знакомить общество съ ея ужасами, и пр., и пр.), съ другой стороны—преслѣдовать чисто практическую цѣль: во первыхъ, мѣшать распространенію продуктовъ «Sweating-System», во-вторыхъ, благопріятствовать распространенію продуктовъ тѣхъ предпріятій, хозяева которыхъ согласились оплачивать рабочій трудъ приличнымъ образомъ. «Общества потребителей» [2]) существуютъ, можно сказать, во всѣхъ странахъ Западной Европы и Америки. У нихъ имѣются спеціальные журналы: они широко использовываютъ для пропаганды своихъ цѣлей всѣ возможныя средства (митинги, плакаты, брошюры и т. п.); они имѣютъ, какъ напримѣръ во Франціи, «своихъ» депутатовъ, которые пропагандируютъ идею «обществъ», при каждомъ удобномъ случаѣ, съ парламентской трибуны. Ихъ главное *практическое* средство—*ярлыкъ*. Общества входятъ въ соглашенія съ хозяевами, согласными платить достаточную плату работающимъ на дому,

---

ная сейчасъ теорія *Тейлора*, рекомендующая наиболѣе „раціональное“ употребленіе рабочей силы. Увеличивая продуктивность труда, при современномъ положеніи дѣлъ эта система скорѣй даже вредитъ рабочимъ. Правильную, намъ кажется, оцѣнку системы *Тейлора* далъ *С. Прокоповичъ* въ своей статьѣ о ней („Русск. Вѣд.“ въ апрѣлѣ 1913 года). При болѣе раціональномъ общественномъ строѣ всѣ техническія пріобрѣтенія, конечно, будутъ увеличивать сумму благъ человѣчества, въ томъ числѣ и лицъ, добывающихъ блага.

[1]) О нѣкоторыхъ такихъ попыткахъ см. напр. у *Mény* стр. 322.

[2]) Ихъ надо отличать отъ „потребительныхъ обществъ“, какъ опредѣленнаго вида кооперативовъ.

а за это пропагандируютъ продукты производства этихъ хозяевъ въ своихъ изданіяхъ и снабжаютъ особымъ рекомендательнымъ ярлыкомъ каждый экземпляръ предметовъ производства, выставленный для продажи этими «добрыми» хозяевами. По этимъ ярлыкамъ потребитель можетъ распознать продукты «Sweating-System» отъ продуктовъ, при изготовленіи которыхъ не было чрезмѣрной эксплоатаціи рабочей силы. Онъ можетъ отказаться отъ первыхъ и покупать вторые. Этимъ естественно будетъ вызвано сильное давленіе на производителя, если, конечно, достаточное количество покупателей пожелаетъ принести свою «лепту» борьбѣ противъ «Sweating-System». Надо добавить, что «союзы потребителей» находятся часто въ тѣсныхъ взаимоотношеніяхъ съ кооперативными потребительскими союзами [1]).

Отрицать совершенно роль союзовъ потребителей нельзя; ихъ пропаганда безусловно имѣетъ вліяніе на улучшеніе участи работающихъ на дому. И однако, не отъ союзовъ потребителей и не отъ ихъ пропаганды надо ожидать рѣшенія вопроса. Почему? Отвѣтъ будетъ очень простъ, если подумать съ одной стороны о психологіи потребительскихъ массъ, взятыхъ въ цѣломъ, а съ другой—о принципахъ организаціи торговли въ настоящее время. Покупательскія массы въ ихъ цѣломъ всегда будутъ стремиться купить необходимые предметы возможно дешевле, и мораль, проповѣдуемая борцами противъ ужасовъ «светера», разбивается передъ этими матеріалистическими стремленіями массъ. Только немногіе, самые культурные покупатели рѣшатся пожертвовать своей копейкой въ силу идеологическихъ побужденій. Съ своей стороны, искусно играя на психологіи покупателей, продавцы выбиваются изъ силъ, чтобы имѣть возможность продать свой товаръ на копейку, на полкопейки, на четверть копейки дешевле, нежели конкурренты. Каждый лишній грошъ, какой будетъ урванъ у каждаго изъ тысячи рабочихъ, идетъ на борьбу съ конкуррентами.

Вообще, резюмируя сказанное, надо признать, что помощь *третьихъ лицъ* не можетъ быть существенна для жертвъ «Sweating-System». Остается, такимъ образомъ, путь самопомощи или путь принудительнаго вмѣшательства государства въ защиту работающихъ на дому.

Поскольку дѣло идетъ о самопомощи, то здѣсь, по крайней мѣрѣ для настоящаго времени, возникаютъ сильныя сомнѣнія

---

[1]) Объ этихъ обществахъ потребителей и вообще о роли потребителей см. *Detlandes*, «L'Acheteur, son rôle économique et social. Les ligues sociales d'acheteurs", Парижъ, 1911. Срав. также *Бойявалъ*, стр. 154—164; *Mény*, стр. 165—181.

на счетъ того, можетъ ли быть правильно и цѣлесообразно организована эта самопомощь, въ силу разобщенности, инертности и забитости работающихъ на дому. Единственная страна, гдѣ среди защитниковъ интересовъ робочаго класса имѣется достаточное количество сторонниковъ самопомощи, какъ главнаго средства борьбы противъ «*Sweating-System*»—Германія [1]). Въ Германіи Маргаритѣ Бемъ и ея друзьямъ удалось сорганизовать извѣстную часть работницъ на дому (швей) и тѣмъ объединить ихъ противъ кулаковъ-хозяевъ. Въ настоящее время въ союзахъ, организованныхъ названной дѣятельницей, насчитывается около семи тысячъ человѣкъ. Такъ какъ дѣло Бемъ пользуется, сверхъ того, широкой симпатіей въ нѣмецкомъ обществѣ, то извѣстныхъ результатовъ она достигла. Однако, если вдуматься поглубже приходится признать, что, въ союзахъ организованныхъ Бемъ, меньше самопомощи, нежели патроната и частной благотворительной иниціативы. Госпожа Брунсвикъ, изслѣдовавшая въ деталяхъ интимную сторону организаціи Бемъ, говоритъ, что работницы «позволяютъ руководить собою, не проявляя со своей стороны никакой иниціативы», и что въ дѣлѣ Бемъ «имѣется оттѣнокъ патроната». Что это такъ, доказываютъ прежде всего цифры. Въ Германіи насчитывается свыше 400 тысячъ работающихъ на дому; изъ нихъ организовано не болѣе 14 тысячъ, при чемъ, около половины организовано Бемъ и около двухъ тысячъ католическими ассоціаціями [2]). Гдѣ нѣтъ дѣятельности Бемъ и подобныхъ ей филантроповъ, тамъ работающіе на дому остаются безъ организацій.

Вотъ какіе цифровые итоги даетъ жизнь Германіи. Въ другихъ европейскихъ странахъ эти итоги еще менѣе утѣшительны. Во Франціи Бойяваль не насчитываетъ среди работающихъ на дому и *500* организованныхъ. Самый многочисленный и жизнеспособный французскій синдикатъ (профессіональный союзъ) работающихъ на дому насчитывалъ въ 1912 году всего лишь 137 членовъ. Это былъ синдикатъ парижскихъ швей. Такимъ образомъ, одна организованная парижская швея приходится на тысячу неорганизованныхъ. Изъ остальныхъ четырехъ французскихъ синдикатовъ работающихъ на дому, о которыхъ знаетъ Бойяваль, ни одинъ не имѣетъ болѣе *ста* членовъ. Въ

---

[1]) Между прочимъ это весьма рельефно выразилось во время второго интернаціональнаго конгресса по вопросу о работѣ на дому. Конгрессъ засѣдалъ въ Цюрихѣ въ началѣ сентября 1912 года (о немъ см. ниже).

[2]) *Mény* стр. 204—205.

Бельгіи и Голландіи насчитывается лишь по одному болѣе или менѣе значительному синдикату работающихъ на дому. Ничтожно, въ общемъ, развитіе профессіональнаго движенія въ Англіи (особенно до 1910-го года); ничтожно оно и въ другихъ странахъ Европы. Въ Австраліи работающіе на дому имѣютъ свои достаточно сильныя организаціи, но эти организаціи явились слѣдствіемъ спеціальнаго законодательства противъ «Sweating-System». Англійскій законъ конца 1909-го года (о немъ ниже) вызвалъ соотвѣтствующій подъемъ профессіональнаго движенія работающихъ на дому [1]). При такихъ данныхъ трудно надѣяться, чтобы работающіе на дому смогли въ настоящее время успѣшно организоваться для самопомощи [2]).

5.

Остается путь законодательнаго вмѣшательства, какъ средство уничтожить ужасы «Sweating-System». Законъ можетъ регламентировать работу на дому съ различныхъ сторонъ. Одна изъ первыхъ задачъ, какія обычно ставитъ себѣ законодательство, относящееся къ работѣ на дому — регистрація рабочихъ. Затѣмъ законъ можетъ распространить нормы страхованія рабочихъ и на работающихъ на дому (быть можетъ, нѣсколько измѣнивъ для этой цѣли нормы страхованія фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ). Онъ можетъ установить обязательную регистрацію всѣхъ помѣщеній, гдѣ производится «работа на дому», подчинить эти помѣщенія цѣлому ряду санитарно-гигіеническихъ требованій, запретить «работу на дому» лицамъ моложе опредѣленнаго возраста и учредить, въ цѣляхъ контроля за исполненіемъ предписаній закона, особую инспекцію. Иногда законъ приходитъ на помощь частнымъ обществамъ, борющимся со «Sweating-System»: напримѣръ, государственная власть, идя навстрѣчу усиліямъ обществъ потребителей, вводитъ обязательные ярлыки, которые должны наклеиваться на каждый предметъ, сработанный на дому, или предписываетъ, чтобы для нуждъ госу-

---

[1]) О профессіональномъ движеніи работающихъ на дому см. интереснѣйшія стр. у *Бойявала* стр. 131—142, срвн. также *Мэну* стр. 183—213; Тамъ же дальнѣйшая литература.

[2]) На самомъ дѣлѣ такія организаціи почти не существуютъ, а немногія существущія, если онѣ не являются предпріятіями частно-благотворительнаго характера, прозябаютъ или принимаютъ опредѣленно-выраженный частно-предпринимательскій характеръ, гдѣ одна часть рабочихъ (рабочихъ-хозяевъ) эксплоатируетъ другую. См. *Ménу*, стр. 215—242; *Бойявалъ*, стр. 143—154, Тамъ же литература и факты.

дарственной организаціи (для канцелярій и пр.) не были потребляемы продукты производства, основаннаго на Sweating-System и т. д. Законы, стѣсняющіе эмиграцію и тѣмъ сокращающіе наплывъ дешевыхъ рабочихъ рукъ въ страну, законы, нормирующіе должнымъ образомъ оплату и условія труда арестантовъ, лицъ, находящихся въ исправительныхъ пріютахъ и пр., законы, предписывающіе предпринимателямъ опубликовывать точныя данныя о заработной платѣ ихъ рабочихъ—все это входитъ составною частью въ законодательство о работѣ на дому. *Schwiedland* въ своемъ трудѣ даетъ почти исчерпывающее изложеніе главныхъ методовъ законодательнаго воздѣйствія въ интересующемъ насъ вопросѣ [1]).

Но какую бы пользу ни принесли всѣ эти мѣры, онѣ не могутъ быть достаточно дѣйствительными уже потому, что ими обходится главная причина ужасовъ «Sweating-System»—*крайне низкая заработная плата.* Кое-какія изъ вышеуказанныхъ мѣръ законодательнаго воздѣйствія (напр., предписаніе предпринимателямъ опубликовывать заработную плату своихъ рабочихъ и тѣмъ какъ бы расписываться въ эксплоатаціи) могутъ способствовать повышенію заработной платы, но только косвеннымъ, несовершеннымъ образомъ. Подобное косвенное воздѣйствіе, какъ учитъ жизнь, далеко недостаточно. Ни одна изъ этихъ мѣръ, включая требованія санитарно-гигіеническаго характера, не будетъ достаточно дѣйствительна, если, въ силу низкой заработной платы, рабочіе будутъ обречены на нищенство. Выводъ отсюда можетъ быть одинъ: надо бороться съ чрезмѣрно низкой платой, надо повысить эту плату, установивъ минимумъ, ниже котораго она не можетъ спускаться. Обыкновенно, когда говорятъ о законодательной борьбѣ со «Sweating-System», разумѣютъ именно законодательную нормировку минимума заработной платы. Въ литературѣ вопроса нынѣ общепризнано, что только этимъ путемъ законодательное вмѣшательство можетъ принести благіе результаты.

Усиленное изслѣдованіе вопросовъ, связанныхъ съ «Sweating-System», началось, можно сказать, послѣ опубликованія трудовъ знаменитой комиссіи палаты лордовъ, на выводы которой намъ

---

[1]) Къ сожалѣнію фактическій законодательный матеріалъ, приводимый Швидландомъ въ концѣ его книги, устарѣлъ. Болѣе новый матеріалъ даетъ *Else Bronbach* въ указанной статьѣ ея, написанной—надо добавить—подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Швидланда. Достаточно полное изложеніе методовъ борьбы законодателя со Sweating-System см. у Бойяваля стр. 165 слѣд. Очень интересны у Бойяваля также страницы 341—363, посвященныя эволюціи англійскаго законодательства по данному вопросу.

приходилось здѣсь ссылаться. Началось оно, такимъ образомъ, около двадцати пяти лѣтъ назадъ, и почти непосредственно за опубликованіемъ трудовъ комиссіи возникли споры между защитниками законодательной регулировки работы на дому и ея противниками. Уже въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія, выдающійся знатокъ англійскаго рабочаго быта, Беатрисса Веббъ, очень рѣшительно и опредѣленно заявила, заключая свой анализъ возможныхъ мѣръ борьбы со «Sweating-System»: «законъ и только законъ можетъ срѣзать столь большое зло у самаго корня... Единственное радикальное средство противъ «Sweating-System» — изданіе законодательныхъ предписаній, спеціально относящихся къ данному роду промышленности» [1]). Веббъ принадлежала къ числу самыхъ раннихъ и самыхъ рѣшительныхъ и популярныхъ защитниковъ принципа законодательнаго вмѣшательства въ условія работы на дому. Но, вѣроятно, ни она сама, ни другіе сторонники этой идеи не ожидали, какъ глубоко и послѣдовательно воспримутъ послѣднюю на далекомъ австралійскомъ материкѣ, а слѣдомъ за Австраліей—и въ самой англійской метрополіи.

Энергичная агитація противъ «Sweating-System» въ Австраліи начинается непосредственно за аналогичнымъ движеніемъ въ Англіи, вызваннымъ отчетами комиссіи палаты лордовъ. Въ 1890-мъ году въ колоніи Викторіи были изданы весьма обстоятельные «рабочіе законы», достаточно полно охраняющіе фабричныхъ рабочихъ [2]) отъ всякаго рода злоупотребленій со стороны предпринимателей и отъ несчастныхъ случайностей; но въ томъ же году особая правительственная комиссія констатировала, что чуть ли не половина рабочихъ не подойдетъ подъ дѣйствіе закона, такъ какъ эта половина работаетъ «на дому». Въ тоже время комиссіей были собраны факты чрезмѣрной (по австралійскимъ понятіямъ) эксплоатаціи работающихъ на дому. Въ печати, находившейся подъ вліяніемъ англійской, еще раньше велась агитація противъ «Sweating-System». Отчетъ комиссіи только подлилъ масла въ огонь. Въ результатѣ—движеніе противъ «Swea-

---

[1]) *Beatrice Webb*, „Comment en finir avec le Sweating-System" („Revue d'economie politique", 1893, стр. 962—974). Эта статья, какъ пояснено въ редакціонномъ примѣчаніи, представляетъ переводъ доклада, сдѣланнаго Беатрисой Веббъ рочдэльскому кооперативному конгрессу.

[2]) Понятіе «фабрики» въ австралійскомъ рабочемъ законодательствѣ—очень широкое. По викторіанскому законодательству, напр., всякое помѣщеніе, гдѣ работаютъ 4 и болѣе наемныхъ рабочихъ (или хотя бы *одинъ* китаецъ) считается фабрикой. По ново-зеландскому закону 1894 г. фабрикой считается всякое помѣщеніе, гдѣ работаетъ 2 или болѣе наемныхъ рабочихъ.

ting-System» дѣлается общеавстралійскимъ и перекидывается въ Новую Зеландію. Въ кодексѣ рабочихъ законовъ острова, вышедшихъ въ 1894-мъ году, борьбѣ со «Sweating-System» отводится видное мѣсто. Законъ вводитъ обязательную регистрацію всѣхъ, работающихъ на дому, и всѣхъ помѣщеній, гдѣ производится такая работа, подчиняетъ эти помѣщенія строгому инспекторскому надзору, вводитъ систему «ярлыковъ», о которыхъ было говорено выше, строго нормируетъ работу женщинъ и дѣтей и т. д.

Но въ Новозеландскомъ кодексѣ 1894-го года еще не было новаго слова въ дѣлѣ законодательной борьбы со «Sweating-System». Это «новое слово» было сказано Викторіанскимъ закономъ 1896-го года, организовавшимъ особые комитеты для урегулированія заработной платы—института, заимствованнаго у Викторіи сначала нѣкоторыми другими колоніями австралійскаго материка [1]), а затѣмъ Англіей (законъ 1909-го года). Сообщимъ вкратцѣ основныя черты этого института, являющіяся общими для всѣхъ законодательствъ, усвоившихъ его. Комитеты составляются для тѣхъ точно опредѣленныхъ отраслей промышленности, въ которыхъ, согласно имѣющимся даннымъ, свирѣпствуетъ «Sweating-System». На основаніи англійскаго закона 1909-го года, организація новыхъ комитетовъ для новыхъ отраслей промышленности предоставлена министру торговли и промышленности. Такой же порядокъ принятъ въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ. Въ другихъ штатахъ Австраліи, воспринявшихъ систему комитетовъ, требуется для организаціи каждаго новаго комитета еще согласный вотумъ обѣихъ палатъ парламента (т.-е., въ сущности, предписывается законодательный путь). Составляются комитеты изъ представителей сторонъ (предпринимателей и рабочихъ) поровну и, сверхъ того, изъ лицъ, представляющихъ правительство. Впрочемъ, въ австралійскихъ комитетахъ правительство представлено лишь предсѣдателемъ комитетовъ, да и то (за исключеніемъ Южной Австраліи), только въ томъ случаѣ, если стороны въ комитетѣ не придутъ къ самостоятельному соглашенію касательно выбора предсѣдателя; въ комитетахъ Южной Австраліи предсѣдатели *всегда* назначаются. Въ англійскихъ комитетахъ представителей правительства можетъ быть и больше, нежели одинъ, но число ихъ не можетъ

1) Въ настоящее время въ Австраліи система комитетовъ для урегулированія рабочей платы, по образцу Викторіанской системы 1894 г., принята въ самой Викторіи (зак. 1903 г., со многими измѣненіями слѣдующихъ лѣтъ), въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ (зак. 1908 г.), Квинслэндѣ (зак. 1908 г.) и Южной Австраліи (зак. 1901—1907 гг.).

превышать трети всего состава комитета. Члены комитетовъ, служащіе представителями сторонъ, въ Австраліи, по общему правилу, также назначаются правительствомъ, но обязательно изъ кандидатовъ, предложенныхъ въ двухъ особыхъ спискахъ рабочими и предпринимателями. Въ томъ случаѣ, если пятая часть всѣхъ заинтересованныхъ рабочихъ и предпринимателей опротестуетъ назначенный составъ комитета, правительство во всѣхъ колоніяхъ, кромѣ Новаго Южнаго Уэльса, обязано организовать выборы членовъ комитета. Въ этихъ выборахъ участвуютъ всѣ полноправные (граждански) рабочіе и всѣ предприниматели опредѣленной профессіи. Въ Англіи представители сторонъ въ комитетѣ всегда выбираются; при этомъ представительницы работницъ выбираются отдѣльно отъ представителей рабочихъ. Постановленія всюду дѣлаются по большинству голосовъ наличныхъ членовъ [1]). Засѣданія комитетовъ дѣйствительны, если абсолютное большинство членовъ имѣется въ наличности; такимъ образомъ, пассивный бойкотъ комитетовъ одной частью его (напр. предпринимателями) не мѣшаетъ ихъ работѣ.

Цѣль комитетовъ—вездѣ одна и та же: предохранить рабочихъ отъ чрезмѣрной эксплоатаціи. Главнымъ средствомъ для этого служитъ установленіе обязательнаго минимума заработной платы, меньше котораго никто не *можетъ получать* въ данной профессіи [2]). Чтобы чрезмѣрная эксплоатація, изгнанная установленіемъ минимума заработной платы, не вернулась какимъ-нибудь обманнымъ путемъ, законъ предоставляетъ комитетамъ право законодательной (принудительно-обязательной) нормировки еще цѣлаго ряда вопросовъ, напримѣръ о формѣ расплаты, о продолжительности рабочаго дня или рабочей недѣли, о подмастерьяхъ

---

1) Во всѣхъ законахъ предусматривается обжалованье комитетскихъ рѣшеній „по причинѣ нарушенія права", какъ допускается въ Англіи обжалованье вообще всякаго судебнаго рѣшенія. Законъ Викторіи 1903 г., проведенный консервативнымъ министерствомъ *Ирвинга*, ввелъ, кромѣ того, обжалованье комитетскихъ постановленій по той причинѣ, что они „нарушаютъ интересы промышленности" или вообще несправедливы по своему существу. Право обжалованья предоставлено 25% всѣхъ заинтересованныхъ рабочихъ или предпринимателей, а также правительству. Для разсмотрѣнія жалобъ въ Викторіи установленъ особый апелляціонный трибуналъ, состоящій изъ судей-чиновниковъ. Новый Южный Уэльсъ и южная Австралія заимствовали цѣликомъ данное постановленіе Викторіанскаго закона. Въ Англіи и Квинслэндѣ обжалованье комитетскихъ рѣшеній допускается лишь „по причинѣ нарушенія права".

2) Въ виду того, что работающіе на дому могутъ работать только поштучно, опредѣленіе „минимума" является дѣломъ, сопряженнымъ съ большими техническими трудностями. Въ основаніе берется средній заработокъ и средняя трудоспособность работника, оплачиваемаго поденно или по часамъ; затѣмъ, путемъ цѣлаго ряда выкладокъ, касаться которыхъ намъ нѣтъ надобности, опредѣляется минимумъ платы за изготовленіе разныхъ предметовъ по штучной оплатѣ труда.

(ихъ максимальное, численное отношеніе къ количеству полноправныхъ рабочихъ опредѣляется съ цѣлью помѣшать вытѣсненію труда послѣднихъ болѣе дешевымъ трудомъ подмастерьевъ), о сверхурочной и праздничной работѣ и т. д. Обязательнымъ условіемъ проведенія въ жизнь законовъ является точная регистрація рабочихъ и помѣщеній для работы, а также энергичный надзоръ за соблюденіемъ комитетскихъ постановленій. Надзоръ этотъ поручается особой инспекціи, помогать которой могутъ всѣ желающіе. Обходъ и нарушеніе закона караются достаточно чувствительными штрафами [1]); если къ нарушенію присоединяется еще попытка обмануть чиновника надзора, то штрафъ можетъ сопровождаться тюремнымъ заключеніемъ. Въ Австраліи (кромѣ Новаго-Южнаго Уэльса) троекратное нарушеніе закона со стороны предпринимателя заканчивается полнымъ закрытіемъ предпріятій провинившагося хозяина.

Вообще, можно сказать, что своими постановленіями комитеты опредѣляютъ всѣ главныя стороны рабочаго договора въ тѣхъ профессіяхъ, для которыхъ они созданы, при чемъ соблюденіе постановленій санкціонировано цѣлымъ рядомъ уголовно-правовыхъ нормъ [2]).

6.

Въ Австраліи принципъ принудительной нормировки условій рабочаго труда оказался средствомъ, бьющимъ въ самый центръ «Sweating-System». Онъ, можно сказать, уничтожилъ эту систему. Хорошо резюмировалъ результаты примѣненія этого принципа главный фабричный инспекторъ штата Викторіи на слѣдующемъ конкретномъ примѣрѣ. «До 1896-го года — сказалъ онъ — двѣ

---

[1]) Въ Англіи, напр., до 20 фунтовъ стерлинговъ за каждое нарушеніе, въ Викторіи—даже до 100 фунтовъ стерлинговъ (за *третье* нарушеніе).

[2]) Такое же значеніе имѣетъ и дѣятельность института третейскихъ судовъ, впервые организованнаго указаннымъ выше Новозеландскимъ закономъ 1894-го года. Суды эти, также установляющіе обязательный минимумъ заработной платы, въ началѣ имѣли цѣлью лишь борьбу со стачками и локаутами. Однако, *такъ какъ ихъ рѣшенія являются обязательными для всѣхъ хозяевъ и рабочихъ опредѣленной мѣстности и профессіи*, то этотъ уравнительный принципъ скоро привелъ къ тому, что третейскіе суды стали бороться съ системой выжиманія пота нисколько не хуже комитетовъ. Въ силу того, что функціонированіе судовъ, поскольку они являются органами, борющимися со „Sweating-System", аналогично функціонированію комитетовъ, мы, по отношенію къ третейскимъ судамъ, ограничиваемся лишь этимъ небольшимъ замѣчаніемъ. Организація судовъ была подробно описана нами въ статьѣ: „Законодательство о стачкахъ въ Австраліи" („Русс. Бог." 1913 г., кн. 4).

женщины, мать и дочь, которыя шили готовое мужское платье, не зарабатывали при 15—16-часовой ежедневной работѣ—болѣе, чѣмъ по 6 руб. въ недѣлю каждая. Теперь, работая по 8 часовъ въ день, каждая изъ нихъ зарабатываетъ въ недѣлю болѣе 12 руб. [1]). Это писалось *въ 1898-мъ* году, а черезъ три года, въ 1901 г., тотъ же самый инспекторъ писалъ, что «Sweating-System» пришелъ конецъ въ той профессіи, въ какой она наиболѣе глубоко пустила корни—среди портныхъ, шьющихъ готовое платье, и швей [2]). При этомъ оплата труда рабочаго класса въ цѣломъ повысилась немного: была уничтожена лишь крайняя эксплоатація въ хищническихъ предпріятіяхъ, существовавшихъ, главнымъ образомъ, за счетъ «работы на дому». Трудъ сталъ оплачиваться равномѣрнѣе. И въ результатѣ этотъ трудъ «рабочихъ на дому» пересталъ особенно плѣнять предпринимателей: сталъ замѣчаться значительный ростъ мастерскихъ и уменьшеніе числа работающихъ на дому [3]).

Словомъ, результатъ австралійскихъ соціально-правовыхъ экспериментовъ въ данномъ вопросѣ оказался прекраснымъ. Это должны были признать даже недоброжелатели принудительной нормировки условій рабочаго договора, напр. американецъ *Кларкъ*, авторъ извѣстнаго сочиненія: «Labour Movement in Australia». Но эти недоброжелатели, соглашаясь съ удачей австралійскихъ экспериментовъ, старались доказать, что *только* въ Австраліи, въ силу исключительныхъ условій этой страны, и возможно было такое законодательство. Тамъ подобному законодательству благопріятствуютъ и географическое положеніе страны, и особый составъ рабочаго класса, и рѣзко выраженная протекціонистская таможенная система. Но, вотъ, въ 1909-мъ году англійскій парламентъ, либеральное большинство котораго рѣшило вступить въ энергичную борьбу со «Sweating-System», проводитъ знаменитый «Trade Boards Act», явившійся несомнѣннымъ и послѣдовательнымъ подражаніемъ аналогичному Викторіанскому закону о комитетахъ. Онъ устанавливаетъ систему принудительной нормировки условій рабочаго труда для четырехъ профессій, среди которыхъ, согласно имѣвшимся у парламента даннымъ, «Sweating-System» существуетъ въ широкихъ размѣрахъ. Эти профессіи: а) приготовленіе готоваго платья, б) коробочное (изъ бумаги, картона и тому под.) производство, в) производство кружевъ и сѣтей, г) приготовленіе кованныхъ цѣпей. Законъ, по нѣсколько искус-

---

[1]) Цитирую по *Бойявалю*, стр. 283—284.
[2]) *Бойявалъ*, стр. 284—285.
[3]) См. объ этомъ особенно у *Брода*, стр. 50 слѣд.

ственному подбору профессій (были выбраны профессіи возможно менѣе похожія другъ на друга по своему существу), являлся несомнѣнно опытомъ. Очень многіе сомнѣвались въ благихъ результатахъ этого опыта, но сомнѣнія были напрасны. Законъ оказался не только примѣнимымъ на практикѣ, но, несмотря на крайне непродолжительный срокъ его функціонированія, уже далъ извѣстные результаты. Во всѣхъ комитетахъ хозяева оказываютъ энергичное противодѣйствіе функціонированію закона. Они призываютъ на помощь адвокатовъ, тормозятъ проведеніе въ жизнь закона формальными придирками, устраиваютъ локауты и т. д. Къ серединѣ 1912-го года въ двухъ послѣднихъ изъ четырехъ указанныхъ профессій комитетская работа была уже поставлена вполнѣ удовлетворительно. Въ двухъ первыхъ комитетахъ были также выработаны основныя положенія принудительной нормировки условій труда, и шла, такъ сказать, отдѣлка деталей по примѣненію принципа къ отдѣльнымъ случаямъ. Во второмъ комитетѣ (коробочномъ) закончилась и эта выработка деталей [1]). Къ серединѣ 1913-го года была закончена работа всѣхъ четырехъ комитетовъ. Увеличеніе платы и уменьшеніе часовъ ежедневной работы—вотъ, въ двухъ словахъ, *главные* итоги комитетской работы [2]). Но *интереснѣйшимъ* результатомъ дѣятельности англійскихъ комитетовъ является, пожалуй, быстрый ростъ профессіональнаго самосознанія среди рабочихъ «комитетскихъ профессій». Выборы въ комитетъ вызываютъ обсужденіе профессіональныхъ нуждъ и сознаніе необходимости дѣйствовать заодно. Въ этомъ отношеніи очень любопытна исторія профессіональнаго союза «ковальщиковъ цѣпей». Разрозненные и относившіеся съ недовѣріемъ ко всякой профессіональной организаціи, эти рабочіе, послѣ примѣненія къ нимъ закона 1909-го года, быстро объединяются, стойко выдерживаютъ два локаута хозяевъ, недовольныхъ комитетской дѣятельностью, открыто выражаютъ свое удовлетвореніе закономъ и комитетомъ, а послѣ побѣды надъ хозяевами вотируютъ публичную благодарность центральной тредъ-юніонской

---

[1]) См. *Broda*, Chapitre X стр. 75—87.

[2]) Брода указываетъ, что въ производствѣ кованныхъ цѣпей заработная плата увеличилась съ 10 р. 80 к. до 14 р. 80 к. за 54-часовую рабочую недѣлю. Въ коробочномъ производствѣ (съ 31 янв. 1912 г.) недѣльный минимумъ установленъ въ 7 руб., тогда какъ до этого времени средній заработокъ въ этой профессіи былъ 5—6 р., а около 10,000 человѣкъ коробочниковъ не зарабатывали и 4 руб. въ недѣлю. Аналогичное повышеніе и уравненіе платы достигнуто и въ двухъ другихъ профессіяхъ. Впрочемъ, въ двухъ послѣднихъ профессіяхъ уравнительный процессъ болѣе замѣтенъ, нежели повышеніе заработной платы. Это, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ всѣ сообщенія періодической прессы.

организаціи за поддержку ихъ во время локаута. Разобщенность и вялость смѣнились солидарностью и энергіей [1]).

Итакъ, вопреки ожиданіямъ многихъ, опытъ съ закономъ 1909-го года удался. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ рабочихъ кругахъ Англіи идетъ энергичное и очень успѣшное движеніе въ пользу расширенія сферы закона, что англійскіе парламентъ и правительство предполагаютъ расширить дѣйствіе «комитетовъ» на цѣлый рядъ новыхъ профессій [2]). Съ своей стороны англійская національная лига по борьбѣ со «Sweating-System» уже въ началѣ 1912-го года предприняла энергичное разслѣдованіе того, на какія профессіи необходимо распространить дѣйствіе закона въ первую очередь. Одновременно лигой былъ изготовленъ списокъ всѣхъ профессій, нуждающихся въ законной охранѣ.

Въ виду успѣховъ австралійскаго и англійскаго «опытовъ», нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что въ цѣломъ рядѣ странъ вопросъ о борьбѣ со «Sweating-System» путемъ принудительной нормировки минимума заработной платы сталъ боевымъ вопросомъ. Во Франціи и Бельгіи въ парламентскомъ дѣлопроизводствѣ уже имѣется цѣлый рядъ законопроектовъ, преслѣдующихъ эту цѣль. Австрійское правительство выработало аналогичный проектъ. Дебатируется вопросъ въ Швеціи и въ С.-А. Штатахъ. Наконецъ, германскій законъ 1911-го года также до извѣстной степени (впрочемъ, очень и очень незначительной) отражаетъ въ себѣ вліяніе новаго принципа [3]). Усиленная агитація въ обществѣ въ пользу борьбы со Sweating-System» путемъ принудительной нормировки условій труда заставляетъ думать, что такая нормировка скоро перестанетъ быть достояніемъ немногихъ страхъ. Къ сожалѣнію, нельзя ожидать, чтобы принципъ, заимствованный изъ австралійскихъ и англійскихъ законодательствъ, въ другихъ странахъ былъ проводимъ въ жизнь съ

---

1) Бойяваль, стр. 444—449.

2) Проектъ билля, обнародованный въ 1913-мъ году предлагаетъ, распространить дѣйствіе закона 1909-го года на цѣлый рядъ профессій, въ томъ числѣ на лицъ, занимающихся ручнымъ вышиваніемъ, прачечной работой на дому, шитьемъ мужского бѣлья и т. д. См. La Reforme Sociale, 1913, сентябрь статья Ab *Auguste Isaak*: „Le: salaire minimum des ouvrières à domicile“ стр. 292 сл.

3) Законы канадскій (1907 г.), трансваальскій (1910 г.), массачузетскій (1910 г.), датскій (1910 г.), также отражая въ себѣ новыя идеи, заключающіяся въ принципѣ принудительной нормировки, преслѣдуютъ исключительно антистачечную тенденцію и нашей темы не касаются. То же надо сказать объ англійскомъ биллѣ 1912-го года, касательно минимума платы для англійскихъ горнорабочихъ. Ср. мою ст.: „Законодательство о стачкахъ въ Австраліи“, стр. 153—155, (тамъ же о женевскомъ законѣ 1904-го года).

такою же послѣдовательностью, съ какой проводится онъ, напримѣръ, въ англійскомъ законѣ 1909 г. Противники—скрытые и явные—демократическаго рабочаго законодательства стараются сдѣлать неугодный имъ принципъ возможно болѣе бездѣйственнымъ.

Засѣдавшійвъ сентябрѣ 1912-го года въ Цюрихѣ конгрессъ [1]) по вопросу о работѣ на дому единогласно [2]) вотировалъ необходимость установленія законодательнаго минимума заработной платы. Германскіе рабочіе, въ виду убѣжденія, что они не скоро дождутся «хорошаго» вмѣшательства законодателя въ данномъ направленіи, заявили-было о своемъ воздержаніи отъ голосованія, но стараніями соціалистическихъ представителей Франціи, Бельгіи и Англіи недоразумѣніе было улажено путемъ измѣненія редакціи резолюцій конгресса: согласно желаніямъ германскихъ рабочихъ,въ резолюціяхъ, на-ряду съ требованіемъ установленія законодательнаго минимума, была подчеркнута необходимость, для успѣшной борьбы со «Sweating-System», сильной профессіональной организаціи работающихъ на дому.

На конгрессѣ было вполнѣ ясно констатировано, что борьба со «Sweating-System» принимаетъ все болѣе и болѣе энергичный характеръ, дѣлаясь задачей первостепенной важности. И, конечно, всякій, цѣнящій завѣты гуманности, долженъ привѣтствовать каждый новый подъемъ этой борьбы [3]). Черезчуръ

---

[1]) Объ этомъ конгрессѣ см. напр., въ „Revue économique internationale", 15—20 Janvier 1913, статью: „La semaine sociale de zürich" (стр. 124—143, особ. стр. 128 сл.). Болѣе подробный, но пристрастный отчетъ мы нашли въ „La réforme sociale", 1913., январь, стр. 77 слѣд. („Le travail à domicile et le contrat collectif").

[2]) Впрочемъ, два французскихъ „либерала" доказываютъ, что единогласія не могло быть, ибо они были противъ резолюцій конгресса. См. „Reforme sociale", только-что указан. статья.

[3]) Въ нашей статьѣ мы говорили лишь о тѣхъ средствахъ борьбы со „Sweating-System", какія примѣняются и могутъ быть примѣнимы въ настоящее время. Поэтому мы сочли возможнымъ опустить вопросъ о полномъ уничтоженіи работъ на дому, какъ о средствѣ борьбы съ системой выжиманія пота. За полное уничтоженіе работы на дому высказались нѣкоторые соціалистическіе и профессіональные рабочіе конгрессы. Логически разсуждая, полное уничтоженіе „работы на дому"—наиболѣе радикальное и дѣйствительное средство: если уничтожать зло, такъ уничтожать съ корнемъ. Къ сожалѣнію, это радикальное средство врядъ ли можетъ быть примѣнено въ наше время. Прежде всего такое уничтоженіе не можетъ быть достигнуто уже потому, что 40% работающихъ на дому захотятъ работать именно на дому и нигдѣ больше; запрещеніе работы на дому вызоветъ лишь массовыя попытки обойти законъ. Затѣмъ такая радикальная реформа, какъ хорошо доказываетъ это, напр., аббатъ Мени, въ настоящее время сопряжена съ непреодолимыми техническими трудностями. Дѣлаетъ невозможнымъ осуществленіе реформы и взаимоотношеніе соціальныхъ силъ въ современномъ обществѣ. Въ виду всего этого, хотя среди участниковъ второго интернаціональнаго (цюрихскаго)

больно и страшно думать, что знаменитая «пѣснь о рубашкѣ» Томаса Гуда, взволновавшая Англію три четверти вѣка тому назадъ могла бы быть написана и вчера, что и сегодня еще вполнѣ, современны и живы ея дышащія отчаяніемъ слова.

«...О люди, любящіе сестеръ,
О, люди, имѣющіе матерей и женъ!
Вы изнашиваете не полотно,
Но жизнь человѣческихъ созданій...
Шей, шей, шей всегда!
Въ бѣдности, голодная и спѣша,
Ты шьешь двойной ниткой
Одновременно съ рубашкою—саванъ»...

П. Покровскій.

конгресса и было очень много принципіальныхъ сторонниковъ полнаго уничтоженія „работы на дому", въ резолюціяхъ, рекомендующихъ опредѣленныя практическія мѣропріятія по борьбѣ съ „Sweating-System", требованіе полнаго уничтоженія „работы на дому" было опущено. Опускается это требованіе, въ виду его невыполнимости, и въ резолюціяхъ громаднаго большинства соціалистическихъ и рабочихъ конгрессовъ, настаивающихъ, прежде всего, на установленіи принудительнаго минимума заработной платы (см. громадную коллекцію резолюцій по вопросу о работѣ на дому, собранную Бойявалемъ (на стр. 532—562 его труда). Самый вопросъ объ уничтоженіи работы на дому лучше всего разработанъ у Schwiedland'a (стр. 89—101). Ср. также Mény, стр. 113, слѣд. У Бойяваля (стр. 99 слѣд.), вопросъ разработанъ не вполнѣ удовлетворительно и слишкомъ поверхностно.

НА ПАНИХИДѢ.

Душно-сладокъ тонкій запахъ тлѣнія,
Медленно плыветъ кадильный дымъ,
И звучитъ торжественное пѣніе.
«Научи мя оправданіемъ твоимъ».

Блѣдныхъ свѣчъ дрожащее мерцаніе,
По усопшему молитву мы творимъ,
Слышится тяжелое рыданіе....
«Научи мя оправданіемъ твоимъ».

Все тѣснѣе кругъ сжимается предъ нами;
Скоро мы послѣдуемъ за нимъ,
И поймемъ, что скрыто за словами:
«Научи мя оправданіемъ твоимъ».

З. Вершинина.

УКРАИНСКАЯ И ОБЩЕРУССКАЯ ЭМИГРАЦІЯ [1]).

Совсѣмъ незначительна по количеству членовъ была украинская фракція заграницей въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія. Въ составъ ея, кромѣ самого Драгоманова, входили: д-ръ Подолинскій, наборщикъ Ляхоцкій и часто пріѣзжавшіе изъ Галиціи тамошніе приверженцы Драгоманова—Павликъ и Франко. Эту небольшую группу лицъ связывалъ общій интересъ по изданію «Громады» и разныхъ малороссійскихъ произведеній и общая всѣмъ имъ цѣль—распространеніе ихъ идей среди ихъ единоплемленниковъ, живущихъ въ Россіи и Австріи.

Всѣ перечисленные члены украинской группы относились къ Драгоманову съ чрезвычайнымъ благоговѣніемъ. Онъ служилъ для нихъ авторитетомъ, малѣйшее предложеніе или желаніе они немедленно готовы были исполнить, и всякое слово его являлось для нихъ закономъ. Драгомановъ платилъ имъ большимъ расположеніемъ и готовностью оказать всяческую помощь. Держалъ онъ себя съ ними, какъ и вообще съ каждымъ, совсѣмъ запросто, по-пріятельски,—острилъ, шутилъ, велъ продолжительные разговоры, предпочитая, однако, быть больше разсказчикомъ, чѣмъ слушателемъ. При малѣйшей, подчасъ даже и мнимой обидѣ, нанесенной кѣмъ-либо изъ общерусскихъ эмигрантовъ украинцу, Драгомановъ горячо вступался за послѣдняго, и тогда уже доставалось обидчику. Но вплоть до лѣта 1880 г. никто не подавалъ повода къ сколько-нибудь обостреннымъ отношеніямъ. Наоборотъ, не смотря на существовавшія у нѣкоторыхъ изъ общерусскихъ эмигрантовъ разногласія съ Драгомановымъ и его приверженцами, въ общемъ отношенія между обѣими сторонами были наилучшими.

---

[1]) См. статью „Драгомановъ въ изгнаніи", „В. Евр." 1913 г., октябрь.

Драгомановъ пользовался большимъ вліяніемъ на редакцію журнала «Община», около котораго группировалась почти вся швейцарская эмиграція. Это вліяніе съ теченіемъ времени не только не убывало, но наоборотъ, замѣтно росло.

Пробывъ конецъ 1878 г. и начало слѣдующаго за границей, наша вся кампанія—Аксельродъ, я, Засуличъ, Любатовичъ и Стефановичъ—возвратилась на родину. Но тамъ намъ не долго пришлось остаться, и уже зимой 1880 г., за исключеніемъ Аксельрода, всѣ перечисленныя лица, къ которымъ еще присоединились Г. В. Плехановъ и Н. А. Морозовъ, вновь очутились заграницей.

За короткое время нашего пребыванія на родинѣ, среди эмиграціи произошли довольно существенныя перемѣны. Въ Россіи, въ этотъ періодъ одержало окончательно верхъ такъ называемое террористическое направленіе въ обществѣ «Земля и Воля», и послѣднее раскололось на двѣ совершенно самостоятельныя организаціи: «Народную Волю» и «Черный Передѣлъ». Когда телеграфъ принесъ извѣстіе о взрывѣ въ Зимнемъ дворцѣ, я только-что пріѣхалъ изъ Россіи въ Парижъ. Еще до отъѣзда мнѣ было извѣстно, что готовится покушеніе; рабочій Халтуринъ, задумавшій совершить его, имѣлъ непосредственныя сношенія съ однимъ изъ чернопередѣльцевъ, Г. В. Плехановымъ, котораго просилъ свести его съ террористами. Когда всѣ усилія Плеханова отклонить Халтурина отъ осуществленія его намѣренія не имѣли успѣха, онъ познакомилъ его, кажется, съ Александромъ Михайловымъ. Меня, поэтому, не удивило извѣстіе о взрывѣ. Совсѣмъ иныя чувства и соображенія вызвало оно въ Петрѣ Лавровичѣ Лавровѣ.

Когда я пришелъ къ нему, въ тотъ день, то засталъ его въ очень возбужденномъ состояніи. У него въ это время былъ кто-то,—не помню, кто именно,—онъ высказывалъ и увѣренность, что покушеніе несомнѣнно доказываетъ существованіе среди приближенныхъ царя заговорщиковъ противъ его жизни.

Не считая себя въ правѣ, въ виду конспиративныхъ соображеній, посвящать Лаврова въ дѣйствительныя обстоятельства, такъ какъ телеграфъ ничего еще въ то время не сообщилъ о роли находившагося во дворцѣ рабочаго—столяра, я все же попытался разубѣдить Петра Лавровича, высказавъ предположеніе, что скорѣе всего это покушеніе окажется дѣломъ террористовъ безъ малѣйшаго участія въ немъ придворныхъ заговорщиковъ. Лавровъ самымъ энергичнымъ образомъ запротестовалъ противъ такого предположенія.

— Не можетъ быть, чтобы дѣло это обошлось безъ связей съ придворными кругами!—воскликнулъ онъ.—Иначе какъ могли бы террористы проникнуть во дворецъ?

Когда я продолжалъ стоять на своемъ, онъ, помню, замѣтилъ:

— Это вы, какъ противникъ, стараетесь умалить значеніе даннаго факта.

Мнѣ оставалось только замолчать. Даже когда телеграфъ сообщилъ, что покушеніе это произведено было проникшимъ во дворецъ рабочимъ, Петръ Лавровичъ все же думалъ, что это тому удалось, только благодаря связямъ, имѣвшимся у народовольцевъ съ высокопоставленными «придворными особами».

Если столь преувеличенное представленіе о связяхъ террористовъ было у Лаврова, имѣвшаго возможность, черезъ меня и Гартмана, незадолго передъ тѣмъ прибывшихъ изъ Россіи, получить вѣрное представленіе о силахъ и значеніи новой политической партіи, то не трудно себѣ представить, какъ разыгралось воображеніе насчетъ могущества неуловимаго «Исполнительнаго Комитета», у лицъ, совсѣмъ далеко стоявшихъ отъ революціонной среды. Тамъ уже прямо создавались вполнѣ легендарные разсказы о террористахъ и ихъ страшныхъ дѣяніяхъ. Особенно усердствовали западно-европейскіе органы печати. Раньше помѣщавшія лишь телеграфныя сообщенія о царскихъ пріемахъ и выѣздахъ, иностранныя газеты, почти впервые послѣ оправданія Вѣры Засуличъ, заинтересовались нашимъ революціоннымъ подпольемъ. Онѣ не только отъ себя комментировали, какъ Богъ имъ на душу положитъ, телеграфныя сообщенія, но, за отсутствіемъ послѣднихъ, сами создавали всевозможныя извѣстія о разныхъ будто-бы имѣвшихъ въ Россіи мѣсто происшествіяхъ. Наиболѣе въ этомъ отношеніи отличались парижскія газеты. Нерѣдко случалось, что даже мы, недавно лишь прибывшіе изъ Россіи, не вѣрили газетнымъ сообщеніямъ, когда они передавали о дѣйствительномъ происшествіи и, наоборотъ, готовы были принять за фактъ то, что являлось плодомъ фантазіи какого-нибудь сотрудника.

Какъ бы то ни было, но на огромное большинство давно обрѣтавшихся заграницей русскихъ изгнанниковъ совершавшіяся въ Россіи происшествія производили сильнѣйшее впечатлѣніе, и даже наиболѣе солидныя, спокойныя, знавшія Россію лица, поддавались общему вліянію. Къ числу послѣднихъ, кромѣ Лаврова, принадлежалъ, лѣтомъ 1880 г., и Драгомановъ. Да и могло ли быть иначе, если само правительство тогда металось

изъ стороны въ сторону, желая побороть «крамолу»,—эту, какъ ему казалось, стоглавую гидру. Наконецъ, послѣ взрыва во дворцѣ, утверждена была Верховная Комиссія съ гр. Лорисъ-Меликовымъ во главѣ, мягкій режимъ котораго названъ былъ «диктатурой сердца».

— Если правительство рѣшилось замѣнить систему репрессій заигрываніемъ съ обществомъ, то ясно, что оно къ этому вынуждено террористами. А ужъ оно ли, обладающее всевѣдущимъ и всемогущимъ Третьимъ отдѣленіемъ, не имѣетъ возможности узнать про истинныя силы подпольнаго врага!

Такъ разсуждали не только «обыватели», но, какъ это ни странно, *сами террористы*. Происходилъ своеобразный взаимный гипнозъ: подъ вліяніемъ страха правительство преувеличивало значеніе террористовъ, что́, въ свою очередь, внушало послѣднимъ преувеличенное о себѣ представленіе. Подобно тому, какъ пьяному, говорятъ, «море по колѣно», такъ террористамъ стало казаться, что они въ состояніи осуществить не только политическій, но и полный соціальный переворотъ, оставаясь ничтожной кучкой, не имѣя въ своемъ распоряженіи даже достаточнаго запаса динамита. Такіе именно взгляды развивали въ своихъ брошюрахъ Н. А. Морозовъ «Террористическая борьба» и Тарновскій «Терроризмъ и рутина».

Кто прочиталъ мою предыдущую статью, посвященную Драгоманову, тотъ, вѣроятно, помнитъ, какъ рѣзко отрицательно онъ отнесся къ убійству ген. Мезенцова. Когда заграницу пріѣхалъ Кравчинскій, съ которымъ Драгомановъ раньше находился въ наилучшихъ отношеніяхъ, онъ, очевидно, понялъ, что на «убійство изъ-за угла» могутъ иногда рѣшаться и вполнѣ благородные люди. Вплоть до моего отъѣзда, лѣтомъ слѣдующаго года, въ Россію, я болѣе не слыхалъ отъ Драгоманова ни единаго рѣзкаго слова по поводу такихъ актовъ, какъ убійство Мезенцова. Когда, по возвращеніи, я вновь свидѣлся съ нимъ лѣтомъ 1880 г., его отношеніе къ террору меня не мало удивило: онъ также былъ тогда въ числѣ его сторонниковъ. Правда, такое отношеніе, какъ ниже увидимъ, длилось недолго, но все же, за время нашей разлуки онъ въ сильной степени полѣвѣлъ, что́ нужно приписать вышеизложеннымъ мною обстоятельствамъ.

Помню, напримѣръ, такой случай. На нашихъ общихъ собраніяхъ шли дебаты по поводу террора, какъ средства для достиженія политической свободы въ Россіи. Въ качествѣ про-

тивниковъ этого пріема борьбы, нѣкоторые изъ насъ, чернопередѣльцевъ, высказывались противъ него, доказывая безрезультатность и безцѣльность террора. Наши оппоненты—Кравчинскій и другіе—ссылались на видимые для всѣхъ, уже осязаемые успѣхи и сулили въ близкомъ будущемъ еще бо̀льшіе, разъ все сосредоточится на террористической борьбѣ. Кто-то вдругъ обратился къ Драгоманову съ вопросомъ.

— А, какъ вы, Михаилъ Петровичъ, относитесь?

— Вотъ мой отвѣтъ,—сказалъ онъ.—Будь въ моемъ распоряженіи большая сумма денегъ, я три четверти ея отдалъ бы на терроръ, а остальное—на разныя литературныя произведенія.

Отвѣтъ Драгоманова привелъ многихъ въ неподдающійся передачѣ восторгъ, и репутація его среди нѣкоторой части эмиграціи, уже и раньше значительная, еще болѣе усилилась.

— Слышали? Самъ Драгомановъ готовъ отдать три четверти милліона рублей на терроръ!—съ умиленіемъ сообщалъ тотъ или иной приверженецъ этого способа борьбы отсутствовавшему на собраніи противнику террора.

— Я слыхалъ, что онъ лишь условно, какъ иллюстрацію своего отношенія, привелъ такой аргументъ.

— Это все равно! Не въ этомъ, конечно, суть! Но Драгомановъ вѣритъ въ терроръ, а вы?..

И лицо, для котораго редакторъ «Громады» являлся несокрушимымъ авторитетомъ, укоризненно качало головой. Я могъ бы назвать имена, но извѣстно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, nomina sunt odiosa.

Такая же перемѣна, повидимому, произошла и во взглядѣ Драгоманова на роль молодежи въ политической борьбѣ. Въ 1878 г. онъ заявлялъ, что не дѣло молодежи заниматься политикой, что «отцы» должны добиваться всякихъ свободъ, «дѣтямъ» же нужно учиться. Но, очевидно, событія послѣднихъ полутора-двухъ лѣтъ убѣдили его въ томъ, что, «наши земцы, либералы инертны, нерѣшительны, безхарактерны», а потому, только «молодежь добудетъ свободу для нихъ и для себя».

На нѣкоторыхъ эмигрантовъ такія заявленія Драгоманова производили чарующее впечатлѣніе, и они, какъ говорится, готовы были таять отъ умиленія и восторга. Но были среди нихъ и такіе, которымъ новая роль Драгоманова какъ «общерусскаго политическо-террористическаго вожака» пришлась совершенно не по вкусу. Къ числу послѣднихъ, кромѣ поляковъ-соціалистовъ, принадлежали почти все мы, чернопередѣльцы. На меня лично

новыя заявленія Драгоманова производили неблагопріятное впечатлѣніе, такъ какъ казались мнѣ неискренними. По естественной ассоціаціи идей они напоминали мнѣ тѣхъ русскихъ либераловъ, отъ которыхъ я, будучи въ Россіи, слышалъ подобныя заявленія: — На терроръ я охотно далъ бы, что могу, а на ваши деревенскія затѣи—извините!

— Конечно, куда удобнѣе сидѣть въ кельѣ подъ елью, а другіе пускай для васъ каштаны изъ печки достаютъ,—отвѣчали мы въ подобныхъ случаяхъ. Мы, чернопередѣльцы, были противъ веденія какой бы то ни было политической борьбы; «для народа, —думали мы,—она совершенно безполезна, если и не вредна».

Въ виду такого отношенія къ новымъ рѣчамъ и заявленіямъ Драгоманова, помню, мнѣ особенно пріятно было, когда я впервые услыхалъ тождественное съ моимъ мнѣніе объ этомъ впослѣдствіи ставшаго очень извѣстнымъ пролетаріатца, умершаго въ Шлиссельбургской крѣпости, Людвига Варынскаго.

Вскорѣ послѣ моего вторичнаго пріѣзда въ Женеву, лѣтомъ 1880 г., насъ случайно сошлось нѣсколько человѣкъ, русскихъ и польскихъ соціалистовъ. Рѣчь зашла о происходившихъ передъ тѣмъ на нашихъ общихъ собраніяхъ дебатахъ. Варынскій, помню, первый замѣтилъ, что заявленія Драгоманова производятъ на него впечатлѣніе неполной искренности, къ тому носятъ совершенно либеральный характеръ. Остальные же, присутствовавшіе согласились съ нимъ, и мы тутъ же рѣшили дать Драгоманову сраженіе на этой почвѣ, т. е. по вопросу о пріемахъ соціалистической дѣятельности. Но идейная борьба наша съ Драгомановымъ и его приверженцами произошла совсѣмъ по иному поводу и приняла вовсе нежелательный для насъ характеръ. Разскажу объ этомъ подробно.

Между поляками-патріотами и украинцами давно происходили нелады изъ-за поползновеній первыхъ причислять къ своей «исторической Польшѣ» мѣстности, населенныя другими народностями. Фактически, послѣ тщетныхъ попытокъ возстановить Рѣчь Посполитую «отъ моря до моря», эти поползновенія не причиняли почти никакого вреда малороссамъ, литовцамъ и другимъ не-польскимъ жителямъ бывшей Польши. Но съ давнихъ временъ украинцы съ пыломъ и страстью устремляются въ словесный бой, чуть только полякъ дастъ какой-нибудь намекъ на то, что мѣстность, населенную малороссами, онъ готовъ причислить къ «исторической Польшѣ».

Въ этомъ отношеніи Драгомановъ превосходилъ всѣхъ своихъ сородичей: онъ съ такой страстью и запальчивостью доказывалъ, какія мѣстности можно причислить къ Польшѣ, и какія нельзя, словно вопросъ шелъ уже о томъ, чтобы сейчасъ поправить совершенную въ далекомъ прошломъ несправедливость. Въ цѣломъ рядѣ своихъ произведеній на разныхъ языкахъ редакторъ «Громады» приводилъ неизмѣнно тотъ взглядъ, что всѣ безъ различія выдающіеся люди, какъ поляки, такъ и русскіе, всегда обижали украинцевъ тѣмъ, что не разграничивали строго этнографическую Польшу [1]).

На этой же почвѣ возникла у Драгоманова и его приверженцевъ распря съ польскими и общерусскими эмигрантами. Вскорѣ послѣ упомянутой выше нашей бесѣды въ тѣсномъ кружкѣ одинъ изъ наиболѣе выдающихся по образованію и характеру приверженцевъ Драгоманова, М. Павликъ, прочиталъ на нашихъ общерусскихъ собраніяхъ рефератъ относительно положенія Галиціи. Изложивъ тяжелыя условія, при которыхъ приходится жить населенію этой австрійской провинціи, референтъ указалъ, между прочимъ, на то, что даже поляки-соціалисты, напр. редакція въ то время издававшагося въ Женевѣ польскаго соціалистическаго журнала «Równosc» («Равенство»), третируетъ городъ Львовъ какъ польскій, господствующій надъ польскимъ населеніемъ; между тѣмъ въ дѣйствительности его слѣдуетъ разсматривать лишь, какъ «польскій оазисъ на украинскомъ морѣ». Доводы, которые онъ приводилъ въ доказательство того, что польскіе соціалисты относятъ малорусскую территорію къ Польшѣ, я, конечно, теперь воспроизвести не могу, но хорошо помню, что рѣшительно никому изъ насъ они не показались особенно убѣдительными. Къ тому же въ теченіе почти двухъ лѣтъ всѣ мы очень хорошо знали лицъ, стоявшихъ во главѣ редакціи «Równosci»—Варынскаго, Дикштейна, Длусскаго, Мендельсона,—и ни въ какомъ случаѣ не могли заподозрить ихъ въ узкомъ націонализмѣ. Ихъ, наоборотъ, можно было скорѣе упрекнуть въ чрезмѣрномъ перегибаніи палки въ противоположномъ направленіи—въ полномъ разрывѣ со всякими польскими традиціями, въ отказѣ отъ всего прошлаго своей родины. Но, не будучи близко знакомы съ галицо-польской литературой и, вообще, съ усло-

---

[1]) Особенно исчерпывающимъ образомъ на этотъ счетъ высказался Драгомановъ въ рядѣ статей, печатавшихся въ „Вольномъ Словѣ“ и вышедшихъ затѣмъ отдѣльной книжкой, „Историческая Польша и Великорусская демократія“, представляющей большой интересъ и до настоящаго времени.

віями жизни Галиціи, мы, общерусскіе эмигранты, въ теченіе долгаго времени не принимали никакого участія въ дебатахъ, которые завязались между сторонниками Дрогоманова и редакціей «Równosci» по поводу реферата Павлика.

Между тѣмъ, страсти спорившихъ все болѣе разгорались. Огромному большинству присутствовавшихъ на этихъ собраніяхъ лицъ дебаты по этому вопросу, которымъ не предвидѣлось конца, порядкомъ уже надоѣли. Вѣроятно, желая примирить спорящихъ и прекратить споръ, С. Кравчинскій, всегда и вездѣ игравшій роль умиротворителя и пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и расположеніемъ даже самыхъ враждебныхъ другъ другу лицъ, попросилъ слова. Получивъ его, онъ развилъ ту мысль, что украинцы, натерпѣвшись отъ всякаго рода притѣснителей и угнетателей, теперь очень подозрительны и обидчивы, что̀ вполнѣ понятно; но, проявляя такія чувства по отношенію польскихъ соціалистовъ, они напоминаютъ пуганую ворону, которая всякаго куста боится.

Эти слова, произнесенныя, по обыкновенію Кравчинскаго, мягкимъ, дружескимъ тономъ, внесли хорошее, доброе отношеніе къ возникшему спору. По адресу Кравчинскаго стали раздаваться одобрительныя и сочувственныя восклицанія. Однако, къ полному примиренію, тѣмъ болѣе—къ прекращенію начавшагося спора рѣчь Кравчинскаго не привела: къ Драгоманову и Павлику, защищавшимъ «интересы Малороссіи и ея народа», присоединился д-ръ Подолинскій. О немъ скажу пару словъ.

Сынъ поэта Подолинскаго, украинецъ Сергѣй Андреевичъ Подолинскій примкнулъ къ общерусскому революціонному движенію начала семидесятыхъ годовъ. Значительную часть тогдашнихъ сторонниковъ движенія онъ возбудилъ противъ себя своею внѣшностью. Революціонеры того періода не обращали ни малѣйшаго вниманія ни на свой костюмъ, ни на всякія условія требованія. Подолинскій, наоборотъ, одѣвался всегда щеголемъ и подозрѣвался даже въ томъ, что имѣлъ или носилъ—не помню теперь въ точности—фракъ и цилиндръ! Передавали также про него, что, будучи за границей, онъ, записываясь въ гостиницахъ, приставлялъ къ своей фамиліи «von» или «de».

Уже однихъ этихъ обстоятельствъ по тѣмъ временамъ было достаточно, чтобы мы причислили Подолинскаго къ «буржуямъ», «аристократикамъ» и т. п. Мы ставили ему въ вину, что онъ «не отказался отъ привилегированнаго своего положенія», не оставилъ университета, что̀ считалось тогда обязательнымъ

для искренняго и послѣдовательнаго «радикала», какъ мы тогда себя называли. Кромѣ указанныхъ выше прегрѣшеній, Подолинскому мы ставили въ вину еще то, что онъ сразу примкнулъ къ наиболѣе мирной изъ дѣйствовавшихъ въ началѣ 70-хъ г.г. фракцій—къ лавристамъ. Но и въ числѣ сторонниковъ Лаврова С. Подолинскій оставался недолго. Съ возникновеніемъ во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ украинофильскаго направленія онъ совсѣмъ отказался отъ общерусскаго движенія и примкнулъ къ группѣ, издававшей за границей «Громаду». Не помню теперь, насколько дѣятельное участіе принялъ онъ въ этомъ журналѣ. Ему принадлежали двѣ-три брошюры, написанныя на малорусскомъ языкѣ, а также нѣсколько статей въ періодической прессѣ на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Жилъ онъ не въ Женевѣ, а гдѣ-то на Ривьерѣ, въ «собственной виллѣ», и къ намъ лишь изрѣдка наѣзжалъ. Все—и въ образѣ жизни, и во внѣшности, и въ манерахъ Подолинскаго—не внушало намъ, тогда крайнимъ демократамъ и ригористамъ, особеннаго къ нему расположенія.

Принявъ участіе въ возникшихъ между его единомышленниками—украинцами—и польскими соціалистами дебатахъ, Подолинскій перенесъ ихъ на общую драгомановскую тему—осужденія русскихъ соціалистовъ за то, что многіе изъ нихъ, принадлежа къ малороссамъ, ничего не дѣлаютъ для своихъ сородичей.

Сопровождая свою обвинительную рѣчь далеко не точными иллюстраціями изъ жизни общерусскихъ революціонеровъ въ юго-западномъ краѣ, Подолинскій, повидимому, произвелъ на присутствовавшихъ нѣкоторое впечатлѣніе. По его словамъ выходило такъ, что, воспитавшись въ Малороссіи, слѣдовательно, эксплоатируя ея населеніе, общерусскіе соціалисты взамѣнъ этого ровно ничего не дѣлаютъ для своего родного края. Украинофилы въ его изображеніи, наоборотъ, являлись въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Нельзя было оставить его рѣчь безъ возраженія.

Сдѣлать это могли только мы трое—Стефановичъ, Бохановскій и я—такъ какъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ на этихъ собраніяхъ, только мы, въ качествѣ южанъ, были знакомы съ дѣятельностью и украинофиловъ, и соціалистовъ. Оба мои товарища почти никогда не выступали на общихъ собраніяхъ, а потому я рѣшилъ взять слово, чтобы опровергнуть обвиненія, возведенныя на насъ несправедливѣйшія, какъ намъ тогда казалось.

Не помню въ точности всего, что я сказалъ въ отвѣтъ на эти обвиненія, но отъ обороны я, кажется, скоро перешелъ въ

нападеніе. Считая, что мы не останавливаемся ни передъ какими жертвами ради угнетенныхъ массъ, я постарался представить дѣятельность украинофиловъ на юго-западѣ безполезнымъ время препровожденіемъ, чуть ли не переливаніемъ изъ пустого въ порожнее. Я сообщилъ, какъ украинофилы по нѣсколько лѣтъ проводятъ въ обработкѣ одной буквы малоросійскаго словаря, или въ собираніи и изданіи народныхъ пѣсенъ и поговорокъ, а если уже раскачаются написать что-нибудь для народа, то печатаютъ столь глубокомысленные разсказы, какъ «Про сіру кобилу» или «Якъ баба Параска, та купила порося»!

Помню, раздался веселый и одобрительный смѣхъ, когда я привелъ аналогичныя указаннымъ иллюстраціи. Но среди украинцевъ моя рѣчь вызвала бурю негодованія. Изъ нихъ двое или трое немедленно попросили слова съ намѣреніемъ возражать мнѣ. За позднимъ временемъ предсѣдатель предложилъ отложить продолженіе дебатовъ до слѣдующаго собранія. Всѣ согласились съ этимъ; но присутствовавшимъ тогда въ Женевѣ общерусскимъ эмигрантамъ уже не пришлось услышать возраженій украинцевъ.

При открытіи слѣдующаго засѣданія предсѣдатель прочелъ подписанное всѣми четырьмя находившимися тогда въ Женевѣ украинцами письмо, въ которомъ говорилось, что послѣ выслушанныхъ ими на предыдущемъ засѣданіи несправедливыхъ нападокъ такого-то, вызвавшихъ одобрительныя восклицанія, они, украинцы, просятъ болѣе не считать ихъ членами нашего общества.

Такое рѣшеніе вызвало общее изумленіе. Въ моихъ возраженіяхъ не было рѣшительно ничего личнаго; они были отвѣтомъ на нападки самого Подолинскаго. Никто изъ присутствовавшихъ при чтеніи коллективнаго письма украинцевъ не внесъ предложенія о томъ, чтобы такъ или иначе собраніе уговорило единомышленниковъ Драгоманова взять назадъ свой протестъ. Это было тѣмъ болѣе знаменательно, что въ описываемое время Драгомановъ имѣлъ многихъ ярыхъ приверженцевъ и поклонниковъ. Но таково уже свойство всякой «толпы», что она легко переходитъ отъ поклоненія къ порицанію и наоборотъ. Вмѣсто предложеній объ улаженіи инцидента стали раздаваться заявленія:

— Что же? Не хотятъ болѣе посѣщать собраній, и не надо: просить не будемъ!

Вышеописанныя бурныя собранія происходили въ срединѣ іюня 1880 г. Съ тѣхъ поръ Драгомановъ и его украинскіе приверженцы больше не посѣщали нашихъ общихъ собраній. Изъ

русскихъ его поклонниковъ, кажется, не оказалось ни одного, который присоединился бы къ протесту украинцевъ; по крайней мѣрѣ заявленія объ этомъ на засѣданія не поступало и вслухъ не читалось.

Послѣ ухода украинцевъ собранія продолжали регулярно происходить и протекали совершенно мирно, безъ малѣйшихъ инцидентовъ и сколько-нибудь горячихъ споровъ. Это длилось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ моего пребыванія въ эмиграціи.

Какъ ни казалась многимъ изъ насъ странной мотивировка нами, украинцами, объявленнаго разрыва отношеній, все же никому не приходило на мысль, что изъ-за такого незначительнаго, въ сущности, повода редакція «Громады» прекратитъ даже личное знакомство со многими, если не съ огромнымъ большинствомъ русскихъ и поляковъ. Вышло, однако, именно то, что считалось совершенно невѣроятнымъ. Полному «разрыву дипломатическихъ сношеній» украинской группы со всѣми остальными посодѣйствовало еще слѣдующее обстоятельство.

Вскорѣ послѣ описаннаго ухода украинцевъ, въ выходившемъ тогда въ Ліонѣ соціалистическомъ журналѣ «La Revue Socialiste», появилась статья Драгоманова, гдѣ имѣлась такая фраза по поводу русской и польской соціалистическихъ партій: «toutes les bases, les noms mêmes de ces partis sont en pleine contradiction avec l'idée de la révolution et surtout avec celle de la révolution sociale [1]).

Фраза эта вызвала огромный переполохъ среди общерусской эмиграціи. Она возмутила самыхъ мирно настроенныхъ, наиболѣе умѣренныхъ людей, еще совсѣмъ недавно являвшихся горячими приверженцами Драгоманова. Состояніе молодежи было до того возбужденное, что рѣшено было созвать экстренное собраніе, чтобы сообща обсудить, какъ реагировать на оскорбленіе, нанесенное «всѣмъ русскимъ и польскимъ соціалистамъ передъ лицомъ всего цивилизованнаго міра».—Вѣдь, если ни по основамъ, ни по имени мы не соотвѣтствуемъ идеѣ о революціи, то что же мы собою представляемъ?—въ недоумѣніи спрашивали возмущенные люди.—И что должны о насъ подумать французскіе и другіе иностранные соціалисты, прочитавъ столь лестный о насъ отзывъ авторитетнаго въ ихъ глазахъ украинскаго профессора?—съ негодованіемъ восклицали другіе.—Такъ это оставить невозможно! Необходимо сейчасъ же послать энергичное

---

1) „Всѣ основы и даже самыя названія этихъ партій находятся въ полномъ противорѣчіи съ идеей революціи, а тѣмъ болѣе съ идеей соціальной революціи".

опроверженіе голословнаго заявленія Драгоманова во всѣ соціалистическіе органы!—кричали третьи. Когда затѣмъ, за небольшими исключеніями, почти вся общерусская колонія собралась вмѣстѣ, начались толки о томъ, въ какомъ духѣ и отъ чьего имени писать отвѣтъ? Долго спорили, судили и рядили; когда, наконецъ, вдоволь накричавшись, многіе устали, то нѣкоторые нашли, что выступать въ печати должны только поляки-соціалисты и мы, чернопередѣльцы. Этимъ двумъ организаціямъ собраніемъ и было поручено отправить въ разные соціалистическіе органы принятый всѣми текстъ отвѣта на фразу Драгоманова.

Насколько могу теперь припомнить, нашъ протестъ былъ написанъ въ чрезвычайно сдержанномъ тонѣ. Кажется, утверждали, что мы не какіе-нибудь придворные заговорщики, какъ можно заключить изъ словъ Драгоманова, а настоящіе соціалисты и революціонеры, по мѣрѣ своихъ силъ старающіеся принести пользу своей родинѣ.

Ничего обиднаго лично для Драгоманова въ этомъ нашемъ возраженіи не было. Къ нему, какъ мнѣ теперь кажется, можно было отнестись только съ добродушной ироніей, — изъ-за чего вдругъ заволновалась женевская общерусская колонія и какъ курьезно реагировала на одну-единственную фразу изъ довольно обширной статьи Драгоманова? Однако, не такъ отнесся къ нашему заявленію редакторъ «Громады», а также и его украинскіе приверженцы. Какъ тогда сообщали, онъ чрезвычайно былъ возмущенъ нашимъ протестомъ, хотя самъ же подалъ къ нему поводъ. Въ недавно опубликованномъ М. Павликомъ отрывкѣ: «Воспоминаніе о переговорахъ Добровольной Охраны и Исполн. Комитетѣ» Драгомановъ, между прочимъ, касается и этого инцидента.

«Со времени напечатанія во французскихъ соціалистическихъ газетахъ—говорилъ онъ—протеста противъ меня отъ имени редакціи «Równosci» и «Чернаго Передѣла» по поводу моей статьи въ «Revue Socialiste», въ которой я указывалъ на централистически-національныя тенденціи въ русскихъ и польскихъ соціалистическихъ кругахъ, я прекратилъ всякія отношенія къ русской и польской соціалистической эмиграціи, какъ къ коллективностямъ, и сохранялъ только личныя отношенія, и то съ весьма немногими [1]).

Въ этихъ словахъ Драгомановъ не совсѣмъ точно передаетъ обстоятельства: какъ мы видѣли, онъ прекратилъ свои отно-

---

1) „Былое" (Парижъ. 1910, стр. 41).

шенія съ нами еще до напечатанія нами протеста противъ одной его фразы. Но даже и въ его собственномъ изложеніи полный разрывъ его со всѣми русскими и польскими соціалистами, какъ съ коллективностями, изъ-за «напечатаннаго протеста», не можетъ не показаться нѣсколько страннымъ. Если бы въ нашемъ протестѣ заключались личныя обиды, Драгомановъ несомнѣнно не преминулъ бы сообщить объ этомъ въ печати. Но такихъ обидъ абсолютно не было въ немъ. И не только теперь, по прошествіи тридцати трехъ лѣтъ, но и тогда разрывъ Драгоманова съ общерусской колоніей казался многимъ совершенно необъяснимымъ. Принятое имъ и его единомышленниками рѣшеніе похоже было на стрѣльбу по воробьямъ изъ пушекъ; съ огромнымъ большинствомъ эмиграціи, повторяю, Драгомановъ всего за двѣ-три недѣли до разрыва былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, а съ нѣкоторыми изъ нихъ даже въ дружескихъ, и лишь съ немногими лицами—въ безразличныхъ. Чѣмъ же объяснить принятое столь солиднымъ и умнымъ человѣкомъ рѣшеніе?

Какъ въ описываемое мною время, такъ и теперь мнѣ кажется, что главной причиной, побудившей Драгоманова порвать сношенія со всей почти русской эмиграціей, было оскорбленное самолюбіе. Играя въ теченіе полутора-двухъ лѣтъ едва-ли не первенствующую роль, онъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ, когда убѣдился, въ виду двухъ-трехъ въ сущности незначительныхъ фактовъ, что вновь съѣхавшаяся въ Женеву польская и отчасти русская молодежь готова открыто протестовать противъ того, что признаетъ невѣрнымъ въ его заявленіяхъ. Съ этимъ не могъ и примириться Драгомановъ, и только здѣсь лежитъ разгадка головокружительно быстраго паденія авторитета Драгоманова среди почти всей общерусской эмиграціи. Не слѣдуетъ забывать, что, хотя послѣдняя была очень немногочисленна, насчитывая приблизительно въ Женевѣ двадцать пять - тридцать человѣкъ, но и этотъ небольшой контингентъ лицъ еще дѣлился на самыя разнообразныя фракціи, расходившіяся между собою по нѣкоторымъ вопросамъ. Тѣмъ не менѣе, почти всѣ эмигранты,—за исключеніемъ лишь трехъ - четырехъ украинцевъ и столькихъ же личныхъ его друзей и пріятелей,—сошлись на протестѣ противъ того самаго Драгоманова, за котораго еще совсѣмъ недавно многіе готовы были, какъ говорится, стоять горой. Онъ сразу вооружилъ большинство противъ себя именно тѣмъ, что обнаружилъ чрезмѣрную требовательность и крайнюю обидчивость. Такіе солидные и старые его пріятели, какъ А. Эльсницъ и Н. Жуковскій, не стали бы на сторону его противниковъ, если бы онъ первый не далъ къ тому серьезнаго повода.

Какъ бы то ни было, происшедшій лѣтомъ 1880 г. между Драгомановымъ и большинствомъ эмигрантовъ разрывъ уже не прекращался; наоборотъ, онъ все болѣе обострялся и усиливался.

Съ назначенія гр. Лорисъ-Меликова предсѣдателемъ верховной распорядительной комиссіи, на время прекратилась организованная террористическая борьба. Въ теченіе лѣта и осени того года не произошло ни одного сколько-нибудь значительнаго политическаго событія въ Россіи. Все какъ бы замерло въ ожиданіи.

Въ эмиграціи, въ тѣ времена являвшейся нѣкоторымъ отраженіемъ происходившаго въ Россіи революціоннаго движенія, также было тихо и мирно. По-прежнему происходили общерусскія собранія, протекавшія, насколько могу теперь вспомнить, не менѣе содержательно и интересно, чѣмъ во время участія въ нихъ Драгоманова и его приверженцевъ. Изъ докладовъ въ особенности запечатлѣлось въ моей памяти сообщеніе С. Клячко о жизни съ Маликовымъ и другими «богочеловѣками» въ американской коммунѣ, а также рефераты Льва Мечникова по поводу религіозныхъ воззрѣній первобытныхъ людей — и С. Дикштейна — объ ирландскомъ движеніи.

Хотя Драгомановъ со своими пріятелями - украинцами совершенно отошелъ отъ насъ, но все же между нимъ и остальными эмигрантами всегда имѣлись какія-нибудь посредствующія звенья, и жизнь его и его близкихъ не являлась для насъ полной тайной. Нерѣдко мы узнавали, что происходитъ среди украинцевъ, что думаетъ Драгомановъ по поводу того или другого политическаго, а то и просто житейскаго факта. Довольно скоро послѣ объявленнаго украинцами разрыва сношеній со всѣми нами распространился слухъ, что д-ръ Подолинскій заболѣлъ психически: у него явилась манія преслѣдованія, выразившаяся въ убѣжденіи, что «Исполнительный Комитетъ» отправилъ меня за границу, чтобы убить его. Затѣмъ болѣзнь несчастнаго приняла еще болѣе тяжелую форму. Его невозможно было излѣчить, и вскорѣ затѣмъ онъ умеръ.

Незначительная и до этого несчастія группа украинцевъ еще болѣе сократилась. Дѣла по изданію малорусскихъ произведеній также въ это время притихли, вѣроятно, потому, что съ установленіемъ «диктатуры сердца» южные украйнофилы, поддерживавшіе Драгоманова и его заграничныя литературныя

предпріятія, потеряли къ нимъ интересъ, расчитывая на возможность въ скоромъ будущемъ получить право на югѣ Россіи печатать все необходимое для мѣстнаго населенія.

Положеніе Драгоманова, а также его единственнаго наборщика Ляхоцкаго, болѣе извѣстнаго среди эмигрантовъ подъ кличкой «Кузьма» и донынѣ здравствующаго, стало крайне незавиднымъ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніи. По словамъ Кравчинскаго, служившаго связующимъ звеномъ между «чернопередѣльцами» и украинцами, такъ какъ онъ одинаково дружилъ съ тѣми и другими,—непривычное, вынужденное уединеніе Драгоманова, при его чрезвычайной общительности, было ему очень тяжело. Онъ становился все болѣе раздражительнымъ, подозрительнымъ, пессимистически настроеннымъ и чуть не во всякомъ, съ нимъ въ чемъ-либо несогласномъ, готовъ былъ видѣть врага. Безотрадный взглядъ Драгоманова на будущее особенно рельефно сказался по слѣдующему поводу.

Хотя событіе 1-го марта 1881 г., въ виду покушеній, и не было неожиданнымъ, тѣмъ не менѣе телеграфное сообщеніе о немъ всѣхъ страшно поразило. Многіе ждали крупныхъ перемѣнъ въ политическомъ строѣ Россіи; всѣ съ напряженіемъ слѣдили за газетными извѣстіями изъ Россіи. Чуть не ежедневно встрѣчаясь другъ съ другомъ, эмигранты обмѣнивались предположеніями о томъ, чего можно ждать въ близкомъ будущемъ.

При этихъ условіяхъ, всѣхъ, конечно, интересовало, какъ Драгомановъ смотритъ на происходящее. Какъ ни отрицательно многіе относились тогда къ нему за его непонятный разрывъ съ большинствомъ, все же никто не могъ отрицать, что онъ, въ виду его эрудиціи и опытности, могъ имѣть болѣе правильное представленіе о дальнѣйшемъ ходѣ событій въ Россіи, чѣмъ кто-либо другой изъ эмигрантовъ. Каково же было, помню, всеобщее удивленіе, когда Кравчинскій, по приходѣ отъ Драгоманова, въ точности воспроизвелъ свою съ нимъ бесѣду. На вопросъ Кравчинскаго, что думаетъ Драгомановъ, послѣдній отвѣчалъ:

— Думаю, что первымъ дѣломъ меня повѣсятъ!

— Какъ? Почему? Кто?—въ недоумѣніи спрашивалъ Кравчинскій, не вѣря ушамъ своимъ.

— Да ваши же террористы, Исполнительный комитетъ!—воскликнулъ Драгомановъ.—Теперь, конечно, его популярность, сила и значеніе еще болѣе возрастутъ. Я, поэтому, считаю возможнымъ, что «народовольцы», подобно французскимъ якобинцамъ конца XVIII-го вѣка, захватятъ власть въ свои руки, и тогда

я буду первой жертвой ихъ «благотворной дѣятельности»—съ горькой усмѣшкой иронизировалъ онъ, искренно, повидимому, вѣря, что въ очень близкомъ будущемъ онъ будетъ казненъ революціонерами...

Если память мнѣ не измѣняетъ, при этой бесѣдѣ присутствовала и жена С. Кравчинскаго, нынѣ здравствующая въ Лондонѣ.

Приведенный разговоръ можетъ служить иллюстраціей, до чего преувеличенъ былъ взглядъ относительно силы террористовъ даже у враждебно къ нимъ настроенныхъ людей. Если Драгомановъ, опытный и ученый человѣкъ, допускалъ возможность, въ близкомъ будущемъ, «захвата власти» нашими «якобинцами», то всѣ остальные эмигранты и подавно въ правѣ были возлагать всевозможныя радужныя надежды относительно близкаго торжества разныхъ свободъ на ихъ отдаленной родинѣ.

Помню, въ этомъ именно смыслѣ мы и комментировали слова Драгоманова. Мы только не раздѣляли высказаннаго Драгомановымъ относительно него самого опасенія, такъ какъ никто не относился къ нему особенно враждебно, не считалъ его взглядовъ особенно вредными. Вообще, мы не допускали предположенія, будто съ торжествомъ русской революціи повторятся отрицательныя стороны великой французской революціи, съ истребленіемъ крайними партіями болѣе умѣренныхъ.

Въ этомъ духѣ, помнится, мы просили Кравчинскаго поговорить съ Драгомановымъ и успокоить его. Нѣкоторымъ изъ насъ было отъ души жаль его.

— Бѣдный Михаилъ Петровичъ! До какой мнительности дошелъ онъ въ имъ же самимъ для себя созданномъ изолированномъ положеніи!—говорили многіе.

Не знаю, передалъ ли Кравчинскій Драгоманову наше мнѣніе. Несомнѣнно то, что послѣдній все болѣе озлоблялся противъ общерусскаго революціоннаго и, въ частности, террористическаго направленія.

Какъ извѣстно, нѣкоторое время новый царь колебался, какое направленіе дать внутренней политикѣ. Среди эмиграціи надежды не только не ослабѣвали, но все усиливались. Многіе стали собираться обратно на родину, нѣкоторые, въ томъ числѣ Я. Стефановичъ, дѣйствительно, вернулись. Взяла верхъ, однако, рѣшительная реакція.

И вотъ, въ это надвигавшееся мрачное время, когда

можно было уже разслышать звуки приближавшейся грозы, Драгомановъ счелъ возможнымъ выступить съ брошюрой: «Le tyrannicide en Russie et l'action de l'Europe Occidentale», направленной противъ дѣйствовавшихъ въ Россіи революціонеровъ...

Теперь я не помню въ точности ея содержанія. Но мнѣ живо представляется, какъ вновь заволновалась вся общерусская эмиграція, когда ознакомилась съ нею. Вскорѣ послѣ того Драгомановъ принялъ участіе во вновь возникшей въ Женевѣ либеральной газетѣ; «Вольное Слово», сперва въ качествѣ постояннаго сотрудника, затѣмъ—редактора.

Въ послѣднее время у насъ много писалось какъ по поводу этого органа, такъ и относительно роли въ немъ Драгоманова. Извѣстно, что первымъ редакторомъ «Вольнаго Слова» былъ нѣкій Мальшинскій, человѣкъ съ крайне сомнительной репутаціей. Кто поручилъ ему отправиться за границу для изданія газеты и какимъ образомъ Драгомановъ согласился принять въ ней участіе,—полагаю, не скоро, никогда не будетъ твердо установлено.

Несмотря на непріязненныя отношенія Драгоманова со всей почти эмиграціей, фактъ его участія въ «Вольномъ Словѣ», насколько могу припомнить, не только никѣмъ рѣшительно въ теченіе очень долгаго времени не ставился ему въ вину, но, наоборотъ, именно это обстоятельство для большинства изъ насъ служило гарантіей добропорядочности новаго литературнаго предпріятія, какъ въ моральномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ. Наилучшимъ тому доказательствомъ являлось для публики, что, вслѣдъ за Драгомановымъ или—вѣрнѣе—одновременно съ нимъ въ «Вольномъ Словѣ» началъ сотрудничать, взявъ на себя отдѣлъ «западно-европейское рабочее движеніе», человѣкъ столь безупречный, какъ П. Б. Аксельродъ.

Не буду касаться начатыхъ другою, существовавшею уже давно въ Женевѣ конституціонно-полусоціалистической газетою «Общее Дѣло» изобличеній «Вольнаго Слова»; объ этомъ у насъ теперь имѣется довольно обширная литература. Я хочу лишь указать на недружелюбныя отношенія къ общерусскому революціонному движенію, какъ со стороны перваго редактора новаго заграничнаго конституціоннаго органа, такъ и со стороны второго, Драгоманова. Объ этомъ много толковалось въ печати, но, за исключеніемъ В. И. Засуличъ [1]), лишь несовременниками—слѣдовательно, главнымъ образомъ, людьми, пи-

[1]) См. „Современникъ", 1913 г., VI.

савшими съ чужихъ словъ, на основаніи тѣхъ или иныхъ, часто неполныхъ литературныхъ источниковъ, разсказовъ, слуховъ и т. п.

Несомнѣнно и безспорно, какъ историческій фактъ, что въ цѣломъ общерусская эмиграція не подавала ни прямого, ни косвеннаго повода къ какимъ-либо нападкамъ на нее, какъ со стороны Мальшинскаго, такъ и Драгоманова. Заподозриваніе происхожденія «Вольнаго Слова» и его тайныхъ сношеній съ сомнительными лицами или организаціями исходили только отъ одного «Общаго Дѣла». Отвѣтственность за это руководители новаго органа ни въ какомъ случаѣ не могли возлагать на остальную эмиграцію, не имѣвшую почти никакихъ отношеній къ газетѣ д-ра Бѣлоголоваго, Христофорова и Эльпидина, что́ было извѣстно Драгоманову.

Между тѣмъ, «Вольное Слово» вскорѣ послѣ своего возникновенія выступило со статьей по поводу того, какъ слѣдуетъ относиться къ политическимъ эмигрантамъ, совершившимъ на родинѣ преступленіе, носящее уголовный характеръ, иначе говоря—къ террористамъ.

Ничего болѣе неудачнаго новый органъ не могъ придумать для своей репутаціи. Нужно только на минуту перенестись мысленно въ ту эпоху и представить себѣ то, поистинѣ ужасное положеніе, въ которомъ обрѣтались за границей нѣсколько человѣкъ, прикосновенныхъ къ террористическомъ актамъ, чтобы понять общій взрывъ возмущенія и негодованія, когда появилась упомянутая статья на страницахъ «Вольнаго Слова».

Напомню читателю, что съ небольшимъ лишь за годъ до того Гартманъ, участвовавшій во взрывѣ подъ Москвой, висѣлъ на волоскѣ отъ того, чтобы быть выданнымъ русскому правительству, хотя арестъ его въ Парижѣ произошелъ еще до убійства Александра II. Совершенно неизвѣстно, чѣмъ закончился бы его арестъ, случись онъ послѣ 1-го марта. До чего измѣнился въ этомъ отношеніи взглядъ европейской публики, иллюстраціею этому можетъ служить слѣдующій фактъ. Германская соціалъ-демократическая партія избрала Цюрихъ мѣстомъ для очередного соціалистическаго конгресса. Когда осенью 1881 г. съѣхались туда делегаты, населеніе возстало противъ этого съѣзда; собрана была масса подписей гражданъ, требовавшихъ недопущенія соціалистическаго конгресса на томъ основаніи, что въ Россіи убили царя. Въ концѣ концовъ делегатамъ пришлось перекочевать въ другой швейцарскій городъ.

Положеніе русскихъ эмигрантовъ, являвшееся, какъ я уже сказалъ, крайне печальнымъ въ всѣхъ отношеніяхъ, могло бы стать совсѣмъ безвыходнымъ, если бы западно-европейскія правительства прониклись тѣмъ взглядомъ на право убѣжища, какой сталъ развивать, тогдашній редакторъ «Вольнаго Слова» Мальшинскій. Вполнѣ понятно то озлобленіе, которое охватило сравнительно недавняго пріятеля Драгоманова, грузина В. Черкесова. Вскорѣ Драгомановъ самъ выступилъ въ «Вольномъ Словѣ» со всевозможными обвиненіями противъ общерусскихъ революціонеровъ. Я имѣю въ виду въ свое время нашумѣвшую статью его: «Обаятельность энергіи» [1]). Въ виду полной невозможности для огромнаго большинства читателей достать этотъ номеръ «Вольнаго Слова», а также тѣхъ относительно крупныхъ послѣдствій, которыя статья имѣла въ свое время, я позволю себѣ привести здѣсь изъ нея небольшую выдержку. «Мы видимъ въ революціонныхъ кругахъ потеру ясности положительнаго политическаго сознанія, а затѣмъ неизбѣжное пониженіе требованій отъ личностей революціонныхъ дѣятелей, чѣмъ объясняется существованіе, на-ряду съ лицами высокой энергіи,—преимущественно, впрочемъ, практической, — такого сравнительно большого процента предателей во всѣхъ русскихъ политическихъ процессахъ послѣдняго времени. Развѣ не поучительно, что тотъ же Гольденбергъ, который по принципу убилъ харьковскаго губернатора, по принципу же, въ качествѣ «соціалиста-народника», убивалъ и «политиковъ-террористовъ» откровеніями передъ Лорисъ-Меликовымъ? А сколько можно процитировать примѣровъ нетерпимости, мелочной розни между революціонными кружками, интригъ, взаимнаго обмана, клеветъ, истребленія и умышленнаго запрятыванія публикацій, изданныхъ *не нашимъ*? Что же увидѣли бы мы, если бъ хоть какая-нибудь изъ теперешнихъ русскихъ революціонныхъ фракцій дѣйствительно приблизилась къ власти? «Исполнительный комитетъ» представилъ собою только отдаленное подобіе власти,—а уже и теперь въ извѣстныхъ кругахъ мы видимъ признаки своего рода придворныхъ нравовъ: напримѣръ, боязнь противорѣчить ему въ чемъ-либо, даже указать ему, для его же пользы, явныя его ошибки,—безмолвіе и поддакиваніе его централистической государственности со стороны вчерашнихъ федералистовъ и анархистовъ, стремленіе помазаться его славой и т. д., и т. п.».

Въ описываемое мною время, кромѣ насъ, нѣсколькихъ

---

[1]) „Вольное Слово", 8 апрѣля 1882 г., № 34.

«чернопередѣльцевъ», въ Женевѣ не было никакихъ другихъ русскихъ эмигрантовъ, которые стояли бы въ сколько-нибудь близкихъ отношеніяхъ къ дѣйствовавшимъ на родинѣ революціонерамъ. Н. Морозовъ, О. Любатовичъ и Я. Стефановичъ, вернувшись въ Россію, уже были арестованы, а С. Кравчинскій жилъ тогда въ Италіи. Мы, остальные сравнительно недавно прибывшіе за границу, хотя во многомъ расходились съ «народовольцами», но все же значительно за истекшее предъ тѣмъ время сблизились съ ними.

Въ виду всѣхъ этихъ причинъ, Г. В. Плехановъ, В. И. Засуличъ, П. Б. Аксельродъ, И. В. Бохановскій и я, по прочтеніи приведенной выше статьи Драгоманова, сочли себя вынужденными такъ или иначе реагировать на нее. Но такъ какъ Драгомановъ въ своей статьѣ не привелъ никакихъ фактовъ въ подтвержденіе своихъ обвиненій, то мы рѣшили печатно просить его указать, на чемъ онъ основалъ свою, столь нелестную характеристику дѣйствовавшихъ въ Россіи, а отчасти и заграницей, соціалистовъ. Въ небольшомъ числѣ экземпляровъ выпустили мы «Открытое письмо къ г. Драгоманову», въ которомъ, между прочимъ, заявляли слѣдующее: «Причисляя себя къ русской соціально-революціонной партіи и зная, отчасти, взаимныя отношенія русскихъ революціонныхъ кружковъ за послѣдніе годы, мы считаемъ себя обязанными способствовать возстановленію репутаціи этой партіи, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣлаемые ей упреки кажутся намъ незаслуженными». Послѣ этого, мы предложили нѣсколько, какъ мы выразились въ этомъ «Письмѣ», «способствующихъ разъясненію дѣла «вопросовъ» и, цитируя его собственныя слова изъ вышеприведеннаго отрывка, спрашивали его, на чемъ основаны такія-то и такія его утвержденія, просили его назвать тѣ кружки, которые совершаютъ указанные имъ неблаговидные поступки и т. д. Въ заключеніе мы писали: «Вамъ извѣстно, при какихъ условіяхъ живутъ и дѣйствуютъ соціалисты-революціонеры въ нашемъ отечествѣ... Вы знаете, что нападки и обвиненія сыплются на нашихъ товарищей со всѣхъ сторонъ, и не пожелаете присоединиться къ хору тѣхъ, которые посылаютъ намъ упреки, не заботясь объ ихъ основательности. Мы, поэтому, убѣждены, что Вы удостоите насъ отвѣтомъ на поставленные нами вопросы. Съ своей стороны, употребимъ всѣ усилія для выясненія истиннаго значенія приводимыхъ Вами примѣровъ».

Противъ всѣхъ нашихъ ожиданій, Драгомановъ, всегда отвѣчавшій и возражавшій на любое обращеніе или замѣтку, такъ

или иначе его касавшіяся, насъ не «удостоилъ» отвѣтомъ. Только *годъ съ чѣмъ-то спустя*, въ виду появившагося въ 1883 г. въ «Календарѣ Народной Воли» подробнаго изложенія всего этого инцидента съ замѣчаніемъ отъ редакціи, что Драгомановъ до сихъ поръ не отвѣтилъ на «Открытое письмо», онъ, наконецъ, далъ въ «Вольномъ Словѣ» такое объясненіе [1]). По его словамъ, «онъ оставилъ письмо безъ отвѣта, въ интересахъ самихъ же лицъ, подписавшихся подъ этимъ письмомъ»; чтобы отвѣтить на него, ему пришлось бы разсказать исторію своихъ отношеній къ нѣкоторымъ изъ этихъ лицъ и опубликовать ихъ письма, а это онъ предоставляетъ сдѣлать черезъ тридцать лѣтъ «Женевско-Русской Старинѣ».

Итакъ, не желая насъ компрометтировать, Драгомановъ не отвѣтилъ на вопросы, касавшіеся, какъ мы видѣли, чести и порядочности многихъ лицъ, томившихся въ разныхъ мѣстахъ заключенія, находившихся въ Сибири, а то и погибшихъ уже.

Біографъ Драгоманова, г. Б. Кистяковскій, послѣ вышеприведеннаго объясненія молчанія редактора «Вольнаго Слова», отъ себя замѣчаетъ: «Теперь, ровно черезъ тридцать лѣтъ, эти письма еще не опубликованы, хотя въ Галиціи уже напечатаны письма Драгоманова и его близкихъ на украинскомъ языкѣ, въ которыхъ эта исторія разсказана».

Такимъ образомъ, полагаю, очевидно, что въ данномъ случаѣ молчаніе Драгоманова на прямо поставленные нами ему вопросы обусловливалось не его заботами о нашей репутаціи, а другими причинами. Но вполнѣ понятно, послѣ этого, почему могъ появиться такой памфлетъ, какъ брошюра В. Черкесова: «Драгомановъ изъ Гадяча». Нисколько не желая брать подъ свою защиту ни ея содержаніе, ни тонъ, я считалъ себя обязаннымъ изложить, по возможности объективно, инцидентъ, къ которому, въ значительной степени и я былъ прикосновененъ.

Я подошелъ къ наиболѣе интересному и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе загадочному моменту, какъ въ жизни нѣкоторыхъ эмигрантовъ, такъ и въ политической дѣятельности Драгоманова. Знакомый съ нашей литературой послѣднихъ лѣтъ читатель, конечно, догадывается, что я имѣю въ виду переговоры такъ называемой «Добровольной охраны» или «Лиги» съ «Исполнитель-

1) За неимѣніемъ подъ рукой подлинника, цитирую по статьѣ г. Б. Кистяковскаго, сторонника М. Драгоманова („Рус. Мысль", 1912 г., кн. XI, стр. 67)

нымъ Комитетомъ». Объ этомъ, какъ извѣстно, существуетъ довольно уже значительная литература, но вопросъ все еще остается мало выясненнымъ. Въ выше цитированномъ, отрывкѣ, на печатанномъ года два-три тому назадъ въ Парижскомъ «Быломъ», Драгомановъ подробно излагаетъ свою роль въ этихъ переговорахъ. Въ его разсказѣ имѣются нѣкоторыя — правда, небольшія — неточности. Я также былъ отчасти притянутъ къ этимъ переговорамъ и могу, поэтому, кое-что дополнить и исправить въ изложеніи Драгоманова. Предварительно сообщу слѣдующее.

Въ концѣ лѣта 1881 г. въ Женеву, послѣ побѣга изъ Сибири, пріѣхалъ Вл. Дебогорій-Мокріевичъ. За нѣсколько лѣтъ до той поры В. И. Засуличъ, Я. Стефановичъ и я состояли въ одномъ съ нимъ южно-русскомъ или кіевскомъ бунтарскомъ кружкѣ, естественно, поэтому онъ сразу попалъ въ нашъ тѣсный кружокъ. Но въ качествѣ малоросса, имѣвшаго много личныхъ связей съ украинофилами, Мокріевичъ, не участвовавшій въ предшествовавшихъ его пріѣзду инцидентахъ сблизился съ Драгомановымъ довольно часто съ нимъ видался и передавалъ намъ о томъ, что̀ дѣлалось во «враждебномъ лагерѣ».

Однажды —помнится, это было осенью—Мокріевичъ сообщилъ мнѣ и В. И Засуличъ, что ему представляется возможность раздобыть для революціоннаго движенія огромную сумму денегъ (теперь въ точности не помню ея размѣра). На вполнѣ естественный съ нашей стороны вопросъ: какимъ образомъ?—Мокріевичъ подъ большимъ секретомъ сообщилъ намъ, что гдѣ-то въ Италіи живетъ какой-то польскій магнатъ, желающій дать большую сумму денегъ для поддержки революціоннаго движенія; связь съ этимъ богачемъ имѣетъ Драгомановъ, который и даетъ Мокріевичу нужную рекомендацію.

Мы, конечно, одобрили намѣреніе Мокріевича отправиться къ указанному магнату. Какъ и Мокріевичъ, мы ни на минуту не сомнѣвались, что, разъ этого богача рекомендуетъ столь солидный человѣкъ, какъ Драгомановъ, значитъ, дѣло серьезное, надежное. Вѣроятно, мы готовились уже пересчитывать имѣющую быть привезенной Мокріевичемъ «громадную» сумму денегъ.

Вскорѣ онъ, дѣйствительно, отправился въ далекій путь, но, спустя совсѣмъ короткій промежутокъ времени, вновь очутился въ Женевѣ. Уже по лицу его, когда онъ вошелъ въ комнату В. И. Засуличъ, нетрудно было догадаться, что денегъ онъ не привезъ. «Солидная», «вполнѣ основательная надежда» оказалась

такимъ же мыльнымъ пузыремъ, какихъ немало мы видали въ нашей жизни. Помню, Мокріевичъ былъ чѣмъ-то возмущенъ, кого-то въ чемъ-то обвинялъ за то, что «оказался въ дуракахъ».

Вскорѣ послѣ этого, кажется, еще зимой 1881—1882 г.г., онъ переселился въ Парижъ, откуда довольно аккуратно со мною поддерживалъ переписку. Однажды, лѣтомъ, совершенно неожиданно является ко мнѣ Мокріевичъ и проситъ дать ему адресъ незадолго предъ тѣмъ эмигрировавшей за границу Маріи Николаевны Ошаниной, виднаго члена «Исполнительнаго Комитета». Когда я сообщилъ ему, что онъ съ нею разминулся, такъ какъ она всего на-дняхъ переселилась въ Парижъ, онъ выразилъ чрезвычайную досаду и огорченіе. Въ дальнѣйшей бесѣдѣ Мокріевичъ, вновь подъ секретомъ, сообщилъ мнѣ слѣдующее. Одно очень высокопоставленное лицо, уполномоченное придворной конституціонной партіею, желаетъ, молъ, вступить въ переговоры съ «Исполнительнымъ Комитетомъ» о прекращеніи террора, обѣщая за это во время коронаціи царя добиться объявленія конституціи или земскаго собора.

На мой вопросъ, какимъ образомъ онъ набрелъ на этого делегата, Мокріевичъ назвалъ Драгоманова. Тогда, помню, я воскликнулъ: это, вѣроятно, окажется такимъ же мыльнымъ пузыремъ, какимъ были «огромныя суммы» отъ польскаго магната!

Но Мокріевичъ полагалъ, что въ данномъ случаѣ предпріятіе болѣе серьезное. Несмотря на испытанную имъ незадолго передъ тѣмъ неудачу, онъ все же полагался на слова Драгоманова, который, повидимому, вѣрилъ явившемуся къ нему делегату. Я же остался при скептическомъ отношеніи къ этой совершенно новой въ эмиграціонной жизни затѣѣ.

Получивъ отъ меня парижскій адресъ Ошаниной, Мокріевичъ въ тотъ же день уѣхалъ съ рекомендованнымъ ему Драгомановымъ «делегатомъ дворцовой партіи». Потомъ, по этому же дѣлу, я также былъ вызванъ въ Парижъ—но это обстоятельство уже не входитъ непосредственно въ кругъ воспоминаній о Драгомановѣ, а потому о немъ сообщу въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь повторю лишь, что, несмотря на непріязненныя отношенія большинства эмигрантской публики къ Драгоманову, его все же считали настолько серьезнымъ, опытнымъ и понимающимъ человѣкомъ, что хотя бы косвенное прикосновеніе его къ какому-либо предпріятію являлось уже въ глазахъ огромнаго большинства гарантіею честности и порядочности дѣла и лицъ, къ нему прикосновенныхъ.

Вспоминая теперь объ этихъ переговорахъ «Добровольной

Охраны» съ «Исполнительнымъ Комитетомъ», которые, конечно, оказались такимъ же мыльнымъ пузыремъ, какъ и деньги отъ магната, я не сомнѣваюсь ни на минуту, что никто изъ насъ— Лавровъ, Ошанина, Тихомировъ и я,—не стали бы на нихъ тратить ни средствъ, ни времени, если бы не знали, что этотъ «делегатъ» отъ «высокихъ сановниковъ» попалъ къ намъ черезъ посредство Драгоманова. О послѣднемъ, въ виду редактированія имъ тогда «Вольнаго Слова»,—газеты, повидимому, солидно обставленной,—у насъ было представленіе, что онъ имѣетъ «крупныя связи» съ лицами разныхъ высокихъ сферъ. Невѣроятнымъ, послѣ всевозможныхъ перемѣнъ, образованіе придворной конституціонной партіи намъ не казалось, и мы готовы были допустить, что Драгомановъ, какъ редакторъ либеральнаго органа, пріобрѣлъ связи съ таковою. Впрочемъ, у меня уже и тогда зарождалось подозрѣніе, не являются ли эти переговоры затѣей начальника петербургской охраны подполковника Судейкина. Но я опасался сразу высказать вслухъ такое предположеніе.

——

Немногое остается мнѣ еще прибавить о Драгомановѣ. Съ прекращеніемъ, весной 1883 г., редактированнаго имъ въ теченіе почти года «Вольнаго Слова», онъ какъ-то стушевался;— о немъ въ теченіе нѣкотораго времени ничего не было слышно, хотя «посредствующія звенья» между имъ и нами не исчезли. Можетъ быть онъ въ это время занятъ былъ какими-нибудь литературными работами, неимѣвшими непосредственнаго отношенія къ повседневнымъ политическимъ вопросамъ.

Лѣтомъ 1883 года между нами, бывшими «чернопередѣльцами», заграничными представителями «Исполнительнаго Комитета» — Ошаниной и Тихомировымъ — велись переговоры о соединеніи, неприведшіе, однако, къ соглашенію: осенью того же года возникла первая русская соціалдемократическая группа «Освобожденіе Труда».

На сколько могу теперь припомнить, Драгомановъ, лучше кого-либо другого изъ эмигрантовъ, не исключая Лаврова, отнесся къ нашимъ задачамъ, хотя тоже не вполнѣ ихъ одобрилъ.

Приблизительно въ это же время или немного позже Драгомановъ сдѣлалъ попытку вновь посѣщать общерусскія наши собранія, на которыхъ онъ не бывалъ уже болѣе трехъ съ половиной лѣтъ. Къ крайнему огорченію многихъ, попытка эта окончилась непріятнымъ инцидентомъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій Г. В. Плехановъ читалъ, зимой 1883—1884 г.г., въ высшей степени интересный, обстоятельный и живо составленный рефератъ о дѣятельности общества «Земля и Воля». Узнавъ объ этомъ, Драгомановъ пришелъ на первое же засѣданіе и аккуратно посѣщалъ всѣ послѣдовавшія. По окончаніи реферата, онъ взялъ слово для возраженія. Признавъ докладъ Плеханова вполнѣ сорьезнымъ историческимъ документомъ онъ сталъ указывать на совершенныя названнымъ обществомъ неправильныя, съ его точки зрѣнія, политическія выступленія, напр., извѣстную демонстрацію 6 декабря 1876 г. на Казанской площади, во время которой Плехановъ произнесъ свою первую публичную рѣчь. Не успѣлъ Драгомановъ еще окончить перечисленія всѣхъ промаховъ, совершенныхъ членами указаннаго общества, что, къ слову, онъ дѣлалъ въ вполнѣ приличномъ тонѣ, — какъ вдругъ сорвался съ своего мѣста предсѣдатель какимъ въ тотъ вечеръ былъ эксцентричный и невполнѣ уравновѣшенный Николай Ивановичъ Жуковскій [1]), и сталъ кричать: «Намъ не нужна такая критика!.. У насъ было до сихъ поръ тихо, мирно!.. Вотъ опять являются къ намъ люди, всюду вносящіе споры и раздоры»!..

Со всѣхъ сторонъ раздались протесты, требованія дать договорить оппоненту, смѣнить предсѣдателя. Инцидентъ былъ вскорѣ улаженъ, и Драгомановъ высказалъ все, что желалъ. Но на слѣдующія собранія онъ уже не являлся. Послѣ этого я больше не видалъ его: меня вскорѣ послѣ этого арестовали въ Фрейбургѣ и отправили на каторгу, а когда я, спустя много лѣтъ, вновь прибылъ за границу, Драгоманова уже не было въ живыхъ.

Левъ Дейчъ.

---

[1]) О немъ я говорилъ подробно въ „В. Евр.“, 1912 г. іюль.

* * *

Отъ обмана стремлюсь я къ обману,
Вдохновенную ложь любя.
Никогда, никогда не устану
Обманывать самъ себя.

Ненавистна жизнь безъ обмана,
И одну въ ней правду я чту:
Благодатный обманъ Донъ-Жуана,
Превратившаго жизнь въ мечту.

Въ нѣжномъ сердцѣ ношу я рану,
Сердце бѣдное все въ крови,
Вѣритъ, вѣритъ оно обману,
Обману женской любви.

Борисъ Садовской.

БѢЛЫЯ НОЧИ.

Романъ Іогана Бойера.

(Окончаніе) [1]).

XIV.

На другой же день, чуть свѣтъ, генералъ Бангъ отправилъ капитану Рійсу слѣдующее письмо:

«Дорогой товарищъ, повидимому, намъ опять придется вмѣстѣ ходить на маневры. Не разрѣшишь ли мнѣ явиться къ тебѣ сегодня около часу пополудни?»

Въ назначенный часъ генералъ Бангъ шагалъ по улицѣ, направляясь къ дому стараго товарища. Поступь его, какъ всегда, была легка. Онъ никакъ не могъ принять въ серьезъ трагедіи стараго чудака, а ему самому, разумѣется, не въ чемъ было себя упрекнуть. Человѣкъ честолюбивый, работящій, дѣлающій карьеру, проявляетъ себя разносторонне. Случается, порой, у него бываютъ и маленькія приключенія; въ нихъ онъ ведетъ себя тактично, деликатно, затѣмъ, очень скоро, возвращается къ дѣлу, къ исполненію своего долга. Съ кѣмъ этого не бываетъ?.. Можетъ статься, кому-нибудь и солоно приходится отъ этого, но что же дѣлать? Но чтобы человѣкъ толковый, стоющій, съ характеромъ, могъ дать замучить себя въ конецъ простому подозрѣнію, сдѣлать его своимъ неразлучнымъ спутникомъ, связавшимъ его по рукамъ и по ногамъ,—нѣтъ, этого генералъ не могъ понять, не могъ серьезно отнестись къ этому... И онъ шелъ къ старому отшельнику, чтобы немножко провѣтрить затхлую атмосферу его жизни.

Астридъ уснула очень поздно, разбитая волненіями пере-

---

[1]) См. іюль, стр. 263.

житаго дня, и еще не просыпалась. Когда, наконецъ, глаза ея открылись, она увидала залитую солнцемъ комнату и возлѣ своей кровати нагнувшуюся надъ ней улыбающуюся генеральшу. Красивая сѣдая дама привѣтствовала дѣвушку словами:

— Ты славно выспалась, дитя.

Растерянная, ничего со сна не соображая, молодая дѣвушка соскочила съ постели.—Что это? Гдѣ она? Что съ ней случилось?

— Рейдаръ чуть свѣтъ ужъ былъ здѣсь и послѣ того нѣсколько разъ звонилъ по телефону. Но я сказала ему, что молодой дѣвицѣ, которая только-что сдѣлалась невѣстой, необходимо хорошенько выспаться.

— Который же часъ теперь?

— О, всего только двѣнадцать, или, можетъ быть, около часу. Можешь еще немножко поспать, дитя.

Астридъ даже странно было, что надо вставать. Послѣ бури настало затишье, но, разумѣется, только на время—потомъ снова разразится буря. Она такъ мечтала войти своею въ этотъ домъ, невѣсткою, женою сына, и вотъ—она здѣсь, а, между тѣмъ, все вокругъ ей кажется чужимъ. Что же ей мѣшаетъ чувствовать себя, какъ дома? Рейдаръ уже рѣшилъ, что больше она не пойдетъ на службу,—значитъ, некуда спѣшить, нѣтъ надобности одѣваться наскоро, затапливать плиту, готовить завтраки, стелить постели, мыть посуду... Свободна! Наконецъ, она свободна! Что же мѣшаетъ ей быть счастливой?

Генеральша ушла отъ нея, и когда Астридъ, полчаса спустя, вошла въ большую, свѣтлую, выходившую окнами на двѣ улицы гостиную, она застала все семейство въ полномъ сборѣ. Здѣсь были родители Рейдара, онъ самъ, Инга, ея старшая сестра, фру Раммъ—настоящій семейный совѣтъ. При входѣ Астридъ всѣ вдругъ смолкли.

— Вотъ и она!—сказалъ генералъ, идя ей навстрѣчу и обнимая ее за талію.

— Да, спросимъ прежде всего ее—пусть она скажетъ.—Рейдаръ взялъ ее за обѣ руки.

Но у Астридъ былъ такой видъ, какъ будто ей абсолютно нечего сказать, и хочется ей только одного—убѣжать отсюда.

Фру Раммъ, не спѣша, поднялась, оправила свой изящный выходной костюмъ, не безъ удивленія посмотрѣла на выцвѣтшее ситцевое платье Астридъ и тогда только подошла и поцѣловала ее въ лобъ.

— Добро пожаловать въ нашу семью,—сказала она.—Такъ это вамъ удалось, наконецъ, вскружить голову Рейдару.

— Твой женихъ, Астридъ, очень нетерпѣливъ,—сказала генеральша.—Онъ готовъ вѣнчаться хоть сегодня и не хочетъ понять, что раньше, какъ черезъ мѣсяцъ, это прямо таки неприлично.

Астридъ, присѣвшая на стулъ, потупилась и покраснѣла.

Фру Раммъ посмотрѣла на себя въ зеркало, поправила вуаль и сказала:

— Мы два года были женихомъ и невѣстой.

— А мы съ Генрикомъ!—подхватила Инга.

Ей, видимо, не очень нравилось, что жизнь ея пріятельницы складывается такъ гладко.

Рейдаръ, стоявшій возлѣ своей невѣсты, опершись рукой на спинку ея стула, усмѣхнулся и сказалъ:

— Хорошее дѣло выслушать умный совѣтъ.

Инга и фру Раммъ быстро переглянулись: обѣ поняли, что въ это дѣло имъ лучше не мѣшаться.

— Но, прежде всего, мы должны попробовать наладить отношенія съ твоимъ отцомъ,—съ неувѣренной улыбкой сказала генеральша.

Астридъ еще ниже опустила голову и закрыла лицо руками.

Рейдаръ понялъ, что она чувствуетъ себя, какъ обвиняемая на судѣ.

— Извини, мама, но я бы предложилъ сперва дать Астридъ позавтракать.

И, предложивъ руку невѣстѣ, онъ отвелъ ее въ столовую, гдѣ ждалъ ее на столѣ единственный приборъ.

— Садись и кушай, а остальное все предоставь мнѣ. Хорошо ты спала?

Онъ запрокинулъ ей голову назадъ и поцѣловалъ ее въ глаза.

Дѣвушка, не отвѣтивъ на вопросъ, сѣла за столъ и попыталась ѣсть. Рейдаръ ходилъ вокругъ стола и украдкой поглядывалъ на нее, улыбаясь. Такъ забавно было видѣть, какъ она ѣстъ ножемъ и вилкой, какъ самый обыкновенный человѣкъ. А когда она жуетъ, у нея одна щека толще другой—тоже какъ у всѣхъ. Астридъ тоже повременамъ исподтишка поглядывала на него и улыбалась, нѣсколько тревожно. За эти долгія недѣли разлуки и мечтаній другъ о другѣ каждый изъ нихъ воображалъ себѣ другого нѣсколько инымъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. И вдругъ теперь они помолвлены. Они?.. Какъ странно!

— Кушай, дѣвочка,—сказалъ онъ, садясь возлѣ нея.

Наконецъ-то она съ нимъ и у него, или, по крайней мѣрѣ,

у его родителей... А руки у нея всегда были красныя... Неожиданно у него что-то подступило къ горлу, и онъ вдругъ разсердился. Изъ сосѣдней комнаты все еще доносились голоса, и это ему мѣшало... Онъ рѣшилъ пойти туда и заставить всѣхъ ихъ замолчать.

Входя, онъ услыхалъ пониженнымъ голосомъ произнесенныя слова генеральши:

— Вотъ это-то и есть самое трудное—что̀ сказать людямъ. Пусть Астридъ остается здѣсь—я ничего не имѣю противъ; наоборотъ, я очень рада,—но вѣдь всѣ же знаютъ, что до сихъ поръ она жила у своего отца,—какъ же мы объяснимъ?

— Я скажу тебѣ, мама, какъ,—вмѣшался Рейдаръ.—Мы съ Астридъ сію же минуту идетъ къ мэру и вернемся уже мужемъ и женой... А вы можете тутъ устраивать салонъ и волноваться тѣмъ, что̀ скажутъ люди.

Его лицо, покрытое веснушками, было все красное; глаза теперь уже не смотрѣли сонно—ужъ не думаютъ ли они помѣшать ему жениться?

— Зачѣмъ такъ волноваться?—успокоивала генеральша.—Ахъ, Рейдаръ, ты все такая же горячка—что тебѣ ни скажи, сейчасъ вспылишь.

Инга и фру Раммъ переглянулись, улыбаясь.

Генералъ вскочилъ съ кресла и объявилъ:

— А я согласенъ съ Рейдаромъ. Чего это ради мы обязаны объяснять нашимъ знакомымъ, по какимъ причинамъ наша невѣстка живетъ у насъ въ домѣ? Что же касается этого стараго чудака, я разъ ужъ ходилъ къ нему на поклонъ, и чортъ меня побери, если я пойду еще. Астридъ совершеннолѣтняя; дадимъ ея папашѣ три недѣли сроку, и если онъ не сдастся, пусть вѣнчаются, а о немъ забудемъ, какъ будто его и на свѣтѣ нѣтъ. И баста—будетъ съ меня этихъ разговоровъ.

— Значитъ, на томъ и порѣшимъ,—сказала генеральша.

Но Инга скривила губки и вскорѣ послѣ того начала прощаться.

Астридъ же до тѣхъ поръ приставала къ Рейдару, пока не убѣдила его сейчасъ же вмѣстѣ съ ней итти къ ея отцу: мало ли, что могло случиться за вчерашній день.

Въ первый разъ молодые люди вмѣстѣ шли по улицѣ. И странно было видѣть рядомъ съ именитымъ дѣльцомъ, безукоризненно одѣтымъ, молодую дѣвушку въ ситцевомъ вылиняломъ платьицѣ и старомодной шляпкѣ—можно было принять ее за его экономку, за прислугу.

— Если-бъ только знать, что̀ вышло между нашими родителями,—говорилъ Рейдаръ.

— Да, хотѣлось бы знать... Но твоего отца, я думаю, лучше не спрашивать объ этомъ.

— Да, пожалуй... О нѣкоторыхъ вещахъ онъ не любитъ говорить.

Они были уже у двери, которую Астридъ такъ часто отпирала собственнымъ ключемъ. Теперь пришлось звонить; звонокъ раздался гулко, словно въ пустомъ домѣ, но швейцаръ внизу сказалъ имъ, что капитанъ дома. Они позвонили второй и третій разъ, готовые предстать рука объ руку передъ угрюмымъ старикомъ. Но ничто не обнаруживало присутствія въ домѣ живого существа, никто не откликался на звонокъ. Астридъ, испуганная, блѣдная, тревожно повернулась къ Рейдару. Онъ понялъ ее.

— Подождемъ до завтра. Если онъ и завтра не отворитъ, выломаемъ дверь.

На другой день они встрѣтили на лѣстницѣ старую прачку, которая стирала на всѣхъ жильцовъ этого дома. Она разсказала Астридъ, что видѣла утромъ капитана. Когда она проходила мимо двери ихъ квартиры, онъ вышелъ посмотрѣть, нѣтъ ли писемъ въ ящикѣ, и попросилъ ее сходить купить ему чего-нибудь поѣсть. Потомъ уговорился съ ней, что она каждый день будетъ приходить готовить ему обѣдъ, но строго-настрого запретилъ ей кому бы то ни было отворять дверь.

— А какъ онъ себя чувствуетъ?

— Теперь получше—послѣ того, какъ поѣлъ немного, одѣлся, выбрился и засѣлъ за какую-то большую рукопись.

У Астридъ камень свалился съ сердца—худшія опасенія ея не оправдались. Отецъ ходитъ по комнатамъ, нанялъ прислугу, ѣстъ, работаетъ—слава тебѣ, Господи! Какъ только прачка скрылась изъ виду, она бросилась на шею жениху.

— Вотъ увидишь, въ концѣ концовъ все обойдется.

Рейдаръ тоже вздохнулъ съ облегченіемъ. По дорогѣ онъ предложилъ Астридъ:

— Зайдемъ купимъ мамѣ цвѣтовъ—я таки былъ вчера немного грубъ съ ней. А потомъ зайдемъ къ бабушкѣ; она будетъ страшно рада видѣть тебя, и у нея намъ нужно побывать, но больше мы никакихъ визитовъ дѣлать не будемъ.

Послѣ этого капитана на время оставили въ покоѣ, и Астридъ попробовала быть счастливой и надѣяться, что все устроится. Но это удавалось ей только минутами. Не успѣвала

разсѣяться одна тревога, какъ на мѣстѣ ея возникала другая. Въ ушахъ ея, не умолкая, звучало одно имя: «*Гольтъ*». Вѣдь надо сказать и объ *этомъ* Рейдару. Но хватитъ ли у нея мужества?—Нѣтъ, нѣтъ, она не смѣетъ—это значило бы снова все поставить на карту... «Но вѣдь ты не будешь имѣть минуты покоя и радости, если будешь продолжать обманывать его,—онъ такъ вѣритъ въ тебя...»—шептала совѣсть.—Нѣтъ, нѣтъ,—трусливо отвѣчало сердце,—можетъ быть, потомъ...—А если онъ узнаетъ отъ кого-нибудь другого?—Ну, что жъ, тогда все кончено. Я кончу такъ же, какъ и моя мать. Но по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ я буду счастлива.

Она привыкла носить въ душѣ тайное горе, о которомъ никто не долженъ былъ подозрѣвать, и эта вѣчная скрытая тревога только заставляла ее еще нѣжнѣе, еще горячѣе привязываться къ Рейдару. Какъ она мало знала его! Теперь, вблизи, онъ оказывался совсѣмъ не такимъ, какъ она думала. И голосъ былъ другой, и взглядъ, и ротъ, и подбородокъ. Мысленно она всегда представляла его себѣ на лыжахъ, какъ въ горахъ на Пасху, и мало-по-малу онъ сталъ для нея воплощеніемъ всего, чего она была лишена,—забавъ и радости, свободы, голубого неба—больше того: сталъ самъ по себѣ цѣлью, и въ этомъ была такая отчаянная бравада, что при одной мысли у нея восхитительно кружилась голова. А теперь? Кто бы могъ подумать! Оказывается—у него пѣвучій голосъ, и онъ умѣетъ говорить объ искусствѣ. Въ Америкѣ онъ былъ парикмахеромъ; въ Клондайкѣ мерзъ и голодалъ, какъ простой рабочій,—онъ, сынъ генерала Банга. Онъ ходилъ съ ней въ церковь, но не для того, чтобы слушать проповѣдь, а ради пѣнія и органа. Онъ былъ страшно вспыльчивъ; чуть что—сейчасъ разсердится—и тотчасъ же и отойдетъ, и всегда старается скрыть и то, и другое. Нѣтъ, никогда ей не узнать его вполнѣ, не заглянуть глубоко въ его душу.—И, когда тревога особенно томила ее, Рейдаръ становился для нея болѣе, чѣмъ человѣкомъ,—воплощеніемъ самой жизни, лучезарной жизни, къ которой она рвалась душой.

И именно потому, что въ душѣ ея жило предчувствіе близости конца, слѣдующіе дни она жила необычайно полной жизнью. Утромъ она просыпалась съ мыслью: «Я свободна. Не надо бѣжать ни въ кухню, ни на службу. Я свободна, свободна! И ужъ навѣрное сегодня меня никто не выбранитъ. И все это благодаря Рейдару...» И ей хотѣлось сейчасъ же кинуться ему на шею. Какое наслажденіе каждой маленькой радостью быть обязанной ему! Какъ пріятно пить кофе въ постели, а потомъ еще

немножко поваляться, полѣниться—такъ какъ торопиться некуда. Потомъ шмыгнуть въ большую ванную, дѣлать гимнастику при открытомъ окнѣ, стать подъ холодный душъ и, растираться щеткой, пока кожа вся не станетъ красной... ахъ, хорошо! «Слава Богу,—говорила она себѣ, разглядывая свое тѣло, полное и стройное—я и теперь такъ же сильна, какъ въ то время, когда училась гимнастикѣ». И подъ вліяніемъ теплоты, разливавшейся по всему ея тѣлу отъ растиранья, въ умѣ ея вставали картины новой жизни—на воздухѣ, на солнцѣ, на просторѣ. А все Рейдаръ...—говорила она себѣ и улыбалась. Потомъ, вернувшись въ свою комнату, всю бѣлую, раздвигала желтыя занавѣси и видѣла передъ собой уже не грязно-сѣрую стѣну, а золотыя верхушки деревьевъ и сквозившій за ними голубой фіордъ. И, сбросивъ пеньюаръ, она купалась въ горячихъ солнечныхъ лучахъ. И снова повторяла: Рейдаръ. И думала: «А ты, мама, тоже такъ начинала день?»

Никогда ей и въ голову не приходило, что, одѣваясь, можно испытывать такое удовольствіе. Правда, теперь у нея все было новое и первый сортъ. Генеральша то и дѣло вручала ей пакеты и пакетики, невѣдомо откуда взявшіеся; ее прямо засыпали подарками, и было бы даже не пріятно получать ихъ столько, если бы она не догадывалась, отъ кого они. Вѣдь все это было его, Рейдара, какъ и она сама. И прежде, чѣмъ надѣть какую-нибудь вещь, дѣвушка ласково поглаживала ее пальцами. Но порою, въ самыя счастливыя минуты ей вдругъ становилось жутко.—«А отецъ?.. Онъ все еще принуждаетъ во всемъ себѣ отказывать...» И хотѣлось написать ему. Или, вдругъ, холодной рукой хватала за сердце другая мысль: «А Гольтъ?.. Что, если бы Рейдаръ зналъ?»—И было похоже, какъ будто она, неся охапку розъ, неожиданно укололась до крови шипомъ.

Но черныя мысли скоро проходили—все, чего бы она ни коснулась, было такое восхитительное. Чулки, напримѣръ—какая прелесть!—длинные, выше колѣнъ, и, навѣрно, шелковые: когда натягиваешь ихъ, даже дрожь какая-то пробѣгаетъ по ногѣ. «Это все Рейдаръ»,—говорила она себѣ, и сердце ея билось быстрѣе. Рубашка, корсетъ, хорошенькія туфельки, все, что на ней надѣто, все это подарки Рейдара. И каждое прикосновеніе этихъ вещей къ ея нагому тѣлу было лаской, отъ которой сладко кружилась голова, и невольно опускались глаза. Стоя передъ зеркаломъ, она расчесывала свои роскошные густые волосы—откуда у нея эти новыя черепаховыя гребенки?..

Какая роскошь! Что за красота! А на туалетномъ столикѣ было столько же гребней, флаконовъ, ящичковъ, всякихъ бездѣлушекъ, милыхъ сердцу женщины... И Астридъ невольно улыбалась себѣ въ зеркалѣ.

А время шло, и случалось, въ нижнемъ этажѣ генералъ неожиданно врывался въ гостиную, озабоченный, съ перомъ за ухомъ, спрашивая:

— А дѣвочка? еще не встала?

— Нѣтъ,—отвѣчала генеральша,—ты же самъ велѣлъ ей побольше ѣсть, спать и ни о чемъ другомъ не думать.

— Ну да... конечно, онъ это самъ сказалъ...—И все-же, отъ нетерпѣнія онъ шагалъ по комнатѣ. Потомъ останавливался передъ женой, которая шила, сдвинувъ очки на носъ.

— Какое твое мнѣніе о ней, Марія?..

Генеральша медлила отвѣтомъ.

— Сразу видать, конечно, что она росла безъ семьи. Будемъ надѣяться, что все устроится благополучно.

— Я хочу покатать ее сегодня. Вы, женщины совсѣмъ присвоили ее себѣ.

И снова онъ взволнованно бѣгалъ по комнатѣ.

— Ну, разумѣется,—смѣялась генеральша.—Ты самъ влюбленъ въ нее—я ужъ вижу.

—Ну да, влюбленъ. И это превосходно—это молодитъ.

Женихъ съ невѣстой еще не успѣли побывать у бабушки, но въ одинъ прекрасный день старушка неожиданно сама явилась и стала посрединѣ гостиной, опершись на палку.

— Ну? Что тутъ у васъ происходитъ? Ну-ка, покажите мнѣ ее—эта, что-ли?

Она указала палкой на Астридъ.

— Такъ вотъ она какая, эта колдунья, приворожившая нашего упрямца? Волосы у нея рыжіе... совсѣмъ какъ у него. Ну и заведутъ же они тутъ у насъ въ домѣ рыжую команду!

Она сѣла и указала Астридъ на стулъ рядомъ съ собой.

— Поди сюда, дитя—давай знакомиться съ тобой поближе.

Такъ странно было сдѣлаться вдругъ своею, дочерью въ этомъ богатомъ домѣ. Всѣ наперерывъ ласкали и баловали ее, потому что она была невѣстой Рейдара, и въ то же время курьезно было слушать, какъ родные говорили о немъ. Генералъ иначе не называлъ его, какъ «мой удивительный сынокъ», и при этомъ иронически усмѣхался. Инга порой невольно фыркала при его имени. А генеральша качала головой и улыбалась. Но какъ только Рейдаръ приходилъ, всѣ толпились около него.

День свадьбы приближался. По обычаю, слѣдовало бы справить ее въ домѣ отца невѣсты. Но развѣ это отецъ? Все приданое, до послѣдней пуговицы, ей пришлось покупать себѣ самой. Астридъ вмѣстѣ съ будущей свекровью ходила по магазинамъ, выбирала костюмы, не спрашивая о цѣнѣ, и примѣряла платья, такія красивыя, что она едва рѣшалась прикасаться къ нимъ. Это было совсѣмъ, какъ въ сказкѣ, и даже немножко совѣстно,—но вѣдь она знала, что за все платитъ Рейдаръ. Генералъ все время приглядывавшійся къ ней украдкой, замѣтилъ, что она за короткое время очень измѣнилась. Фигура ея стала гибче, поступь легче, голосъ звонче и нѣжнѣе и, когда она вскидывала на кого-нибудь глаза, на губахъ ея появлялась какая-то, мечтательная, далекая улыбка.

— Надо мнѣ хоть чѣмъ-нибудь отблагодарить ихъ,—говорила себѣ Астридъ. Къ счастью, въ ея кошелькѣ нашлось нѣсколько кронъ, случайно захваченныхъ съ собой при неожиданномъ уходѣ изъ дому; это были ея собственныя заработанныя деньги, и на нихъ она купила бѣлый жилетъ для Рейдара и салфеточку для генеральши. То и другое она рѣшила вышить сама—салфеточку по утрамъ, когда она сидитъ въ гостиной съ Ингой и свекровью, а жилетъ—вечерами, у себя въ комнатѣ, сюрпризомъ для жениха. И какъ ей радостно было работать для него. Каждый стежокъ узора какъ будто приближалъ ее къ нему. Но порой ей становилось до того страшно, что руки ея дрожали и не слушались.

Она все еще не написала отцу, порѣшивъ, что потомъ сама пойдетъ и, можетъ быть, сумѣетъ уговорить его. А можетъ быть, онъ самъ придетъ на свадьбу?—Каждый день она бѣгала домой, по черной лѣстницѣ—перекинуться словечкомъ со старухой прачкой. Дома все, повидимому, шло благополучно. Иной разъ Астридъ удавалось, потихоньку отъ него, при содѣйствіи прачки, чѣмъ-нибудь полакомить отца, и это было ей маленькимъ утѣшеніемъ.

Товарищи вышучивали Рейдара.—Вотъ онъ, женоненавистникъ! Да, ты правъ: женщина—это дьяволъ!—Но Рейдаръ только кивалъ имъ головой и, посмѣиваясь про себя, шелъ своей дорогой. Не такой онъ былъ человѣкъ, чтобъ неглижировать работой изъ-за того, что случайно ему пришлось жениться! Глупо было только, что иной разъ приходилось разрывать длинное дѣловое письмо, потому что оно оказывалось пропитаннымъ совершенно неумѣстнымъ лиризмомъ. И еще хуже—что онъ забросилъ свою верховую лошадь—до того, что она иной разъ по три дня за-

ставалась въ конюшнѣ. Утромъ, продѣлывая гимнастическія упражненія, онъ думалъ о томъ, какъ бы ему пріукрасить свою виллу къ пріѣзду молодой жены, и бросалъ гимнастику, чтобы пойти взглянуть, что̀ можно сдѣлать. Это его злило, и онъ, ворча, ругалъ себя болваномъ. Теперь-то и надо быть осмотрительнымъ, вдумчивымъ, въ дѣлахъ не рисковать, не довѣряться случаю—вѣдь, теперь на немъ лежитъ отвѣтственность не только за себя... Но все это казалось ему такими пустяками въ сравненіи съ его счастьемъ. «Смотри, однако,—этакъ можно совсѣмъ обабиться», увѣщевалъ онъ себя. Но чувствовалъ себя прекрасно. Теперь ужъ ему не казалось, что что-то невидимое бродитъ возлѣ его дома, грозя ему бѣдой. Онъ избавился, наконецъ, отъ своихъ кошмаровъ, восторжествовалъ надъ ними, освободилъ свой духъ. О, любовь—великое дѣло!

Не особенно довольна была—и то въ душѣ—одна лишь Инга. Волей-неволей приходилось дѣлать видъ, что она примирилась съ Астридъ и опять дружна съ ней, но до сихъ поръ она была общей любимицей и баловницей въ домѣ,—а теперь Астридъ вытѣсняла ее, и въ семьѣ только и было разговору, что объ Астридъ. Притомъ же, она теперь привыкаетъ къ бѣдности и къ тому, чтобы во всемъ урѣзывать себя; Астридъ же, наоборотъ, учится быть богатой и швырять деньгами. Нѣтъ, положительно не легко вѣчно улыбаться и дѣлать веселое лицо.

Однажды она пошла въ городъ, чтобы встрѣтить Генрика, когда онъ будетъ итти со службы. Рейдаръ прислалъ автомобиль за Астридъ, и та хотѣла подвезти ее, но Инга отказалась—зачѣмъ? у нея, славу Богу, ноги есть, она можетъ и пѣшкомъ пройтись... Никто не зналъ, что они съ Генрикомъ уже наняли маленькую квартирку въ предмѣстьи Хунансбю и теперь обставляютъ ее, и скоро все будетъ готово. Почти всю мебель Генрикъ сдѣлалъ самъ. Имъ предлагали вѣнчаться въ одинъ день съ Рейдаромъ, но Инга рѣшительно воспротивилась, не желаетъ она никому доставлять лишнихъ хлопотъ. Они съ Генрикомъ рѣшили повѣнчаться въ мэріи, а потомъ просто-напросто пойти вдвоемъ домой—обѣдать.

А! Вотъ и онъ. Инга взяла жениха подъ руку, и они пошли бродить по улицамъ, куда глаза глядятъ.

— Ты опять сегодня блѣдный,—нѣжно говорила она.—Навѣрно не послушался меня и опять работалъ ночью?

Генрикъ улыбнулся и сдвинулъ на затылокъ большую фетровую шляпу.

— Всего лишь нѣсколько часовъ. Днемъ у меня явилась мысль, которую мнѣ захотѣлось развить. Какъ ты думаешь, что, если провести нѣсколько новыхъ улицъ въ Кампенѣ—тамъ, на горѣ? Теперь тамъ жалкія узкія улочки и лачуги, загаженныя нечистотами, но мѣстоположеніе чудесное, и когда-нибудь тамъ будутъ широкіе проспекты съ великолѣпными домами, съ садами и фонтанами. Хочешь, поднимемся туда?

— Видишь ли, у меня не хватитъ времени... Впрочемъ, нѣтъ, все равно, пойдемъ.

Прежде, въ этихъ скитаніяхъ по городу, когда онъ мысленно все перестраивалъ и передѣлывалъ по-своему, его нерѣдко сопровождалъ братъ, художникъ: теперь ему сопутствовала Инга, и молодая дѣвушка гордилась, что ея милый дѣлится съ съ ней своими мечтами и идеями. Что за бѣда, что приходится бродить по вонючимъ закоулкамъ, гдѣ тошнитъ отъ грязи,—вѣдь они гуляютъ вмѣстѣ и преображаютъ фантазіею все, что видятъ. Отъ времени до времени она увлекала его куда-нибудь подъ ворота, чтобы поцѣловаться. Когда же онъ пускался въ пространныя разъясненія, она иной разъ говорила ему:

— Когда же мы серьезно примемся за осуществленіе твоихъ идей?

Въ такихъ случаяхъ онъ, помолчавъ немного, отвѣчалъ ей:

— Ахъ, знаешь... едва-ли намъ съ тобою доведется это видѣть.

— Какъ? Значитъ, мы не доживемъ до этого? Изъ-за чего же ты такъ надрываешься—работаешь?

— Когда-нибудь это будетъ. Можешь быть увѣрена, что будетъ. Идея носится въ воздухѣ, а это главное.

— Но, дорогой мой... этимъ, вѣдь, не проживешь.

— О, пфи! Много ли намъ съ тобою нужно, чтобъ прожить? Столько я заработаю.

— Я многаго и не потребую отъ тебя, Генрикъ.

И, продолжая путь, они снова обсуждали свои великіе проекты.

Въ послѣднее воскресенье—передъ свадьбой Астридъ и Рейдаръ вдвоемъ устроили себѣ маленькій пикникъ. На автомобилѣ выѣхали за городъ, захвативъ корзинку съ провизіей, погуляли въ лѣсу, потомъ расположились подъ деревомъ. Астридъ разостлала коврикъ на землѣ, разставила посуду и кушанье; они ѣли и чокались, улыбаясь другъ другу. Потомъ, когда все опять было уложено въ корзину, встряхнули коврикъ, снова разостлали его на землю и улеглись на немъ оба, одинъ возлѣ другого. Астридъ положила голову на плечо Рейдара.

Сентябрьское небо повисло синимъ куполомъ надъ верхушками елей; поодаль парилъ ястребъ, неподвижный на своихъ распростертыхъ крыльяхъ.

Каждый слышалъ дыханіе и біеніе сердца другого. Волосы молодой дѣвушки такъ славно пахли, Рейдаръ съ наслажденіемъ зарылся въ нихъ лицомъ. Ея роскошное тѣло соблазняло его, но онъ разъ навсегда рѣшилъ воздерживаться до того момента, когда онъ сведетъ ее въ домъ свой, какъ свою жену.

— Знаешь, что?—неожиданно сказала Астридъ.—А вѣдь, въ сущности, я совсѣмъ тебя не знаю.

— Вотъ и я себѣ то же говорю. Даже когда мы вмѣстѣ, мы неясно представляемъ себѣ другъ друга.

— Вѣришь ты въ судьбу?

Онъ поцѣловалъ ея сомкнутыя вѣки и отвѣтилъ:

— Я вѣрю во все и ни во что. Но знаю, что вѣрю въ тебя.

— Это правда, что ты такъ безпощаденъ къ своимъ конкуррентамъ?

— Теперь я стану добрѣе.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ. Она открыла глаза и провела рукой по его волосамъ.

— Чѣмъ одинъ человѣкъ можетъ привлечь другого? Вотъ я, напримѣръ, люблю тебя, а развѣ я знаю за что? Что ты для меня?—Можетъ быть, воспоминаніе, солнечный лучъ, или тѣнь, взглядъ, поворотъ головы?.. Или, можетъ быть, я за то тебя люблю, что такъ долго томился по тебѣ.

— Или за голую шейку и дырявый чулокъ.

— Какъ такъ?

— Ты же самъ сказалъ, что я покорила тебя дыркой на чулкѣ. Ну-ка отрекись, если посмѣешь.

Она щекотала ему лицо соломинкой.

— Знаешь, что мнѣ предсказано.—Что меня погубитъ женщина.

— Да, это я и есть.

Она неожиданно обвила руками его шею и спрятала лицо у него на груди.

— Рейдаръ, Рейдаръ, надо... надо быть снисходительнымъ ко мнѣ.

— Быть снисходительнымъ къ тебѣ? Что-жъ, пожалуй, меня и на это хватитъ.

Она снова вытянулась на коврѣ и открыла глаза, вглядываясь въ далекій сводъ небесный.

— Мы будемъ много путешествовать, не правда ли? Я

буду ходить съ тобой на охоту, въ ненастье, въ бурю. А потомъ мы поѣдемъ съ тобой на парусной лодкѣ на дальній островъ, гдѣ можно будетъ выкупаться вмѣстѣ и потомъ сохнуть на вѣтру, сидя на сухой морской травѣ. Мы обойдемъ весь свѣтъ и увидимъ все, что стóитъ видѣть.

Она закрыла глаза, мечтая о далекихъ странахъ.—«Мама,—шептала она мысленно,—что ты объ этомъ скажешь?»

Неожиданно она вскочила на ноги и воззрилась на него почти съ испугомъ.

— А вдругъ что-нибудь помѣшаетъ?

— Что же можетъ помѣшать?

— Мало ли что.—Развѣ не бываетъ, что напримѣръ невѣста умретъ наканунѣ свадьбы?

— Что за глупости! Съ чего ты это? Ты уже не въ первый разъ такъ говоришь...

Она снова вытянулась и закрыла глаза! гладя рукой волосы Рейдара. Она еще не потеряла его; онъ еще ничего не знаетъ. Ей чудилось, что она лежитъ на днѣ лодки и теченіе уноситъ ее, но куда? Не все ли равно? Закрыть глаза и плыть, качаясь на волнахъ... развѣ не хорошо?.. Но что, если путь преградитъ грохочущій водопадъ?

Усиливаясь казаться спокойной; она вдругъ спросила:

— Кого изъ своихъ друзей ты позовешь на свадьбу?

Онъ началъ называть имена—много много именъ. Въ томъ числѣ и Гольта. При этомъ имени Астридъ кольнуло въ сердце.

— И этотъ будетъ?

— Не навѣрное. Онъ отвѣтилъ какъ-то странно. Вѣрнѣй, что не придетъ.

Съ минуту дѣвушка лежала неподвижно. Какая-то странная дрожь пробѣгала у нея по спинѣ, сверху донизу по всему позвоночнику. Что, если... если эта исторія съ кольцомъ будетъ имѣть послѣдствія, которыя невозможно будетъ скрыть?

Мысль о возможности этого острымъ ножемъ вонзилась въ сердце Астридъ. А вдругъ *это* уже есть?—Тогда остается только умереть. Недаромъ ей все время казалось, что надъ ней виситъ гроза. Ужъ не эта ли?..

Она открыла глаза и ужъ не видѣла теперь передъ собой ни лѣса, ни голубого неба. Видѣла только мать свою, далекую и совсѣмъ близкую, призрачную и вмѣстѣ съ тѣмъ живую, улыбавшуюся ей. И мать шептала ей: «Такъ было и со мной. Тебя постигла та же участь. И мы будемъ вмѣстѣ». И раскрывала ей объятія.

— О чемъ ты думаешь?—спросилъ вдругъ Рейдаръ, поворачиваясь къ ней лицомъ.

Она обняла его, вся прижалась къ нему и простонала.

— Рейдаръ!.. Рейдаръ!..

XV.

Многое произошло съ тѣхъ поръ, какъ капитанъ Рійсъ остался одинъ, но теперь все это кончилось, и онъ совершенно успокоился. Всю ночь послѣ того, какъ дѣти бросили его, онъ бродилъ по лѣсамъ около города. И лишь подъ утро замѣтилъ, что идетъ дождь, а онъ въ спальныхъ туфляхъ и потерялъ шляпу.

Кончилось тѣмъ, что онъ вернулся домой и легъ въ постель, но дома улежать не могъ. Въ полдень онъ сидѣлъ у окна, блуждая взоромъ по двору, какъ вдругъ на дворѣ появилась хорошо знакомая фигура, Какъ? Генералъ? Заглаживать вину. Просить прощенія? Нѣтъ, дудки! Слишкомъ поздно! Раздался звонокъ. Онъ поспѣшилъ скользнуть въ постель подъ одѣяло. Снова позвонили. Онъ потянулъ одѣяло на голову. Звонъ не прекращался.—Ладно! Звони хоть до вечера—все равно, не отворю. Потомъ, ужъ подъ вечеръ, у входной двери снова позвонили. На этотъ разъ онъ не видѣлъ, кто пришелъ, но догадался и опять таки не всталъ съ постели.

Капитанъ Рійсъ видѣлъ однажды, какъ въ дракѣ человѣка нѣсколько разъ валили на земь, а онъ все силился встать и одолѣть противника, съ каждымъ разомъ все блѣднѣя, весь въ крови. Одинъ разъ ему удалось встать на колѣни, новый ударъ опрокинулъ его навзничь; онъ приподнялся на локтѣ—еще ударъ, теперь онъ могъ лишь только голову поднять, и въ распухшихъ глазахъ все еще свѣтилась надежда отомстить; но послѣдній ударъ доканалъ его. Это былъ старикъ съ сѣдыми волосами. Капитана Рійса тоже нѣсколько разъ валили на земь въ борьбѣ, и онъ теперь въ послѣдній разъ пытался приподняться и отомстить—по-своему. Онъ рѣшилъ доказать, что онъ еще не совсѣмъ раздавленъ. Собравъ остатки силъ, онъ засѣлъ за свой планъ реорганизаціи арміи и, наконецъ, закончилъ его. Это былъ торжественный для него день. Вычистивъ потертый сюртукъ, онъ навелъ лоскъ на цилиндръ и съ рукописью подъ мышкой отправился просилъ аудіенціи у военнаго министра. О, счастье, его приняли.

Въ голосѣ его звучала робость, но глаза блестѣли вызовомъ, когда онъ протянулъ министру рукопись. Тотъ, повидимому, удивился и даже не хотѣлъ брать пакета.

— Но развѣ вы не знаете, что военная комиссія по вопросу о реорганизаціи арміи уже закончила свои работы?.. Правда, ея проектъ еще не обсуждался въ стортингѣ, но, такъ какъ между комиссіей и министерствомъ разногласій нѣтъ, совершенно новое предложеніе врядъ ли можетъ оказать какое-либо вліяніе...

Министръ смотрѣлъ въ окно, поглаживая свою пышную черную бороду.

— Притомъ же не скрою отъ васъ, мы прямо таки завалены новыми предложеніями, и все, по большей части, отъ отставныхъ военныхъ.

Онъ улыбнулся, чтобы смягчить свои слова, и заключилъ, видимо спѣша сплавить посѣтителя:

— Впрочемъ, обратитесь къ предсѣдателю военной комиссіи.

Капитанъ Рійсъ закусилъ губы и ушелъ, взявъ свою рукопись обратно. Военная комиссія неоднократно приглашала на свои засѣданія, въ качествѣ свѣдущаго человѣка, генерала Банга, а предсѣдательствовалъ въ ней молодой капитанъ. Итти туда, чтобы его снова выпроводили? Неужели онъ допуститъ себя до такого униженія? Ни за что на свѣтѣ!.. Но, дойдя до конца улицы, онъ повернулъ обратно. Все-таки тутъ оставалась еще искра надежды. Усиливаясь держаться помолодцоватѣй, онъ вошелъ.

Два часа спустя старая прачка, убиравшая его квартиру, увидала его въ дверяхъ и ахнула. Онъ вошелъ, шатаясь, едва передвигая ноги, бросилъ на столъ пакетъ, который у него былъ въ рукахъ, и самъ плюхнулся въ кресло, не снимая шляпы. Глаза его были налиты кровью, и онъ все бормоталъ что-то вполголоса—старуха ни одного слова не могла понять. Въ концѣ концовъ онъ таки позволилъ уложить себя въ постель и не вставалъ два дня.

Это былъ послѣдній ударъ, послѣднее разочарованіе. Капитанъ Рійсъ зналъ, что теперь ему ужъ не на-что надѣяться. Онъ бродилъ по комнатамъ, передвигая вещи, и дивился, какъ это ноги еще держатъ его. Но дни тянулись безконечно долго. Въ пустой квартирѣ хорошо жить, когда человѣкъ работаетъ, а онъ проводитъ время въ праздности. Капитанъ въ отставкѣ—не велика птица, но когда онъ разрабатываетъ планъ реорганизаціи арміи, онъ больше, чѣмъ командующій войсками, онъ самовластный, самодержавный властелинъ. А теперь онъ чувствовалъ себя разжалованнымъ жалкимъ старикомъ, который по

ночамъ не спитъ, а днемъ боится выйти на улицу, чтобъ не столкнуться съ кредиторами. Онъ пробовалъ было снова взяться за чертежи, но руки его дрожали, глаза плохо видѣли. Онъ еще не успѣлъ выплатить цѣликомъ всѣхъ своихъ «долговъ чести», т. е. долговъ сына, а теперь, очевидно, придется и совсѣмъ отказаться ихъ платить.

Время тянулось нестерпимо медленно. Прослонявшись цѣлый день по комнатамъ безъ дѣла, капитанъ укладывался въ постель и не могъ уснуть. Утромъ вставалъ со скукой, не ожидая отъ новаго дня ничего добраго. Въ сумерки выходилъ изъ дому и все время пугливо озирался, какъ бы не встрѣтиться на улицѣ съ кѣмъ-либо изъ кредиторовъ сына. Возвращался домой; дома никто не ждалъ его, звонки у входной двери прекратились, и онъ начиналъ скучать по нимъ.

Цѣлыми часами онъ сидѣлъ у окна, глядя въ пространство, поверхъ крышъ. Вдали блестѣла подъ лучами солнца полированная кровля колокольни. Онъ любилъ смотрѣть на нее: постепенно онъ какъ бы сдружился съ этой колокольней и радовался, что это не живое существо, которое можетъ измѣнить ему.

Однажды онъ нашелъ букетъ у своей двери и снесъ его въ комнату Астридъ. Наемной прислугѣ туда входить не разрѣшалось, и тамъ все осталось, какъ было въ день ухода дѣвушки. Должно быть, у нея не хватило времени утромъ въ тотъ день прибрать свою постель, и на подушкѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ лежала голова, такъ и осталась ямка, и матрацъ какъ будто хранилъ очертанія тѣла Астридъ. На стѣнѣ на гвоздикахъ висѣли платья, напротивъ кровати—выцвѣтшій портретъ матери Астридъ; на полу у кровати стояли ея туфли. Казалось, дѣвушка еще жила здѣсь. Въ этой комнатѣ особенно живо ощущалось ея присутствіе... Капитанъ стоялъ и смотрѣлъ на все это, пока у него не задрожали губы...

Иной разъ за обѣдомъ на столѣ появлялось кушанье, которое казалось ему вкуснѣе всѣхъ другихъ. Нерѣдко также изъ кухни доносился шепотъ и какъ будто заглушенный смѣхъ, и въ такіе дни въ домѣ вѣяло молодостью. И, когда послѣ того къ нему входила прачка, ему чудился на ея лицѣ отсвѣтъ улыбки Астридъ.

Наконецъ, пришло письмо отъ дочери. Читая его, капитанъ нѣсколько разъ снималъ пенснэ и протиралъ его платкомъ. Два дня спустя почтальонъ подалъ ему большого формата карточку—приглашеніе отъ генерала Банга на обѣдъ въ суб-

боту по случаю бракосочетанія его сына съ фрёкенъ Астридъ Рійсъ. Старикъ долго вертѣлъ эту карточку въ исхудалыхъ пальцахъ, но не смѣялся презрительно и не разорвалъ ея въ клочки, а просто-напросто отложилъ въ сторону.

Капитанъ Рійсъ сталъ спокойнѣе просто потому, что у него не было больше силъ. Вечеромъ онъ смыкалъ глаза съ мыслью: хорошо бы не проснуться. Онъ ни на что больше не надѣялся и ни отъ кого ничего не ждалъ, теперь онъ былъ ничто. Жизнь шла своимъ чередомъ, помогая счастливымъ, удачливымъ, побѣдителямъ. А если иной разъ неудачникъ оставался подъ колесами тріумфальной колесницы—что за бѣда? Неудачниковъ не стоитъ жалѣть.

— Итакъ, значитъ, въ субботу твоя свадьба, Астридъ? Со стороны жениха будетъ куча гостей и богатой родни, а съ твоей стороны никого? И некому благословить тебя? Такъ, значитъ, это правда, Астридъ?—въ субботу твоя свадьба?

Капитанъ Рійсъ смотрѣлъ въ окно и спрашивалъ себя:

— За что ты ненавидишь генерала Банга? Онъ помѣшалъ тебѣ пробиться? Да полно, такъ ли это? Изъ-за женщины... Пфе, что такое женщина?—Въ ней вся жизнь мужчины? А что такое жизнь?

Капитанъ Рійсъ сидѣлъ и смотрѣлъ на блестящую крышу колокольни. Эта годами въ душѣ взлелѣянная ненависть, эти вѣчныя мечты о мести и надежда, поддерживавшая его,—въ сущности, стоило-ли придавать всему этому такъ много значенія?

На другой день онъ началъ перечитывать свою большую рукопись—не для того, чтобы внести въ нее поправки, но изъ смутной потребности разобраться въ самомъ себѣ. Однажды при немъ генералъ Бангъ высказалъ мнѣніе, что полкъ долженъ состоять изъ трехъ батальоновъ. Самъ онъ предлагалъ четыре. Генералъ Бангъ говорилъ, что въ батареѣ должно быть четыре орудія—онъ настаивалъ на шести, почему? Онъ закрылъ глаза, чтобы лучше сосредоточиться и отвѣтить на вопросъ,—потомъ открылъ ихъ, снова перевернулъ нѣсколько страницъ, снова закрылъ глаза... Почему, собственно, онъ настаивалъ на этомъ? Какія у него были основанія?...

Тогда—онъ не вызвалъ на дуэль обидчика. И не исколотилъ его. Вмѣсто того, онъ мобилизировалъ—на бумагѣ—цѣлую армію. Такъ ли надо было поступать? Онъ увеличилъ на нѣсколько тысячъ контингентъ новобранцевъ, усилилъ составъ бригадъ, создалъ новые полки и батареи, строилъ крѣпости, усиливалъ кавалерію и урѣзывалъ количество саперныхъ командъ, трудъ

огромнѣйшій, взявшій нѣсколько лѣтъ жизни. А зачѣмъ? кому отъ этого какая польза? Ради честолюбія? Ради мести? Изволите ли видѣть, изъ-за того, что онъ несчастенъ, такъ ему нужно всю норвежскую армію перевернуть вверхъ дномъ. Всегда ли такъ бываетъ? Такъ ли поступаютъ въ такихъ случаяхъ другіе? Каждому горлану хочется, чтобы міръ преклонился передъ нимъ; голосъ одного теряется въ общемъ шумѣ; другому удается на двѣ минуты приковать къ себѣ вниманіе. И это называется побѣдой. А на что все это? Кому отъ этого какая польза?

Капитанъ Рійсъ собралъ свои листы и усмѣхнулся. Ему почти жаль было этого большого терпѣливаго труда, въ которомъ вылилось все его желаніе возвыситься. Онъ сочинилъ себѣ свой міръ. И вотъ, въ одинъ прекрасный день по этому міру проѣхалось колесо, и ничего отъ него не осталось. Что за бѣда? Зерно, упавшее на камень, не даетъ плодовъ—что за бѣда?

Капитанъ Рійсъ всталъ, медленно прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, глядя на свои костлявыя руки.

Сегодня четвергъ. Значитъ, свадьба уже послѣзавтра. Надо отвѣтить на письмо. Но онъ не рѣшался отвѣтить: да,—и не въ состояніи былъ послать отказъ. Настала пятница. «Если завтра ты поведешь свою дочь къ алтарю, это будетъ униженіемъ для тебя; ты падешь къ ногамъ своего врага. Это правда, но что же изъ того? Кто ты такой? Человѣкъ, который въ жизни ничего не сдѣлалъ. Даже не въ состояніи заплатить долговъ чести. Чѣмъ ты послѣ этого лучше нищаго?

На другой день капитанъ Рійсъ поднялся рано и принялся чистить свой наименѣе поношенный мундиръ. Вынулъ изъ комода эполеты и поясъ—осмотрѣлъ ихъ. Онъ мечталъ еще разъ въ жизни выйти изъ дому въ полной парадной формѣ—въ торжественный день свершенія мести, осуществленія завѣтныхъ грезъ. Какъ именно это будетъ—онъ и самъ не зналъ, но ему часто вспоминалась одна сцена, которой онъ былъ свидѣтелемъ, когда служилъ въ французскомъ полку. Награждали крестомъ офицера—за отличіе. Генералъ вызвалъ счастливца—тотъ сталъ передъ фронтомъ. Генералъ сказалъ маленькую рѣчь, прикололъ ему крестъ къ мундиру, забили барабаны; войска всѣ отдавали честь оружіемъ... Каждый изъ насъ носитъ въ груди такой смутный образъ—воспоминаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ надежду. Но развѣ для него настала долго жданная минута?

Нѣтъ, между тѣмъ капитанъ Рійсъ старательно замазывалъ чернилами побѣлѣвшіе швы на брюкахъ и мундирѣ. Послѣдній разъ ему предстоитъ надѣть этотъ мундиръ. Зачѣмъ? Неужели

онъ пойдетъ въ церковь? Поглядѣть на малютку Астридъ? Простить ей? А, можетъ быть, и тому—другому?.. Простить? Очень тотъ нуждается въ его прощеніи. Очень ему нуженъ человѣкъ, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ долговъ, котораго никто не замѣчаетъ?—Что такой человѣкъ можетъ дать?

Онъ напялилъ свой мундиръ. Сапоги его блестѣли, какъ зеркало. Онъ посмотрѣлъ на себя въ зеркало—лицо ничего, гладко выбрито, только глаза красноваты, и щеки болѣе впалыя, чѣмъ хотѣлось бы. А волосы совсѣмъ сѣдые. Онъ надѣлъ поясъ, пристегнулъ эполеты. Началъ было пристегивать шашку, но задумался, упалъ на стулъ и долго сидѣлъ, глядя въ пространство.

Простить! Это было все равно, что самому похоронить себя. Подать руку *тому*, обидчику. Пойти съ нимъ къ нему въ домъ. И держать себя такъ, какъ будто никогда ничего между ними не было.—Да, это необходимо. Онъ не отвѣтилъ на приглашеніе, но теперь сознавалъ, что это было глупо. *Тотъ* только посмѣется надъ нимъ. Зачѣмъ же лишній разъ давать ему торжествовать? Такъ и должно было кончиться. Это своего рода возмездіе.

Онъ съ усиліемъ поднялся. Пристегнулъ шашку. Теперь онъ былъ въ полной парадной формѣ. Время близилось. Пора итти. Онъ оттянулъ пальцами свой воротникъ, чтобы свободнѣе было дышать. Направился къ двери, постоялъ немного на порогѣ, потомъ оглянулся на эту комнату, гдѣ онъ такъ много выстрадалъ, но гдѣ столько лѣтъ онъ жилъ своею ненавистью и своей мечтой. Теперь все кончено. Ненависть угаснетъ, и мечта тоже. Онъ бросится подъ колеса тріумфальной колесницы *того*, другого. Онъ проститъ. Пусть торжествуетъ, онъ стушуется добровольно. Ружье на пле-чо!

XVI.

Пауль Тангенъ пріѣхалъ въ городъ, чтобы быть шаферомъ у Рейдара, и чуть свѣтъ отправился въ Бюгдэ повидать жениха.

Приминая ногами желтые листья на тропинкѣ вдоль залива, онъ все время смотрѣлъ на городъ, зданія котораго отчетливо выступали въ тускломъ свѣтѣ осенняго солнца. Сезонъ ужъ начался, а онъ—онъ нѣсколько лѣтъ долженъ прожить въ деревнѣ, гдѣ жизнь дешевле и лучше работается.—Онъ готовъ былъ расплакаться съ досады.

Рейдаръ, уже совсѣмъ готовый, во фракѣ, шагалъ изъ угла въ уголъ по столовой.

— Бери сигару и усаживайся поудобнѣе,—сказалъ онъ гостю, не прерывая своей прогулки.

На паркетѣ лежалъ четкій желтый прямоугольникъ—отсвѣтъ окна, и Рейдаръ то пересѣкалъ этотъ свѣтлый прямоугольникъ, то исчезалъ въ тѣни. Онъ остановился, погладилъ свое блѣдное лицо, усыпанное веснушками, словно для того, чтобъ убѣдиться, достаточно ли оно гладко выбрито, провелъ рукой по коротко подстриженнымъ рыжимъ волосамъ, потомъ вытянулъ изъ рукавовъ манжеты, выпятилъ грудь впередъ и снова зашагалъ.

Художникъ комфортабельно расположился въ креслѣ и закурилъ сигару.

— Ты точно передъ экзаменомъ.

— Развѣ у меня такой торжественный видъ?

Онъ принужденно засмѣялся. Художникъ продолжалъ:

— Сегодня для тебя и день торжественный. Полагаю, что ради такого торжественнаго дня ты могъ бы надѣть бѣлый жилетъ.

Рейдаръ установился, какъ вкопанный, съ изумленіемъ глядя на него. Какъ можно въ такую минуту говорить о такихъ пустякахъ!

— Я вижу, ты съ утра во фракѣ,—продолжалъ художникъ.—Бѣгаешь изъ угла въ уголъ и воображаешь себя на вершинѣ высокой горы, гдѣ ты одинъ на одинъ бесѣдуешь съ Богомъ.

Рейдаръ посмотрѣлъ на него, улыбнулся и замедлилъ шаги.

— Значитъ, ты, братъ, и въ церковь пойдешь? А я, признаться, даже не зналъ, что ты конфирмованъ. Вѣдь, помнится, какъ разъ изъ-за этого ты взбунтовался противъ своего отца?

Рейдаръ замоталъ головой.

— Нѣтъ? Тогда ты уступилъ?

Снова кивокъ головы, на этотъ разъ утвердительный.

— Значитъ, вы разругались только, когда ты бросилъ военную гимназію и, никому не сказавшись, удралъ въ Америку?

Рейдаръ улыбнулся.

— И тамъ, въ Клондайкѣ, застрѣлилъ ирландца, десятью секундами раньше, чѣмъ онъ успѣлъ пырнуть тебя ножемъ.

Рейдаръ остановился и провелъ рукой по лбу.

— Почему ты сейчасъ говоришь объ этомъ?

— Такъ, сопоставляю все, чтобы уяснить себѣ, что ты за человѣкъ. Не желалъ бы я имѣть тебя врагомъ.

Рейдаръ отмахнулся отъ него рукой и снова зашагалъ по комнатѣ.

Но неожиданно взялъ стулъ и усѣлся рядомъ съ другомъ.

— Слушай, Тангенъ... я хочу предложить тебѣ одинъ вопросъ.

— Ну?

Рейдаръ какъ будто нѣсколько конфузился.

— Скажи по правдѣ... тебя не смущаетъ иногда, что ты, въ области религіи, словно бездомный отщепенецъ.

— О да... бываетъ...

— Мы, люди, въ сущности, такіе беззащитные...

— Это правда.

— А въ то же время церкви и попы потеряли для насъ всякое значеніе.

— Но сегодня ты все-таки пойдешь въ церковь?

Рейдаръ всталъ и снова зашагалъ по комнатѣ.

— Тамъ, по крайней мѣрѣ, музыка и потолокъ со сводомъ. Но не думаешь ли ты, что у нашихъ потомковъ будутъ храмы, болѣе отвѣчающіе складу современнаго ума? Меня раздражаетъ мысль, что пасторъ будетъ говорить Астридъ о Богѣ и тутъ же о грѣхѣ. Грѣхъ! Какъ будто у владыки свѣта и звѣздъ нѣтъ ничего лучшаго, чѣмъ бы онъ могъ заняться?

— Ты бы меня взялъ въ пасторы,—усмѣхнулся Тангенъ.— Я бы сказалъ проповѣдь на другую тему.

— Ха-ха-ха!

Рейдаръ вдругъ оттаялъ, и оба дружно расхохотались.

— Ну, ладно. Пожалуй, и я тоже выкурю сигару,—сказалъ Рейдаръ, словно отгоняя отъ себя навязчивыя мысли.

Тѣмъ временемъ Астридъ сидѣла въ своей комнатѣ, держа въ рукахъ букетъ. Это былъ послѣдній букетъ, подаренный ей Рейдаромъ за то время, что они были женихомъ и невѣстой, и она хотѣла взять его съ собою въ церковь, чтобъ онъ былъ и первымъ букетомъ, преподнесеннымъ ей, какъ женѣ. Она сидѣла такъ ужъ нѣсколько часовъ, глядя въ пространство. На губахъ ея лежала какая-то отрѣшенная отъ міра, далекая улыбка.

Астридъ за послѣднее время пережила столько волненій, что теперь ея способность чувствовать ужъ притупилась. Она только улыбалась. Ее немножко огорчало, что отецъ до сихъ поръ не откликнулся на ея письмо. Генералъ рѣшилъ не считаться съ этимъ, дѣйствовать такъ, какъ будто онъ беретъ въ домъ круглую сироту, и вечеромъ задать роскошный пиръ въ честь свадьбы Рейдара. Что жъ, она стерпитъ и это.

Есть кое-что похуже. Нѣчто ужасное. Съ той самой минутой, какъ она убѣжала къ Рейдару, у нея было предчувствіе, что это неожиданное счастье не можетъ быть прочнымъ, что оно недолго продлится. И теперь она знала, почему. Эта исторія...

тогда, на фіордѣ... въ тотъ странный вечеръ... этого нельзя будетъ скрыть, и значитъ—ей нельзя жить.

Но и заглядывая въ эту бездну, Астридъ силилась улыбаться... Она рада, что будетъ жить у Рейдара, но для этого ей пришлось измѣнить отцу. За счастье приходится дорого расплачиваться. Она выросла въ тоскливомъ мрачномъ домѣ; тянулась къ солнцу, къ радости, къ обществу молодежи, но всякій разъ для того, чтобъ взять отъ жизни хоть немного радости, ей приходилось лгать и словно красть счастливыя минуты. И за солнце приходилось дорого платить.

То же самое, безъ сомнѣнія, было съ ея матерью Участь покойной какъ бы загипнотизировала ее и потянула за собой... Ба! теперь ужъ не поправить дѣла.

— Милый Рейдаръ! сегодня мы станемъ мужемъ и женою...

Она отлично знала, что и въ тотъ день... во время катанья на парусной лодкѣ... она мечтала только о Рейдарѣ. Закрывала глаза, чтобъ не видѣть дѣйствительности, и призывала его. И его обнимала. Ему отдавала свою душу и тѣло. Мечтать о Рейдарѣ было дивно, все остальное—смерть... Астридъ поднесла къ лицу букетъ, опустила его и снова улыбнулась своей безплотною, далекою улыбкой.

— Пора, дитя. Намъ надо торопиться,—сказала генеральша, входя къ ней въ сопровожденіи горничной.

Около невѣсты суетились, одѣвая ее. Вынули изъ картонки подвѣнечное платье изъ бѣлой шелковой кисеи, затканной золотомъ, легкое, совсѣмъ воздушное, словно сотканное изъ свѣта и солнечныхъ лучей. Затѣмъ вошла Инга въ палевомъ платьѣ, съ бѣлыми цвѣтами въ волосахъ. Въ рукахъ у нея былъ ящичекъ, изъ котораго она вынула миртовый вѣнокъ. Съ минуту обѣ пріятельницы смотрѣли другъ на друга. Инга улыбалась, словно извиняясь. Потомъ сказала:

— Ты позволишь мнѣ, Астридъ, приколоть тебѣ вѣнокъ?

— Ну, конечно. Кто же мнѣ ближе тебя?

Инга ловко укрѣпила вѣночекъ на пышныхъ золотыхъ волосахъ. Затѣмъ молодыя дѣвушки поцѣловались.

Генеральша приколола къ груди Астридъ золотые часики, усыпанные брилліантами, говоря:

— Это тебѣ отъ Рейдара...

Потомъ сняла съ руки толстый золотой браслетъ и надѣла его на руку невѣсты.

— А это отъ меня или, если хочешь, скажи себѣ, что это отъ твоей матери.

Астридъ кинулась ей на шею.

Тутъ отворилась дверь, и вошла бабушка, вся въ черномъ шелку, какъ всегда, съ костылемъ. Она подняла вуалетку, оглядѣла Астридъ и вскричала:

— Надо сказать правду: Рейдаръ умѣлъ таки выбрать себѣ невѣсту.

На шеѣ у нея на золотой цѣпочкѣ висѣлъ рубиновый крестикъ. Она сняла его и надѣла на шею невѣстѣ.

— Прими и мое благословеніе, дитя. Этотъ крестикъ и бабушка, и мать моя, и я сама надѣвали къ вѣнцу. Дай Богъ тебѣ когда-нибудь надѣть его на шею своей внучкѣ.

И она расцѣловала невѣсту въ обѣ щеки. Астридъ нѣжно поблагодарила ее и поглядѣлась въ зеркало, улыбаясь все тою же безплотною, далекою улыбкой.

Такая свадьба всегда привлекаетъ зрителей, и около церкви въ Фроньерѣ толпилось множество народу. Къ крыльцу то и дѣло подъѣзжали нарядные экипажи; изъ нихъ выходили разнаряженные дамы и мужчины и скрывались въ церкви. Толпа всколыхнулась—должно быть, это подъѣзжала невѣста—очень ужъ лошади шикарныя и сбруя вся въ цвѣтахъ. Но нѣтъ, это былъ женихъ со своимъ шаферомъ. Оба рослые, стройные, элегантные, раскланивались, снимая блестящіе цилиндры.

Рейдаръ озирался кругомъ, словно никогда раньше не бывалъ въ церкви. Со всѣхъ сторонъ привѣтливо кивали ему приглашенные на свадьбу и его родные. Но онъ опустилъ голову, не рѣшаясь отвѣчать на поклоны. Эта тишина и смягченный цвѣтными стеклами оконъ свѣтъ—все это было такъ торжественно. Онъ вспомнилъ все, что перечувствовалъ и пережилъ за это лѣто,—вѣдь это о его переживаніяхъ будутъ пѣть теперь органъ и хоръ. Старый пономарь въ черной шапочкѣ указалъ ему на скамью возлѣ самаго клироса; передъ этой скамьей стояла другая. Рейдаръ понялъ, что она предназначается для невѣсты, и ему показалось, что эта скамья смотритъ какъ-то особенно привѣтливо и ласково.

— Кто этотъ старикъ военный?—шепотомъ спросилъ художникъ.

Оба повернулись къ входной двери. У самаго входа, за колонной, словно прячась, стоялъ сѣдоволосый капитанъ, въ полной парадной формѣ, видимо, только-что вошедшій. И онъ тоже смотрѣлъ на скамью, гдѣ сидѣлъ женихъ. И взглядъ его обведенныхъ красными ободками глазъ былъ зорокъ и пытливъ.

Женихъ покачалъ головой. Онъ не зналъ, кто это.

Невѣсту ждали съ минуты на минуту, и у Рейдара было такое чувство, что вотъ съ минуты на минуту должно произойти что-то необычайное. Огромная церковь была безмолвна, люди неподвижны, пономарь, надѣвъ очки, перелистывалъ книгу псалмовъ.

Вотъ, вотъ—сейчасъ...

Неожиданно загремѣлъ органъ; цѣлая буря звуковъ ударилась въ высокій сводъ, и всѣ, находившіеся въ церкви, встали. Въ дверяхъ церкви стоялъ генералъ Бангъ въ золотыхъ эполетахъ и весь въ орденахъ. Въ одной рукѣ у него была парадная каска съ плюмажемъ, съ другой стороны бѣлѣло что-то свѣтлое, воздушное—невѣста.

Никогда Рейдару не забыть этой минуты. Словно что-то нахлынуло и понесло его; ему захотѣлось схватиться за что-нибудь, чтобы удержаться. Это бѣлое видѣніе казалось ему неземнымъ. Не можетъ быть, чтобъ оно ходило по землѣ, какъ всѣ прочіе люди,—нѣтъ, оно паритъ въ пространствѣ. Генералъ, ведшій его подъ руку, былъ такъ великолѣпенъ — и какъ это онъ, Рейдаръ, могъ когда-нибудь перечить ему! Въ это мгновеніе церковь была для него чѣмъ-то бо̀льшимъ, чѣмъ просто сводъ, подъ которымъ красиво звучитъ музыка, и ему чудилось, что самъ духъ вселенной, принявшій образъ добраго старика, ласково смотритъ на него и на *нее*. И онъ почувствовалъ себя такимъ смиреннымъ, такимъ недостойнымъ, что невольно сгорбился, понурилъ голову и мысленно прошепталъ: «Если я много нагрѣшилъ, Господи, прости меня!».

Генералу Бангу уже стукнуло семьдесятъ, но станъ его былъ такъ гибокъ, поступь такъ легка, что его самого можно было принять за жениха. Его добродушно-веселое лицо сіяло, озаренное ожившими воспоминаніями юности.

Неожиданно взглядъ его встрѣтился со взглядомъ сѣдовласаго капитана, стоявшаго за колонной, не сводя глазъ съ подходившей пары. Генералъ едва не оступился отъ удивленія и неожиданности, но, убѣдившись, что невѣста, къ счастью, ничего не замѣтила, довелъ ее до мѣста, до скамьи, поставленной передъ скамьею жениха, и самъ сѣлъ рядомъ съ нею.

Астридъ обернулась и улыбнулась Рейдару, но тотъ не сразу могъ отвѣтить ей улыбкой. Потомъ оглядѣлась вокругъ, словно ища чего-то, и, не найдя, еще разъ улыбнулась Рейдару и поднесла букетъ къ лицу.

Свадебный обрядъ былъ не дологъ. Пасторъ, человѣкъ уже не молодой, каждый разъ, когда ему приходилось обращаться къ невѣстѣ, словно терялъ нить мыслей и не сразу находилъ

нужныя слова. Было такъ странно, что она смотритъ прямо ему въ глаза и улыбается. А когда новобрачные стали на колѣни, она подала руку жениху, не глядя на него, а глядя на яркоцвѣтныя стекла оконъ... Все это казалось пастору страннымъ.

Когда генералъ, подъ руку съ женой, выходилъ изъ церкви, вслѣдъ за новобрачными, онъ съ тревогой искалъ глазами сѣдого офицера за колонной. Если молодая увидитъ его, не миновать мелодраматической сцены. Но старика уже не было — онъ исчезъ, и генералъ вздохнулъ свободнѣе.

Новобрачные вышли изъ церкви подъ оглушительный ревъ органа. Но что это? Молодая вдругъ остановилась, ухватилась за руку мужа, и слѣдовавшія за ними пары также вынуждены были остановиться. Что случилось? Гости вскакивали на стулья, чтобы лучше видѣть. Проталкивались впередъ. Что такое случилось?

Случилось то, что Астридъ увидала своего отца и въ первый моментъ такъ испугалась, словно передъ нею встало привидѣніе. Глаза ея расширились, колѣни подгибались; она боялась упасть въ обморокъ. Отецъ ея подошелъ ближе, и она увидѣла, что волосы у него стали совсѣмъ сѣдые, но одѣтъ онъ былъ въ лучшій свой мундиръ, и лицо его было неузнаваемо — онъ улыбался и держалъ руку у козырька въ знакъ привѣтствія. Значитъ, онъ не сердится? Значитъ, прощаетъ?.. И Астридъ, внѣ себя отъ радости, кинулась на шею незнакомому старику.

— Отецъ! отецъ!

Въ церкви по-прежнему гудѣлъ органъ, и толпа гостей недоумѣнно топталась у входа, но вышедшіе раньше видѣли, какъ незнакомый старикъ сжалъ въ своихъ объятіяхъ новобрачную, словно собираясь унести ее. А новобрачный только смотрѣлъ на него и не смѣлъ вмѣшиваться—онъ понялъ, кто это.

Капитанъ Рійсъ, прижимаясь лицомъ къ лицу дочери и улыбаясь ей, шепталъ:

— Я тебя прощаю. Ну, полно же, полно. Сдержи себя— тутъ посторонніе. Но какая же ты красавица сегодня!.. Я только хотѣлъ тебя поздравить.

Онъ улыбался, а въ глазахъ у него были слезы.

Новобрачная овладѣла собой и повернулась къ мужу, но въ это время выступилъ впередъ генералъ Бангъ и спасъ положеніе. Онъ рѣшительно обнялъ капитана Рійса.

— Дорогой мой, старый другъ!—сказалъ онъ умышленно громко, чтобы всѣ могли его слышать. — Какъ я радъ, что ты всетаки пришелъ. Теперь ты совсѣмъ выздоровѣлъ? Ну, и превосходно. Давайте садиться въ экипажи.

Сѣдовласый капитанъ выпрямился и по-военному отдалъ честь генералу, но затѣмъ безъ сопротивленія позволилъ увезти себя. Вся эта сцена заняла не болѣе минуты. А затѣмъ генералъ устроилъ такъ, чтобъ остаться вдвоемъ съ капитаномъ Рійсомъ.

И вотъ они сидѣли рядомъ, въ коляскѣ, ѣхавшей вслѣдъ за каретой новобрачныхъ. Капитанъ улыбался, говорилъ почтительнымъ тономъ — онъ чувствовалъ себя такимъ маленькимъ рядомъ съ *тѣмъ* другимъ. Они были оба однихъ лѣтъ и школьные товарищи. Но одинъ былъ еще полонъ силы и жизни и прямо таки великолѣпенъ въ шляпѣ съ плюмажемъ, въ орденахъ и въ эполетахъ. А другой былъ истрепанный жизнью сѣдой старикъ. На его впалой груди тоже нашлось бы мѣсто для орденовъ, но вмѣсто нихъ виднѣлись лишь только черныя пятна отъ чернилъ. У счастливаго человѣка всегда есть своя тѣнь, и въ эту минуту каждый могъ видѣть, что генералъ Бангъ имѣлъ свою.

Въ красивой виллѣ на Драмменѣ въ этотъ вечеръ всѣ окна были освѣщены, и прохожіе останавливались передъ окнами поглазѣть на праздникъ. Одно окно было открыто, и порой доносились тосты и туши и звуки бальной музыки.

Капитана Рійса посадили за столъ на почетномъ мѣстѣ, между генеральшею и новобрачной. Неясно, словно сквозь золотистый туманъ, онъ видѣлъ цвѣты на столѣ, шампанское, дочь въ подвѣнечномъ платьѣ и своего врага, говорившаго рѣчь въ честь его, отца невѣсты. Это всетаки немножко походило на тотъ счастливый день, о которомъ онъ всю жизнь мечталъ. А когда послѣ обѣда начались танцы, онъ даже прошелся въ вальсѣ съ генеральшей и затѣмъ со своею дочерью. Давно ужъ съ нимъ этого не случалось. Странно—онъ даже усталъ и долженъ былъ сѣсть въ уголокъ, чтобъ отдохнуть. Онъ увидѣлъ генерала, танцовавшаго съ Астридъ, и невольно широко раскрылъ глаза, нахлынули воспоминанія... Астридъ такъ изумительно похожа на свою мать... Но—спокойствіе... все это—прошлое...

Онъ выпилъ всего одинъ бокалъ шампанскаго, но за этотъ день онъ такъ усталъ; голова его невольно прислонилась къ спинкѣ кресла...

Немного погодя онъ замѣтилъ, что его ведутъ въ тихую комнату и укладываютъ на мягкую постель, на которой такъ пріятно спать...

——

Улица вся была озарена свѣтомъ, лившимся изъ оконъ праздничнаго дома. Но поодаль, на скамьѣ подъ деревомъ, въ тѣни, сидѣлъ человѣкъ, нахлобучивъ шляпу на глаза. Онъ зналъ, что часы бѣгутъ, что уже поздно, но не трогался съ мѣста и все смотрѣлъ на освѣщенный домъ. Словно чего-то ждалъ. Есть люди, которые ищутъ боли, какъ другіе ищутъ наслажденій, и этотъ человѣкъ хотѣлъ увидѣть своими глазами, какъ молодая уѣдетъ съ другимъ.

Наконецъ, къ подъѣзду подкатилъ автомобиль, знакомый ему,—автомобиль жениха. Вскорѣ изъ подъѣзда вышли двое: мужчина и женщина. Человѣкъ, сидѣвшій на скамьѣ, поднялся, приглядываясь. Онъ узналъ Рейдара. А съ нимъ, закутанная въ темный пледъ, наброшенный поверхъ чего-то бѣлаго, навѣрное... *Она*. Бѣлое платье еще разъ мелькнуло за окномъ кареты, затрубилъ рожокъ, и автомобиль укатилъ. Человѣкъ смотрѣлъ ему вслѣдъ, пока свѣтъ фонарей не исчезъ во мракѣ. Потомъ зябко повелъ широкими плечами и пошелъ, куда глаза глядятъ, тяжело переставляя короткія толстыя ноги.

Кончено. У Юргена Гольта было такое ощущеніе, какъ будто у него вырвали зубъ. Ничего—какъ-нибудь доживется жизнь. Волна подхватила его и вознесла высоко, на вершину человѣческаго счастья, потомъ швырнула въ бездну... Теперь онъ снова выбрался на берегъ... И зажилъ прежней жизнью, дѣля ее между гимназіей и своимъ унылымъ домашнимъ очагомъ.

«Какъ жизнь капризна!» думалъ онъ, соображая, что идетъ домой. И вспоминалъ прошлую зиму, когда онъ какъ-то весь обросъ шерстью, отупѣлъ, сталъ равнодушенъ и къ людямъ, и идеямъ. Потомъ — на мигъ вернулась молодость, засвѣтило солнце, поцѣловала фея. Онъ пошелъ за феей, измѣнилъ женѣ и дѣтямъ, воскресъ душой, вновь почувствовалъ себя юношей и поэтомъ, полнымъ надеждъ. И жена его, эта усталая, опустившаяся женщина, тоже стала улыбаться ему молодой улыбкой. Когда онъ цѣловалъ ее—горячо, потому что думалъ въ это время о другой—ея блѣдныя щеки розовѣли. Она сама помолодѣла, согрѣтая этимъ обманчивымъ тепломъ,—стала лучше одѣваться, чище держать домъ, стала читать газеты и книги, чтобы имѣть темы для разговора съ нимъ, и это духовное пробужденіе все прогрессировало, какъ будто молодость только уснула въ ней. Одно время это было ему непріятно, и хотѣлось попросить ее перестать. Но онъ не рѣшался. А потомъ — жизнь раздавила его.

Избавиться отъ докучной нѣжности человѣка, который жи-

ветъ рядомъ съ вами, не такъ-то легко. Это было странное время. Гольтъ нервничалъ, сердился, придирался къ каждому пустяку; его жена все выносила кротко и продолжала улыбаться. Ночью онъ ворочался съ боку на бокъ, жалуясь на усталость и безсонницу, на безвыходность своего положенія, на безпросвѣтность будущаго, но Сельма, моментально просыпавшаяся, какъ только просыпался онъ, стараясь ободрить его и успокоить, представляла все въ благопріятномъ свѣтѣ. И у него не хватало духу сердиться на нее — волей-неволей приходилось цѣловать ее—изъ состраданія. Подъ его поцѣлуями она становилась совсѣмъ героиней, и въ концѣ концовъ онъ прижимался къ ней, не потому, чтобъ въ немъ кипѣла молодая кровь, но ради потребности отблагодарить, искупить, загладить вину.

Это время сблизило, сдружило ихъ. И теперь Юргенъ Гольтъ самъ уже не могъ уснуть иначе, какъ держа въ рукахъ руку жены.

Сюда онъ пришелъ, чтобы сказать послѣднее прости тому, что́ было кончено давно. Молодость принадлежитъ молодымъ. Съ этимъ надо примириться... И онъ нарочно хотѣлъ посмотрѣть, какъ *они* уѣдутъ вмѣстѣ, чтобъ закалить себя и отнынѣ быть сильнымъ.

Такъ и будетъ. Жена, конечно, не догадывается, гдѣ онъ такъ поздно засидѣлся. Но она ждетъ его. Ждетъ его поцѣлуя на сонъ грядущій. Ждетъ, чтобъ онъ съ своей кровати протянулъ ей руку и уснулъ, держа ея руку въ своей.

На лѣстницѣ пахло не очень-то пріятно, но Юргенъ Гольтъ сказалъ себѣ: «Можетъ быть, современемъ и удастся перемѣнить эту квартиру на лучшую». Онъ отперъ дверь своимъ ключемъ и вошелъ. Въ комнатахъ воздухъ былъ чистый, насколько Сельмѣ удавалось этого добиться. Гольтъ подумалъ о своихъ начатыхъ трудахъ и о томъ, что ему, можетъ быть, такъ и не суждено закончить ихъ. Ну, что-жъ, тѣмъ хуже. Вѣдь и это не бездѣлица, что у него хватаетъ заработка содержать семью. И долгъ кое-что значитъ въ жизни. Притомъ же, онъ еще не старъ. У него еще есть время впереди.

А въ сердцѣ его живетъ дивное воспоминаніе, которое никогда не изгладится.

— Это ты, Юргенъ?—услыхалъ онъ, входя въ спальню.

XVII.

Единственный человѣкъ на свѣтѣ, умѣвшій подчинять своей волѣ волю генерала Банга, была его любимая дочь Инга, такая же упрямая, какъ и онъ самъ. Она просила, молила, ластилась

къ отцу, сидя у него на колѣняхъ, дулась, плакала, даже грозила; потомъ, видя, что все это не помогаетъ, захворала отъ огорченія и слегла въ постель. И въ концѣ концовъ добилась того, что для нихъ съ Генрикомъ было вопросомъ чести—разрѣшенія повѣнчаться въ мэріи, безъ огласки и безъ свидѣтелей, кромѣ генерала съ женой и шаферовъ. А потомъ молодые пошли одни, къ себѣ домой, ѣсть свой свадебный обѣдъ, при чемъ оба прислуживали другъ другу, такъ какъ прислуги въ домѣ не было.

Первые дни послѣ свадьбы были восхитительны. Они вмѣстѣ ходили за провизіей; Генрикъ несъ покупки, Инга стряпала; потомъ онъ помогалъ ей мыть посуду. У него было скоплено нѣсколько сотенъ кронъ, и оба твердо рѣшили, что этихъ денегъ должно хватить до перваго заказа на постройку дома,—хотя бы имъ пришлось голодать и жить на десять эре въ день.

Генрикъ былъ увѣренъ, что генералъ и вся его семья считаютъ его недостойнымъ Инги, совершенно неподходящей для нея партіей, и ждутъ только момента, когда окажется необходимымъ предложить матеріальную помощь молодымъ. «Ладно!—пусть ждутъ—этого они не дождутся». Инга была вполнѣ согласна съ этимъ и готова все въ домѣ дѣлать сама и обходиться безъ прислуги хотя бы нѣсколько лѣтъ подрядъ.

Во время прогулокъ они теперь ужъ не мечтали о томъ, какъ перестроить тотъ или другой кварталъ,—оба давно знали, какой видъ современемъ приметъ городъ. Нѣтъ, они искали, гдѣ дешевле овощи и гдѣ мясная, въ которой легче можно сторговаться, и обсуждали вопросъ, равняется ли рыба, по питательности мясу, или питательнѣе-ли него морковь. Оба находили, что люди, вообще, ѣдятъ слишкомъ много, и твердо рѣшили своимъ примѣромъ доказать, что можно довольствоваться очень немногимъ и быть здоровымъ и счастливымъ.

Онъ, высокій свѣтлый блондинъ, она—маленькая тоненькая брюнетка, шли подъ руку, словно не замѣчая, что и вокругъ нихъ, живутъ люди. На улицѣ, въ гостяхъ, Инга по-прежнему держалась дочерью генерала, свѣтской женщиной, элегантно одѣтой, съ легкой и увѣренной походкой. Никто не долженъ былъ подозрѣвать, что у нея нерѣдко ломитъ спину отъ мытья половъ и что руки ея зашершавѣли и стали красными.

Съ каждымъ днемъ, когда они возвращались домой съ утренней прогулки, количество пакетовъ, которые несъ Генрикъ, уменьшалось. Въ ихъ крохотной квартиркѣ изъ трехъ комнатъ съ видомъ на крыши и фіордъ, все было чисто и въ безупреч-

номъ порядкѣ; стулья и диванъ въ стилѣ модернъ—отличнѣйшей работы самого хозяина; скатерти и портьеры вытканы руками самой Инги за то время, что она была невѣстой, а въ послѣдней комнатѣ стоялъ посрединѣ большой столъ, заваленный рисунками и чертежами—на случай, если явится заказчикъ. Мужъ и жена жили въ ожиданіи звонка посѣтителя, который придетъ заказывать Генрику строить домъ. Но заранѣе условились отвѣтить первому заказчику, что Генрикъ, къ сожалѣнію, заваленъ работой и едва-ли сможетъ взять на себя еще и эту. Впрочемъ...

Генрикъ написалъ статью, въ которой доказывалъ, что красивыя постройки въ конечномъ счетѣ обходятся много дешевле некрасивыхъ, и помѣстилъ ее въ газетѣ, въ надеждѣ, что у него найдутся оппоненты. Не возраженій не послѣдовало. Тогда онъ самъ послалъ возраженіе подъ чужимъ именемъ, что дало ему возможность еще разъ выступить печатно подъ своей собственной фамиліей. Не мѣшаетъ иной разъ немножко прорекламировать себя. Генрикъ представилъ въ ратушу проектъ постройки новаго квартала сплошь изъ домовъ съ дешевыми квартирами для неимущихъ—но нарядныхъ и красивыхъ, и другой проектъ—группѣ капиталистовъ—планъ чудесной группы загородныхъ виллъ. И сталъ ждать отвѣтовъ. Но съ обѣихъ сторонъ отвѣты пришли отрицательные, и въ этотъ вечеръ юные супруги уснули,—обнявшись,—Инга вся въ слезахъ, онъ—кусая губы отъ гнѣва и обиды.

Теперь они стали бояться шаговъ на лѣстницѣ—чаще всего это были поставщики, являвшіеся получить по счетамъ. Изрѣдка ихъ навѣщали родные. Дѣло начинало принимать зловѣщій оборотъ, но супруги бодрились и каждое утро начинали день, окрыленные надеждой. Они отказались отъ кофе за завтракомъ и за обѣдомъ, не говоря ужъ о дессертѣ. Инга вела борьбу геройски, сама стряпала, стирала, экономила на всемъ; иной разъ, потихоньку плакала украдкой, но когда бывала вмѣстѣ съ мужемъ, звонко смѣялась, чтобы поддержать въ немъ бодрость.

Однажды Генрикъ только-что облекся въ кухонный передникъ и засучилъ рукава, собираясь помочь Ингѣ чистить рыбу, какъ вдругъ у входной двери позвонили. Инга кинулась развязывать мужу передникъ.

— Иди скорѣй. Это кто-нибудь посторонній. Мама никогда такъ рано не приходитъ.

Генрикъ вытеръ руки, оправилъ рукава, надѣлъ пиджакъ и, немножко волнуясь, пошелъ отворять. Инга по звуку шаговъ узнала, что вошелъ мужчина. Генрикъ и гость долго си-

дѣли при закрытыхъ дверяхъ въ пріемной, откуда доносились голоса. Инга подкралась къ двери, прислушалась, но сердце ея такъ стучало, что она не могла разобрать словъ. Наконецъ, посѣтитель ушелъ. Генрикъ бросился къ женѣ, крича:

— Гдѣ ты?.. Инга! Ты здѣсь?

Онъ схватилъ ее на руки и вприпрыжку побѣжалъ по комнатамъ.

— Пусти: сумашедшій, уронишь!.. Говори лучше скорѣй, что такое случилось.

— А то, что ты—моя милая женушка, такая красоточка, какой нѣтъ ни у кого, а я твой мужъ—и это все чудесно.

— Да нѣтъ! Пусти же! Цѣловаться будемъ послѣ. Ты слышишь, Генрикъ? Говори скорѣе, кто это былъ.

— Англичанинъ-крезъ—хочетъ, чтобъ я ему построилъ большую виллу на Аскерѣ.

— О, Господи!—Надѣюсь, ты не отказался?

— Не хватило духу... напрасно, да?

— Нѣтъ, ты не сумасшедшій... Въ честь этого великаго событія мы устроимъ сегодня пиръ горой.

— Да, сегодня я еще могу помочь тебѣ. Только сбѣгаю за пивомъ.

— А я за дессертомъ.

— А я за кофе.

— А я за сигарой.

Они бѣгали по комнатѣ, на бѣгу ловя другъ друга, обнимаясь и цѣлуясь, оба молодые, веселые, ликующіе...

И въ октябрѣ выдаются иной разъ чудесные дни, когда на фонѣ синяго фіорда и зеленыхъ пиній яркими пятнами выдѣляются ржаво-красныя кисти рябинъ и блекло-золотые трепетные листья осинъ.

Астридъ и Рейдаръ жили тихо и уединенно; родные ихъ почти не навѣщали.

Въ сумерки, какъ только Рейдаръ возвращался изъ конторы, новобрачные шли объ руку гулять по берегу, любуясь фіордомъ и лѣсистыми холмами, расцвѣченными ржавыми красками осени, подъ Беккелагетомъ, и лѣсомъ мачтъ на судахъ, желтые огоньки которыхъ, казалось, выглядывали изъ-за длинной красной полоски далекаго неба.

Одно время они хотѣли провести медовый мѣсяцъ въ Англіи, куда, кстати, Рейдару не мѣшало съѣздить по дѣламъ, но Астридъ объявила, что путешествіе она предпочитаетъ отложить на послѣ, и они остались.

Рейдаръ не узнавалъ ея: она все время какъ-то ускользала отъ него, пряталась по уголкамъ, гдѣ онъ не сразу могъ ее найти, порой уклонялась отъ его ласкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сама была по-прежнему ласкова, заботлива, нѣжна и краше, чѣмъ когда-либо.

Экономка, очень боявшаяся, что ее разсчитаютъ, когда въ домъ войдетъ молодая хозяйка, продолжала править домомъ и хозяйничать, какъ прежде, по просьбѣ самой Астридъ. Молодая женщина вставала поздно, долго одѣвалась, потомъ спускалась внизъ, ѣла, не глядя, что ей подаютъ, потомъ переходила изъ комнаты въ комнату, разсматривая пышное, изящное убранство ихъ все съ тою же далекою улыбкой.

Вѣдь она знала, что здѣсь она только въ гостяхъ, и скоро ей надо будетъ уйти отсюда.

Она навѣстила отца, опять вошла въ крохотную квартирку окнами во дворъ, которая показалась ей еще мрачнѣе прежняго,—вошла въ тѣсную кухню—и чуть не расплакалась при видѣ огромнаго мѣднаго чайника и ряда плохенькихъ кастрюль. Капитанъ былъ милъ съ ней, но все время бродилъ изъ комнаты въ комнату, видимо, не находя себѣ мѣста.

Въ одинъ прекрасный день Рейдаръ преподнесъ женѣ сюрпризъ. Онъ привезъ съ собою капитана, а вслѣдъ за экипажемъ ѣхала телѣжка съ его пожитками. Старика помѣстили въ большой удобной комнатѣ въ первомъ этажѣ, поближе къ дочери. Астридъ обвила руками шею мужа и объявила, что это чудесно.

— Можетъ-быть, теперь ты будешь немножко чаще смѣяться?

— Да, можетъ-быть...

Капитанъ Рійсъ жилъ теперь въ роскошномъ домѣ, гдѣ онъ былъ у себя дома, одѣвался лучше прежняго и трубокъ могъ выкуривать, сколько ему хотѣлось. Съ долгами тоже все уладили, и онъ могъ теперь, наконецъ-то, днемъ гулять по улицамъ, не рискуя столкнуться съ кредиторомъ. И жгучая ненависть, мучительно-сладкія мечты о мести не мѣшали ему больше спать по ночамъ.

А между тѣмъ каждое утро онъ съ страннымъ чувствомъ вставалъ и начиналъ свой день. Ему нечего было ждать, не на что надѣяться. Ему жилось хорошо, но это хорошее далось ему не его трудами и не его заслугами, а по волѣ третьяго лица. И порою онъ сидѣлъ, понуривъ голову, какъ бы подавленный стыдомъ.

Иной разъ къ нему неожиданно врывался генералъ, и ста-

рикъ невольно вскакивалъ и вытягивался передъ нимъ во фронтъ. Генералъ клалъ ему руку на плечо, усаживалъ въ креслѣ, называлъ милымъ другомъ и, вообще, выказывалъ ему необычайное расположеніе. Капитанъ Рійсъ силился отвѣчать ему тѣмъ же, но могъ только заставить себя быть почтительнымъ. Этотъ его заклятый врагъ, сдѣлавшій ему столько зла, прожилъ жизнь, какъ бы сотканную изъ солнечныхъ лучей,—вблизи это ослѣпляло: рядомъ съ нимъ старикъ казался себѣ такимъ безконечно-маленькимъ и жалкимъ...

Всего лучше чувствовалъ себя капитанъ Рійсъ, когда оставался одинъ въ своей комнатѣ. Здѣсь онъ силился разобраться въ себѣ, заглянуть въ свою душу, но въ этой душѣ были только тяжелыя воспоминанія, пепелъ погасшей ненависти, обломки разбитыхъ надеждъ и такая ужасающая пустота.

Отъ нечего дѣлать онъ занялся чтеніемъ и началъ съ *Мемуаровъ* Марбо, которые чрезвычайно ему понравились. Передъ нимъ оживали облекшіяся въ плоть и кровь мечты его молодости. Онъ тоже когда-то мечталъ о побѣдахъ и о торжественныхъ въѣздахъ въ завоеванные города. Читая разсказы о Наполеонѣ и его генералахъ, онъ весь уходилъ въ эту блестящую, волнующую, духъ захватывающую своими неожиданностями жизнь, для которой былъ рожденъ, и забывалъ обо всемъ окружающемъ.

Рейдаръ не могъ удачнѣе выбрать момента, чтобы преподнести ему верховую лошадь. И это былъ поистинѣ великій день для капитана, когда онъ, въ военной формѣ, сѣлъ на спину красиваго коня и поскакалъ галопомъ черезъ лѣсъ. Въ первый разъ его порядкомъ растрясло, но скоро онъ привыкъ. Верховая ѣзда и чтеніе военныхъ мемуаровъ какъ бы дополняли другъ друга. Каждый разъ, вскакивая въ сѣдло, старикъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто его, все-таки, повысили въ чинѣ, и онъ ѣдетъ командовать войсками на маневрахъ. Онъ выискивалъ стратегическіе пункты въ окружающихъ деревняхъ, мысленно переносилъ туда битвы, о которыхъ онъ читалъ недавно, и воображеніе его работало такъ живо, что эти битвы какъ будто разыгрывались на его глазахъ. Если-бъ, напримѣръ, Кутузовъ иначе расположилъ русскія войска подъ Аустерлицемъ, тогда, пожалуй... Въ другой разъ онъ мысленно командовалъ лѣвымъ крыломъ арміи Наполеона при Іенѣ, видѣлъ, какъ блестѣли сабли, слышалъ ревъ орудій. Все это такъ осязательно и ощутительно, что порой онъ дѣлалъ знакъ, повидимому, адъютанту, и тотъ во весь карьеръ мчался исполнять полученный приказъ. А самъ онъ, въ свою очередь, скакалъ въ галопъ на помощь тѣснимымъ непріятелемъ полкамъ.

Гуляющіе въ Бюгдэ уже привыкли къ этому странному сѣдому всаднику въ поношенномъ мундирѣ, который все время разговаривалъ вслухъ самъ съ собой и неожиданно мчался во весь опоръ на вершину холма и разъѣзжалъ тамъ изъ стороны въ сторону, словно что-то разставляя. Октябрьскій вѣтеръ гналъ по полямъ цѣлыя тучи желтыхъ листьевъ, а на холмѣ на фонѣ неба, вырисовывалась фигура всадника; онъ осаживалъ коня, поднималъ руку—живая статуя, словно повелѣвавшая бурѣ утихнуть.

Астридъ всякій разъ тревожилась, когда отецъ уѣзжалъ верхомъ, но Рейдаръ увѣрялъ ее, что лошадь надежная, и опасности никакой нѣтъ.

Однажды вечеромъ, при лунномъ свѣтѣ, сверкавшемъ алмазными искорками на заиндевѣвшихъ деревьяхъ, новобрачные, одѣтые уже по-зимнему, шли по берегу, останавливаясь отъ времени до времени, чтобы посмотрѣть на миріады огоньковъ въ порту и въ городѣ. Неожиданно Астридъ спустилась къ самой водѣ и попробовала ее пальцемъ.

— Ты что это? Неужто вздумала купаться? — изумился Рейдаръ.

И, взявъ подъ руку жену, увлекъ ее съ собою.

— Вода совсѣмъ не холодная,—улыбнулась Астридъ.

— Я такъ хорошо помню, дѣтка, какъ я въ первый разъ увидалъ тебя. Ты тогда не была такая хорошенькая, какъ сейчасъ.

Она повернула къ нему лицо.

— И я помню, какъ ты бѣжалъ на лыжахъ и вдругъ взвился на воздухъ. Съ тѣхъ поръ, когда я дома, въ своей темной кухнѣ, думала о голубомъ небѣ и о солнцѣ, у меня всегда стоялъ передъ глазами ты.

— Хочешь съѣздить туда на нѣсколько дней? Мы можемъ взять съ собой прислугу, тамъ такъ славно, тихо...

Она обернулась взглянуть на далекіе холмы, посеребренные луной, унеслась мыслью въ горы, гдѣ они впервые встрѣтились на Пасхѣ, и снова пережила всѣ эти дни. Но на предложеніе съѣздить туда отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, Рейдаръ... теперь нельзя. Не сердись на меня... но теперь я не могу.

— Астридъ, что съ тобой, чего тебѣ недостаетъ?! Ты всегда была такая здоровая, веселая, любила шумъ, движеніе около себя,—а теперь ко всему равнодушна, и ничто тебѣ не мило. Должно-быть, это я виноватъ. Ты знаешь, я часто спрашиваю себя, въ чемъ я долженъ измѣниться, чтобъ стать такимъ, какъ бы тебѣ хотѣлось.

— Мой добрый, мой любимый, зачѣмъ ты такъ говоришь? Ты ни въ чемъ не виноватъ. Это я стала невозможна. Но потерпи еще немножко, еще чуточку!

Она прижималась къ нему, ласкалась, нѣжно и тепло—но безъ огня.

За столомъ иной разъ она подолгу пристально смотрѣла на него своимъ далекимъ страннымъ взглядомъ, словно стараясь запечатлѣть въ памяти его образъ, чтобъ унести его съ собой. Она совсѣмъ перестала смѣяться. Только улыбалась. И руки у нея стали бѣлыя и нѣжныя; часто она перебирала пальцами волосы мужа, сплетала руки на его затылкѣ, легко, какъ дуновенье вѣтерка, касалась его плечъ и спины—это было восхитительно, но ему этого было мало. Онъ предлагалъ учить ее ѣздить верхомъ, свезти ее въ Парижъ, бывать въ театрѣ, кататься на автомобилѣ—она отъ всего отказывалась; ей хотѣлось одного—спокойно сидѣть дома, въ мягкомъ креслѣ и, не говоря ни слова, смотрѣть на Рейдара своимъ далекимъ взглядомъ.

Она оживлялась только, когда онъ начиналъ разсказывать о своихъ путешествіяхъ, экскурсіяхъ на яхтѣ, о какой-нибудь рискованной затѣѣ. Она лежала на диванѣ, подложивъ руки подъ голову, и улыбалась съ закрытыми глазами, отъ времени до времени говоря:

— Разскажи еще. Это было прелестно... Скажи мнѣ, Рейдаръ, а въ орла ты никогда не стрѣлялъ?

— Да... было разъ.

— Ну, и что же? Онъ крикнулъ, когда твоя пуля настигла его въ воздухѣ?

— Пуля задѣла его—да. Крика я не слыхалъ,—онъ, кажется, не подалъ голоса. Но царапнулъ меня по рукѣ здорово. Вонъ—видишь, слѣдъ.

Астридъ схватила его руку и поцѣловала бѣлый рубецъ отъ раны, нанесенный хищной птицей, потомъ снова откинулась на подушки, глядя въ потолокъ.

— Скажи мнѣ, Рейдаръ... есть такіе народы, которые вѣрятъ, что послѣ смерти можно сдѣлаться чѣмъ захочешь... ну, напримѣръ, птицей. А вдругъ это правда?

— Ну... такъ что же?

— Я думаю о своей матери. Если ей дано было право выбора, можетъ быть, и она паритъ теперь гдѣ-нибудь орломъ подъ облаками.

Рейдаръ, какъ разъ въ эту минуту пересѣкавшій свѣтлый кругъ, отбрасываемый лампой на паркетъ, остановился, искося

поглядѣлъ на жену и не нашелъ словъ для отвѣта. Какъ часто она уводила его мысль въ такія области, которыя ей были совершенно чужды.

Иной разъ, возвращаясь домой одна, Астридъ говорила себѣ: «Да вѣдь эта исторія будто бы съ самоубійствомъ мамы... все это плодъ больной фантазіи».

Но тотчасъ же качала головой. Столько лѣтъ уже она въ своей вечерней молитвѣ обращалась къ умершей матери, по которой всегда тосковала. И мало-по-малу умершая стала для нея живой, стала ея внутреннимъ голосомъ, который и утѣшалъ ее и направлялъ. Это мать ея тогда хотѣла, чтобъ она поѣхала на Пасху въ горы. И мать же поощряла ее, когда она влюбилась въ Рейдара. И, чѣмъ больше она привязывалась къ покойной матери, тѣмъ больше чувствовала какъ-бы потребность раздѣлить ея участь. И вотъ—моментъ насталъ. Она жила... какъ ея мать. И умереть должна была въ силу тѣхъ же причинъ. Очевидно, и способъ смерти долженъ быть тотъ же самый. Тутъ ужъ ничего не измѣнишь.

И, по мѣрѣ того, какъ Астридъ чувствовала, что срокъ близится, ей казалось, что умершая и она все больше и больше сливаются въ одно. Припоминала тотъ или другой жестъ покойной матери—и невольно воспроизводила его. Однажды, когда она сидѣла у окна, грѣясь на солнцѣ, ей вспомнилось, что мать ея молилась солнцу, когда другіе шли молиться въ церковь. И молитвенно сложила руки. Потомъ вынула старую флейту и долго играла на ней, сидя одна въ безмолвномъ домѣ. Въ память послѣдней прогулки на лодкѣ, стоившей жизни ея матери, она полюбила лодку Рейдара и нерѣдко ходила на берегъ только для того, чтобы взглянуть на нее. Были даже минуты, когда она далеко не была увѣрена, что она и мать ея—не одно и то же.

Однажды пріѣхала генеральша и привезла съ собою пожилого господина, котораго она отрекомендовала своимъ старымъ другомъ, д-ромъ Фалькомъ. Астридъ заподозрила интригу и ни разу не посмотрѣла на гостя—не посмѣла, хотя онъ былъ очень любезенъ и говорилъ о пустякахъ. А когда гости уѣхали, долго сидѣла, глядя въ одну точку съ своей задумчивой блуждающей улыбкой. Очевидно, откладывать дольше нельзя...

Когда вернулся Рейдаръ, Астридъ пристально вглядѣлась въ его лицо, но не замѣтила въ немъ ничего особеннаго. Обрадовалась и въ этотъ вечеръ пообѣщала ему ѣхать съ нимъ и въ горы, и въ Парижъ, куда только онъ хочетъ. Рейдаръ былъ

въ восторгѣ. Наконецъ-то она выздоровѣла! Но, все же, отъ времени до времени украдкой наблюдалъ за ней.

Въ эту ночь она пыталась уснуть, прижавшись головой къ его плечу, прислушиваясь къ біенію его сердца, которое казалось такимъ могучимъ, что могло жить вѣчно. И повременамъ ласково проводила по его волосамъ.

Утромъ, когда онъ, какъ всегда, нагнулся надъ ней, чтобы проститься—онъ уѣзжалъ рано и обыкновенно оставлялъ ее еще въ постели—Астридъ долго держала въ рукахъ его голову, глядя на него такъ, словно хотѣла впитать въ себя его черты.

— Прощай, мой любимый!

— До свиданья, Астридъ. Я еще до обѣда протелефонирую тебѣ.

Она прислушивалась къ его шагамъ, пока они не замерли вдали.

День былъ пасмурный; осенній вѣтеръ со свистомъ носился надъ фіордомъ. Когда Астридъ попросила кучера спустить на воду лодку, онъ заупрямился и не хотѣлъ пускать ее одну.

— Нѣтъ,—сказала Астридъ,—я ѣду за бариномъ и вернусь вмѣстѣ съ нимъ. Вѣдь вы же знаете, что я умѣю править лодкой.

Кучеръ, старикъ съ сѣдой бородой, переложилъ табачную жвачку со щеки на щеку и въ концѣ концовъ сдѣлалъ то, что отъ него требовалось; но неоднократно поднималъ голову и съ безпокойствомъ поглядывалъ на большую изжелта-сѣрую тучу, надвигавшуюся съ сѣвера.

Молодая женщина, наконецъ, сѣла въ лодку; парусъ вздулся, и лодка побѣжала по заливу. Астридъ, хорошо закутанная, сидѣла на рулѣ. Вѣтеръ трепалъ ея волосы, а она все поворачивалась къ берегу, гдѣ стоялъ кучеръ, слѣдившій за ней взглядомъ, и улыбалась. Ладно, пускай смотритъ—теперь ужъ все равно. Вѣтеръ крѣпчалъ, но Астридъ рѣшила, что еще не пора, и направила лодку на середину фіорда. Прямо на нее, вздымая горы пѣны, шелъ пароходъ—она правила такъ, чтобъ пересѣчь ему дорогу. Чайки кричали, носясь по вѣтру. Астридъ вспомнилась тѣсная кухонка, въ которой такъ скверно пахло со двора, и она съ наслажденіемъ вдохнула полной грудью свѣжій морской вѣтеръ и подставила разгорѣвшееся лицо брызгамъ пѣны. Она смотрѣла на мутное, сѣрое небо, на которомъ все время шелъ споръ между солнцемъ и надвигавшейся бурей, и думала о зеленыхъ холмахъ, о тѣхъ далекихъ горахъ, теперь уже бѣлыхъ отъ снѣга... Весенній праздникъ Пасхи,

молодость... человѣкъ на лыжахъ, промелькнувшій въ воздухѣ...

Неожиданно она вся вздрогнула. Высоко подъ облаками мелькнуло что-то сѣрое. Орелъ. Видитъ ли онъ ее?..

* * *

Рейдаръ въ своей конторѣ стоя диктовалъ дѣловыя письма машинисткѣ и на минутку подошелъ къ окну—сообразить, что писать дальше. По другую сторону площади была кавалерійская казарма; солдаты въ бѣлыхъ кителяхъ кучкой подъѣхали на взмыленныхъ усталыхъ лошадяхъ, спѣшились и повели коней въ конюшню—слышно было, какъ стучали копыта по деревянной настилкѣ пола...

Раздался звонокъ у телефона—Рейдаръ вернулся къ столу, поднесъ къ уху трубку. До него донесся характерный хрипъ, потомъ знакомый сдобный голосъ экономки.

—Что?.. какъ?.. барыня?.. когда?..

Телефонъ только хрипѣлъ въ отвѣтъ. Потомъ опять донесся голосъ... Рейдаръ поблѣднѣлъ; трубка дрогнула въ его рукѣ, но онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, прижалъ ее плотнѣе къ уху и продолжалъ слушать.

— Хорошо. Пришлите автомобиль.

Не желая выказывать своего волненія передъ служащими, онъ заставилъ себя вернуться къ столу и продолжать диктовку. Кончилъ, а мотора все еще не было. Скрѣпившись, онъ началъ диктовать второе письмо. У него было такое чувство, точно невидимая сила хочетъ принудить его стать на колѣни, а онъ не поддается.

Наконецъ раздался гудокъ автомобиля. Рейдаръ схватилъ шляпу и выбѣжалъ на улицу.

Два-три вопроса шофферу все ему разъяснили.

Онъ сѣлъ и нахлобучилъ шляпу, такъ что она закрыла ему все лицо.

Желтая машина тронулась, завернула за уголъ и, все ускоряя бѣгъ, понеслась по городу.

Перев. З. Журавской.

ГРАНИЦЫ ПРИЛИВА.

(Письмо изъ Лондона).

I.

Чтобы понять Левитана и быть захваченнымъ грустнымъ настроеніемъ его картины, надо знать —

«Суровость рѣкъ, всегда готовыхъ
Съ грозою выдержать войну,
И ровный шумъ лѣсовъ сосновыхъ,
И деревенекъ тишину,
И нивъ широкіе размѣры».

Подражать манерѣ Левитана въ Англіи было бы дикой безсмыслицей, все равно, что перекладывать, напр., на плясовой мотивъ похоронную пѣсню. Чтобы понять Тернера, надо изучить англійскій пейзажъ, съ землею, упоенною избыткомъ жизненныхъ силъ, съ рядами громадныхъ буковъ, мощныхъ, какъ общественный строй свободной страны, съ легкой дымкой тумана, застилающей солнце даже въ погожій день, и съ блѣдно-голубымъ небомъ. Эти соображенія приходятъ мнѣ въ голову на берегу Темзы, выше Hampton Court, гдѣ широкая, мутная, торговая рѣка становится узкой, сравнительно чистой и ареной спорта. Купы вязовъ, буковъ и дубовъ на противоположномъ берегу, да ивовый подсѣдъ у воды совершенно не говорятъ о близости колоссальнаго города. Подъ нависшими ивами всюду видны громадные ялики, нарядныя пунты и изящные канадскіе челноки. Въ лодкахъ, на коврахъ и на цвѣтныхъ подушкахъ лежатъ нарядныя, красивыя англичанки. Мужчины, безъ сюртуковъ, въ бѣлыхъ фланелевыхъ панталонахъ, подвернувъ рукава цвѣтныхъ сорочекъ такъ, что видны выпуклые, хорошо развитые мускулы, гребутъ или подталкиваютъ пунту шестомъ. Лучи іюньскаго солнца играютъ то на пепельной зелени ивъ, то на ярко-зеленыхъ, алыхъ, малиновыхъ и голубыхъ подушкахъ, зонтикахъ и коврахъ, образуя дикую, но радостную симфонію красокъ. У того берега, которымъ я иду, ошвартованы ряды плавучихъ дачъ на баркахъ. Тутъ постройки въ самомъ фантастическомъ стилѣ: мавританскомъ, индійскомъ, китайскомъ. Въ гла-

за бросаются позолота, алая киноварь и серебро куполовъ. Палубы-балконы плавучихъ дачъ убраны цвѣтами, пестрыми коврами и китайскими фонарями. Названія плавучихъ дачъ свидѣтельствуютъ или о тѣхъ далекихъ мѣстахъ, по которымъ путешествовали владѣльцы, или о знакомствѣ ихъ съ арабскими сказками: тутъ «Ла Гранха», «Мансурія», «Арзила», «Эль-Искандарія», «Мерсъ-Эль-Кебиръ». Съ каждой барки красивыя сходни ведутъ на берегъ, на огороженную лужайку, гдѣ, развалившись въ складныхъ креслахъ, сидятъ хозяева и ихъ гости. Вотъ плавучая дача «Ласъ-Уэртасъ», куда я звалъ на «garden-party». Я разыскиваю хозяйку, чтобы сказать ей неизбѣжное: «How do you do»?—и обмѣняться столь же неизбѣжными метеорологическими замѣчаніями. Я нахожу лэди Пикфордъ (титулъ сэра Джона Пикфорда не старше шести мѣсяцевъ) на балконѣ-стардэкѣ, выходящемъ на рѣку. Выраженіе лица лэди Пикфордъ говоритъ: «Я всѣхъ умнѣе. Это доказано разъ навсегда, и сомнѣваться могутъ только не «classy». Такъ называетъ она всѣхъ, которыхъ отказывается причислить къ обществу. У лэди Пикфордъ глаза плохи. И когда она говоритъ, то какъ-то особенно водитъ пальцами у носа. И поэтому все кажется, что лэди Пикфордъ ловитъ удивительно увертливую муху.

Рѣка тихо хлюпала внизу. Слабыя волны ударяли въ бортъ «Ласъ-Уэртасъ», и казалось, что невидимые рѣчные духи играютъ на солнцѣ и подбрасываютъ пригоршнями огнецвѣтную водяную пыль. Приливъ до этого мѣста Темзы доходитъ слабо, но все еще чувствуется; ниже по рѣкѣ, ближе къ городу, онъ очень силенъ. Тамъ водоплескъ отмѣченъ далеко отъ берега клочками высохшей травы, высоко повисшими на прирѣчномъ ивнякѣ.

Въ Лондонѣ теперь идетъ также другой приливъ — приливъ новыхъ идей. «Ласъ-Уэртасъ» находится «въ верхнемъ теченіи», но этотъ «приливъ» чувствуется и здѣсь. И не только на дачѣ лэди Пикфордъ, но также въ «Ла-Гранха», «Мансурія» и въ другихъ мѣстахъ. Въ этомъ можно немедленно убѣдиться, присоединившись къ одной изъ группъ на палубѣ или на лужайкѣ. Въ «Парерга и Паралипомена» Шопенгауэръ дѣлитъ мыслящихъ людей на такихъ, которые думаютъ сами за себя, и такихъ, которые думаютъ черезъ посредство другихъ. Здѣсь, на плавучихъ дачахъ, лежащихъ въ верхнемъ теченіи, куда «колышень идей» доходитъ слабо, живутъ не «Selbstdenker» (по терминологіи Шопенгауэра); здѣсь не думаютъ даже черезъ посредство другихъ, а берутъ мысли готовыми, въ видѣ парадоксовъ, какъ выбираютъ себѣ ботинки. Но эти готовыя мысли показываютъ направленіе теченія. Теперь хозяйки, устраивающія по случаю лондонскаго сезона «parties», стараются показать, что и онѣ

захвачены умственнымъ «колышнемъ». Въ англійскомъ обществѣ считается признакомъ очень дурного тона поднимать во время «party» вопросы политическіе или религіозные; но каждая свѣтская женщина на своихъ собраніяхъ даетъ теперь понять, что и она захвачена мальштремомъ идей. И это даже въ томъ случаѣ, если она «заштилѣла въ Сарагосовомъ морѣ индифферентизма». «Колышень» приноситъ сюда, на плавучія дачи, главнымъ образомъ эксцентричное: послѣдній манифестъ, подписанный Маринетти и Нивенсономъ, вызываніе сатаны, балы въ supper clobs, куда гости являются не во фракахъ и не въ открытыхъ платьяхъ, а въ шелковыхъ «pyjamas» (спальныхъ костюмахъ), поэзію Деламара или экзотическія фигуры. Вотъ, напр., одна изъ нихъ, являющаяся львомъ нынѣшняго сезона. Во Франціи былъ когда-то большой поэтъ, «шалившій» съ шайкой удалыхъ ребятъ на большихъ дорогахъ. О своей изобрѣтательности въ «шалостяхъ» онъ писалъ:

«C'estoit la mère nourricière
De ceux qui n'avoient point d'argent;
A tromper devant et derrière
Estoit un homme diligent.»

Изобрѣтательность и увертливость не всегда выручали поэта изъ бѣды, и Виллонъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за грабежъ на большой дорогѣ. Арчи Белтъ, герой нынѣшняго сезона, тоже поэтъ и тоже знаетъ большія дороги, ведущія въ тюрьму, но только не французскую, а американскую. Арчи Белтъ пишетъ стихи, какъ Виллонъ, но въ тюрьму онъ попалъ только за бродяжество и за назойливое прошеніе милостыни. Побродивъ по Соединеннымъ Штатамъ, Арчи Белтъ рѣшилъ посмотрѣть Англію, куда прибылъ тоже бродягой, безъ копейки денегъ, спрятавшись въ трюмъ большого пассажирскаго парохода. Въ Англіи онъ напечаталъ нѣсколько своихъ стихотвореній и получилъ за нихъ гонораръ, но въ общемъ ему пришлось здѣсь такъ круто, что Белтъ совсѣмъ рѣшилъ было отправиться обратно въ Америку, благо представился случай. Соотечественникъ Белта отправлялъ на грузовомъ кораблѣ пять скаковыхъ лошадей въ Нью-Іоркъ и предложилъ поэту присмотрѣть за ними въ пути. Наканунѣ отъѣзда поэтъ сильно кутнулъ, пропилъ остатки своего гонорара, подрался въ кабакѣ и попалъ въ полицію. Когда онъ вытрезвился и выспался, было уже поздно: пароходъ ушелъ. И Белтъ остался въ Лондонѣ. Черезъ мѣсяцъ онъ сталъ героемъ дня и львомъ сезона въ великосвѣтскихъ салонахъ. Его талантъ, его цинизмъ, его красочные разсказы про приключенія на большой дорогѣ и въ кабакахъ, его небрежный туалетъ — все это дѣйствуетъ обаятельно на свѣтскихъ дамъ.

Я спускаюсь со сходень на тщательно выстриженную лужайку, на которой группами расположились дамы въ юбкахъ въ видѣ абажуровъ и мужчины въ фланелевыхъ костюмахъ. Подъ большимъ вязомъ модный беллетристъ, извѣстный своими стилизованными произведеніями, въ которыхъ импортируетъ съ континента новый для англійской литературы плодъ—острую, пряную чувственность, сверкая черными, какъ будто лакированными зубами, разсказываетъ нѣсколькимъ мужчинамъ про арабскіе танцы, которые онъ видѣлъ въ Тунисѣ, у «прекрасной Фотьмы». Потомъ онъ декламируетъ, нараспѣвъ, растягивая слова:

„O femme! étrange objet de joie et de supplice!
Mystérieux autel, où, dans le sacrifice,
On entend tour à tour blasphémer et prier!

— Лэди и джентльмэны, — возглашаетъ со сходень лэди Пикфордъ,—мистеръ Кэркпатрикъ былъ столь любезенъ, что согласился подѣлиться съ нами своими впечатлѣніями, вынесенными отъ послѣдней встрѣчи съ Анри Бергсономъ въ Эдинбургѣ, гдѣ знаменитый философъ читалъ лекціи о «Проблемахъ личности». Вы знаете, конечно, что мистеръ Кэркпатрикъ написалъ прекрасную книгу о философіи Бергсона.

Комментаторъ моднаго философа — тщательно одѣтый молодой человѣкъ лѣтъ 28,—сдѣлалъ привычную гримасу, чтобы лучше ввинтить въ глазъ стеклышко, затѣмъ отчасти съ недоумѣніемъ, отчасти нѣсколько покровительственно, началъ:

— Собственно я нѣсколько затрудняюсь, съ чего начать?

— Вы намъ, мистеръ Кэркпатрикъ, вкратцѣ скажите, въ чемъ заключается наиболѣе оригинальное бергсонизма!—подсказала одна изъ дамъ въ трехъ юбкахъ, одна короче другой.

— Боюсь, что мнѣ трудно будетъ формулировать въ нѣсколькихъ словахъ оригинальность ученія Бергсона, но я все-таки попробую,— манерно началъ молодой человѣкъ.—Прежде всего, философская оригинальность ученія французскаго философа заключается въ доктринѣ о живомъ времени. Что такое время? Что мы подразумѣваемъ, говоря о немъ? Бергсонъ говоритъ намъ, что есть два рода времени. Есть время математическое, протяженіе котораго измѣряется карманными и стѣнными часами. Этимъ временемъ пользуются астрономы и математики въ своихъ вычисленіяхъ. Это время—не настоящее. Это — абстрактное время, условное, пользованіе которымъ представляетъ удобства. Время, какъ оно есть въ дѣйствительности, *живое* время—это *продолжительность* его. Только *это* дѣйствительное время мы знаемъ въ нашей душѣ. Только оно *настоящее*. Другое время—условное, время *часовое*. Дѣйствительное время отличается тремя характерными признаками.

Во-первыхъ, постоянною новизною. Во-вторыхъ, оно накопляетъ въ себѣ прошедшее и не можетъ повторяться. Въ-третьихъ, живое время не подается исчисленію. Каждый знаетъ, что все случающееся въ матеріальномъ мірѣ можетъ быть повторено, предусмотрѣно и вычислено. На этой увѣренности основаны наши машины. Но въ живыхъ тѣлахъ жизнь никогда не повторяется. Когда мы постигнемъ то, что показываетъ намъ Бергсонъ, т.-е. когда мы узнаемъ, что помимо математическаго времени, образованнаго вращеніемъ земли въ пространствѣ и измѣряемаго часами, есть еще спиритуальное время, или дѣйствительная и живая продолжительность, постигаемая нами въ себѣ,—тогда мы убѣждаемся въ фактѣ существованія души. Мы постигаемъ тогда безконечность. Бергсонъ идетъ дальше своихъ предшественниковъ въ критикѣ старой теоріи параллелизма. Онъ говоритъ, что вибрація свѣта можетъ произвести только соотвѣтственное движеніе въ мозгѣ. Вибрація звука тоже производитъ только движеніе въ мозгѣ. Одно движеніе, по Бергсону, производитъ другое движеніе, но ничего больше. Вибрація не можетъ создать психическое состояніе. Вибрація скрипки вызываетъ вибраціи въ мозгу; но послѣднія не могутъ дать намъ тотъ этюдъ или ноктюрнъ, которымъ мы восхищаемся. Въ силу этого необходимо допустить существованіе души. Она претворяетъ физическія движенія въ удивительное психическое представленіе. Будь у насъ мозгъ и ничего больше, кромѣ мозга, мы воспринимали бы вибрацію свѣта и звука, но они не превращались бы въ идеи.

Стеклышко выскользнуло изъ глаза свѣтскаго истолкователя моднаго философа, и онъ принялся ввинчивать монокль.

— How nice! Is it not wonderful!—раздался восторженный шепотъ нарядныхъ дамъ (Какъ хорошо! Какъ чудесно!).

— Бергсонъ, дальше, учитъ, что душа накопляетъ въ видѣ памяти всѣ наши опыты въ жизни. И этотъ безпрерывно накопляемый капиталъ опыта составляетъ нашъ характеръ. Душа можетъ продолжать свою жизнь внѣ зависимости отъ машины, въ которую вложена. Душа—не мозгъ. Она имъ только пользуется. Существованіе души не подлежитъ сомнѣнію; вполнѣ возможно, что она переживаетъ физическое распаденіе машины. Бергсонъ согласился быть предсѣдателемъ Общества психическихъ изысканій [1]) и произнесъ рѣчь, какъ таковой. Это свидѣтельствуетъ, что онъ вѣритъ въ возможность доказательства жизни души послѣ смерти тѣла.

Жизнь создала разумъ; поэтому жизнь выше разума. Разумъ необходимъ намъ въ математикѣ, біологіи, зоологіи и т. д., но онъ

---

[1]) «Psychical Research Society» (Лондонское спиритическое общество).

не можетъ объяснить намъ красоту и тайну жизни. Можно сказать, что разумъ необходимъ для постиженія вещей въ жизни, но безполезенъ для постиженія самой жизни. Бергсонъ ослѣпляетъ нашу душу сознаніемъ, что мы живемъ не разумомъ, но чѣмъ-то болѣе высокимъ, чѣмъ разумъ. Жизнь, когда она развивалась, изобрѣла разумъ. Я вамъ дамъ образное представленіе Бергсона о жизни. Философъ сравниваетъ ее съ громаднымъ океаномъ, ударяющимъ свои волны о скалы. Эта каменная стѣна отбрасываетъ постоянно набѣгающіе валы, и океанъ остается, гдѣ раньше. Но вотъ въ одномъ мѣстѣ океанъ находитъ брешь въ упрямыхъ скалахъ, прорывается черезъ нее и заливаетъ страну, лежащую за каменной грядой. Скалы эти представляютъ сопротивленіе матеріи, весь животный и растительный міръ. Океанъ, это—творческая эволюція. Единственная брешь, это — человѣкъ. Жизнь,—говоритъ Бергсонъ,—спитъ въ растеніяхъ, бродитъ во снѣ въ животныхъ и пробуждается въ человѣкѣ. Можно подумать, что Нѣчто или Нѣкто пытается осуществить себя черезъ посредство человѣка. Нѣчто или Нѣкто должны были пройти черезъ всѣ низшія формы существованія, чтобы потомъ въ человѣкѣ осуществить себя вполнѣ.

— Скажите, мистеръ Кэркпатрикъ,—начала лэди Пикфордъ; меня и, надѣюсь, всѣхъ здѣсь интересуетъ одинъ важный вопросъ: вѣритъ ли Бергсонъ въ личное безсмертіе?—И лэди Пикфордъ зашевелила пальцами у носа, какъ будто ловила что-то.

— Вѣрующій въ личное безсмертіе, приступающій къ изученію Бергсона, не будетъ разочарованъ,—нѣсколько критически отвѣтилъ Кэркпатрикъ.

Маленькая дѣвочка съ распущенными огненными волосами показалась на сходняхъ. Она постояла съ минуту, какъ бы выглядывая кого-то, потомъ побѣжала внизъ, на лужайку, прямо къ пожилому джентльмэну, который, застѣнчиво улыбаясь, слушалъ свѣтскаго философа.

— Здравствуйте, Sunshine (Солнечный лучъ) — обрадовался джентльмэнъ, увидавъ дѣвочку.

— Какъ вы поживаете, профессоръ?—интимно спросила маленькая дѣвочка.—Когда вы мнѣ опять разскажете про рыжихъ дикихъ людей, что ходили пѣшкомъ изъ Парижа въ Лондонъ?

— Про кого, Флори?—переспросила лэди Пикфордъ.

— Я разсказалъ дѣвочкѣ про людей эолитическаго вѣка, когда Ламанша еще не было,—усмѣхнулся профессоръ.

— Ну, а вы, профессоръ, что думаете о личномъ безсмертіи?—спросила толстая, нарядно одѣтая дама. Пожилой джентльмэнъ нѣсколько растерянно улыбнулся. Ему, повидимому, совершенно не хотѣлось говорить; но дама ждала.

— Я не думаю, чтобы кто-нибудь могъ дать рѣшительный отвѣтъ на подобный вопросъ.

— Но все-таки ваше мнѣніе!

— Я сказалъ бы вмѣстѣ съ Лукреціемъ:

«Post mortem nihil est, ipsaque mors nihil».

Когда Кэркпатрикъ перевелъ дамѣ стихъ, она заахала.

Видно было, что Бергсонъ въ интерпретаціи свѣтскаго философа не вполнѣ удовлетворилъ эту публику, пребывающую на границѣ прилива. Джентльмэны и дамы, сидѣвшіе въ соломенныхъ и складныхъ креслахъ, заговорили о томъ, что теперь необходимо нѣчто болѣе понятное, нѣчто болѣе говорящее душѣ, чѣмъ творческая эволюція. Такимъ ученіемъ, удовлетворяющимъ душу, является мистицизмъ.

— Мистикъ—это человѣкъ, который въ жаркій день идетъ длинной и утомительной дорогой,—началъ коренастый старикъ съ выпученными глазами и лиловыми щеками, какъ у діабетика.—Путнику очень захотѣлось пить. И вотъ онъ видитъ у дороги хорошенькую, уютную, чистенькую таверну. Онъ вошелъ, освѣжился и пошелъ дальше, благословляя Господа за то, что Онъ создалъ хорошее пиво.

Слишкомъ реалистическій образъ, повидимому, не понравился.

— Мистицизмъ, это—пріобщеніе къ невидимому,—поправила пожилая, худощавая дама съ блѣдными, поджатыми губами.—Это постиженіе божества, находящагося внѣ насъ, черезъ посредство Бога, находящагося внутри насъ. Вы слишкомъ реальны, мистеръ Приди,—обратилась она къ старику съ лиловыми щеками.

— Мистикъ—очень часто практичный человѣкъ,—отвѣтилъ Приди.—Кромвель былъ мистикъ и практичный человѣкъ. Практичный мистикъ—величайшая сила въ мірѣ. Только онъ можетъ создать имперіи.

— Нѣтъ. Постиженіе высшей истины и практичность—не совмѣстимы,—начала другая дама.—Правда лишь во всемірномъ братствѣ, въ теософіи.

Волнуясь, дама стала объяснять, что цѣлью всѣхъ познавшихъ истину должно быть стремленіе сдѣлаться *Mahatma*, хотя это ужасно трудно. Надо вести жизнь аскета; надо отречься отъ обманчивыхъ радостей бытія. И когда такой человѣкъ, стремящійся къ истинѣ, какимъ былъ, напримѣръ, Стэдъ, утонувшій на *Титаникѣ*, умретъ, его *я* распадается на два начала: хорошее и злое. Послѣднее становится зловреднымъ «spook» (духомъ), обманывающимъ спиритовъ во время сеансовъ. «Spook» бродитъ по землѣ и, въ концѣ концовъ, разлагается и уничтожается. Что же касается до добраго начала, то оно погружается въ «devanchan» или «розовый сонъ», въ которомъ

пребываетъ ровно 1500 лѣтъ. Затѣмъ доброе начало воплощается и снова является на землю. Если новое воплощеніе тоже стремится стать Mahatma, то послѣ смерти его *я* опять распадается на два начала и т. д. Процессъ этотъ повторяется восемьсотъ разъ. Такимъ образомъ, процессъ формированія «Mahatma» продолжается 1.250.000 лѣтъ. Зато это существо совершенное. Mahatma проводитъ свою жизнь далеко отъ міра, въ снѣжныхъ горахъ, оторванный отовсюду. Mahatma молится и въ подземныхъ книгохранилищахъ изучаетъ тайныя силы природы. Такъ какъ Mahatma поборолъ все земное, то не нуждается ни въ пищѣ, ни въ огнѣ. Астральное тѣло Mahatma можетъ, по желанію, оставить матеріальное тѣло и со стремительной быстротой перенестись изъ одной страны въ другую. Mahatma живутъ въ Тибетѣ. Хотя, большею частью, они по происхожденію индусы, но въ Индіи не могутъ жить вслѣдствіе пороковъ и безнравственности этой страны. Въ недоступныхъ горахъ Тибета Mahatma живутъ въ обществѣ чистыхъ и благочестивыхъ ламъ и мудрыхъ, святыхъ отшельницъ, надѣленныхъ чудесной спиритической силой [1]).

— Какими именно науками занимаются «магатмы» въ своихъ горахъ?—спросилъ профессоръ.

— Электричествомъ, астрономіей и химіей.

— Гдѣ же результаты этихъ работъ?

— Со временемъ они будутъ опубликованы. Человѣчество еще не подготовлено для воспринятія этихъ тайнъ.

Дама дальше объяснила, что *магатма* имѣетъ нѣсколько переходныхъ формъ. Точно такъ же, какъ лягушка бываетъ сперва безногимъ, потомъ двуногимъ, потомъ четвероногимъ головастикомъ, всякій «магатма» сперва достигаетъ степеней «суами» и «іоги». Этихъ уже и теперь много въ Англіи и въ Америкѣ. «Суами» и «іоги» могутъ, между прочимъ, приготовлять амулеты, такъ какъ, сконцентрировавъ

---

[1]) Экспедиціи Янгсхесбанда и Свена Гедина въ Тибетъ разрушили много сказокъ про эту страну, пущенныхъ въ обращеніе теософистами, въ особенности покойной Блаватской. Между прочимъ, развѣяна по всѣмъ четыремъ вѣтрамъ сказка о кроткихъ, святыхъ и мудрыхъ подругахъ, въ обществѣ которыхъ «магатмы» молятся и изучаютъ тайны природы. Свенъ Гединъ говоритъ намъ про невѣроятно грязныхъ, вшивыхъ бабъ, которыхъ видѣлъ въ монастыряхъ. По приказу Далай Ламы, эти вшивыя отшельницы мажутъ лица смѣсью жира съ коровьимъ навозомъ, чтобы остановить хоть такимъ образомъ любовный пылъ благочестивыхъ монаховъ. Путешественникъ прибавляетъ, что своеобразное притираніе не помогаетъ: ламы состоятъ въ связи съ отшельницами. Всѣ эти женщины похожи скорѣе на скотъ. Никто изъ нихъ не умѣетъ читать. Таковы, въ дѣйствительности, кроткія, мудрыя и святыя подруги великихъ «магатмъ» (*W. Lancelot Holland*, «The Theosophic Heresy» Лондонъ, 1913, стр. 74).

волю, могутъ передать свой магнетизмъ неодушевленнымъ предметамъ, напр. медальону или ладонкѣ. Въ журналѣ *Theosophist* за декабрь 1912-го года подробно изложено даже, какъ приготовлять волшебныя ладонки. Послышалось скептическое замѣчаніе.

— Если я говорю: «Вотъ *подложная* картина Рафаэля, я этимъ не отрицаю существованія *настоящихъ* картинъ того же художника,—съ жаромъ отвѣтила дама.—Вы упоминаете о *ложныхъ* чудесахъ, но развѣ существованіе ихъ опровергаетъ возможность *настоящихъ* чудесъ? Если вы скажете: «Этотъ банковый билетъ въ пять фунтовъ фальшивый», то развѣ вы этимъ опровергаете существованіе Англійскаго банка, выпускающаго настоящіе билеты?

Аргументація была прервана нѣсколько неожиданно.

— Правда ли, профессоръ, что тигръ это—дикая *пусси* (кошечка)?—спросила довольно громко Флори.

— Нѣтъ, но они изъ одного семейства. Тигры, львы, пантеры и кошки принадлежатъ къ тому же семейству,—отвѣтилъ профессоръ.—Собаки, волки, шакалы и лисицы тоже составляютъ одно семейство.

— Одно семейство?—задумчиво переспросила Флори.—Значитъ, имъ не скучно въ большомъ семействѣ. А дерутся они въ семействѣ, какъ мы съ Джорджи?

Раздался смѣхъ на лужайкѣ, и диспутъ прекратился. Тѣни удлинились. Надвигался вечеръ. Подулъ неизвѣстно откуда сорвавшійся теплый, шаловливый вѣтерокъ; широко и легко заволновалась трава. Потомъ вѣтерокъ столь же неожиданно затихъ, какъ будто раздумалъ шалить; поникли деревья и травы. Красный край громаднаго глаза въ послѣдній разъ взглянулъ на землю и скрылся. Противоположный берегъ сталъ полонъ сумерекъ, причудливыхъ формъ и простора. Надъ успокоившейся, опустѣвшей рѣкой въ послѣдній разъ всполохнулась чайка, крикнула пронзительно по-своему, что рада отдыху, и скрылась. Промчалась по водѣ длинная, какъ причудливое водяное насѣкомое, «гичка», гонимая восьмью веслами, взлетавшими разомъ. Стало темнѣть, и гости начали расходиться.

II.

— Well?—началъ я, обращаясь къ профессору, съ которымъ мы вышли вмѣстѣ.

— Очень интересно!—съ чуть замѣтной улыбкой отвѣтилъ онъ и замолчалъ.

— Намъ, соціологамъ, *ужасно* трудно быть мистиками,—началъ онъ послѣ нѣкоторой паузы;—мы изучаемъ генезисъ и эволюцію явленія, поэтому мы видимъ его постоянно безъ покрова, кажущагося такимъ

таинственнымъ для многихъ. Но упрощенный Бергсонъ, а въ особенности теософы и мистики, ужа-асно интересны.

Когда я поинтересовался спросить, что̀ именно заинтересовало профессора, онъ обстоятельно, не торопясь, началъ мнѣ развивать такую теорію. Геологія точно установила теперь существованіе въ Европѣ не одного, а нѣсколькихъ ледниковыхъ періодовъ. Обусловливалось это, вѣроятно, тѣмъ, что въ Америкѣ, вслѣдствіе геологическихъ катастрофъ, Миссисипи то была рѣкой, то становилась громаднымъ, морскимъ рукавомъ, выходившимъ на югѣ въ Мексиканскій заливъ, а на сѣверѣ—въ Гудзоновъ заливъ. И когда рѣка становилась морскимъ рукавомъ, Гольфштремъ направлялся не черезъ Атлантическій океанъ къ берегамъ Европы, а въ Ледовитый океанъ. Это, по вычисленію профессора, должно было понизить температуру Европы на 10°. И такъ какъ каждое океаническое теченіе должно образовать другое, встрѣчное, то Гольфштремъ, направившійся черезъ морской рукавъ, вызывалъ холодное теченіе, шедшее съ сѣвера къ берегамъ Европы. Оно, въ свою очередь, понижало среднюю температуру на 3°. Такимъ образомъ на нѣсколько тысячелѣтій Европа до 50° с. ш. становилась арктической страной. Льды отступали, когда Миссисипи становилась рѣкой, и Европа пользовалась снова теплотой Гольфштрема. Въ зависимости отъ смѣны климатовъ мѣнялись флора и фауна. Когда арктическій климатъ смѣнялся субтропическимъ, человѣкъ неандертальскаго типа укочевывалъ вслѣдъ за сѣвернымъ оленемъ, и ему на смѣну являлся съ юга другой, напр. тотъ, черепъ котораго найденъ въ Solutré. Потомъ, когда льды снова надвигались, раса, удалившаяся на нѣсколько тысячелѣтій (или десятковъ тысячелѣтій), снова являлась со своей матеріальной культурой и *своимъ міропониманіемъ*.

Антропологи знаютъ теперь нѣсколько культуръ палеолитическаго каменнаго вѣка: шельскую (отъ Chelles, близъ Парижа), ашёльскую (отъ Saint Acheul, близъ Аміеня), *мустіерскую* (Le Moustier, на Везерѣ), *ориньякскую*, *солютрескую* (Solutré, въ департаментѣ Saône et-Loire) и *магдаленскую*. Каждая изъ этихъ культуръ совершенно ясно выражена. Мустіерская культура, напр., характеризуется многочисленными небольшими скребками для очищенія мездры обрабатываемой кожи, ориньякская культура—длинными костяными инструментами, заостренными съ одной стороны и утолщенными съ другой. *Каждая культура имѣла свое міровоззрѣніе и міропониманіе*, которыя тоже надвигались и отступали вмѣстѣ со льдами. И точно такъ, какъ теперь, подъ современнымъ Лондономъ, находятъ костяныя шила и кремневые скребки той эпохи, когда люди рисовали съ натуры пещернаго льва, волосатаго носорога и мамонта,—въ современной столицѣ наблюдаемъ *міровоззрѣнія*, соотвѣтствующія магдаленской эпохѣ. На-

двиганіе и отступленіе льдовъ обусловливалось опредѣленными причинами; замираніе и возрожденіе міровоззрѣній, выработанныхъ давно отошедшими эпохами, тоже подчинено точнымъ законамъ, опредѣленіе которыхъ должно всецѣло поглотить вниманіе соціологовъ, когда будетъ накоплено достаточное количество фактовъ. Въ Garten Party профессоръ усмотрѣлъ только матеріалъ для соціолога.

Мы разстались.

III.

Былъ, значитъ, «каменный вѣкъ» внѣшней культуры и «каменный вѣкъ» въ міровоззрѣніи. Исчезновеніе ихъ дѣйствительно не совпадаетъ. Предо мною любопытные стенографическіе отчеты, выпущенные покойнымъ Стэдомъ въ 1909-мъ году. Извѣстный журналистъ имѣлъ на томъ свѣтѣ пріятельницу «Джулію», черезъ посредство которой устроилъ своего рода почтовую контору («Julia's Burlau») для сношеній съ міромъ, лежащимъ по ту сторону познаваемаго. Вы являлись въ Бюро и подавали заявленіе, что желаете поговорить на такую-то тему съ вашей покойной бабушкой, съ Ганнибаломъ, съ Альфредомъ Великимъ или съ Дизраэли. Черезъ посредство медіума заявленіе передавалось на тотъ свѣтъ «Джуліи», имѣвшей тамъ, повидимому, громадныя знакомства. Ей требовалось, напримѣръ, только два дня, чтобы разыскать въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ дѣйствительнаго или миѳическаго героя, дѣйствовавшаго сорокъ вѣковъ тому назадъ. Еще черезъ день, черезъ посредство того же медіума, получался отвѣтъ, отбитый, по-дѣловому, на печатной машинѣ, на бланкѣ со штемпелемъ Бюро. «Вызовъ къ телефону» съ того свѣта стоилъ двѣ гинеи, т.-е. 20 р. «Почтовой конторой» пользовались адмиралы, генералы, беллетристы, адвокаты, свѣтскія дамы. Осенью 1909-го года борьба за «революціонный бюджетъ» достигла въ Англіи высшаго напряженія, какъ въ парламентѣ, такъ и въ обществѣ. У всѣхъ на устахъ былъ вопросъ: какъ поступятъ лорды? Пропустятъ ли они бюджетъ или отклонятъ его, т.-е. сдѣлаютъ шагъ, безпримѣрный со времени революціи 1688 года?

Когда «политическій горизонтъ» въ древней Іудеѣ затуманился, царь Саулъ сказалъ своимъ слугамъ, чтобы они нашли ему женщину, владѣющую даромъ прорицанія. — Открой мнѣ, что будетъ, и вызови мнѣ того, кого я назову тебѣ,—предложилъ Саулъ прорицательницѣ изъ Ендора. Точь-въ-точь такъ же поступилъ Стэдъ въ 1909-мъ году. Обратился онъ къ «Джуліи» и предложилъ вызвать ему Гладстона. О томъ, что произошло, составленъ стенографическій отчетъ, лежащій теперь передо мною. «Протоколъ засѣданія, состоявшагося въ Бюро Джуліи въ субботу, 30 октября 1909-го года. Присутствовали Воплощенные (Incarnate): ясновидящій, стенографъ и почетный секретарь

Стэдъ-старшій. Освобожденные отъ плоти (Discarnate): Джулія, Стэдъ-младшій, кардиналъ Маннингъ, Гладстонъ и др. Исполнялся гимнъ: «Я знаю, что мой Искупитель живъ», «Генделя». Таковы первыя строки этого любопытнаго документа. Дальнѣйшее не менѣе интересно. Вызвали «Джулію» и попросили ее разыскать Гладстона. Сперва къ телефону подошелъ кардиналъ Маннингъ. Онъ, повидимому, на томъ свѣтѣ вышелъ погулять и, услышавъ, что «освобожденные отъ плоти» кричатъ: «который тутъ Гластонъ?» — полюбопытствовалъ узнать, въ чемъ дѣло.

— Отъ моего дорогого друга Джуліи я узналъ, что Гладстонъ будетъ въ сообщеніи съ вами,—сказалъ кардиналъ.—Я васъ не буду долго задерживать. Мнѣ хотѣлось только перекинуться нѣсколькими словами. Benedicite!»

— Меня вызываютъ. Чего хотятъ отъ меня?—послышался другой голосъ,—читаемъ мы въ протоколѣ. (Говоритъ ясновидящій, погруженный въ трансъ, а стенографъ записываетъ).

— Вы мистеръ Гладстонъ?—спрашиваетъ Стэдъ.

— На землѣ меня звали такъ.

— Джулія, вѣроятно, объяснила вамъ все.

— Она сказала, что мнѣ хотятъ предложить рядъ вопросовъ, касающихся какъ партіи, во главѣ которой я нѣкогда стоялъ, такъ и вообще политики. Такъ ли это? Спрашивайте.

Гладстону предложено было четырнадцать вопросовъ, между прочимъ слѣдующіе: «Нарушитъ ли новый бюджетъ равновѣсіе фискальнаго обложенія? Одобряетъ ли Гладстонъ провозглашенную земельную политику? Правильно ли поступятъ лорды, если отклонятъ бюджетъ? Какой политики должны держаться либералы, если Верхняя палата отклонитъ бюджетъ? Одобряетъ ли Гладстонъ государственную пенсію для стариковъ? Думаетъ ли онъ, что реформу можно осуществить безъ революціоннаго бюджета, напр., путемъ введенія протекціонизма?»

«Сначала онъ принялъ было Антона Антоновича немного сурово, да-съ; сердился и говорилъ, что и въ гостиницѣ все нехорошо, и къ нему не поѣдетъ; но потомъ.., какъ покороче разговорился съ нимъ, тотчасъ перемѣнилъ мысли и, слава Богу, все пошло хорошо». Эти слова Добчинскаго припоминаются мнѣ при чтеніи стенографическаго отчета о засѣданіи въ Бюро Джуліи. Сначала Гладстонъ сердился. «Арена политическаго міра мнѣ ненавистна,—отвѣтилъ онъ черезъ посредство медіума Стэду.—Больше скажу: я всегда ненавидѣлъ политику и занимался ею только вслѣдствіе сознанія долга по отношенію къ моему народу. Меня неизмѣримо сильнѣе интересуютъ попытки постиженія удивительныхъ проявленій Божества. Мнѣ ужасно непріятно, ужасно антипатично погрузиться снова въ политику».

Но великій старецъ, какъ и «ревизоръ», «потомъ перемѣнилъ мысли», и «все пошло хорошо», хотя онъ указалъ предварительно, что не слѣдитъ больше за политической борьбой партій. Повидимому, нумера «Daily Mail» еще не доставляются правильно «освобожденнымъ отъ плоти» существамъ.

— По моему мнѣнію,—сказалъ Гладстонъ,—Верхняя палата поступитъ крайне неблагоразумно, если отклонитъ бюджетъ. Конечно, я понимаю, что въ бюджетѣ много пунктовъ, противъ которыхъ лорды возражаютъ; но, я думаю, въ ихъ собственныхъ интересахъ принять его. Лично я вполнѣ одобряю принципы, на которыхъ бюджетъ построенъ».

Такимъ же образомъ Гладстонъ послѣдовательно выражаетъ свое мнѣніе о земельной реформѣ и протекціонизмѣ. *Форма* выраженія—гладстоновская; но содержаніе отвѣтовъ такъ шаблонно и такъ мелко, что ради полученія подобныхъ мыслей, конечно, не стоило тревожить тѣнь великаго государственнаго дѣятеля. Къ концу бесѣды Гладстонъ заявилъ, что въ немъ разгорается кровь стараго вождя, когда онъ опять слышитъ про жаркій бой, завязавшійся «между классами и массами».

— Не находите ли вы сходство между настоящимъ моментомъ и гомеровскими временами, когда безсмертные, спустившись съ Олимпа, спѣшили принять участіе въ борьбѣ подъ стѣнами Трои?—спросилъ Стэдъ.

— Совершенно вѣрно, — отвѣтилъ Гладстонъ. Онъ похвалилъ организацію *Бюро Джуліи* и сказалъ, что оно приноситъ громадную пользу, убѣждая скептиковъ.

— Good morning!—закончилъ Гладстонъ.—Джулія затѣмъ прибавила, что Гладстона нельзя узнать послѣ бесѣды: въ немъ пробудился боевой духъ, и вождь обдумываетъ все, чѣмъ бы онъ могъ помочь партіи, во главѣ которой нѣкогда стоялъ.

Бѣдняга Стэдъ! «Джулія» ему сообщала рѣшительно про все, но только не про то, что не слѣдуетъ ему плыть на *Титаникѣ*! Впрочемъ, третьяго дня я былъ на лекціи г-жи Энни Безантъ.

Докладчица сообщила, что «общество техническихъ изысканій» вошло теперь въ правильныя сообщенія съ Стэдомъ, который описалъ даже послѣдніе моменты Титаника. По словамъ Энни Безантъ, Стэдъ нашелъ теперь Джулію, и они постоянно вмѣстѣ.

IV.

Однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ англійскихъ трудовъ по соціологіи является только что законченная многотомная работа про-

фессора Фрэйзера: «The Golden Bough» [1]). Вслѣдствіе своего объема, и по другимъ причинамъ, этотъ капитальный трудъ, вѣроятно, не скоро еще станетъ достояніемъ русской публики. Въ первомъ томѣ, выясняя генезисъ магіи и религіи, профессоръ Фрэйзеръ доказываетъ, что, точно такъ какъ матеріальная культура всѣхъ расъ прошла черезъ каменный вѣкъ,—у всѣхъ народовъ въ интеллектуальномъ отношеніи былъ вѣкъ магіи. Изслѣдуя теперь всѣ существующія расы, живущія на протяженіи отъ Гренландіи до Огненной Земли, и отъ Шотландіи до Сингапура, мы замѣчаемъ, что онѣ отличаются другъ отъ друга безчисленными культами. Послѣдніе не являются общими разграничительными чертами между націями. Дѣленіе заходитъ въ города, деревни и даже семьи. Такимъ образомъ, въ отношеніи культа общество, такъ сказать, покрыто безчисленными трещинами и подрыто во всѣхъ направленіяхъ. Но если мы спустимся глубже этихъ религіозныхъ разногласій, то всюду найдемъ подъ ними одинъ сплошной пластъ суевѣрій. Окажется, что лѣнивые, слабые умомъ и невѣжественные люди, т. е. подавляющее большинство всего человѣчества, объединены общимъ міровоззрѣніемъ, зарожденіе котораго отдѣлено отъ насъ сотнями вѣковъ. Однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ завершеній девятнадцаго вѣка являются «буровыя скважины», проведенныя до этого нижняго умственнаго пласта въ разныхъ частяхъ свѣта. Буровыя скважины доказали, что этотъ подпластъ совершенно одинаковъ у разныхъ народовъ, подъ какими бы широтами они ни жили. Пластъ этотъ находится также у насъ подъ ногами въ настоящее время. Онъ выступаетъ наружу, когда только можетъ. Повидимому, мы находимся на очень тонкой корѣ интеллектуальной новой культуры, которая въ любой моментъ можетъ быть взорвана дремлющими подъ нею подпочвенными силами. Глухой рокотъ, доносящійся время отъ времени, да языкъ пламени, вырывающійся наружу, свидѣтельствуютъ о томъ, что происходитъ въ пластѣ, лежащемъ подъ почвой».

Тѣ явленія, о которыхъ я говорю въ настоящемъ письмѣ, доказываютъ, мнѣ кажется, не только наличность доисторическаго умственнаго пласта и выступаніе его наружу. Мы видѣли людей, несомнѣнно принадлежащихъ по складу ума къ очень отдаленной эпохѣ; но сколько-нибудь внимательное наблюденіе убѣдитъ насъ, что умъ ихъ находится теперь въ динамическомъ, а не въ статическомъ состояніи. Передъ нами люди, захваченные великимъ умственнымъ движеніемъ и старающіеся посильно принять въ

[1]) Отдѣльные томы носятъ различное названіе: «The Magic Art and the Evolution of Kings», «Taboo and the Perils of the Soul», „The Dying God" „Adonis", Attis, Osiriss и т. д. Всѣхъ томовъ десять.

немъ участіе. Въ своей «Geschichte der Karthager» Мельцеръ разсказываетъ, что произошло въ послѣднія недѣли осады Карѳагена. Неизвѣстно какимъ образомъ, по всей Сѣверной Африкѣ разнеслась тогда вѣсть, что римляне осаждаютъ Карѳагенъ и что великій городъ долженъ скоро пасть. И со всѣхъ концовъ континента, изъ дремучихъ лѣсовъ, изъ пустынь и изъ темныхъ пещеръ Атласа тронулись къ стѣнамъ города такія дикія племена, о существованіи которыхъ даже никто не зналъ. Они пришли голые, уродливые, вооруженные дубинами и черепами, привязанными къ палкамъ, но быстро переодѣлись въ алыя и синія нарядныя туники, добытыя въ разграбленныхъ пригородахъ. Когда штурмъ бывалъ удаченъ, дикари, переодѣтые культурными людьми, кидались съ пронзительнымъ воемъ вслѣдъ за римскими легіонерами. Когда осажденные отбивали приступъ, и римляне вынуждены были удалиться, дикари съ отчаяннымъ визгомъ бѣжали впереди. Они проклинали тогда легіонеровъ, называли ихъ трусами, и кричали, что Эшмунъ, Молохъ и Аштарота сильнѣе Юпитера, Марса и Діаны. Дикари убѣгали въ лѣсъ и сидѣли тамъ, покуда не убѣждались, что побѣда Карѳагена временная и что легіонеры опять идутъ на приступъ.

То же самое происходитъ теперь въ Англіи. До людей, жившихъ всегда за чертой достиженія всякихъ интеллектуальныхъ приливовъ, дошли вѣсти, что «штурмуютъ Карѳагенъ», что идетъ гигантскій «колышень» новыхъ идей. И со всѣхъ концовъ явились умственные дикари, наряженные въ великолѣпные хитоны, вытканные другими Эти люди пытаются даже воевать своимъ первобытнымъ оружіемъ, т. е. тѣми методами мышленія, которые создались еще, когда по Англіи бродили мамонты. Иногда это «оружіе» грубо и неуклюжо, а иногда отдѣлано очень красиво, даже художественно. Когда «Римъ» побѣждаетъ, дикари бѣгутъ вслѣдъ; когда онъ отступаетъ, они бѣгутъ впереди и громче всѣхъ кричатъ про «банкротство науки»

Вотъ что, мнѣ кажется, означаютъ явленія, которыя я наблюдалъ на «границѣ прилива».

Діонео.

ПРАЗДНИКЪ НАЦІОНАЛЬНАГО САМОПОЗНАНІЯ.

Письмо изъ Берна.

(*Окончаніе*) [1]).

Во многофонтанномъ градѣ Бернѣ, на центральной городской площади одинъ фонтанъ приковалъ мои взоры. Что-то смутно-родное, что-то сладостно-знакомое, родъ невидимыхъ радіоактивныхъ лучей, ласкало мою отвыкшую отъ подобныхъ впечатлѣній душу.

Кругомъ звенятъ трамваи, чинно движется мирная бернская публика, площадь сторожатъ рядышкомъ старинная часовая башня и новѣйшій оперный театръ. Но фонтанъ XVI-го вѣка, фонтанъ «Людоѣда» влечетъ васъ къ себѣ сильнѣе всей площади, со всей ея публикой, знаменитыми часами на башнѣ и театромъ.

Что изображаетъ тотъ старобернскій фонтанъ?

Раскрашенный, раззолоченный, какъ всѣ бернскіе фонтаны, «Людоѣдъ» изображаетъ сидящаго великана въ короткомъ, подпоясанномъ кафтанѣ и—замѣтьте это чрезвычайное обстоятельство!—въ остроконечномъ колпакѣ на манеръ ассирійской шапки, колпакѣ, какіе носились въ Бернѣ въ средніе вѣка, по приказу мѣстныхъ властей, *евреями*. Огромная пасть великана-еврея поглощаетъ живьемъ младенца, котораго онъ придерживаетъ правой рукой; лѣвая же рука загребла еще цѣлый ворохъ младенцевъ-ангелочковъ, которыми онъ, явно, намѣренъ закусить впослѣдствіи.

Я сразу, конечно, почувствовалъ какъ бы дуновеніе вѣтра съ родины, изъ Кіева, изъ залы судебныхъ засѣданій по дѣлу Бейлиса. Жаль, что иные изъ ученыхъ экспертовъ этого дѣла не воспользовались бернской статуей для своихъ ученыхъ соображеній о еврейской религіи и ея любви къ христіанскимъ мальчикамъ. Вѣдь вотъ еще въ XVI вѣкѣ бернскіе ребятишки, катавшіеся на мялахъ гдѣ-либо тамъ внизу, въ ущельѣ Аары, на бернскомъ Подолѣ, были пожираемы безъ сожалѣнія тогдашними Бейлисами. Какой драгоцѣнный историческій матеріалъ остался не использованъ обвиненіемъ!

Правда, впрочемъ, что въ наши дни уже ничего не слышно въ Бернѣ о склонности здѣшнихъ евреевъ къ человѣческой закускѣ. Правда и то, что электрическій прожекторъ исторіи успѣлъ освѣтить

---

[1]) См. іюль, стр. 309.

недавно темную подкладку творческаго замысла Замысловскихъ XVI вѣка, изваявшихъ человѣконенавистническій фонтанъ. Бернское правительство слишкомъ позадолжалось тогда у еврейскихъ капиталистовъ; чтобы однимъ махомъ избавиться отъ огромнаго долга, оно подняло антисемитскую агитацію, снарядило еврейскій погромъ или рядъ погромовъ—словомъ, распорядилось весьма практически. Фонтанъ былъ только однимъ звеномъ въ этомъ ожерельѣ. Въ итогѣ правительство осталось при большихъ барышахъ, ибо получило хорошенькіе выкупы отъ еврейскихъ богачей за освобожденіе отъ погромной повинности. Эхъ, хорошее было времячко для «націоналистовъ»!

Нѣтъ ничего удивительнаго, если я довольно долго стоялъ передъ «Людоѣдомъ», направляясь однажды къ Національной выставкѣ. «Людоѣдъ» этотъ — яркая, рѣжущая глаза параллель-контрастъ къ тому, что въ Швейцаріи XX-го вѣка понимается подъ словомъ «національный». Людоѣдскій націонализмъ—и безмятежное сожительство четырехъ національностей въ рамкахъ единой націи: наилучшій скульпторъ не могъ бы придумать болѣе выпуклаго, болѣе рельефнаго освѣщенія вопроса.

Отсюда все же не слѣдуетъ еще, чтобы современный «швейцарскій духъ»—какъ онъ ни далекъ отъ кровожаднаго завѣта предковъ XVI в.—вполнѣ былъ уже свободенъ отъ пережитковъ темной старины. Только *по сравненію* съ стариной да съ нѣкоторыми явленіями нашихъ дней оказывается онъ духомъ добрымъ, духомъ свѣтлымъ, въ сравнительно-прозрачной атмосферѣ котораго дышется такъ легко и отрадно уставшей подъ гнетомъ «націонализма» груди. Сравнительно—но ужъ и это «сравнительно» такъ приближаетъ человѣка къ общечеловѣческой родинѣ—культурѣ. И даетъ живо предчувствовать, вѣроятно, недалекія уже здѣсь времена, когда «національный духъ» перестанетъ быть пустымъ терминомъ, прикрывающимъ, болѣе или менѣе удачно, внутреннюю и злую рознь, кипящую подъ его зыбкой поверхностью.

На выставкѣ, этомъ колоссальномъ наглядномъ пособіи для изученія современной Швейцаріи, я старался прочитать интимныя свойства ея національнаго духа: и его повседневныя черты, искаженныя жестокой гримасой гражданской розни, и осязательные отблески прекраснаго будущаго на прозаическихъ чертахъ настоящаго.

Въ первой части моего письма я изображалъ твердый остовъ матеріальной культуры Швейцаріи, на которомъ строится, изъ котораго произрастаетъ духовная культура. Здѣсь я занимаюсь этой послѣдней, какъ нѣкоторымъ, такъ сказать, самоцѣльнымъ соціальнымъ образованіемъ. И какъ фонтанъ Людоѣда помогъ намъ почувствовать наше, старое въ чужомъ и далекомъ, такъ легче всего почувствовать ненаше, новое—тоже въ произведеніяхъ искусства. Поэтому направляю

свои шаги прежде всего въ павильонъ XII-ой національной художественной выставки.

Павильонъ—огромный, какъ, впрочемъ, и всѣ почти павильоны на выставкѣ этой удивительной страны-карлика. Состоитъ онъ изъ 26 отдѣльныхъ залъ, переполненныхъ продуктами художественнаго урожая этого года (частью, впрочемъ—и предыдущихъ годовъ). Кромѣ живописи и скульптуры въ собственномъ смыслѣ, здѣсь фигурируютъ также рисунки и гравюры, медали и plaquettes, а также цѣлый рядъ залъ съ произведеніями декоративнаго искусства: живописи на стеклѣ, на вазахъ, шкатулкахъ, ширмахъ, вышивокъ, эмалей, драгоцѣнностей, скульптуры, рѣзьбы и чеканки на всякаго рода предметахъ обихода, изъ самаго разнообразнаго матеріала. Послѣдній отдѣлъ—декоративное искусство — въ этомъ году впервые появляется на швейцарской художественной выставкѣ, и съ полнымъ правомъ. Вкусъ, изящество и тонкій замыселъ многихъ вещей и вещицъ этого рода, несомнѣнно, относятъ ихъ къ области художественныхъ произведеній.

Однако, нельзя сказать, чтобы количественное богатство художественной выставки соотвѣтствовало, вообще говоря, ея внутреннимъ достоинствамъ. Скорѣй наоборотъ. Сами швейцарцы крайне недовольны плоскимъ, хотя и претенціознымъ, общимъ уровнемъ выставки, это послужило даже поводомъ къ яростнымъ схваткамъ въ парламентѣ, кончившимся неблагополучно для оффиціальныхъ руководителей искусства въ странѣ—для союзной художественной комиссіи и художественнаго жюри. Но объ этомъ—нѣсколько ниже.

Фонтанъ Людоѣда, при всемъ наивномъ варварствѣ исполненія, все же сразу останавливаетъ вашъ взглядъ — и не одною жестокой идеей, а также наивной своей экспрессіей и ласкающими глазъ мягкими красками. На художественной выставкѣ вы проходите залу за залой холодно и безучастно, словно по пустырямъ. Порою вы слышите изъ среды публики роковой смѣхъ... И тѣмъ не менѣе именно отрицательныя свойства выставки даютъ вамъ нерѣдко самыя характерныя черты швейцарской современности, ея попытокъ самосознанія.

Вотъ, напр., въ залѣ № 10—картина художника Ш. Ольсоммера, изъ кантона Валлисъ: «Желанное, но неуловимое Абсолютное». Все бѣдно и скучно въ этой мучительно-головной выдумкѣ. При обширныхъ размѣрахъ картина писана тощею и сухой «темперой»; фабула ея—заимствованная изъ блѣднѣйшихъ фантазій Метерлинка. Длиннохвостая зеленая птица (у Метерлинка, впрочемъ, синяя) улетаетъ безвозвратно изъ рукъ трехъ-четырехъ несчастныхъ женщинъ, гнавшихся за ней до остро-голой верхушки какой-то скалы. Исхудалыя и блѣдныя женщины простираютъ въ отчаяніи безнадежно-длинныя

руки, и безцвѣтныя, долгія одежды влачатся за бѣднягами по камню. Смотрѣть жалко и тошно...

И ничего не было бы человѣчески - интереснаго въ этой вымученной и заѣзженной аллегоріи, если бы не то, что подобными аллегоріями, съ подобнымъ же чахло-безотраднымъ направленіемъ, кишитъ весь художественный павильонъ—и не только художественный павильонъ, но и всѣ художественныя работы, украшающія выставку. А ихъ много: и въ «образцовой» церкви посреди т. наз. «швейцарской деревни» (Dörfli), и въ многочисленныхъ ресторанахъ, и въ залахъ разныхъ павильоновъ, напр. павильона музыки, павильона литографіи. Какъ будто современный швейцарецъ, только лишь возьмется символизировать для себя разныя отрасли своей соціальной дѣятельности, сейчасъ и воображаетъ себя непремѣнно въ самомъ жалостномъ и слабосильномъ видѣ!

Чудно̀! Матеріальная, производительная жизнь изъ всѣхъ уголковъ Національной выставки бьетъ, можно сказать, звонкимъ и радостнымъ ключомъ. Все бы, казалось, должно говорить на этой выставкѣ, у этого бодраго народа, о радости существованія, о побѣдѣ надъ слѣпыми стихіями, а вмѣсто того — «Неуловимое абсолютное», тоска, самочувствіе безсилія. Чудно̀!

Вотъ еще въ отдѣлѣ скульптуры, въ залѣ № 15, тонко и твердой рукой исполненный гипсовый двойникъ: «Знаніе и Вѣра», женевскаго скульптора Л. Галле. Двѣ рядомъ поставленныя мужскія фигуры, все выраженіе которыхъ сосредоточено въ ихъ лицахъ, подчеркнуто-противоположныхъ. «Знаніе» — энергичная физіономія *дѣятеля* знанія, напр. теоретически развитого инженера, адвоката, либо врача. Такое толкованіе «знанія»—весьма національно и весьма подходитъ ко всему практически-знающему облику Національной выставки. И вотъ, Знаніе явно погружено въ грустныя сомнѣнія, блуждаетъ въ тупикахъ безсильной, въ концѣ концовъ, мысли. Скульпторъ, какъ многоопытный учитель жизни, будто пальцемъ хочетъ указать вамъ на другую голову—Вѣру. Тутъ вы не найдете и слѣда недовольства собой, унылыхъ колебаній. Чело, хоть и не высокое, но безоблачное, очи—горѣ, какая-то упрощенно-бездумная гармонія чертъ лица, общій порывъ фигуры—легкій и естественный. Все бы, кажется, ладно, да какъ разъ не хватаетъ — это ужъ помимо желанія художника — серьезности и глубины въ чертахъ Вѣры. Не знаю, стоитъ ли этотъ, тоже претенціозный и тоже мало оригинальный по замыслу двойникъ тѣхъ 22.000 франковъ (при условіи исполненія въ бронзѣ), которые въ каталогѣ помѣчены, какъ его продажная цѣна. Но вѣрно одно: поразительная дисгармонія этого во всякомъ случаѣ хорошаго художественнаго произведенія съ мощнымъ порывомъ всей націи къ новымъ и новымъ завоеваніямъ знанія.

И такъ взюду, по всѣмъ заламъ художественнаго павильона. Всюду, въ хорошихъ и плохихъ картинахъ и скульптурахъ, преобладаетъ все та же струя пессимизма, недовѣрія къ могучимъ усиліямъ культурнаго прогресса тутъ же рядомъ, за стѣнами. А если отъ художника требуется во что бы то ни стало мажорный тонъ, прославленіе человѣческаго разума или генія, попытки этого рода оказываются, бо̀льшею частью, натянутыми, нерѣдко дышатъ на васъ фальшью. Характерны въ этомъ отношеніи двѣ статуи, стоящія, впрочемъ, не въ залахъ художественнаго павильона, а у входа въ центральное выставочное зданіе — Домъ Празднествъ. Эти двѣ статуи зовутся: одна — Ingenium et Moles, другая — Vigor virilis. Имени автора не вспомню; впрочемъ, это я и не считаю важнымъ. Мнѣ кажется, что въ обликѣ «національнаго духа», отражаемомъ въ искусствѣ, важно, можетъ быть, иногда и то, что въ чисто художественномъ отношеніи не представляетъ высокой цѣнности, и наоборотъ, иной chef d'oeuvre можетъ оказаться — въ силу историческихъ условій—болѣе или менѣе второстепенною вещью въ ходѣ развитія «національнаго духа» Возьмемъ, напр., съ одной стороны Надсона, съ другой—лучшія вещи гр. Голенищева-Кутузова.

Итакъ, первая изъ статуй: «Изобрѣтеніе и грубая матерія» должна прославить торжество «практическаго разума» надъ слѣпыми стихіями. Нагая женщина въ самозабвеніи, въ упоеніи побѣдой попираетъ ногой хребетъ укрощеннаго ею дикаго коня; конь лежитъ подъ ея пятой, рабски покорно подогнувъ свою голову подъ грудь. Тѣлесная слабость женщины и сила коня сопоставлены не безъ искусства. Но вотъ бѣда: гордость побѣдительницы-Изобрѣтенія взята въ столь повышенномъ тонѣ, что перестаетъ вызывать въ зрителѣ симпатію. Она переходитъ въ спѣсь, въ бахвальство, въ крикъ хвастовства — и замѣчательно, какъ этотъ не въ мѣру повышенный тонъ искажаетъ *правду тѣлодвиженія*, если можно такъ выразиться. Тѣло женщины какъ-то истерически выпячено и напряжено, напоминая конвульсіи бѣсноватыхъ. Изгибъ его, далекій отъ плавной линіи, свойственной природѣ женскаго тѣла, походитъ скорѣй на тотъ насильственный изгибъ, который достигается теперь помощью корсетовъ «съ прямою планшеткой». Оно, пожалуй, и модно, но врядъ ли пластически вѣрно.

И тотъ же модно-лживый изгибъ повторенъ въ тѣлѣ мужчины на второй статуѣ: «Мужская—мощь» мужчины-богатыря, укротившаго и попирающаго пятой чудище-быка. И такъ же рабски покорно быкъ подогнулъ свою буйную голову подъ грудь, и такъ же отталкивающе-надменно выраженіе побѣды на лицѣ мужчины. Какъ хотите, а идея борьбы и побѣды человѣческаго духа надъ матеріей въ головѣ совре-

меннаго художника все еще сохраняетъ нѣчто отъ идеи Людоѣда: не столько творчество, сколько порабощеніе, не столько ладъ и складъ, вносимый живымъ геніемъ въ нескладную игру силъ «мертвой» природы, сколько злорадство Большого Кулака, дорвавшагося до приволья. И такъ какъ всѣ идеи времени, въ конечномъ счетѣ, черпаются всегда изъ одного общаго источника—изъ соціальной жизни, то и данныя произведенія искусства — словно окошечко, сквозь которое мы уже можемъ заглянуть на идеи, держащія сейчасъ бразды швейцарскаго общества.

Съ одной стороны, симпатіи къ безцеремонной эгоистической силѣ, съ другой стороны—чувство слабости, малосилія, унынія, безцѣльности жизни. Этотъ двуполярный мотивъ почти неизмѣнно сопровождаетъ васъ на всемъ протяженіи художественной выставки, ломая на скульптурахъ тѣла, причудливо извращая на картинахъ линіи рисунка, ошеломляюще вопя въ краскахъ или, наоборотъ, суша ихъ и холодя. Остается впечатлѣніе толпы художниковъ, въ общемъ добросовѣстно изучившихъ свою технику, но одержимыхъ одною гипнотическою idée fixe, которая, вѣроятно, не дастъ огромному большинству выбиться на дорогу вольнаго, личнаго творчества. И это относится почти ко всѣмъ направленіямъ, здѣсь представленнымъ: и къ выходящимъ уже изъ моды (какъ скоро!) символистамъ и декадентамъ, и къ модно-уродливымъ кубистамъ и футуристамъ. Почти на всѣхъ общая печать духа вѣка—точнѣе, духа хозяевъ историческаго момента.

Ярче всего, быть-можетъ, сказывается эта печать на двухъ наиболѣе крупныхъ художникахъ выставки: скульпторѣ Родо-де-Нидергейзерѣ и живописцѣ Фердинандѣ Годлерѣ. Первый изъ нихъ стоитъ, въ общемъ, на полюсѣ унынія, второй—на полюсѣ героизма. Оба, какъ свѣтила «швейцарскаго духа», занимаютъ — и почти наполняютъ собой—весь залъ № 1, самый обширный на выставкѣ.

Родо-де-Нидергейзеръ (зовется также сокращенно: Родо) недавно умеръ, въ виду чего устроена цѣлая отдѣльная выставка посмертныхъ его произведеній. Онъ проживалъ постоянно въ Парижѣ, и манера его—новѣйшая, парижская, можно сказать, лирическая, музыкальная. Вещи Родо *поютъ*, и пѣніе это увлекаетъ за собою тѣлесную оболочку носителей, за передачниковъ пѣнія: тѣлесная оболочка теряетъ природное упорство своей формы, свой данный необходимостью внѣшній типъ, и въ рукахъ скульптора становится просто средствомъ выраженія, нимало не теряя, впрочемъ, портретной вѣрности: портретистъ Родо—превосходный, и много его бюстовъ-портретовъ (въ томъ числѣ его собственный) выставлено среди шести десятковъ вещей. О чемъ же поютъ мраморъ и бронза Родо?

Въ отличіе, напр., отъ Родена, тоже пѣвца въ скульптурѣ, Родо

поетъ не о красотѣ человѣка, сына матери-сырой-земли, а все больше о бренности земной юдоли. Его лучшая вещь на выставкѣ—«Плачъ Іереміи», бронза въ человѣческій ростъ, гдѣ сила выраженія сосредоточена въ нѣмомъ лицѣ, вѣрнѣе—въ безконечно-безутѣшныхъ глазахъ, глядящихъ, какъ изъ душнаго плѣна, изъ глубины темныхъ орбитъ. Вся остальная фигура, жестъ, черты лица—обыкновенные, житейскіе, даже, можетъ-быть, мало соотвѣтствующіе предвзятому представленію зрителя о Іереміи. Ничего сходнаго, напр., съ трагическимъ паѳосомъ нѣмого жеста у пророка на картинѣ Васнецова во Владимірскомъ соборѣ, въ Кіевѣ.

Другіе chefs d'oeuvr'ы Родо—большіе, въ человѣческій ростъ барельефы «Адамъ и Ева», «Меланхолія», «Отчаяніе». Всѣ три—приблизительно одного содержанія, и это постоянство, какъ бы навязчивость идеи, характерны для Родо, какъ и для толпы швейцарскихъ художниковъ. Всѣ три барельефа изображаютъ чету мужчины и женщины, тѣла которыхъ смяты, опрокинуты ударомъ отчаянія. Каждая чета «поетъ» объ этомъ ударѣ на иной, по-своему красноречивый манеръ. Но одинъ и тотъ же пессимистическій порывъ уноситъ въ своей гибкой волнѣ какъ бы разжиженную, размягченную плоть людей, и волнообразно-ритмическая струя мышцъ и членовъ, увлекается куда-то, въ страну унылой невозвратности.

И опять настроеніе безсилія передъ жизнью, въ концѣ концовъ, сказывается въ значительной мѣрѣ художественной слабостью. Размягченіе плоти на барельефахъ Родо достигаетъ степени, непріятной для глаза. Тѣло людей кажется вялымъ, полубезжизненнымъ, какъ оторванный стебель, игралищемъ внѣшней силы. Между тѣмъ на выставленныхъ этюдахъ Родо болѣе или менѣе реальнаго, портретнаго, нестилизованнаго свойства (терракоты «Драгунъ», «Танцовщица») видно, что мастеръ хорошо понимаетъ силу въ движеніи. Съ другой стороны, на меня не произвели никакого впечатлѣнія его мотивы стилизованнаго «пѣнія» о силѣ: «Вѣтеръ съ моря», «Памятникъ битвы при Моргартенѣ», «Прохожденіе Венеры предъ солнцемъ». Послѣднее—просто нехудожественно.

Ф. Годлеръ, царь современнаго швейцарскаго изобразительнаго искусства, а, можетъ быть, и одинъ изъ царей современнаго искусства вообще, представленъ на выставкѣ однимъ, зато колоссальныхъ размѣровъ полотномъ: «Единодушіе».

Полотно это—дѣло, безспорно, великаго мастера. При первомъ взглядѣ на картину свѣжаго человѣка поражаетъ ея неприкрытая, обнаженная «искусственность». Картина кажется почти чертежомъ—до того правильно и симметрично ея распредѣленіе: въ центрѣ—ораторъ, по правую и по лѣвую его руку десятка по два его со-

гражданъ, поднимающихъ руку для клятвы совершенно тождественнымъ движеніемъ. Математика какая-то, алгебраическая формула!— возмущается внутри васъ чувство естественности, ищущее всегда живого разнообразія.

Во второй моментъ васъ поражаетъ, не менѣе предыдущаго, противоположное ему впечатлѣніе. Какой рѣзко-реальный и безыскусственный, до некрасивости, и вмѣстѣ съ тѣмъ какой захватывающе-вѣрный типъ—этотъ ораторъ эпохи, вѣроятно, перелома новой европейской исторіи, напр., эпохи 30-лѣтней войны. По грубой одеждѣ— ландскнехтъ, по мрачному, религіозному восторгу — протестантъ-проповѣдникъ, по неуклюжему жесту страстно-убѣждающихъ рукъ и косолапой постановкѣ ногъ — неотесанный провинціалъ. Колоритъ времени и мѣста, первое требованіе естественности въ искусствѣ, доведенъ до виртуозности, до ясновидѣнія. И какъ характерна въ отдѣльности каждая фигура слушателей оратора! Каждый изъ нихъ даетъ руку для одной и той же клятвы съ особымъ, свойственнымъ лишь ему оттѣнкомъ. Кажется, можно прочитать весь характеръ каждаго, пожалуй и всю его личную біографію по манерѣ присягать. Каждый реаленъ и некрасивъ по-своему, и всѣ вмѣстѣ кремнеобразныя дѣти грубаго вѣка на фонѣ... нѣтъ, лучше сказать, безъ всякихъ декорацій: до того скупъ и трезвъ художникъ во всемъ, что прямо не относится къ его мысли. Все вмѣстѣ неотразимо-наглядно внушаетъ зрителю фактъ несокрушимой, какъ скала, силы свободно-объединенныхъ человѣческихъ воль. Алгебраическая формула, чудеснымъ образомъ, обладаетъ непосредственною способностью «зараженія», способностью, которую Л. Толстой клалъ въ основу истиннаго искусства.

Надо быть Годлеромъ, чтобы соединить несоединимое. Задача проповѣди энергіи въ наше время кажется разрѣшенною имъ, тогда какъ его соратники-художники лишь «изъ кожи рвутся напрасно». И, однако, это не совсѣмъ такъ. Годлеру для его героической кисти приходится всегда обращаться къ великому, но угасшему прошлому «швейцарскаго духа», къ тому самому прошлому, гдѣ намъ уже пришлось встрѣтиться съ изувѣрскимъ Людоѣдомъ. И возникаетъ невольный вопросъ: не зоветъ ли насъ годлеровское «Единодушіе», заодно съ преклоненіемъ передъ девизомъ «товарищей по клятвѣ» (Eidgenossen): «всѣ за одного, одинъ за всѣхъ»—и къ ветхому завѣту кулачнаго права?

Вопросъ этотъ, въ самомъ дѣлѣ, очень и очень умѣстенъ. Мы видѣли, что значительная часть швейцарской художественной интеллигенціи ударилась въ недовѣріе къ человѣческому духу, въ боязнь передъ жизнью. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, исходя изъ подоб-

наго же маловѣрія въ сегодняшнее человѣчество, другая часть той же интеллигенціи—часть болѣе активная, болѣе энергичная—ударяется въ культъ цѣпей прошлаго. Ибо, молъ, однѣ крѣпкія цѣпи стараго государства, принудительно-религіозной морали, патріархальной семьи способны были создавать желѣзные характеры, сковывать ихъ въ цѣпь единодушія. Такъ слиты въ корнѣ два полюса одной и той же идеи, отмѣченной нами на художественной выставкѣ.

И что Годлеръ не очень далекъ отъ такого культа старины—видно и изъ самой склонности его постоянно возвращаться къ исторически-поучительнымъ темамъ этого рода. Онъ какъ бы задался цѣлью воспитывать выродившееся современное поколѣніе въ воинственно-спартанскихъ преданіяхъ Мариньяно, Кальвина, гугенотства. И не кто иной, какъ именно Годлеръ, вызвалъ, наконецъ, въ швейцарскомъ обществѣ сильнѣйшую и, надо думать, благодѣтельную реакцію противъ всего старовѣрски-брюзжащаго на современность направленія.

Годлеръ въ молодости сильно натерпѣлся нужды и горя отъ непризнанія. Въ Женевѣ, откуда онъ родомъ и гдѣ и сейчасъ проживаетъ, до сихъ поръ показываютъ въ разныхъ кафэ писанныя имъ стѣнныя панно и плафоны, конечно, лишь за гроши, для хлѣба. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ, наконецъ, былъ признанъ и попалъ въ оффиціальные руководители судебъ искусства въ странѣ (онъ предсѣдательствуетъ въ правительственной комиссіи искусствъ и въ союзномъ жюри), онъ самъ сталъ немилосердно тѣснить свободу въ искусствѣ. И нынѣшняя выставка, подобранная имъ же или подъ его непосредственнымъ вліяніемъ, привела къ громкому возмущенію «годлеріанствомъ», его безцеремоннымъ хозяйничаньемъ въ области искусства и самыми его художественными тенденціями.

Въ маѣ мѣсяцѣ, сейчасъ же по открытіи національной выставки, пресса подняла шумъ по поводу художественнаго отдѣла. Нѣкоторыя газеты находили его прямо «позорнымъ» и не хотѣли видѣть въ немъ абсолютно ничего хорошаго. Другія—большинство,—не отрицая крупной цѣнности отдѣльныхъ вещей, тѣмъ сильнѣй нападали на Годлера и годлеріанцевъ за покровительство одному лишь символически-аристократическому направленію, свысока взирающему на «чернь непосвященную» и на художниковъ, которые, не мудрствуя лукаво, отражаютъ бодрыя и жизнерадостныя теченія кипучей дѣйствительности. Между тѣмъ,—говорили голоса прессы — изъ числа забракованныхъ художественной комиссіей и жюри вещей многія могли бы поспорить съ массой принятыхъ издѣлій годлеровской дружины.

За голосами прессы надо признать значительную долю правды. Сквозь годлеровскія рогатки все же успѣло проникнуть на выставку кое-что не тронутое общей заразой идейной вражды противъ

дѣйствительности. И — Боже мой — какъ облегченно вздохнулъ я послѣ зловѣщихъ сине-фіолетово-зеленыхъ полотенъ спиритическаго оттѣнка (зовется одно изъ нихъ помнится, «Человѣчество», цѣна 25.000 фр., и изображаетъ какую-то таинственную борьбу человѣка со своимъ духомъ, облеченнымъ въ рядъ флюидическихъ оболочекъ),— какъ облегченно вздохнулъ я, попавъ, наконецъ, въ залъ, гдѣ собраны произведенія человѣчески здравыя и непретенціозныя!

Какъ нарочно, залъ этотъ и нѣкоторые сосѣдніе заняты въ значительной части женевскими и вообще романско-швейцарскими именами. Случайность ли это, не знаю, но повидимому изъ всей Швейцаріи лишь въ этомъ углу сохранилась крѣпкая традиція славнаго искусства Дидэ, Калама, Робера, скульпторовъ Прадье и Шапонье, школы художества изящнаго, точнаго, тонкаго. Темы романцевъ—родныя горы и долины, характерные типы Савойи, Валлиса, intérieur современнаго дома. Хорошо, ласково смотритъ съ нѣсколькихъ пейзажей Женевское озеро въ своемъ будничномъ, нѣжно-сѣренькомъ, шелковистомъ одѣяніи, какъ его любятъ туземцы, а не въ праздничномъ, густо-синемъ, въ какое Леманъ изрѣдка рядится спеціально для ахающаго иностранца. Эту шелковисто-сѣренькую гамму тоновъ мѣтко схватилъ впервые еще Дидэ.

Есть, впрочемъ, на выставкѣ и представители нѣмецкой Швейцаріи, продолжающіе добрую традицію средины XIX-го вѣка, не гоняясь за славой идейнаго и техническаго новаторства. Одинъ изъ лучшихъ примѣровъ — Максъ Бури изъ Бріенца, жанръ и народный портретъ котораго («Политики 1847 г.» и «Рыжая дѣвушка») точно хохотали на весь залъ неподдѣльнымъ смѣхомъ живыхъ существъ. Никакъ не могу сравнять его съ валлійцемъ Э. Билле, «Битва коровъ» котораго, великолѣпная по блеску техники, поставлена въ залѣ № 1, напротивъ «Единодушія» Годлера. Не могу сравнять, ибо мнѣ не вѣрится въ такую, болѣе чѣмъ бычачью—львиную лютость и воинственность этой пары альпійскихъ коровъ. Не могу я эту безбожно утрированную коровью энергію почесть за моральный примѣръ для насъ, бѣдныхъ людишекъ. Между тѣмъ, намѣренное, повидимому, сопоставленіе этого двухъ-саженнаго полотна съ полотномъ Годлера наводитъ именно на мысль о дидактическихъ, моральныхъ мотивахъ «Битвы коровъ». Этакъ гг. швейцарскіе ницшеанцы въ самомъ дѣлѣ догонятъ свое искусство до поклоненія Людоѣду...

Полемика въ прессѣ нашла продолженіе въ Національномъ Совѣтѣ. Внесенъ былъ запросъ министру Калондеру, завѣдывающему «изящными искусствами», о нецѣлесообразномъ употребленіи стотысячной союзной субсидіи на развитіе искусствъ. Главный мотивъ послѣдовав-

шей дискуссіи былъ: нежеланіе народа возращать на свой счетъ искусство не-народное, искусство, предназначенное, быть можетъ, для немногихъ ювелировъ-знатоковъ художества, но не для нормально чувствующаго гражданина. Интерпеллирующая демократія, въ томъ числѣ вся соціалистическая фракція, требовала отъ государства покровительства лишь такому искусству, сердце котораго бьется заодно съ борющимся, трудящимся и страдающимъ человѣчествомъ, словомъ, выражаясь опять таки по Л. Толстому, искусству *всенародному*.

Противники интерпелляціи, друзья и покровители Годлеровскаго генія, настаивали, наоборотъ, на пресловутомъ принципѣ: «искусство для искусства». Ихъ главный аргументъ былъ—полная свобода художественнаго генія. Никто не можетъ быть судьей художника и его замысловъ, кромѣ него самого, его творческой совѣсти. Толпа не можетъ понять генія, прозрѣвающаго будущее и сильной рукой толкающаго людей къ нему; толпа занята своимъ «печнымъ горшкомъ» и въ искусствѣ безнадежно консервативна. Дайте въ руки толпѣ хрупкую драгоцѣнность искусства—и отъ него останутся лишь обломки. Словомъ, давно изношенная аргументація людей головного труда, пытающихся создать для себя привилегированный, аристократическій уютъ въ обществѣ. Аргументація, впрочемъ, почтенная по виду, даже, пожалуй, изысканно либеральная, но грѣшащая явнымъ противорѣчіемъ со своей исходной точкой, со своей собственной цѣлью. Цѣль, функція, право на существованіе искусства вѣдь состоитъ во всякомъ случаѣ въ служеніи коллективному самосознанію общества, въ созданіи формулъ такого коллективнаго самосознанія для даннаго историческаго момента. И если бы дѣло всегда обстояло такъ, что самосознаніе остается удѣломъ лишь небольшой кучки людей мысли, масса же всегда питается крупицами отъ вчерашнихъ трапезъ монополистовъ коллективнаго разума,—то поистинѣ мало бы вѣсилъ на вѣсахъ человѣчества и прогрессъ искусства, да и прогрессъ культуры вообще. Можно было бы тогда, вмѣстѣ съ Л. Толстымъ и Ж. Ж. Руссо, проклинать эту цивилизацію «для немногихъ».

Нѣтъ, годлеріанцы, несомнѣнно, глубоко неправы. И ошибка ихъ, несомнѣнно, состоитъ въ томъ, что свои творческія идеи они просто-на-просто ищутъ внѣ потока человѣческаго прогресса—потока, широкой струей котораго увлекаются живыя народныя массы. Естественно, что со своими анахроническими идеями, взятыми напрокатъ изъ періода исторіи, когда человѣка массы, какъ таковаго, презирали «дѣлатели исторіи», они остаются непонятыми публикой. Вѣдь публика теперь ужъ—не исключительно, какъ нѣкогда, вооруженная лорнетами, блещущая безукоризненнымъ покроемъ костюма, публика «высшаго свѣта». Теперешняя публика, въ большинствѣ—та же народная масса,

хотя и пробудившаяся, повидимому, къ потребности въ искусствѣ лишь со вчерашняго дня, но носящая въ себѣ вѣрный наслѣдственный инстинктъ искусства.

Да откуда же, въ концѣ концовъ, и произошло все новое, великое и человѣчное искусство, какъ не изъ возрожденія народнаго искусства въ разныхъ странахъ.? Этого могутъ не видѣть только тѣ изъ «интеллигентовъ», кто знать не желаетъ научной исторіи искусства. Масса и масса, народъ и народъ былъ и остается источникомъ и цѣлью для истиннаго искусства. Кто, какъ не тотъ же народъ, служитъ дѣйствующимъ лицомъ хотя бы на годлеровскомъ «Единодушіи»? Грѣхъ картины лишь въ томъ, что народу XX-го вѣка хотятъ преподнести для культа народъ XVII-го вѣка. И вотъ, «швейцарскій духъ» ищетъ себѣ болѣе подходящаго, менѣе кривого зеркала чѣмъ зеркало аристократа духа, Годлера.

Протесты въ парламентѣ не остались безъ результата. Министръ Калондеръ заявилъ интерпеллянтамъ, что, находя слишкомъ пристрастнымъ оффиціальный составъ руководителей искусства и слишкомъ односторонними ихъ приговоры, онъ позаботится о болѣе равномѣрномъ распредѣленіи союзной субсидіи между различными художественными теченіями.

Это—побѣда «народа непосвященнаго» надъ «жрецами искусства», своеобразное, швейцарское рѣшеніе вопроса, поставленнаго еще нашимъ Пушкинымъ въ стихотвореніи «Поэтъ и чернь».

Молчи, безсмысленный народъ...

Нѣтъ, народъ здѣсь не молчитъ. Онъ долго и упорно велъ войну съ тѣми, кто пытался завернуться въ величественную тогу жречества. Въ этой войнѣ побѣда долго оставалась за самовлюбленными годлеріанцами. Дѣло доходило даже до актовъ отчаянія и мести, — напр., до поврежденія сѣрной кислотой полотенъ на выставкахъ противниковъ. Наконецъ-то оффиціальныя сферы рѣшились занять безпристрастное положеніе, которое лишь и приличествуетъ имъ въ подобныхъ вопросахъ.

Не безъ причины, однако, годлеріанцы и ихъ высокіе покровители такъ упорно отстаивали господство пессимистически-ретроградной идеи. Очевидно, идея эта кому-то чрезвычайно дорога и нужна, коли съ нею разстаются лишь съ тяжкими вздохами сожалѣнія. Кому же она дорога и нужна? Конечно, не народу, не трудящимся массамъ, жаждущимъ равенства на высотахъ «народнаго духа», какъ и въ матеріальной культурѣ. Нужна она—хозяевамъ общества, классу правящей буржуазіи, правда, здѣсь прогрессивной и даже въ большинствѣ своемъ радикальной, но отнюдь не желающей поступаться своими капиталистическими привилегіями въ пользу «безпочвенныхъ» меч-

таній о будущемъ людскомъ муравейникѣ, гдѣ нѣтъ обездоленныхъ муравьевъ.

Не надо быть даже особо зоркимъ, чтобы видѣть широкіе практическіе успѣхи «утопіи» въ народѣ за послѣдніе годы. Это похоже на процессъ естественнаго роста, напр., въ растительномъ мірѣ, и неотвратимый прогрессъ демократической идеи долженъ былъ въ концѣ концовъ увлечь за собою всѣ противоборствующія, слабыя, по сравненію съ его исторической мощью, струи.

Годлеріанство и ждущая, или ужъ настигающая его судьба—лишь эпизодъ въ великой драмѣ идей, въ вѣковомъ столкновеніи соціальныхъ стихій, столкновеніи, равнодѣйствующая котораго, хотя и туго, но все замѣтнѣе склоняется въ сторону идей демократіи. Однако и «Людоѣдъ» еще далеко не вымеръ окончательно. Онъ не только все еще сообщаетъ слабый оттѣнокъ своего мрачнаго и жестокаго стиля идеямъ, правящимъ страной сегодня, но и ежеминутно сказывается въ реальныхъ общественныхъ отношеніяхъ.

Такъ напр., нигдѣ въ Европѣ, быть можетъ, въ такой мѣрѣ упорно, какъ здѣсь, капиталисты-предприниматели не стремятся къ полному отнятію у пролетаріата его конституціоннаго права стачекъ. И изъ числа малыхъ державъ, пожалуй, ни одна въ такой мѣрѣ не тянется къ милитаризму, какъ мирная въ теченіе ста лѣтъ Швейцарія. Въ павильонѣ военнаго искусства на Бернской выставкѣ можно убѣдиться, что автоматическія ружья швейцарской арміи—перваго сорта, что со своей горной артиллеріей и инженерными войсками она такъ же приспособлена къ альпійской войнѣ на цивилизованный ладъ, какъ Лѣсные кантоны были нѣкогда приспособлены къ войнѣ при тогдашнихъ условіяхъ. И санитарная часть будетъ дѣйствовать во время битвы такъ же размѣренно и точно, какъ автоматическіе пулеметы.

Офицерство швейцарское во всемъ старается походить на—увы, недостижимый—прусскій идеалъ, во всемъ, не исключая мундировъ, пригнанныхъ словно по корсету, и кэпи иногда чудовищной высоты. И даже кулачные скандалы на прусскій образецъ отъ времени до времени взбудораживаютъ общественное мнѣніе. Правда, разрѣшеніе скандаловъ получается иной разъ далеко не прусское.

Итакъ, не надо упускать изъ виду той, такъ сказать, сверхъчувственной, неуловимой глазу, но въ то же время весьма реальной связи, какая существуетъ между безшумной головной работой въ уединеніи художническихъ студій или рабочихъ кабинетовъ и сутолокой общественной жизни.

Художественный отдѣлъ Національной выставки отразилъ въ себѣ преимущественно ту часть «швейцарскаго духа», которая, ежась

и пожимаясь, неохотно слѣдуетъ за стремительнымъ настоящимъ. Другая часть, выражающая какъ разъ дѣйствующую энергію настоящаго, а потому и направленная въ сторону желаннаго будущаго, сосредоточилась болѣе или менѣе въ отдѣлахъ образованія, науки, соціальной организаціи и общественной самодѣятельности. Эти отдѣлы чрезвычайно богаты и въ смыслѣ матеріала, и въ смыслѣ своей великой, наглядной поучительности.

Здѣсь именно обнаруживается особенно ясно, до чего мало область идей въ Швейцаріи составляетъ монопольную собственность какой бы то ни было группы геніевъ либо талантовъ. На оборотъ, на каждомъ шагу поражаетъ свѣжее идейное творчество *снизу*, изъ глуби общества, изъ безымянной (относительно) толщи массъ. Начнемъ хотя бы съ павильона «Публичное управленіе и городское благоустройство».

Замѣчу снова, я отнюдь не собираюсь посвящать читателя во всѣ техническія подробности экспонатовъ. Для этого у меня слишкомъ мало и компетентности. Что меня интересуетъ въ этомъ отдѣлѣ, какъ и въ другихъ, это—общія черты, общеинтересная физіономія даннаго отдѣла. Поэтому и буду говорить не о тѣхъ или иныхъ деталяхъ, напр., полицейскаго, тюремнаго, пожарнаго дѣла, дѣла призрѣнія бѣдныхъ и т. д., послѣдовательныхъ фазизахъ земельнаго кадастра въ разныхъ кантонахъ, а о новѣйшихъ теченіяхъ соціальной политики коммунъ, кантоновъ и всей федераціи.

Городъ Женева выставилъ подробные планы своего частью предполагаемаго, частью уже исполненнаго строительства, въ частности—на костяхъ постепенно разрушаемаго квартала Верхняго города и С.-Жерве. Однако, городъ Женева—далеко не образецъ тѣхъ швейцарскихъ городовъ, которые руководятся чистой идеей блага народныхъ массъ. Строительство здѣсь предпринимается скорѣе въ интересахъ архитектурной красоты, внѣшней чистоты города, которая стала неотъемлемымъ элементомъ европейскаго понятія о красотѣ. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что одно ужъ разрушеніе ужасныхъ узенькихъ уличекъ Верхняго города, биткомъ набитыхъ живописными пяти-этажными домами, надстроенными для принятія еще толпъ бѣглецовъ-гугенотовъ изъ Франціи и Италіи,—одно разрушеніе этихъ темныхъ норъ, гдѣ рабочіе снимаютъ нерѣдко комнаты *безъ оконъ* (!), есть соціальное благодѣяніе. Но было и одно преимущество у этихъ пропитанныхъ вѣковою туберкулезною заразой жилищъ: они были сравнительно дешевы. На ихъ мѣстѣ предполагаются къ постройкѣ на расширенныхъ улицахъ шеренги домовъ-модернъ, съ «послѣдними усовершенствованіями строительной гигіены»: центральнымъ отопленіемъ, трубами для сора, ваннами со всегда готовой

горячей водой, пылесосами, не говоря уже объ электрическомъ освѣщеніи и проч. Словомъ—квартиры для людей съ тугимъ кошелькомъ. А куда же дѣнутся тѣ сотни и тысячи семействъ бѣднѣйшаго слоя рабочихъ и мелкой буржуазіи (преимущественно итальянцевъ), что ютились въ Верхнемъ городѣ? О нихъ отцы города почти не подумали; не подумали бы и совсѣмъ, если бы на городскихъ выборахъ этой весной не выяснился неожиданный и громадный ростъ соціалистическихъ голосовъ. Поэтому спѣшно выработанъ былъ проектъ постройки за городомъ 2-3 домовъ съ дешевыми квартирами. Два-три дома—на городъ со 130-тысячнымъ населеніемъ! А уничтоженію подлежатъ сотни домовъ! Невольно возникаетъ злое подозрѣніе по отношенію къ архитектурно-эстетической идеѣ города Женевы: не въ прямыхъ ли интересахъ синдиката женевскихъ домовыхъ управляющихъ [1]), не съ тайной ли цѣлью поднятія квартирныхъ цѣнъ предпринято все это «оздоровленіе старинныхъ кварталовъ»? Не правда ли, какой причудливый, кривой видъ принимаютъ въ наше хищное время иныя, добрыя сами по себѣ, даже необходимыя идеи?

Зато Женева, не въ примѣръ прочимъ городамъ, блеснула на выставкѣ показнымъ шикомъ, т. е. опять-таки эстетикой. Она выставила рядомъ со своими «оздоровительными» чертежами прекрасную панораму города, съ его романско-готическимъ соборомъ св. Петра, съ обрывистымъ Салевомъ на заднемъ планѣ, съ бѣлымъ Монбланомъ надъ Салевомъ. Панорама взята съ озера, и незамѣтнымъ приспособленіемъ освѣщеніе постепенно, автоматически мѣняется, начиная съ утренней зари до ночной темноты. Тогда затепливаются огоньки въ окнахъ многоэтажныхъ домовъ, Верхній городъ привѣтливо мерцаетъ своими глазками-окнами у подножія св. Петра, и вся Женева отражается, какъ живая, въ потемнѣвшихъ водахъ Лемана. Прозрачность воды, прозрачность воздуха переданы изумительно. И рамкой для панорамы служитъ древній мраморный порталъ (копированный, конечно) женевскаго Hôtel de Ville'я, гдѣ помѣщаются, кстати сказать, и всѣ правительственныя учрежденія кантона. Какая удачная женевско-патріотическая идея!

Съ нею можетъ нѣсколько сравняться развѣ лишь идея фанатически-католическаго города Фрейбурга, который въ сосѣдней комнатѣ выставилъ огромную гипсовую модель своего знаменитаго собора. Для своего трудового населенія онъ дѣлаетъ еще безконечно меньше Женевы. По квартирной переписи швейцарскаго Общеполез-

1) Въ Женевѣ домовладѣльцы не имѣютъ никакихъ прямыхъ сношеній съ жильцами. Все управленіе домами передано въ руки трехъ дюжинъ управляющихъ (на весь городъ!), образующихъ тѣсный союзъ.

наго общества нѣсколько лѣтъ тому назадъ около 40% населенія Фрейберга проживаетъ въ квартирахъ объ одной комнатѣ...

Обратимся поскорѣй отъ этихъ буржуазно-бездушныхъ экспонентовъ къ городамъ и кантонамъ, вѣрнѣе идущимъ дорогой прогресса идей. На первомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь Цюрихъ. Его выставка не имѣетъ такого эффектно-рекламнаго вида, какъ выставка отсталой Женевы, но зато можетъ похвалиться кое-чѣмъ получше. Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія Цюрихъ во второй уже разъ производитъ многомилліонную затрату на дешевыя жилища. Цѣлые новые кварталы выстроились и строются сейчасъ за городомъ на эти средства, а между тѣмъ Цюрихъ, хоть и самый крупный городъ въ странѣ, но насчитываетъ не болѣе 200 тысячъ жителей: нашъ Екатеринославъ либо Казань по величинѣ. И кому пришлось побывать въ Цюрихѣ, тотъ знаетъ, сколько вообще въ этомъ городѣ дѣлается для гигіены, для удобства, для образованія народныхъ массъ.

Въ то время, какъ въ Женевѣ ея строительные проекты—почти цѣликомъ дѣло рукъ интеллигентныхъ круговъ, давно уже правящихъ городомъ, въ Цюрихѣ внимательность городского управленія къ нуждамъ массъ объясняется чрезвычайнымъ развитіемъ политическаго сознанія и организаціи именно въ массахъ. Упомянутые милліоны были затрачены послѣ многолѣтней агитаціи соціалистовъ и «соціалъ-реформаторовъ» («демократовъ»)—партіи довольно вліятельной въ Цюрихѣ. И оба раза ассигнованія эти были приняты путемъ кантональнаго референдума, при сильномъ противодѣйствіи со стороны значительной части цюрихской интеллигенціи, т. е. того какъ разъ слоя, отъ котораго, казалось, можно было бы ждать сочувствія идейному дѣлу, дѣлу соціальной справедливости. Швейцарская интеллигенція въ идейномъ отношеніи много растратила изъ своего былого багажа за тѣ десятки лѣтъ, что̀ стоитъ здѣсь у кормила власти. Власть, повидимому, располагаетъ къ забывчивости, къ беззаботному вкушенію добытыхъ привилегій.

Но, пожалуй, Цюрихъ и другіе большіе города, ему подражающіе (Бернъ, Базель, С.-Галленъ, Винтертуръ) не выдержатъ сравненія съ маленькимъ невшательскомъ часовымъ городомъ Локлемъ. Два года назадъ на муниципальныхъ выборахъ большинство городской думы перешло, неожиданнымъ скачкомъ, въ руки рабочихъ. Это отозвалось тотчасъ же, помимо реформы въ управленіи муниципальными предпріятіями (газъ, вода, электричество), школами (обязательные школьные завтраки), общинною рабочей арміей (*обязательная* профессіональная ея организація)—и на жилищномъ вопросѣ. Коммуна ассигновала 1 милліонъ фр. для постройки городомъ 11 домовъ съ дешевыми квартирами. Надо сказать, что въ Цюрихѣ не

самъ городъ строитъ такіе дома, а лишь даетъ субсидію образующимся для постройки»—что не всегда приводитъ къ удовлетворительному результату.

Еще лучше, чѣмъ въ муниципальномъ управленіи, можетъ быть прослѣжена современная эволюція «національнаго духа» въ отдѣлѣ «соціальное попеченіе» (Sociale Fürsorge, Prévoyance Sociale) и «общественная самопомощь». Стоитъ здѣсь сравнить «попеченіе» о трудящихся со стороны ихъ хозяевъ, а также разныхъ благотворительныхъ обществъ, съ тѣмъ «самопопеченіемъ», какое проявляютъ безчисленныя и обширныя организаціи самихъ трудящихся. Сравненіе, по истинѣ, наглядное и поучительное. «Попеченіе» фабрикантовъ о своихъ рабочихъ занимаетъ одну маленькую комнатку; статистика ея, въ видѣ таблицъ по стѣнамъ, насчитываетъ для всей Швейцаріи лишь тысячи благотворимыхъ людей и десятки тысячъ расходовъ на нихъ. И то почти всю комнату наполняетъ собою и похвалами самому себѣ крупнѣйшій швейцарскій фабрикантъ механической обуви, Балли. Главный предметъ этихъ похвалъ—раздача 3.000 (кажется) рабочимъ на завтракъ безплатной порціи молока, по 0,3 литра (т. е. ровно по стакану) на брата. Балли тутъ же изображаетъ за рядъ лѣтъ число раздаваемыхъ литровъ въ видѣ ряда моделей—стеклянныхъ цилиндровъ, наполненныхъ бѣлой жидкостью, изъ нихъ послѣдній—чуть не подъ потолокъ комнаты. Фигура рабочаго изъ папье-маше поставлена у подножія этого величественнаго цилиндра и съ восхищеніемъ на лицѣ указываетъ рукой на вершину молочнаго столба. Вотъ-молъ, братцы, сколько молока мы задаромъ выпили!

Сравните эту комнатку «попеченія», а также изумительно скудныя выставки брошюрокъ, ручныхъ работъ и проч. въ витринахъ «Синяго креста», ряда «противоалкогольныхъ обществъ», «Письменныхъ палатъ» для безработныхъ и прочихъ благотворительныхъ учрежденій—съ внушительнымъ рядомъ залъ швейцарскаго потребительнаго общества, профессіональныхъ союзовъ и рабочаго секретаріата, союза стенографовъ-служащихъ, коммерческихъ служащихъ и т. д., съ ихъ стотысячными и милліонными бюджетами. Здѣсь дѣло идетъ уже не объ однихъ добрыхъ намѣреніяхъ, а о движеніи, готовомъ захватить чуть не всю національную жизнь. И, помимо эгоистическихъ, ближайшихъ интересовъ участниковъ, передъ нами здѣсь подлинное идейное движеніе: вся эта самопомощь кореннымъ образомъ мѣняетъ воззрѣнія на основы общества, на его идеалы, на соціальную мораль. Прибавлю, что если не на всемъ протяженіи, то все же въ центрѣ движенія, идейныя его задачи сознаются вполнѣ отчетливо и осуществляются планомѣрно. Предъявляются совершенно новыя *принципіальныя* требованія къ обществу.

Такъ, верхомъ политической мудрости предыдущаго законодательства по отношенію къ неимущему большинству народа былъ, напр., «договоръ о наймѣ» въ союзномъ гражданскомъ уложеніи [1]). Предполагалось, что наемный рабочій соглашается работать столько-то—скажемъ, 15 часовъ по доброй волѣ; слѣдовательно, онъ не въ правѣ требовать отъ общества вмѣшательства въ смыслѣ уменьшенія рабочаго времени. То же и съ заработной платой: самое большее, на что соглашалась эта, въ своемъ родѣ послѣдовательная точка зрѣнія «промышленной свободы»,—это право наемника бросать свою работу, конечно, съ законнымъ предупрежденіемъ за недѣлю. Но зато свобода труда должна была быть признана за всякимъ другимъ наемникомъ, желающимъ замѣстить перваго. Словомъ, извѣстная аргументація въ пользу «желающихъ работать», въ пользу тѣхъ, кого рабочіе зовутъ штрейкбрехерами (по-французски—les Kroumirs, по имени полудикихъ мавританскихъ племенъ въ Алжирѣ) и «желтыми». Всемірный ростъ идей безжалостно разрушаетъ эту логику якобы-свободы, заимствованную изъ римскаго права—права, возникшаго въ нѣдрахъ рабовладѣльческой имперіи.

Новая идея замѣняетъ эту слишкомъ послѣдовательную логику чисто-частнаго договора найма другою логикой—логикой «общественнаго договора», не менѣе, съ формальной стороны, строгой, но не отвлекающейся отъ природы всякаго самоопредѣляющагося свободнаго общежитія. Разъ мы въ новое время, вмѣстѣ съ Руссо, уразумѣли, что не только общество въ стократъ повышаетъ, своими юридическими нормами, обезпеченность частныхъ интересовъ каждаго индивидуума, но и обратно, интересы *цѣлаго* общества обезпечиваются лишь при удовлетвореніи опредѣленнаго minimum'а потребностей каждаго индувидуума, разъ мы усвоили себѣ эту основную теорему *соотносительности* интересовъ индивидуума и общества,—то мы, какъ общество, не можемъ уже оставаться индифферентны къ судьбѣ *неимущей*, слѣдовательно слабѣйшей стороны въ договорѣ найма. Общество должно распространить свое внимательное «попеченіе» на условія заключенія каждаго частнаго найма—условія, всегда неблагопріятныя для наемника, въ силу его «свободы» отъ матеріальныхъ средствъ; оно должно поощрять всѣ усилія обезпечить слабѣйшей экономически сторонѣ достаточный minimum условій—напр., поощрять коллективные «тарифные» договоры, устанавливать закономъ страхованіе отъ безработицы, отъ несчастныхъ случаевъ, болѣзни, старости и проч. Съ другой стороны, намъ не можетъ быть безразлична судьба остающихся безъ заработка съ прекращеніемъ договора найма. Вообще, общество должно

[1]) Три года назадъ пересмотрѣно.

стать на дорогу систематической, законодательной «охраны труда», охраны сносныхъ условій существованія для трудового большинства.

Идея, повидимому, не новая. Ново ея массовое примѣненіе, исходящее отъ самихъ же массъ, ново и то, что идея эта перестаетъ быть лишь одною изъ разновидностей соціальныхъ идей. Она становится все болѣе и болѣе идеей-маякомъ нашей эпохи, маякомъ, передъ разгорающимся свѣтомъ котораго меркнутъ слабые огоньки другихъ идей, когда-то, повидимому, равноправныхъ ея конкуррентокъ. Общество перестаетъ понимать свободу анархически, какъ свободу только для индивидуума. Такая свобода легко превращается въ привилегію *нѣкоторыхъ* индивидуумовъ, въ олигархію. Общество начинаетъ разумѣть свободу, какъ понятіе существенно-коллективное, какъ совмѣстную свободу свѣта, воздуха, дыханія, движенія, жизни—*для всѣхъ*.

Я не стану подробно останавливаться на отдѣлѣ чистой науки. Наука, какъ необходимая пружина всего идейнаго и матеріальнаго прогресса страны, сама собою подразумѣвается, въ видѣ постоянной предпосылки, во всѣхъ уже описанныхъ отрасляхъ выставки. Швейцарская *прикладная* наука хорошо извѣстна всѣмъ спеціалистамъ, а также всѣмъ дѣловымъ людямъ въ области современнаго, научно-машиннаго производства. Швейцарская наука славится точностью и проницательностью своихъ изученій, твердымъ направленіемъ въ сторону насущныхъ задачъ практики. Мало приходится останавливаться на собственно научномъ отдѣлѣ и по причинѣ, къ сожалѣнію, болѣе или менѣе отрицательной. Именно дѣловое направленіе швейцарской науки привело ее къ утрированному пренебреженію вопросами общественно-идейнаго характера. При осмотрѣ ряда кабинетовъ швейцарскихъ университетовъ чувствуется, что нѣтъ возможности къ этимъ святилищамъ ученой мысли прикидывать ту идейную мѣрку, какая сама собою выносится изъ предшествующихъ отдѣловъ. Нѣтъ возможности соединить наши общіе выводы о ходѣ развитія и перспективахъ «швейцарскаго духа», о духовной физіономіи сегодняшней Швейцаріи, съ работой этихъ не покладая рукъ трудящихся спеціальныхъ кабинетовъ. Университетскіе кабинеты и лабораторіи, повидимому, не идутъ непосредственно по одному пути съ общей работой національнаго духа—или на выставкѣ высшей школы подобная работа не нашла достаточнаго выраженія.

Такой, нѣсколько странный на первый взглядъ, результатъ въ дѣйствительности не представляетъ чего-либо слишкомъ неожиданнаго. Въ Швейцаріи есть, конечно, весьма почтенные ученые, посвящающіе

свои силы изслѣдованію современныхъ экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ. Какъ говорятъ, есть тутъ, и геніи отвлеченной, теоретической мысли, какъ математикъ Эйнштейнъ (теперь, впрочемъ, ушедшій уже въ Берлинскій университетъ), но это—области, можно сказать, эѳирныя, откуда дороги къ жизни слишкомъ далеки. По общему правилу, швейцарская ученая дѣятельность далека отъ широкаго идейнаго фарватера жизни. Не измѣняетъ этого впечатлѣнія и то обстоятельство, что швейцарскіе университеты отнюдь не брезгаютъ «выходить на улицу»: ежегодно устраиваютъ серіи публичныхъ лекцій, даже съ приглашеніемъ постороннихъ, заграничныхъ, подчасъ и не-«академическихъ» лекторовъ. Публичныя лекціи лишь въ рѣдкихъ случаяхъ отвѣчаютъ текущимъ запросамъ жаждущей живыхъ идей демократіи. Такъ, вы встрѣчаетесь здѣсь съ лекціями «авторитетныхъ» спиритовъ о тайнахъ спиритизма, съ лекціями по исторіи женскихъ модъ и т. п. Бываетъ, впрочемъ, что университетъ считаетъ нужнымъ выступить съ лекціями по злобамъ общественнаго дня. Тема этихъ выступленій — неизмѣнно проповѣдь довольства существующими порядками, на которые—худо ли, хорошо ли—водружается вѣковой національный красный флагъ съ бѣлымъ крестомъ. Общій уклонъ науки отъ «толпы» или, лучше сказать—отъ жизни, не напоминаетъ ли намъ уклона въ ту же сторону «годлеріанцевъ», владыкъ современнаго швейцарскаго искусства? Безъ сомнѣнія, это тотъ же аристократизмъ въ области мысли, то же стремленіе замкнуться въ жреческую касту. Но тутъ въ большей мѣрѣ сказывается и иная черта—черта предпочтенія задачъ узко-утилитарныхъ.

Въ маленькихъ научныхъ музеяхъ университетскаго отдѣла зритель удивляется чрезвычайной, почти китайской тонкости лабораторныхъ работъ по анатоміи, зоологіи, ботаникѣ, картограммъ и діаграммъ по географіи, гидрографіи, орографіи, метеорологіи и другимъ естественнымъ и физическимъ наукамъ. Медицина (въ частности — изученіе туберкулеза) выставила много поражающаго взоръ профана. Впрочемъ, имѣется еще спеціальный большой павильонъ «Народнаго здравія», гдѣ и для спеціалиста, и для профана есть чему поучиться. Есть даже выдѣленный изъ отдѣла «Народнаго здравія» художественно обставленный павильонъ швейцарскихъ курортовъ («Бальнеологія»), оборудованный союзомъ курортныхъ «обществъ попеченія», а также выдѣленный изъ коллективной курортной выставки павильончикъ главнаго изъ курортовъ, богача Давоса. Надо признаться, что оба эти павильона преслѣдуютъ цѣли не только практическія, а ужъ прямо рекламныя.

Отдѣлъ народнаго образованія въ ближайшемъ смыслѣ, — т. е. не считая академической науки, — одинъ изъ обширнѣйшихъ

отдѣловъ Бернской выставки. Можно заблудиться въ безчисленныхъ залахъ, переходахъ и закоулкахъ швейцарскаго народнаго образованія. Хорошо, что подъ рукой имѣется спеціальный каталогъ этого отдѣла, съ подробнымъ планомъ его. Я дважды посѣтилъ этотъ отдѣлъ и внимательно вглядывался въ ряды его витринъ, драгоцѣнныхъ для паломника къ источникамъ европейской культуры. Но груды накопленныхъ сокровищъ превышаютъ силы самаго рьянаго паломника. То, что я сообщаю здѣсь, есть не болѣе, какъ запись приблизительныхъ впечатлѣній.

Ремесленное, техническое, коммерческое, промышленно-художественное, хозяйственное (для дѣвочекъ) обученіе, подобно прикладной высшей наукѣ, въ достаточной мѣрѣ отразилось на всѣхъ экспонатахъ національнаго производства вообще. Конечно, ни одна спеціальная отрасль этого производства не могла бы довести до такого совершенства свою дѣятельность даже при наиболѣе усовершенствованныхъ машинахъ, если бы при машинахъ не состоялъ высоко-интеллигентный, профессіонально-образованный «человѣческій инвентарь» техниковъ, конторщиковъ и квалифицированныхъ рабочихъ. Только школа, создающая ежегодно, какъ плодоносное дерево, новые и новые урожаи, позволяетъ Швейцаріи торжествовать въ борьбѣ за существованіе на всемірномъ рынкѣ. Понятно, поэтому, что залы, занятые многочисленными профессіональными школами разныхъ концовъ страны, а также выставкой экзаменаціонныхъ работъ «учениковъ» разныхъ отраслей производства (безъ практическаго экзамена ни одинъ мѣстный рабочій не можетъ претендовать на полный заработокъ), кажутся лишь приготовительнымъ классомъ къ павильону Машинъ, Химическому, Часовому, сельскохозяйственнымъ павильонамъ. Все здѣсь точь въ точь такъ, какъ вы ожидали, судя по развитому состоянію народнаго хозяйства. Общій выводъ: эти личинки-ученики являются твердымъ обѣщаніемъ, что отечество не останется въ будущемъ безъ умѣлыхъ трудовыхъ рукъ.

Въ профессіональномъ отдѣлѣ обращаютъ на себя особое вниманіе художественно-промышленныя школы, въ особенности двѣ женевскія: школа Искусствъ и Ремеслъ и школа Изящныхъ искусствъ. Мы видѣли и ранѣе, въ художественномъ и городскомъ отдѣлахъ, что Женева выдѣляется изъ всей Швейцаріи своей эстетической традиціей. Ея профессіонально-художественныя школы только подтверждаютъ это наблюденіе. Конечно, школы этого рода въ нѣмецкой Швейцаріи показываютъ тоже много старанія и несомнѣнныхъ успѣховъ въ обученіи новонѣмецкому стилю архитектуры и орнамента— стилю оригинальному, но, по правдѣ говоря, тяжеловатому и угловатому, невольно приводящему на память громоздкія сооруженія

и украшенія Египта и Мексики. Женева подъ вліяніемъ тонкаго французскаго вкуса, но въ то же время съ ясно-индивидуальнымъ оттѣнкомъ, воспитываетъ своихъ школьниковъ прикладного искусства гораздо ближе къ классическимъ, греко-латинскимъ традиціямъ.

Есть что-то, право, эллинско-римское, что-то, я бы сказалъ, свѣтлое, крылатое, эѳирное и смѣлое, какъ полетъ перваго воздухоплавателя Икара къ вѣчно-радостному солнцу,—въ неувѣренныхъ еще набросках орнамента слабыми руками женевскихъ учениковъ. Недаромъ городъ стоитъ на фундаментахъ, заложенныхъ еще Юліемъ Цезаремъ, недаромъ вы видите здѣсь и до сихъ поръ могильныя плиты съ римскими эпиграфами, вдѣланныя въ стѣны башенъ болѣе позднихъ эпохъ. Отъ французскаго вкуса женевскій—какъ въ прикладномъ искусствѣ, такъ и на произведеніяхъ художниковъ-мастеровъ—разнится въ сторону бо̀льшаго спокойствія, сосредоточенности и мягкой, но пристальной точности исполненія. Городъ изящныхъ хронометровъ городъ-ювелиръ...

Собственно народная начальная школа—вотъ слава Швейцаріи. Переполненные матеріаломъ залы народной школы, быть-можетъ, всего яснѣе отражаютъ перспективы будущаго въ развитіи швейцарской демократіи. Я не принадлежу къ безусловнымъ поклонникамъ швейцарской школы, какъ она есть. На мой взглядъ, вблизи эта школа поражаетъ тѣми же идейными диссонансами, какіе замѣчаются и въ самомъ швейцарскомъ обществѣ. Тѣмъ не менѣе, сквозь сѣрыя школьныя будни, гдѣ нерѣдко отсталые педагогическіе пріемы (напр., подзадориваніе учениковъ къ конкурренціи путемъ «разрядовъ» наградъ и т. п.) соединяются съ анти-педагогическими вліяніями (несправедливое выдвиганіе впередъ мѣстныхъ уроженцевъ, тѣлесныя наказанія, любовь учителей къ подаркамъ и т. п.), сквозь эти сѣрыя будни, свойственныя, впрочемъ, далеко не одной Швейцаріи, пробиваются новыя, чреватыя будущимъ идеи.

И я былъ пріятно изумленъ, увидѣвъ, насколько новыя, демократически-трудовыя идеи завладѣли школьной выставкой. Безъ сомнѣнія—и это надо твердо помнить каждому посѣтителю—выставка эта не представляетъ повседневнаго уровня школы. Выставка—все же праздникъ, къ ней нарочно готовились, выбирали для витринъ все, что получше, а то и нарочно задавали ученикамъ «выставочныя» работы. Но самая возможность для педагогіи новаго направленія положить свой отпечатокъ хотя бы на «праздничные» экспонаты говоритъ уже объ идейной силѣ новизны.

Да оно и естественно. Главная новизна въ педагогіи начальной школы состоитъ въ примѣненіи такъ называемаго трудового метода. Сущность же трудового метода состоитъ въ требованіи для перво-

начальнаго образованія всѣхъ дѣтей народа, дѣтей свободной трудовой демократіи—обученія путемъ школьнаго ручного труда, въ атмосферѣ труда, съ тѣмъ, чтобы создать человѣка, способнаго прямо съ порога школы войти равноправнымъ членомъ въ трудовую націю. Естественно, что новый методъ находитъ уже практическій откликъ въ швейцарской націи [1]).

Наиболѣе интересны въ этомъ отдѣлѣ витрины Союза для пропаганды трудового принципа. Какъ и всегда въ Швейцаріи, частный союзъ, частная инициатива является наиболѣе энергичнымъ двигателемъ; оффиціальныя учрежденія слишкомъ зависимы отъ старыхъ вліяній. Витрины Союза даютъ систематически расположенный матеріалъ образовательныхъ работъ, изготовленныхъ собственноручно учениками тѣхъ школъ, гдѣ трудовой методъ примѣненъ на практикѣ въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ. Таковы, на первомъ планѣ, городскія школы Цюриха, затѣмъ Винтертура, Базеля, Шафгаузена, отчасти и Берна. Здѣсь нѣмецкая Швейцарія, родина Песталоцци, обнаружила наибольшую чуткость.

Въ общемъ мы чувствуемъ себя тутъ какъ бы въ атмосферѣ Фребелевскаго дѣтскаго сада: тѣ же работы картонажныя, склеиванія, наклеиванія, моделировки. Разница—и существенная—въ томъ, что выставленныя работы принадлежитъ дѣтямъ отъ 1-го до 8-го года начальной школы, т. е. отъ 7 до 15 и болѣе лѣтъ. Въ старшемъ возрастѣ присоединяются и столярныя, и слесарныя работы, для дѣвочекъ—шитье и прочія женскія работы (также кухня, не представленная на выставкѣ).

И здѣсь вы можете убѣдиться, съ какимъ толкомъ и какъ плодотворно на собственныхъ работахъ учениковъ достигается обученіе почти всѣмъ безъ исключенія обычнымъ школьнымъ наукамъ. Масса выставленныхъ тетрадокъ «сочиненій» съ рисунками, относящимися къ изготовленнымъ самими же учениками моделямъ предметовъ (напр. поѣздъ желѣзной дороги—моделированный, срисованный и описанный; времена года, изображенныя такимъ же троякимъ способомъ) демонстрируетъ конкретный, слѣдовательно наиболѣе прочный способъ изученія родного языка. Ариѳметика проходится столь же конкретно, начиная съ общеизвѣстныхъ теперь уже палочекъ, пучковъ палочекъ, разноцвѣтныхъ пуговицъ и т. д. Геометрія получаетъ едва ли не впервые естественный для нея пріемъ обученія: изготовленіе учениками изъ разнаго матеріала геометрическихъ фигуръ и тѣлъ, которыя затѣмъ срисовываются, описываются, анализируются съ цѣлью изу-

[1]) Онъ и происходитъ изъ Швейцаріи, а не изъ Германіи, какъ ошибочно принимается въ русской педагогической печати (См. мою статью въ „Вѣст. Воспитанія“ за текущій годъ, № 5).

ченія теоремъ. Географія—съ моделировкой рельефовъ мѣстностей, флоры и фауны, предметовъ обихода разныхъ народовъ, исторія—съ трудовой иллюстраціей культурнаго развитія соотвѣтствующими моделями орудій, замковъ и проч. получаютъ мало до сихъ поръ знакомый дѣтямъ, захватывающій интересъ. Не выставленными остались—по условіямъ объектовъ—садовыя и огородныя работы учениковъ, напр., цюрихскихъ городскихъ школъ, служащія для нагляднаго, самодѣятельнаго, опытнаго преподаванія естественной исторіи.

Прелюбопытную модель изготовилъ одинъ изъ старшихъ учениковъ трудовой школы. Модель эта изображаетъ всю многостороннюю, труженическую жизнь Робинзона Крузо на его необитаемомъ островѣ. Тутъ и постройка хижины, и самодѣльная кузница пустынника, и созданіе плодородныхъ полей на мѣстѣ бывшей непролазной чащи, и прирученіе и разведеніе козъ, и устройство птичьяго двора, и охота съ собакой, и постройка и оснастка судна, на которомъ Робинзонъ уплыветъ, чтобы вернуться къ своей родной культурѣ. Пускай окончаніе гипсовой картины (впрочемъ, пальмы и прочія растенія—изъ «настоящихъ» травинокъ, постройки деревянныя) нѣсколько расходится съ книжнымъ Робинзономъ: важна идея. Мальчикъ желалъ въ ней представить—не спорю, можетъ быть и по внушенію учителя—самую сущность трудового школьнаго метода. По его взгляду, школа должна такъ подготовлять своихъ питомцевъ, чтобы они способны были самостоятельно возсоздать всю необходимую для жизни современнаго человѣка культурную обстановку,—возсоздать, можетъ быть, въ грубомъ видѣ, но достаточномъ для существованія. Такъ прѣсноводный полипъ—гидра—если разрѣзать его на кусочки, возсоздается самъ собой изъ каждаго кусочка во всей полнотѣ и жизнеспособности.

Робинзонъ—вотъ прообразъ будущаго научно-трудового воспитанія. Прообразъ этотъ замѣтно отразился и на всѣхъ остальныхъ, какъ частныхъ, такъ и оффиціальныхъ экспонатахъ школьной выставки. Среднія школы Берна, Базеля и Цюриха также выставляютъ продукты педагогическаго труда своихъ питомцевъ, вплоть до самодѣльныхъ приборовъ по физикѣ и химіи—приборовъ, дѣйствующихъ вполнѣ исправно, какъ вы можете убѣдиться, нажавъ, напр., кнопку электрической батареи, заставляющей свѣтиться самодѣльныя Гейслеровы трубки либо трещать звонки. Занятныя, пріятныя, завидныя школьныя перспективы передъ швейцарскимъ юношествомъ будущаго, а отчасти уже и настоящаго!..

Съ чувствомъ сожалѣнія разставался я съ выставкой каждый разъ, какъ посѣщалъ ее. Жаль было, что не все подробно оглядѣлъ, не до всего дошелъ. Хотѣлось бы для такого рѣдкостнаго случая

нагляднаго самообученія располагать въ 10 разъ бо̀льшимъ запасомъ времени. Жаль было и по другой причинѣ: не хотѣлось разставаться съ тѣмъ духомъ уютности, стремленія къ соціальному благоустройству, которымъ дышитъ если не все настоящее страны-экспонента, то желанное для нея предстоящее. Эта уютность, это желаніе комфортабельнаго, удобнаго и радостнаго *для всѣхъ* общежитія, и есть, безспорно, самая сущность «швейцарскаго духа», котораго ищетъ на выставкѣ внимательный посѣтитель.

Сравните для примѣра, умѣніе швейцарцевъ устраивать выставки, можно сказать, общепріятныя, съ неумѣлыми выставками послѣднихъ годовъ въ Туринѣ, или Гентѣ. Тамъ явною и даже нескрываемою цѣлью выставокъ была коммерческая реклама и, по возможности, нажива отъ грандіознаго предпріятія. Цѣны за посѣщеніе были высокія, выставочные рестораны и слишкомъ многочисленныя увеселенія разсчитаны были на возможно болѣе основательное «обдираніе» зѣвакибогача. Неумолимое фіаско было завершеніемъ этихъ своекорыстныхъ предпріятій.

Ничего подобнаго на Бернской выставкѣ. Здѣсь явно преобладаетъ матеріалъ серьезный, матеріалъ реально-показательный. Цѣлые отдѣлы, какъ напр. городское хозяйство, наука, издательство, имѣютъ только такую цѣль — если позабыть о такъ называемомъ благородномъ соревнованіи. Но и въ самой внѣшности выставки, напр., въ постройкѣ павильоновъ, все солидно, представительно, уютно; почти отсутствуетъ раздражающій, нарочито-выставочный «крикъ». И на выставкѣ не имѣется никакого «гвоздя», обязательно полагающагося по выставочнымъ штатамъ.

Прелестны садовыя украшенія выставки. Искусные швейцарскіе садовники пустили въ ходъ весь свой талантъ для созданія этихъ, замѣчательно соотвѣтствующихъ всему строю мѣстной жизни веселыхъ горныхъ садиковъ съ фонтанами, цвѣтущихъ трельяжей, интимныхъ бесѣдокъ, цвѣточныхъ полянъ и маленькихъ бассейновъ съ пестрыми водяными линіями. Благодаря этому вся огромная по размѣрамъ выставка получаетъ какой-то улыбающійся и домашній видъ.

Примѣръ, достойный всяческой похвалы и подражанія—павильонъ Женскаго безалкогольнаго ресторана. Здѣсь любой демократическій посѣтитель выставки—крестьянинъ, учитель, школьникъ, рабочій—можетъ найти обѣдъ и ужинъ за невѣроятно низкую плату: отъ 70 сант. до 1 фр. 50 сант. (25—55 коп.), при чемъ и по качеству, и по количеству пища, болѣе чѣмъ удовлетворительная. И безалкогольный ресторанъ работаетъ безъ устали, несмотря на присутствіе полтора десятка конкуррентовъ въ лицѣ огромныхъ и красивыхъ ресторановъ и пивныхъ обычнаго типа.

Бернская выставка, вопреки всевозможнымъ идейнымъ вліяніямъ со стороны пережитковъ «людоѣдскаго» прошлаго, знаменуетъ собою, въ общемъ, новый этапъ демократизаціи культуры. Устроители ея даже свои дѣловые разсчеты построили на массовомъ народномъ посѣтителѣ. И такъ какъ разсчеты были коммерчески вѣрны, то все заставляетъ предвидѣть, что выставка окупитъ себя. Среднее число ея посѣтителей за два мѣсяца далеко превысило требуемые 20.000 въ день.

А. Дивильковскій.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ РУССКОЙ БУРЖУАЗІИ.

Существуетъ все еще довольно широко распространенное мнѣніе, что у нашей буржуазіи нѣтъ политическаго прошлаго. О русской буржуазіи можно найти кое-какія сухія свѣдѣнія въ коммерческой географіи—и никакихъ въ политической исторіи.

И если подъ политическою борьбою понимать лишь ту форму, въ которую вылилась она на Западѣ Европы, то упомянутое воззрѣніе на историческія судьбы буржуазіи въ Россіи безусловно имѣетъ вполнѣ достаточныя фактическія основанія.

Западно-европейская буржуазія обрѣтала свои политическія права въ борьбѣ съ правительствомъ. Она вела долгую, упорную и успѣшную борьбу съ феодализмомъ и успокоилась лишь тогда, когда завоевала львиную долю правительственный власти въ государствѣ.

Такая борьба была чужда нашей крупной буржуазіи. Правительство, въ лицѣ Петра Великаго, было ея крестнымъ отцомъ. Она созрѣвала подъ теплыми лучами правительственной милости. Взлелѣянная правительствомъ, она во всѣхъ своихъ нуждахъ искала и находила его поддержку. Благодаря этому она исторически росла и воспитывалась одновременно и въ страхѣ, и въ довольствѣ.

При такихъ историческихъ условіяхъ у нея не могла родиться и развиться способность и готовность къ политической борьбѣ съ правительствомъ. Ей не нужна была собственно политическая власть, такъ какъ въ существующей власти она всегда встрѣчала и милостиваго покровителя, и щедраго заказчика. Борьба за милость власти замѣняла у нашей буржуазіи борьбу за самую власть у буржуазіи Запада.

Но если поставить вопросъ нѣсколько шире, если имѣть въ виду не только борьбу за власть и съ властью, но и воздѣйствіе на власть, то въ распространенное представленіе объ исторической роли нашей буржуазіи придется внести серьезныя поправки.

Какъ ни безформенна была въ сравненіи съ Западомъ соціальная структура русскаго общества восемнадцатаго вѣка, все же она далеко не представляла собою сплошного, недѣлимаго цѣлаго. Въ ней жили и дѣйствовали различные соціальные классы и группы съ расходящимися и сталкивающимися интересами и стремленіями. Основными группами были дворяне-помѣщики и буржуазія. И эти двѣ основныя группы, въ которыхъ сословное начало еще перемѣшано было съ классовымъ, стремились, каждая въ своихъ интересахъ, воздѣйствовать на правительство и оказать давленіе на линію его экономической политики. А такъ какъ во всѣхъ государствахъ и во всѣ времена экономическая политика неразрывно сплетается съ общею, то воздѣйствующая, ходатайствующая, совѣщательная роль буржуазіи невольно и неизбѣжно получала политическій характеръ и входила факторомъ въ политическое развитіе страны.

Постоянно ища и большею частью находя у правительства поддержку и защиту, наша буржуазія постепенно проникается своеобразнымъ политическимъ фетишизмомъ. Она начинаетъ смотрѣть на правительство какъ на силу, которая все можетъ. Она наивно и непоколебимо смѣшиваетъ законы экономическаго развитія съ законами, издаваемыми государственною властью; она глубоко убѣждена, что правительство обладаетъ полною свободой соціальной воли и можетъ въ экономической области все, что захочетъ. Чрезвычайно характерно, что на этой точкѣ зрѣнія правительственнаго фетишизма незыблемо стоятъ какъ Посошковъ, одинъ изъ первыхъ идеологовъ и бордовъ нашей буржуазіи, такъ и Кокоревъ, шумливый пѣвецъ и дѣлецъ третьяго сословія шестидесятыхъ годовъ девятнадцатаго вѣка. У Посошкова понятіе экономическаго закона всецѣло сливается съ понятіемъ правительственнаго распоряженія, и этотъ замѣчательнѣйшій изъ русскихъ экономистовъ XVIII-го вѣка признаетъ и провозглашаетъ самодержавіе не только политическое, но и экономическое. По поводу безудержной и разорительной чеканки Петромъ I-ымъ неполновѣсной монеты, Посошковъ пишетъ характерныя слова: «Мы не иноземцы, не мѣди цѣну исчисляемъ, но имя Царя своего величаемъ; намъ не мѣдь дорога, но дорого Его Царское наименованіе. Того ради мы не вѣсъ въ нихъ числимъ, но счисляемъ начертаніе на ней... У насъ не вѣсъ имѣетъ силу, но Царская воля... У насъ такъ сильно Его Пресвѣтлаго Величества слово, ащебъ повелѣлъ на мѣдной золотниковой

датѣ положить рублевое начертаніе, тобы она за рубль и въ торгахъ ходить стала во вѣки вѣковъ неизмѣнно» [1]).

Этотъ характерный политическій фетишизмъ наша буржуазія не изжила и ко второй половинѣ девятнадцатаго вѣка. «Все кажущееся непоправимымъ у другихъ, — говорилъ Кокоревъ,—легко исправляется у насъ однимъ почеркомъ пера; стоитъ лишь издать указъ: сидѣть всѣмъ дома пять лѣтъ и ѣсть щи съ кашей, запивая квасомъ, и тогда финансы правительства и наши придутъ въ цвѣтущее состояніе». Эти слова Кокорева, какъ бы звучащія ироніей, произнесены были съ большимъ паѳосомъ и полною серьезностью въ доказательство того, что у насъ съ помощью правительственныхъ указовъ можно исправлять и направлять экономическую жизнь страны какъ и куда угодно.

Въ меньшей или большей степени подобною вѣрою въ экономическое всемогущество и неограниченную экономическую власть правительства были проникнуты и идеологи, и дѣльцы русской буржуазіи. Но исключалось ли этимъ стремленіе воздѣйствовать на правительственную власть? Нисколько. Тотъ же Посошковъ развивалъ теорію совѣщательнаго представительства, отстаивая необходимость дать народу «силу мнѣнія», оставивъ у правительства силу власти.

Посѣтившій въ сороковыхъ годахъ Россію Гакстгаузенъ опредѣленно указалъ на ростъ политическаго вліянія и экономической силы русской буржуазіи. «До сихъ поръ—писалъ онъ—никто еще не говорилъ о вліяніи, оказываемомъ Москвой, какъ центромъ промышленности, на внутреннюю и внѣшнюю политику правительства. При любви и благоговѣніи всѣхъ русскихъ къ «Бѣлокаменной матушкѣ Москвѣ», при громадномъ значеніи Москвы, какъ торговаго центра и какъ представительницы огромнаго промышленнаго раіона съ 16 милліонами населенія, правительство естественно должно было внимательно прислушиваться къ мнѣнію Москвы во всемъ, что касается охранительнаго тарифа, хотя по разнымъ побужденіямъ своей внѣшней политики оно бы склонялось къ другимъ рѣшеніямъ. Мнѣ разсказывали, что нѣсколько времени тому назадъ въ правительствѣ шла рѣчь о полномъ отдѣленіи Польши и что вопросъ этотъ оставленъ вслѣдствіе того, что московская депутація представила о дурныхъ послѣдствіяхъ этого отдѣленія для всей внутренней торговли и въ особенности для Москвы». Къ этому

---

[1]) Любопытно, что въ царствованіе Александра I ту же фетишистскую идею развивалъ Карамзинъ. Критикуя финансовый планъ Сперанскаго, онъ писалъ: „Если бы Государь далъ намъ клейменныя щепки и велѣлъ ходить имъ вмѣсто рублей, нашедши способъ предохранить ихъ отъ фальшивыхъ монетъ деревянныхъ, то мы взяли бы и щепки“.

явленію самъ Гакстгаузенъ отнесся съ славянофильской точки зрѣнія, видя въ развитіи крупной промышленности роскошь, не нужную Россіи. «Русскія фабричныя произведенія—писалъ онъ,—никогда не въ состояніи удовлетворить потребностямъ высшаго русскаго общества, которое покупаетъ парижскіе и лондонскіе предметы моды и роскоши. Если русскія фабрики не могутъ удовлетворить потребности высшаго общества, то не имѣютъ ли онѣ своимъ назначеніемъ дать внѣшній видъ современной цивилизаціи среднему классу, этому обезьяньему хвосту, гордящемуся полуобразованіемъ и наружнымъ лоскомъ? Развѣ есть такая нужда въ томъ, чтобы русскія купчихи, невѣжественныя и дикія внутри, имѣли по внѣшности видъ почти цивилизованныхъ дамъ? Или нужно, чтобы семьи мелкихъ чиновниковъ щеголяли другъ передъ другомъ внѣшнимъ блескомъ и страстно домогались бы роскоши и моды?» Очевидно, славянофильствующій нѣмецкій баронъ несочувственно относится къ росту русской буржуазіи; но это увеличиваетъ объективную цѣнность сдѣланнаго имъ указанія и свидѣтельствуетъ о его большой проницательности. Онъ подмѣтилъ въ соціально-политической жизни Россіи то, чего не замѣчали не только его русскіе современники, но и русскіе писатели значительно болѣе поздняго времени. Абсолютизмъ наверху, авансцена, занятая дворянствомъ, малочисленность и политическая безглагольность буржуазіи—все это не скрыло отъ нѣмецкаго наблюдателя то, что долго скрывалось отъ русскихъ: закулисное, «совѣщательное» вліяніе нашего торгово-промышленнаго класса на политику правительства.

Абсолютизмъ, несмотря на всю свою суровость и самоувѣренность, существовалъ не въ политически безвоздушномъ пространствѣ. Испытывая, прежде всего, высокое давленіе со стороны дворянства, онъ находился, однако, и подъ молчаливымъ, почтительнымъ, но все же значительнымъ давленіемъ буржуазіи.

Выступая на исторической сценѣ лишь въ роли послушнаго хора правительственныхъ статистовъ, русскіе купцы и промышленники за политическими кулисами всегда находили возможность воздѣйствія на правительственную политику. Насквозь пропитанные утилитаризмомъ и узкимъ практицизмомъ, они, какъ улитки, прятались въ узкую раковину чисто экономическихъ интересовъ, но только до тѣхъ поръ, пока абсолютизмъ самъ шелъ навстрѣчу ихъ желаніямъ и предупреждалъ ихъ ходатайства и домогательства.

Какъ только въ той сферѣ торгово-промышленныхъ интересовъ, которыми жила наша буржуазія, правительство намѣчало какое-либо неугодное ей мѣропріятіе, тотчасъ же начина-

лось настойчивое воздѣйствіе на правительство, съ цѣлью побудить его къ отмѣнѣ намѣченной мѣры. А экономическая политика правительства тѣсно была переплетена съ его общею политикой, и буржуазіи приходилось, поэтому, оказывать вліяніе и на послѣднюю.

Уже при Петрѣ Великомъ выростаетъ своеобразная литература «доносителей», писавшихъ царю о нуждахъ русской буржуазіи и просившихъ его о принятіи тѣхъ или иныхъ мѣръ для блага отечественной промышленности. «Доноситель» Филипповъ описываетъ всю «великую тѣсноту и мученье», все «похищеніе интересовъ царскаго величества», происходящія отъ того, что вся администрація и весь судъ находятся въ рукахъ дворянства, которое чинитъ купечеству обиды и притѣсненія. Дворянская администрація находится въ родственныхъ связяхъ со знатью («фамильными людьми») и покрываетъ ихъ «сильною заступою», безнаказанно творитъ по отношенію къ купечеству беззаконія и взимаетъ въ свою пользу незаконные поборы, «отчего народъ въ концѣ разоряется». «А доносить на такого злодѣя — смѣло пишетъ Филипповъ—невозможно, понеже онъ отправленъ по дѣламъ отъ фамильнаго и доношеніе подавать ему же—то въ томъ какъ можетъ быть правое рѣшеніе?» И авторъ донесенія приходитъ къ заключенію, что единственное средство «для правды и обороны народа» заключается въ назначеніи на должность людей изъ недворянскихъ слоевъ, т. е. прежде всего изъ буржуазіи.

Зотовъ, одинъ изъ сподвижниковъ Петра, указываетъ на необходимость подготовить просвѣщенную администрацію, для чего слѣдуетъ посылать за границу молодыхъ людей «не изъ парадныхъ для того, что всегда парадные презираютъ труды, хотя по пропорціи ихъ породы и имѣнья должны также быть въ наукѣ отмѣнны передъ прочими».

Анонимный «доноситель» изъ Голландіи совѣтуетъ Петру отстранить отъ управленія высокородныхъ людей. Даже Сенатъ, какъ доказываетъ этотъ доноситель, будетъ находиться «въ благомъ порядкѣ, какъ и въ прочихъ государствахъ», только тогда, когда Петръ «отставитъ сидящихъ въ немъ неграмотныхъ, да на ихъ мѣсто изберетъ хотя и не изъ высокородныхъ, но токмо бы были умные, вѣрные и пробованные въ услугахъ вашего величества, ибо честь не по фамиліи зависитъ, но отъ вѣрной службы своему государю и отечеству своему, на что видимъ многіе экземпляры въ окрестныхъ государствахъ, въ которыхъ не смотрятъ на фамиліи, но на вѣрную службу въ интересахъ своего государя и государства». И Петръ внималъ этимъ голосамъ крѣпнувшей буржуазіи, стараясь по мѣрѣ возможности исполнить ихъ желанія и замѣнить дворянъ «выскочками».

При Екатеринѣ II-ой дѣлается попытка созвать «совѣщательный» парламентъ въ видѣ «Комиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія». Эта комиссія широко развернула картину ожесточенной классовой борьбы и обнаружила большую сплоченность буржуазіи. Ко времени открытія засѣданій комиссіи собралось 531 депутатъ. Изъ нихъ на долю представителей городовъ приходилось 207 депутатовъ. Сильно представленная буржуазія повела энергичную наступательную войну и съ дворянами, и съ крестьянами, твердо уповая на правительство. Въ засѣданіи 2-го октября 1767 г. Алексѣй Поповъ, депутатъ отъ купечества, жалуется на то, что купцовъ милуетъ царь, да не жалуетъ дворянство. Петръ Великій—говоритъ этотъ депутатъ—всячески поощрялъ купцовъ. «Все сіе Премудрый Монархъ дѣлалъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы русское купечество, собравъ яко разсыпанную храмину, не только сравнять, но и возвысить надъ европейскими купцами, зная достовѣрно, какъ нужна коммерція государству, что и видимъ на самомъ дѣлѣ въ европейскихъ государствахъ. Вмѣсто ожидаемаго поправленія мы съ крайнимъ прискорбіемъ усматриваемъ изъ поданныхъ въ комиссію многими господами депутатами мнѣній, что русскому купечеству готовится большое отягощеніе, какъ будто оно вовсе не нужно для государства». Къ «мнѣнію», высказанному Поповымъ, тотчасъ присоединяютъ свои голоса 69 депутатовъ.

Депутатъ отъ города Тары, Аѳанасій Бекишевъ, еще рѣшительнѣе вступается за обижаемую дворянами буржуазію. «Какъ можно — возмущается онъ — уничтожать сдѣланныя премудрыми нашими монархами установленія, которыя содѣйствовали къ возведенію Россіи на высокую степень могущества, перемѣнили нравы ея обитателей, дали способы къ пріобрѣтенію разныхъ наукъ, издали на память потомству непоколебимые законы и открыли всѣмъ и каждому путь для усовершенствованія себя въ разныхъ художествахъ. Нынѣ же добытые неустанными трудами купцовъ плоды благородное дворянство намѣревается присвоить себѣ и черезъ то лишить выгоды тѣхъ, кто съ великимъ стараніемъ довелъ до цвѣтущаго состоянія россійскую торговлю».

Въ Екатерининской комиссіи депутаты буржуазіи держатся все время особнякомъ, не сливаясь съ дворянскими и крестьянскими депутатами и противопоставляя программѣ послѣднихъ свою программу. Какъ бы программа эта ни была въ политическомъ отношеніи проникнута рабскимъ смиреніемъ, а въ соціальномъ—рабовладѣльческими вожделѣніями (распространеніемъ на буржуазію права владѣнія крѣпостными), но она несомнѣнно свидѣтельствуетъ о сплоченности буржуазіи и объ ея организованномъ давленіи на правительственную власть.

Правительство очень внимательно прислушивалось къ настроеніямъ и чаяніямъ буржуазіи и стремилось удовлетворять ихъ. Когда русскій экономическій курсъ сколько-нибудь рѣзко сворачивалъ съ пути усиленнаго покровительства промышленности и торговлѣ и пытался создать, подъ финансовыми или политическими вліяніями, слегка либеральный таможенный тарифъ, со стороны русскихъ промышленниковъ поднимался всегда ожесточенный и настойчивый протестъ. Политической крамолы въ этомъ, конечно, не было: она была излишня. Наша буржуазія всегда встрѣчала полное вниманіе со стороны правительства и посредствомъ своеобразной челобитной литературы или посредствомъ давленія на вліятельныхъ министровъ и сановниковъ она добивалась отмѣны невыгодныхъ для нея мѣропріятій и проведенія выгодныхъ.

Литература «доносительства», измѣняя свои формы, продолжала существовать до новѣйшаго времени. Она собирала голоса протеста и недовольства и несла ихъ къ трону. Наша буржуазія держалась ниже травы, тише воды, пока не задѣвали ея интересовъ — и какъ потревоженный улей гудѣла и шумѣла, лишь только правительство сворачивало съ хорошо наѣзженнаго пути экономической политики. Достаточно ознакомиться съ поворотными пунктами въ нашей соціально-политической эволюціи, чтобы убѣдиться, какъ наша буржуазія волновалась и «ходатайствовала» каждый разъ, когда ея интересамъ угрожало какое-либо мѣропріятіе.

Въ этомъ отношеніи особенно поучительна и интересна исторія нашего таможеннаго покровительства. Таможенная политика сплетена была со всею политическою системою, и то или иное ея направленіе связано было порою съ крупными политическими послѣдствіями. Русскому правительству часто приходилось отступать, изъ-за политическихъ и фискальныхъ соображеній, съ избраннаго пути, и тутъ-то «доносители» принимались искать и всегда находили способы вліянія на правительство, съ цѣлью возвращенія его на стезю протекціонизма.

Когда при Александрѣ I-мъ возникли въ правительствѣ фритредерскія стремленія, и система запретительныхъ тарифовъ начала колебаться, наша буржуазія всполошилась. Въ Москвѣ организуется энергичная кампанія противъ смягченія покровительственной системы. И московская буржуазія находитъ поддержку въ министрѣ внутр. дѣлъ Козодавлевѣ и государственномъ канцлерѣ Румянцевѣ. Фабриканты начинаютъ осыпать правительство ходатайствами объ оставленіи въ силѣ стараго тарифа. Гр. Румянцевъ передаетъ государю записку, начинающуюся словами: «Слухи прошли внутри Россіи, что будто идутъ разсужденія о тарифѣ и якобы

есть наклонность нынѣ существующій тарифъ отмѣнить и будто бы прилагаютъ старанія, что новымъ тарифомъ на будущее время разрѣшить провозъ въ Россію нынѣ запрещенные товары. Буде сіе справедливо, что оные запрещенные товары къ провозу позволяются, то въ нынѣшнее несчастное время разоренія отъ непріятеля грабежомъ и огнемъ, отъ разрѣшенія товаровъ послѣдуетъ заводчикамъ вторительное разореніе». Гр. Румянцевъ всецѣло присоединяется къ этому ходатайству; несмотря на противоположное мнѣніе министра финансовъ Гурьева, Козадавлевъ еще энергичнѣе вступается за интересы фабрикантовъ. Онъ доказываетъ, что если проведутъ новый тарифъ, вопреки протестамъ фабрикантовъ, то «Россія въ отношеніи къ фабрикамъ и промышленности возвратится немедленно назадъ къ тому состоянію, изъ котораго извлекла ее рука Петра Великаго. Всѣ мудрыя распоряженія сего преобразователя отечества нашего, всѣ попеченія благотворныхъ преемниковъ его, наипаче Вашего Величества, останутся тщетны; фабрики и мануфактуры наши истребятся, тысячи подданныхъ вашихъ разорятся и придутъ въ нищету; употребленные на разныя заведенія капиталы, выданныя отъ казны ссуды и всѣ благотворныя мѣры Ваши обратятся въ ничто». И эти домогательства фабрикантовъ, поддержанныя доводами вліятельныхъ сановниковъ,—изъ которыхъ одинъ (гр. Румянцевъ), какъ крупный фабрикантъ, самъ былъ заинтересованъ въ запретительномъ тарифѣ,—возымѣли свое дѣйствіе.

При Николаѣ I-мъ продолжается организованное и настойчивое противодѣйствіе буржуазіи тѣмъ мѣропріятіямъ правительства, которыя затрагивали ея интересы. Она не только не обнаруживала поползновенія расширить свою политическую власть, но даже не пользовалась тѣми рудиментарными формами представительства, которыми располагала. Но, безучастно относясь къ обще-политической жизни страны, буржуазія неотступно слѣдитъ за всѣмъ тѣмъ, что затрагиваетъ ея интересы. Николай I-ый внимательно прислушивался къ мнѣніямъ буржуазіи и дѣлалъ все возможное, чтобы удовлетворить ея нужды. Агенты шефа жандармовъ постоянно слѣдили за тѣмъ, какъ настроены торгово-промышленные слои, и доносили о всѣхъ ихъ недовольствахъ.

Какъ сильно было раздраженіе буржуазіи противъ министра финансовъ Канкрина, недостаточно внимательно относившагося къ интересамъ промышленниковъ, показываетъ донесеніе одного изъ агентовъ гр. Бенкендорфа, Коха. «Гр. Канкринъ—сообщаетъ Кохъ,—могъ бы позаботиться о покровительствѣ мѣстному купеческому сословію, которое безъ сомнѣнія страдаетъ, видя себя забытымъ при

раздачѣ милостей. Не пеликана бы ему имѣть въ гербѣ (на фамильномъ гербѣ гр. Канкриныхъ изображенъ (пеликанъ), говорятъ многіе, а обжору россомаху. А между тѣмъ и онъ, и многіе другіе держатся на своихъ мѣстахъ, несмотря на то, что ложный блескъ, окружавшій ихъ, уже разсѣялся».

Эта фронда московской промышленности не только не навлекла кары на дерзкихъ промышленниковъ, но заставила принять мѣры для смягченія ихъ недовольства. Самъ гр. Канкринъ, хотя и защищалъ порою государственные интересы отъ частныхъ посягательствъ, но пользовался въ значительной степени совѣщательнымъ голосомъ купечества. Когда нужно было произвести денежную реформу (замѣну ассигнацій кредитными билетами), гр. Канкринъ, зная, какъ она задѣваетъ интересы промышленности и торговли, призываетъ къ себѣ крупнаго петербургскаго фабриканта и городского голову, В. Т. Жукова. Немилосердно коверкая русскій языкъ, гр. Канкринъ говорилъ В. Жукову: «Вы, батюшка, только немножко ополфанить этотъ вопросъ, а выстругать его пудетъ нѣмецкій мастеръ».—Оболванить, почему и не оболванить,—отвѣчалъ Жуковъ,—только будетъ ли это, ваше сіятельство, хорошо для васъ?—«О, конешно, ошень корошо будетъ».

Когда вышелъ въ отставку упрямый гр. Канкринъ, все же старавшійся итти своею дорогою, и на его мѣсто былъ назначенъ болѣе покладистый Вронченко, тотчасъ дѣлается попытка создать своего рода представительство интересовъ буржуазіи. Коммерсантъ Поповъ подаетъ записку о необходимыхъ экономическихъ реформахъ. Предсѣдатель Госуд. Совѣта тотчасъ же на основаніи этой записки дѣлаетъ докладъ Николаю I-му, и государь велитъ образовать особый комитетъ для разсмотрѣнія поднятыхъ вопросовъ. Этотъ комитетъ образовываетъ изъ чиновниковъ министерствъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ особую комиссію для «коммерсіальнаго изслѣдованія», при чемъ этой комиссіи дается право привлекать къ совѣщанію купцовъ и промышленниковъ. Вронченко черезъ Кокорева сближается съ крупно-промышленнымъ міромъ и беретъ на себя какъ бы его представительство. Кн. Меншиковъ говорилъ по этому поводу, что коммерціи совѣтникъ Кокоревъ сдѣлался тайнымъ совѣтникомъ нашего правительства. Вронченко не принималъ никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ мѣропріятій, не посовѣтовавшись предварительно съ Кокоревымъ. Послѣдній подавалъ министру записки, постоянно вызывался для личныхъ бесѣдъ и несомнѣнно имѣлъ право именоваться негласнымъ товарищемъ министра финансовъ.

Въ 1848-мъ году, когда абсолютизмъ находился въ зенитѣ своего развитія и теорія ограниченнаго ума подданныхъ ненару-

шимо царила, тарифный комитетъ постановляетъ допустить ввозъ желѣза и чугуна моремъ, проектируя пошлины на чугунъ въ 30 коп. моремъ и 20 коп. сухопутно и на желѣзо въ 45 коп. моремъ и 30 коп. сухопутно. Министерство финансовъ всецѣло присоединяется къ этому проекту. Купцы, торгующіе желѣзомъ, поддерживаютъ это мѣропріятіе, но фабриканты и заводчики видятъ въ этомъ ослабленіе протекціонистской системы и поднимаютъ энергичный протестъ. Два богатыхъ и вліятельныхъ желѣзозаводчика, Мальцевъ и Пастуховъ, становятся выразителями этого недовольства и представляютъ министру финансовъ записку, въ которой настаиваютъ на запрещеніи ввоза иностраннаго желѣза моремъ. «Въ виду такихъ заявленій заинтересованныхъ элементовъ — пишетъ новѣйшій историкъ нашей таможенной системы — министръ финансовъ, въ противоположность мнѣнію своего министерства, пришелъ къ заключенію, что допущеніе ввоза желѣза моремъ можетъ сдѣлать русскую желѣзнодѣлательную промышленность невыгодной, привести ее къ упадку, и Госуд. Совѣтъ оставилъ ввозъ этихъ металловъ моремъ запрещеннымъ» [1]. Когда въ томъ же 1848-мъ году возникли слухи о предстоящемъ пониженіи пошлины на пряжу, московскіе фабриканты всполошились и моментально принялись подавать записки. Прислушиваясь къ говору москвичей, московскій генералъ-губернаторъ кн. Щербатовъ спѣшитъ отправить секретное письмо министру финансовъ, освѣдомляя его о настроеніи московскихъ бумагопрядильныхъ фабрикантовъ.

Послѣ смерти Николая I-го, съ общественнымъ оживленіемъ, а затѣмъ и отмѣною крѣпостного права, начинается періодъ усиленнаго капиталистическаго строительства. Промышленность и торговля дѣлаютъ быстрые успѣхи. Выростаютъ города и городское населеніе. Выкупные платежи вливаются широкою золотою струею въ производство и сильно раздвигаютъ его рамки. Буржуазія получаетъ несравненно болѣе высокій, чѣмъ въ дореформенное время, экономическій вѣсъ. Но ее по-прежнему не тянетъ на широкую арену политической борьбы. Правда, Кокоревъ суетится и цвѣтетъ застольнымъ краснорѣчіемъ, но высотою діапазона своего патріотизма онъ превосходитъ дворянство. Всѣ его рѣчи представляютъ гимнъ правительственнымъ мѣропріятіямъ.

Не выступая на сценѣ политической борьбы, не питая никакого влеченія къ широкой общественной дѣятельности, наша буржуазія шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ продолжаетъ

---

1) *М. Соболевъ.*, Таможенная политика Россіи во второй половинѣ XIX в. (Томскъ, 1911).

твердою стопою итти по пути совѣщательнаго, ходатайствующаго представительства. При закрытыхъ дверяхъ канцелярій, съ глазу на глазъ съ бюрократіей, она продолжаетъ ходатайствовать о проведеніи однихъ мѣропріятій и отмѣнѣ другихъ. Правительство идетъ навстрѣчу ея желаніямъ, предупреждая этимъ необходимость самостоятельныхъ ея выступленій.

Когда въ концѣ шестидесятыхъ годовъ на очередь сталъ вопросъ о таможенной реформѣ, которая всегда была у насъ связана съ извѣстнымъ политическимъ курсомъ, вялая и инертная буржуазія обнаруживаетъ кипучую энергію. Черезъ печать, собранія, записки и ходатайства она старается воздѣйствовать на правительство. Съ этою цѣлью она мобилизуетъ даже рабочихъ. Рабочіе ткацкой фабрики Бутикова въ Москвѣ подаютъ всеподданнѣйшее прошеніе, съ нѣсколькими сотнями подписей. Въ прошеніи этомъ мы между прочимъ читаемъ: «До насъ достигла вѣсть о заключеніи нѣмецкаго договора о провозѣ изъ-за границы товаровъ безпошлинно или съ пониженіемъ пошлинъ, отчего наши младенчествующія фабрики, заводы и ремесла должны пасть невозвратно отъ наводненія европейскихъ товаровъ, и оттого милліоны русскаго народа съ нашими семьями останутся безъ пропитанія. Россія нуждается болѣе другихъ государствъ въ развитіи фабрикъ, и если заключить договоръ съ нѣмецкимъ таможеннымъ союзомъ, то въ Россіи останется до 40 милліоновъ жителей безъ дѣла и занятій. Мы осмѣливаемся утруждать Васъ, Великодушный Монархъ, и увѣрены, что Ты не допустишь до того, губительнаго для твоихъ подданныхъ; умоляемъ, оживи и обнови науки, художества и промышленность русской земли и не внемли совѣтамъ иноземцевъ».

Съ интересующей насъ точки зрѣнія большого вниманія заслуживаютъ «экономическіе обѣды», которые въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ устраивались въ Петербургѣ для обсужденія соціально-экономическихъ вопросовъ. На обѣдахъ этихъ собирались представители крупной бюрократіи и финансоваго міра. Поднимались и обсуждались самые разнообразные вопросы, связанные съ торгово-промышленными интересами. На этихъ обѣдахъ промышленники были скудно представлены, заслоненные бюрократами, финансистами и экономистами. Вслѣдствіе этого сплошь и рядомъ тутъ постановлялись резолюціи, расходившіяся съ стремленіями заводчиковъ и фабрикантовъ и возбуждавшія чрезвычайное недовольство. Обѣды объединили представителей бюрократіи съ представителями высшаго финансоваго міра и тѣми крупными промышленниками, которые работали на обезпеченный казенный рынокъ и не боялись заграничной конкурренціи, будучи, притомъ, заинтересованы въ дешевизнѣ нѣкоторыхъ ввозимыхъ предметовъ сырья.

Бюрократія прислушивалась къ преніямъ этого застольнаго парламента. «Московскіи Вѣдомости» раздраженно писали о дононовскихъ экономическихъ обѣдахъ, какъ о «праотцѣ всѣхъ нашихъ застольныхъ парламентовъ и другихъ говориленъ». Между либеральнымъ «Голосомъ» и московской газетой возникла любопытная полемика. «Голосъ» взялъ дононовскіе обѣды подъ свое покровительство и обвинялъ «Москов. Вѣд.» въ доносительствѣ. «Никто не можетъ запретить частнымъ людямъ—доказывалъ «Голосъ»—обмѣниваться въ ресторанѣ за обѣдомъ своими мнѣніями по экономическимъ вопросамъ. Это дѣло частное и семейное». Московская газета доказывала, что это—репетиція парламента.

Въ полемику вмѣшался сотрудникъ «Нов. Времени», покойный К. А. Скальковскій, яростный защитникъ протекціонизма. «Совершенно несправедливо — писалъ онъ, отвѣчая «Голосу» — называть «экономическіе обѣды» частными, семейными явленіями. Они, быть можетъ, частныя явленія въ глазахъ полицейскаго пристава мѣстнаго участка, такъ какъ обѣдающіе и препирающіеся мирно чиновники и капиталисты не представляютъ изъ себя никакой ассоціаціи, противной законамъ; но въ глазахъ мыслящаго публициста періодическій обмѣнъ мыслей по важнѣйшимъ экономическимъ и государственнымъ вопросамъ между наиболѣе выдающимися представителями нашей финансовой администраціи и биржевой плутократіи вовсе не частное явленіе, а, наоборотъ, весьма общественное и весьма крупное».

Больше всѣхъ рвалъ и металъ Кокоревъ. Лицъ, принимавшихъ участіе въ этихъ обѣдахъ, онъ называлъ «они» и подъ этимъ названіемъ велъ противъ нихъ ожесточенную войну, приписывая имъ чрезвычайно крупную роль въ направленіи всей нашей экономической политики. Онъ писалъ, что кружокъ лицъ, участвующихъ въ этихъ обѣдахъ, «стремится въ кабинеты высокопоставленныхъ лицъ и салоны высокознатныхъ барынь для распространенія въ нихъ своихъ взглядовъ, дабы потомъ, мало по малу расширяя свой кругъ, забрать въ свои руки направленіе правительственной власти... *Они* не замедлили поступать на мѣста въ тѣхъ кабинетахъ и комитетахъ, откуда проистекаетъ дѣйствіе власти. Въ это время они усидчиво работали по сочиненію новыхъ законопроектовъ... Значеніе фирмы *они* непомѣрно сильно: къ ней принадлежитъ множество вліятельныхъ лицъ, и ея принципы укоренились не только въ мысляхъ этихъ лицъ, но даже вошли въ штукатурку тѣхъ присутственныхъ кабинетовъ, гдѣ засѣдаютъ члены могущественной фирмы *они*».

Позднѣе «совѣщательная» роль промышленниковъ выступаетъ

особенно рельефно въ періодъ, когда министромъ финансовъ былъ С. Ю. Витте. Онъ побуждалъ промышленниковъ съорганизоваться и подавать свой голосъ по всѣмъ интересующимъ ихъ вопросамъ. Въ то время, когда во всей странѣ неумолимо преслѣдовались всякія «скопомъ» заявляемыя мнѣнія, промышленникамъ не только не запрещалось организовываться, но правительство, въ лицѣ С. Ю. Витте, ихъ объ этомъ просило. Обращаясь къ представителямъ биржевыхъ комитетовъ, министръ финансовъ говорилъ: «Старайтесь возможно часто видѣться, съѣзжаться, совѣщаться о своихъ нуждахъ. Если вы будете объяснять правительству ваши нужды въ обстоятельной и убѣдительной формѣ, вы скорѣе получите ихъ удовлетвореніе. Имѣйте свои органы печати для выясненія всѣхъ вашихъ интересовъ и правъ... Постарайтесь вліять на общественное мнѣніе; для васъ всего важнѣе возможность публичнаго выясненія вашихъ мнѣній, а этого вы достигнете лишь путемъ своей организаціи. Организуйтесь такъ, чтобы вы могли періодически съѣзжаться на общіе и областные съѣзды, чтобы у васъ были свои постоянныя бюро или иныя учрежденія, которыя объединили бы васъ».

Мы привели рядъ фактовъ, связывающихъ предреволюціонное время съ эпохою Петра Великаго. И повсюду передъ нами была одна и та же картина закулиснаго, совѣщательнаго представительства интересовъ промышленности и торговли, давленіе этихъ интересовъ на весь курсъ экономической политики.

Наша буржуазія росла на всемъ готовомъ; ея развитіе носило казеннокоштный характеръ. Она искала и находила защиту въ правительственной власти и питалась въ значительной степени казенными заказами. Политически прирученная правительствомъ, выросшая на его иждивеніи, она не вступала на путь открытой политической дѣятельности. Ей незачѣмъ было это дѣлать, когда келейный путь ходатайствъ былъ всегда и широко раскрытъ передъ нею. Да и къ нему не всегда была надобность прибѣгать, такъ какъ попечительное правительство часто предупреждало ея ходатайства.

Въ 1906-мъ году, на тридцатомъ съѣздѣ южныхъ горно-промышленниковъ, одинъ изъ крупныхъ фабрикантовъ откровенно доказывалъ, что надвинувшіяся бурныя событія не должны безпокоить русскихъ промышленниковъ и тревожнымъ гудкомъ созывать ихъ на путь открытой политической борьбы. «Участвуя почти 30 лѣтъ—говорилъ онъ—на съѣздахъ, я привыкъ смотрѣть такъ, что представители наши въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, будучи всегда въ курсѣ дѣлъ, всегда умѣли своевременно предупреждать

разнаго рода явленія и неожиданныя распоряженія по отношенію нашей промышленности».

Эти весьма характерныя слова показываютъ, что даже въ годы бури и натиска старые и опытные промышленники продолжали смотрѣть на правительство, какъ на надежный громоотводъ, который всегда защититъ буржуазію. А если онъ не досмотритъ, остается испытанный и вѣрный путь ходатайствъ, записокъ и представленій.

При старомъ режимѣ наша буржуазія лишь очень слабо и рѣдко проявляла оппозиціонное настроеніе и лишь небольшими, разсѣянными отрядами въ годы смуты начала выходить на открытое поле политической дѣятельности. Бурныя событія 1905-го года сильно встряхнули нашу буржуазію: она утратила свою былую политическую безмятежность, неподвижимость и безглагольность. Въ ней проснулись стремленія къ сплоченію и организаціи.

Наступившіе затѣмъ годы реакціи не только не пріостановили, но усилили это стремленіе. На полѣ, усѣянномъ костями разгромленныхъ и распавшихся организацій обывателей и рабочихъ, выростали многочисленныя и крупныя организаціи предпринимателей. Тяжкій млатъ реакціи, дробя стекло профессіональныхъ союзовъ, ковалъ булатъ союзовъ предпринимательскихъ.

И параллельно съ этимъ усиленіемъ организованности, параллельно съ процессомъ соціальной кристаллизаціи, начавшимся въ Госуд. Думѣ, у нашей буржуазіи проснулся вѣками спавшій голодъ по политической дѣятельности, пробудилось сознаніе, что безъ открытой политической борьбы она не можетъ расчистить себѣ путь къ экономическому процвѣтанію. Это политическое созрѣваніе нашей буржуазіи выходитъ за предѣлы настоящей статьи.

П. Берлинъ.

«ПАРСИФАЛЬ» ВНѢ БАЙРЕЙТА.

Перваго января (новаго стиля) нынѣшняго года окончилось право собственности наслѣдниковъ Вагнера (его вдова Козима Вагнеръ,—дочь Листа, по первому мужу Бюлова, его сынъ Зигфридъ и двѣ дочери) на его произведенія, и такимъ образомъ, сдѣлалось возможнымъ сценическое исполненіе послѣдней оперы Вагнера внѣ Байрейта. Въ теченіе 30-ти лѣтъ для того, чтобы увидѣть на сценѣ

«Парсифаля», публика была принуждена ѣздить въ маленькій баварскій городокъ Байрейтъ, гдѣ согласно волѣ композитора только въ собственномъ его театрѣ допускалось представленіе этой оперы, поставленной тамъ впервые лѣтомъ 1882 года.

Въ настоящее время, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, «Парсифаль» уже поставленъ на всѣхъ большихъ сценахъ Европы, а въ нѣкоторыхъ городахъ (Берлинъ, Вѣна, Петербургъ) поставленъ одновременно на двухъ сценахъ, и такимъ образомъ является возможность провѣрить утвержденіе вагнеріанцевъ, что постановка «Парсифаля» внѣ Байрейта явится кощунствомъ по отношенію къ священному сюжету этой оперы.

«Парсифаль» можетъ и долженъ быть исполняемъ только въ Вагнеровскомъ театрѣ въ Байрейтѣ»—это положеніе вагнеріанцы защищали и защищаютъ со всѣмъ пыломъ сектантовъ, покорныхъ безпрекословно велѣнію своего учителя, и не только смыслу этого велѣнія, но и его буквѣ.

Воля Вагнера—чтобы «Парсифаль» исполнялся только въ Байрейтѣ—выражена имъ достаточно ясно, и она исполнялась въ теченіе тридцати лѣтъ, пока законъ объ авторскомъ правѣ охранялъ волю автора. По истеченіи этого срока «Парсифаль» дѣлался общимъ достояніемъ, и потому вагнеріанцы дважды пытались добиться законодательнымъ путемъ продленія авторскаго права на «Парсифаля». Въ этомъ смыслѣ они подавали петицію въ германскій рейхстагъ въ 1901 и въ 1913 г.г., и оба раза петиція эта была законодательнымъ собраніемъ отклонена. Вопросъ объ исключеніи для «Парсифаля» изъ закона объ авторскомъ правѣ вызвалъ въ Германіи жесточайшіе споры. Насъ эти споры не интересуютъ. Гораздо важнѣе знать, на чемъ основывалъ самъ Вагнеръ свое запрещеніе давать «Парсифаля» внѣ Байрейта. Доводы Вагнера извѣстны совершенно точно, во-первыхъ, изъ его письма и статьи, во-вторыхъ, изъ его словъ, которымъ велась въ послѣдніе годы его жизни точная запись (см. шестой томъ біографіи Вагнера, написанной Глазенапомъ).

Доводы Вагнера двоякаго рода: одни, вытекающіе изъ самой сущности «Парсифаля», какъ сценическаго произведенія, другіе—имѣющіе связь съ Байрейтомъ, какъ предпріятіемъ, составляющимъ собственность семьи Вагнера.

Доводы перваго рода изложены Вагнеромъ въ его письмѣ къ другу и покровителю, королю Людвигу II, отъ 28 сентября 1880 года.

«Я былъ вынужденъ отдать публикѣ и театрамъ, дѣятельность которыхъ я считаю глубоко безнравственной, всѣ мои наиболѣе идеально задуманныя произведенія. Теперь я долженъ себя серьезно спросить, не обязанъ ли я охранить отъ пошлой оперной карьеры,

по крайней мѣрѣ, это послѣднее и священнѣйшее мое твореніе. Къ этому меня рѣшительно понуждаетъ чистый сюжетъ моего «Парсифаля». И дѣйствительно, какъ можетъ, какъ смѣетъ быть воспроизведено на сценѣ дѣйствіе, въ которомъ сценически воплощаются наиболѣе возвышенныя таинства христіанской вѣры, въ нашихъ театрахъ, рядомъ съ такимъ репертуаромъ, какъ нашъ, и передъ такой публикой, какъ наша? Совершенно правильно оцѣнивая фривольность, съ такимъ удобствомъ расположившуюся на театральныхъ подмосткахъ, и публику, которую привлекаетъ единственно фривольность, я назвалъ «Парсифаля» торжественно-священнымъ сценическимъ представленіемъ (Bühnenweihfestspiel). Для него я долженъ найти посвященную ему сцену, и такою можетъ быть только мой уединенно стоящій въ Байрейтѣ домъ торжественныхъ представленій. Только тамъ можетъ быть поставленъ на всѣ будущія времена мой «Парсифаль»: никогда мой «Парсифаль» не долженъ быть поставленъ ни на какомъ другомъ театрѣ для увеселенія (zum Amusement) публики».

Категорическій тонъ этого письма объясняется слѣдующимъ образомъ. Въ 1878-мъ году Вагнеръ, получившій отъ Людвига II помощь для покрытія расходовъ по постановкѣ «Кольца Нибелунговъ» въ Байрейтѣ въ 1876 г., подписалъ контрактъ, въ силу котораго всѣ его сочиненія, которыя онъ написалъ бы въ будущемъ, послѣ постановки ихъ въ Байрейтѣ принадлежали (и безъ поспектакльной платы автору) королевскому театру въ Мюнхенѣ. Такимъ образомъ, «Парсифаль» былъ отданъ театру внѣ Байрейта еще до своего созданія. Уничтоженія этого контракта и добивался Вагнеръ, обращаясь къ королю въ 1880-мъ году. Декретомъ короля отъ 15-го октября 1880-го года контрактъ этотъ былъ уничтоженъ, и для исполненія «Парсифаля» оркестръ и хоръ королевской оперы должны были ежегодно (съ 1882 года) на два мѣсяца отдаваться въ распоряженіе Байрейтскаго театра.

16-го октября 1881 г. Вагнеръ пишетъ Анжело Нейману, такъ удачно исполнявшему съ своей странствующей труппой «Кольцо Нибелунговъ», въ отвѣтъ на его просьбу дать ему право постановки «Парсифаля»: «Никогда не смѣю и не могу я разрѣшить постановку «Парсифаля» на другихъ театрахъ: развѣ только, если образуется, дѣйствительно «Вагнеровскій театръ», театръ съ священной сценой, который—конечно, странствуя,—распространитъ по всему свѣту то, что я создалъ въ чистотѣ и полнотѣ на своемъ театрѣ въ Байрейтѣ».

Здѣсь мы уже видимъ, что Вагнеръ и самъ считалъ возможнымъ при опредѣленной обстановкѣ исполненіе «Парсифаля» внѣ

Байрейта. Доводъ Вагнера о недопустимости исполненія «Парсифаля» въ обычной театральной обстановкѣ могъ бы имѣть вѣсъ только въ томъ случаѣ, если бы онъ смотрѣлъ на «Парсифаля» не какъ на театральное дѣйство, а какъ на театральное богослуженіе. Въ такомъ случаѣ театръ превращался бы въ храмъ, и именно въ христіанскую церковь. Но мы имѣемъ много данныхъ, которыя отвергаютъ возможность для Вагнера такой точки зрѣнія. Вагнеръ былъ многіе годы настроенъ весьма враждебно противъ христіанской церкви, и хотя къ старости эта враждебность, такъ же какъ и вообще политическій радикализмъ Вагнера, значительно смягчилась, но сыномъ церкви, ни лютеранской, въ которой Вагнеръ былъ крещенъ, ни католической,—Вагнеръ не сдѣлался до своей смерти. Въ своемъ «Парсифалѣ» Вагнеръ геніально создалъ религіозную музыку; но для воспріятія этой музыки вовсе не требуется превращеніе театра въ церковь, ибо каждый разъ, когда истинно религіозная музыка исполняется съ искреннимъ одушевленіемъ, въ душѣ слушателя создается невидимый храмъ независимо отъ помѣщенія, въ которомъ исполняется музыка.

Что Вагнеръ самъ смотрѣлъ на исполненіе «Парсифаля» какъ на представленіе, а не богослуженіе, доказывается нѣсколькими фактами, сопровождавшими постановку «Парсифаля» подъ личнымъ руководствомъ Вагнера въ 1882-мъ году.

Капельмейстеромъ, дирижировавшимъ почти всѣми спектаклями, былъ іудей Германъ Леви. Іудей во главѣ христіанскаго богослуженія! Противорѣчіе, само себя уничтожающее! Правда, Вагнеру очень хотѣлось крестить Леви, но всѣ его попытки въ этомъ направленіи остались безъ результата. Леви былъ сынъ набожнаго раввина и думалъ, что онъ можетъ достаточно хорошо дирижировать даже представленіями «Парсифаля», не мѣняя религіи, въ которой былъ рожденъ. И Вагнеръ, антисемитъ Вагнеръ, несмотря на громкіе протесты своихъ поклонниковъ, предпочелъ, чтобы «Парсифалемъ» хорошо дирижировалъ іудей, чѣмъ плохо—христіанинъ.

Во время представленій «Парсифаля» Вагнеръ относился къ происходившему на сценѣ именно какъ къ театральному представленію. На первомъ спектаклѣ, когда послѣ второго акта артисты не выходили кланяться на безконечные вызовы, Вагнеръ изъ своей ложи обратился къ публикѣ съ просьбой не настаивать на появленіи артистовъ, чтобы не нарушать цѣльности впечатлѣнія. Вслѣдствіе этой просьбы, послѣ окончанія представленія, часть публики, очевидно, увѣренная въ томъ, что Вагнеръ смотритъ на представленіе «Парсифаля», какъ на богослуженіе, старалась шиканьемъ прекратить аплодисменты. Тогда Вагнеръ снова обратился

къ публикѣ съ рѣчью, въ которой объяснилъ, что его не поняли и что только выходъ артистовъ для поклона былъ бы нарушеніемъ впечатлѣнія, а, напротивъ, аплодисменты только радуютъ ихъ, и самъ первый подалъ примѣръ такому способу одобренія артистовъ. Непонятливость вагнеріанцевъ на этотъ разъ очень разсердила Вагнера, и онъ тогда же выразился такъ: «Вагнеріанцы такіе глупые люди, что ими можно проламывать стѣны».

Въ одномъ изъ спектаклей Вагнеръ аплодировалъ дѣвамъ-цвѣтамъ даже во время хода дѣйствія, такъ что изъ партера раздалось шиканье по его адресу, послѣ чего Вагнеръ сталъ аплодировать въ этомъ же мѣстѣ на каждомъ изъ слѣдующихъ спектаклей.

Эти факты показываютъ, что для самого Вагнера исполненіе «Парсифаля» было именно театральнымъ представленіемъ, и потому невозможность его исполненія внѣ Байрейта не вытекаетъ изъ сущности сюжета «Парсифаля». Изъ этого сюжета вытекаетъ только одно требованіе—чтобы исполненіе «Парсифаля» носило возвышенный характеръ; но иной характеръ исполненія лишаетъ эту оперу всей ея художественной силы, и при такомъ исполненіи публика и не будетъ посѣщать представленій «Парсифаля», точно такъ же, какъ если бы какой-нибудь оригиналъ вздумалъ поставить «Севильскаго цирюльника» въ высокомъ стилѣ, онъ былъ бы наказанъ отсутствіемъ публики, и такой «Цирюльникъ», само собою, сошелъ бы со сцены.

Опытъ, сдѣланный теперь съ «Парсифалемъ» въ такомъ огромномъ масштабѣ, весьма убѣдительно показалъ, что и внѣ Байрейта «Парсифаль» производитъ сильное впечатлѣніе даже въ слабомъ исполненіи, если только оно покоится на отношеніи исполнителей къ «Парсифалю», какъ къ одному изъ глубочайшихъ проявленій Безконечнаго.

Но были другія причины, заставившія Вагнера монополизировать «Парсифаля» для Байрейта. И эти причины были отнюдь не возвышеннаго характера и имѣли очень мало отношенія къ священному содержанію этой оперы. «Съ «Парсифалемъ» сохранится или падетъ мое Байрейтское твореніе»,—писалъ Вагнеръ Нейману 29 сентября 1882 г. Онъ хорошо зналъ, что безъ монополизаціи «Парсифаля» Байрейтъ, какъ наслѣдство его вдовы и дѣтей, исчезнетъ очень быстро послѣ его смерти. Для чего же нужно было сохраненіе Байрейтскихъ спектаклей? Изъ-за потока возвышенныхъ словъ о сохраненіи стиля и высокихъ цѣлей Вагнера только въ Байрейтѣ, съ теченіемъ времени совершенно явственно выяснился иной мотивъ насильственной охраны Байрейтскаго театра. Что были бы въ артистическомъ мірѣ послѣ смерти Вагнера его вдова Козима и сынъ Зигфридъ? Вдова и сынъ геніальнаго компо-

зитора—и больше ничего. Чѣмъ они были эти тридцать лѣтъ, протекшія со дня смерти Вагнера? Благодаря монополіи на «Парсифаля», Козима и Зигфридъ Вагнеръ были людьми, къ которымъ приходили на поклонъ первѣйшіе артисты и самые знаменитые дирижеры; въ виллу Вагнера «Винфридъ», въ Байрейтѣ, въ эти тридцать лѣтъ считали долгомъ являться съ визитомъ коронованныя особы и вся знать Европы. Изъ-за этого, пожалуй, стоило даже пожертвовать тѣми огромными тантьемами за представленія «Парсифаля», которыхъ отнюдь не возмѣстили доходы съ Байрейтскаго театра [1]).

Такое положеніе Козимы и Зигфрида Вагнера въ артистическомъ мірѣ всецѣло связано съ монополіей на «Парсифаля». Само по себѣ, исполненіе въ Байрейтѣ никоимъ образомъ не можетъ поддержать это положеніе. Козима, какъ хранительница вагнеровскихъ традицій, до послѣднихъ лѣтъ принимала ближайшее участіе въ постановкахъ Байрейта, но единственно какъ вдова Вагнера: а этого мало. Сама Козима никогда не была артисткой; ея указанія кому-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ принимались съ внѣшней почтительностью, но только потому, что она—хозяйка Байрейта. Я игралъ въ Байрейтѣ въ 1906 г., и могъ наблюдать физіономію капельмейстера Мука, когда Козима на репетиціи остановила ходъ дѣйствія, и показала Парсифалю, какъ ему поднять руку: и безъ того ядовитое лицо Мука приняло выраженіе чисто мефистофельское! Зигфридъ Вагнеръ даже дирижируетъ спектаклями въ Байрейтѣ, но онъ плохой дирижеръ, и только благодаря тому, что Рихтеръ или Мукъ разучивали для него «Кольцо» или «Парсифаля», онъ могъ сравнительно благополучно продирижировать спектаклемъ; но все исполненіе подъ его управленіемъ становилось неузнаваемымъ.

Да! Подъ словами объ охранѣ идей и твореній геніальнаго художника часто прячется мелкое честолюбіе близкихъ ему по крови, но далекихъ отъ него по творческимъ способностямъ людей.

Теперь поистинѣ высокое твореніе геніальнаго композитора свободно отъ служенія его роднымъ и будетъ служить всему человѣчеству, указывая намъ тотъ путь, которымъ музыка болѣе непосредственно, чѣмъ другія искусства, ведетъ насъ въ царство Вѣчности.

Викторъ Вальтеръ.

---

[1]) Ближайщее будущее покажетъ, можетъ ли Байрейтъ удержать свое положеніе безъ монополіи на «Парсифаля».

КЪ ВОПРОСУ О РЕФОРМѢ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНІЯ.

I.

Со времени выхода книги Гнейста о мѣстномъ самоуправленіи въ Англіи въ европейской литературѣ не появлялось болѣе полнаго и обстоятельнаго труда по этому вопросу, чѣмъ сочиненіе Редлиха, переведенное и на русскій языкъ. Книга Гнейста была написана до послѣднихъ реформъ въ англійскомъ мѣстномъ самоуправленіи, по природѣ своей демократическихъ. Гнейстъ былъ противникомъ ихъ; онъ стоялъ за сохраненіе административныхъ функцій мирового института, даровой и почетной службы его органовъ. Дальнѣйшее развитіе земскихъ и городскихъ учрежденій Англіи пошло въ иномъ направленіи. Книга Гнейста устарѣла и не даетъ понятія о современномъ положеніи дѣла. Въ разныхъ странахъ пытались оцѣнить значеніе совершившихся реформъ. На англійскомъ языкѣ существуютъ заслуживающія вниманія сочиненія Альберта Шо «О муниципальномъ правительствѣ Великобританіи» и «О муниципальномъ правительствѣ на континентѣ Европы». Во Франціи и въ Италіи также имѣются сочиненія, посвященныя вопросамъ мѣстнаго самоуправленія и проводящія параллели между англійскими и континентальными порядками; въ Америкѣ заслуженной извѣстностью пользуется книга профессора административнаго права Гудно о муниципальномъ гомрулѣ. Но ни одно этихъ сочиненій не можетъ въ такой степени служить настольной книгой при изученіи англійскаго самоуправленія, какъ вышеупомянутая книга Редлиха.

При разсмотрѣніи вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ желательно сохраненіе или, наоборотъ, расширеніе компетенціи городского общественнаго управленія вообще и Петербургскаго въ частности, вѣроятно, не безполезна справка съ иностранными законодательствами. Чтобы представить ее, недостаточно простого сопоставленія текстовъ законовъ: во-первыхъ, потому, что въ нѣкоторыхъ странахъ, напр., въ Англіи, нѣтъ такого закона, въ которомъ сведено было бы все дѣйствующее право, хотя бы по частному вопросу о компетенціи городскихъ общественныхъ управленій; во-вторыхъ потому, что между буквой закона и его примѣненіемъ часто лежитъ бездна.

Статья первая «Положенія объ общественномъ управленіи го-

рода Петербурга» гласитъ, что городская дума вѣдаетъ дѣла объ общественныхъ пользахъ и нуждахъ, указанныя во 2-ой статьѣ Положенія. Эта 2-я статья перечисляетъ довольно полно тѣ функціи, которыя вообще входятъ въ понятіе о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ. Я нахожу въ числѣ ихъ такія, которыя въ Англіи не подвѣдомственны непосредственно городскому управленію, напр., попеченіе о призрѣніи бѣдныхъ и о прекращеніи нищенства. Такія дѣла вѣдаются въ Англіи особымъ управленіемъ по общественному призрѣнію. «Въ рукахъ городского совѣта, какъ исключительнаго учрежденія, завѣдующаго мѣстнымъ управленіемъ—пишетъ Редлихъ (т. II, стр. 393),—сконцентрировано все внутреннее управленіе, за исключеніемъ призрѣнія бѣдныхъ и школьнаго дѣла». Для послѣдняго имѣется особое управленіе, во главѣ котораго стоитъ такъ называемый schoulboard. Между тѣмъ, во 2-й ст. нашего «Положенія», въ параграфѣ 4-мъ, стоитъ и попеченіе о развитіи средствъ народнаго образованія, устройство учебныхъ заведеній, воспособленіе такимъ заведеніямъ и установленное закономъ участіе въ завѣдываніи ими.

Останавливаюсь на этихъ подробностяхъ, чтобы показать мое совершенно объективное отношеніе къ вопросу, который мнѣ хотѣлось бы освѣтить. Та же объективность заставляетъ меня сказать, что второй статьею Положенія исчерпаны съ достаточной полнотою предметы вѣдомства, обнимаемые понятіемъ полиціи благосостоянія. Но во всемъ «Положеніи» я не нахожу ни одной статьи, которая давала бы городскому общественному управленію Петербурга, въ законодательныхъ палатахъ въ виду вновь создавшихся условій, право ходатайствовать о томъ или иномъ расширеніи его компетенціи. Между тѣмъ, въ Англіи такая возможность открыта весьма широко. Почти ежегодно многіе крупные города Англіи обращаются въ парламентскіе комитеты съ такъ называемыми «мѣстными биллями», въ которыхъ идетъ рѣчь о новыхъ административныхъ для нихъ полномочіяхъ. Такъ, напр., городъ Галифаксъ добился, путемъ такого частнаго билля, права издавать запреты продажи молока туберкулезныхъ коровъ, а также полицейскія распоряженія, имѣющія цѣлью оградить обывателей отъ шума ночью. Городъ Рокдель получилъ право издавать обязательныя постановленія о томъ, какъ должны быть устанавливаемы лѣса при производствѣ построекъ, и право устраивать помѣщенія для искусственнаго изготовленія льда и издавать предписанія относительно торговли мороженымъ. Онъ пріобрѣлъ также право вести торговлю электрическими моторами. Обращеніе къ парламенту съ частнымъ биллемъ о расширеніи функцій городского самоуправленія признано было еще въ концѣ

прошлаго вѣка—средствомъ слишкомъ громоздкимъ. Въ виду этого, парламентъ уступилъ часть своихъ функцій въ указанномъ отношеніи вновь созданнымъ центральнымъ учрежденіямъ: Совѣту мѣстнаго Управленія, Совѣту торговли и сельско-хозяйственному Совѣту. Наибольшая часть пришлась на долю Совѣта мѣстнаго Управленія, такъ-называемому Local government board, который путемъ временныхъ правилъ (provisional orders) предоставляетъ мѣстнымъ органамъ въ опредѣленныхъ границахъ новыя административныя полномочія. Надѣляя такими функціями перечисленные выше совѣты, парламентъ сохранилъ за собою свое верховенство. Другими словами, при противодѣйствіи со стороны совѣта городъ можетъ испытать еще путь обращенія къ парламенту съ частнымъ биллемъ. Парламентъ разсматриваетъ эти дѣла въ комитетѣ частныхъ биллей, въ судебно-состязательномъ порядкѣ (см. Редлихъ т. I, стр. 396—397).

Я нахожу въ проектѣ «Городового Положенія», выработанномъ комиссіей 10-ти гласныхъ Спб. городской думы, выбраной въ 1905 г., заботу о расширеніи компетенціи городскихъ общественныхъ управленій. Она нашла выраженіе въ статьѣ 4-й проекта: «городское общественное управленіе имѣетъ право, съ утвержденія законодательной власти, установлять новые мѣстные налоги и увеличивать нормы дѣйствительныхъ налоговъ, заключать отъ своего имени займы, учреждать городскую полицію и пожарную часть и завѣдывать ими». Но въ этой статьѣ я не нахожу упоминанія объ обращеніи города непосредственно къ органамъ законодательной власти съ ходатайствомъ о предоставленіи ему тѣхъ или другихъ спеціальныхъ полномочій. Когда въ Англіи даются такія спеціальныя полномочія, то обыкновенно съ этимъ связываютъ и предоставленіе права спеціальнаго обложенія. Увеличеніе, путемъ ли частныхъ биллей или временныхъ правилъ (они называются приказами совѣта мѣстнаго управленія), административныхъ полномочій городской общины всегда сопровождается увеличеніемъ ея финансовыхъ полномочій (см. Редлихъ, т. I, стр. 424).

Знатоки англійскаго мѣстнаго самоуправленія высоко цѣнятъ преимущества, какія имѣетъ верховный контроль парламента надъ муниципальнымъ управленіемъ. «Парламентъ, въ его комиссіяхъ, обсуждающихъ мѣстные билли—пишетъ Редлихъ (т. I, стр. 425)—есть единственный форумъ, передъ которымъ жители города, въ лицѣ ихъ представителей, должны доказать настоятельность тѣхъ потребностей управленія, къ удовлетворенію которыхъ они стремятся. Высшій надзоръ надъ управленіемъ городскихъ общинъ принадлежитъ *не бюрократическимъ государственнымъ органамъ*,

а исключительно имперскому парламенту, въ его своеобразной функціи высшаго административнаго органа, призваннаго обсуждать и рѣшать вопросы о сталкивающихся интересахъ общественныхъ и частныхъ, поскольку такое столкновеніе возникаетъ при проведеніи мѣстныхъ биллей». Такимъ порядкомъ,—думаетъ Редлихъ,—достигается жизненная связь между общимъ самоуправленіемъ націи, представляемымъ парламентомъ, и самоуправленіемъ мѣстныхъ союзовъ.

Въ ст. 6-й «Проекта Городового Положенія», составленнаго комиссіею 1905 г., говорится о томъ, что городское общественное управленіе въ предѣлахъ своего вѣдомства можетъ издавать *обязательныя постановленія*, содержаніе которыхъ не должно противорѣчить требованіямъ закона. Право изданія такихъ обязательныхъ постановленій предоставлено городамъ и дѣйствующимъ «Положеніемъ объ общественномъ управленіи Петербурга» (ст. 99-я и 100), съ оговоркой), что издаваемыя думой постановленія не должны ни въ чемъ противорѣчить существующимъ законамъ. Въ этомъ отношеніи городовое положеніе Петербурга пользуется тѣмъ же правомъ, какое англійскіе города осуществляютъ изданіемъ такъ называемыхъ «бай-лосъ»—буквально «призаконій». Но, тогда какъ въ Англіи 23-я статья «Городового Положенія», узаконяя ранѣе установившуюся практику, гласитъ: «*совѣтъ можетъ издавать время отъ времени обязательныя постановленія, которыя кажутся ему нужными для хорошаго управленія городомъ и для предупрежденія и пресѣченія нестроеній и безпорядковъ*, въ дѣйствующемъ законѣ у насъ перечисляются предметы, по которымъ городское общественное управленіе можетъ издавать обязательныя постановленія. Этотъ перечень далеко не является исчерпывающимъ, и въ новыхъ законахъ приходится восполнять его. Такъ, законъ о праздничномъ отдыхѣ приказчиковъ, недавно проходившій черезъ Г. Думу и Г. Совѣтъ, говоритъ о правѣ городскихъ думъ издавать общеобязательныя постановленія касательно воскреснаго и праздничнаго отдыха. Новый законъ о борьбѣ съ пьянствомъ также поднимаетъ вопросъ объ обязательныхъ постановленіяхъ. Расширеніе сферы вѣдѣнія городского управленія дополнительными законами предусмотрѣно въ § 12 второй статьи «Положенія объ общественномъ управленія С.-Петербурга», за силою которой къ предметамъ вѣдомства общественнаго управленіи принадлежатъ и дѣла, предоставленныя вѣдѣнію общественнаго управленія на основаніи особыхъ законоположеній и уставовъ. При составленіи новаго городового положенія могутъ либо восполнить списокъ вопросовъ, по которымъ городская дума можетъ издавать обязательныя постановленія, либо формулиро-

вать такъ же широко, какъ въ Англіи, право городской думы издавать непротиворѣчащія закону обязательныя постановленія. Это можно было бы сдѣлать примѣнительно къ первой статьѣ «Положенія объ Общественномъ Управленіи города С.-Петербурга, сказавъ, *что общественное управленіе Петербурга можетъ издавать согласныя съ законами обязательныя постановленія, имѣющія отношеніе къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ.*

Считаю нужнымъ отмѣтить, что въ Англіи *административному контролю дѣятельность муниципальныхъ совѣтовъ по изданію обязательныхъ постановленій не подлежитъ.* Но парламентъ можетъ, путемъ изданія закона, отмѣнить всякое обязательное постановленіе, да и суды могутъ лишить его силы, какъ противорѣчащее закону, при чемъ отмѣняется не все обязательное постановленіе, а только тѣ его нормы, которыя признаны будутъ незаконными.

Полиція безопасности совершенно изъята изъ сферы вѣдѣнія городскихъ общественныхъ управленій и, въ частности,—управленія Петербурга. Въ Англіи города имѣютъ право держать свои полицейскія команды (municipal police bands). Контроль со стороны мѣстной муниципальной полиціи государственныхъ органовъ наступаетъ только тогда, когда городъ на издержки по *устройству своей муниципальной полиціи получаетъ отъ казны половину необходимыхъ средствъ.* Со времени реорганизаціи англійской полиціи города имѣютъ право на возмѣщеніе изъ государственнаго казначейства половины всѣхъ издержекъ на полицію, но при условіи, что городская община ежегодно будетъ допускать къ инспекціи всего своего полицейскаго дѣла чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, и послѣдній, послѣ производства провѣрки, будетъ выдавать полицейскому управленію города свидѣтельство о достаточности личнаго состава и о его пригодности для осуществленія задачъ полиціи. Если бы городъ отказался отъ государственной субсидіи, то отпало бы и право инспекціи. На практикѣ, по словамъ Редлиха, ни одинъ муниципальный городъ не воспользовался этой возможностью избѣжать высшаго административнаго надзора за его полиціей. Министерство внутреннихъ дѣлъ (Home office) имѣетъ право, въ силу доклада своего инспектора, отказать въ выдачѣ удостовѣренія, на основаніи котораго городская община получаетъ субсидію на содержаніе полиціи. Городъ осуществляетъ свои функціи по полиціи безопасности съ помощью особаго комитета (Watch comittee); высшія исполнительная власть принадлежитъ *старшему констеблю*, являющемуся главою городской полиціи. Комитетъ, по общему правилу, довольствуется тѣмъ, что издаетъ, при участіи старшаго констебля,

общія распоряженія по полиціи и расматриваетъ предположенія относительно увеличенія состава полиціи и опредѣленія размѣра вознагражденія ея членовъ. Постановленія, имѣютъ силу лишь при *послѣдующемъ ихъ одобреніи со стороны городского совѣта.* Техническое руководство полицейской службой всецѣло въ рукахъ старшаго констебля. Въ этомъ отношеніи его дѣятельность не подлежитъ контролю комитета, имѣющаго право давать ему лишь общія указанія; напр., по отношенію къ полиціи нравовъ.

Во Франціи, какъ извѣстно, полиція безопасности сосредоточена всецѣло въ рукахъ государственныхъ органовъ; въ Парижѣ, въ частности, она подчинена полицейскому префекту, непосредственно зависящему отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Самоуправленіе городское въ Бельгіи или въ Голландіи, по справедливому замѣчанію Алберта Шо, въ большей или меньшей степени приближается къ французскому образцу. Въ Германіи, по словамъ Альберта Шо, *полицейская власть разсматривается, какъ функція государства, и осуществляется подъ контролемъ административныхъ органовъ. Издержки по полиціи* въ большихъ городахъ, по общему правилу, *несетъ государство.* Только въ нѣкоторыхъ городахъ въ этихъ издержкахъ принимаютъ участіе муниципалитеты. Въ Берлинѣ городскія власти содержатъ ночную стражу, но общая полиція въ своей организаціи отнесена къ области государственной службы. По вопросу о томъ, должна ли полицейская администрація принадлежать городскимъ органамъ или содержаться на счетъ государства, общественное мнѣніе Германіи раздѣлено. Многіе—сторонники городского самоуправленія отдаютъ предпочтеніе тому, чтобы полицейская служба была построена на половинныхъ началахъ и поставлена подъ контроль политической власти.

Такъ какъ есть основаніе предвидѣть, что и въ Россіи эта точка зрѣнія, по причинамъ политическаго характера, найдетъ многихъ приверженцевъ, то, можетъ быть, при обсужденіи вопроса о правѣ городского общественнаго управленія держать особую полицейскую стражу, благоразумно было бы ограничить на первыхъ порахъ ея функціи *осуществленіемъ только тѣхъ задачъ, которыми въ послѣднее время обременяется государственная полиція,* но которыя прямо не входятъ въ ея роль охранительницы спокойствія, тишины и порядка.

При прохожденіи, въ Государственномъ Совѣтѣ закона о борьбѣ съ пьянствомъ возбужденъ былъ вопросъ о томъ, на кого возложить исполнительныя функціи по предмету надзора за соблюденіемъ постановленій противъ корчемства. Когда проходилъ въ нашихъ палатахъ и, въ частности, въ Государственномъ Совѣтѣ законъ о

воскресномъ и праздничномъ отдыхѣ, также ставился и въ комиссіи, и въ общемъ собраніи вопросъ о томъ, на кого возложить надзоръ за закрытіемъ торговыхъ заведеній въ опредѣленные дни и часы и за исполненіемъ другихъ нормъ, проводимыхъ тѣмъ же закономъ. Я лично высказывался въ томъ смыслѣ, чтобы такія обязанности были предоставлены зависящей отъ городского общественнаго управленія полицейской стражѣ. Такъ какъ при предстоящей реформѣ полиціи имѣется въ виду освободить ее, по возможности, отъ тѣхъ дополнительныхъ полномочій, которыя она получила почти во всѣхъ законахъ, нормирующихъ тѣ или другія порядки управленія, и свести ея функціи къ осуществленію главной задачи — охраненія порядка и спокойствія, то, можетъ быть, было бы своевременно поднять и со стороны городского общественнаго управленія вопросъ о томъ чтобы эти, такъ сказать, дополнительныя функціи полиціи были поручены содержимымъ городами органамъ полицейской стражи. Дать сразу перечень всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые въ такомъ случаѣ вошли бы въ вѣдѣніе городской полиціи, я бы затруднился. Для примѣра укажу: надзоръ за сохраненіемъ трезвости на улицахъ и площадяхъ, надзоръ за соблюденіемъ запрета такъ называемой французами traite des blanches, надзоръ за закрытіемъ торговыхъ заведеній въ опредѣленные дни и часы, надзоръ за базарами и ярмарками, надзоръ за соблюденіемъ мѣръ общественной гигіены и мѣръ безопасности отъ пожаровъ. При возложеніи на городское общественное управленіе обязанности содержать полицейскую стражу со всѣми вышеуказанными полномочіями, справедливо было бы ожидать отъ правительства, по англійскому образцу, и извѣстной денежной помощи. Въ Англіи, какъ мы видѣли, эта помощь состоитъ въ принятіи на себя государствомъ половины издержекъ. Она могла бы получить и иной характеръ: уступки государствомъ въ пользу города извѣстныхъ налоговъ (скажемъ для примѣра—квартирнаго налога).

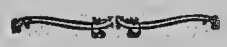
Правомъ заключать займы города пользуются и въ настоящее время; я хочу только указать, что очень широкое въ другихъ отношеніяхъ городское самоуправленіе въ Англіи въ дѣлѣ производства займовъ въ значительной степени стѣснено слѣдующими нормами (см. Редлихъ, стр. 420-я): 1) каждый городской заемъ нуждается въ предварительномъ одобреніи Local governement board; 2) каждый заемъ долженъ быть сполна погашенъ въ теченіе 30-ти лѣтъ; 3) въ пользу кредиторовъ города установлено право получать въ залогъ недвижимыя имущества города, и, кромѣ того, кредиторы обезпечены всѣми поступленіями отъ городскихъ налоговъ; 4) заключать займы можно только для полученія средствъ,

необходимыхъ для пріобрѣтенія участковъ подъ городскія постройки и для сооруженія городскихъ зданій и мостовъ. Позднѣйшіе законы, расширяя компетенцію городскихъ общинъ, предоставили имъ и право заключенія займовъ, въ связи съ новыми полномочіями, на нихъ возложенными. Законъ 1875 г. о мѣстныхъ займахъ и новелла къ нему 1890 г. установили право городовъ выпускать городскія облигаціи; прежде такое право каждый разъ предоставлялось путемъ спеціальнаго закона. Подобно тому—говоритъ Редлихъ,—какъ путемъ парламентскаго акта городской общинѣ могутъ быть предоставлены новыя административныя полномочія, парламентъ можетъ одновременно разрѣшить ей и производство займа для полученія необходимыхъ средствъ для осуществленія этихъ полномочій. Отъ парламента зависитъ удлинить срокъ погашенія займа далѣе 30-ти лѣтъ. Я полагаю, что въ отношеніи къ займамъ нельзя быть достаточно осторожнымъ; но въ то же время мнѣ кажется, что самый фактъ утвержденія законодательной властью или, точнѣе, дарованіе городу права заключать отъ своего имени заемъ для опредѣленной цѣли, въ законѣ выраженной, является уже вполнѣ достаточной гарантіей.

Немало другихъ, столь же важныхъ вопросовъ требовали бы такого же освѣщенія. Возьмемъ, для примѣра, хотя бы вопросъ объ избирательномъ правѣ. Въ нашей законодательной дѣятельности мы постоянно встрѣчаемся съ заявленіемъ, нерѣдко исходящемъ отъ лицъ, сидящихъ на правой сторонѣ нашихъ палатъ, что городская дума не представляетъ собой всего населенія и что за нею, поэтому, нельзя признать того права ходатайства предъ правительствомъ отъ имени всего населенія, какое имѣетъ сельскій сходъ. Весьма недавно такими соображеніями поддерживаема была въ одной изъ комиссій Госуд. Совѣта мысль о томъ, что городъ и его думу нельзя привлечь къ борьбѣ съ алкоголизмомъ, въ которой сельскіе сходы примутъ дѣятельное участіе, путемъ постановленій о закрытіи винныхъ лавокъ. Съ такими возраженіями приходится считаться—но какъ ихъ избѣжать на будущее время иначе, какъ путемъ расширенія избирательнаго закона? Примѣръ Англіи и въ этомъ отношеніи полезно было бы принять во вниманіе. Она, правда, ощупью шла въ постепенномъ расширеніи основъ городского представительства, но никогда не отступала отъ того начала, которое на русскомъ языкѣ можно назвать представительствомъ квартиронанимателей. Пониженіе у насъ квартирнаго ценза хотя до тѣхъ размѣровъ, до которыхъ онъ доведенъ въ Англіи при политическихъ выборахъ (10 фунтовъ въ годъ или 100 рублей), было бы уже значительнымъ шагомъ впередъ.

Многіе другіе вопросы нашли бы болѣе широкую постановку при пользованіи матеріаломъ иностранныхъ законодательствъ. Едва ли, напр., у кого-либо осталось бы сомнѣніе въ томъ, что городу принадлежитъ право выработки самостоятельнаго проекта городской реформы. Органы городского самоуправленія, какъ непосредственно заинтересованные въ правильномъ ходѣ городского хозяйства, несомнѣнно имѣютъ право обращать вниманіе правительства на необходимость тѣхъ или иныхъ реформъ въ области городского самоуправленія. Только при взаимномъ обмѣнѣ услугъ между органами самоуправленія и центральной администраціей возможенъ правильный ходъ общественной жизни. Безъ внутренней гармоніи и дружнаго сотрудничества, при нескончаемыхъ преніяхъ между городскими думами, губернаторами и градоначальниками, трудно ожидать скораго развитія нашего городского хозяйства.

Максимъ Ковалевскій.



ФАТАЛЬНЫЙ СОЮЗЪ.

Въ былое время дипломаты мечтали о союзахъ для огражденія безопасности и спокойствія своихъ государствъ. Германія гарантировала себя союзомъ съ Австро-Венгріей и Италіей на случай нападенія Франціи и Россіи; Франція соединилась съ Россіею, чтобы обезпечить себя отъ притязаній Германіи; Англія для той же цѣли примкнула къ франко-русскому союзу. Эти союзныя комбинаціи имѣли оборонительный характеръ, пока онѣ не выходили изъ круга компетенціи дипломатическихъ кабинетовъ; но съ теченіемъ времени онѣ постепенно мѣняли свой смыслъ и значеніе, подъ вліяніемъ непомѣрнымъ германскихъ вооруженій, и дѣлались предметомъ дополнительныхъ военныхъ конвенцій, спеціальныхъ военныхъ соглашеній и совѣщаній. Усилія германскаго военнаго вѣдомства давали союзамъ опредѣленное направленіе, которое допускало не только оборонительную, но и предупредительную наступательную войну, въ зависимости отъ степени боевой готовности и отъ соотношенія вооруженныхъ силъ обѣихъ группъ военныхъ державъ — тройственнаго союза и тройственнаго согласія. Прежнія миролюбивыя дипломатическія соображенія уступили мѣсто военнымъ расчетамъ, причемъ самыя цѣли союзовъ становились

все болѣе конкретными и агрессивными. Преобладаніе военной точки зрѣнія выразилось въ лихорадочномъ соперничествѣ государствъ по части вооруженій и въ неустанной погонѣ за численнымъ и техническимъ перевѣсомъ надъ возможнымн противниками.

Союзы перестали обезпечивать миръ, а напротивъ, послужили источникомъ хронической тревоги въ Европѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ все чаще и сильнѣе выступала въ нихъ одна странная черта: союзныя державы, принадлежащія къ болѣе «готовой» въ данный моментъ группѣ, пускали въ ходъ свое мнимое или дѣйствительное преимущество для достиженія извѣстныхъ политическихъ цѣлей путемъ угрозы немедленной войною. Къ политикѣ примѣшался элементъ рискованной азартной игры. Опираясь на увѣренность, что Франція или Россія не сдѣлаютъ рокового шага, ведущаго къ европейской войнѣ, Германія и Австро-Венгрія могли дѣйствовать навѣрняка, предъявляя свои категорическія требованія и угрожая разрывомъ въ случаѣ непринятія ихъ. Такъ какъ мысль о военной катастрофѣ пугала менѣе подготовленныхъ противниковъ, то они тотчасъ отступали во имя сохраненія мира. Для успѣха этой тактики запугиванья было молчаливо условлено, что союзные кабинеты будутъ своевременно заявлять о своей безусловной солидарности при каждомъ конфликтѣ съ третьею державою, т. е. съ Россіею или Франціею. Пользуясь этой своеобразною системою международнаго шантажа, Австро-Венгрія успѣшно разрѣшила по своему цѣлый рядъ вопросовъ, задѣвавшихъ чужіе интересы на Балканскомъ полуостровѣ,—объ аннексіи Босніи и Герцеговины, о недопущеніи сербовъ къ Адріатикѣ, о расширеніи албанской территоріи насчетъ Сербіи и Греціи, объ отнятіи города Скутари у черногорцевъ для передачи его албанцамъ. Державы, несогласныя съ Австро-Венгріею, конфиденціально предупреждались Германіею, что имъ придется имѣть дѣло съ вооруженными силами обѣихъ союзныхъ странъ; а для того, чтобы это предупрежденіе могло быть оправдано въ случаѣ надобности, принимались усиленныя военныя мѣры.

Повидимому, австрійцы извлекали изъ этой политики значительныя и существенныя выгоды, а бремя жертвъ и затратъ лежало главнымъ образомъ на нѣмцахъ. Германское правительство, въ лицѣ бездарнаго канцлера Бетманъ-Гольвега, фактически отказалось отъ какихъ бы то ни было самостоятельныхъ взглядовъ по дѣламъ Ближняго Востока и предоставило Австро-Венгріи свободно распоряжаться въ этой области отъ имени тройственнаго союза. Весь международный авторитетъ Германіи отдавался на Балканахъ въ безконтрольное распоряженіе австрійцевъ, вопреки традиціямъ Бисмарка и его ближайшихъ преемниковъ. Германія санкціонировала, наконецъ, послѣднее возмутительное австрійское предпріятіе,—внезапное нападеніе на Сер-

бію подъ предлогомъ наказанія за убійство эрцгерцога Франца-Фердинанда, совершенное будто бы при участіи и сочувствіи нѣкоторыхъ сербскихъ подданныхъ.

Безпристрастные нѣмецкіе обыватели задумывались уже надъ вопросомъ: почему Германія должна приносить жертвы и употреблять чрезвычайныя усилія для пользы Австро-Венгріи и по ея усмотрѣнію, въ явный ущербъ своимъ собственнымъ интересамъ? Нуженъ ли вообще нѣмцамъ тройственный союзъ и не лучше ли было бы обойтись безъ него? Такой нескромный вопросъ ставитъ себѣ нѣкій прусскій «правительственный совѣтникъ» въ вышедшей недавно небольшой, но весьма содержательной и любопытной брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Сильный могущественнѣе всего—одинъ» (Der Starke ist am mächstigsten allein). Въ качествѣ должностного лица анонимный авторъ разсуждаетъ съ большой осторожностью, опасаясь вызвать неудовольствіе вліятельныхъ сферъ; но онъ справедливо находитъ, что 65-милліонный нѣмецкій народъ достаточно зрѣлъ для свободнаго и публичнаго обсужденія подобныхъ вопросовъ, которые издавна безпрепятственно разбираются въ печати другихъ странъ—въ Англіи, Франціи и даже Россіи». Можно ли—спрашиваетъ авторъ—считать тройственный союзъ и на будущее время единственнымъ или наилучшимъ способомъ къ сохраненію всеобщаго мира, котораго никто такъ сильно не желаетъ какъ подавляющее большинство германскаго народа съ императоромъ во главѣ? И не указываютъ ли неожиданности недавняго прошлаго на необходимость новой оріентировки нѣмецкой союзной политики? Цѣлью этой политики было и остается сохраненіе почетнаго мира, позволяющаго германской націи развиваться въ культурномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Этой основной задачѣ должна служить и берлинская дипломатія. Союзы суть не цѣли, а только средства къ поставленнымъ цѣлямъ. Политику союзовъ надо вести такъ же трезво и разсчетливо, какъ политику синдикатовъ или кооперативныхъ обществъ. Англичане хладнокровно взвѣшиваютъ каждый разъ выгоды своихъ союзныхъ отношеній съ японцами; итальянцы подробно оцѣниваютъ значеніе тройственнаго союза для своего отечества. Такъ же точно и пресса дунайской монархіи усердно обсуждаетъ цѣнность австро-германскаго союза и часто позволяетъ себѣ при этомъ суровую критику по отношенію къ германскому союзнику, который, по мнѣнію австрійцевъ, все еще недостаточно сдѣлалъ для Австро-Венгріи за послѣдніе годы; и та же пресса тотчасъ поднимаетъ шумъ, когда и съ нѣмецкой стороны кто-нибудь осмѣлится указать на тѣ или другія неудобныя послѣдствія этого союза». Между тѣмъ нѣмцы обязаны думать и о своихъ собственныхъ интересахъ, не всегда совпадающихъ съ австрійскими. При извѣстныхъ условіяхъ

Германія могла бы принести больше пользы себѣ самой и всеобщему миру, еслибы формальнаго союза съ Австро-Венгріею не существовало. Для борьбы противъ Франціи она не нуждается въ союзникахъ; противъ Англіи мало помогло бы участіе незначительнаго австрійскаго флота; противъ Россіи австрійцы—недостаточно надежные и отчасти стѣснительные союзники, такъ какъ они-то и являются всегдашними врагами и соперниками русскаго вліянія на Балканахъ. Австро-русская распря имѣетъ длительный характеръ, и если такой постоянный конфликтъ угрожаетъ австрійцамъ, то онъ грозитъ и Германіи, пока она находится въ союзѣ съ Австріею. Только изъ-за этого союза вліятельныя русскія сферы относятся враждебно и недовѣрчиво къ Германіи, сближаются съ Франціею, готовятся къ войнѣ съ нѣмцами, какъ къ неотвратимому событію будущаго, отрекаются отъ традиціоннаго соперничества съ англичанами въ Азіи и вовлекаютъ Англію въ кругъ тройственнаго согласія. Австро-германскій союзъ—продолжаетъ авторъ—есть коренная причина русской вражды къ Германіи. То же мы видимъ и въ Румыніи, которая противъ своей воли должна отворачиваться отъ нѣмцевъ и искать сближенія съ Россіею въ виду систематическихъ преслѣдованій румынской народности въ предѣлахъ Австро-Венгріи. А вражда съ Россіей неразрывно связана для нѣмцевъ съ страшными хозяйственными потерями и заботами; между прочимъ она дѣлаетъ крайне затруднительнымъ веденіе переговоровъ о будущемъ русско-германскомъ торговомъ трактатѣ. Сами австрійцы смотрятъ косо на успѣхи нѣмецкой торговли въ Сербіи и въ другихъ странахъ Балканскаго полуострова; они требуютъ для себя жертвъ отъ Германіи, но съ своей стороны не расположены дѣлать ей какія-бы то ни было уступки.

Положеніе нѣмцевъ было бы гораздо проще и лучше при отсутствіи австро-германскаго союза. Старинная политическая близость Пруссіи съ Россіею, общность культурныхъ и промышленныхъ интересовъ, вѣковыя традиціи добрыхъ сосѣдскихъ отношеній, —все это создавало благопріятную почву для твердаго взаимнаго мира и довѣрія. Германія—говоритъ прусскій «правительственный совѣтникъ»—не имѣла и не имѣетъ притязанія на какія-либо русскія земли; Россія едва ли можетъ желать присоединенія прусскихъ польскихъ областей, которыя только увеличили бы для нея трудность польскаго вопроса. Въ хозяйственномъ отношеніи Германія съ ея быстро развивающеюся крупною промышленностью могла бы отлично сойтись съ преимущественно земледѣльческою Россіею. До сихъ поръ русскіе финансы имѣли надежную опору во Франціи; тамъ они въ изобиліи подкрѣплялись капиталами, которые и остаются въ Россіи, но и непрерывно богатѣющая Германія могла бы все въ большей мѣрѣ удовлетворять русскую потребность въ день-

гахъ, если бы обѣ страны поддерживали между собою прежнюю дружбу. И теперь много русскихъ цѣнностей имѣется въ германскихъ рукахъ. «Что мѣшаетъ намъ—разсуждаетъ авторъ далѣе—дать принципіальное согласіе на открытіе для Россіи свободнаго прохода черезъ Дарданеллы? Только дружба съ Австріею. Въ Турціи, вопреки германскимъ военнымъ инструкторамъ, преобладаетъ британское вліяніе, французскій капиталъ и страхъ передъ Россіею. Размѣры нашего сбыта на Ближнемъ Востокѣ нисколько не уменьшились бы съ открытіемъ прохода черезъ Дарданеллы... Вмѣсто согласія съ нашей стороны, Россія постоянно видитъ теперь фактъ австро-германскаго союза и тотъ дальнѣйшій фактъ, что мы идемъ даже за предѣлы союза и считаемъ себя обязанными морально поддерживать Австрію во всѣхъ балканскихъ дѣлахъ. Но еще Бисмаркъ утверждалъ, что въ задачи Германской имперіи вовсе не входитъ обязанность жертвовать кровью и достояніемъ своихъ подданныхъ для исполненія австрійскихъ желаній. И чѣмъ могла бы насъ отблагодарить Австрія, какія выгоды доставила она намъ до сихъ поръ и какія можетъ она принести въ будущемъ? Сомнительно, чтобы это было что-нибудь реальное».

Прекращеніе австро-германскаго союза сразу измѣнило бы характеръ отношеній между Германіей и Россіею и положило бы конецъ общей воинственной тревогѣ въ Европѣ; но оно не означало бы отказа Германіи отъ всякой солидарности съ Австро-Венгріею. Въ отдѣльныхъ случаяхъ германское правительство попрежнему оказывало бы поддержку вѣнскому кабинету, если послѣдній сохранялъ бы дружескія связи съ Германіею и не преслѣдовалъ бы явно агрессивныхъ цѣлей на Балканахъ. «Мы лучше и объективнѣе—говоритъ авторъ—могли бы выступать посредниками, чѣмъ теперь, когда мы въ глазахъ русскихъ всегда являемся заинтересованной стороной, въ качествѣ союзниковъ Австріи. Опасеніе, что при отсутствіи союза образовалась бы черезчуръ сильная славянская держава, опасная для самихъ нѣмцевъ, не имѣетъ подъ собою серьезной почвы, ибо южные славяне вовсе не стремятся слѣпо подпасть подъ власть Россіи и не всегда выказывали ей должную признательность за освобожденіе отъ турецкаго ига. Въ самой Австріи, разумѣется, отказъ отъ союза возбудилъ бы раздраженіе, но невозможность сблизиться съ другими державами—Россіей, Франціей и Италіей—заставила бы Австро-Венгрію въ концѣ концовъ примириться съ совершившеюся перемѣною, вести себя спокойно во внѣшней политикѣ и удѣлять больше вниманія своимъ разстроеннымъ внутреннимъ дѣламъ и отношеніямъ, что было бы не безполезно для дунайской монархіи, какъ и для интересовъ общаго мира. Прекращеніе союза доставило бы Германіи весьма существенныя выгоды; оно позволило бы ей возстановить старую русско-германскую дружбу,

способствовало бы развитію и оживленію торгово-промышленныхъ оборотовъ съ Россіею и избавило бы нѣмцевъ отъ чрезмѣрныхъ заботъ о безопасности восточной границы. Этимъ усилились бы и шансы прочнаго мира съ Франціею, такъ какъ безъ союзниковъ французы перестали бы думать о возмездіи. Во всякомъ случаѣ Германія освободилась бы отъ тяжелой обязанности быть готовою въ каждый данный моментъ, если не въ силу союзнаго договора, то по чувству воображаемаго нравственнаго долга, участвовать во всѣхъ балканскихъ вопросахъ и замѣшательствахъ, въ какія пожелаютъ ее вовлечь австрійцы. Именно изъ за-этихъ вѣчныхъ затрудненій на Балканахъ нѣмцы постоянно подвергаются опасности войны и впутываются въ разные политическіе кризисы, чтобы вытаскивать австрійскіе каштаны изъ огня. Германская дипломатія, обремененная австрійскимъ союзомъ, находитъ себя вынужденною заступаться не за нѣмецкіе, а за австрійскіе балканскіе интересы, чѣмъ періодически вызываетъ противъ себя неудовольствіе въ Петербургѣ, Букарештѣ, Лондонѣ. Формальный союзъ съ Австріею лишаетъ нѣмецкую политику единства, послѣдовательности, твердости, довѣрія Россіи, Румыніи, отчасти Италіи, и отнимаетъ у нѣмцевъ сознаніе успѣшности и цѣлесообразности ихъ международной политической дѣятельности. Не будь австро-германскаго союза, значительно укрѣпилась бы близость съ Италіею, которая до сихъ поръ чувствуетъ искусственность своей номинальной союзной связи съ австрійцами". Въ заключеніе авторъ приходитъ къ выводу, что при современномъ міровомъ положеніи самое лучшее для Германіи—быть одной, безъ союзниковъ. „Шансы войны, по всей вѣроятности, уменьшились бы; виды на спокойное, мирное развитіе возросли бы. Намъ не нужны коалиціи для наступательной войны, ибо къ такой войнѣ не стремится ни оффиціальная Германія, ни подавляющее большинство націи". Тройственный союзъ, какъ разъяснилъ въ своихъ воспоминаніяхъ князь Бисмаркъ, есть „стратегическая позиція, удобная и желательная при данныхъ обстоятельствахъ", но вовсе не разсчитанная на вѣчное существованіе, и было бы ошибочно принимать ее за обязательную и неизмѣнную основу германской политики въ будущемъ.

Эти скромныя замѣчанія анонимнаго „правительственнаго совѣтника", подкрѣпляемыя часто авторитетомъ „желѣзнаго канцлера", показываютъ, что даже въ умѣренной части нѣмецкаго общества сознавалось опасное значеніе австрійскаго союза для мирныхъ интересовъ Германіи. Тройственный союзъ не только не служилъ гарантіей мира въ Европѣ, но постоянно самъ создавалъ опасность войны. Австро-Венгрія никогда не выступала бы такъ рѣзко и высокомѣрно на Балканахъ, если-бы она не имѣла всегдашней твердой опоры въ Берлинѣ: мало-по-малу она превратила германскую дипломатію въ свое

пассивное орудіе и сумѣла довести ее до такихъ рѣшеній, которыя шли совершенно въ разрѣзъ съ насущными интересами и потребностями Германіи. Берлинскій кабинетъ съ удивительною настойчивостью одобрялъ и поддерживалъ всѣ австрійскія начинанія и предпріятія, рискуя разстроить этимъ свои мирныя международныя отношенія; онъ какъ будто потерялъ свою самостоятельность по отношенію къ Австріи и послушно слѣдовалъ за нею въ области внѣшней и особенно балканской политики,—и въ то же время онъ давалъ чувствовать всей Европѣ, что вопросъ о мирѣ или войнѣ зависитъ всецѣло отъ германскаго правительства. Если вѣрить автору разбираемой нами брошюры, оффиціальная Германія и огромное большинство нѣмецкаго народа не желали наступательной войны; но чѣмъ объяснить тогда внезапную рѣшимость напасть на Россію за то, что послѣдняя протестовала противъ австрійскаго нападенія на Сербію? Гдѣ въ это время была миролюбивая оффиціальная Германія и огромное большинство нѣмецкаго народа? Очевидно, вызывающія дѣйствія Австро-Венгріи объяснялись незыблемой вѣрою въ союзную имперію, а германское правительство оправдало эту вѣру до конца, безъ всякихъ колебаній и сомнѣній. Идея союза давала широкій просторъ и размахъ австрійской иниціативѣ, и эта же идея побуждала Германію проявлять неизмѣнную солидарность съ Австро-Венгріею.

Находясь во главѣ тройственнаго союза, берлинскій кабинетъ въ теченіе многихъ лѣтъ привыкъ играть первенствующую роль въ Европѣ и утратилъ способность относиться съ должнымъ вниманіемъ и уваженіемъ къ другимъ державамъ, хотя бы вполнѣ равноправнымъ и равносильнымъ; это ясно отразилось въ поведеніи и пріемахъ германской дипломатіи во время памятныхъ всѣмъ кризисовъ, отчасти ею-же вызванныхъ. Германія дѣйствовала грубо и рѣзко, категорически заявляя свои требованія и условія, заставляя всѣхъ дѣлать ей уступки и безцеремонно отклоняя всякія предложенія, направленныя къ обезпеченію общаго мира и справедливости въ международныхъ отношеніяхъ; такъ она поступала относительно Россіи въ боснійскомъ вопросѣ, относительно Франціи—въ марокскомъ вопросѣ, относительно Англіи и всѣхъ другихъ державъ—въ вопросахъ о сокращеніи вооруженій, объ обязательномъ третейскомъ судѣ для разрѣшенія международныхъ споровъ и объ усовершенствованіи началъ и обычаевъ международнаго права. Такъ и въ послѣднемъ кризисѣ, возбужденномъ австрійцами, она удивляла всѣхъ своею надменною уклончивостью въ началѣ и своею неожиданною грубостью въ концѣ. Приписывая себѣ преимущество силы, она отвергала всякіе принципы права и корректности въ международныхъ отношеніяхъ, и это придаетъ ея политикѣ крайне непріятный, несимпатичный оттѣнокъ.

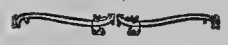
Еще болѣе противны такія неумѣренныя политическія притязанія и замашки со стороны Австро-Венгріи, опирающейся главнымъ образомъ на чужую силу. Союзъ, созданный первоначально для обороны, извратилъ политику союзниковъ, сдѣлалъ ее вызывающею и непримиримою, искусственно создалъ цѣлый рядъ опасныхъ кризисовъ въ Европѣ и наконецъ привелъ къ катастрофѣ, которая еще недавно казалась совершенно немыслимою и невѣроятною. Безцвѣтные преемники Бисмарка выпустили изъ рукъ придуманное имъ политическое орудіе и отдали его въ распоряженіе небольшого кружка высокопоставленныхъ военныхъ спеціалистовъ, оставивъ за собою только робкій совѣщательный голосъ, умолкавшій передъ указаніями на чисто-военные стратегическіе разсчеты. Вожди арміи рѣшали по своему вопросы мира и войны, внѣ зависимости отъ соображеній дипломатіи и желаній огромнаго большинства народа; дипломатамъ предоставлялось только формулировать и оправдывать рѣшенія, къ которымъ пришли военные распорядители, а народу оставалось лишь устраивать патріотическія манифестаціи послѣ того, какъ сдѣланы были уже безповоротные шаги къ роковой развязкѣ. Вотъ къ чему приводила психологія тройственнаго союза, при отсутствіи сознательной, разумной и отвѣтственной національной политики во внѣшнихъ дѣлахъ.

Иную судьбу и другой характеръ имѣла политическая комбинація, противопоставленная тройственному союзу, — франко-русскій союзъ и тройственное соглашеніе. Французы, правда, не отказывались отъ надежды получить Эльзасъ обратно при благопріятномъ поворотѣ событій, но фактически они никогда не обнаруживали желанія предпринимать что-либо реальное въ этомъ направленіи, а неопредѣленныя надежды не могутъ давать матеріала для какихъ-либо серьезныхъ политическихъ заявленій и обязательствъ. На практикѣ Франція доказала свое отреченіе отъ идеи реванша, занявшись крупными колоніальными предпріятіями и пріобрѣтеніями, которыя должны были съ одной стороны служить замѣною утраченной территоріи, а съ другой—направить политическую дѣятельность въ новое русло, вдали отъ тягостныхъ франко-германскихъ счетовъ и традицій; между тѣмъ именно на этомъ поприщѣ колоніальной политики, отвлекающей французовъ отъ мысли объ Эльзасѣ, Германія враждебно выступала противъ Франціи и вносила непріязненное соперничество въ такія области, гдѣ для него вовсе не было подходящей почвы. О какомъ-либо миролюбивомъ соглашеніи обѣихъ странъ относительно ограниченія вооруженій не могло быть и рѣчи при подобномъ характерѣ германской политики; самое торжественное отреченіе отъ эльзасскихъ надеждъ было бы безцѣльно и привело бы только къ излишнему униженію Франціи.

Франко-русскій союзъ, какъ былъ оборонительнымъ съ самаго на-

чала, такъ и оставался имъ до конца, хотя военныя соображенія играли въ немъ все болѣе крупную роль, подъ вліяніемъ необычайныхъ военныхъ мѣропріятій Германіи. Ни Франція, ни Россія не проявляли готовности дѣйствовать агрессивно противъ кого бы то ни было, за все время существованія союза; онѣ не разъ отступали передъ угрозами берлинскаго кабинета, но никогда не предъявляли неумѣренныхъ требованій, не поощряли и не поддерживали несправедливыхъ притязаній, не нарушали хорошаго тона и традиціонныхъ приличій въ международной политикѣ. Точно такъ-же и политика Англіи никогда не была вызывающею или воинственною, со времени установленія системы тройственнаго согласія. Что касается миролюбія Россіи, то оно вытекаетъ не только изъ всего міровоззрѣнія русскаго народа, но и изъ давнихъ традицій, идей и привычекъ русской дипломатіи. Тройственное согласіе уже по своему составу и направленію не могло представлять опасность для общаго мира, которому непрерывно и настойчиво угрожалъ тройственный союзъ, претендовавшій на гегемонію въ Европѣ. Противъ этой гегемоніи и вынуждены были возстать великія державы, связанныя общими интересами, во имя огражденія независимости и равноправія большихъ и малыхъ государствъ.

Л. Слонимскій.



ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Новыя книги о Пушкинѣ. 1) Пушкинистъ. Историко-литературный сборникъ подъ редакціей проф. С. А. Венгерова. СПБ., 1914. Ц. 1 р. 25 к. 2) Пушкинъ въ печати 1814—1837. Составили Н. Синявскій и М. Цявловскій. Изданіе Л. Э. Бухгеймъ. М. 1914. Ц. 3 р.

Совершенно справедливо говоритъ С. А. Венгеровъ въ предисловіи къ «Пушкинисту» о необыкновенномъ ростѣ интереса къ нашему геніальному поэту, о необыкновенномъ количествѣ всего написаннаго о Пушкинѣ, «хотя, увы, настоящей, большой, всеобъемлющей книги о Пушкинѣ нѣтъ — все больше матеріалы, матеріалы — все membra disjecta». Но какъ ярый пушкинистъ, онъ, какъ мнѣ кажется, нѣсколько увлекся. «Не считая безчисленныхъ популярныхъ изданій, говоритъ онъ, имѣются теперь четыре научныхъ изданія Пушкина, изъ которыхъ нѣкоторыя стремятся стать своего рода Пушкинскими энциклопедіями. Такой широкой постановки комментарія нѣтъ и въ

западно-европейской литературѣ. Нѣтъ сейчасъ въ западно-европейской литературѣ и спеціальнаго журнала, посвященнаго одному писателю. У насъ-же Академія Наукъ издаетъ такой журналъ: Пушкинъ и его современники». Ну, а Jahrbuch der deutschen Shakespeare-Gesellschaft», «Gœthe-Jahrbuch» или «Jahrbuch der Gœthe-Gesellschaft»! Неужели только потому, что это «Jahrbuch», а не «Zeitschrift», можно утверждать, что въ западно-европейской литературѣ нѣтъ журнала, посвященнаго одному писателю?

Настоящій сборникъ является непосредственнымъ органомъ Пушкинскихъ семинаріевъ, учрежденныхъ С. А. Венгеровымъ сначала при петербургскомъ университетѣ, затѣмъ на Бестужевскихъ женскихъ курсахъ и при Психо-Неврологическомъ Институтѣ. Семинаріи, конечно, почтенное, хотя и скромное учрежденіе. Такъ, въ данныхъ семинаріяхъ задумано и приводится въ исполненіе составленіе «Словаря поэтическаго языка Пушкина». Судя по той программѣ, по которой составляется этотъ «Словарь» и которая напечатана въ «Пушкинистѣ», должно ожидать капитальнаго труда, о значеніи коего, конечно, нечего и говорить, и появленіе котораго заранѣе можно привѣтствовать. Кстати сказать, въ западно-европейской литературѣ, напримѣръ во французской, существуютъ словари къ сочиненіямъ классиковъ. Возьмите хотя бы двухтомный словарь къ сочиненіямъ Мольера въ изданіи Hachette'a.

Также чрезвычайно полезной будетъ библіографическая работа, составленная участницами Пушкинскаго семинарія на Бестужевскихъ курсахъ,—«Пушкиніана перваго десятилѣтія XX вѣка», которая, представляя собою простой перечень заглавій отдѣльныхъ книгъ и журнальныхъ статей, появившихся въ 1900—1910 г.г., займетъ, однако, болѣе 200 страницъ.

Но, виноватъ, я все больше говорю о работахъ, имѣющихъ появиться, о которыхъ возвѣщается въ «Пушкинистѣ», и ни слова еще не сказалъ о статьяхъ, уже напечатанныхъ въ немъ. Безспорное научное значеніе имѣетъ рефератъ А. Л. Бема: «Къ вопросу о вліяніи Шатобріана на Пушкина». По справедливому замѣчанію С. А. Венгерова, «значеніе реферата въ томъ, что онъ вноситъ и фактическія и методологическія поправки въ теорію Пушкинскаго «шатобріанизма», выдвинутаго В. В. Сиповскимъ и довольно прочно вошедшаго въ литературный обиходъ. Важныя фактическія поправки А. Л. Бема заключаются въ указаніи того, что, устанавливая сходство между «Кавказскимъ плѣнникомъ» и «Атала» Шатобріана, В. В. Сиповскій не только довольствуется самымъ мимолетнымъ сходствомъ, но при этомъ: 1) не обращаетъ вниманія на то, что при самомъ мимолетномъ сходствѣ, «интрига идетъ совершенно другимъ путемъ» въ

поэмѣ Пушкина, и 2) къ фабулѣ «Атала» примѣшиваетъ фабулу «Натчезовъ», а «Натчезы» вышли... въ 1825 г., т. е. послѣ появленія «Кавказскаго плѣнника». Но рефератъ А. Л. Бема уже былъ напечатанъ въ изданіи «Пушкинъ и его современники».

Работа Н. М. Колобовой «Природа въ поэзіи А. С. Пушкина» представляется С. А. Венгерову «серьезнымъ пріобрѣтеніемъ нашей литературы о Пушкинѣ, крайне бѣдной работами именно такого характера». «Вопросъ объ отношеніи Пушкина къ природѣ, справедливо замѣчаетъ онъ, почти не затронутъ въ Пушкинской литературѣ. Можно указать только на изслѣдованіе В. Ѳ. Саводника, но въ докладѣ г-жи Колобовой вопросъ разработанъ гораздо детальнѣе» и, добавимъ мы отъ себя, гораздо тяжеловѣснѣе и скучнѣе, нежели въ блестящей работѣ извѣстнаго московскаго педагога.

Вторую, значительно меньшую часть сборника занимаетъ «Лѣтопись Пушкинскихъ Семинаріевъ», въ которой окажутся не безполезными для преподавателей подробно разработанныя темы, предложенныя на означенныхъ семинаріяхъ въ 1913—1914 уч. году.

Другая новинка Пушкиніаны: «Пушкинъ въ печати» — работа чисто библіографическаго характера: это просто «хронологическій указатель произведеній Пушкина, напечатанныхъ при его жизни». По словамъ составителей, ихъ трудъ имѣетъ «цѣлью представить картину постепеннаго знакомства читающей Россіи съ произведеніями Пушкина за время его жизни». Несомнѣнно, что такой цѣли настоящій указатель достигаетъ далеко не вполнѣ, да и по самому своему существу не можетъ достигнуть.

Возьмемъ хотя извѣстное посланіе «Къ Чаадаеву» (1818 г.): «Любви, надежды, тихой славы». Оказывается, при жизни Пушкина оно было напечатано пять разъ, впервые въ «Сѣверной Звѣздѣ 1829 г.», и такимъ образомъ вносится поправка въ комментарій 2-го тома академическаго изданія сочиненій Пушкина, гдѣ (стр. 37) сказано, что, кромѣ «Сѣверной Звѣзды»—«больше при жизни Пушкина посланіе къ Чаадаеву 1818 г. въ печати не повторялось». Но вѣдь мало сказать, сколько разъ было напечатано то или другое стихотвореніе Пушкина при жизни поэта; нужно еще показать, какъ оно печаталось, дать такъ сказать, исторію его текста, чтобы представить картину постепеннаго знакомства читающей Россіи съ произведеніями Пушкина за время его жизни. Вѣдь оказывается, «потребовалось 25 лѣтъ для того, чтобы вмѣсто спутаннаго и измѣненнаго отрывка «Сѣверной Звѣзды» анненковскаго изданія сочиненій поэта читатель имѣлъ въ ефремовскомъ изданіи (1880 г.) почти все посланіе въ полномъ видѣ: стихъ за стихомъ, слово за словомъ исправлялась и дополнялась пьеса», и «русскій читатель получилъ полный печатный текстъ этого посланія

черезъ 85 лѣтъ послѣ того, какъ оно было написано Пушкинымъ». Далѣе для возстановленія въ печати посланія къ В. В. Энгельгардту потребовалось нѣсколько десятилѣтій. Знаменитое стихотвореніе «Деревня», написанное въ 1819 г., было напечатано полностью лишь въ 1870 г.

Не нужно забывать, что сочиненія Пушкина, въ силу высшихъ цензурныхъ соображеній, печатались или съ пропусками, или съ измѣненіями первоначальнаго текста. Иногда эти измѣненія дѣлались самимъ поэтомъ, иногда—друзьями—издателями, при чемъ нерѣдко самъ поэтъ соглашался съ этими измѣненіями и даже находилъ ихъ прелестными, а иногда измѣненія предлагались и самой бдительной цензурой. Такъ Гнѣдичъ сдѣлалъ въ текстѣ «Посвященія» къ поэмѣ «Кавказскій плѣнникъ» значительныя измѣненія и сокращенія по цензурнымъ соображеніямъ, а сама цензура внесла измѣненія въ самый текстъ поэмы. Въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» Пушкинъ влагаетъ въ уста жалующейся черкешенки такія слова:

«Немного радостныхъ ночей
«Судьба на долю ей послала!»

Цензура нашла, что черкешенкѣ неприлично говорить о радостныхъ ночахъ, и измѣнила стихи такъ:

«Немного радостныхъ ей дней
Судьба на долю низпослала!»

Эти немногія данныя изъ исторіи текста произведеній Пушкина, надѣюсь, ясно показываютъ, какъ мало одного хронологическаго указателя, чтобы представить картину постепеннаго знакомства читающей Россіи съ произведеніями Пушкина за время его жизни. Для этого необходима еще исторія ихъ текста.

Но какъ справочное изданіе, настоящая книга несомнѣнно чрезвычайно полезна, и для каждаго пушкинолога она, конечно, безусловно необходима.

Пожелаемъ скорѣйшаго выхода въ свѣтъ 2-го выпуска данной работы, гдѣ какъ разъ между прочимъ и обѣщана «сводка всего относящагося къ исторіи напечатанія произведеній Пушкина, вышедшихъ при его жизни».

Н. КАШИНЪ.

— André Mazon. Un maître du roman russe. Ivan Gontcharov. 1812—1891. (Парижъ, 1914). Ц. 10 франковъ.

Цѣль этой превосходной книги дать прежде всего біографію Гончарова, «настолько точную и настолько полную въ главныхъ ея чертахъ, насколько это возможно въ настоящее время». Къ стыду русскихъ историковъ литературы, такой біографіи автора «Обломова» у насъ до сихъ поръ не было. Послѣдняя большая книга о Гончаровѣ г. Ляцкаго (Гончаровъ. Жизнь, личность, творчество. Критико-біографическіе очерки. Спб. 1912), дѣйствительно, является только очерками, въ которыхъ полнотѣ біографіи принесена въ жертву доказательность интересовавшихъ автора общихъ положеній о творчествѣ Гончарова. Г. Мазонъ давно уже занимался самостоятельными изслѣдованіями по Гончарову, и даже г. Ляцкій на стр. 48 своего труда говоритъ, что работы Мазона имѣли для основной цѣли его книги важное значеніе, подводя подъ нее прочный фундаментъ, подобно работамъ другого изслѣдователя, г. Суперанскаго. Теперь предъ нами полная біографія Гончарова, результатъ долгаго и любовнаго труда. Каждый шагъ изслѣдователя оправданъ ссылками на матеріалы и документы, частью самостоятельно разысканные и въ книгѣ опубликованные впервые. Книга безукоризненна съ точки зрѣнія обстоятельности и точности всѣхъ ссылокъ, исчерпывающей полноты охваченнаго матеріала, переработаннаго съ полнымъ вниманіемъ и необходимымъ критическимъ тактомъ.

Но жизнь Гончарова была нераздѣльно слита съ его творчествомъ. Въ послѣднемъ онъ, какъ теперь безспорно и ясно, разсказывалъ все время при себя и про тотъ сравнительно тѣсный уголъ жизни, въ которомъ онъ прожилъ. Вслѣдствіе этого жизнь Гончарова, внѣшнія черты которой можно бы передать очень кратко, является исторіей его созданій. Работа біографа становится въ то же время критическою и тѣсно слитою съ исторіей общественности и литературы. Съ этой стороны г. Мазону также удалось, если не внести что-либо существенно новое, то во всякомъ случаѣ дать цѣльный и законченный литературный портретъ Гончарова.

Въ общемъ изслѣдованіе о Гончаровѣ дано въ духѣ строго классическаго, методическаго опредѣленія разнообразныхъ моментовъ жизни и творчества писателя, съ объясненіемъ ихъ данными происхожденія, среды, времени и проч. Это не обращается, однако, въ педантизмъ: съ истиннымъ чувствомъ мѣры, авторъ никогда не забываетъ о живой личности своего изслѣдованія и, анализируя детали, умѣетъ сводить ихъ въ живое цѣлое.

Кое-какія новыя данныя о Гончаровѣ мы находимъ и въ текстѣ и въ особенности въ приложеніяхъ, которыя обнимаютъ около 100 стр. книги.

Такъ, г. Мазонъ впервые знакомитъ насъ съ нѣкоторыми данными изъ альбома Ѳ. А. Кони, извѣстнаго водевилиста и журналиста, товарища Гончарова по московскому университету. Эти пожелтѣвшія страницы, содержащія карандашные силуэты профессоровъ, красивой модной актрисы, кое-какіе стишки, и т. п., какъ говоритъ въ неизданномъ письмѣ къ Ѳ. А. Кони Гончаровъ, возбудили въ немъ множество воспоминаній. Съ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Кони они видались каждый день почти, но не въ университетѣ, а въ особенности у актрисы М. Д. Львовой-Синецкой, портретъ которой Гончаровъ нашелъ въ альбомѣ. У нея сходился весь театральный мірокъ Москвы, пѣли, играли, танцовали, ѣли и пили вдоволь. Здѣсь-то «младые дни мои неслись», вспоминаетъ Гончаровъ. Здѣсь бывали и люди литературы, читали вслухъ, болтали, это былъ поистинѣ салонъ жизни и искусства, съ умной, гостепріимной и талантливой хозяйкой. Въ срединѣ 30-хъ годовъ Львова-Синецкая была въ расцвѣтѣ сценическаго успѣха, и оба друга—Кони и Гончаровъ—были влюблены въ нее. Такъ, уже въ Москвѣ начались связи Гончарова съ міромъ искусства. Петербургскій литературный салонъ Майковыхъ, въ который Гончаровъ вскорѣ вошелъ, завершилъ привлеченіе недавняго студента, а въ Петербургѣ—чиновника, въ міръ литературы. Подъ вліяніемъ кружка Майковыхъ явилась въ свѣтъ до сихъ поръ ненапечатанная проба пера Гончарова, вошедшая въ альбомъ «Лунныя ночи», подъ заглавіемъ «Счастливая ошибка». Эта вещь была впервые пересказана г. Мазономъ (и съ его словъ г. Ляцкимъ) и представляетъ въ нѣкоторыхъ чертахъ первые проблески будущихъ извѣстныхъ типовъ Гончарова (Адуева младшаго и Обломова). Разсказъ «Счастливая ошибка» относится къ концу тридцатыхъ годовъ. И вообще, «Гончаровъ по существу есть человѣкъ этой эпохи критики и сомнѣнія, представитель поколѣнія, утомленнаго романтическимъ настроеніемъ и открывшаго міръ дѣйствительности и человѣчности, благодаря Гоголю» (одна изъ основныхъ мыслей книги г. Мазона).

По замѣчанію г. Ляцкаго, къ которому присоединяется и г. Мазонъ, «если вглядѣться въ ту роль, какую играетъ женщина въ его (Гончарова) произведеніяхъ, можно безъ особой ошибки вывести заключеніе, что въ душѣ его неизмѣнно жило стремленіе къ тому «ewig weibliche», которое въ жизни, можно думать, сказалось рядомъ горькихъ разочарованій, а въ творчествѣ озарилось лучами дивной красоты и обаянія. Объ одной изъ этихъ драмъ кое-что впервые сообщено въ книгѣ г. Мазона. Въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ Гон-

чаровъ пережилъ сердечное увлеченіе, въ силу недоразумѣнія оставшееся безъ послѣдствій. Онъ и извѣстный впослѣдствіи Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ влюбились въ дочь профессора и цензора Никитенка, Софью Александровну; каждый, вообразивъ, что ему предпочитаютъ соперника, стушевался, уступая другъ другу мѣсто. Миллеръ остался холостякомъ, Софья Александровна старою дѣвицей, но въ отношеніяхъ ея къ Гончарову осталась извѣстная интимная близость до конца дней нерѣшительнаго влюбленнаго.

Въ крайне любопытномъ письмѣ къ Ѳ. А. Кони (отъ 11 іюля 1888 г.), цитируемомъ впервые въ книгѣ г. Мазона въ переводѣ, Гончаровъ довольно подробно говоритъ о своемъ взглядѣ на женщинъ (близкомъ къ идеалу Петра Ивановича Адуева и, пожалуй, Обломова). Бѣда, если мужчина принимаетъ любовь въ серьезъ, вздумаетъ любить «горестно и трудно». Такія драмы разрушаютъ семьи, подрываютъ наши силы, мѣшаютъ труду, долгу, призванію. Нервно возбудимый, поклонникъ въ качествѣ художника красоты во всѣхъ ея видахъ и въ частности женской, онъ, по его собственнымъ словамъ, пережилъ нѣсколько такихъ драмъ, вышелъ изъ нихъ «небритый, блѣдный и худой», но побѣдителемъ, благодаря свойственному ему дару наблюдательности, острому анализу и благодаря своему юмору. Разложивъ свою драму на составныя части, онъ находилъ въ ней лишь амальгаму самолюбія, бездѣлья, физической грязи—и стряхивалъ ее съ себя, какъ утка воду съ крыльевъ. Любовь не страсть,—думаетъ онъ,—но истинное и доброе чувство, чувство мирное и прекрасное, какъ дружба»... Этотъ взглядъ на любовь и проходитъ чрезъ все творчество Гончарова.

Довольно много мѣста отведено г. Мазономъ оффиціальнымъ отношеніямъ Гончарова. Любопытенъ краткій эпизодъ въ жизни Гончарова, его преподаваніе русской словесности въ началѣ 1858 года Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу. Я. К. Гротъ присутствовалъ на двухъ первыхъ урокахъ Гончарова, принявшаго ихъ (по рекомендаціи А. Майкова) не безъ колебаній. Первый былъ очень интересенъ, какъ бы вступительная лекція, и очень понравился Я. К. Второй менѣе его удовлетворилъ. Видно было, что недостаетъ, для преподаванія языка, положительной и отчетливой теоретической подготовки. Это сознавалъ и самъ Гончаровъ и вскорѣ, весной 1858 года, сталъ отказываться отъ продолженія уроковъ по русскому языку, предлагая остаться, если угодно, для *чтеній*, т. е. по литературѣ. Предложеніе не было принято, а Гончаровъ при уходѣ получилъ очень скудное вознагражденіе, кажется, рублей по 7 за часъ. Позднѣе его снова пригласили для переговоровъ, но воспитатель наслѣдника Гриммъ принялъ писателя такъ неучтиво (растянувшись на диванѣ), что Гончаровъ отказался.

Цензорской дѣятельности Гончарова посвящена отдѣльная глава, а въ приложеніи—очень много документальныхъ данныхъ изъ цензурныхъ архивовъ. И здѣсь попадается довольно много свѣдѣній, характерныхъ и для Гончарова, и для тогдашняго положенія литературы. Не останавливаемся на этомъ подробно. Цензорская карьера была для Гончарова въ цѣломъ поводомъ многихъ огорченій, такъ какъ онъ, въ качествѣ писателя, не могъ не чувствовать себя въ ложномъ положеніи на мѣстѣ цензора и не разъ переносилъ весьма чувствительные уколы со стороны собратьевъ по перу (ѣдкія выходки Герцена, суровые намеки Салтыкова). Далеко не всегда умѣлъ онъ быть на высотѣ своего призванія, какъ онъ могъ понимать его, призванія—быть посредникомъ между благонамѣренными стремленіями просвѣщенной литературы и правительствомъ. Если ему случалось заступаться съ успѣхомъ за гонимую литературу (за Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тургенева и т. д.), то столь же часто это не удавалось. Приходилось защищаться отъ обвиненій, иногда совершенно нелѣпыхъ (столкновеніе съ композиторомъ Контскимъ, который обвинялъ Гончарова въ оскорбленіи за разрѣшеніе направленной противъ него каррикатуры), и не всегда хватало у Гончарова смѣлости храбро защищать свое мнѣніе.

Внимательно прослѣдивъ жизнь Гончарова и его произведенія, г. Мазонъ въ заключительныхъ главахъ сводитъ въ цѣльную картину міросозерцаніе Гончарова и даетъ общую, очень продуманную и обоснованную литературную характеристику.

Гончаровъ любитъ жизнь, жизнь ежедневную, во всѣхъ ея обыденныхъ мелочахъ, любитъ «съ улыбкою любопытства, въ которомъ угадываешь глубокую нѣжность». Впечатлѣнія обыденнаго интимнаго существованія людей занимали, по мнѣнію г. Мазона, наибольшее мѣсто во внутренней жизни Гончарова, и умственный кругозоръ его былъ ограниченъ, въ области и религіозной, и философской, и общественной, именно этимъ сочувственнымъ переживаніемъ обыденной жизни. Онъ не задавался религіозно - философскими проблемами, довольствуясь традиціоннымъ принятіемъ обрядно-привычной религіи. Столь же мало привлекали его и соціально - политическіе вопросы, и въ этомъ равнодушіи чувствуется болѣе всего выходецъ полу-купеческой, полу-чиновной провинціальной среды стараго времени. Индифферентизмъ лежитъ и въ основѣ его всегдашняго скептицизма по отношенію ко всему крайнему, къ рѣзко очерченнымъ системамъ мысли, и т. п. Это сдѣлало изъ него «постепеновца», а по теперешней терминологіи онъ слылъ бы несомнѣнно октябристомъ. Общество, Россія въ цѣломъ Гончарова не занимаютъ, а интересуютъ только жизнь, устройство жизни и благополучіе тѣснаго кружка

лицъ, изъ которыхъ нѣкоторые до-нельзя похожи на него самого. Съ этимъ связано и его представленіе о прогрессѣ, исключительно индивидуалистическое и утилитарное. Не будучи ни соціологомъ, ни политикомъ, онъ зато охотно выступаетъ моралистомъ, всюду выдвигая привязанность къ ежедневной жизни и къ традиціи, какъ особое достоинство, къ чему добавляетъ проповѣдь производительной работы и неутомимой дѣятельности. Высшая премудрость—равновѣсіе всѣхъ способностей, благоразумное согласованіе между собственными интересами и чувствами, насъ увлекающими. Впрочемъ, онъ очень мало претендуетъ на проповѣдничество: отъ судьбы, опредѣленной съ малыхъ лѣтъ человѣка, все равно никому не уйти. Въ этомъ трезвомъ міросозерцаніи средняго человѣка, слагавшемся годами, и страсть, и представленіе о роли самого искусства заняли очень скромное мѣсто. Выше мы изложили взглядъ Гончарова на чувство къ женщинѣ; что касается искусства, то самъ Гончаровъ отдалъ ему лишь часы досуга отъ служебной дѣятельности и сурово казнилъ въ лицѣ младшаго Адуева и Райскаго дилетантизмъ и неудачливость въ этой области.

Это міросозерцаніе живо отразилось и на психологической сущности творчества Гончарова. Онъ—писатель совершенно личнаго вдохновенія, какъ онъ самъ не разъ заявлялъ, способный изображать только то, что̀ выросло и созрѣло въ немъ самомъ, только то, что̀ имъ самимъ пережито, продумано, прочувствовано, то, что̀ онъ зналъ и видѣлъ вблизи, иными словами, изображающій собственную жизнь и все, что̀ къ ней приросло. Г. Мазонъ совершенно правильно избѣгаетъ говорить объ объективномъ или субъективномъ характерѣ творчества Гончарова, употребляя терминъ «личное» творчество, вмѣсто «субъективное»; нѣтъ другого мастера такъ наглядно объективировать свои переживанія, какъ Гончаровъ. Въ этомъ послѣднемъ ограниченномъ смыслѣ слова и необходимо удержать для характеристики творчества Гончарова старое опредѣленіе, сдѣланное Бѣлинскимъ, какъ творчества объективнаго. Источникъ вдохновенія Гончарова всегда дѣйствительность, либо имъ узнанная, либо пробудившая въ немъ тѣ или иныя чувства. Главнѣйшее изъ послѣднихъ—интимная симпатія къ ежедневной, вокругъ человѣка и въ немъ самомъ развертывающейся жизни. Это чувство одухотворяетъ два существеннѣйшихъ дара Гончарова, острую наблюдательность (въ близкомъ къ нему кругѣ явленій) и его юморъ, спутники его способности къ образному мышленію, за которое онъ въ особенности стоитъ и теоретически въ своихъ замѣчательныхъ критическихъ статьяхъ. Когда резонирующее мышленіе вмѣшивалось, онъ создавалъ натянутые искусственные образы—Штольца, Тушина и проч.

Въ этомъ мышленіи исключительную роль играютъ образы чисто зрительные. Всюду о своихъ образахъ Гончаровъ говоритъ, какъ живописецъ о своихъ картинахъ. Онъ анализируетъ въ процессѣ творчества носящіеся предъ нимъ зрительныя картины и образы и описываетъ ихъ, иногда безъ достаточнаго порядка, все болѣе и болѣе детально и тщательно, по мѣрѣ того, какъ выдвигаются въ нихъ новыя и новыя подробности. Съ дѣтства наблюдательный и впечатлительный, онъ отдается воображенію, которое увлекаетъ его все дальше и дальше, первоначальный смутный очеркъ цѣлаго у него только раздвигается и разрастается въ объемѣ, не двигаясь въ содержаніи, путемъ нарастанія новыхъ и новыхъ эпизодовъ, картинъ и сопутствующихъ лицъ, которыя появляются только на короткое иногда время, чтобы быть потомъ забытыми. Особенно нестройнымъ вышелъ, благодаря такому характеру творчества, «Обрывъ», въ который вмѣщены и кое-какъ сведены воедино очень разнородные во времени и пространствѣ явленія и типы.

Языкъ и строй рѣчи Гончарова вырабатывался имъ въ его произведеніяхъ аналогично его процессу творчества. Редактируя свою рукопись, онъ только тщательно отдѣлываетъ всѣ детали, почти не мѣняя первоначальнаго вдохновеннаго, инстинктивнаго наброска, который въ существенныхъ чертахъ все время остается неизмѣннымъ. Такъ, необыкновенная легкость его языка, напоминающаго импровизацію, соединена съ строгою законченностью и отдѣлкою. По существу, это языкъ чисто русскаго человѣка, чуждый безличнаго космополитическаго оттѣнка, галлицизмовъ и германизмовъ, языкъ человѣка, всегда думавшаго по-русски. Стиль Гончарова опредѣляется преобладаніемъ зрительной воспріимчивости и стремленіемъ передать словомъ ощущенія предмета, подлинно видѣннаго. Этотъ стиль разсказчика-реалиста сливается со стилемъ настоящаго поэта, постоянно переносящаго читателя отъ простого описанія въ область зрительныхъ образовъ и уподобленій, взятыхъ большей частью изъ хорошо знакомыхъ каждому обыденныхъ мелочей ежедневнаго существованія. Этотъ даръ образнаго интимнаго письма въ особенности расцвѣлъ въ «Обломовѣ» и придаетъ этому произведенію особо теплый тонъ чего-то близкаго и родного.

Въ послѣдней главѣ г. Мазонъ бѣгло сопоставляетъ этапы творчества Гончарова съ нѣкоторыми явленіями западно-европейской и русской литературы. Подробно, насколько то возможно было при скудости матеріала, разобранъ «романтическій», до сихъ поръ мало освѣщенный періодъ Гончарова, при чемъ сближенія сдѣланы съ Евгеніемъ Сю, Бальзакомъ и нѣкоторыми менѣе извѣстными французами двадцатыхъ годовъ, также съ Диккенсомъ. Въ итогѣ, если можно

говорить о вліяніяхъ на такого оригинальнаго писателя, какъ Гончаровъ, преобладающее мѣсто должно быть дано легкому и ясному стилю Пушкина и въ особенности Гоголю, у котораго, напр., находимъ какъ бы прообразъ Обломова въ лицѣ Тентетникова и который въ качествѣ юмориста также далъ много Гончарову.

Въ краткомъ заключительномъ резюме своей работы г. Мазонъ первое мѣсто въ творчествѣ Гончарова отводитъ, какъ и слѣдуетъ быть, «Обломову», «одному изъ самыхъ мощныхъ памятниковъ того реализма, чуждаго всякой искусственности, въ которомъ вскорѣ послѣ Гончарова занялъ неоспоримо первое мѣсто Толстой».

Въ итогѣ книга даетъ намъ болѣе углубленное и полное впечатлѣніе о Гончаровѣ, нежели все, что до сихъ поръ о немъ было написано. Послѣ нея уже нельзя какъ-то и сказать, что Гончаровъ «свѣтитъ, а не грѣетъ», что сказано было о немъ С. А. Венгеровымъ, такъ живъ и тепелъ образъ Гончарова, набросанный г. Мазономъ. Прочитавъ книгу, не хочется говорить о томъ, что напр., недостаточно подчеркнуто сродство между Гончаровымъ, этимъ неврастеникомъ, и Обломовымъ, неврастенически боявшимся живой жизни; о томъ, что можно бы поставить въ связь тяготѣніе Гончарова къ Штольцамъ и Адуевымъ-дядямъ съ нарастаніемъ въ Россіи дѣятельной буржуазіи; о мелочныхъ промахахъ, вродѣ неудачнаго сближенія съ Салтыковымъ сцены изъ «Обрыва» между Райскимъ и Козловою; тѣмъ болѣе, о мелкихъ библіографическихъ промахахъ и т. п. Все это не можетъ помѣшать радости, что есть, наконецъ, біографія великаго писателя, его достойная. Остается только пожелать, чтобы она скорѣе была издана авторомъ и на русскомъ языкѣ.

Ч. Вѣтринскій.

— Е. В. Аничковъ, Язычество и Древняя Русь. СПБ. 1914.

Очень подкупаетъ методъ работы автора. Имъ усвоены пріемы хорошей школы филологической критики, и даже не нѣмецкой школы, хотя она стоитъ во главѣ всѣхъ работъ въ этомъ направленіи за цѣлое столѣтіе, но ея позднѣйшаго отпрыска—французской школы, какъ бы усовершенствованной, отполированной, съ извѣстнымъ лоскомъ. Суженъ предметъ изслѣдованія, но, при умышленномъ ограниченіи рамокъ, достигнута бо́льшая точность и опредѣленность въ вопросахъ и отвѣтахъ. «Въ настоящей работѣ задача сужена, матеріалъ строго ограниченъ, — пишетъ авторъ... — Мнѣ хотѣлось черезъ посредство обслѣдованныхъ здѣсь памятниковъ дать себѣ ясный отчетъ въ рели-

гіозномъ сознаніи одной только эпохи, одной географической и этнографической единицы; даже и это не въ цѣломъ, а лишь насколько намъ помогаютъ тутъ литературныя произведенія опредѣленнаго рода и опредѣленной среды. Дѣло свелось къ тому, чтобы дознаться, каковъ былъ основной смыслъ перехода Руси отъ язычества къ христіанству» (стр. 258).

Нельзя сказать, конечно, чтобы эта задача доискаться «основного смысла» перехода Руси къ христіанству была сама по себѣ «узкой». Она весьма значительна, въ высокой степени важна въ историко-культурномъ отношеніи, и если авторъ скромно намѣтилъ ея районы, тѣмъ, казалось бы, прочнѣе добытые результаты. Изслѣдованіе читается съ живымъ интересомъ, такъ какъ живая мысль руководитъ авторомъ, не всегда столь безстрастнымъ или даже безпристрастнымъ изслѣдователемъ, какимъ онъ себя хотѣлъ бы проявить. Но смѣлость гипотезъ не должна смущать: не всегда, быть можетъ, убѣждая, онѣ все-таки будятъ мысль и заинтересовываютъ. Не будучи спеціалистомъ по древнерусской литературѣ и миѳологіи, я хотѣлъ бы, исходя изъ самой книги г. Аничкова, разобраться въ чемъ онъ убѣдителенъ и въ чемъ возбуждаетъ сомнѣнія, а иногда и недоумѣнія, при всѣхъ качествахъ талантливой работы.

Убѣдителенъ, прежде всего, филологическій анализъ группы памятниковъ, съ «Словомъ нѣкоего Христолюбца» и «Словомъ о томъ, како первое погани суще языци кланялися ідоламъ» во главѣ,—убѣдителенъ въ томъ смыслѣ, что авторъ сумѣлъ сдѣлать вѣроятными свои догадки о времени происхожденія и слоевомъ составѣ этихъ памятниковъ, въ которыхъ имъ выдѣленъ рядъ позднѣйшихъ вставокъ.

Его выводы относительно условій и значенія принятія христіанства на Руси и разнаго отношенія къ язычеству вновь обращенныхъ за первые два-три вѣка сводятся, въ общемъ, къ слѣдующему: принятіе христіанства Владиміромъ было политическимъ актомъ, въ которомъ заинтересованы были высшіе слои населенія. Христіанство усвоено прежде всего знатью, дружинниками и горожанами; одновременно съ его пріятіемъ пало язычество, какъ правительственная религія, и о немъ вскорѣ забыли. Первоначально не допускалось упоминаніе о прежнихъ богахъ; позднѣе возникли вставки въ поученіяхъ и проповѣдяхъ, спеціально предназначавшихся къ руководству для духовенства, вставки съ указаніемъ именъ боговъ и нѣкоторыхъ языческихъ обрядностей. Послѣднія надлежало «упорядочить», для согласованія съ новымъ вѣроисповѣданіемъ: этимъ устранялось двоевѣріе, которое грозило опасностью для христіанства. Затѣмъ языческихъ боговъ обратили въ бѣсовъ, и язычество стали объяснять какъ отпаденіе отъ христіанства. Другой взглядъ,—что тварь стали, дескать,

почитать вмѣсто Творца. Отсюда—многобожіе вмѣсто единства истинной вѣры. Еще позже, но все-таки въ XII-мъ вѣкѣ, установилась новая, эвгемерическая точка зрѣнія на языческихъ боговъ, уже не какъ на бѣсовъ, а какъ на предковъ, лишь ошибочно обоготворенныхъ. Это—взглядъ автора «Слова о полку Игоревѣ».

Такова схема отношенія къ язычеству въ древней Руси на протяженіи около двухъ вѣковъ, собственно даже одного вѣка, такъ какъ авторъ, относя «Слово нѣкоего Христолюбца» къ половинѣ XI ст., принимаетъ его исходнымъ пунктомъ своего изслѣдованія, доведеннаго до второй половины XII вѣка.

Генеалогія текста «Слова нѣкоего Христолюбца» и Слова «како первое погани»... у автора получается довольно сложная. Тутъ иксомъ приходится обозначать не только неизвѣстный первоначальный текстъ, но за нимъ идутъ x_1 и x_2 и, послѣ развѣтвленія редакцій, x_3 и x_4—цѣлое построеніе со многими неизвѣстными. Передъ рядомъ предположеній, нагроможденныхъ одно на другомъ, авторъ не останавливается. Зданіе шаткое, но все-таки эта часть работы—филологическая критика текстовъ, выдѣленіе вставокъ и наслоеній, при сопоставленіи съ другими памятниками,—въ методическомъ отношеніи наиболѣе подкупающая. Выводы вѣроятны, если и не всегда вполнѣ доказаны.

Въ дальнѣйшихъ построеніяхъ авторъ примѣняетъ историко-сравнительный методъ и, наконецъ, входитъ въ область чистыхъ гипотезъ, отчасти по аналогіи съ современнымъ, дѣлая заключенія о прошломъ.

На протяженіи всего нѣсколькихъ десятилѣтій, по предположенію г. Аничкова, происходятъ значительныя метаморфозы во взглядахъ на язычество вновь обращенныхъ христіанъ. Но, чтобы оріентироваться въ нихъ, нужно первоначально усвоить своего рода «классовую теорію», которую авторъ проводитъ въ отношеніи къ разнымъ формамъ язычества въ древней Руси. Раскрывается она въ главѣ XIII-«Боги Владиміра по свидѣтельству Лѣтописи», — главѣ, какъ оказывается, написанной авторомъ раньше всего изслѣдованія[1]), являющагося къ ней какъ бы пристройкой.

Сущность теоріи г-на Аничкова сводится къ тому, что «боги Владиміра» были какъ бы спеціальной принадлежностью военно-дружиннаго быта.—Они не общенародные боги, а княжескіе и дружинные. Культъ Перуна—дружино-княжескій культъ кіевскихъ Игоревичей. Владиміръ, для закрѣпленія своей политической власти, пред-

---

[1]) Она была сперва темой доклада автора по-англійски, доклада, прочитаннаго имъ на 3-мъ международномъ конгрессѣ исторіи религій въ Оксфордѣ« Old Russian pagan cults» (см. Transactions, pp. 244—59).

назначилъ этого бога для общественнаго поклоненія. Но сельскому населенію Перунъ остался чуждымъ. Владиміръ же вводитъ культъ Перуна и въ Новгородѣ, гдѣ онъ былъ совсѣмъ неизвѣстенъ, черезъ Добрыню. Затѣмъ, утвердивъ этотъ культъ, онъ объединяетъ около Перуна цѣлый рядъ другихъ боговъ разноплеменнаго состава. Создавшійся такимъ образомъ пантеонъ боговъ въ Кіевѣ имѣетъ прежде всего политическое значеніе.

Когда Владиміръ принялъ крещеніе, водворивъ единобожіе вмѣсто многобожія, то именно высшій классъ, вѣровавшій въ дружинныхъ боговъ, самъ же отъ нихъ и отказался. «Моментъ столкновенія древняго русскаго язычества съ христіанствомъ есть моментъ, когда *немедленно* (курс. нашъ, Ѳ. Б.) должны были погибнуть древніе кумиры и переродиться волхвы, носители былой религіозной мудрости» (261). Дальше г. Аничковъ нѣсколько смягчаетъ это утвержденіе. Я не хочу сказать, чтобы переходъ произошелъ сразу. Даже если онъ былъ всецѣло въ интересахъ дружинниковъ, даньщиковъ, бояръ и прочей знатной Руси, то и тогда должны были оказаться маловѣры, тяжелодумы, либо лица, въ личныхъ интересахъ которыхъ, по чисто дѣловымъ побужденіямъ, не входило отстать отъ стараго и итти навстрѣчу идеямъ и представленіямъ, сближавшимъ съ Византіей» (262). Эта оговорка, однако, по существу мало мѣняетъ дѣло: отсталые и тяжелодумы остаются въ сторонѣ. Главное же въ томъ, что была «оффиціальная религія», которая исчезла «съ признаніемъ оффиціальной совсѣмъ другой религіи, непримиримо враждебной прежней» (263). И оффиціальная религія, оказывается, есть въ то же время и классовая религія, отъ которой стоитъ въ сторонѣ собственно народная вѣра. Какая же это народная вѣра, безъ боговъ, признаваемыхъ только высшими классами? Г. Аничковъ даетъ опредѣленный отвѣтъ: сельско-хозяйственный культъ. Путемъ болѣе или менѣе остроумныхъ догадокъ онъ старается установить, что «сварожичъ»—огонь подъ овиномъ, который могъ стать предметомъ культа именно сельскаго населенія. Затѣмъ идутъ культы разныхъ явленій природы въ связи съ обиходомъ сельскаго хозяйства, и всѣмъ этимъ культамъ противополагается «городская вѣра», имѣвшая другіе источники и принявшая другія формы. Городская вѣра является и основой двоевѣрія. Городъ и деревня—это модное нынѣ противопоставленіе—переносится авторомъ цѣликомъ въ древнюю Русь, при чемъ одновременно устанавливается и различіе, почти противоположность, классовыхъ интересовъ, религіознаго сознанія разныхъ классовъ общества, исповѣдовавшихъ разныя религіи. Е. В. Аничковъ словно почувствовалъ самъ, что ставитъ вопросъ слишкомъ рѣзко, и спѣшитъ сдѣлать новую оговорку, что онъ не имѣетъ въ виду говорить о разныхъ религіяхъ въ

до-христіанской Руси, а только объ одномъ язычествѣ, однако, его выводы клонятъ именно къ тому, чтобы выявить разныя религіи у разныхъ классовъ населенія. Все это построеніе представляется намъ крайне шаткимъ, ибо для XI вѣка наши понятія о городѣ и деревнѣ отнюдь не подходятъ. Чтобы допустить вѣроятность такого рѣзкаго разграниченія между особой религіей дружинниковъ, съ ихъ богами, и особой вѣры прочаго населенія, съ его культами, надо представить убѣдительные доводы въ томъ, что и въ X—XI вв. существовала классовая рознь, которая доступна нашему наблюденію въ позднѣйшія эпохи. Иначе мы витаемъ въ области чистыхъ гипотезъ.

Авторъ самъ, конечно, вѣритъ въ свою гипотезу, къ которой онъ насъ подводитъ постепенно, путемъ будто бы предварительныхъ экскурсій чисто филологическаго характера; но въ сущности его построеніе апріорное и вызываетъ рядъ операцій надъ текстами, въ составѣ которыхъ онъ видитъ подтвержденіе его теоріи. Такъ, напримѣръ, исходя изъ предположенія, что Перунъ и другіе боги пантеона Владиміра—только дружинные боги, чуждые или неизвѣстные прочему населенію въ древней Руси, и отстаивая положеніе, что боги Владиміра «погибли» съ принятіемъ христіанства («о нихъ въ XI вѣкѣ можно было продолжать говорить либо грубо преувеличивая, либо только въ прошедшемъ»), авторъ наталкивается на противоположное утвержденіе въ «Словѣ о томъ, како первое погани кланялися идоламъ», гдѣ сказано: «но і ноне по оукраінамъ молятся ему проклятому богу Перуну и Хорсу и Мокоши и виламъ; і то творятъ о таі». Г-нъ Аничковъ, ничтоже сумняшеся, вычеркиваетъ это свидѣтельство, какъ позднѣйшую вставку «по недоразумѣнію».И такъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ. Ему нужно всячески отстоять положеніе, что боги Владиміра были «классовыми богами» (хотя самый эпитетъ имъ не употребляется), что о нихъ тотчасъ же забыли, когда принято было новое оффиціальное вѣроисповѣданіе, и какъ «въ самой серединѣ XI вѣка, лѣтъ черезъ пятьдесятъ послѣ крещенія, было распространено среди русскихъ книжниковъ мнѣніе, по которому идолопоклонство, требы кумирамъ, представлялось явленіемъ болѣе позднимъ, не изначальнымъ... новымъ созданіемъ направляемой діаволомъ злой воли» (264). Приводятся ссылки на рѣчи Философа въ Древнѣйшемъ Сводѣ. Но въ приводимой цитатѣ рѣчь идетъ вовсе не о «болѣе позднемъ явленіи», а о весьма древнемъ, «послѣ потопа до раздѣленія языкъ». Тогда-то діаволъ искушалъ людей, соблазняя въ идолопоклонство. Невозможно переносить это толкованіе на періодъ времени послѣ крещенія Руси и до половины XI вѣка. Это нисколько не исключаетъ ни распространенности почитанія боговъ, которые не были только дружинными богами, ни устойчивости ихъ культа и послѣ приня-

тія христіанства. Для Философа XI вѣка вся миѳологія разныхъ странъ и въ разные вѣка могла представляться, вообще, порожденіемъ дьявола и какъ бы въ непрерывной преемственности съ древнѣйшей поры. Пусть идолы сами по себѣ «ничто», какъ училъ ап. Павелъ, какъ было сказано и пророкомъ Самуиломъ въ 1-ой книгѣ Царствъ; но апостолъ совершенно правильно и вразумительно объяснялъ, что «язычники, принося жертвы, приносятъ бѣсамъ, а не Богу», такъ какъ они дѣйствуютъ по наущенію дьявола. Не понимаю—въ чемъ тутъ затрудненіе, смутившее автора (стр. 109)? Для христіанина идолъ—«ничто», кусокъ дерева, металла, не имѣющій никакого значенія. Но дьяволъ, чтобы смутить людей, заставляетъ бѣсовъ принимать облики языческихъ боговъ; идолъ можно разрушить—бѣсъ остается. Не всѣ же многочисленные идолы,—и большіе, и маленькіе, которые возили съ собой въ карманѣ, суть воплощенія самого бога, а не простые его символы. И въ представленіи язычника символизмъ изображенія не могъ быть совершенно чуждъ его вѣрѣ въ боговъ. Толкованіе христіанскихъ писателей, что языческіе боги суть бѣсы, вполнѣ вязалось и съ представленіемъ, что идолъ самъ по себѣ—ничто.

Е. В. Аничковъ справедливо напоминаетъ, что и въ борьбѣ со своимъ національнымъ язычествомъ древнерусскій книжникъ долженъ былъ черпать пріемы и аргументы изъ такого рода произведеній христіанской апологетической литературы, которыя возникли въ другое время, при другихъ условіяхъ, въ иныхъ странахъ, и не всегда разбирался въ вопросахъ отличія античнаго и восточныхъ языческихъ вѣроисповѣданій отъ древне-русскихъ и славянскихъ. Такимъ образомъ, вперемежку проникали и къ намъ взгляды—то о предосудительности перечня языческихъ боговъ, о которыхъ „срамъ говорить", то объ отожествленіи боговъ и бѣсовъ, то о почитаніи твари превыше Творца, то, наконецъ, объ „эвгемерическомъ" происхожденіи боговъ, которые были первоначально просто людьми, нашими предками, но ошибочно возведены въ санъ боговъ.

Установить точную хронологію между этими разными взглядами на язычество у христіанскихъ книжниковъ врядъ ли возможно, естественнѣе предположить ихъ сосуществованіе, разъ они заимствовались изъ общихъ источниковъ. Исключеніемъ представляется лишь послѣднее толкованіе—эвгемеризмъ. Оно, конечно, позднѣйшее. Не буду возражать, что въ *нѣкоторыхъ случаяхъ* оно могло быть усвоено и авторомъ „Слова о полку Игоревѣ", хотя преувеличеніемъ представляется намъ утвержденіе автора, что и въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ" уже „давнымъ давно *забыто* языческое прошлое". Оно не „забыто" и авторомъ Слова о полку Игоревѣ, разъ онъ вноситъ миѳологію въ свои поэтическіе образы. Пусть для Баяна квалификація „Веле-

совъ вънуче"—эвгемеризмъ, но дѣлать отсюда выводъ, что „Велесъ представляется въ XII в. *книжникомъ* (!), родоначальникомъ всей древней культуры и всего искусства» (337)—это уже очень стремительный скачекъ. Дажьбогъ до нѣкоторой степени можетъ быть подведенъ подъ понятіе «предка», но въ таковомъ же объясненіи роли Стрибога г. Аничковъ совершенно не считается съ контекстомъ: «се вѣтьры, Стрибожи вънуци». Чтобы отстоять свою теорію, ему нужно было бы тоже выкинуть слово «вѣтры», какъ вставку. Но онъ не рѣшился орудовать съ текстомъ Слова о полку Игоревѣ, какъ онъ поступалъ съ другими памятниками. Далѣе, Хорсъ у г. Аничкова уже не предокъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, а богъ Торковъ, и въ «Словѣ» онъ является какъ бы эпонимомъ народности: «великому Хръсови вълкъмъ путь перерыскашеть» нужно, дескать, понимать въ томъ смыслѣ, что Всеславъ «перерыскалъ путь» въ странѣ великаго Хорса, т. е. у Торковъ. И все-таки непонятно, ибо все это мѣсто объ оборотнѣ Всеславѣ имѣетъ какое-то неразгаданное миѳологическое значеніе.

По отношенію къ миѳологіи вообще авторъ, справедливо отмежевываясь отъ прежней миѳологической школы, старается занять новое положеніе; но не во всемъ «модернизмъ» выручаетъ. Напримѣръ, г. Аничковъ, ссылаясь на работу Фарнелля (Cults of greek states), замѣчаетъ, что по новѣйшему толкованію «языческіе боги—вовсе не обоготворенныя силы природы, а нѣчто совершенно другое» (113). Что же именно другое—этого онъ не договариваетъ, но мимоходомъ иронически указываетъ, что «миѳологи», признающіе обоготвореніе силъ природы, стоятъ на одномъ уровнѣ воззрѣній съ Кирилломъ Туровскимъ. На что ужъ «отсталые»... Однако, въ чемъ суть возраженія г-на Аничкова? Огонь, дерево, по его мнѣнію, не подходятъ подъ понятіе силъ природы, а солнце подходитъ. Но вѣдь и солнце есть *явленіе* природы, какъ огонь, дерево и т. п. Нельзя быть придирчивымъ въ разграниченіи—что̀ есть сила природы, что̀ есть явленіе природы, ибо для первобытнаго человѣка такого строгаго разграниченія не было. Поклоненіе явленіямъ природы г. Аничковъ признаетъ и въ сельскохозяйственныхъ культурахъ, но возражаетъ противъ «олицетвореній»: «боги непричемъ,... выступаетъ такъ ясно міропониманіе огнепоклонниковъ, древопоклонниковъ, обоготворящихъ водяные источники» (299). Пусть «олицетворенія» слишкомъ сложный интеллектуальный процессъ, недоступный первобытному язычнику, но съ неменьшимъ правомъ мы можемъ усомниться въ утвержденіи г-на Аничкова, что наши древніе книжники, осмысливая язычество своихъ предковъ, «*увидѣли* въ основѣ его сельскохозяйственную религію...» (299). Врядъ ли этотъ домыселъ ученаго XX вѣка доступенъ былъ лицезрѣнію книжниковъ XI-го столѣтія.

Въ чемъ г. Аничковъ, на нашъ взглядъ, безусловно правъ,—это въ оспариваніи правильности представленія о *поэтическихъ* воззрѣніяхъ на природу первобытнаго язычника. «Поэтическими» эти воззрѣнія кажутся намъ, людямъ иной культуры, а въ основѣ своей они были глубоко и даже грубо утилитарными. Поэтому вопросъ, поставленный г. Аничковымъ, когда и при какихъ условіяхъ могло возникнуть сознаніе поэзіи, предполагающей безкорыстное любованіе природой, правильно рѣшается имъ въ томъ смыслѣ, что незаинтересованное, дѣйствительно поэтическое воззрѣніе на природу явилось только подъ вліяніемъ христіанства. «Толико человѣцы преступаютъ заповѣдь Божію»—говорится въ одномъ цитируемомъ авторомъ Поученіи (Пономаревъ, Памятники древне-русск. церковно-учит. литературы, стр. 54). А тварь не преступаетъ заповѣдь, она не грѣшитъ, а всецѣло выполняетъ предназначенное ей Творцомъ. Постольку она выше человѣка; ее созерцаютъ, любуясь ею, т. е. поэтически относясь къ ней. Эта гипотеза остроумна и правдоподобна. Въ главахъ, гдѣ авторъ примѣняетъ историко-сравнительный методъ и пытается оттѣнить вліяніе христіанства на духовное развитіе народа даже по отношенію къ нѣкоторымъ обычаямъ (честныя пиршества, въ отличіе отъ нечестивыхъ, языческихъ) и къ поэзіи (духовные стихи), гораздо убѣдительнѣе многихъ иныхъ его разсужденій. Удачна параллель съ Беовульфомъ, удачны объясненія роли каликъ, удачно примѣнена теорія Бедье къ нѣкоторымъ явленіямъ нашей народной словесности. Въ общемъ, если г. Аничковъ въ своихъ слишкомъ многочисленныхъ гипотезахъ иногда какъ бы старается прикрыть недостаточную ихъ обоснованность и убѣдительность виртуозностью эквилибристики на слишкомъ натянутой проволокѣ нашего невѣдѣнія о первоначальныхъ временахъ русской культуры и образованности, и оставляетъ впечатлѣніе недостаточной серьезности и обдуманности нѣкоторыхъ своихъ построеній, то онъ умѣетъ и выказать весьма положительныя качества изслѣдователя-филолога и удачно пользуется историко-сравнительнымъ методомъ. Въ настоящемъ случаѣ онъ выступаетъ новаторомъ въ томъ отношеніи, что до послѣдняго времени обращались къ параллелямъ и аналогіямъ въ русско-славянскомъ мірѣ главнымъ образомъ для того, чтобы, на основаніи сохранившихся болѣе примитивныхъ произведеній литературы и народнаго творчества у насъ, дѣлать заключенія о пережитыхъ на Западѣ болѣе раннихъ процессахъ литературной эволюціи и отчасти возстановить это прошлое и на Западѣ, съ оговоркой, что наша культура, конечно, шла совсѣмъ инымъ путемъ. А тутъ, наоборотъ, наше историческое прошлое поясняется путемъ параллелей съ Западомъ, и выясняется, что пути развитія на Западѣ и у насъ во многомъ схожи, однородны, если и не вполнѣ тождественны.

Ф. Батюшковъ.

— Л. П. Карсавинъ, «Очерки религіозной жизни въ Италіи XII и XIII в.в.». Спб., 1912. Цѣна 3 р. 50 к.

Книга г. Карсавина является симптоматическою не только для текущаго періода въ «исторіографіи»: она симптоматична для настроеній и думъ современнаго автору поколѣнія. Характеренъ выборъ темы: «религіозная жизнь». Характерна и ея концепція. Авторъ не только изучаетъ религіозность интересующей его эпохи внѣ связи съ другими сторонами жизни (хозяйственной ея эволюціей, соціальнымъ укладомъ): онъ принципіально отрицаетъ такую связь. Лишь привнесенная извнѣ схема,—такова мысль автора,—«связываетъ грубыми своими линіями экономическое развитіе и религіозныя движенія; «религіозный подъемъ не можетъ быть пріуроченъ къ какому-нибудь опредѣленному соціальному классу». Если религіозная жизнь, такимъ образомъ, представляется автору, какъ нѣкоторое по своимъ внутреннимъ законамъ живущее, себѣ довлѣющее единство—это не значитъ, что онъ строитъ «систему религіознаго міровоззрѣнія». Отнюдь нѣтъ. Г. Карсавинъ—къ сожалѣнію или къ счастью (мы убѣждены, что это къ счастью),—не «систематикъ»; онъ прежде всего историкъ, глубоко и сильно чувствующій приливы и отливы историческаго моря, его бури и тишину, движенія его волнъ и всѣ чудесныя и грозныя краски его подъ тучами и солнцемъ. Болѣе того—онъ историкъ-художникъ, дорожащій индивидуальнымъ образомъ, умѣющій его прочувствовать и воплотить. Его интересуетъ не столько религіозное міровоззрѣніе, сколько то, что онъ мѣтко и остроумно называетъ «религіознымъ мірочувствованіемъ». Субъектъ-носитель этого мірочувствованія есть «народная масса» или «типическій»—иначе «средній человѣкъ». Содержаніе интересующей автора религіозности это — «все, что есть общаго въ религіозности, скажемъ, Франциска и какого-нибудь Іоанна де Луджьо, папы Иннокентія III и Вальда...». Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ концепція, какъ и терминологія автора, страдаютъ неясностями и даже противорѣчіями, что уже отмѣтила критика (см. «Журн. Мин. Нар. Просв.». Декабрь). Во всякомъ случаѣ, съ позиціи, занятой имъ въ этомъ вопросѣ, не только исчезаютъ или становятся ненужными соціальныя категоріи, но и преодолѣвается противоположность между ортодоксіей и ересью. Какъ извѣстно, для средневѣковой церкви, какъ и (въ большинствѣ ея представителей) для новой католической литературы характерно пониманіе религіозной жизни въ видѣ нѣкотораго діалектическаго процесса, гдѣ вѣчно «дьяволъ съ Богомъ борется, и поле битвы—сердца людей», гдѣ на твердыню правовѣрія ведетъ нападеніе ей враждебная сила ереси, гдѣ «католики» и «еретики» вѣчно стоятъ подъ оружіемъ во враждебныхъ лагеряхъ. Это пониманіе принимала всецѣло—

съ обратными только знаками—и протестантская литература. И она собирала въ одинъ станъ и вытягивала въ одну, на всемъ своемъ протяженіи противостоящую оффиціальной церкви цѣпь «предшественниковъ реформы», «лютеранъ до Лютера». Впрочемъ, въ этомъ спорѣ на иныхъ «героевъ церкви»—съ одной, и «реформы»—съ другой стороны (св. Бернардъ Клервосскій, отчасти — Абеляръ, во всякомъ случаѣ Францискъ Ассизскій) заявляютъ притязаніе оба стана. Они втягиваются въ обѣ цѣпи, и ихъ изображеніе двоится. Болѣе глубокое проникновеніе въ сущность религіознаго процесса съ обѣихъ сторонъ начало уже въ концѣ минувшаго столѣтія подходить все ближе къ раздѣляющей эти лагери преградѣ. Оно провозгласило устами католика Денифле, что лютеранство было лишь испорченной формой того обновленія, которое готовилось въ глубинѣ самой католической церкви, и устами протестанта Сабатье, что св. Францискъ подходилъ къ ереси, но не впалъ въ нее ни разу. Л. П. Карсавинъ хочетъ совсѣмъ снять эту преграду. Въ религіозной жизни въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, для него нѣтъ эллина и іудея, обрѣзанія и необрѣзанія, но одинъ Христосъ. Новыя стремленія религіозности:—евангельская жизнь и апостольство—въ такой же мѣрѣ, какъ и старыя — мистика и аскетизмъ — одинаково характерны для церкви XIII-го вѣка и для его ересей. Вальдъ — такой же поклонникъ іерархіи, какъ и Иннокентій III; св. Бернардъ такъ же проникнутъ боевымъ гнѣвомъ и зажженъ огнемъ апостольства, какъ и Арнольдъ Брешіанскій. Церковь XIII-го вѣка *жива*. Изъ сѣмянъ ея ученія растетъ творчество какъ религіозной догмы, такъ и религіознаго «заблужденія». Ереси возникаютъ изъ ея родимаго лона, изъ общаго таинства религіозной души; изъ него возникаютъ и въ него возвращаются по первому призыву, по первому открытому церковью мосту. Такъ вернулись къ ней, едва оторвавшись отъ нея, валденсы. Францискъ Ассизскій, который при извѣстныхъ условіяхъ могъ оказаться за ея предѣлами—подъ благословеніемъ папы, явилъ томящимся духовной жаждою людямъ воплощеніе религіозной мечты въ рамкахъ церкви. И это обстоятельство «оказалось для ереси болѣе убійственнымъ, чѣмъ костры инквизиціи».

Такова основная схема мыслей автора. Она развертывается въ рядѣ «очерковъ», не всегда формально связанныхъ между собою, но представляющихъ несомнѣнное внутреннее единство. Отъ патаровъ XI—XII в., еще окрашенныхъ господствующимъ цвѣтомъ мистико-аскетическихъ стремленій, черезъ вальденсовъ, арнольдистовъ, гумиліатовъ и еремитовъ онъ подходитъ къ расцвѣту францисканства и міроскихъ организацій, къ торжеству «умѣреннаго христіанскаго идеала». «Идеалъ этотъ менѣе ярокъ и замѣтенъ, чѣмъ апостольство, но онъ

могущественнѣе его и богаче результатами. Онъ растетъ, параллельно съ ослабленіемъ перваго, отвлекая отъ него притокъ свѣжихъ силъ, и въ концѣ концовъ сила именно этого смягченнаго идеала возвращаетъ церкви ея дѣтей, примиряетъ христіанство съ общественной жизнью». Длинную и извилистую свою дорогу авторъ проходитъ не безъ отступленій и блужданій, всюду вѣрный, однако, основной мысли, всюду находя жажду обновленія — въ церкви, и тоску по церкви—въ ереси. Въ большей части книги онъ остается вѣрнымъ и характерному пріему своему: не столько доказывать и аргументировать, сколько описывать, воскрешать интуитивно чуемую имъ дѣйствительность. Пріемомъ этимъ онъ зачастую достигаетъ не только исторической правды, но и благородной, тонкой красоты. Незаурядный литературный талантъ автора, свойственное ему мастерство мѣткихъ характеристикъ дѣлаютъ то, что цѣлыя страницы его книги читаются съ тѣмъ наслажденіемъ, какое даетъ произведеніе искусства. Процессы, изображаемые имъ, проходятъ воочію, рисуемые имъ люди дышатъ и говорятъ. Авторъ—отличный разсказчикъ, превосходный переводчикъ. Онъ живо чувствуетъ бытовые и психическіе нюансы средневѣковой жизни, съ ея высотами и глубинами, съ ея грезами и кошмарами, съ ея наивной важностью и безсознательнымъ комизмомъ. Плетя изъ текстовъ ткань своихъ картинъ и характеристикъ, онъ передаетъ средневѣковую латынь съ оттѣнками и красками, съ какими она, можетъ быть, не передавалась еще на русскомъ языкѣ, и въ этомъ смыслѣ книга его обогащаетъ сокровищницу русской литературной рѣчи.

Не такъ опредѣленно и легко можно отвѣтить на вопросъ, что̀ именно новаго, кромѣ общаго своеобразнаго освѣщенія религіозной жизни средневѣковья, внесъ авторъ въ науку всеобщей исторіи. Безусловно оригинальнымъ и цѣннымъ является большой этюдъ объ источникахъ ранняго францисканства, который даетъ прекрасную основу для построенія его исторіи; мастерскою можно назвать конструкцію судебъ арнольдизма. Въ остальномъ нелегко отдѣлить то, что̀ принадлежитъ г. Карсавину, отъ того, что̀ онъ могъ найти у своихъ предшественниковъ. Критикъ, который пожелаетъ отчетливо опредѣлить мѣсто Л. П. Карсавина въ «исторіографіи» его вопроса, долженъ будетъ продѣлать огромный трудъ, для котораго онъ вовсе не найдетъ помощи въ самой книгѣ. Ссылки его небрежны до крайности. Такова ссылка на «идею этаповъ», которая «мелькала» у Сабатье (стр. 287), такова ссылкана «Денифле и Эрле» (стр. 355) общая и глухая. Мы обращаемся къ библіографическому указателю: ни одно изъ сочиненій Денифле въ немъ не поименовано. А между тѣмъ, общій символъ вѣры ученаго доминиканца въ вопросахъ религіозной исторіи очень близко под-

ходитъ къ задушевнымъ мыслямъ Л. П. Карсавина и не въ одномъ случаѣ, вѣроятно, ихъ опредѣлилъ. Историкъ-спеціалистъ предпочелъ бы видѣть въ трудѣ г. Карсавина болѣе внимательный учетъ уже сдѣланнаго и доказаннаго и отграниченіе его отъ того, что̀ дѣлаетъ и строитъ заново авторъ. Онъ предпочелъ бы видѣть его книгу болѣе сжатой, освобожденной отъ тѣхъ главъ и страницъ, гдѣ не дано ничего существенно новаго. Онъ нашелъ бы, можетъ быть, что нѣтъ необходимости въ такомъ длительномъ созерцаніи индивидуальныхъ образовъ, какому иногда предается авторъ, слишкомъ медленно двигаясь впередъ. Мистическія радости и сладостное смиреніе клариссъ не отличаются отъ аналогичныхъ настроеній другихъ религіозныхъ организацій. Нужно ли было повторять относительно каждой изъ нихъ однѣ и тѣ же характеристики, приводить въ такомъ изобиліи тексты, не всегда новые? Цѣлесообразно ли воспроизводить (въ который уже разъ!) въ научномъ трудѣ бесѣды св. Франциска съ птицами? Стихіи художественно-строющая и научно-анализирующая не примирены въ произведеніи г. Карсавина: онѣ враждуютъ другъ съ другомъ и незаконно захватываютъ чужія области. Въ книгѣ слишкомъ много извѣстнаго для спеціалиста, слишкомъ много темнаго для просто-образованнаго читателя. Авторъ не всегда вразумителенъ, когда онъ аргументируетъ и анализируетъ. Онъ не доработался до мастерства прозрачной научной рѣчи. Техническая сторона книги оставляетъ желать лучшаго. Въ ссылкахъ немало неточностей. Терминологія прихотлива, какъ и ономастика. Онъ именуетъ патаровъ то патеринами, то патаренами, то патеренами; онъ пишетъ «Кьюси», но «Бонакурзъ», онъ называетъ Глабера «Радульфомъ», хотя современныя ему цизальпинскія имена употребляетъ въ итальянской формѣ и т. д.

И все-таки—книга Л. П. Карсавина—интересная, цѣнная, увлекательная книга. Русская наука и русская публика будутъ ждать выполненія того, что̀ обѣщаютъ «крылатыя» ея части.

О. Довіашъ-Рождественская.

— П. И. Люблинскій. «Памяти трехъ русскихъ криминалистовъ И. Я. Фойницкаго, Д. А. Дриля, Н. Д. Сергѣевскаго». 1 рубль.

На страницахъ этой небольшой, съ любовью написанной, книги передъ глазами читателя проходятъ трое людей одинаковыхъ, быть можетъ, по силѣ научнаго энтузіазма, но различныхъ по своимъ навыкамъ, стремленіямъ и школамъ. На одномъ полюсѣ Д. А. Дриль, съ его преклоненіемъ передъ идеей гуманности, съ стремленіемъ облегчить положеніе тѣхъ, кто силою вещей обречены на преступленіе,

Д. А. Дриль, сумѣвшій даже въ суровыя начала уголовно-антропологической школы, наиболѣе авторитетнымъ сторонникомъ которой покойный являлся въ Россіи,—внести мягкій свѣтъ человѣчнаго отношенія къ преступнику. На другомъ полюсѣ окруженная атмосферой холода и безжалостнаго формализма фигура Н. Д. Сергѣевскаго, преклоняющагося передъ идеями государственности и наказанія и временами даже мечтающаго объ эпохѣ XVII столѣтія, эпохѣ неотвратимаго возмездія, чуждаго заботамъ о гарантіяхъ заподозрѣннаго лица. И посрединѣ, какъ нѣкоторое примиреніе противоположныхъ точекъ зрѣнія, столь знакомый всѣмъ питомцамъ Петербургскаго университета обликъ И. Я. Фойницкаго, счастливо сочетавшаго въ своихъ теоретическихъ работахъ трогательную заботу о судьбѣ заподозрѣннаго и обвиняемаго (и потому никогда не опускавшагося до идеи голаго возмездія) съ вѣрностью завѣтамъ классической школы, основныхъ положеній которой покойный придерживался въ теченіе всей своей долгой и плодотворной для науки жизни. Въ работѣ проф. П. И. Люблинскаго передъ глазами читателя проходитъ не сухой списокъ трудовъ трехъ русскихъ криминалистовъ, не простая характеристика ихъ научной дѣятельности, но нарисованные опытной рукой портреты выдающихся ученыхъ, которыхъ недавно лишилась русская наука.

Борисъ Шацкій.

—И. Г. Прыжовъ. Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа. Казань, 1914 г. Цѣна 2 р.

Книга Прыжова была написана еще въ 1863-мъ году и теперь извлечена изъ долголѣтняго забвенія издательствомъ «Молодыя Силы». Характерною особенностью автора является его интересъ къ народной жизни и стремленіе не только изслѣдовать то или другое общественное явленіе, но и проникнуть въ народную психологію и понять, какія причины его вызвали, а также тѣ слѣдствія, которыя внесло оно въ жизнь народную.

Прыжовъ старается прослѣдить исторію кабаковъ на зарѣ исторіи. Почти у всѣхъ народовъ питейные дома были мѣстомъ общественныхъ собраній и не предназначались для одного лишь пьянства. Въ древнихъ Аѳинахъ народъ проводилъ время въ питейныхъ домахъ («капелеяхъ»), распивая вино и слушая флейтщицъ. Въ числѣ лицъ, посѣщавшихъ капелеи, мы встрѣчаемъ и Сократа. Въ Римѣ таверны служили мѣстами собраній. Въ Германіи питейные дома были и съѣстными. Питейный домъ былъ заведеніемъ общественнымъ; граж-

дане часто совѣщались здѣсь объ общественныхъ дѣлахъ; тутъ же собирались земскіе суды. Для женщинъ не считалось зазорчымъ посѣщеніе питейныхъ домовъ. Французскіе кабаре были и остались общественными домами, гдѣ собирались и бѣдняки, и богачи. Здѣсь можно было пить и ѣсть, и человѣку, не имѣвшему хозяйства, можно было найти пріютъ. О содержательницѣ кабаре часто сохранялась добрая память. Тотъ же характеръ носили и древне-славянскія корчмы. Въ Юго-западной Руси доселѣ удержалась древнеславянская корчма. Въ разныхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи встрѣчаются еще остатки огромныхъ корчемъ, обращенныхъ теперь въ заѣздные дома. До сихъ поръ еще во всей Украинѣ и Бѣлоруссіи корчма служитъ обычнымъ мѣстомъ для собраній, для дѣлъ, бесѣдъ и гульбы.

Желаніе сдѣлать изъ виноторговли отрасль дохода вело къ тому, что князья, преслѣдуя вольное кормчество, создавали кабаки, въ которыхъ не было мѣста для сборищъ, и люди предаются одному только пьянству. Все стремленіе московскаго правительства сводилось главнымъ образомъ къ тому, чтобъ извлечь изъ кабаковъ наибольшій доходъ.

Доведя исторію кабаковъ до освобожденія крестьянъ, авторъ указываетъ и на попытки борьбы съ пьянствомъ, которыя принимались самимъ народомъ въ началѣ 60-хъ годовъ.

Книга Прыжова, несмотря на нѣкоторую наивность и устарѣлость, интересна по широтѣ замысла. Она даетъ не только интересный матеріалъ изъ исторіи народной жизни; она бросаетъ свѣтъ на самого автора книги и на его современниковъ. Идеализмъ Прыжова и его вѣра въ народныя силы характерны для всего поколѣнія семидесятниковъ.

А. Т.

— А. И. Яроцкій. Альтруистическая мораль и ея индивидуалистическое обоснованіе. Юрьевъ. 1914.

Брошюра А. И. Яроцкаго—оттискъ изъ журнала «Вопросы Философіи и Психологіи»,—составляетъ какъ-бы продолженіе другой книги автора: «Идеализмъ, какъ физіологическій факторъ», съ которой въ свое время были ознакомлены читатели нашего журнала. Въ прежней книгѣ проф. Яроцкій развиваетъ мысль, что идеалистическое настроеніе человѣка составляетъ важный факторъ, поддерживающій не только духовную, но и физическую его жизнедѣятельность и облегчающій борьбу человѣческаго организма съ постигающими его заболѣваніями. Въ новомъ своемъ произведеніи авторъ трактуетъ не объ идеализмѣ вообще, а объ одной категоріи послѣдняго—альтруизмѣ, альтруистической морали,—и разсматриваетъ не вліяніе ея на здоровье, а то вліяніе, какое альтруизмъ оказываетъ на характеръ и

содержаніе душевной жизни. Въ этомъ вліяніи онъ полагаетъ найти эгоистическое или, какъ онъ выражается, индивидуалистическое обоснованіе альтруистической морали, подобно тому, какъ въ прежнемъ своемъ сочиненіи онъ пытался дать эгоистическое обоснованіе идеализму вообще.

Проф. Яроцкій затрагиваетъ въ своей статьѣ слишкомъ много и слишкомъ глубокихъ вопросовъ изъ области этики, чтобы разсмотрѣть ихъ съ той обстоятельностью, какой они заслуживаютъ. Онъ говоритъ и о происхожденіи инстинкта и нравственнаго чувства, и объ источникахъ морали, и о попыткахъ разныхъ авторовъ обосновать обязательность повиновенія нравственному долгу. Ближайшее соприкосновеніе съ его собственной задачей имѣетъ только послѣднее. Ни у кого г. Яроцкій не находитъ доказательства тому, что велѣнія нравственнаго долга обязательны для человѣка; одни прямо отрицаютъ возможность такихъ доказательствъ, другіе прибѣгаютъ для обоснованія нравственности къ религіи. А. И. Яроцкій полагаетъ, однако, что доказать необходимость нравственнаго поведенія можно и не прибѣгая къ сверхраціональнымъ факторамъ. Альтруистическое чувство, лежащее въ основѣ морали, выводитъ человѣка, по его мнѣнію, «изъ болѣе тѣснаго и простого круга отношеній въ болѣе сложный и обширный», и на почвѣ разностороннихъ столкновеній его съ окружающей жизнью усложняются, пышнѣе расцвѣтаютъ и становятся болѣе полными и яркими внутреннія его переживаніи. А такъ какъ разносторонность, полнота и яркость духовныхъ переживаній, помимо всего прочаго, составляетъ благо и съ философской точки зрѣнія примата человѣческой личности, и съ эгоистической точки зрѣнія довольство и наслажденіе жизнью, то указанныя послѣдствія альтруистическаго поведенія человѣка кажутся автору имѣющими силу объективнаго, такъ сказать, доказательства необходимости морали. Если, однако, и считать аргументацію г. Яроцкаго совершенно неуязвимой, мы найдемъ въ ней обоснованіе разумности и цѣлесообразности, а вовсе не обязательности слѣдовать правиламъ морали, каковое, впрочемъ, для человѣка нравственнаго и излишне, а для грубо-эгоистическаго врядъ-ли пріемлемо. Этимъ не уничтожается значеніе высказанныхъ авторомъ соображеній о роли морали въ дѣлѣ всесторонняго развитія личности, для раціоналистическаго обоснованіе нравственности.

— Жюль Мелинъ. Назадъ къ землѣ. Авторизованный переводъ съ французскаго. М. Таль. Подъ редакціей и съ предисловіемъ В. О. Тотоміанца. Москва. 1914.

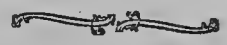
Вопросъ объ обезлюденіи деревни и возвращеніи населенія на землю, обращающій на себя такое большое вниманіе на Западѣ, трактуется

въ вышеназванной книгѣ бывшаго министра-президента во Франціи, Мелина, съ такой точки зрѣнія, которая наиболѣе способна привлечь интересъ къ этому вопросу не только въ странахъ, страдающихъ отъ обезлюденія деревни, но и тамъ, гдѣ, какъ въ Россіи, наблюдается скорѣе противоположное явленіе — земледѣльческое перенаселеніе. Обезлюденіе деревни, само по себѣ, и послѣдствія его для сельскохозяйственной промышленности не составляютъ прямого предмета разсматриваемой нами книги. Въ теоретической или, такъ сказать, разъяснительной ея части, Мелинъ трактуетъ не о деревнѣ, а объ огородѣ, не о сельскомъ хозяйствѣ, а о промышленности, и грозныя послѣдствія современнаго направленія хозяйственной жизни видитъ не въ критическомъ положеніи сельскаго хозяйства, а въ бѣдствіяхъ, угрожающихъ, по его мнѣнію, классу трудящихся въ городахъ, на фабрикахъ и заводахъ. Перспектива этихъ бѣдствій усматривается Мелиномъ въ томъ, что огромное и повсемѣстное развитіе въ новѣйшее время индустріализма покоится не на прочномъ основаніи обезпеченнаго сбыта его продуктовъ, а на мотивахъ, такъ сказать, постороннихъ—на необходимости для отдѣльныхъ предпринимателей расширять производство въ видахъ удешевленія продукта, какъ средства успѣшной борьбы съ соперниками, и на непрекращающемся усовершенствованіи техники, выражающемся главнымъ образомъ въ усиленномъ примѣненіи машинъ, на-ряду съ увеличеніемъ производства ведущихъ къ вытѣсненію съ поля промышленности рабочаго-человѣка. Рисуя яркими красками переполненіе всѣхъ рынковъ товарами и слѣдующее за тѣмъ крайнее пониженіе ихъ цѣнъ, Мелинъ почти вовсе не касается вопроса о томъ, куда же, однако, дѣвается огромная масса продуктовъ, выбрасываемыхъ на рынки безъ соображенія съ требованіями послѣднихъ, т. е. вопроса о средствахъ, примѣняемыхъ въ современныхъ обществахъ для возстановленія равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ. Его анализъ современной тенденціи индустріализма остается, такимъ образомъ, незаконченнымъ, а его заключеніе о бѣдствіяхъ, ожидающихъ рабочее населеніе, теоретически не вполнѣ обоснованнымъ. Составляя свою книгу въ моментъ промышленнаго кризиса начала истекшаго десятилѣтія, Мелинъ настолько былъ пораженъ характерными его проявленіями—сокращеніемъ спроса на рабочую силу, пониженіемъ товарныхъ цѣнъ и стремленіемъ предпринимателей сбыть во что бы то ни стало свои издѣлія на внѣшніе рынки,—что готовъ былъ отнестись къ данному моменту, какъ къ линіи перелома, за которой послѣдуетъ измѣненіе характера капиталистическаго предпринимательства. Разразившійся тогда кризисъ,—говоритъ онъ—«будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока окончательно не будетъ установлено равновѣсіе между произ-

водствомъ и потребленіемъ, что возможно только тогда, когда производство точно считается съ требованіями рынковъ» (с. 29). И хотя послѣднія изданія его книги появились въ то время, когда хозяйственная жизнь представляла прямо противоположныя отношенія, авторъ не счелъ нужнымъ «подновить», какъ выражается редакторъ русскаго перевода, статистическія данныя; иначе говоря, онъ игнорировалъ все, что произошло въ хозяйственной жизни послѣ перваго изданія его книги, «что какъ-бы опрокидываетъ и его аргументацію, и его заключенія о грозящихъ рабочему бѣдствіяхъ, вызвавшихъ обращеніе его къ нимъ съ призывомъ: «назадъ къ землѣ».

Вторая и большая часть книги Мелина посвящена вопросу объ условіяхъ и мѣрахъ, при осуществленіи которыхъ возможно возвращеніе населенія къ землѣ. Общій ихъ смыслъ заключается въ томъ, что земледѣлецъ долженъ находить въ своемъ промыслѣ прочное обезпеченіе быта, а въ окружающей обстановкѣ—всѣ тѣ удобства, какія даетъ современная культура и какія въ извѣстной степени можно теперь найти только въ городѣ.

В. В.



ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Отзывъ агронома о хуторянахъ Новгородскаго уѣзда.—Отношеніе къ хуторской реформѣ администраціи и печати.—Нужда хуторянъ въ школѣ и церкви. — Смягченіе административной политики. — Право двухъ формъ быта на жизнь.

Агрономъ Новгородскаго уѣзда съ добрымъ, усталымъ лицомъ разсказывалъ:

— Вышли на хутора въ уѣздѣ процентовъ 20 приблизительно. Живутъ ничего, хорошо, лучше прежняго. Конечно, у которыхъ выдѣлъ поменьше, тѣмъ потруднѣе. Вотъ, напримѣръ, въ одной семьѣ пять сыновей раздѣлились и выдѣлились. Досталось по 2 десятины. Ну, имъ трудно. А у кого по 6, по 7 десятинъ, тѣ уладились какъ слѣдуетъ. Не ссорятся ли съ общинниками? Нѣтъ, у насъ какъ-то мирно это проходило, равнодушно относились. Ну, а потомъ есть деревни, которыя всѣ вышли на хутора, всей деревней. Эти, наоборотъ, очень довольны, дружнѣе стали жить. „Раньше, говорятъ, когда рядомъ жили, надоѣли другъ другу. И все спорили. Изъ-за того спорили, изъ-за другого спорили. До зла доходили, до драки. Потому, что все

рядомъ: гумна, огороды, живность всякая. А теперь поодаль любезное дѣло. Не видимъ другъ дружку, спорить не о чемъ. Ну, такъ даже скучать стали. Въ гости стали ходить другъ къ другу. Сидишь-сидишь одинъ-то, скучно и пойдешь провѣдать". Вотъ пьянчушки да неспособные всякіе,—продолжалъ агрономъ,—тѣ, правда, землишку размотали. Выдѣлились и продали. А такъ вообще живутъ хорошо, лучше прежняго.

Мнѣніе одного агронома съ маленькимъ, частичнымъ опытомъ, конечно, не только не рѣшаетъ, но даже и не освѣщаетъ съ достаточной глубиной большого, сложнаго, перепутаннаго и болѣзненнаго вопроса о хуторской реформѣ. Кромѣ того, люди такого склада, какъ названный агрономъ, дѣловые, искренніе и благодушные, неохотно отмѣчаютъ дурныя стороны жизни. Они—прирожденные оптимисты, преданные своему полезному дѣлу, превосходные и неутомимые работники, они искренно вѣрятъ, что все хорошо, что дѣло идетъ впередъ, а мужику живется, при помощи агрономіи, при содѣйствіи земства и правительства, все лучше и лучше. Свойство въ сущности превосходное для дѣловыхъ людей. Нужно только учитывать этотъ оптимизмъ, когда желаешь взглянуть на дѣло съ возможнымъ безпристрастіемъ.

Сдѣлавъ такую оговорку, слѣдуетъ, однако, признать, что имѣются, видимо, такія мѣста, какъ Новгородскій уѣздъ, гдѣ хуторская реформа не произвела въ крестьянскомъ быту большого потрясенія, мирно вошла въ жизнь и уже пустила свои корни, внеся нѣкоторое освѣженіе и укрѣпленіе въ крестьянское хозяйство. Вопросъ только въ томъ, много ли такихъ благополучныхъ мѣстъ. Къ сожалѣнію, печать,—и въ особенности провинціальныя газеты, которыя, казалось бы, ближе всего къ деревнѣ,—мало даютъ и мелкихъ бытовыхъ чертъ о жизни хуторянъ.

Къ земельно-хуторской реформѣ съ самаго начала установилось въ печати остро-полемическое отношеніе. И такое же отношеніе почти безъ измѣненія держится до сихъ поръ. Споръ идетъ о тѣхъ путяхъ, по которымъ пошло практическое осуществленіе хуторской реформы. Для проведенія хуторской реформы былъ использованъ весь могущественный государственный аппаратъ; хуторянамъ и отрубникамъ стало оказываться содѣйствіе и поощреніе въ видѣ субсидій, льготъ, облегченнаго выхода изъ общины, безплатной агрономической помощи и всякихъ другихъ знаковъ административнаго вниманія. общинники, наоборотъ, поставлены были въ гораздо менѣе выгодное положеніе. Создалась атмосфера, въ которой протесты печати стали естественными и неизбѣжными.

Можетъ быть, прогрессивная печать проявила нѣкоторую односторонность въ отрицательномъ и полемическомъ отношеніи къ хутор-

ской реформѣ. Но и эта односторонность была въ достаточной степени понятна и естественна. Печать не могла отмѣчать острые углы земельной передряги, въ надеждѣ, что гласное освѣщеніе вопроса поможетъ смягчить его обостренность.

Но время идетъ, исправляя ошибки и залѣчивая раны. Жизнь сама отбрасываетъ многое, какъ вредный балластъ, а кое-что приспособляетъ къ своему ходу и росту. Кромѣ того, хуторская реформа, какъ это давно уже отмѣчалось и противниками ея, могла быть полезной и желанной для нѣкоторыхъ мѣстностей, гдѣ община клонилась къ переходу въ другой типъ крестьянскаго хозяйства, и еще больше для отдѣльныхъ крестьянъ, тяготившихся связанностью своей иниціативы въ общинѣ.

Можетъ быть, уже пришло время болѣе спокойно взглянуть на ходъ хуторской реформы, болѣе объективно подсчитать ея итоги и постараться отмѣтить не только отрицательныя, но и положительныя ея стороны. Между тѣмъ газеты продолжаютъ прежнюю остро-полемическую линію. Сообщаются почти исключительно отрицательные факты о движеніи непопулярной земельной реформы.

Чтеніе провинціальныхъ и столичныхъ газетъ за послѣдніе, напримѣръ, мѣсяцы даетъ такого рода извѣстія. «Южному Краю» пишутъ изъ Балаклеи, Зміевскаго уѣзда: «По деревнямъ идетъ усиленная скупка земли у укрѣпленцевъ разными мѣстными кулаками и пришлыми ловкими людьми. У нѣкоторыхъ имѣются даже свои агенты, подбивающіе слабыхъ на водку—могарычами, болѣе бѣдныхъ—соблазнительными задатками, и скупка идетъ угрожающе успѣшно. Надѣлы запродаются за безцѣнокъ: надѣлъ въ $2^1/_2$ десят. отдается за 180—200 руб. Это въ то время, какъ худшая земля цѣнится у насъ не меньше 300—380 руб. за десятину. Особенно ожесточенно идетъ распродажа въ пьяной деревнѣ Мѣловой. Кому не лѣнь, спускаетъ тамъ за гроши едва укрѣпленные, еще не вырѣзанные надѣлы. Деньги пропиваются. Остаются крестьяне и безъ денегъ, и безъ земли... По окрестнымъ и сосѣднимъ деревнямъ многіе продавшіе хоть за безцѣнокъ, но сохранившіе деньги, оживленно готовятся къ переселенію. Изъ нѣкоторыхъ деревень собираются по 50—60 домохозяевъ. Тяга на Семирѣчье».

«Смоленскому Вѣстнику» пишутъ изъ Смоленскаго уѣзда: «Въ надвинскомъ приходѣ скоро изъ 20 деревень не останется ни одной, живущей въ общинѣ. Всѣ выходятъ на хутора. Вмѣстѣ съ разбивкой на хутора усилилось и пьянство. Надвинцы, напримѣръ, вынесли постановленіе, чтобы пропить отъ каждаго вновь разбиваемаго участка по одному рублю. Почти то же дѣлаютъ и въ другихъ деревняхъ. Пропиваютъ сѣнокосы, остатки; пьютъ при полюбовномъ размежеваніи

земель на хутора, и еще больше пьютъ при спорномъ дѣлежѣ. Вездѣ слышно о закрытіи винныхъ лавокъ, но до насъ борьба съ пьянствомъ еще не дошла. По-прежнему существующее въ домѣ волостного старшины трактирное заведеніе спаиваетъ всѣхъ, даже дѣтей. При разбивкѣ хутора крестьянамъ выдается отъ землеустройства ссуда на обзаведеніе. Но добрая треть этихъ ссудъ пропивается въ трактирѣ».

Корреспондентъ «Саратовскаго Вѣстника» сообщаетъ изъ Баланды: «Достаточно было одного года, чтобы наши отрубщики оказались въ критическомъ положеніи. Много отрубовъ назначено въ продажу. Кто можетъ, спѣшатъ передать свое право самостоятельнымъ хозяевамъ, срывая «за здорово живешь» изрядные куши, особенно съ южныхъ хохловъ. Это срываніе возбуждаетъ зависть и является большимъ соблазномъ даже для исправныхъ отрубщиковъ. Возникаетъ барышничество землей въ крестьянствѣ. За невзносъ податей сельскія и волостныя власти 27 февраля «выгнали» недоимщиковъ на базаръ продавать описанный скарбъ. Вся площадь общественнаго базара была уставлена скотомъ и вещами. Продажи не было. Сдѣлано распоряженіе выѣзжать и въ слѣдующій торговый день. Въ случаѣ надобности «погонятъ» на сторону».

Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» изъ Мелитополя пробуетъ нарисовать болѣе широкую картину на ту же безрадостную тему.

«Землеустроители въ Мелитопольскомъ уѣздѣ,—говоритъ корреспондентъ,—работаютъ, не покладая рукъ. Въ каждомъ селѣ насчитываются сотни выдѣлившихся крестьянъ. На хутора и отруба разверстаны крупнѣйшія села въ мѣстномъ районѣ съ десятками тысячъ населенія въ каждомъ. Немало при этомъ, конечно, было и «недоразумѣній», заканчивавшихся иногда арестами сельскихъ старостъ (с. Терпѣнье), а иногда и тюрьмой (Большая Знаменка). Жизнь на отрубахъ и хуторахъ, теряющихся въ безпредѣльной степи, не радостна. Отрубщики массами жалуются на свою судьбу. Наученные горькимъ опытомъ крестьяне, хотя и продолжаютъ,—въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ,—укрѣплять свои надѣлы, но окончательно съ общиной стараются не порывать. По оффиціальнымъ даннымъ, въ Балковской волости значится 183 хутора, въ дѣйствительности же ихъ едва насчитается и сотня. Б.-Бѣлозерская волость имѣетъ всего какой-нибудь десятокъ отрубовъ, въ то время какъ укрѣпившихся крестьянъ тамъ тысячи. Крестьяне, отруба которыхъ находятся далеко отъ селенія (есть отдаленные на 20 и даже 30 верстъ), устраиваютъ тамъ на время лѣтнихъ работъ шалаши и «лѣтнія кухни», по окончаніи же полевыхъ работъ перебираются на старое логовище. Въ зимнее время крестьяне, вышедшіе изъ общины, осо-

бенно остро чувствуютъ всю тяжесть одинокой заброшенной жизни. Появился страхъ одичанія. Въ то время, когда многотысячное крестьянство, живущее въ болѣе или менѣе крупныхъ селахъ, сооружаетъ начальныя и высшія начальныя школы и учительскія семинаріи, въ то время, когда тамъ весьма замѣтно усиливается самодѣятельность въ смыслѣ созданія разныхъ культурно-экономическихъ организацій,— отрубники сидятъ на своихъ «клочкахъ», забытые людьми, безъ почты, безъ школъ, безъ библіотекъ. Наболѣвшій вопросъ у отрубниковъ и хуторянъ, это—вопросъ школьный. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ ходатайствъ крестьянъ передъ мелитопольскимъ земствомъ объ открытіи у нихъ школъ: «Наши дѣти,—пишутъ отрубники поселка Ново-Васильевки,—мало того, что не умѣютъ читать, но даже мало имѣютъ о Богѣ понятія». «Наши дѣти не имѣютъ даже необходимаго образованія, — заявляютъ отрубники Ново-Николаевки,—несмотря на то, что уже XX вѣкъ. Это тоже надо подумать и ужаснуться». «Во имя всего святого, — умоляютъ хуторяне Зеленаго Пида,—дайте намъ и нашимъ дѣтямъ источникъ свѣта, для насъ школа вдвойнѣ, втройнѣ необходима, въ степи ни храма, ни школы, одичать можно, а что будетъ съ нашими неграмотными дѣтьми, а вѣдь у насъ такихъ много!.. Отъ себя и отъ своихъ дѣтей просимъ: дайте намъ школу!». Земство возбуждало ходатайство объ удовлетвореніи нужды отрубщиковъ въ народномъ образованіи передъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и передъ главнымъ управленіемъ землеустройства и земледѣлія. но изъ всѣхъ этихъ ходатайствъ пока ничего не вышло. Училищный совѣтъ рекомендуетъ, какъ временную мѣру, открывать школы въ поселеніяхъ единоличныхъ владѣльцевъ на основаніи ст. 3.478 т. XI ч. I, зак., изд. 1893 г., т. е. предлагаетъ, иначе говоря, крестьянамъ пока самимъ, почти безъ всякой посторонней помощи, разрѣшить этотъ трудный вопросъ. Невесело протекаетъ жизнь и въ разрушающейся общинѣ. Крестьяне, напримѣръ, села Ново-Николаевки — большіе противники отрубовъ. Они рѣшили во что бы то ни стало отстоять общину и устроить очередной уравнительный передѣлъ. Но ихъ попытки не увѣнчались успѣхомъ.—Уже пять лѣтъ,—писалъ крестьянинъ-общинникъ въ 1912 г. изъ этого села,—ждемъ передѣла, но напрасно, потому что не разрѣшаютъ. У насъ на каждую душу приходится земли 3 дес. и $7^1/_2$ саж. Участки же земли настолько измельчали, что въ 8-ми участкахъ они равняются лишь $3^1/_2$ саж.; есть даже такіе, которые не превышаютъ $^1/_2$ саж. Несмотря на неразрѣшеніе производить передѣлъ, крестьяне все-же не рѣшаются переходить на отруба и надѣются рано или поздно передѣлить землю. Въ надеждѣ на то, что въ концѣ-концовъ передѣлъ будетъ разрѣшенъ, крестьяне пока не хотятъ какъ слѣдуетъ

обрабатывать землю.—Урожаи, вслѣдствіе этого, въ 1912 и 1913 гг. были неважные. Сельское хозяйство мѣстами падаетъ исключительно благодаря земельнымъ передрягамъ. «Свободный капиталъ за послѣдніе годы получилъ новое назначеніе,—на скупку земель у выдѣлившихся. Въ деревнѣ появился даже особый видъ ростовщическаго кредита—земельный, съ которымъ пока никто никакой борьбы не ведетъ, если не считать дѣятельности сельскихъ кредитныхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ, которыя уже ставятъ вопросъ о борьбѣ съ этимъ явленіемъ на очередь».

Корреспонденція «Вятской Рѣчи» изъ Уржумскаго уѣзда свидѣтельствуетъ, что малые чины администраціи продолжаютъ внѣдрять земельную реформу съ прежней энергіей, близкой къ наскоку. «Позднимъ вечеромъ,—разсказываетъ корреспондентъ газеты,—7 февраля, въ деревню Токари, Пилинской волости, пріѣхалъ непремѣнный членъ уржумской землеустроительной комиссіи г. Быковъ, для составленія проекта выдѣла отрубовъ для трехъ выходчиковъ Бяковыхъ. Многіе изъ болѣе стойкихъ общинниковъ въ тотъ день, не имѣя увѣдомленія ранѣе о пріѣздѣ г. Быкова, уѣхали въ Уржумъ на базаръ. Но большая часть полусонныхъ мужиковъ, разбуженныхъ энергичнымъ стукомъ палкою по окнамъ деревенскаго десятника, явилась на сходъ, гдѣ первымъ долгомъ г. Быковъ прочиталъ имъ лекцію о вредѣ общины и пользѣ хуторскаго хозяйства, послѣ чего спросилъ общинниковъ, согласны ли они выдѣлить подъ отруба указанную выходчиками площадь земли? Нѣкоторые домохозяева выразили было свое несогласіе уступить землю въ указанномъ мѣстѣ, гдѣ у многихъ домохозяевъ имѣлись полосы съ лѣсомъ, но г. Быковъ пригрозилъ имъ протоколомъ, и проектъ выдѣла былъ подписанъ. Видя, что при создавшемся положеніи можно урвать лакомый кусочекъ, и другіе домохозяева стали заявлять на ближайшіе къ селенію участки, и къ утру оказалось уже 14 выходчиковъ изъ 37 домохозяевъ. Желающихъ не стало только тогда, когда вся ближайшая земля была разобрана, и только на третій день, когда достаточно проспались мужики, обсудили создавшееся положеніе, которое оказалось не очень завиднымъ, т. к., по нарѣзкѣ отрубовъ, ихъ поле будетъ представлять собою подобіе женскаго корсета: въ длину поле будетъ имѣть 6 верстъ, а въ ширину, на протяженіи 2 вер., не превышаетъ 300 саж., въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ даже не болѣе 100 саж. И это поле приходится дѣлить на двое, при чемъ получатся только прогоны для скота, пастбищъ же не будетъ. Нужно сказать, что земельный надѣлъ въ деревнѣ Токаряхъ болѣе приспособленъ для общиннаго пользованія, т. к. въ составъ его входятъ пашня, луга, выгонъ и лѣсъ. При выходѣ на отруба домохозяинъ естественно не можетъ получить всѣ виды угодій въ одномъ

мѣстѣ. Но чего всего болѣе жаль, такъ это лѣса, котораго нѣкоторые домохозяева имѣютъ по три и четыре участка, что въ общей сложности составляетъ болѣе десятины на домохозяина. По нарѣзкѣ хуторовъ всѣ эти лѣса вырубятся въ одинъ годъ».

Разочарованіе въ хуторахъ и тяжелый раздоръ среди общинниковъ и хуторянъ отмѣчается мѣстной газетой въ Костромской губерніи. «По казанскому тракту,—говоритъ корреспондентъ,—на отрубахъ за ст. Новоселки возникъ было цѣлый рядъ надѣльныхъ хуторовъ. Хуторянами явились крестьяне деревни Кошки-Шемякиной, выдѣлившіеся изъ общины. Но черезъ два года хуторской жизни наши фермеры не выдержали, побросали свои хутора и обѣжали снова въ селеніе, но не въ свое, такъ какъ общество категорически отказалось принять своихъ отщепенцевъ, а въ сосѣднее село Пимурзино, гдѣ закупили усадебныя мѣста за цѣны отъ 200 и болѣе рублей. Несчастные хуторяне, разорившіеся отъ двукратнаго переноса построекъ, только кое-какъ застроились въ чужомъ обществѣ, какъ открылось для нихъ весьма тяжелое обстоятельство: сдѣлка съ обществомъ не имѣетъ юридической силы, и хуторянъ могутъ снова погнать съ занятыхъ усадебъ. Дѣло въ томъ, что нотаріальнаго договора не было совершено, а сдѣлка была совершена по обыкновенному общественному приговору, который въ данномъ случаѣ силы не имѣетъ. И само общество въ настоящее время относится весьма враждебно къ чужероднымъ элементамъ; указываютъ, что приговоръ составленъ стариками изъ-за угощеній; молодежь заявляетъ, что она сгонитъ хуторянъ изъ своей общины. Всѣ почти хуторяне задолжали передъ департаментомъ земледѣлія, получивъ ссуды на хозяйственныя улучшенія, но жить въ непривычныхъ условіяхъ не сочли возможнымъ для себя и попали въ глупое и безвыходное положеніе. Видя это, выдѣлившіеся на хутора крестьяне сосѣдняго селенія Кошки-Теляково въ количествѣ 30 съ лишнимъ дворовъ разселились поселкомъ и земли нынѣ обрабатываютъ по обычной общинной разверсткѣ, не принимая во вниманіе межевыхъ граней и установивъ трехпольный сѣвооборотъ. Разумѣется, съ юридической стороны здѣсь создались самыя нелѣпыя отношенія, которыхъ въ случаѣ, если кто-либо задумаетъ вести индивидуальное хозяйство, никто не распутаетъ».

Корреспондентъ «Одесскихъ Нов.» отмѣчаетъ затрудненія хуторянъ въ Маріупольскомъ уѣздѣ. «Въ уѣздную земскую управу,—говорилъ корреспондентъ,—поступилъ рядъ ходатайствъ отъ крестьянъ, выдѣлившихся изъ общины на хутора. Хуторяне просятъ земскую управу о выдачѣ имъ ссудъ на обсѣмененіе полей, такъ какъ недородъ прошлаго года и неурожайность двухъ предшествовавшихъ лѣтъ привели къ тому, что у нихъ нечѣмъ обсѣменить поля. Въ случаѣ,—

указываютъ хуторяне,—въ ссудѣ имъ земствомъ будетъ отказано, то «неокрѣпшимъ» ихъ хозяйствамъ грозитъ разореніе. Слѣдуетъ, кстати, замѣтить, что законъ 9 ноября о выдѣленіи изъ общины осуществлялся въ Маріупольскомъ уѣздѣ въ очень широкихъ размѣрахъ, и число выдѣлившихся изъ общины въ Маріупольскомъ уѣздѣ относительно весьма велико. Земская управа рѣшила оказать помощь хуторянамъ выдачей имъ на обсѣмененіе безпроцентной ссуды срокомъ на 10 лѣтъ. Между прочимъ, держится мнѣніе, что въ случаѣ неурожая положеніе отрубниковъ менѣе благопріятное, чѣмъ общинниковъ, потому что проводить въ жизнь начала коопераціи отрубникамъ гораздо труднѣе, чѣмъ общинникамъ».

Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» отмѣчаетъ нѣкоторые признаки охлажденія къ хуторской реформѣ въ Даниловскомъ уѣздѣ. «Въ нашемъ уѣздѣ,—пишетъ корреспондентъ,—въ настоящее время приходится наблюдать сокращеніе количества выдѣловъ на хутора и отруба. Примѣненіе закона 9-го ноября пошло на убыль. Сокращеніе количества выдѣловъ явилось не результатомъ какихъ-либо измѣненій въ ходѣ землеустройства, а результатомъ болѣе глубокихъ основаній. Усиленное примѣненіе закона 9-го ноября въ первые годы со времени проведенія закона имѣло особыя основанія, которыя теперь уже отпали. Въ первые годы порывали связь съ общиной элементы въ крестьянствѣ, которымъ уже раньше была чужда община, потому что они не вели хозяйства,—порывали съ цѣлью окончательно ликвидировать связь съ общиной и землей,—и элементы, которыхъ община дѣйствительно тяготила той системой хозяйства и тѣми порядками, которые были установлены въ ней издавна. Теперь же, когда община освободилась отъ чуждыхъ ей элементовъ, какъ и слѣдовало ожидать, количество выдѣловъ сократилось. Одной изъ важныхъ причинъ сокращенія количества выдѣловъ послужило также и то обстоятельство, что хутора не оправдали возлагаемыхъ на нихъ надеждѣ относительно преимуществъ единоличнаго хозяйства. Случаи банкротства хуторовъ, особенно насажденныхъ на банковыхъ земляхъ, оказались весьма вразумительными для крестьянства».

Самарскій «Волжскій край» приводитъ самоличный отзывъ крестьянъ о своей новой жизни на отрубахъ и хуторахъ: «Какъ живемъ? Богу извѣстно: жилимся изъ всѣхъ силъ, чтобъ въ казну срочные платежи заплатить, земскія повинности внести. Работаешь, работаешь, глядишь—ни капельки прибыли себѣ; на чорта спину гнулъ, потомъ обливался, сбрую рвалъ, скотину маялъ, семью мучилъ... Тридцать четыре семьи проживаетъ у насъ на отрубахъ въ этомъ мѣстѣ, а все какъ-то дико, одиноко... Про отруба сурашиваете... Что вамъ сказать? Ошиблись. Много изъ насъ уже

отруба побросали... Думали, обработаемъ землю и родить будетъ,— нѣтъ, ничего не сдѣлаешь. Стараемся вотъ уже пятый годъ, а таетъ наше прежнее нажитое, а новаго ничего не прибавляется. Теперь уже казна за неплатежъ у нашихъ много отобрала участковъ. Куда они теперь? И сами не знаютъ куда. Между небомъ и землей оказались... Прожили плохо, а жить, видно, придется еще плоше. Дрожимъ весной, срокъ платежа пришелъ; дрожимъ осенью, опять срокъ наступилъ. Не видимъ, какъ время срокъ отъ срока идетъ. Вертимся, какъ змѣя въ муравьяхъ.—Я кое-какъ съ землеустроительной комиссіи выцарапалъ шестьдесятъ цѣлковыхъ на обзаведеніе, вотъ маленько изба-то на жилье людское походитъ, а въ другихъ—могилы, а не жилье. Зарылись заживо въ землю, обложились землей и живутъ. И лѣтомъ, и зимой со стѣнъ каплетъ. Холодище, дымище, вонища, грязища,—живемъ. Вы на ребятишекъ взгляните, какъ они мучаются. Работаемъ изо всѣхъ силъ, а не остается лишней копѣйки на затычку прорѣхъ... Толку не выходитъ никакого. Побьешься, побьешься, выбьемся изъ силъ и—конецъ. Многіе подумываютъ «лататы задать». Въ шатающую братію поступимъ. Русь мѣрить, видно, будемъ»...

«Уфимскій Вѣстникъ» иронически сообщаетъ о «собираніи» земли въ Белебеевскомъ уѣздѣ: «Собираніе» земель-надѣловъ въ однѣ руки пошло еще болѣе усиленнымъ и ускореннымъ темпомъ. Только и слышишь: такой-то купилъ уже тринадцать надѣловъ у того-то за 150 руб. (это при арендныхъ цѣнахъ на пары въ 8—10 руб.), такой-то купилъ одиннадцатый по той же цѣнѣ, такой-то купилъ двѣнадцатый, тоже по 150 руб. (надѣлъ въ пять съ лишнимъ дес.). Въ настоящее уже время, проѣзжая по полямъ, въ любой моментъ можешь наткнуться то на землю того, то другого изъ новыхъ помѣщиковъ. Это называется «собираніемъ земли»... Земли эти, конечно, будутъ сдаваться тѣмъ же крестьянамъ, но по повышенной уже цѣнѣ»...

Сложнымъ и больнымъ вопросомъ въ жизни отрубниковъ и хуторянъ является школьная нужда. Объ этомъ изъ многихъ мѣстъ пишутъ корреспонденты газетъ. Изъ Сердобска сообщаютъ «Саратовскому Листку: «Безъ школъ сейчасъ находятся поселившіеся на отрубахъ крестьяне. Въ Сердобскомъ у. въ байковской школѣ изъ 150 учениковъ обучаются грамотѣ только 5 выселенцевъ, тогда какъ ихъ въ этомъ районѣ насчитывается свыше 200 домовъ. Такой же процентъ школьниковъ наблюдается и на отрубахъ другихъ волостей. Въ общемъ изъ 22 тыс. человѣкъ отрубного населенія въ школахъ обучаются не болѣе 150. Вопросъ объ обученіи грамотѣ на отрубахъ относится къ числу трудноразрѣшимыхъ вопросовъ. Земство не можетъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, строить въ районахъ отрубного разселенія школы, такъ какъ сейчасъ многія селенія еще не имѣютъ

школъ. Однако нельзя оставить совершенно безъ вниманія и дѣтей, волею судьбы лишенныхъ возможности получить начальное образованіе. Крестьяне-отрубщики отвозятъ ежедневно своихъ дѣтей въ школы. Но это сопряжено съ большими неудобствами, а иногда бываетъ и совершенно невозможно. Очевидно, къ нимъ долженъ прійти на помощь крестьянскій банкъ. Получая хорошія прибыли отъ своихъ операцій, банкъ имѣетъ возможность организовать для своего населенія доступность школьнаго образованія. По крайней мѣрѣ можетъ устроить удобный подвозъ дѣтей, или общежитіе для нихъ».

Ту же нужду отмѣчаетъ въ Тамбовской губерніи мѣстная газета: «Сидящіе на банковской землѣ чакинскіе хуторяне Тамбовской губ. обратились въ тамбовскую уѣздную земскую управу съ прошеніемъ, въ которомъ пишутъ. «Земскія школы отстоятъ отъ насъ въ разстояніи пяти верстъ, расположеніе же поселковъ не предоставляетъ возможности соединиться вмѣстѣ и доставить учениковъ въ училище... Намъ необходимо имѣть свою школу». Всѣхъ заинтересованныхъ въ постройкѣ новой школы насчитывается до 400 человѣкъ. Чакинскіе единоличники обращаются со своею просьбою въ управу уже третій разъ».

О томъ же говоритъ «Волжскій Край», отмѣчая затрудненія самарскихъ хуторянъ: «Возьмемте,—пишетъ корреспондентъ «Волжскаго Края»,—вопросъ объ образованіи подрастающаго поколѣнія хуторянъ. Теперь приходится наблюдать, какъ нѣкоторые изъ хуторянъ (очень не многіе) отдаютъ дѣтей «на хлѣба» въ села, гдѣ есть школа: возятъ имъ провизію и ставятъ на квартиры. Но большинство хуторянъ поставило «черный» крестъ на обученіи своихъ дѣтей.—Не сподручно мальченкѣ жить въ селѣ... Надо бы учить да нельзя. Поставь мальченку въ селѣ на квартиру. Хорошо такъ говорить. А гдѣ нашъ братъ денегъ на это возьметъ? Изъ пустого кармана, да еще на квартиру тратиться... Лучше не учить».

Рядомъ со школьной нуждой выступаетъ и религіозная нужда, такъ какъ отъ церквей хуторяне удалены не менѣе, чѣмъ отъ школъ. Объ этомъ обезпокоилась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ епархіальная власть, о чемъ можно судить по слѣдующей замѣткѣ въ газетѣ «День»: «Епископъ саратовскій Алексѣй внесъ въ св. Синодъ представленіе, въ которомъ, указывая на то, что въ саратовской епархіи свыше 10.000 крестьянъ вышли на отруба и лишены возможности за отдаленностью церквей удовлетворять свои религіозныя потребности, просилъ Синодъ учредить двѣ должности разъѣздныхъ священниковъ съ походными церквами. За недостаткомъ средствъ Синодъ ассигновалъ лишь 1.200 руб. на содержаніе одного разъѣздного священника; въ виду этого епископъ Алексѣй вошелъ съ ходатайствомъ въ главное управленіе земледѣлія объ отпускѣ необходимыхъ средствъ».

Но самое тяжелое въ послѣдствіяхъ земельной реформы — это вражда между общинниками и хуторянами. По многочисленнымъ фактамъ за всѣ эти годы видно, что вражда эта—не случайность. Печальныхъ фактовъ подобнаго рода газеты много отмѣтили и за послѣдніе мѣсяцы. «Русскому Слову», напримѣръ, телеграфируютъ изъ Харькова: «Сегодня (15 марта) возвратился въ Харьковъ управляющій губерніей П. Н. Масальскій-Кошуро, выѣзжавшій вчера вмѣстѣ съ сотней казаковъ въ Уды, Харьковскаго уѣзда, для улаженія серьезныхъ недоразумѣній, возникшихъ между общинниками и отрубниками Удянскаго сельскаго общества. Общинники выѣхали въ поле и рѣшили пахать отруба, которые были выдѣлены отрубникамъ на основаніи постановленія губернской землеустроительной комиссіи, вошедшаго уже въ законную силу и подтвержденнаго указомъ Сената. 172 отрубника рѣшили защищать свои отруба силой. Между возбужденными толпами крестьянъ грозило разыграться форменное сраженіе. Прибывшая на мѣсто полицейская стража едва была въ состояніи предотвратить кровавое столкновеніе. Была вызвана сотня казаковъ. Опасаясь возможности серьезныхъ осложненій, управляющій губерніей П. Н. Масальскій-Кошуро выѣхалъ для личныхъ переговоровъ съ крестьянами. Два дня шли дебаты на крестьянскихъ сходахъ. На сходахъ выступалъ съ рѣчами П. Н. Масальскій-Кошуро, разъясняя крестьянамъ совершенную безплодность и самую серьезную опасность для крестьянъ ихъ протеста противъ отрубовъ послѣ того, какъ постановленіе землеустроительной комиссіи вошло въ законную силу. Общинники вняли благоразумію и примирились съ совершившимся фактомъ. Они заявили, что запахивать выдѣленныхъ отрубовъ больше не будутъ. Вице-губернаторъ арестовалъ пять человѣкъ, усматривая въ нихъ зачинщиковъ, но заявилъ крестьянамъ, что если весь инцидентъ будетъ исчерпанъ мирно, то онъ ограничится лишь наложеніемъ административнаго взысканія на арестованныхъ крестьянъ «за вторженіе въ чужія владѣнія». Казаки и полицейская стража оставлены въ селѣ Удахъ до окончательнаго выясненія дальнѣйшаго поведенія крестьянъ».

Той же газетѣ сообщаютъ изъ Рѣчицы, Минской губерніи: «Въ особомъ присутствіи минскаго окружнаго суда, съ участіемъ сословныхъ представителей, разсмотрѣно любопытное бытовое дѣло. Года три назадъ Крестьянскій банкъ купилъ въ предѣлахъ Наровленской волости, Рѣчицкаго уѣзда, вблизи деревни Грушевки, имѣнія Здобнаго и Суходубовскаго и предложилъ крестьянамъ села Гришевки купить у него эту землю съ обязательнымъ условіемъ переселенія покупщиковъ на хутора. Грушевцы отказались. Тогда банкъ продалъ землю выходцамъ изъ Кіевской губерніи. Между новоселами и гру-

шевцами начались тотчасъ же недоразумѣнія. Недовольные тѣмъ, что земля ушла изъ ихъ рукъ, грушевцы травили пастбища хуторянъ. Между прочимъ, выгнанный грушевцами скотъ затопталъ засѣянное рожью поле хуторянина Курчанскаго. Между Курчанскимъ и грушевскимъ пастухомъ произошла перебранка, во время которой пастухъ выстрѣлилъ въ Курчанскаго, но промахнулся. Курчанскій отнялъ у пастуха ружье. Пастухъ побѣжалъ въ деревню и заявилъ односельчанамъ, о якобы нанесенной ему Курчанскимъ обидѣ. Собралась толпа, вооруженная ружьями, кольями и вилами, напала на домъ Курчанскаго, выбила окна, двери, поломала мебель, разбила печь; посуду, цѣнныя вещи и деньги захватила. Такое же дебоширство толпа произвела и у другихъ хуторянъ. Курчанскіе были избиты, одинъ хуторянинъ и ребенокъ убиты, нѣсколько человѣкъ ранены. Раздѣлавшись со своими соперниками, толпа вернулась въ деревню Грушевку. Въ результатѣ были преданы суду 52 грушевскихъ крестьянина, въ возрастѣ отъ 19-ти до 45-ти лѣтъ. Судъ приговорилъ 19 обвиняемыхъ къ заключенію въ тюрьму на 8 мѣсяцевъ, съ лишеніемъ правъ, и 8 обвиняемыхъ—къ заключенію въ тюрьму на 6 мѣсяцевъ, безъ лишенія правъ. 25 обвиняемыхъ оправданы. Относительно 4-хъ осужденныхъ постановлено представить на Высочайшее благовоззрѣніе»

«Русскимъ Вѣдомостямъ» телеграфируютъ изъ Владиміра: «Къ начальнику губерніи и къ прокурору приходили всѣмъ сходомъ крестьяне-общинники с. Троица-Берегъ Суздальскаго уѣзда съ жалобой на станового пристава Пришлецова. Возникшее недоразумѣніе общинниковъ съ отрубниками Пришлецовъ разрѣшилъ при помощи стражниковъ, примѣнивъ къ общинникамъ суровыя мѣры».

Изъ с. Лохъ, Саратовскаго уѣзда, сообщаютъ «Саратов. Вѣстнику»: «Крестьяне лоховскаго общества заявили живущимъ въ ихъ селѣ отрубщикамъ, что они не будутъ пропускать ихъ рогатый скотъ изъ села чрезъ свою землю въ отруба на пастьбу и обратно. Отрубщики находятъ это неправильнымъ. Для рѣшенія спора общинники и отрубщики обратились за разъясненіемъ къ земскому начальнику».

Къ великому сожалѣнію, подобныхъ фактовъ доставляетъ крестьянская жизнь довольно много изъ разныхъ угловъ Россіи. И много вообще изъяновъ, ошибокъ и несправедливостей открываетъ печать въ шествіи хуторской реформы. Критикой своей и тщательнымъ изобличеніемъ темныхъ сторонъ земельной реформы газеты, разумѣется, принесли и приносятъ значительную пользу, какая вообще бываетъ для всякаго дѣла отъ честной и трезвой критики.

Можно, однако, спросить себя, не затушовываются ли положительныя стороны хуторской реформы, которыя, несомнѣнно, въ нѣко-

торыхъ мѣстностяхъ проявились въ той или иной формѣ, вслѣдствіе совпаденія основъ хуторской реформы съ требованіями самой жизни?

Подобно тому, какъ администрація, преслѣдуя свои цѣли, явно сочувствовала и содѣйствовала хуторянамъ въ ущербъ интересамъ общинниковъ, и въ прогрессивной печати незамѣтно внѣдрились довольно замѣтная антипатія къ хуторянамъ и довольно ощутительное сочувствіе общинникамъ. Причины понятны; но гдѣ имѣется пристрастіе, тамъ возможна и несправедливость. Уже не теорія, а живая жизнь передъ нами. Хуторяне, уже не бумажное измышленіе канцеляріи, а значительное и быстро растущее отслоеніе крестьянства. Это тѣ же крестьяне съ тѣми же слабостями и достоинствами, какъ и общинники, лишь принужденные, вольно или невольно, перемѣнить форму хозяйства и быта. Очерчивать ихъ линіей общественнаго осужденія несправедливо и вредно.

Очевидно, острые углы, для пользы общей жизни, должны теперь постепенно смягчиться съ обѣихъ сторонъ—и со стороны отъ администраціи, выказывающей излишнее пристрастіе къ хуторянамъ, и со стороны печати, воспитавшей въ себѣ излишнюю непріязнь къ тѣмъ же хуторянамъ.

Съ этой точки зрѣнія интересно отмѣтить слѣдующую корреспонденцію «Русскаго Слова» изъ Твери: «Тверскимъ губернаторомъ полученъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ любопытный циркуляръ по вопросамъ землеустройства. Въ циркулярѣ говорится: «Съ введеніемъ въ дѣйствіе закона 29-го мая 1911 г. о землеустройствѣ, укрѣпленіе и удостовѣреніе надѣльной земли въ порядкѣ закона 14-го іюня 1910 г., какъ необходимое условіе для дальнѣйшаго землеустройства этихъ земель, уже утратило самостоятельное значеніе, такъ какъ законъ 29-го мая 1911 г. не дѣлаетъ различія между общинной и укрѣпленной землей, распространяя землеустроительныя дѣйствія одинаково какъ на ту, такъ и другую». Въ виду этого, предварительное укрѣпленіе земли со стороны лицъ, подающихъ объ этомъ заявленія для дальнѣйшаго землеустройства такой земли, не только излишне, но въ отдѣльныхъ случаяхъ является существеннымъ препятствіемъ въ предстоящихъ дѣйствіяхъ, вслѣдствіе несогласованности отдѣльныхъ положеній въ законѣ 14-го іюня 1910 г. и 29 мая 1911 г. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, укрѣпленіе земли, по мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, должно производиться лишь постольку, поскольку сами крестьяне объ этомъ ходатайствуютъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ предлагаетъ губернаторамъ избѣгать какихъ-либо искусственныхъ поощреній крестьянъ къ предъявленію ходатайствъ объ укрѣпленіи и удостовѣреніи земель въ частную собственность. Съ своей стороны, тверской губернаторъ циркуляромъ земскимъ начальникамъ предла-

гаетъ при разсмотрѣніи крестьянскихъ ходатайствъ объ укрѣпленіи надѣльныхъ земель въ порядкѣ закона 14-го іюня 1910 года устанавливать и выяснять въ протоколѣ, кромѣ всѣхъ требуемыхъ закономъ обстоятельствъ дѣла, также и цѣль заявителей, для разъясненія имъ предпочтительности достиженія ихъ цѣли путемъ непосредственнаго обращенія въ землеустроительныя учрежденія, безъ предварительнаго укрѣпленія или удостовѣренія земли».

Изъ этой не совсѣмъ внятной корреспонденціи все-же вѣетъ новымъ, болѣе мягкимъ вѣтромъ на запуганную общину. Администрація какъ будто склонна, наконецъ, взглянуть съ одинаковымъ благодушіемъ на выдѣленцевъ и общинниковъ.

Такому повороту, если только онъ распространится не на одну Тверскую губернію, можно искренно порадоваться. А отпавшее пристрастіе съ одной стороны заставитъ, вѣроятно, отпасть отвѣтно обостреніе настроенія и съ другой стороны. Жизнь, какъ давно извѣстно, не очень любитъ опеку и одностороннія системы, какъ-бы умно онѣ ни были обдуманы. Предоставленныя себѣ обѣ формы крестьянскаго хозяйства—община и единоличное владѣніе—найдутъ, безъ сомнѣнія, каждая для себя почву, въ той или другой мѣстности, среди тѣхъ или другихъ людей, и укрѣпятся естественными корнями. А все естественное внѣдряется медленно и спокойно, устраняя боль ссоры и вражду.

И. Жилкинъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Война по иниціативѣ Германіи.—Дипломатическія ноты и грозные ультиматумы.—Ложныя утвержденія въ манифестѣ имп. Франца-Іосифа.—Оффиціальное сообщеніе о ходѣ событій.—Австрійскія „справедливыя требованія“.—Объявленіе Вильгельмомъ II войны на два фронта.—Міровой характеръ войны и ея возможныя послѣдствія.—Пуанкаре въ Россіи.—Жоресъ.

Великія историческія событія нагрянули на насъ съ полною неожиданностью. 10 (23)-го іюля, въ день отъѣзда президента Пуанкаре изъ Россіи, Австро-Венгрія предъявила Сербіи ультиматумъ, съ изложеніемъ требованій, явно нарушающихъ независимость сербскаго государства, и съ назначеніемъ двухдневнаго срока для категорическаго отвѣта. Никакого посредничества или посторонняго вмѣшательства она не допускала; ходатайство Россіи объ отсрочкѣ для предоставле-

нія Европѣ возможности высказаться по нѣкоторымъ изъ затронутыхъ австрійскою нотою вопросовъ было рѣзко отклонено вѣнскимъ кабинетомъ. Сербія скромно подчинилась большинству австрійскихъ требованій и безусловно обязалась ихъ исполнить; она усомнилась только въ осуществимости и цѣлесообразности одного пункта—объ участіи австро-венгерскихъ должностныхъ лицъ въ судебно-полицейскихъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ на сербской территоріи. Получивъ сербскій отвѣтъ, Австро-Венгрія признала его неудовлетворительнымъ, тотчасъ же прервала дипломатическія отношенія съ Сербіею и 15 (28) іюля, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ убійства эрцгерцога Франца-Фердинанда въ Сераевѣ, объявила сербамъ войну. Всѣ усилія русской дипломатіи, какъ и англійской и французской, побудить Германію и Австро-Венгрію согласиться на какой-нибудь компромиссъ потерпѣли неудачу. Въ виду совершившагося уже вооруженнаго австрійскаго нападенія на Сербію, Россія приступила къ частичной мобилизаціи. 18 (31-го) іюля Германія потребовала отъ русскаго правительства немедленнаго прекращенія начатыхъ военныхъ приготовленій, назначивъ двѣнадцатичасовой срокъ для отвѣта, и на слѣдующій же день объявила Россіи войну.

Съ объявленіемъ намъ войны Германіею, вступила въ силу союзныя обязательства Франціи; но германское правительство предупредило французовъ и двинуло свои войска къ французской границѣ черезъ нейтральныя владѣнія великаго герцогства Люксембургскаго и королевства Бельгіи. Нарушивъ нейтралитетъ Бельгіи, гарантированный, въ числѣ другихъ державъ, и Англіей, Германія ускорила рѣшеніе британскаго правительства и парламента въ пользу активнаго участія въ возникшей европейской войнѣ. Такъ какъ иниціатива наступательныхъ дѣйствій безспорно принадлежала Австро-Венгріи и Германіи, то третья союзница, Италія, не была обязана присоединиться къ нимъ и могла оставаться нейтральною на первыхъ порахъ. Тѣмъ не менѣе уже въ началѣ обрисовались ужасающіе размѣры предстоявшаго кроваваго столкновенія народовъ. Австро-Венгрія, Сербія съ Черногоріей, Германія, Россія, Франція, Великобританія и ея обширныя автономныя колоніи—всѣ эти страны внезапно очутились въ положеніи воюющихъ, нападающихъ и защищающихся, какъ будто настало для нихъ время безпощадной борьбы всѣхъ противъ всѣхъ. Великія культурныя націи, привыкшія къ мирной промышленной и умственной дѣятельности, возвращены вдругъ въ первобытное состояніе по волѣ Вильгельма II, Франца-Іосифа и ихъ приближенныхъ. Та міровая война, о которой фантазировали писатели въ родѣ Уэллса или Конанъ-Дойля, стала дѣйствительностью, и передъ нами развертывается рядъ грандіозныхъ катастрофъ, какихъ еще не бывало въ исторіи.

Около пяти или шести милліоновъ солдатъ будутъ участвовать въ битвахъ, предстоящихъ въ разныхъ мѣстахъ Европы. Обычная хозяйственная жизнь народовъ пріостановилась и замерла: промышленность и торговля парализованы; банки и кредитныя учрежденія закрываются или сокращаютъ свои операціи; фабрики и заводы большею частью перестаютъ дѣйствовать или значительно ограничиваютъ свою дѣятельность; дороговизна съѣстныхъ припасовъ и отсутствіе ихъ подвоза угрожаютъ населенію голодомъ. Все это предвидѣлось зачинщиками войны и не останавливало ихъ. Несомнѣнно, планъ войны задуманъ заранѣе, и моментъ исполненія выбранъ сознательно, въ соотвѣтствіи съ спеціальными военными разсчетами австро-германскихъ стратеговъ. Въ моментъ такого мірового значенія важно установить послѣдовательный ходъ предшествовавшихъ ему событій и переговоровъ, выяснить фактическіе поводы къ конфликту и разобрать тѣ малыя и повидимому случайныя причины, изъ которыхъ произошли столь колоссальныя послѣдствія. Поэтому намъ кажется не лишнимъ привести здѣсь документальныя данныя, опредѣляющія сущность и размѣры первоначальнаго спора.

Въ мартѣ 1909-го года, Сербія вынуждена была, подъ давленіемъ австрійскихъ угрозъ, подписать формальное заявленіе о томъ, что она отказывается отъ всякихъ возраженій противъ боснійской аннексіи, обязывается „измѣнить свое оппозиціонное отношеніе къ Австро-Венгріи и въ будущемъ пребывать съ нею въ добромъ сосѣдскомъ мирѣ". Основываясь на этомъ обязательствѣ, австро-венгерское правительство въ нотѣ отъ 10 (23)-го іюля изложило слѣдующее:

«Сербія признала, что права ея не были затронуты, совершившимся фактомъ, созданнымъ въ Босніи и Герцоговинѣ, и что, слѣдовательно, она будетъ сообразоваться съ тѣми рѣшеніями, которыя будутъ приняты державами по отношенію къ ст. 25 берлинскаго трактата.

Подчиняясь совѣтамъ великихъ державъ, Сербія обязалась впредь отказаться отъ того положенія протеста и оппозиціи по вопросу объ аннексіи, которую она занимала съ прошлой осени, и обязалась, кромѣ того, измѣнить курсъ своей настоящей политики по отношенію къ Австро-Венгріи, чтобы впредь поддерживать съ названной державой добрососѣдскія отношенія.

Между тѣмъ, исторія послѣднихъ лѣтъ и въ частности прискорбное событіе 15 іюня доказали существованіе въ Сербіи революціоннаго движенія, имѣющаго цѣлью отторгнуть отъ австро-венгерской монархіи нѣкоторыя части ея территоріи.

Движеніе это, зародившееся на глазахъ у сербскаго правительства, въ концѣ концовъ дошло до того, что стало проявляться за предѣлами территоріи королевства въ актахъ терроризма, въ серіи покушеній и въ убійствахъ. Королевское сербское правительство не только не выполнило формальныхъ обязательствъ, заключающихся въ

декларацiи 18 (31) марта 1909 г., но даже не приняло никакихъ мѣръ, чтобы подавить это движенiе.

Оно допускало преступную дѣятельность различныхъ обществъ и организацiй, направленную противъ монархiи, распущенный тонъ въ печати, прославленiе виновниковъ покушенiя, участiе офицеровъ и чиновниковъ въ революцiонныхъ выступленiяхъ, вредную пропаганду въ учебныхъ заведенiяхъ; наконецъ, оно допускаетъ всѣ манифестацiи, которыя могли возбудить въ сербскомъ населенiи ненависть къ монархiи и презрѣнiе къ ея установленiямъ.

Эта преступная терпимость королевскаго сербскаго правительства не прекратилась даже въ моментъ, когда событiя 15-го прошлаго iюня показали всему мiру ея прискорбныя послѣдствiя. Изъ показанiй и признанiй виновниковъ преступнаго покушенiя 15-го iюня явствуетъ, что сараевское убiйство было подготовлено въ Бѣлградѣ, что оружiе и взрывчатыя вещества, которыми были снабжены убiйцы, были доставлены имъ сербскими офицерами и чиновниками, входящими въ составъ «Народной Отбраны», и что, наконецъ, переѣздъ преступниковъ съ оружiемъ въ Боснiю былъ организованъ и осуществленъ начальствующими лицами сербской пограничной службы.

Указанные результаты разслѣдованiя не позволяютъ австро-венгерскому правительству сохранять долѣе то выжидательное и терпѣливое положенiе, которое оно занимало въ теченiе ряда лѣтъ по отношенiю къ дѣйствiямъ, намѣчавшимся въ Бѣлградѣ и пропагандировавшимся оттуда въ предѣлахъ территорiи монархiи.

Эти результаты, напротивъ, возлагаютъ на него обязанность положить конецъ пропагандѣ, являющейся постоянной угрозой для спокойствiя монархiи. Для достиженiя этой цѣли австро-венгерское правительство находится вынужденнымъ просить сербское правительство оффицiально заявить, что оно осуждаетъ пропаганду, направленную противъ австро-венгерской монархiи, то-есть всю совокупность тенденцiй, входящихъ въ составъ этой пропаганды, и что оно обязуется принять всѣ мѣры для подавленiя этой преступной и террористической пропаганды.

Дабы придать особо торжественный характеръ этому обязательству, королевское сербское правительство опубликуетъ на первой страницѣ оффицiальнаго органа отъ 26 (13) iюля нижеслѣдующее заявленiе.

«Королевское сербское правительство осуждаетъ пропаганду, направленную противъ Австро-Венгрiи, то-есть совокупность тенденцiй, имѣющихъ конечной цѣлью отторженiе отъ австро-венгерской монархiи частей ея территорiи, и искренно сожалѣетъ о прискорбныхъ послѣдствiяхъ этихъ преступныхъ дѣйствiй.

Королевское правительство сожалѣетъ, что сербскiе офицеры и чиновники участвовали въ вышеупомянутой пропагандѣ и скомпрометтировали, такимъ образомъ, тѣ добрососѣдскiя отношенiя, поддерживать которыя королевское правительство торжественно обязалось въ своей декларацiи отъ 18 марта 1909 г.

Королевское правительство, порицая также дѣйствiя населенiя нѣкоторой части Австро-Венгрiи, считаетъ своимъ долгомъ формально предупредить офицеровъ и чиновниковъ и все населенiе королевства,

что отнынѣ оно будетъ принимать самыя суровыя мѣры противъ лицъ, виновныхъ въ подобныхъ дѣйствіяхъ, которыя правительство всѣми силами будетъ предупреждать и подавлять».

Это заявленіе будетъ немедленно объявлено войскамъ приказомъ его величества короля по арміи и будетъ опубликовано въ оффиціальномъ военномъ органѣ.

Королевское правительство, кромѣ того, обязуется: 1) не допускать никакія публикаціи, возбуждающія ненависть и презрѣніе къ монархіи и приникнутыя общей тенденціей, направленной противъ ея территоріальной неприкосновенности;

2) Немедленно закрыть общество, называемое «Народная Одбрана», конфисковать всѣ средства пропаганды этого общества и принять тѣ же мѣры противъ другихъ обществъ и учрежденій въ Сербіи, занимающихся пропагандой противъ австро-венгерской монархіи. Королевское правительство приметъ необходимыя мѣры, чтобы воспрепятствовать образованію вновь такихъ обществъ.

3) Незамедлительно исключить изъ дѣйствующихъ въ Сербіи программъ учебныхъ заведеній, какъ въ отношеніи личнаго состава учащихъ, такъ и въ отношеніи способовъ обученія, все то, что служитъ или могло бы служить къ распространенію пропаганды противъ Австро-Венгріи.

4) Удалить съ военной и административной службы вообще всѣхъ офицеровъ и должностныхъ лицъ, виновныхъ по отношенію къ австро-венгерской монархіи, имена которыхъ австро-венгерское правительство оставляетъ за собою право сообщить сербскому правительству, вмѣстѣ съ указаніемъ совершенныхъ ими дѣяній.

5) Допустить сотрудничество въ Сербіи австро-венгерскихъ органовъ въ дѣлѣ подавленія революціоннаго движенія, направленнаго противъ территоріальной неприкосновенности монархіи.

6) Произвести судебное разслѣдованіе противъ участниковъ заговора 15 іюня, находящихся на сербской территоріи, при чемъ лица, командированныя австро-венгерскимъ правительствомъ, примутъ участіе въ розыскахъ, вызываемыхъ этимъ разслѣдованіемъ.

7) Срочно арестовать коменданта Воя Танкосича и нѣкоего Милана Дигановича, чиновника сербской государственной службы, скомпрометтированнаго результатами сараевскаго разслѣдованія.

8) Принять дѣйствительныя мѣры къ воспрепятствованію оказанія содѣйствія сербскими властями въ незаконной торговлѣ оружіемъ и взрывчатыми веществами черезъ границу, и уволить и подвергнуть также суровому наказанію чиновъ пограничной службы въ Шабацѣ и Лозницѣ, виновныхъ въ томъ, что оказали содѣйствіе руководителямъ сараевскаго покушенія, облегчивъ имъ переѣздъ черезъ границу.

9) Дать австро-венгерскому правительству объясненіе по поводу совершенно не могущихъ быть оправданными заявленій высшихъ сербскихъ чиновъ какъ въ Сербіи, такъ и за границей, которые, несмотря на занимаемое ими оффиціальное положеніе, позволили себѣ послѣ покушенія 15 іюня высказываться въ интервью во враждебномъ по отношенію къ австро-венгерской монархіи тонѣ.

10) Безъ замедленія увѣдомить австро-венгерское правительство объ осуществленіи указанныхъ въ предыдущихъ пунктахъ мѣръ».

Австро-венгерское правительство ожидаетъ отвѣта королевскаго правительства до 6 час. вечера въ субботу 12 (25) текущаго мѣсяца.

На эту ноту былъ данъ Сербіею слѣдующій отвѣтъ, врученный 11 (24-го) іюля австро-сербскому посланнику въ Бѣлградѣ:

«Королевское сербское правительство получило сообщеніе императорскаго и королевскаго правительства отъ 10-го сего мѣсяца и убѣждено, что его отвѣтъ устранитъ всякое недоразумѣніе, угрожающее испортить добрососѣдскія отношенія между австро-венгерской монархіей и королевствомъ сербскимъ.

Королевское правительство сознаетъ, что протесты, заявленные какъ съ трибуны скупщины, такъ и въ сообщеніяхъ и дѣйствіяхъ отвѣтственныхъ представителей государства, протесты, которымъ былъ положенъ конецъ декларацiей сербскаго правительства отъ 18 марта 1909 г., не возобновлялись по отношенію къ великой сосѣдней монархіи ни при какихъ случаяхъ, и что съ того времени, какъ со стороны смѣнявшихся королевскихъ правительствъ, такъ и со стороны ихъ органовъ не было сдѣлано никакой попытки, имѣвшей цѣлью измѣнить какъ политическое, такъ и юридическое положеніе вещей, созданное въ Босніи и Герцоговинѣ.

Королевское правительство констатируетъ, что въ этомъ отношеніи императорскимъ и королевскимъ правительствомъ не было сдѣлано никакихъ представленій, за исключеніемъ лишь представленія относительно одной учебной книги, на которое императорское и королевское правительство получило совершенно удовлетворительное объясненіе.

Сербія неоднократно давала доказательства своей миролюбивой и умѣренной политики въ теченіе балканскаго кризиса и лишь благодаря Сербіи и той жертвѣ, которую она принесла исключительно въ интересахъ европейскаго мира, этотъ миръ былъ сохраненъ.

На королевское правительство не можетъ быть возложена отвѣтственность за манифестаціи частнаго характера, каковыми являются статьи въ газетахъ и мирная работа обществъ—манифестаціи, которыя разсматриваются почти во всѣхъ странахъ, какъ нѣчто обыкновенное и которыя, въ видѣ общаго правила, стоятъ внѣ оффиціальнаго контроля, тѣмъ болѣе, что королевское правительство во время разрѣшенія цѣлаго ряда вопросовъ, возникшихъ между Сербіей и Австро-Венгріей, проявило чрезвычайную предупредительность и достигло благодаря этому разрѣшенія большинства этихъ вопросовъ на пользу развитія обѣихъ сосѣднихъ странъ.

Вслѣдствіе этого для королевскаго правительства явились тягостной неожиданностью утвержденія, будто лица изъ сербскаго королевства участвовали въ подготовкѣ покушенія, совершеннаго въ Сараевѣ.

Правительство ожидало, что оно будетъ приглашено къ участію въ разслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ, касающихся этого преступленія, и было готово доказать дѣйствіями полную свою корректность въ дѣлѣ преслѣдованія всѣхъ лицъ, относительно коихъ ему были бы сдѣланы соотвѣтствующія сообщенія.

Слѣдуя, такимъ образомъ, желанію императорскаго и королев-

скаго правительства, королевское правительство изъявляетъ готовность предать суду всякаго сербскаго подданнаго, не взирая на его положеніе и рангъ, въ соучастіи котораго, въ сараевскомъ преступленіи ему были бы предъявлены доказательства.

Въ частности оно обязывается опубликовать на первой страницѣ оффиціальнаго органа отъ 13—26 іюля нижеслѣдующее заявленіе:

«Королевское сербское правительство осуждаетъ всякую пропаганду, направленную противъ Австро-Венгріи, т. е. всю совокупность тенденцій, стремящихся въ конечной цѣли къ отторженію отъ австро-венгерской монархіи входящихъ въ ея составъ территорій и искренно сожалѣетъ о прискорбныхъ послѣдствіяхъ этихъ преступныхъ дѣйствій.

Королевское правительство сожалѣетъ, что нѣкоторые сербскіе офицеры и чиновники участвовали, согласно сообщенію императорскаго и королевскаго правительства, въ вышеупомянутой пропагандѣ, и, такимъ образомъ, скомпрометтировали тѣ добрососѣдскія отношенія поддерживать которыя королевское правительство торжественно обязалось своей декларацiей отъ 18/31 марта 1909 г.

Правительство, которое порицаетъ и отрекается отъ всякой идеи или попытки вмѣшательства въ судьбы жителей какой бы то ни было части Австро-Венгріи, считаетъ своимъ долгомъ формально предупредить офицеровъ, чиновниковъ и все населеніе королевства, что отнынѣ оно будетъ примѣнять самыя суровыя мѣры противъ лицъ, виновныхъ въ подобныхъ дѣйствіяхъ, къ предотвращенію и подавленію которыхъ сербское правительство приложитъ всѣ усилія.

Заявленіе это будетъ объявлено сербской арміи приказомъ, даннымъ отъ имени его величества короля, его королевскимъ высочествомъ наслѣднымъ королевичемъ Александромъ, и будетъ опубликовано въ ближайшемъ номерѣ оффиціальнаго военнаго органа.

1) Королевское правительство обязывается, кромѣ того, внести въ первый же нормальный созывъ скупщины въ законъ о печати постановленіе, согласно которому возбужденіе ненависти и презрѣнія къ австро-венгерской монархіи, а равно всѣ публикаціи, общая тенденція которыхъ была бы направлена противъ территоріальной неприкосновенности Австро-Венгріи, будутъ подвергаться самымъ суровымъ карамъ.

Правительство обязуется при предстоящемъ въ близкомъ будущемъ пересмотрѣ конституціи внести въ ст. 22 конституціи измѣненія, предоставляющія возможность конфискаціи вышеупомянутыхъ печатныхъ произведеній, что нынѣ, согласно точному смыслу ст. 22 конституціи, не представляется возможнымъ.

2) Правительство не имѣетъ никакихъ доказательствъ, и нота императорскаго и королевскаго правительства ему ихъ не доставляетъ, въ томъ, что общество «Народна Отбрана» и другія подобныя общества совершили до настоящаго времени какое-либо преступное дѣяніе этого рода въ лицѣ кого-либо изъ своихъ членовъ.

Тѣмъ не менѣе королевское правительство соглашается на просьбу императорскаго и королевскаго правительства и закроетъ какъ общество «Народна Отбрана», такъ и всякое другое общество, которое стало бы дѣйствовать противъ Австро-Венгріи.

3) Королевское сербское правительство обязуется безотлагательно

устранить изъ народнаго образованія Сербіи все, что служитъ или могло бы служить къ распространенію пропаганды противъ Австро-Венгріи, какъ только императорское и королевское правительство сообщитъ ему факты и доказательства существованія этой пропаганды.

4) Королевское правительство равнымъ образомъ изъявляетъ согласіе удалить съ сербской службы лицъ, виновность коихъ въ дѣяніяхъ, направленныхъ противъ территоріальной неприкосновенности австро-венгерской монархіи будетъ доказана судебнымъ разслѣдованіемъ.

Правительство ожидаетъ, что императорское и королевское правительство сообщитъ ему дополнительно имена этихъ офицеровъ и чиновниковъ, равно свѣдѣнія о совершенныхъ ими дѣяніяхъ, въ цѣляхъ производства вышеуказаннаго разслѣдованія.

5) Королевское правительство, съ своей стороны, должно признаться, что оно не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ смыслѣ и значеніи просьбы императорскаго и королевскаго правительства о томъ, чтобы Сербія обязалась допустить на своей территоріи сотрудничество органовъ императорскаго и королевскаго правительства, но заявляетъ, что оно допуститъ сотрудничество, соотвѣтствующее нормамъ международнаго права и уголовнаго судопроизводства, равно какъ добрососѣдскимъ отношеніямъ между обоими государствами.

6) Королевское правительство, разумѣется, считаетъ своей обязанностью произвести разслѣдованіе относительно дѣйствій тѣхъ лицъ, которыя могли бы быть замѣшаны въ заговорѣ 15-го іюня и находящихся на территоріи королевства; что касается участія въ этомъ разслѣдованіи агентовъ австро-венгерскихъ властей, которые были бы откомандированы съ этой цѣлью императорскимъ и королевскимъ правительствомъ, то королевское правительство не можетъ на это согласиться, такъ какъ это было бы нарушеніемъ конституціи и закона объ уголовномъ судопроизводствѣ.

Однако, въ конкретныхъ случаяхъ сообщенія о результатахъ упомянутаго слѣдствія могли бы быть дѣлаемы австро-венгерскимъ органамъ.

7) Королевское правительство распорядилось въ самый день врученія ему ноты принять мѣры къ аресту коменданта Войслава Танкосича; что же касается Милана Цыгановича, подданнаго австро-венгерской монархіи и состоявшаго до 15-го іюня кандидатомъ на должность въ управленіи желѣзныхъ дорогъ, то онъ еще не могъ быть допрошенъ.

Королевское правительство обращается къ императорскому правительству съ просьбой соблаговолить сообщить въ обычной формѣ и въ возможно непродолжительномъ времени предположенія о виновности, равно какъ доказательства виновности, если таковыя имѣются, добытыя до настоящаго времени произведеннымъ въ Сараевѣ слѣдствіемъ для производства дополнительнаго разслѣдованія.

8) Сербское правительство усилитъ и расширитъ мѣры, принятыя въ цѣляхъ воспрепятствованія незаконнаго торга оружіемъ и взрывчатыми веществами черезъ границу. Само собою разумѣется, правительство немедленно распорядится производствомъ разслѣдованія и сурово покараетъ должностныхъ лицъ пограничной службы на линіи Шабанъ—Лозница, нарушившихъ свой долгъ и допустившихъ переѣздъ черезъ границу виновниковъ сараевскаго преступленія.

9) Королевское правительство охотно дастъ объясненіе по поводу заявленій его должностныхъ лицъ, какъ въ Сербіи, такъ и за границей, сдѣланныхъ послѣ покушенія въ интервью и носившихъ, согласно утвержденію императорскаго и королевскаго правительства, враждебный по отношенію къ монархіи характеръ, какъ только императорское и королевское правительство сообщитъ ему инкриминируемыя выдержки изъ этихъ заявленій и докажетъ, что заявленія эти были дѣйствительно сдѣланы должностными лицами; съ своей стороны, королевское правительство также озаботится полученіемъ доказательствъ этого факта.

10) Королевское правительство увѣдомитъ императорское и королевское правительство о приведеніи въ исполненіе указанныхъ въ предшествующихъ пунктахъ мѣропріятій, поскольку это не сдѣлано уже настоящей нотой, немедленно по воспослѣдованіи распоряженія и осуществленія каждой изъ этихъ мѣръ.

Въ случаѣ, если бы императорское и королевское правительство не было удовлетворено настоящимъ отвѣтомъ, королевское сербское правительство, признавая отвѣчающимъ общимъ интересамъ не спѣшить съ разрѣшеніемъ настоящаго вопроса, готово, какъ всегда, пойти на мирное соглашеніе или путемъ передачи этого вопроса на рѣшеніе гаагскаго международнаго трибунала или великихъ державъ, участвовавшихъ въ выработкѣ декларацiи, сдѣланной сербскимъ правительствомъ 18 (31) марта 1909 г.».

Сербскій отвѣтъ, безусловно удовлетворившій почти всѣ неслыханныя требованія Австро-Венгріи, не былъ цѣликомъ напечатанъ въ нѣмецкихъ и австрійскихъ газетахъ; въ печати только глухо сообщалось о несогласіи Сербіи подчиниться нѣкоторымъ существеннымъ будто бы пунктамъ австрійскаго ультиматума. А императоръ Францъ-Іосифъ въ манифестѣ 28 (15) іюля «къ своимъ народамъ» заявляетъ прямо: «Сербія отвергла умѣренныя и справедливыя требованія моего правительства и отказалась исполнить тѣ обязанности, соблюденіе которыхъ составляетъ въ жизни народовъ и государствъ естественную и необходимую основу мира». Какимъ образомъ могло попасть въ манифестъ австрійскаго императора это несомнѣнно ложное утвержденіе объ отрицательномъ отвѣтѣ Сербіи—неизвѣстно; но изъ этого ложнаго утвержденія дѣлается вслѣдъ затѣмъ чрезвычайно важный практическій выводъ: «Поэтому я (императоръ Францъ-Іосифъ) долженъ прибѣгнуть къ силѣ оружія, чтобы создать необходимыя гарантіи для обезпеченія спокойствія моихъ владѣній внутри и прочнаго мира извнѣ». И престарѣлый монархъ съ увѣренностью продолжаетъ: «Въ этотъ серьезный часъ я вполнѣ сознаю всѣ послѣдствія моего рѣшенія и все значеніе моей отвѣтственности передъ Всемогущимъ. Я все взвѣсилъ и обдумалъ. Съ спокойною совѣстью вступаю я на путь, указываемый мнѣ моимъ долгомъ». Совѣтники императора Франца-Іосифа ввели его въ заблужденіе и пустили въ ходъ сознательную ложь относительно содержанія сербскаго отвѣта, только для того,

чтобы оправдать рѣшенную заранѣе войну. Все было «взвѣшено и обдумано» въ томъ предположеніи, что Сербія непремѣнно отвергнетъ ультиматумъ. Ея примирительная отвѣтная нота могла разстроить всѣ хитроумныя военно-дипломатическія комбинаціи, условленныя, вѣроятно, между Вѣной и Берлиномъ; поэтому и въ приготовленномъ заранѣе манифестѣ оставлены были фразы, предполагающія сербскій отказъ, вопреки дѣйствительнымъ фактамъ. Между тѣмъ, эти ложныя свѣдѣнія о преступной, будто бы, дѣятельности Сербіи и объ ея нежеланіи исполнять справедливыя требованія могущественнаго сосѣда принимаются за чистую монету не только въ Австро-Венгріи и Германіи, но и въ итальянской печати и даже въ нѣкоторыхъ англійскихъ газетахъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ не повѣрить торжественному заявленію маститаго монарха Австро-Венгріи! Фальшивое освѣщеніе событій, исходящее изъ столь авторитетнаго источника, могло создать въ значительной части Европы непріязненное настроеніе относительно Сербіи и заступающейся за нее Россіи.

Очень мягко и сдержанно излагается весь ходъ конфликта въ оффиціальномъ сообщеніи, напечатанномъ въ нашихъ газетахъ 20-го іюля.

«Вслѣдствіе того,—говорится въ этомъ сообщеніи—что въ иностранной печати появилось искаженное изложеніе событій послѣднихъ дней, министерство иностранныхъ дѣлъ считаетъ долгомъ дать слѣдующій краткій обзоръ дипломатическихъ сношеній за указанное время.

10 іюля сего года австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ вручилъ сербскому министру-президенту ноту, заключающую въ себѣ обвиненіе сербскаго правительства въ поощреніи великосербскаго движенія, приведшаго къ убійству наслѣдника австро-венгерскаго престола. Въ виду сего, Австро-Венгрія требовала отъ сербскаго правительства не только осужденія въ торжественной формѣ означенной пропаганды, но также принятія, подъ контролемъ Австро-Венгріи, ряда мѣръ къ раскрытію заговора, наказанію участвовавшихъ въ немъ сербскихъ подданныхъ и пресѣченію въ будущемъ всякихъ посягательствъ на территорію королевства. Для отвѣта на означенную ноту сербскому правительству предоставлялось 48 часовъ.

Императорское правительство, освѣдомившись изъ сообщеннаго ему австро-венгерскимъ посломъ въ С.-Петербургѣ, по истеченіи уже 17 часовъ, текста врученной въ Бѣлградѣ ноты о сущности заключавшихся въ ней требованій, не могло не усмотрѣть, что нѣкоторыя изъ таковыхъ по существу своему являлись невыполнимыми, нѣкоторыя же были предъявлены въ формѣ, несовмѣстимой съ достоинствомъ независимаго государства. Считая недопустимымъ заключающееся въ такихъ требованіяхъ умаленіе достоинства Сербіи и проявленное этимъ самымъ Австро-Венгріей стремленіе утвердить свое преобладаніе на Балканахъ, Россійское правительство въ самой дружеской формѣ указало Австро-Венгріи на желательность подвергнуть новому обсужденію содержащіеся въ австро-венгерской нотѣ пункты. Австро-венгерское правительство не сочло возможнымъ согласиться на обсужденіе ноты.

Равнымъ образомъ, умѣряющее дѣйствіе другихъ державъ въ Вѣнѣ не увѣнчалось успѣхомъ.

Несмотря на осужденіе Сербіей преступнаго злодѣянія и на высказанную Сербіей готовность дать удовлетвореніе Австріи, въ мѣрѣ, которая превзошла ожиданія не только Россіи, но и другихъ державъ, австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ призналъ сербскій отвѣтъ неудовлетворительнымъ и выѣхалъ изъ Бѣлграда.

Еще ранѣе, сознавая чрезмѣрность предъявленныхъ Австріею требованій, Россія заявила о невозможности остаться равнодушной, не отказываясь въ то же время приложить всѣ усилія къ изысканію мирнаго выхода, пріемлемаго для Австро-Венгріи и не затрагивающаго ея самолюбія, какъ великой державы. При этомъ Россія твердо установила, что мирное разрѣшеніе вопроса она допускаетъ лишь, поскольку оно не вызоветъ умаленія достоинства Сербіи, какъ независимаго государства. Къ сожалѣнію, однако, всѣ приложенныя Императорскимъ правительствомъ въ этомъ направленіи усилія оказались тщетными. Австро-венгерское правительство, уклонившись отъ всякаго примирительнаго вмѣшательства державъ въ его ссору съ Сербіей, приступило къ мобилизаціи, оффиціально объявило Сербіи войну и на слѣдующій день Бѣлградъ подвергнулся бомбардировкѣ. Въ манифестѣ, сопровождающемъ объявленіе войны, Сербія открыто обвиняется въ подготовкѣ и выполненіи сараевскаго злодѣянія. Подобное обвиненіе цѣлаго народа и государства въ уголовномъ преступленіи своей явной несостоятельностью вызвало по отношенію къ Сербіи широкія симпатіи европейскихъ общественныхъ круговъ.

Вслѣдствіе такого образа дѣйствій австро-венгерскаго правительства, вопреки заявленію Россіи, что она не можетъ остаться равнодушной къ участи Сербіи, Императорское правительство сочло необходимымъ объявить мобилизацію кіевскаго, одесскаго, московскаго и казанскаго военныхъ округовъ.

Такое рѣшеніе представлялось необходимымъ въ виду того, что со дня врученія австро-венгерской ноты сербскому правительству и первыхъ шаговъ Россіи прошло пять дней, а между тѣмъ, со стороны вѣнскаго кабинета не было сдѣлано никакихъ шаговъ навстрѣчу нашимъ мирнымъ попыткамъ, и, наоборотъ, была объявлена мобилизація половины австро-венгерской арміи.

О принимаемыхъ Россіей мѣрахъ было доведено до свѣдѣнія германскаго правительства, съ объясненіемъ, что онѣ являются послѣдствіемъ австрійскихъ вооруженій и отнюдь не направлены противъ Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Императорское правительство заявило о готовности Россіи, путемъ непосредственныхъ сношеній съ вѣнскимъ кабинетомъ, или же, согласно предложенію Великобританіи, путемъ конференціи четырехъ незаинтересованныхъ непосредственно великихъ державъ — Англіи, Франціи, Германіи и Италіи, — продолжать переговоры о мирномъ улаженіи спора.

Однако, и эта попытка Россіи не увѣнчалась успѣхомъ. Австро-Венгрія отклонила дальнѣйшій обмѣнъ мнѣній съ нами, а берлинскій кабинетъ уклонился отъ участія въ предположенной конференціи державъ.

Тѣмъ не менѣе, Россія и здѣсь продолжала свои усилія въ пользу

мира. На вопросъ германскаго посла указать, на какихъ условіяхъ мы еще согласились бы пріостановить наши вооруженія, министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ, что таковымъ условіемъ является признаніе Австро-Венгріею, что австро-сербскій вопросъ принялъ характеръ европейскаго вопроса, и заявленія ея, что она согласна не настаивать на требованіяхъ, несовмѣстимыхъ съ суверенными правами Сербіи.

Предложеніе Россіи было признано Германіей непріемлемымъ для Австро-Венгріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Петербургѣ было получено извѣстіе объ объявленіи Австро-Венгріей общей мобилизаціи.

Въ то же время продолжались военныя дѣйствія на сербской территоріи, и Бѣлградъ подвергся новой бомбардировкѣ.

Послѣдствіемъ такого неуспѣха нашихъ мирныхъ предложеній явилась необходимость расширенія военныхъ мѣръ предосторожности.

На запросъ по этому поводу берлинскаго кабинета было отвѣчено, что Россія вынуждена была начать вооруженія, дабы предохранить себя отъ всякихъ случайностей.

Принимая такую мѣру предосторожности, Россія вмѣстѣ съ тѣмъ продолжала всѣми силами изыскивать исходъ изъ создавшагося положенія и выразила готовность согласиться на всякій способъ разрѣшенія спора, при коемъ были бы соблюдены поставленныя нами условія.

Несмотря на такое миролюбивое сообщеніе, германское правительство 18 іюля обратилось къ Россійскому правительству съ требованіемъ къ 12 часамъ 19 іюля пріостановить военныя мѣры, угрожая въ противномъ случаѣ приступить къ всеобщей мобилизаціи.

На слѣдующій день, 19 іюля, германскій посолъ передалъ министру иностранныхъ дѣлъ отъ имени своего правительства объявленіе войны.

Вся военно-дипломатическая кампанія, начатая Австро-Венгріею и Германіею, представляетъ собою одно сплошное, грубое отрицаніе всякаго права во имя торжества «бронированнаго кулака». Такого издѣвательства надъ общепринятыми началами международнаго общенія не видала Европа со временъ Наполеона. Духъ лжи и безправія проникаетъ насквозь тѣ заявленія и требованія, которыя были оффиціально выставлены вѣнскимъ кабинетомъ по отношенію къ Сербіи. Австро-Венгрія съ перваго слова даетъ понять, что она обращается къ незначительному, слабому государству, неспособному ей сопротивляться и потому лишенному въ ея глазахъ всякихъ самостоятельныхъ правъ. Она диктуетъ свою волю чужой, «независимой» странѣ и ждетъ безпрекословнаго исполненія, подъ страхомъ насильственной расправы. Съ самаго начала видно было, что для Австріи дѣло идетъ вовсе не о преслѣдованіи и наказаніи сербовъ, замѣшанныхъ въ Сараевскомъ убійствѣ,—ибо для этого надо было только сообщить сербскому правительству добытыя слѣдствіемъ данныя и потребовать привлеченія всѣхъ поименно указанныхъ виновныхъ лицъ, кто бы они ни

были, къ законной отвѣтственности; а такъ какъ Сербія не могла бы отказать въ этомъ справедливомъ требованіи, то не было бы матеріала для конфликта. Только въ случаѣ отказа Сербіи—отказа совершенно невѣроятнаго — явился бы поводъ для предъявленія ультиматума. Австрійцы поступили наоборотъ: они даже не пробовали вступить въ предварительныя сношенія съ Сербіею относительно обнаруженнаго слѣдствіемъ участія нѣкоторыхъ ея подданныхъ и чиновниковъ въ Сараевскомъ дѣлѣ, а прямо начали съ ультиматума, заключающаго въ себѣ нелѣпое обвиненіе цѣлаго государства и народа въ поощреніи убійствъ и заговоровъ противъ Австро - Венгріи и ея династіи. Цѣлый мѣсяцъ прошелъ со дня Сараевскаго покушенія; было достаточно времени для производства слѣдствія не только въ Босніи, но и въ предѣлахъ Сербіи, и австрійцы не имѣли бы никакого повода проявлять внезапную торопливость назначеніемъ двухдневнаго срока для отвѣта, если бы ихъ требованія были по существу разумны и исполнимы. Когда же сербы, къ удивленію самой Австро-Венгріи, отвѣтили почти полнымъ согласіемъ, этотъ отвѣтъ былъ фактически скрытъ отъ публики или извращенъ и затушеванъ при помощи лживыхъ дипломатическихъ изворотовъ. Оффиціозная пресса признала отвѣтъ «неискреннимъ», хотя онъ касался реальнаго исполненія всего того, что вообще могло быть исполнено подъ наблюденіемъ и контролемъ австрійской дипломатіи. Въ дѣйствительности отъ Сербіи требовалось что-то другое, чего она не могла дать, даже если бы желала,—требовалось уничтоженіе чувства національнаго единства сербской народности, искорененіе великосербской идеи, связывающей бѣлградскихъ, коссовскихъ и македонскихъ сербовъ съ австрійскими и боснійскими. Требовалось именно уничтоженіе, а не оффиціальное отреченіе, которое съ гораздо бо̀льшимъ правомъ могло бы быть признано неискреннимъ. Чувство племенного единства всѣхъ сербовъ должно быть съ уничтожено: оно безпокоитъ австрійскую монархію и порождаетъ мысль о возможномъ въ будущемъ отторженіи сербскихъ земель отъ Австро - Венгріи для присоединенія ихъ къ самостоятельному сербскому государству. Какъ искоренить это сознаніе сербскаго національнаго единства, опасное для австрійцевъ? Нѣтъ другого способа, кромѣ завоеванія Сербіи и подчиненія ея австро - германскому господству. Быть можетъ, гораздо сильнѣе великосербской идеи должна тревожить австрійскую монархію идея великогерманская или всенѣмецкая, клонящаяся, въ концѣ концовъ, къ присоединенію нѣмецкихъ областей Австро - Венгріи къ Германской имперіи. Столь же непріятна для австрійцевъ идея единенія итальянской націи съ населеніемъ южной части Тироля, Истріи и Далмаціи. Но противъ пропаганды всегерманской или всеитальянской идеи монархія ничего не

предпринимала, и существованіе этой пропаганды не мѣшало австрійцамъ находиться въ союзѣ съ Германіею и Италіею. Сербія же—держава маленькая, и ее можно раздавить подъ предлогомъ неудобства ея независимости для могущественнаго сосѣда; это намѣреніе ясно сквозитъ въ злобномъ обвинительномъ манифестѣ императора Франца-Іосифа. Въ манифестѣ ничего не сказано о цѣли предпринятой войны, и нѣтъ даже намека на то, какъ будетъ поступлено съ Сербіею послѣ предположеннаго ея разгрома; говорится только глухо о томъ, что «долженъ быть положенъ конецъ невыносимымъ кознямъ и непрестаннымъ вызовамъ Сербіи», а по смыслу всѣхъ обвиненій конецъ можетъ быть положенъ только уничтоженіемъ независимаго сербскаго государства.

При такомъ характерѣ австрійскаго нападенія на Сербію всѣ великія европейскія державы имѣли право и обязанность вмѣшаться, во имя защиты того балканскаго status-quo, который всегда служилъ излюбленной темой вѣнскаго кабинета въ его пререканіяхъ и соглашеніяхъ съ русской дипломатіей. Для Россіи немедленное заступничество за Сербію было обязательно не только въ силу историческихъ связей нашихъ съ южно-славянскими государствами, созданными отчасти русскою кровью, но и въ силу необходимости огражденія нашихъ собственныхъ международныхъ правъ и интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ. Австро-Венгрія и Германія серьезно требовали, чтобы австро-сербскій конфликтъ былъ «локализованъ» и чтобы постороннія державы не вмѣшивались въ него; тогда будетъ сохраненъ общій европейскій миръ. Какіе-то ученые нѣмецкіе юристы доказывали, на столбцахъ распространенныхъ газетъ, что Россія не имѣетъ въ сущности никакого права вмѣшиваться въ балканскія дѣла, и что ея претензія на заступничество за славянъ есть порожденіе панславизма, представляющаго огромнѣйшую опасность для Европы; нѣкоторые органы вѣнской печати утверждали даже, что русское заступничество оскорбительно для Сербіи, что оно равносильно отрицанію ея независимости и что сами сербы, во имя своей политической самостоятельности, должны настаивать на локализаціи своего конфликта съ Австро-Венгріею. Въ то же время газеты объясняли, что австрійцы имѣютъ въ виду только «карательную экспедицію» противъ Сербіи и не задаются никакими планами территоріальныхъ пріобрѣтеній.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней въ заграничной прессѣ шли толки о локализаціи конфликта, о карательной экспедиціи и о возможномъ, будто-бы, удержаніи «постороннихъ» державъ отъ вмѣшательства. Многіе, очевидно, не отдавали себѣ отчета въ смыслѣ и значеніи этой локализаціи. Допустить локализацію войны—значило, на простомъ человѣческомъ языкѣ, предоставить Австро-Венгріи раздавить Сербію силою

оружія, уничтожить ея самостоятельное существованіе и превратить въ вассальное австрійское владѣніе. Когда могущественная держава нападаетъ на маленькую, и притомъ безъ всякаго къ тому основанія, по завѣдомо лживымъ мотивамъ, то говорить о локализаціи спора и о невмѣшательствѣ—такая же нелѣпость, какъ предлагать соблюденіе нейтралитета при конфликтѣ волка съ ягненкомъ. Впрочемъ, австрійскіе и нѣмецкіе оффиціозы выдавали свою подлинную мысль разсужденіями о карательной экспедиціи. Если Австрія думала воевать съ Сербіею на равныхъ правахъ и на этомъ основаніи устраняла постороннее вмѣшательство, то она не могла приписывать себѣ карательную власть по отношенію къ противнику. Съ независимымъ государствомъ воюютъ, его могутъ побѣдить, могутъ фактически наложить на него тяжкія условія мира, могутъ, наконецъ, покорить его и завладѣть его территоріею, но это будетъ результатомъ превосходства силы, а не примѣненіемъ права наказанія. Взглядъ на войну съ Сербіей, какъ на карательную экспедицію, рѣшительно противорѣчилъ всѣмъ увѣреніямъ объ отсутствіи у Австро-Венгріи какихъ-либо завоевательныхъ намѣреній, опасныхъ для общаго мира. Неужели кто-нибудь могъ предполагать, что австрійскія войска, разгромивъ Сербію разстрѣлявъ всѣхъ видныхъ сторонниковъ велико-сербской идеи, ушли бы обратно и оставили бы страну по-прежнему подъ властью сербовъ? Австрійская карательная экспедиція, при невмѣшательствѣ заинтересованныхъ великихъ державъ, и прежде всего—Россіи, означала бы смертный приговоръ надъ Сербіею, а этого не могла допустить Европа. Всякій понималъ, что необыкновенно сложный ультиматумъ, придуманный вѣнскимъ кабинетомъ и одобренный въ Берлинѣ, былъ прямымъ вызовомъ по адресу Россіи и безцеремоннымъ посягательствомъ на дѣйствующее международное право; однако, большинство нѣмецкихъ газетъ съ поразительнымъ цинизмомъ увѣряло публику, что австрійскія требованія вполнѣ обоснованы и справедливы, что локализація конфликта настоятельно требуется интересами общаго мира, что опасность войны зависитъ не отъ Вѣны или Берлина, а отъ Петербурга, гдѣ и слѣдуетъ будто-бы державамъ оказывать давленіе въ смыслѣ миролюбія. Нѣмецкіе патріоты не сомнѣвались, что, разъ извѣстное рѣшеніе принято Германіею и Австро-Венгріею, оно должно уже считаться обязательнымъ для остальной Европы, а протесты Россіи могутъ быть оставлены безъ вниманія. По всей вѣроятности, масса нѣмецкаго народа не предвидѣла, что изъ-за Сербіи можетъ вспыхнуть европейская война; сами правительства обѣихъ союзныхъ имперій едва-ли разсчитывали на то, что война эта станетъ міровою.

Желаніе престарѣлаго австрійскаго монарха устроить грандіозную кровавую тризну по убитомъ наслѣдникѣ престола, возвѣщенное на

тридцатый день послѣ убійства, удовлетворено въ полной мѣрѣ; но какая судьба постигнетъ имперію Габсбурговъ послѣ этой міровой борьбы—это вопросъ, на который пока нѣтъ отвѣта. Австрійскія и германскія власти кощунственно взываютъ къ помощи Провидѣнія въ затѣянномъ ими кровавомъ предпріятіи. Вѣнскій князь-архіепископъ въ своемъ пастырскомъ посланіи говоритъ, что Сербія заставила миролюбивѣйшаго австрійскаго императора взяться за оружіе и что въ этой навязанной австрійцамъ войнѣ имъ приходится защищать противъ сербовъ «не только положеніе своего государства, какъ великой державы, и не только могущество и честь своей славной арміи, но и прежде всего высокія и идеальныя блага и свое священное право, на мѣсто котораго жадные до чужихъ земель враги хотѣли бы поставить открытое насиліе и возстаніе». «Найдется ли среди насъ хоть одинъ,—спрашиваетъ кардиналъ-архіепископъ—кто не былъ бы вполнѣ убѣжденъ въ справедливости и необходимости этой навязанной намъ войны?»

Итакъ, не Австрія задумала карательную экспедицію для уничтоженія Сербіи, а напротивъ, Сербія накинулась на бѣдную Австрію, съ ея миролюбивымъ императоромъ, и принудила ихъ взяться за оружіе для защиты «высокихъ идеальныхъ благъ» и священнаго австрійскаго права! И эта беззастѣнчивая ложь повторяется изо дня въ день въ милліонахъ газетныхъ листковъ, въ публичныхъ рѣчахъ и воззваніяхъ, и поддерживается высокопоставленными представителями католической церкви, авторитетными публицистами и учеными профессорами. Пробужденіе отъ этого мнимо-патріотическаго угара наступитъ, быть можетъ, слишкомъ поздно для Австро-Венгріи и ея династіи; но никто въ Европѣ не пожалѣетъ австрійской монархіи, если ее постигнетъ заслуженная ею судьба.

Для Германіи весь австро-сербскій конфликтъ имѣлъ лишь значеніе зацѣпки, которая должна была помочь императору Вильгельму II пустить въ ходъ великолѣпно, повидимому, оборудованный и вполнѣ подготовленный къ дѣлу чудовищный механизмъ войны. Рѣшившись дѣйствовать напроломъ, прусская военная партія, подобно австрійскимъ ея коллегамъ, прежде всего постаралась показать, что для нея не существуетъ другого права, кромѣ права силы. Германское правительство, считавшееся вообще разсчетливымъ и дальновиднымъ, поставило себѣ цѣлью довести свою военную организацію до такого совершенства, чтобы можно было во всякое время предупредить противниковъ быстротою мобилизаціи и нанести имъ сразу сокрушительный ударъ на два фронта. Военные руководители Германіи нашли, что такой моментъ насталъ и что въ близкомъ будущемъ условія могутъ уже измѣниться въ пользу Россіи и Франціи—и они пустили машину въ ходъ, полагаясь исключительно на временный перевѣсъ

своихъ силъ и не заботясь о дальнѣйшемъ. Увѣренные, почему-то, что первымъ признакомъ превосходства силы служитъ внѣшняя грубость и отрицаніе чужого права, они стали поступать такимъ образомъ, какъ будто Германіи не придется болѣе имѣть какія-либо мирныя сношенія и дѣла съ окружающими культурными націями—Франціею, Англіею и Россіею. Состояніе войны не можетъ продолжаться долго, и когда-нибудь возстановится миръ; но тѣ грубые, оскорбительные пріемы, тѣ нарушенія международныхъ правъ и договоровъ, которыми отличилась Германія въ послѣднемъ кризисѣ, не забудутся ея нынѣшними врагами и должны неизбѣжно отразиться на будущемъ положеніи ея въ Европѣ. Каковъ бы ни былъ исходъ начатой нѣмцами войны, Россія и Франція во всякомъ случаѣ останутся великими могущественными державами, и Германія всегда должна будетъ считаться съ ними; поэтому даже съ своей надменно-побѣдоносной точки зрѣнія германское правительство не имѣло никакого разсчета оскорблять Россію безсмысленными требованіями, въ родѣ ультиматума о разоруженіи, когда въ самой Германіи мобилизація была уже въ полномъ разгарѣ. Императоръ Вильгельмъ II и его совѣтники не обращали ни малѣйшаго вниманія на «невѣсомые» морально-политическіе элементы въ политикѣ, на тѣ imponderabilia, которымъ придавалъ такое важное значеніе князь Бисмаркъ. Какое-то непонятное ослѣпленіе нашло на германскихъ правителей, и они послѣдовательно оттолкнули отъ себя цѣлый рядъ державъ, съ которыми имъ было очень важно поддерживать мирныя отношенія. Они какъ будто умышленно устроили такъ, что Италія освободилась отъ обязанности присоединиться къ нѣмцамъ для совмѣстныхъ дѣйствій противъ Франціи, согласно союзному договору; они возстановили противъ себя все общественное мнѣніе Европы своимъ безцеремоннымъ обращеніемъ съ Бельгіею и вызвали прямое объявленіе войны со стороны Англіи; они сами создали противъ себя могущественную коалицію, которой больше всего опасались прежніе дѣятели берлинской дипломатіи. Германія поспѣшила объявить войну Россіи и напасть на Францію, не имѣя къ тому никакихъ формальныхъ основаній; она очевидно упустила изъ виду, что этотъ агрессивный способъ дѣйствій даетъ Италіи законный поводъ къ сохраненію нейтралитета. Или она, быть можетъ, была настолько убѣждена въ твердости тройственнаго союза, что не допускала мысли объ уклоненіи отъ него Италіи при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ?

Пренебреженіе къ точнымъ условіямъ заключенныхъ договоровъ и невниманіе къ мнѣніямъ и интересамъ другихъ націй, даже союзныхъ, привели къ первой, весьма чувствительной неудачѣ германской политики—къ оффиціальному объявленію нейтралитета Италіи въ

настоящей войнѣ. Нейтралитетъ Италіи отнимаетъ у нѣмцевъ содѣйствіе трехсотъ-тысячной итальянской арміи, которая отвлекла бы столько же войскъ отъ главныхъ французскихъ силъ, выставленныхъ противъ Германіи; въ то же время теряется для нѣмцевъ и участіе итальянскаго флота, вслѣдствіе чего французскія эскадры пріобрѣтаютъ свободу дѣйствій въ Средиземномъ морѣ. Франція освобождается отъ заботъ о защитѣ своего юго-восточнаго побережья, своей итальянской границы и своихъ африканскихъ владѣній; она можетъ всѣ свои сухопутныя и колоніальныя войска направить противъ нѣмецкихъ армій. Этимъ весьма существенно улучшаются условія войны для французовъ, такъ какъ планы французскаго генеральнаго штаба основывались, вѣроятно, на предположеніи участія итальянскихъ войскъ въ германскихъ военныхъ операціяхъ, а теперь это предположеніе неожиданно отпадаетъ. Вторая, еще болѣе крупная неудача постигла Германію въ связи съ нарушеніемъ бельгійскаго нейтралитета. Ни въ какомъ случаѣ нельзя было думать, что германское правительство намѣревалось воевать сразу не только съ Россіею и Франціею, но заодно и съ Англіею, имѣя на своей сторонѣ только одну Австро-Венгрію, безъ участія Италіи. Мысль о возможной борьбѣ съ Англіею была самымъ тягостнымъ кошмаромъ воинственнаго нѣмецкаго патріотизма за послѣдніе годы: она пугала умы своими грандіозными разрушительными послѣдствіями для всей міровой торговли и промышленности Германіи, для жизненныхъ интересовъ ея народнаго хозяйства и благосостоянія. Нѣмцы съ лихорадочной энергіею старались какъ можно скорѣе создать могучій флотъ, способный соперничать съ морскими силами Великобританіи; они надѣялись когда-нибудь сравняться съ англичанами въ этомъ отношеніи, но не могли желать теперь же столкнуться съ ними, такъ какъ чувствовали себя еще значительно слабѣе на моряхъ и океанахъ. И вдругъ они же сами своимъ грубымъ насиліемъ надъ нейтральной Бельгіею заставили Англію вмѣшаться и объявить войну Германіи, послѣ безплодныхъ и непродолжительныхъ дипломатическихъ переговоровъ. Британское правительство, хотя и связанное съ Франціею и Россіею тройственнымъ соглашеніемъ, сохраняло свободу дѣйствій въ начатой войнѣ и предполагало оказывать помощь своимъ друзьямъ по мѣрѣ надобности и въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ угрожала бы серьезная опасность. Изъ публичныхъ заявленій премьера Асквита и сэра Эдуарда Грея можно было заключить, что Англія будетъ на сторонѣ друзей, но можетъ присоединиться къ нимъ лишь впослѣдствіи, въ зависимости отъ хода кампаніи. Дѣло приняло совершенно другой оборотъ, когда въ Англіи стало извѣстно вторженіе германскихъ войскъ въ предѣлы Бельгіи, нейтралитетъ которой гарантированъ былъ лон-

донскимъ договоромъ 1831-го года, подписаннымъ Англіею, Австріею, Пруссіею и Россіею. Британское общественное мнѣніе, крайне чувствительное къ вопросамъ публичнаго права и международной чести, сильно заволновалось; правительство, опираясь на единодушное настроеніе парламента и печати, обратилось къ берлинскому кабинету съ просьбою высказаться о своемъ отношеніи къ бельгійскому нейтралитету. Бездарные дипломатическіе сотрудники Вильгельма II дали такой отвѣтъ, который болѣе всего возмутилъ англичанъ своею мотивировкою. Статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ фонъ-Яговъ откровенно объяснилъ, что нарушеніе бельгійскаго нейтралитета входитъ въ военные планы германской арміи, а правительство ставитъ военныя соображенія выше всякихъ другихъ, почему и не можетъ исполнить желаніе Англіи, хотя бы это и давало ей поводъ для вмѣшательства. Другими словами, военные руководители Германіи уже заранѣе рѣшили нарушить формальное международное обязательство, которымъ особенно дорожила Англія, и это нарушеніе входило въ военные планы, отъ которыхъ нельзя отступить при началѣ войны. Какимъ образомъ военныя соображенія германскихъ генераловъ могли касаться чужой страны, объявленной нейтральною, т. е. недоступною для иностранныхъ войскъ? Бельгійскій нейтралитетъ, обезпеченный формальнымъ договоромъ, долженъ былъ считаться обязательнымъ и для прусскаго генеральнаго штаба, которымъ онъ соблюдался и въ войнѣ 1870 года; нарушеніе этого нейтралитета никакъ не могло входить въ военные планы одного изъ государствъ, участвовавшихъ въ его оффиціальномъ признаніи. Берлинскіе дипломаты предлагали обезпечить нейтралитетъ Бельгіи и предоставить ей разныя льготы послѣ окончанія войны, съ тѣмъ, чтобы державы пока не возражали противъ прохода германскихъ войскъ черезъ бельгійскую территорію; такія же предложенія, смѣшанныя съ угрозами, дѣлались и бельгійскому правительству,—но практическій смыслъ ихъ сводился, очевидно, къ отрицанію самой идеи нейтралитета. Нѣмцы соглашаются признавать нейтралитетъ Бельгіи во время мира; но нейтралитетъ провозглашается и гарантируется именно на случай войны. Если не признавать договора о нейтралитетѣ во время военныхъ дѣйствій, то для чего вообще заключать подобные договоры? Наивная откровенность, съ какою германскіе военно-политическіе дѣятели ссылались на господство права силы и военныхъ соображеній надъ всякими международными договорами и обязательствами, произвела отвратительное впечатлѣніе въ Англіи и послужила послѣднимъ толчкомъ къ рѣшительному выступленію британскаго правительства противъ Германіи.

Роковыя политическія ошибки, вытекающія изъ природы заносчиваго прусскаго милитаризма, поставили нѣмецкій народъ и его правителей

лицомъ къ лицу передъ катастрофою, которая всей своей тяжестью обрушится прежде всего на Германію. Война съ Англіею влечетъ за собою разрывъ и съ ея союзницей Японіею; всѣ колоніальныя пріобрѣтенія нѣмцевъ, весь ихъ громадный торговый флотъ, всѣ торговые и промышленные успѣхи въ разныхъ частяхъ свѣта подвергаются теперь страшному риску. Никакія случайныя удачи на сухопутныхъ театрахъ войны не вознаградятъ Германію за неизбѣжное разореніе ея міровой торговли, ея колоній и всего ея народнаго хозяйства. Предполагая имѣть противъ себя только Россію и Францію, а на своей сторонѣ—Австро-Венгрію и Италію, германское правительство въ дѣйствительности очутилось въ положеніи войны почти со всей остальной Европою и сверхъ того еще съ Японіею, имѣя за себя только австрійцевъ, занятыхъ войною съ сербами. Противъ политики грубой силы и отрицанія права поднялась еще бо̀льшая коллективная сила, способная положить конецъ притязаніямъ Германіи и ея союзниковъ на военно-политическое главенство въ Европѣ. Въ этомъ великомъ лагерѣ культурныхъ націй, борющихся за миръ на основѣ права, находится на этотъ разъ и Россія. Открытое присоединеніе Англіи къ державамъ, на которыя напала Германія, можетъ нанести сильнѣйшій, непоправимый ударъ болѣзненно-возбужденному національному шовинизму нѣмецкаго общества и австро-германскихъ армій. Чрезмѣрное количество могущественныхъ противниковъ и присутствіе въ ихъ средѣ представителей старой «владычицы морей» должно дѣйствовать угнетающимъ образомъ на духъ германскихъ войскъ, подрывать ихъ вѣру въ мудрость берлинскаго правительства и ихъ надежду на побѣду. При такихъ условіяхъ мы имѣемъ несомнѣнно большіе шансы окончательнаго успѣха въ начатой не нами борьбѣ. Если соединеннымъ усиліямъ державъ тройственнаго согласія удастся сломить оплотъ прусскаго военнаго владычества и уничтожить источникъ хронической тревоги въ Европѣ, то великая война 1914-го года послужитъ началомъ новой эпохи мирнаго существованія и развитія народовъ.

Всего десять дней отдѣляютъ эти грозныя военныя событія отъ посѣщенія Россіи французскимъ президентомъ Пуанкаре—а какъ радикально измѣнилось съ тѣхъ поръ общее положеніе Европы! На парадномъ обѣдѣ въ Петергофѣ, 7-го іюля, въ произнесенныхъ оффиціальныхъ тостахъ упоминалось о главной задачѣ участниковъ франко-русскаго союза—«охранять свои интересы, содѣйствуя вмѣстѣ съ тѣмъ сохраненію равновѣсія и мира въ Европѣ»,—о стремленіи обѣихъ странъ «пользоваться благами мира, обезпеченнаго полнотою ихъ силъ, и все болѣе укрѣплять тѣсныя узы, ихъ связующія», и о томъ, что эти мирныя стремленія «опираются на арміи и флоты, которые знаютъ другъ друга и привыкли къ взаимному братству». На прощальномъ

обѣдѣ 10-го іюля, на французскомъ броненосцѣ, было вновь подчеркнуто, что «братство нашихъ сухопутныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ облегчитъ задачу обоихъ правительствъ, призванныхъ блюсти интересы союзныхъ народовъ, вдохновляясь идеаломъ мира, который ставятъ себѣ двѣ наши страны, въ сознаніи своей силы». Тогда же появилось въ газетахъ слѣдующее оффиціальное сообщеніе: «Посѣщеніе Государя Императора президентомъ Французской республики дало возможность обоимъ союзнымъ и дружественнымъ правительствамъ отмѣтить полнѣйшую согласованность ихъ взглядовъ въ различныхъ вопросахъ международной политики, постановка которыхъ на очередь вызвана заботами ихъ о поддержаніи мира и политическаго равновѣсія въ Европѣ, въ особенности же на Ближнемъ Востокѣ». А въ тотъ же день 10-го іюля сдѣланъ былъ Австро-Венгріею задуманный втихомолку коварный шагъ, приведшій къ неожиданно быстрому взрыву міровой войны. Остается пожелать, чтобы и на этотъ разъ оправдалось изреченіе: кто первый поднялъ мечъ, отъ него и погибнетъ.

Въ виду мучительныхъ и непредвидѣнныхъ фактовъ мірового значенія прошло едва замѣченнымъ извѣстіе о загадочномъ убійствѣ одного изъ крупнѣйшихъ политическихъ дѣятелей и ораторовъ Франціи, Жореса. О значеніи Жореса, какъ ученаго писателя и историка, талантливаго публициста и авторитетнаго вождя партіи, придется еще, по всей вѣроятности, говорить подробно въ нашемъ журналѣ.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Главнѣйшіе правительственные акты.—Первые дни войны.—Отклики въ Госуд. Думѣ, въ Госуд. Совѣтѣ и въ органахъ городского и земскаго самоуправленія.—Задачи общественной самодѣятельности.—Кн. В. П. Мещерскій и Ѳ. Ѳ. Ольденбургъ.

Въ послѣдніе дни опубликованы нижеслѣдующіе высокознаменательные правительственные акты и документы:

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ 20-го іюля.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ НАШИМЪ подданнымъ:

Слѣдуя историческимъ своимъ завѣтамъ, Россія, единая по вѣрѣ и крови со славянскими народами,

никогда не взирала на ихъ судьбу безучастно. Съ полнымъ единодушіемъ и особою силою пробудились братскія чувства русскаго народа къ Славянамъ въ послѣдніе дни, когда Австро-Венгрія предъявила Сербіи завѣдомо непріемлемыя для державнаго государства требованія.

Презрѣвъ уступчивый и миролюбивый отвѣтъ Сербскаго правительства, отвергнувъ доброжелательное посредничество Россіи, Австрія поспѣшно перешла въ вооруженное нападеніе, открывъ бомбардировку беззащитнаго Бѣлграда.

Вынужденные, въ силу создавшихся условій, принять необходимыя мѣры предосторожности, МЫ повелѣли привести армію и флотъ на военное положеніе, но, дорожа кровью и достояніемъ НАШИХЪ подданныхъ, прилагали всѣ усилія къ мирному исходу начавшихся переговоровъ.

Среди дружественныхъ сношеній, союзная Австріи Германія, вопреки НАШИМЪ надеждамъ на вѣковое доброе сосѣдство и не внемля завѣренію НАШЕМУ, что принятыя мѣры отнюдь не имѣютъ враждебныхъ ей цѣлей, стала домогаться немедленной ихъ отмѣны и, встрѣтивъ отказъ въ этомъ требованіи, внезапно объявила Россіи войну.

Нынѣ предстоитъ уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную НАМЪ страну, но оградить честь, достоинство, цѣлость Россіи и положеніе ея среди Великихъ Державъ. МЫ непоколебимо вѣримъ, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанутъ всѣ вѣрные НАШИ подданные.

Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри. Да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе ЦАРЯ съ ЕГО народомъ и да отразитъ Россія, поднявшаяся какъ одинъ человѣкъ, дерзкій натискъ врага.

Съ глубокою вѣрою въ правоту НАШЕГО дѣла и смиреннымъ упованіемъ на Всемогущій Промыселъ, МЫ молитвенно призываемъ на Святую Русь и доблестныя войска НАШИ Божіе благословеніе.

Рѣчь **ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА** въ Зимнемъ Дворцѣ, 20-го іюля, къ представителямъ арміи и флота:

„Со спокойствіемъ и достоинствомъ встрѣтила наша Великая Матушка Русь извѣстіе объ объявленіи намъ войны.

Убѣжденъ, что съ такимъ же чувствомъ спокойствія Мы доведемъ войну, какая бы она ни была, до конца.

Я здѣсь торжественно заявляю, что не заключу мира до тѣхъ поръ, пока послѣдній непріятельскій воинъ не уйдетъ съ земли Нашей, и къ вамъ, собраннымъ здѣсь представителямъ дорогихъ мнѣ войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, въ вашемъ лицѣ, обращаюсь ко всей единородной, единодушной, крѣпкой, какъ стѣна гранитная, арміи Моей и благословляю ее на трудъ ратный“.

Созывъ Г. Думы и Г. Совѣта.

Именной Высочайшій указъ 20-го іюля Правительствующему Сенату.

Въ виду ниспосланныхъ Отечеству Нашему тяжкихъ испытаній, желая быть въ полномъ единеніи съ народомъ, признали Мы за благо созвать Гос. Совѣтъ и Гос. Думу.

Вслѣдствіе сего, на основаніи статьи 99 основныхъ Государственныхъ законовъ, повелѣваемъ: возобновить занятія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы 26 сего іюля.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе.

Именной Высочайшій указъ 20-го іюля

Правительствующему Сенату.

«Не признавая возможнымъ, по причинамъ общегосударственнаго характера, встать теперь же во главѣ Нашихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, предназначенныхъ для военныхъ дѣйствій, признали Мы за благо Всемилостивѣйше повелѣть Нашему генералъ-адъютанту, Главнокомандующему войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, генералу-отъ-кавалеріи Его Императорскому Высочеству Великому Князю **Николаю Николаевичу** быть верховнымъ Главнокомандующимъ».

Именной Высочайшій указъ 20-го іюля

Правительствующему Сенату.

Разсмотрѣвъ представленный Намъ особый журналъ совѣта министровъ и соглашаясь съ заключеніемъ совѣта о необходимости принятія мѣръ для обезпеченія въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, повелѣваемъ:

I. Объявить названный край, а также прибрежный водный районъ Финляндіи на военномъ положеніи, распространивъ на нихъ дѣйствіе правилъ о мѣстностяхъ, объявляемыхъ на военномъ положеніи (Св. зак. т. II, общ. учр. губ. изд. 1892 г., ст. 23, прил., Выс. пост. 20 мая (2 іюня) 1904 г., С. П. Ф. № 35, С. П. Ф., 1909 г. № 73) и

II. Въ отношеніи указанныхъ мѣстностей высшее направленіе дѣйствій по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія предоставить главнокомандующему войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.

Именной Высочайшій указъ 20-го іюля

Правительствующему Сенату.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ Нашимъ, даннымъ въ 17-й день сего іюля Правительствующему Сенату, признали Мы необходимымъ привести армію и флотъ на военное положеніе. Въ соотвѣтствіи съ симъ и въ цѣляхъ полнаго обезпеченія приведенія этой мѣры въ исполненіе повелѣваемъ: объявить на военномъ положеніи слѣдующія мѣстности Имперіи съ подчиненіемъ всего гражданскаго управленія этихъ мѣстностей главнымъ начальникамъ соотвѣтствующихъ военныхъ округовъ.

С.-Петербургскую губернію съ г. С.-Петербургомъ; Эстляндскую и Лифляндскую губерніи; Валдайскій уѣздъ, Новгородской губерніи; Курляндскую, Ковенскую, Сувалкскую, Виленскую, Витебскую губерніи; Псковскій уѣздъ, Псковской губерніи; Ломжинскую, Плоцкую, Варшавскую, Калишскую, Петроковскую, Люблинскую, Гродненскую, Кѣлецкую, Радомскую, Холмскую, Волынскую, Подольскую, Бессарабскую, Кіевскую и Минскую губерніи; Гомельскій уѣздъ, Могилевской губерніи; Херсонскую и Таврическую губерніи; Смоленскій уѣздъ, Смоленской губерніи; Золотоношскій, Переяславскій и Кременчугскій уѣзды, Полтавской губерніи; Остерскій уѣздъ, Черниговской губерніи; Верхнеднѣпровскій и Екатеринославскій уѣзды, Екатеринославской губерніи; Темрюкскій отдѣлъ, Кубанской области; Черноморскую губернію; Сухумскій округъ, Зугдидскій, Сенакскій и Озургетскій уѣзды, Кутаисской губерніи, и Батумскую область.

Именной Высочайшій указъ 20-го іюля

Правительствующему Сенату.

Признавъ необходимымъ не допускать, по объявленіи общей и частичной мобилизаціи арміи, оглашенія и распространенія, путемъ печати, почтово-телеграфныхъ сношеній и произносимыхъ въ публичныхъ собраніяхъ рѣчей и докладовъ, свѣдѣній, могущихъ повредить военнымъ интересамъ государства, и одобривъ представленный Намъ по сему предмету особый журналъ совѣта министровъ, Мы, на основаніи статьи 87-ой основныхъ законовъ, изданія 1906 года, повелѣваемъ:

I. Ввести въ дѣйствіе утвержденное Нами временное положеніе о военной цензурѣ.

II. Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, съ соблюденіемъ порядка, опредѣленнаго въ учрежденіи совѣта министровъ, воспрещать, по объявленіи мобилизаціи и во время войны, сообщеніе въ рѣчахъ или докладахъ, произносимыхъ въ публичныхъ собраніяхъ, свѣдѣній, касающихся внѣшней безопасности Россіи или вооруженныхъ ея силъ или вооруженій, предназначенныхъ для военной обороны страны.

III. Предоставить главнокомандующему или командующему отдѣльной арміей, въ случаѣ необходимости, для успѣха веденія войны, воспрещать на опредѣленный срокъ собственною властью въ подчиненной имъ мѣстности какія бы то ни было собранія и пріостанавливать повременныя изданія, а также передачу почтовыхъ отправленій и телеграммъ.

IV. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ (св. зак., т. XV, изд. 1885 г.) дополнить статьями 275^2 и 1012^4 слѣдующаго содержанія.

Ст. 275^2. Виновный въ публичномъ оглашеніи въ рѣчи или докладѣ, а равно и въ распространеніи посредствомъ печати, по объявленіи мобилизаціи или во время войны, свѣдѣній, касающихся внѣшней безопасности Россіи или вооруженныхъ ея силъ или сооруженій, предназначенныхъ для военной обороны страны, вопреки состоявшемуся въ установленномъ порядкѣ воспрещенію ихъ оглашенія, подвергается:

заключенію въ тюрьмѣ отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ.

Сему же наказанію подвергается виновный въ возбужденіи къ прекращенію войны въ публичной рѣчи или докладѣ, или въ произведеніяхъ печати, произнесенныхъ или выпущенныхъ въ свѣтъ по объявленіи мобилизаціи, или во время войны.

Ст. 1012^4. Виновные въ непредставленіи, по объявленіи мобилизаціи или во время войны, узаконеннаго числа экземпляровъ повременнаго или неповременнаго изданія въ военно-цензурныя установленія, подвергаются:

денежному взысканію отъ пятидесяти до пятисотъ рублей.

V. Ст. 1213^4 устава уголовнаго судопроизводства (Св. зак., т. XVI, ч. I, по прод. 1912 г.) дополнить примѣчаніемъ слѣдующаго содержанія.

Судебное преслѣдованіе по преступнымъ дѣяніямъ, совершаемымъ посредствомъ печати, предусмотрѣннымъ статьями 275^2 и 1012^4 уложенія о наказаніяхъ, по объявленіи мобилизаціи или во время войны, возбуждается также и по сообщеніямъ военно-цензурныхъ установленій.

ПЕРЕЧЕНЬ

свѣдѣній, касающихся внѣшней безопасности Россіи или вооруженныхъ ея силъ или сооруженій, предназначенныхъ для военной обороны страны, сообщеніе коихъ въ рѣчахъ или докладахъ, произносимыхъ въ публичныхъ собраніяхъ воспрещается на основаніи ст. 11 закона 20 іюля 1914 года о военной цензурѣ.

1. Объ устройствѣ, составѣ и численности всякаго рода воинскихъ частей и учрежденій военнаго и морского вѣдомства, а равно о мѣстахъ расположенія и о передвиженіи сихъ частей и учрежденій и объ измѣненіяхъ въ ихъ устройствѣ, составѣ и численности.

2. О вооруженіи, снаряженіи, обмундированіи, довольствіи, санитарномъ состояніи, боевыхъ качествахъ и всякаго рода техническомъ оборудованіи арміи и флота или ихъ отдѣльныхъ частей, а равно и о всѣхъ предполагаемыхъ и введенныхъ измѣненіяхъ по симъ предметамъ.

3. О современномъ состояніи, вооруженіи, снаряженіи, снабженіи всякаго рода запасами и значеніи для военнаго времени крѣпостей, укрѣпленій, опорныхъ пунктовъ (базъ) и военныхъ портовъ, а также о проектированіи и сооруженіи новыхъ и расширеніи или упраздненіи существующихъ, о численности и составѣ ихъ гарнизона.

4. О мѣстахъ расположенія и о передвиженіи отрядовъ и учрежденій добровольной санитарной помощи.

5. О производствѣ всякаго рода работъ въ крѣпостяхъ, укрѣпленіяхъ, опорныхъ пунктахъ (базахъ), военныхъ портахъ, на судахъ флота и по подготовкѣ позицій, а также на заводахъ по изготовленію заказовъ военнаго и морского вѣдомствъ для надобностей военнаго времени.

6. Свѣдѣнія, указывающія на подготовку къ мобилизаціи воинскихъ частей и учрежденій военнаго и морского вѣдомства, о приведеніи ихъ на положеніе военнаго времени, о производствѣ повѣрочныхъ и опытныхъ мобилизацій, а также о всякаго рода распоряженіяхъ различныхъ вѣдомствъ, касающихся мобилизаціи и сосредоточенія арміи и флота.

7. О сооруженіи, провозоспособности и техническомъ состояніи желѣзныхъ дорогъ, о работахъ на нихъ съ цѣлью развитія провозоспособности, а также о дѣятельности ихъ по пе-

ревозкѣ войскъ и военныхъ грузовъ; о строящихся и предположенныхъ къ постройкѣ новыхъ желѣзныхъ дорогахъ въ пограничныхъ губерніяхъ и областяхъ.

8. О состояніи существующихъ и о сооруженіи новыхъ грунтовыхъ, шоссейныхъ и водныхъ путей въ пограничныхъ губерніяхъ и областяхъ и о работахъ, производящихся на сихъ путяхъ.

9. О техническомъ состояніи, числѣ, протяженіи и направленіи существующихъ и объ открытіи новыхъ телеграфныхъ телефонныхъ линій и учрежденій какъ правительственныхъ и земскихъ, такъ и частныхъ, въ пограничныхъ губерніяхъ и областяхъ, а равно о станціяхъ безпроволочнаго телеграфа во всей Имперіи.

10. О прекращеніи увольненія воинскихъ чиновъ въ отпускъ и о вызовѣ къ своимъ частямъ находящихся въ командировкѣ, въ отпуску и въ запасѣ, о поѣздкахъ начальниковъ отдѣльныхъ частей и высшихъ начальствующихъ лицъ.

11. О неопубликованныхъ Высочайшихъ приказахъ по военному и морскому вѣдомствамъ.

12. О боевомъ маневрированіи и производствѣ стрѣльбы во флотѣ.

13. О маневрахъ и подвижныхъ сборахъ въ пограничныхъ губерніяхъ и областяхъ.

14. О военныхъ и военно-морскихъ мѣропріятіяхъ Россіи за границею.

15. О предположеніяхъ по поводу военныхъ дѣйствій арміи и флота.

16. О всякаго рода заготовкахъ и складахъ для нуждъ военнаго и морского вѣдомствъ, какъ въ Россіи, такъ и за границею.

17. О поимкѣ шпіоновъ, о судѣ надъ ними и о приведеніи въ исполненіе приговоровъ.

18. Фотографическіе снимки, эстампы, рисунки и т. п. изображенія, могущія дать свѣдѣнія, не подлежащія распространенію на основаніи сего перечня.

Примѣчаніе. Дѣйствіе настоящаго перечня не распространяется на тѣ свѣдѣнія, кои опубликованы или впредь будутъ опубликованы Правительствующимъ Сенатомъ, либо военнымъ и морскимъ вѣдомствами, или же разрѣшены будутъ къ опубликованію названными вѣдомствами.

Воспрещеніе сіе дѣйствительно въ теченіе года со дня опубликованія.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ 26-го Іюля.

Немного дней тому назадъ Манифестомъ Нашимъ оповѣстили Мы русскій народъ о войнѣ, объявленной Намъ Германіей.

Нынѣ Австро-Венгрія, первая зачинщица міровой смуты, обнаживша посреди глубокаго мира мечъ противъ слабѣйшей Сербіи, сбросила съ себя личину и объявила войну не разъ спасавшей ее Россіи.

Силы непріятела умножаются: противъ Россіи и всего славянства ополчились обѣ могущественныя нѣмецкія державы. Но съ удвоенною силою растетъ навстрѣчу имъ справедливый гнѣвъ мирныхъ народовъ и съ несокрушимой твердостью встаетъ предъ врагомъ вызванная на брань Россія, вѣрная славнымъ преданіямъ своего прошлаго.

Видитъ Господь, что не ради воинственныхъ замысловъ или суетной мірской славы подняли Мы оружіе, но, ограждая достоинство и безопасность Богомъ хранимой Нашей Имперіи, боремся за правое дѣло. Въ предстоящей войнѣ народовъ Мы не одни: вмѣстѣ съ Нами встали доблестные союзники Наши, также вынужденные прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы устранить, наконецъ, вѣчную угрозу германскихъ державъ общему миру и спокойствію.

Да благословитъ Господь Вседержитель Наше и союзное Намъ оружіе, и да поднимется вся Россія на ратный подвигъ съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ.

Высочайшій пріемъ 26-го іюля въ Зимнемъ дворцѣ членовъ законодательныхъ палатъ.

Рѣчь Государя Императора.

„Привѣтствую Васъ въ нынѣшніе знаменательные и тревожные дни, переживаемые всей Россіей. Германія и затѣмъ Австрія объявили

войну Россіи. Тотъ огромный подъемъ патріотическихъ чувствъ, любви къ родинѣ и преданности Престолу, который, какъ ураганъ, пронесся по всей землѣ Нашей, служитъ въ Моихъ глазахъ, да, думаю, и въ вашихъ, ручательствомъ въ томъ, что Наша великая матушка Россія доведетъ ниспосланную ей Господомъ Богомъ войну до желаннаго конца. Въ этомъ же единодушномъ порывѣ любви и готовности на всякія жертвы вплоть до жизни своей Я черпаю возможность поддержать Свои силы и спокойно и бодро взираю на будущее.

Мы не только защищаемъ свою честь и достоинство въ предѣлахъ земли Своей, но боремся также за единокровныхъ и единовѣрныхъ братьевъ Нашихъ, славянъ. И въ нынѣшнюю минуту Я съ радостью вижу, что объединеніе славянъ происходитъ также крѣпко и неразрывно со всей Россіей. Увѣренъ, что вы всѣ и каждый на своемъ мѣстѣ поможете Мнѣ перенести ниспосланное испытаніе, и что всѣ Мы, начиная съ Меня, исполнимъ свой долгъ до конца. Великъ Богъ земли Русской!"

Правительственное сообщеніе.

(Отъ военнаго министерства).

Симъ объявляется населенію Имперіи о необходимости общихъ усилій къ сохраненію въ полной тайнѣ всего, что касается выполняемыхъ нынѣ военныхъ мѣропріятій. Неосторожность въ разговорахъ, письмахъ и телеграммахъ можетъ способствовать распространенію за предѣлами Россіи свѣдѣній о расположеніи, передвиженіяхъ, составѣ и численности нашихъ воору-

женныхъ силъ, чѣмъ будетъ нанесенъ нашей родинѣ трудно поправимый вредъ и что можетъ потребовать отъ нашей арміи лишнихъ жертвъ.

Залогомъ довѣрія къ мощи арміи должна служить спокойная сдержанность общества ко всякаго рода непровѣреннымъ слухамъ, которые часто могутъ быть недостовѣрными и даже злонамѣренными.

Освѣдомленіе населенія, въ предѣлахъ возможности, въ переживаемыхъ и предстоящихъ военныхъ событіяхъ исторической важности возложено на главное управленіе генеральнаго штаба.

Общество должно мириться съ краткостью и вѣроятною скудостью тѣхъ свѣдѣній, которыя будутъ сообщаться, находя удовлетвореніе въ томъ, что приносимая такимъ отношеніемъ жертва вызывается военною необходимостью, предъ которой должны преклониться всѣ въ годину посылаемаго родинѣ испытанія.

Свершилось то, чего чуть не ежедневная возможность висѣла надъ Европой цѣлыхъ сорокъ лѣтъ. Гордый разгромомъ Франціи, германизмъ всѣ эти долгіе и тяжелые годы вѣчнаго ожиданія общеевропейской войны былъ постоянной угрозой миру. Угроза то становилась болѣе близкой, то временами отдалялась и затихала, но, въ общемъ, непрерывно нарастала.

Первый вызовъ европейскому миру бросила не главная носительница идеи германизма, не Германія, а ея союзница Австрія—сложная комбинація народностей, внѣшне объединенныхъ вокругъ трона Габсбурговъ. И бросила этотъ вызовъ Австрія не великимъ державамъ тройственнаго согласія, а Сербіи. Но еще пока шли дипломатическіе переговоры, 15 іюля, г. Сазоновъ телеграфировалъ русскимъ посламъ въ Лондонѣ и въ Парижѣ: «Изъ частныхъ бесѣдъ съ Пурталесомъ у меня все болѣе складывается убѣжденіе, что ключъ положенія въ Берлинѣ и что Германія благопріятствуетъ непримиримости Австріи». Всего четыре дня спустя маска слетѣла: Германія объявила войну Россіи.

Не разъ Россіи приходилось вынимать мечъ на защиту балканскихъ славянъ. Россія освободила Сербію и Болгарію отъ грубаго варварскаго ига турокъ и дала имъ возможность стать самостоятельными государствами. Правда, нота Австріи не грозила сербамъ звѣрствами башибузуковъ. Но въ историческомъ смыслѣ она грозила неменьшимъ, а въ государственномъ—бо́льшимъ. Она заключала въ себѣ

лишь прикрытое словами стремленіе задавить въ Сербіи идею чуждаго и враждебнаго германизму славянства и создать то, что должно было логически привести къ лишенію Сербіи государственной самостоятельности. Иго турокъ было физически мучительно. Иго руководимой Германіей Австріи было бы убійственно для психики народа, для его культурно-историческаго прошлаго и будущаго.

Русскій народъ со времени войны 1877—1878 гг. выросъ. Ему уже не надо втолковывать, что защита братьевъ по крови и по вѣрѣ есть долгъ Россіи не только тогда, когда ихъ рѣжутъ, жгутъ и насилуютъ. Онъ сразу оцѣнилъ, на какія глубины славянской идеи посягнула Австрія, и живо откликнулся на внятно и рѣшительно сказанныя вѣнскому правительству слова: «руки прочь».

Но раньше, чѣмъ волна народнаго отклика выкатилась изъ столицъ и главныхъ центровъ, наступила другая минута. Минута неповторяемая, минута, по важности, несравнимая. Германизмъ средней Европы уже прямо и открыто бросилъ надменный вызовъ славянской идеѣ, въ лицѣ перваго выразителя славянства—Россіи. Передъ русскимъ народомъ вплотную встала та задача, которая покрываетъ всѣ мысли, всѣ чувства и всѣ желанія: защита родины.

Сорокъ лѣтъ Европа, не захваченная поднявшимъ оружіе германизмомъ, видѣла передъ собой самоувѣренную и надменно-выпяченную грудь прусскаго солдата. И никогда еще эта грудь не обнажалась такъ откровенно, какъ обнажилась сейчасъ. Сколько надо было имѣть самомнѣнія, чтобы ночью потребовать отъ великой державы демобилизаціи въ двѣнадцатичасовой срокъ! Такое требованіе и черезъ 12 часовъ война—раскрыли карты. Какъ одинъ человѣкъ встала Россія, и вмѣстѣ съ нею—Франція и Англія. Г. Сазоновъ совершенно вѣрно говорилъ въ Государственной Думѣ: «Владычества Германіи и ея союзницы въ Европѣ мы допустить не можемъ; тѣ же побужденія руководятъ нашими союзниками»...

Еще днями приходится считать время войны, но отношеніе къ ней русскаго народнаго сознанія уже вполнѣ опредѣлилось: «Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри»—возгласилъ 20 іюля Высочайшій манифестъ. Очередная сессія Государственной Думы закончилась при рѣзкой распрѣ между Думой и министерствомъ. Начало іюля было охвачено забастовочнымъ движеніемъ. И воинствующій германизмъ, конечно, это учелъ. Но онъ жестоко ошибся! Какъ по мановенію волшебнаго жезла, «внутреннія распри» исчезли. Ихъ нѣтъ. Ихъ нѣтъ въ столицѣ и въ деревнѣ, ихъ нѣтъ на фабрикахъ, въ общественныхъ учрежденіяхъ, въ Думѣ, среди различныхъ національностей. Всѣ слились въ одномъ чувствѣ, въ одномъ порывѣ—дать отпоръ посягательству на справедливость, на право,

на цѣлость, честь и достоинство родины. Лѣвые общественные слои протянули руку правительству. У всѣхъ одна забота, одна мысль—вложить себя въ общее дѣло... Россія предстала передъ врагомъ однимъ великимъ человѣкомъ, который носитъ одно великое имя: русскій...

Въ первые дни были манифестаціи, былъ уличный шумъ. Что въ этомъ выразилось на первыхъ порахъ народное настроеніе—понятно и естественно. Каково, однако, ни было бы настроеніе минуты, толпа всегда остается толпой, съ ея пылкимъ энтузіазмомъ, но и съ склонностью къ эксцессамъ. Разгромъ дома германскаго посольства и нѣсколькихъ магазиновъ съ нѣмецкими вывѣсками нарушилъ, по выраженію петербургскаго городского головы, «достойное уваженія отношеніе къ переживаемому моменту». И этотъ актъ грубаго проявленія гнѣва толпы встрѣтилъ всеобщее осужденіе. Съ 23-го іюля уличный шумъ затихъ. Чтобы прекратились манифестаціи, не понадобилось другихъ мѣръ, кромѣ простого объявленія градоначальника. Но тонъ народнаго настроенія отнюдь не упалъ. Изъ-за внѣшняго спокойствія столицы съ двухмилліоннымъ населеніемъ онъ виденъ и слышенъ не менѣе явственно.

Пусть нѣмцы не пропустили по прямому пути поѣздъ Императрицы. Пусть они издѣваются надъ несчастными русскими туристами и больными, которыхъ война застала на австрійскихъ и германскихъ курортахъ. Пусть они по суткамъ лишаютъ пищи женщинъ и дѣтей. Пусть такъ! Намъ больно, намъ тяжело за своихъ. Но мы сумѣемъ преодолѣть ощущенія и подавить негодованіе. Мы обязаны показать выпяченной груди примѣръ не специфически нѣмецкой, а общечеловѣческой культурности.

Отовсюду приходятъ извѣстія, что мобилизація прошла въ полномъ порядкѣ и съ исключительнымъ успѣхомъ. Непосредственныя наблюденія также свидѣтельствуютъ, что всѣ классы населенія отнеслись съ полнымъ сознаніемъ къ своему важнѣйшему и первѣйшему гражданскому долгу. Въ деревнѣ не было и минутнаго шума, бряцанія оружіемъ. Да и зачѣмъ оно! Сильный не бряцаетъ оружіемъ. Сильный всегда спокоенъ, сильный оружіемъ бьетъ. Сильному духомъ не нужно взвинчивать себя бряцаніемъ. Онъ не отуманиваетъ своей головы и съ сознаніемъ не одной торжественности минуты, а всей ея великой важности, молча беретъ въ руки ружье, становится у пушки, садится на бортъ корабля. Основная особенность протекшей мобилизаціи—ни одного пьянаго.

Государственная Дума встрѣтила войну на высотѣ положенія. «Государю Императору благоугодно было въ трудный часъ, переживаемый отечествомъ, созвать Государственную Думу, во имя единенія

русскаго Царя съ вѣрнымъ ему народомъ». Такъ началъ свою рѣчь М. В. Родзянко. Громомъ апплодисментовъ отмѣтила Дума его слова, обращенныя къ врагу: «Смотрите,—можемъ мы сказать,—вы думали, что насъ разъединяетъ раздоръ и вражда, а между тѣмъ всѣ народности, населяющія необъятную Русь, слились въ одну братскую семью, когда общему отечеству грозитъ бѣда»...

Представители остзейскихъ нѣмцевъ, поляковъ, латышей, литовцевъ, татаръ и евреевъ завѣрили эти слова. Рѣчи еврея, г. Фридмана, шумно апплодировала вся Дума. Представители фракцій, отъ трудовиковъ до крайнихъ правыхъ, повторяли однѣ мысли. Трудовикъ А. Ф. Керенскій выразилъ увѣренность, что великая стихія россійской демократіи, вмѣстѣ со всѣми другими силами, дадутъ рѣшительный отпоръ напавшему врагу. Они защитятъ свои родныя земли и культуру, созданныя потомъ и кровью поколѣній».

Присутствовавшіе въ историческомъ засѣданіи Думы 26-го іюля особенно отмѣчаютъ рѣчь министра иностранныхъ дѣлъ, г. Сазонова, сказанную горячо, искренно, съ огромнымъ подъемомъ.

Государственная Дума единогласно вотировала представленные ей законопроекты и единогласно же приняла слѣдующую формулу перехода: «Выслушавъ объясненія правительства и съ чувствомъ удовлетворенія убѣдившись, что были исчерпаны всѣ средства для сохраненія мира, отвѣчающія достоинству Россіи, какъ великой державы, Г. Дума выражаетъ непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что, въ тяжелый часъ испытаній предъ надвигающейся военной грозой, всѣ народы Россіи, объединенные единымъ чувствомъ любви къ родинѣ, твердо вѣруя въ правоту своего дѣла, по призыву своего Государя, готовы стать на защиту родины, ея чести и достоянія. Въ сознаніи этого, Г. Дума черпаетъ спокойную увѣренность въ несокрушимой силѣ и славномъ будущемъ Россіи. Переходя къ очереднымъ дѣламъ и выражая полную готовность содѣйствовать дѣлу обороны страны и обезпеченія семей запасныхъ, Г. Дума посылаетъ свой братскій привѣтъ доблестнымъ защитникамъ родины, самоотверженно приступившимъ къ выполненію геройскаго своего долга».

Срокъ возобновленія занятій Думы назначенъ «не позднѣе 1 февраля 1915-го года». И. Л. Горемыкинъ, поясняя причины созыва Думы или Государственнаго Совѣта на 26-ое іюля, повторилъ слова Высочайшаго указа: «Въ виду ниспосланныхъ отечеству нашему тяжкихъ испытаній, желая быть въ полномъ единеніи съ народомъ, признали Мы за благо созвать Г. Совѣтъ и Г. Думу». «Законодательныя учрежденія,—добавилъ онъ,—должны знать, что и впредь они будутъ срочно созываемы, если по чрезвычайнымъ обстоятельствамъ это будетъ признано необходимымъ».

Формула перехода, единогласно принятая Государственнымъ Совѣтомъ: «Вѣроломствомъ и злобою враговъ нашихъ Россія вызвана на смертный бой, грозящій потрясти до основанія благосостояніе европейскихъ народовъ, остановить на долгое время ихъ мирное развитіе и нарушить политическое равновѣсіе во всей вселенной. Но, сильная сознаніемъ правоты своей, въ единеніи съ доблестными своими союзниками, Россія спокойно и безропотно принимаетъ ниспосланное ей Всевышнимъ испытаніе и вѣрить, что жертвы ея Богу угодны для торжества правды и мира всего міра. Отечеству нашему не впервые ополчаться за угнетенныхъ и преслѣдуемыхъ, не впервые защищать свои святыни и очаги отъ дерзостныхъ посягательствъ ослѣпленнаго жаждой захвата и господства врага. Пережила Россія не одно лихолѣтье, но, и израненная, она всегда выходила изъ боя одухотворенная новыми силами, славою и могуществомъ. И нынѣ Русскій Царь, предвозвѣстникъ всеобщаго мира въ единеніи со всѣми вѣрными подданными—та несокрушимая твердыня, о которую разобьется бѣшеная волна насильниковъ права и закона. Съ упованіемъ на милость Господню Г. Совѣтъ переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

Спѣшатъ откликнуться на войну всѣ общественныя учрежденія. Сдѣлать это пока удалось немногимъ. Съ исключительнымъ подъемомъ и въ исключительномъ единеніи большинства и меньшинства прошло засѣданіе петербургской городской думы. Говорили—предсѣдательствовавшій, городской голова и гласные, предложившіе послать привѣтствіе союзнымъ народамъ, а также Сербіи и Черногоріи. Споровъ не было, всѣ постановленія приняты единогласно. Послѣ молебствія дума приняла слѣдующій текстъ всеподданнѣйшаго телеграфнаго адреса: «Воодушевляемая чувствомъ горячей любви къ Отечеству и беззавѣтной преданности къ возлюбленному ГОСУДАРЮ, с.-петербургская городская дума вознесла усердныя молитвы ко Всевышнему о дарованіи побѣды надъ врагомъ, посягнувшимъ на честь и достоинство Россіи. Городская дума полна желаніемъ принести всѣ жертвы въ дѣлѣ служенія Отечеству и, съ восторгомъ отзываясь на призывъ своего Державнаго Вождя, отъ лица всего населенія выражаетъ ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ вѣрноподданническія чувства. Да увѣнчаетъ Господь полной побѣдой наши доблестныя войска».

Въ дѣловой части засѣданія городская дума сохранила за призванными на военную службу городскими служащими ихъ должности и получаемое отъ города содержаніе отъ половины до полнаго оклада, открыла кредитъ въ милліонъ рублей на нужды военнаго времени и образовала два комитета, возложивъ на одинъ организацію пріема и распредѣленія пожертвованій, а на другой—заботу о мѣропріятіяхъ,

вызываемыхъ обстоятельствами военнаго времени, и, въ частности, принятіе мѣръ къ обезпеченію населенія съѣстными припасами и предметами первой необходимости.

Въ московскомъ земствѣ возникла мысль организовать всероссійскій земскій союзъ помощи раненымъ воинамъ и намѣчена схема образованія и дѣятельности союза. Совѣщаніе губернской и уѣздныхъ управъ признало, что руководящимъ центральнымъ органомъ всероссійскаго земскаго союза помощи раненымъ должно быть собраніе уполномоченныхъ земствъ, созываемое періодически въ Москвѣ. Въ собраніе уполномоченныхъ земствъ входятъ: уполномоченные гласные губернскихъ земскихъ собраній, по одному отъ каждой губерніи, и уполномоченные представители губернскихъ управъ по выбору управскихъ коллегій, по одному отъ каждой губернской управы. Собраніе уполномоченныхъ земствъ избираетъ главнаго уполномоченнаго и постоянный комитетъ всероссійскаго земскаго союза помощи раненымъ, въ составѣ 10-ти членовъ. Предсѣдателемъ въ этомъ комитетѣ долженъ быть главноуполномоченный союза.

Мѣстные органы союза—губернскіе и уѣздные комитеты. Въ составъ губернскихъ комитетовъ входятъ избранные губернскими земскими собраніями гласные, въ числѣ 10-ти лицъ, губернская земская управа въ полномъ составѣ, представители отъ уѣздныхъ комитетовъ, по одному отъ каждаго, представители городского управленія и представители санитарнаго бюро губернскаго земства и губернскаго санитарнаго совѣта. Губернскій комитетъ избираетъ изъ своей среды предсѣдателя, а также уполномоченнаго по оказанію помощи раненымъ въ губерніи.

Изъ приведенныхъ постановленій петербургской городской думы и предположеній московскаго земства видно, что уже совершенно ясно опредѣлились задачи органовъ городского и земскаго самоуправленія: забота о раненыхъ и больныхъ, забота о семьяхъ запасныхъ и ополченцевъ и забота объ обезпеченіи продовольствіемъ и предметами первой необходимости мѣстностей, куда эти предметы и съѣстные припасы подвозятся желѣзными дорогами, обслуживающими сейчасъ въ первую голову военныя нужды.

Всѣ эти задачи лежали на органахъ самоуправленія и въ прежнія войны. И опытъ свидѣтельствуетъ, что наименѣе полно и успѣшно разрѣшалась вторая забота—о семьяхъ тѣхъ, кого долгъ заставилъ бросить производительный трудъ и идти жертвовать жизнью. Они пошли съ готовностью. Тѣмъ болѣе священна обязанность оставшихся въ условіяхъ мирнаго труда сдѣлать все, чтобы ихъ мозгъ и душу не давила скорбь о незасѣянной полосѣ, о голодающихъ дѣтяхъ. Государственная Дума выразила полную готовность со-

дѣйствовать дѣлу обезпеченія семей запасныхъ. Но эта готовность обѣщаетъ лишь деньги. А, кромѣ денегъ, нужна еще активная личная забота. Да и не можетъ государственная казна дать всю ту колоссальную сумму, которая требуется призывомъ всѣхъ запасныхъ и всѣхъ ратниковъ ополченія перваго разряда. Дѣло помощи семьямъ солдатъ—дѣло самыхъ широкихъ народно-общественныхъ круговъ, начиная съ располагающихъ милліонами и кончая крестьянами-односельчанами. Органы городского и земскаго самоуправленія могутъ лишь руководить дѣломъ и направлять его. Только при дружномъ участіи всѣхъ и каждаго задача можетъ быть разрѣшена и священный долгъ общественности можетъ быть исполненъ.

Война—вторая отечественная война!—настолько затмила все остальное, всѣ текущіе вопросы внутренней жизни, что подъ первымъ впечатлѣніемъ войны о нихъ нельзя ни думать, ни говорить. По обычаю нашего журнала, мы только скажемъ нѣсколько словъ о двухъ дѣятеляхъ, недавно сошедшихъ въ могилу.

Издатель «Гражданина», князь В. П. Мещерскій, въ теченіе долгихъ лѣтъ былъ яркой фигурой въ публицистикѣ. Консерваторъ до мозга костей, онъ занималъ съ 1905-го года обособленное положеніе и одинаково не смѣшивалъ себя ни съ лѣвыми, ни съ современными правыми политическими теченіями. На нѣкоторыя изъ послѣднихъ онъ порой обрушивался съ особой страстью. Въ извѣстномъ смыслѣ, онъ являлъ собою тотъ пережитокъ прошлаго, для котораго все въ настоящемъ непонятно. «Не понимаю! Не понимаю!»—восклицалъ онъ часто въ своихъ дневникахъ. И чувствовалось, что его восклицанія были искренни. По существу воззрѣній кн. Мещерскаго, «Вѣстнику Европы» приходилось постоянно сталкиваться съ нимъ и нерѣдко полемизировать. Но мы должны отмѣтить, что въ послѣднее время намъ случалось и ссылаться на него, подтверждая его словами защищаемыя нами положенія. Къ болѣе подробному разбору воззрѣній кн. Мещерскаго и къ выясненію его роли въ политикѣ мы еще будемъ имѣть случай вернуться.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ольденбургъ, какъ сошелъ съ студенческой скамьи въ 1887-мъ году, такъ и оставался до самой смерти на скромномъ мѣстѣ учителя-инспектора въ тверской земской школѣ имени П. П. Максимовича. Это былъ совершенно исключительный педагогъ по призванію, всей душой отдававшійся дѣлу приготовленія сельскихъ учительницъ. Его дарованія и знанія, конечно, могли раскрыть передъ нимъ гораздо болѣе широкое поле дѣятельности. Но онъ упорно и настойчиво уклонялся отъ предложеній сойти съ разъ избраннаго пути: служенія земству и земской школѣ. Земству же и

земской школѣ онъ служилъ и въ печати, частью въ общей, частью въ спеціальной педагогической. Чрезвычайно популярный въ Твери, чуждый партійной замкнутости, терпимый къ воззрѣніямъ другихъ, Ѳ. Ѳ. былъ неизмѣннымъ выборщикомъ отъ города при выборахъ во всѣ четыре Думы.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПАРАЛЛЕЛИ.

Есть событія, всестороннюю оцѣнку которыхъ облегчаетъ взглядъ на болѣе или менѣе отдаленное прошлое. Съ этой ретроспективной точки зрѣнія поразительно яснымъ становится все безуміе образа дѣйствій Германіи по отношенію къ Бельгіи. Его чудовищная безнравственность, его абсолютная несовмѣстимость съ основными требованіями международнаго права не нуждается въ доказательствахъ; но столь же несомнѣнна, въ сущности, заключающаяся въ немъ политическая ошибка. Простого здраваго смысла и элементарныхъ знаній было вполнѣ достаточно для увѣренности, что Англія не останется равнодушной къ нарушенію бельгійскаго нейтралитета. Больше двухъ столѣтій она ревниво слѣдитъ за могущественными сосѣдями Бельгіи, господство которыхъ надъ низовьями Мааса и Шельды угрожало бы англійскимъ торговымъ и политическимъ интересамъ. Такимъ сосѣдомъ долго была Франція—и за исключеніемъ тѣхъ короткихъ моментовъ, когда Англія измѣняла своимъ традиціямъ (напр. въ эпоху постыдныхъ сдѣлокъ послѣднихъ Стюартовъ съ Людовикомъ XIV-мъ), французскія домогательства всегда встрѣчали съ ея стороны дипломатическій и вооруженный отпоръ. На поляхъ Бельгіи Вильгельмъ III сражался съ маршаломъ Люксембургомъ, Мальборо—съ Виллеруа и Вандомомъ, герцогъ Кумберлэндскій—съ Морицомъ Саксонскимъ. Австрія, которой досталась Бельгія послѣ войны за испанское наслѣдство, не могла, въ качествѣ континентальной державы, соперничать съ Англіей на морѣ и потому находила въ ней—какъ раньше, въ концѣ XVII-го вѣка, обезсиленная къ тому времени Испанія,—постоянную точку опоры. Англія, вмѣстѣ съ Голландіей, диктовала «барьерные трактаты», охранявшіе бельгійскую границу отъ французскихъ нападеній. Когда вспыхнула великая французская революція, Питтъ, въ то время почти всемогущій рѣшитель судебъ Англіи, хранилъ миръ съ Франціей, вопреки настойчивымъ представленіямъ сѣверныхъ державъ, до тѣхъ поръ, пока революціонныя войска не стали угрожать независимости Бельгіи и Голландіи. И если онъ, если его ближайшіе преемники оставались упорнѣйшими врагами сначала французской республики, потомъ французской имперіи, то главной тому причиной было нежеланіе—или, лучше ска-

зать, невозможность—оставить въ рукахъ Франціи юго-западное побережье Сѣвернаго моря. Своего рода барьеромъ противъ Франціи должно было служить и созданное, въ 1815-мъ году, поглотившее Бельгію королевство Нидерландовъ. Когда Бельгія, въ 1830 г., освободилась изъ-подъ голландскаго ига, измѣнилась не политика Англіи—измѣнился объектъ, противъ котораго она была направлена. Конечно, Англія не могла допустить вступленія на бельгійскій престолъ сына короля французовъ, но когда самъ Людовикъ-Филиппъ отказался отъ короны, предложенной герцогу Немурскому, англійское правительство не воспротивилось двукратному вступленію французскихъ войскъ, по просьбѣ короля бельгійцевъ, въ бельгійскіе предѣлы. Дѣло въ томъ, что іюльская монархія, миролюбивая, не увѣренная въ самой себѣ, страшившаяся за свою будущность и особенно нуждавшаяся въ англійскомъ союзѣ, не была опасной для Англіи, а продолженіе бельгійско-голландской распри грозило вмѣшательствомъ Пруссіи, за которой стояли Австрія и Россія. Пруссія, конечно, была тогда совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ стала въ послѣдней трети XIX-го вѣка—но все же появленіе ея войскъ у Сѣвернаго моря могло, въ глазахъ Англіи, быть бо̀льшимъ зломъ, чѣмъ осада французами антверпенской цитадели, предпринятая исключительно для охраны бельгійской независимости. Образовавшійся вскорѣ послѣ того «четверной союзъ» (Франція, Англія, Испанія и Португалія), столь важный для Людовика-Филиппа, какъ противовѣсъ союзу трехъ континентальныхъ великихъ державъ, служилъ для Англіи новымъ ручательствомъ въ томъ, что съ Запада независимость Бельгіи обезпечена какъ нельзя лучше.

Съ возрожденіемъ имперіи во Франціи для Бельгіи опять открылся прежній источникъ опасеній. Наполеонъ III нѣсколько разъ обращался къ бельгійскому правительству съ требованіемъ мѣръ противъ печати и противъ эмигрировавшихъ представителей «старыхъ партій»—требованіемъ, за которымъ виднѣлась возможность вооруженнаго вмѣшательства. Спасала Бельгію отъ тяжелыхъ усложненій не столько уступчивость правительства, сколько необходимость для Франціи добраго согласія съ Англіей. Наполеонъ, какъ оказалось впослѣдствіи, питалъ завоевательные замыслы по отношенію къ Бельгіи, но ждалъ удобной минуты, которая не наступила. Убѣжденіе въ томъ, что Англія не допуститъ безъ противодѣйствія нарушенія бельгійскаго нейтралитета, было такъ велико, что во время франко-германской войны ни одна изъ воюющихъ сторонъ не рискнула вступить на территорію Бельгіи, какія бы выгоды это ни обѣщало съ стратегической точки зрѣнія. Ничего подобнаго не дерзнулъ предпринять даже Бисмаркъ, менѣе всего повинный въ недостаткѣ смѣлости. А между тѣмъ въ 1870 г. положеніе дѣлъ было далеко не

такъ опредѣленно, какъ теперь. Англія никакимъ соглашеніемъ съ Франціей связана не была; правившее ею министерство Гладстона отличалось крайнимъ миролюбіемъ, шансы воинственныхъ съ его стороны рѣшеній были крайне невелики. Теперь нейтралитетъ Англіи, какъ участницы тройственнаго согласія, обязанной, притомъ, на основаніи спеціальнаго договора, не оставлять Францію безъ защиты противъ ея восточнаго сосѣда, съ самаго начала подлежалъ большому сомнѣнію: вѣсы колебались, и достаточно было небольшой добавочной тяжести, чтобы опустилась чашка войны. Такою тяжестью, и весьма крупною, оказалось извѣстіе о невѣроятно безцеремонномъ требованіи, съ которымъ Германія обратилась къ Бельгіи, и о полномъ достоинства отвѣтѣ бельгійскаго правительства. Примириться съ присоединеніемъ Бельгіи къ Германіи, или съ обращеніемъ ея въ вассальное по отношенію къ Германіи, государство, современное англійское правительство, полное энергіи и вѣры въ свой народъ, могло еще меньше, чѣмъ его предшественники—съ присоединеніемъ Бельгіи къ Франціи. Морскому владычеству Англіи Германская имперія, постоянно увеличивающая свои морскія силы и стремящаяся къ господству на моряхъ, какъ и на сушѣ, угрожаетъ гораздо больше, чѣмъ грозила ему когда-то Франція Наполеона I-го, послѣ трафальгарской битвы почти лишенная флота. Антверпенъ въ рукахъ Германіи еще опаснѣе для Англіи, чѣмъ въ рукахъ Франціи... А что означаетъ для Германіи активное участіе Англіи въ военныхъ дѣйствіяхъ—это можно видѣть съ достаточною ясностью уже изъ тѣхъ немногихъ событій, которыми ознаменованы послѣдніе дни (высадка англійскихъ войскъ въ Бельгіи, захватъ множества германскихъ торговыхъ судовъ, отвлеченіе части германскаго флота изъ Балтійскаго моря въ Сѣверное, занятіе англичанами германской колоніи въ Африкѣ).

Грозя Бельгіи, Германія не только шла навстрѣчу войнѣ съ Англіей: она создавала себѣ новаго врага, далеко не ничтожнаго, и вмѣсто ускореннаго движенія по линіи наименьшаго сопротивленія готовила для себя новыя задержки, новыя преграды. Предвидѣть отказъ Бельгіи — отказъ, равносильный объявленію ею войны — было нетрудно: онъ вызывался не только соображеніями достоинства и чести, но и правильно понятымъ интересомъ государства. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ уступка Бельгіи гарантировала бы ей спокойствіе и безопасность? Допустивъ нарушеніе нейтралитета со стороны Германіи, она не могла бы воспротивиться нарушенію его и со стороны Франціи—и цвѣтущая страна вновь сдѣлалась бы ареной губительной для нея войны. Бельгійскимъ войскамъ все-таки пришлось бы сражаться, только не съ нѣмцами, а съ французами—или присутствовать, въ постыдномъ бездѣйствіи, при разореніи и униженіи своего народа. Вѣдь для Голландіи, судя по газетнымъ слухамъ, не прошлобы безслѣдно пассивное

отношеніе къ нарушителямъ ея нейтралитета: еще меньше оно могло бы пройти безслѣдно для Бельгіи, лежащей между двумя воюющими великими державами. И что могло бы ожидать обезславленную Бельгію по окончаніи войны, на чью бы сторону ни склонилась побѣда? Въ лучшемъ случаѣ—раздѣлъ, а въ худшемъ—прекращеніе независимаго существованія.

Что бельгійскія войска, застигнутыя врасплохъ, мало приготовленныя къ военнымъ дѣйствіямъ, окажутъ такое упорное, такое геройское сопротивленіе,—этого германскіе правители и стратеги могли не предвидѣть: они слишкомъ привыкли разсчитывать только на профессіональную выучку, на усовершенствованную военную технику. Для нихъ было бы лучше, если бы они побольше считались съ другими факторами успѣха—чувствомъ долга, сознаніемъ права, энтузіазмомъ. Чѣмъ неожиданнѣе для бельгійцевъ былъ дерзко брошенный вызовъ германцевъ, чѣмъ тверже была до тѣхъ поръ увѣренность ихъ въ томъ, что ничто не угрожаетъ дорогому для нихъ миру, тѣмъ сильнѣе должно было вспыхнуть въ нихъ негодованіе противъ виновника бѣдствій, внезапно обрушившихся на ихъ страну. Отсюда несокрушимая твердость льежскаго гарнизона, обратившаго въ ничто разсчеты нѣмецкихъ генераловъ. Они надѣялись безпрепятственно и, слѣдовательно, быстро перейти бельгійско-французскую границу въ наименѣе защищенныхъ ея пунктахъ,—а вмѣсто этого теряютъ время передъ стѣнами Льежа, уничтожая все значеніе сюрприза, истощая свои силы въ борьбѣ съ противникомъ, котораго могло бы и не быть, и рискуя очутиться лицомъ къ лицу уже не съ одними бельгійцами, а съ ихъ англо-французскими союзниками. Во сколько разъ выгоднѣе для Германіи былъ бы отказъ отъ наступленія черезъ Бельгію, чѣмъ уплата за него столь дорогою цѣною? Въ исторіи найдется мало примѣровъ, когда бы кара такъ непосредственно слѣдовала за преступленіемъ. Къ образу дѣйствій Германіи вполнѣ примѣнимо, въ данномъ случаѣ, извѣстное изреченіе: c'est plus qu'un crime, c'est une faute.

Уроки исторіи важны не только для раскрытія аналогій, но и для освѣщенія различій между прошедшимъ и настоящимъ. Міровая война, развертывающаяся на нашихъ глазахъ, напоминаетъ послѣднюю рѣшительную борьбу съ Наполеономъ I. Это воспоминаніе, рядомъ съ надеждой, можетъ возбудить и опасенія. Побѣда надъ французской имперіей оказалась возможной благодаря громадному напряженію народныхъ силъ, благодаря неисчислимымъ жертвамъ, принесеннымъ участниками анти-французскаго союза—русскими, пруссаками, австрійцами, англичанами. Были ли вознаграждены эти жертвы непосредственной перемѣной къ лучшему въ положеніи общества, въ поло-

женіи народныхъ массъ? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только отрицательно. Въ Пруссіи обновленіе государственнаго быта началось до освободительной войны—и остановилось послѣ ея блистательнаго окончанія. Не осуществились надежды передовыхъ людей на дѣйствительное объединеніе Германіи, на широкое развитіе внутренней политической жизни; забыты были торжественныя обѣщанія, данныя въ критическую минуту. Въ Австріи водворился на цѣлые десятки лѣтъ меттерниховскій режимъ, рѣшительно порвавшій даже съ завѣтами «просвѣщеннаго абсолютизма». Въ Англіи на цѣлое десятилѣтіе укрѣпилась мелкая, бездарная реакціонная политика Кестльри и Ливерпуля. Въ Россіи незыблемымъ осталось крѣпостное право и наступила аракчеевская эпоха. Священный Союзъ сталъ на стражѣ всего отжившаго, антинаціональнаго и антинароднаго. Не грозитъ ли Европѣ что-нибудь подобное по окончаніи новаго кризиса, еще болѣе всеобщаго и глубокаго? Съ полною увѣренностью можно сказать: нѣтъ, не грозитъ. Не такими, какъ сто лѣтъ тому назадъ, являются государства и народы. Вездѣ, даже въ Россіи, мы видимъ конституціонный строй, тогда существовавшій лишь во Франціи и Англіи: въ первой—только по имени, во второй во временно извращенномъ видѣ. Вездѣ въ широкихъ кругахъ пробудилось сознаніе, вездѣ кипитъ интенсивная жизнь. Вездѣ, даже въ Германіи и Австріи, несущихъ на себѣ всю отвѣтственность за европейскій пожаръ, вездѣ война разсматривается какъ зло, миръ—какъ естественное состояніе культурныхъ народовъ и какъ неоцѣнимое благо. Вездѣ разбросаны сѣмена международной солидарности и народной самодѣятельности, всходъ которыхъ можетъ быть задержанъ, но предупрежденъ быть не можетъ. За войной, чѣмъ бы она ни кончилась, неизбѣжно долженъ послѣдовать періодъ всесторонняго развитія. Съ этимъ убѣжденіемъ легче переносить настоящее, какъ бы оно ни было тяжело, сколько бы горя ни принесло всѣмъ и каждому ближайшее будущее... Утѣшительна еще одна мысль: возможность общеевропейской войны давно грозной тучей висѣла на горизонтѣ, неотвратимо вызывая непрерывный ростъ вооруженій, отвлекая множество силъ отъ мирной работы. Не было средствъ остановить это стихійное движеніе: всѣ направленныя къ тому попытки проходили безслѣдно. Война довела напряженіе до крайней степени, но послѣ нея оно неминуемо должно пойти на убыль. И если безконечныя и безмѣрныя вооруженія привели къ войнѣ, то война, быть можетъ, упразднитъ въ будущемъ ихъ необходимость и ускоритъ наступленіе того времени, о которомъ мечтали Пушкинъ и Мицкевичъ «когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся».

К. Арсеньевъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

В. В. Рахмановъ. Психологія, какъ наука о личности. Спб.

Авторъ этой книжки примыкаетъ къ тѣмъ ученымъ, которые разсматриваютъ психологію „не какъ науку о психическихъ процессахъ или явленіяхъ сознанія, а какъ науку о душѣ или психическомъ организмѣ", называемомъ имъ, вмѣстѣ съ Бинэ, „личностью". — Развитіе того положенія, что психическіе элементы — знанія, стремленія и сложныя чувствованія (аффекты, страсти, настроенія и т. п.)—объединяются и составляютъ личность, и разъясненіе того, какъ происходитъ такое объединеніе и какъ измѣняются психическіе процессы при разъединеніи этихъ элементовъ, при диссоціаціи личности, и составляетъ задачу небольшого труда г. Рахманова.

Земскіе финансы по смѣтамъ на 1910 г. Составлено подъ редакціей предсѣдателя Совѣта промышленниковъ юга Россіи, Н. Ф. фонъ-Дитмара. Харьковъ, 1914.

Эта объемистая книга, разрабатывающая тѣ же матеріалы, которые составляютъ предметъ сводокъ д-та окладныхъ сборовъ, представляетъ, однако, немалый самостоятельный интересъ, потому что задачей ея является не простая сводка, а „освѣщеніе современнаго положенія вопроса о земскомъ обложеніи, въ связи съ болѣе общимъ вопросомъ о мѣстныхъ финансахъ, съ одной стороны, и съ вопросомъ о мѣстномъ представительствѣ—съ другой" и, въ частности, о положеніи въ земствѣ въ указанныхъ отношеніяхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. Такая задача изданія привела къ особой группировкѣ земскихъ доходовъ и расходовъ въ таблицахъ и къ особымъ сопоставленіямъ въ текстѣ. Общая, не новая, впрочемъ, идея изслѣдованія: неравномѣрность распредѣленія земскихъ налоговъ и земскаго представительства между различными категоріями плательщиковъ, при чемъ въ особенно привилегированномъ положеніи находятся дворяне, а наибольшой ущербъ (въ смыслѣ несоотвѣтствія числа гласныхъ суммѣ налога) падаетъ на промышленный классъ.

Т. Л. Сухотина. Марія Монтессори и новое воспитаніе. Москва, 1914.

Эта небольшая книжка автора, лично наблюдавшаго въ Италіи школы, устроенныя по плану Монтессори, заключаетъ въ себѣ изложеніе взглядовъ на воспитаніе и пріемы первоначальнаго обученія—развлеченія итальянскаго педагога-профессора, подробно изложенныхъ въ сочиненіи „Домъ ребенка", съ которымъ въ свое время были ознакомлены читатели „Вѣстника Европы". Заключая вмѣстѣ съ тѣмъ описаніе и иллюстрацію тѣхъ пособій, которыя при этомъ употребляются, книжка г-жи Сухотиной (стоющая 50 к.) можетъ до извѣстной степени замѣнить, по крайней мѣрѣ на первое время болѣе крупное сочиненіе г-жи Монтессори, идеи и пріемы которой заслуживаютъ полнаго вниманія родителей и воспитателей

І. Канделаки. Роль ярмарокъ въ русской торговлѣ. Спб., 1914.

Развитіе желѣзныхъ дорогъ и слѣдовавшее затѣмъ оживленіе торговыхъ сношеній между различными мѣстностями хотя и ограничило значеніе ярморокъ, какъ мѣста встрѣчи производителей и потребителей и посредниковъ между тѣми и другими, но не только не сократило ихъ числа, но содѣйствовало даже ихъ умноженію, и число ярмарокъ въ нашемъ отечествѣ нужно считать десятками тысячъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ярмарки принадлежатъ къ числу явленій нашей экономической жизни, привлекавшихъ къ себѣ наименьшее вниманіе изслѣдователей; и въ виду такого положенія дѣлъ нельзя не придавать извѣстнаго значенія анкетѣ, предпринятой редакціей „Вѣстника Финансовъ", результаты которой изложены въ книгѣ г. Канделаки, хотя сообщаемыя ею свѣдѣнія крайне кратки, общи и для всѣхъ раіоновъ однообразны.

В. В.

Памятники русскаго искусства (Московской эпохи). 19 табл., подъ редакціей и съ объяснительнымъ текстомъ Н. А. Окунева. Изданіе Башмакова.

19 таблицъ являются дополненіемъ къ учебнику профессора Платонова. Въ нихъ мы находимъ самые характерные памятники искусства Московскаго періода, а именно: Успенскій, Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, колокольню Ивана Великаго и такъ далѣе. Рисунки выполнены прилично, что же касается текста, то онъ оставляетъ желать многаго, т. к. въ немъ мы не находимъ исторіи искусства Московской эпохи даже въ самыхъ общихъ чертахъ, а лишь исторію отдѣльныхъ памятниковъ, по нашему мнѣнію слишкомъ подробную и ничего не дающую для знакомства съ памятниками искусства.

А. Т.

Въ теченіе іюля въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Ададуровъ, И. Е. Основы кредитоспособности, способы ея опредѣленія и провѣрки. Спб., 1914 г. Стр. 118. Цѣна 1 руб.

Амфитеатровъ, А. В. Русскія были. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Улыбки юности. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Боргіусъ, В. Торгово-политическій словарь. Пер. К. С. Лейтеса. Спб., 1914 г.

Балтмлонъ, Ц. Хрестоматическая система и новые методы. Спб., 1914 г.

Бѣликовъ, Б. Д. Женщина въ промышленной инспекціи Запада. Тверь, 1914 г. Цѣна 75 коп.

Васильевъ, Н. В. Трезвая жизнь. Москва, 1915 г. Цѣна 60 коп.

Гоберъ, Эрнестъ. Въ чужомъ пиру. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Гольдштейнъ, І. М. Панамскій каналъ, паденіе хлѣбныхъ цѣнъ и наши торговые договоры. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Демичъ, В. Ѳ. Заразныя болѣзни и ихъ лѣченіе у народа. Спб., 1914 г.

Дьяконовъ, В. А. Теорія права и государства. Учебникъ законовѣдѣнія. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Дѣденко, К. К. Суть бытія. Поэма. Вып. I. Кременецъ, 1914 г. Цѣна 50 к.

Зола, Эмиль. Римъ. Романъ. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Левицкій, В. Какъ рабочіе добивались права коалиціи. Спб., 1914 г. Цѣна 15 коп.

Лейтесъ, К. С. Германскіе коммивояжеры. Спб., 1914 г.

Липманъ, Отто. Очеркъ психологіи для педагоговъ. Спб., 1914 г.

Лункевичъ, В. В. Одна изъ міровыхъ загадокъ. Жизнь и клѣтка. Спб., 1914 г. Изд. В. Яковенко. Стр. 354. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Поплавскій, И. А. О вліяніи жилищъ на заболѣваемость и смертность рабочихъ. Москва, 1914 г. Цѣна 30 коп.

Розенъ, І. Б. Постановка хлѣбной торговли въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ. Съ пред. Л. П. Сокольскаго. 2-е изд. Харьковъ, 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Румянцевъ, Н. Е. Проблема полового воспитанія съ психологической точки зрѣнія. Спб., 1914 г.

Святловскій, В. В. Примитивно-торговое государство, какъ форма быта. Спб., 1914 г. Цѣна 2 руб.

Усовскій, Б. Вѣничное сорго. Культура его для метелокъ. Харьковъ, 1914 г. Цѣна 20 коп.

Фрейтагъ-Лорингховенъ, А. Л., бар. Завѣщательный залогъ. Спб., 1914 г.

Шницлеръ, Артуръ. Путь къ свободѣ. Пер. съ нѣм. Редакція и вступительная статья П. С. Когана. Спб., 1914 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Бюллетень хлопковаго комитета. № 3. Спб., 1914 г.

Записки гр. Е. Ѳ. Комаровскаго. Спб., 1914 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

Извѣстія Бакинской городской думы. № 1. Баку, 1914 г.

Краткое описаніе Толстовскаго Музея въ Москвѣ. Сост. Н. А. Лютецкой, подъ ред. П. И. Бирюкова. Москва, 1914 г. Цѣна 15 коп.

Матеріалы для изученія хлопководства. Вып. IV. Сост. А. Губаревичъ-Радобыльскій. Спб., 1914 г.

Матеріалы подворной переписи Волынской губ. 1910 года. Житоміръ, 1914 г.

Московскій Художественный театръ. Пьесы А. П. Чехова. Альбомъ „Солнца Россіи" № 7.

Ода Аккермана мечтательнаго въ честь Бальмонта блистательнаго. Тифлисъ, 1914 г. Цѣна 15 коп.

Русское общество имени Л. Н. Толстого въ Давосѣ. Отчетъ съ 1 апр. 1913 г. по 1 апр. 1914 г. Давосъ-Плацъ, 1914 г.

Сборникъ задачъ противоалкогольнаго содержанія. Сост. М. М. Бѣляевъ и С. М. Бѣляевъ. Москва, 1914 г. Цѣна 25 коп.

Современное хозяйство г. Харькова (1910—1913). Вып. I. Цѣна 50 коп. Вып. II. Цѣна 25 коп. Харьковъ, 1914 г.

Статистическій ежегодникъ Московской губ. за 1913 годъ. Часть I и II. Москва, 1914 г.

Столярно-мебельный промыселъ въ Московскомъ и Звенигородскомъ уѣздахъ по даннымъ изслѣдованія 1912 года. Сост. В. П. Симаковъ. Москва, 1914 г.

Указатель наглядныхъ пособій для чтеній по сельскому хозяйству. Харьковъ, 1914 г.

Указатель книгъ по сельскому хозяйству и соприкасающимися съ нимъ отраслямъ знаній. Харьковъ, 1914 г.

Фракція прогрессистовъ въ 4-ой Гос. Думѣ. Сессія II. 1913—1914 г. Вып. 4. Спб., 1913 г., Цѣна 1 руб.

Четвертая Гос. Дума. Сессія 2-ая фракція народной свободы—К. Д.—въ періодъ съ 15 окт. 1913 г. по 24 іюня 1914 г. Отчетъ о дѣятельности фракціи. Спб., 1914 г. Цѣна 95 коп.

1913 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. VI. Спб., 1914 г.

1914 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. I. Спб., 1914 г.

Пановъ, Т. Психология на българския народъ. София, 1914 година. Цѣна 5 лева.

Auspitz, Rudolf et Lieben Richard. Recherches sur la Théorie du prix. I volume — texte, II volute — album. Paris, 1914.

Friedmann, Adolf. Das Leben Theodor Herzls. Berlin, 1914.

Mikoff, D. Le calvaire d'un peuple, Sophia, 1914. Стр. 73. Ц. 1 фр.

Liefman, Robert. Cartels et trusts. Evolution de l'organisation économique. Traduit par Savinien Bouissy. Paris, 1914. Prix 6 fr.

Oppenheimer, Franz. L'économie pur et l'économie politique. Tradiut par M. W. Horn et H. Stolz avec un préface de Charles Gide. Tome I et II. Paris, 1914. Prix 20 fr.

Rosenfeld, J. Die doppelte Wahrheit mit besonderer Rücksicht auf Leibniz und Hume. Berlin, 1913.

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Книжный магазинъ и складъ

Т. | Д. „Трудъ“ С. Скирмунта.

Москва, Тверской бульв., д. 26. Тел. 34—54.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ НОВЫЯ КНИГИ:

ЖИДЪ, Ш. Исторія экономическихъ ученій. Ц. 3 р.
ХОЛІОКЪ, Д. Исторія Рочдельскихъ піонеровъ. Ц. 1 р. 50 к.
ВИЛЬБРАНДТЪ, Р. Значеніе потребительныхъ обществъ. Ц. 20 к.
МЕЛИНЪ, Ж. Назадъ къ землѣ. Ц. 1 р. 25 к.
МИЛЬО, Э. Общественная экономія (наука о публичномъ хозяйствѣ). Цѣна 20 к.
ГУРЕВИЧЪ, А. Философскія изслѣдованія и очерки. Ц. 2 р. 50 к.
„Книги по философіи“ (каталогъ) логика, теорія познанія, психологія, метафизика, этика и эстетика. Ц. 20 к. (высылается за три семикопеечныхъ марки).

Амфитеатровъ, А. Законный грѣхъ. Ц. 2 р.
Юркунь, Ю. Шведскія перчатки (ром.). Ц. 1 р. 25 к.
Ждановъ, Л. Послѣдній фаворитъ. Кн. 2-я. Ц. 1 р. 25 к.
Радимовъ, П. Земная риза. Кн. 2-я (поэма). Ц. 1 р.
Сборникъ пролетарскихъ писателей. Кн. 1-я, подъ ред. М. Горькаго. Ц. 40 к.
Моровъ, В. Разсказы. Ц. 1 р.
Бэгби, Г. Разбитые сосуды. Ц. 30 к.
Буше, М. Четвертое измѣреніе. Ц. 1 р. 50 к.
Имяславіе. Богословскіе матеріалы къ догматическому спору объ Имени Божіемъ. Ц. 1 р. 25 к.
Овсянико-Куликовскій, Д. Лермонтовъ къ 100 лѣтію со дня рожденія. Ц. 90 к.
Ключевскій, В. Отзывы и отвѣты. Ц. 2 р. 50 к.
Бергсонъ, А. Собр. соч. т. 3-й Матерія и память. Ц. 2 р.
Вазеръ, О. Греческая скульптура въ ея главныхъ произведеніяхъ Ц. 1 р.
Шапиро, І. Руководство по всѣмъ отраслямъ коопераціи. Ц. 1 р. 25 к.
Паркгорстъ, Ф. Практическіе пріемы реорганизаціи промышленнаго предпріятія Ц. 3 р. 30 к.

Въ скоромъ времени выходятъ изъ печати слѣдующія книги:

ЖИТОМІРСКІЙ. „Молохъ двадцатаго вѣка“.
ЕГО ЖЕ. „Какъ же учить читать“.
РАДБРУХЪ, Г. Введеніе въ науку права. Ц. 1 р. 25 к.
ЛАЛО, Ш. Введеніе въ эстетику. Ц. 1 р. 50 к.

Книжный магазинъ и складъ Т. | Д. „ТРУДЪ“ исполняетъ заказы ВСѢХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ, ЗЕМСТВЪ, ГОРОДСКИХЪ и ОБЩЕСТВЕННЫХЪ БИБЛІОТЕКЪ и высылаетъ ВСѢ КНИГИ публикованныя во всѣхъ газетахъ и журналахъ.

Поставщики ИМПЕРАТОРСКАГО Общества охоты.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Я. ЗИМИНА** вдова и **С. НИКИФОРОВЪ.**

Москва, Тверская улица, близъ Газетнаго, домъ № 15.

ВСЕ необходимое и лучшее для ОХОТЫ.

Громадный выборъ ружей центр. боя заграничн. фабрикъ отъ 27 р. ○ Особенно рекомендуемъ ружья Императорскаго Тульскаго завода отъ 34 р. ○ Шомпольныя двухствол. отъ 12 р. ○ Берданы дробов. отъ 6 р. 75 к. ○ Карабины Монтекристо для цѣлевой стрѣльбы отъ 11 р. ○ Пистолеты карман. Монтекр. отъ 1 р. 50 к. ○ Пугачи самыхъ разнородныхъ типовъ отъ 1 р. ○ Револьверы отъ 5 р. 50 к. **Новость!** Безобидный пистолетъ Браунъ Марсъ съ коробкою театральн. патронъ съ пересыл. во всѣ города 4 руб.

Лыжи, коньки и пр. принадлежности по **ДОСТУПНЫМЪ ЦѢНАМЪ.**

Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно,—на пересылку просимъ приложить 2 почт. марки по 7 к. 1—1

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ПУТЬ“

главный складъ: Москва, Новинскій бул., д. 103.

Ближайшее участіе принимаютъ:

С. Н. Булгаковъ, Г. А. Рачинскій, Кн. Е. Н. Трубецкой, В. Ф. Эрнъ.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

А. АСКОЛЬДОВЪ — А. А. Козловъ. Ц. 1 р. 50 к.

Н. БЕРДЯЕВЪ. — Философ. свободы. Ц. 2 р.

Н. БЕРДЯЕВЪ — А. С. Хомяковъ. Ц. 1 р. 60 к.

С. БУЛГАКОВЪ. „Два града“. Изслѣдованіе о природѣ общественныхъ идеаловъ. Въ 2-хъ т. Ц. 3 р. за оба тома, каждый томъ продается отдѣльно по 1 р. 50 к.

С. БУЛГАКОВЪ. — Философія хозяйства. Ч. I. Ц. 2 р.

С. БУЛГАКОВЪ. — Очерки по исторіи экономическихъ ученій, Выпускъ I. Изд. автора. Ц. 1 р. 50 к.

ГЕРШЕНЗОНЪ, М. О. — Жизнь В. С. Печерина. Ц. 1 р. 50 к.

И. ЗЕЙПЕЛЬ.—Хозяйственно-этическіе взгляды отцовъ церкви. Пер. съ нѣм. съ предисл. С. Н. Булгакова. Ц. 2 р.

Вл. КАРПОВЪ.—Основныя черты органическаго пониманія природы. Ц. 80 к.

КИРЕЕВСКІЙ, И. В. — Полн. собр. соч., въ 2-хъ томахъ, съ портр., подъ ред. М. Гершензона. Ц. 4 р.

ЛОПАТИНЪ, Л. — Философскія характеристики и рѣчи. Ц. 2 р.

Кн. В. Ѳ. ОДОЕВСКІЙ. — Русскія ночи. (Съ дополнен. и поправк. по рукоп.). Ц. 2 р.

Вл. СОЛОВЬЕВЪ. — Россія и вселен. Церк. Пер. съ фр. Г. Рачинскаго. Ц. 2 р. 25 к.

Вл. СОЛОВЬЕВЪ. — Русская идея. Пер. съ фр. Г. А. Рачинскаго. Ц. 75 к.

Вл. СОЛОВЬЕВЪ. — Владиміръ Святой и христіанское государство и отвѣтъ на корреспонденцію изъ Кракова. Пер. съ фр. Г. Рачинскаго съ предисл. кн. Евг. Трубецкого. Ц. 75 к.

О Вл. СОЛОВЬЕВѢ. Сборн. статей:— С. Булгакова.—В. Иванова.—Кн. Е. Трубецкаго — А. Блока. — Н. Бердяева. Вл. Эрна. Ц. 1 р. 70 к.

Религія Л. ТОЛСТОГО.—Сборн. статей: Булгакова, Зѣньковскаго, Кн. Трубецкого, Экземплярскаго, Бѣлаго, Бердяева, Волжскаго, Эрна. Ц. 1 р. 70 к.

Кн. Евг. Трубецкой. — Міросозерцаніе Вл. Соловьева. Въ 2-хъ томахъ. Изд. авт. Ц. 4 р.

Свящ. С. ЩУКИНЪ. — Сборн. статей. Ц. 1 р.

Вл. ЭРНЪ.—Борьба за логосъ. Ц. 2 р.

Вл. ЭРНЪ. — Г. С. Сковорода. Жизнь и ученіе. Ц. 2 р.

Продаются во всѣхъ извѣстн. книжн. маг. по треб. Высылаются нал. плат. Проспектъ безплатно.

МОЛОДОСТЬ

дастъ нѣжное, чистое лицо, цвѣтущій, свѣжій, молодой видъ, бѣлая, мягкая какъ бархатъ кожа и ослѣпительно красивый цвѣтъ лица. Все это достигается отъ употребленія

Мыла „Конекъ"

Бергмана и Ко., Радебейль-Дрезденъ

Требуйте только красную упаковку.
За Кусокъ 50 Коп. въ продажѣ всюдѣ.
Главный складъ для Россійской Имперіи:
Контора химическихъ препаратовъ, С.-Петербургъ,
Малая Конюшенная № 10.

МНѢНІЕ НАУКИ

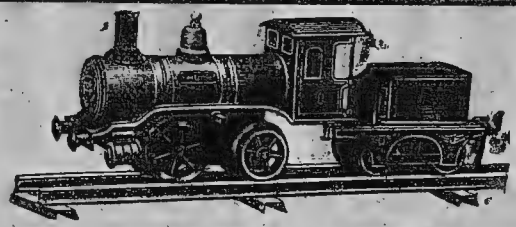
О ГИЛЬЗАХЪ КАТЫКА.

Торговымъ Домомъ А. КАТЫКЪ и К° представлены гильзы своей фабрики для испытанія, не содержитъ ли бумага какихъ либо вредныхъ для здоровья веществъ. При химическомъ изслѣдованіи бумаги, а также продуктовъ горѣнія таковой, никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ не обнаружено, причемъ установлено, что бумага состоитъ исключительно изъ растительной клѣтчатки.

Завѣдывающій лабораторіей, инженеръ-химикъ А. ШТАНГЕ.

Химико-аналитическая и бактеріологическая лабораторія высочайше утвержденнаго Россійскаго Фармацевтическаго Общества. Москва 21 февраля 1907 г.

Требуйте ТОЛЬКО ГИЛЬЗЫ КАТЫКА!



ПУСТЬ ДѢТИ ИГРАЮТЪ

Но не давайте имъ глупыхъ безсодержательныхъ игрушекъ. Вѣдь есть же игрушки, которыя не только развлекаютъ ребенка, но и интересуютъ и **развиваютъ** его **молодой умъ**. Пусть дѣти, **играя, учатся**. Прежде чѣмъ купить игрушки своимъ дѣтямъ, или подарить игрушки дѣтямъ знакомыхъ, обязательно зайдите къ намъ и полюбуйтесь нашей громадной коллекціей техническихъ игрушекъ. Мы Васъ ждемъ.

Магазинъ Звѣрева, Москва, Петровскія линіи, д. 18.

Телефонъ № 512—96.

Открыта подписка на 1914 годъ на еженедѣльный журналъ Управленія по дѣламъ мелкаго кредита.

ВѢСТНИКЪ МЕЛКАГО КРЕДИТА.

Третій годъ изданія.

Журналъ имѣетъ цѣлью: выяснить сущность и задачи учрежденій мелкаго народнаго кредита; освѣщать ближайшія послѣдствія дѣятельности сихъ учрежденій и вліянія ихъ на общественную и хозяйственную жизнь той среды, въ которой они работаютъ; разъяснять возникающіе въ ихъ средѣ вопросы и недоумѣнія; ознакомлять читателей съ положеніемъ дѣла народнаго кредита и соприкасающихся съ ними кооперативныхъ учрежденій какъ въ Имперіи, такъ и за границей.

Въ 1913 году въ „Вѣстникѣ" помѣстили свои статьи и замѣтки слѣдующіе авторы:

Алферовъ Ѳ., Арефьевъ П. П., Биркинъ Л. С., Бородаевскій С. В., Брунстъ В. Э., Боянусъ А. К., Бутенко Ѳ. Э., Бычковъ Ѳ., Бондаренко В. Г., Витусъ А. П., Бусыгинъ П. П., Боцяновскій Д., Вольфсонъ Л. В. Вѣтвинскій А. Г., Влайковъ Г. Ф., Владимірскій В. А., Васильевъ В. Ф., Головко А. Г., Горбуновъ П. А., Горскій Ф. В., Гамалѣя Ю. Г., Гензулъ В., Доброхотовъ Н. С. Дорошенко А. Н., Дуплевскій Ѳ. В., Дмитріева Ф. Д., Дзюбинъ С., Дзержановскій, Л. Р., Евдокимовъ, Ан. Ан., Евдокимовъ Л. Н. Ефремовъ В. Д., Зотовъ П. Е., Зеленскій В. К., Зингеръ Я. С., Звегинцевъ Н. Ф., Ивановъ Д. И., Керножицкій И. Н., Костына И. М., Красноперовъ И. М., Кулыжный А. Е., Куцемѣловъ Г. П., Красновъ В. ф., Луцкевичъ Б. І., Лазаренко А. П., Литвиненко А. П. Лукояновъ А. Д., Малицкій Н. П., Минервинъ Б. М., Маіоровъ И. В., Марадудинъ Ф. П., Молчановъ С. Н., Максименко В., Мавричевъ В. В., Минервинъ А. И., Мамута И. П., Мемешкинъ, Назоровъ И. А., Нижицкій А. К., Омельченко Е. И., Подольскій И. М., Покровскій А. В., Плецъ М. М., Поляковъ И. Ф., Примакъ М. И., Пономаревъ П. П., Португаловъ А. В., Померанцевъ П. И., Перелешинъ В. А., Романовскій-Романько В. А., Ренингъ Р. Ф., Романцовъ И. Д., Смирновъ П. А., Сокальскій И. А., Сербиненко А. М., Сѣдлецкій В. К. Тотоміанцъ В. Ѳ., Тукалевскій В. Н., Троицкій Н. С., Трафальчикъ А. П., Усовъ П. В., Удовиченко Н. В., Фортунатовъ А. Ф., Федоровъ В. Н., Филатовъ В. С., Храневичъ К. І., Хотовицкій М. А., Ханжа А. О., Шмидтъ Г. Р., Швецовъ А. П., Шкорбатовъ Н. Н., Штурбинъ П. С., Шемитовъ К. И., Чиковъ И. В., Якубовскій В. В., Янушевичъ А. И. и др.

Подписка на „Вѣстникъ" (объемъ изданія 50 номеровъ по 3 печатныхъ листа въ каждомъ) установлена: на годъ—три руб.; на полгода два руб.

Подписную плату слѣдуетъ выслать только наличными деньгами, а отнюдь не марками. Адресъ редакціи „Вѣстника": С.-Петербургъ, Фонтанка, 76.

Редакторъ *И. М. Подольскій.*

ФОНОЛА

КАКЪ БЫТЬ ПІАНИСТОМЪ, НЕ ЗНАЯ НОТЪ?

ФОНОЛА—самый выдающійся изъ всѣхъ аппаратовъ, объемомъ въ 73 и 88 клавиша, для художественной игры на роялѣ или піанино.

Только ФОНОЛА имѣетъ, помимо нотъ художественной аранжировки, еще и артистическія ноты, наигранныя извѣстными піанистами и воспроизводящія въ точности ихъ исполненія, сохраняя не только всѣ мельчайшіе оттѣнки, но даже и ритмическія особенности, присущія тому или другому піанисту.

Ноты имѣются въ записи: І. Гофманъ, Сливинскій, Бакгаузъ, Годовскій, Венявскій, Бузони, Григъ, Шарвенка, Габриловичъ, Грюнфельдъ, Зауэръ, Бауэръ, Фридгеймъ и много др. знаменитостей.

Весь репертуаръ для ФОНОЛЫ состоитъ изъ болѣе чѣмъ 20,000 пьесъ.

ФОНОЛА-ПІАНО. ФОНОЛА-РОЯЛЬ.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ МОСКВА, ПЕТРОВКА, 16.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ БРОШЮРУ О „ФОНОЛѢ"

ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ.

Если Вы хотите дополнить свое образованіе, поступить въ какое-либо учебное заведеніе или сдать какой-либо экзаменъ: на аттест. зрѣл., на классн. чинъ, на аптек. учен., учит. город., домашн. нач. училищъ и т. п., то слѣдуйте примѣру тысячъ нашихъ подписчиковъ, успѣвшихъ въ короткое время, безъ помощи учителей, пользуясь только изданіемъ „Гимназія на Дому" (расходуя всего 1 р. 50 к. въ м-цъ) пройти курсъ, получить нужный имъ дипломъ или поступить въ учебн. зав. Курсъ „Гимн. на Дому" состоитъ изъ 30 томовъ больш. формата, по 280—320 стр. Цѣна том. съ перес. 1 р. 50 к. При первомъ томѣ прилагается **безплатно** географическій атласъ въ краскахъ. **ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ БЮРО** опытныхъ преподавателей исправляетъ безплатно письмен. работы учащихся и руководитъ ихъ занятіями. Популярнымъ изложеніемъ лекцій и серьезнымъ отношеніемъ руководителей къ каждому изъ учениковъ нашихъ, мы добились того, что громадное большинство достигло намѣченной цѣли.

КОММЕРЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Современному коммерческому дѣятелю, является ли онъ владѣльцемъ коммерч. предпріятія, сотрудникомъ или служащимъ таковаго, нельзя обойтись безъ всесторонняго коммерч. образованія. Если хотите въ короткій срокъ и основательно изучить бухгалтерію, коммерч. ариѳм., коммерч. корресп., товаровѣдѣніе, технику веденія торгово-промышл. предпріятій, банков. дѣло и экономъ. и юрид. науки, то подпишитесь на наше изданіе „АКАДЕМІЯ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ". Широкая научная программа, популярно-изложенная, участіе лучшихъ профессоровъ, дѣлаетъ это изданіе необходимымъ не только для лицъ, нуждающихся въ спеціальномъ коммерч. образованіи, но и для всѣхъ людей, желающихъ получить ясное и полное представленіе о современной торговой и хозяйственной жизни.

При Редакціи имѣется бюро коммерсантовъ и педагоговъ, которое безплатно руководитъ занятіями, отвѣчаетъ на всякаго рода запросы и исправляетъ работы.

„Акад. Ком. Зн." состоитъ изъ 15 томовъ больш. формата. Цѣна по 2 руб. за томъ (за налож. платеж. еще 20 коп.).

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ.

Въ нынѣшнее время отъ каждаго культурнаго человѣка, независимо отъ его профессіи, требуется знаніе хотя бы одного иностр. языка. Занимаясь по нашему изданію „АКАДЕМ. ИНОСТР. ЯЗЫК.", Вы имѣете возможность, между дѣломъ, въ короткое время изучить **франц., нѣмец. и англ. яз.** При составленіи курса положены въ основу всѣ новѣйшія указанія педагогики. Особое вниманіе обращено на то, чтобы сдѣлать каждую лекцію живой и занимательной, способной заинтересовать и увлечь учащихся. Курсъ усваивается легко, безъ напряженія, безъ скуки, безъ заучиванія наизусть и загроможденія памяти. Прочитавъ нашъ курсъ, Вы будете имѣть возможность вести переписку на иностран. яз., удовлетвор. объясняться и понимать живую рѣчь и читать безъ словаря любое произведеніе даннаго языка. Курсъ каждаго языка состоитъ изъ 10 томовъ. Всѣ тома вышли изъ печати. Цѣна тома 1 руб. (за налож. платежъ еще 20 коп.).

УЧИТЕСЬ РИСОВАТЬ.

Мнимая „неспособность" къ рисованію, о которой часто говорятъ, есть лишь предразсудокъ. Всякій нормальный человѣкъ надѣленъ средними художественными способностями, вполнѣ достаточными для того, чтобы при правильной системѣ преподаванія овладѣть техникой рисованія и живописи. Мы своимъ изданіемъ „Искусство для всѣхъ" (школа рисованія, живописи и прикладного искусства) даемъ возможность всѣмъ заочно научиться рисованію и живописи подъ руководств. лучш. педагоговъ для собствен. удовольствія или для какихъ-либо практич. цѣлей.

„ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ" 1) даетъ читателямъ тѣ теоретическія познанія, которыя необходимы для пониманія художествен. произведеній; 2) даетъ лицамъ, уже занимающимся рисованіемъ, тѣ познанія, которыя необходимы для того, чтобы сдѣлать рисунокъ грамотнымъ и художественно-правильнымъ; 3) даетъ своимъ читателямъ всѣ тѣ свѣдѣнія по техникѣ, теоріи и исторіи искусства, безъ которыхъ невозможно пониманіе художествен. произведеній; 4) даетъ своимъ читателямъ такую подготовку и техническія познанія въ области прикладного искусства, которыя открыли бы имъ возможность примѣнить свои познанія къ дѣлу, въ различныхъ и многочисленныхъ отрасляхъ художественной промышленности.

Изложеніе вполнѣ понятное и сопровождается множествомъ пояснительныхъ и образцовыхъ рисунковъ. Для художниковъ и учителей рисованія „Искусство для всѣхъ" является необходимой энциклопедіей, къ которой они могутъ обращаться за всякаго рода справками и указаніями.

При редакціи учреждена художественная комиссія, которая исправляетъ безплатно работы и даетъ совѣты и справки, относящ. къ области искусства. „ИСКУССТВО ДЛЯ ВСѢХЪ" издается подъ редакціей проф. Академіи Художествъ **А. В. Маковскаго** и **Вадима Лѣсового**, при участіи **И. Е. Рѣпина**, проф. **А. К. Киплика** и преподав. педаг. курсовъ при Академіи Художествъ. Изданіе состоитъ изъ 10 томовъ большого формата роскошно-иллюстр. красочн. и черн. рисунками. Цѣна кажд. тома съ перес. 2 р. 20 к. нал. плат.

Подробные проспекты высылаются безплатно.

Т-во „БЛАГО", С.-Петербургъ, Николаевская ул., 44—85.

Требуются агенты.

СПЕЦІАЛЬНО МАТЕРІИ ДЛЯ МЕБЕЛИ КОВРЫ, ПОРТЬЕРЫ, ТЮЛЬ, БАХРОМА, ШНУРЫ, АГРАМАНТЪ

ФАБРИК.
БР. БАЛАКИНЫ

МОСКВА, ИЛЬИНКА, ПРОТ. ГОСТ. ДВОР.
С. ПЕТЕРБУРГЪ, ЕКАТЕРИН. КАНАЛЪ
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ВСѢХЪ СОРТОВЪ И СТИЛЕЙ
ПРОДАЖА ПО ЦѢНАМЪ ФАБРИКИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

НОТНЫЕ МАГАЗИНЫ
Россійскаго Музыкальнаго Издательства.

МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 6. Тел. 217—07.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Морская, 11. Тел. 178—53.

Ноты и книги по всѣмъ отраслямъ музыкальнаго знанія всѣхъ русскихъ и иностранныхъ издательствъ.

Складъ собственныхъ изданій.

Постоянный складъ для Россіи изданій Брейткопфъ и Гертель.
Оптовые склады изданій: Н. Зимрокъ, Шлезингеръ (Р. Линау), Эрнстъ Эйленбургъ (карманныя партитуры).
Складъ духовно-музыкальныхъ сочиненій изданій Придворно-пѣвческой капеллы.
Оперы и либретто.—Постоянно всѣ новости.—Открытыя письма съ портретами выдающихся музыкальныхъ дѣятелей.—Свѣжія струны.—Нотная бумага
Комиссіонерство для г.г. иногороднихъ.

Заказы г.г. иногороднихъ покупателей исполняются быстро и аккуратно.

Отправка съ наложеннымъ платежемъ.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

СЕДЬМОЕ СОВЕРШЕННО ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНО РАСШИРЕННОЕ ИЗДАНІЕ

подъ редакціей профессоровъ Ю. С. ГАМБАРОВА, В. Я. ЖЕЛѢЗНОВА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, С. А. МУРОМЦЕВА (†) и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

Изъ содержанія XXIII—XXV томовъ: Кавказскія войны—**М. Н. Покровскаго.** Кавказъ—**проф. Д. Н. Анучина.** Кальвинизмъ—**проф. И. В. Лучицкаго.** Кантъ—**проф. Н. Н. Ланге.** Капитализмъ—**проф. В. Я. Желѣзнова.** Картографія—**проф. Д. Н. Анучина.** Кельтскіе языки.—**проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ.** Китай—**проф. А. И. Иванова.** Киты и китовый промыселъ—**проф. М. А. Мензбира.** Климатъ—**проф. А. И. Воейкова.** Ключевскій—**проф. А. А. Кизеветтера.** Кодификація—**проф. П. И. Люблинскаго.** Колебательное движеніе—**проф. О. Д. Хвольсона.** Колоніи—**П. П. Маслова.** Кольчатыя—**проф. М. А. Мензбира.** Комары—**проф. Г. А. Кожевникова.** Кометы—**проф. С. Н. Блажко.** Контъ—**проф. Н. Н. Ланге.** Кооперація на западѣ—**проф. М. И. Туганъ-Барановскаго.** Кооперація въ Россіи—**С. Н. Прокоповича.** Костомаровъ—**А. С. Лаушевскаго и проф. А. А. Кизеветтера.** Котики и котиковый промыселъ—**проф. М. А. Мензбира.** Крестовскій—**В. Л. Львова-Рогачевскаго.** Крестьяне въ Россіи до XVIII вѣка—**В. И. Пичета.** Крестьяне въ Россіи съ XVIII вѣка—**В. И. Семевскаго.**

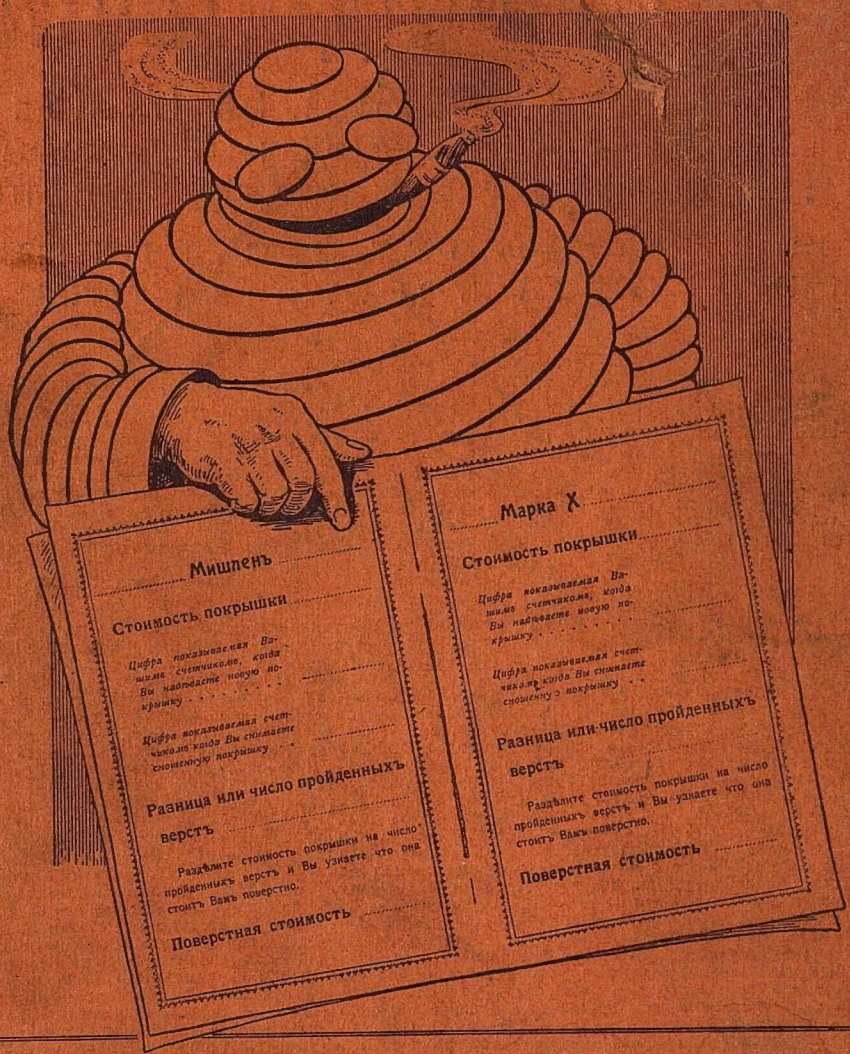
Изъ отзывовъ столичной печати: „Большинство статей, входящихъ въ словарь представляетъ вполнѣ оригинальныя работы, написанныя лучшими спеціалистами, и отличаются строгой научностью изложенія. Нѣкоторыя изъ этихъ статей разрослись въ обширныя монографіи. Такъ, въ восьмомъ томѣ начато печатаніе статьи М. М. Ковалевскаго объ исторіи Великобританіи, занявшей уже 468 столбцовъ и доведенной пока только до реставраціи Стюартовъ. Нужно ли говорить о томъ, насколько цѣнными являются подобныя статьи, высоко поднимающія настоящій словарь надъ уровнемъ изданій справочнаго характера и превращающія его въ своего рода библіотеку для самообразованія“ „(Русск. Вѣд.“, 1911, № 227). „Характеръ основныхъ статей Словаря отличается во вновь вышедшихъ томахъ такими же высокими достоинствами, какъ и въ предыдущихъ.. Превосходныя статьи К. А. Тимирязева, М. А. Мензбира, М. М. Ковалевскаго и многихъ другихъ авторовъ по своей содержательности далеко превосходятъ статьи на аналогичныя темы даже въ лучшихъ западно-европейскихъ энциклопедіяхъ“ (тамъ же, 1913, № 66). „Словарь т-ва Гранатъ является необходимой и прекрасной настольной книгой“ („Вѣст. Воспит.“, 1911, № 8). „Статьи... зачастую представляютъ собою обширныя монографіи, отличающіяся живостью и яркостью изложенія и читающіяся съ захватывающимъ интересомъ“ („Сѣв. Зап.“, 1914, № 1): „Его научно-объективное изложеніе не походитъ на формальный перечень данныхъ, принятый обыкновенно въ нѣмецкихъ энциклопедіяхъ... Эти условія выдѣляютъ „Словарь“ изъ ряда многочисленныхъ энциклопедическихъ изданій и дѣлаютъ его не только справочнымъ пособіемъ, но и собраніемъ чрезвычайно интересныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія“ („День“, 1913, № 47). „Историко-литературныя статьи... написаны наиболѣе авторитетными спеціалистами“ („Гол. Минувш.“, 1913, № 11). „...цѣлый рядъ статей крупной цѣнности, использовавшихъ всѣ матеріалы данной области и въ полной мѣрѣ удовлетворяющихъ и богатствомъ свѣдѣній, и мастерствомъ изложенія, руководимаго принципомъ, „чтобы словамъ было тѣсно, а мыслямъ (тутъ надо прибавить—и фактамъ)—просторно“ („Рѣчь“, 1912, № 49). „Изданіе ведется съ любовью, со знаніемъ дѣла, поставило себѣ прекрасныя цѣли, даетъ богатый матеріалъ“ („Современный Міръ“, 1913, № 1). „Совершенно исключительной особенностью этого изданія, выдѣляющей его изъ всѣхъ другихъ ему подобныхъ изданій у насъ, является поистинѣ роскошная внѣшность“ („Голосъ Современника“, 1912 № 5). „Иллюстративная часть далеко оставляетъ за собою все, что до сихъ поръ давалось подобными изданіями не только въ Россіи, но и за границей“ („Утро Россіи“, 1910, № 317). „Словарь вполнѣ заслужилъ тотъ широкій успѣхъ который онъ встрѣтилъ“ (Современное Слово“, 1913, № 1996).

Въ первыхъ **25-хъ** томахъ **помѣщено: 114 текстовыхъ приложеній** (1,802 стб.) и **496 художественныхъ приложеній** въ цѣлую страницу въ т. ч. **разборныя модели тѣла человѣка, головы и глаза и двигателя Дизеля**, 379 репродукцій въ краскахъ и 78 англійскихъ гелiогравюры—REMBRANDT INTAGLIO. **Географическія карты составятъ** особый **томъ-атласъ**, который будетъ снабженъ *подробнымъ указателемъ географическихъ мѣстъ* и ихъ расположенія.

Цѣна тома (при подпискѣ на все изданіе): удешевленнаго изд.—2 р. 30 к.; полнаго иллюстрир. изд. 3 р. 30 к. За переплетъ (по рис. ак. жив. Л. О. Пастернака) 50 к. За пересылку по дѣйствит. стоимости. По соглашенію съ конторой допускается разсрочка платежа. **Первые 10 томовъ вышли двумя повторными, стереотипн. изданіями** (8-мъ и 9-мъ), подготовляется новое (10-е) стереотипное изданіе ихъ. По желанію тома Словаря высыл. **для ознакомленія** (съ правомъ возврата).

ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ высылаются по требованію **БЕЗПЛАТНО.**

Т-во „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“ Москва, Тверской б., 15-Е. С.-Петербургъ, Моховая, 37.



Мы настолько увѣрены, что Шина Мишленъ лучше и экономичнѣе чѣмъ какая-либо другая, что готовы выслать Вамъ безплатно эту Счетную Книжку.

Это дастъ Вамъ возможность самому высчитать во что обходится Вамъ поверстно каждая изъ Вашихъ шинъ.

Затребуйте одинъ экземпляръ этой книжки у

Русскаго Генеральнаго Агентства Шинъ Мишленъ—Москва.